ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК РКП (б) ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и РКП (б)

1958

KH
65A
H72

НОВАЯ ЖИЗНЬ

ПЕРВАЯ ЛЕГАЛЬНАЯ С.-Д. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ГАЗЕТА

27 ОКТЯБРЯ — 3 ДЕКАБРЯ

1905 ГОДА

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
М. ОЛЬМИНСКОГО
И СО ВСТУПИТЕЛЬНЫМИ СТАТЬЯМИ
Л. КРАСИНА, М. ЛИТВИНОВА,
ИС. ГУКОВСКОГО и Е. СМИТТЕН

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

№№ 1—7

БИБЛИОТЕКА
Дома Партийного Просвещения
Политотдела 1-го Отдела
ГУГБ НКВД СССР

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД — 1925

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие. *М. Ольминский* V
Как возникла „Новая Жизнь“. *Л. Красин* VI
Страничка воспоминаний. *М. Литвинов* VIII
Из воспоминаний И. Э. Гуковского X
Из воспоминаний. *Е. Смиттен* XI
Листок Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. . . . . —

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 1.

С.-Петербург 1
„Большинство“ и „меньшинство“. *П. Румянцев* . . . 2
О народной милиции. *Б. Самойлов* 3
Свободные речи. *Н. Минский* 5
Русская печать. 6
Русскому рабочему. *К. Бальмонт* . . . . . —
Орел и курица. (Сказка.) *Е. Н. Чириков* . . . . . —
18 октября. *Тэффи* 7
Заметки о мещанстве. *М. Горький* . . . . . —
Москва 10
Телеграммы. 11
К вопросу о Совете Депутатов 13
Из записной книжки хроникера. *Л. Львов.* 14
Хроника. 15
В учебных заведениях 17
На фабриках и заводах. 19
Иностранная печать 21
Финляндия. *А. Г.* 22
Областной отдел . . . . . —

Приложение к № 1.

Программа Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. 24

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 2.

С.-Петербург 27
Какая „милиция“? *И. Г-г.* 28
Русская печать. 29
Впечатления. *А.* . . . . . —
Отрывки. Доверяем только милиции. *Леонид Галич.* . . 30
Г. Тан и „мобилизация общественных и народных сил“. *Н. Рожков* 31
Амнистия. *А. Г.* 32
Пчелки. *Тэффи.* . . . . . —
Рождение новой партии. *Евгений Чириков* . . . . . —
Борьба за власть. *В. Волгин* 34
„Союз союзов“. *Я. Л.* 36
Телеграммы. . . . . —
Москва 39
Союз „истинных“ фармацевтов 40
Воззвание Союза союзов. 41
Хроника . . . . . —
В учебных заведениях 44
Партийные резолюции . . . . . —
На фабриках и заводах. 45
Театр и музыка. 46

Стр.

В Кронштадте. Погром или восстание? 47
Готовящийся погром. Открытое письмо совета старост Петербургского университета . . . . . —
Рассылка прокламаций черной сотни все увеличивается. 48
Иностранный отдел. . . . . —
Польша. 49
Областной отдел. 50
Из провинциальной печати 51

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 3.

С.-Петербург. 53
Об организации. *Б. Радин* 54
Освобождение. *М. Таганский* 55
Рождение новой партии. *Евгений Чириков.* 56
Русская печать. 57
Впечатления. *А.* 58
Pro domo sua. *Н. Минский* 59
Ответ г. Рожкову. *Тан.* 60
В Кронштадте . . . . . —
Телеграммы. 61
Москва 62
Заседание думы . . . . . —
Правительственное сообщение. 63
От С.-Петербургского Агентства 64
От С.-Петербургского градоначальника . . . . . —
От собрания Союза союзов 3-х районов . . . . . —
Хроника . . . . . —
К погрому 66
Всеобщая политическая забастовка в Западной Европе. *И. Г-г* . . . . . —
Письма в редакцию 68
Из партийной жизни 69
Из жизни рабочих . . . . . —
Судебная хроника 71
Иностранный отдел. . . . . —
Польша и Литва 72
Областной отдел. . . . . —

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 4.

С.-Петербург 77
Пропаганда действием. *Д-он.* 78
Полемика. *П. Румянцев.* 79
Русская печать. 80
Заметки о мещанстве. *М. Горький* . . . . . —
Впечатления. *А.* 82
Телеграммы. 83
Москва 86
В Совете Рабочих Депутатов . . . . . —
Свидание Г. А. Лопатина с родными. *С. К-о* 87
Хроника. . . . . —
В учебных заведениях 89
К погрому 90
В обществе экономистов . . . . . —
Письма в редакцию 91
Из партийной жизни . . . . . —

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Профессиональные союзы . . . 92
Опасный параграф. *Хрусталев* . . . –
Из жизни рабочих . . . 94
Польша . . . 95
Областной отдел . . . 96

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 5.

С.-Петербург . . . 99
Кронштадтский суд . . . —
Об организации. *Б. Радин* . . . 100
О внеклассовой лжи и классовой истине. *Алексеев* . . . 101
Русская печать . . . 102
Подите прочь! *Н. Минский* . . . 103
Отрывки. *Леонид Галич* . . . 104
К делу об'единения. *Рядовой* . . . —
Москва . . . 105
Телеграммы . . . 108
О реальной политике. *Н. Рожков* . . . 112
Свобода печати. *В. Тотомианц* . . . —
„Черная сотня" в Западной Европе. *Б. И.* . . . 114
Патроны и патрон. *Тэффи* . . . —
Вопросы улицы. *Юрий Каменев* . . . 115
К крестьянскому движению в Гурии. *М. М. Ш.* . . . 116
Кронштадт . . . 117
Вопрос о милиции в Думе. *Л. Львов* . . . 119
Письмо в редакцию . . . —
Без цензуры. *Н. Адорин* . . . 120
Хроника . . . —
В учебных заведениях . . . 123
Из партийной жизни . . . 125
Из жизни рабочих . . . 126
Иностранный отдел . . . 129
Польша и Литва . . . —
Областной отдел . . . 130

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 6.

С.-Петербург . . . 135
Три сатрапии. *К. П—ов* . . . 136
Они становятся решительнее! *Юр. Каменев* . . . 137
Маска сброшена. *Б. Радин* . . . 138
Об организации. *Н. Менделеев* . . . 139
Русская печать . . . 140
Впечатления. *А. П.* . . . —
Телеграммы . . . 141
Москва . . . 142
Иные речи. *Л. Львов* . . . 143
Резолюция, принятая Советом Рабочих Депутатов . . . —
В Совете Рабочих Депутатов . . . 144
Хроника . . . —
Открытое письмо к товарищам. *Егор Юзов* . . . 146
В учебных заведениях . . . —
Из партийной жизни . . . 147
Профессиональные союзы . . . —
Из жизни рабочих . . . 149
Иностранная печать . . . 152
Польша и Литва . . . —
Областной отдел . . . 153

НОВАЯ ЖИЗНЬ № 7.

С.-Петербург . . . 157
„Послабление" крестьянам . . . 158
„Новая Жизнь" и союз в защиту свободы печати. *Н. Минский* . . . 159
Москва . . . 160
Телеграммы . . . 162
Второе свидание Г. А. Лопатина с родными. *С. К—о* . . . 164
Среди адвокатов *Л. Л.* . . . —
В учебных заведениях . . . 165
Профессиональные союзы . . . —
Об организации. *П. Н. Гвоздев* . . . 166
Памяти Павла Августовича Грожана. *А. Лукьянов* . . . 168
О профессиональном движении и о задачах социал-демократии. *М. Борисов* . . . —
О Совете Депутатов. *Рабочий К. Д.* . . . 169
К вопросу о реорганизации партии . . . 171
Революция и армия. *Б. Самойлов* . . . —
Русская печать . . . 174
Новые партии. *Тэффи* . . . 176
Отрывки. *Леонид Галич* . . . 177
Улучшение солдатской пищи. *Б. С.* . . . 178
К крестьянскому движению в Грузии. *М. М. Шах* . . . —
Письмо в редакцию. *М. Горький* . . . 180
Заседание думы . . . —
Хроника . . . —
К забастовкам . . . 182
В Совете Рабочих Депутатов . . . 183
От редакции „Известий Совета Рабочих Депутатов" . . . 184
Резолюции . . . —
Из жизни рабочих . . . 185
Иностранный отдел . . . 186
Польша и Литва . . . 188
Областной отдел . . . 189

Предисловие.

В настоящее издание входит социал-демократическая газета „Новая Жизнь“, издававшаяся в Петербурге (так назывался тогда Ленинград) в так называемые „дни свободы“, после октябрьской всеобщей забастовки, когда растерявшееся самодержавное правительство пошло на лицемерные уступки, возвещенные царским манифестом 30 (17) октября.

В короткие „дни свободы“ выходили: большевистская газета „Новая Жизнь“ и меньшевистская — „Начало“. Между обеими фракциями назревало об'единение, что нашло себе выражение в статье П. Румянцева „«Большинство» и «меньшинство»“ в № 1 „Новой Жизни“ и в отсутствии открытой полемики между обеими газетами.

После закрытия этих газет правительством, были попытки поставить газету под общей редакцией большевиков и меньшевиков: вышли „Северный Голос“, закрытый правительством на третьем номере, и „Наш Голос“, закрытый с первого же номера. Нужно заметить, что эти „об'единенные“ газеты носили довольно явственный меньшевистский оттенок, так как большевики были отвлечены конференцией, происходившей в Финляндии.

* * *

Газета „Новая Жизнь“ выходила с 9 ноября (27 октября по ст. стилю) по 16 декабря (3 декабря по ст. стилю) 1905 г. Всего вышло 28 номеров.

С 21 номера газета начала выходить под заголовком: „Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия“ и под лозунгом: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Настоящее издание выходит со следующими изменениями старого текста:

1) На газете обозначались числа по старому стилю; в настоящем издании добавлен и новый стиль.

2) Во избежание повторений, полный текст заголовка перепечатывается только в № 1 газеты. Условия подписки и приема рукописей к напечатанию, плата за об'явления, адрес конторы и редакции и время приема в них — во всех остальных №№ опускаются. Также опускается об'явление о выходе газеты ежедневно, кроме послепраздничных дней.

3) Дата указывается только в заголовке газеты.

4) Извещение: „В этом № 6 страниц“, находящееся под заголовком 5, 6, 9, 11, 12, 19 и 26 №№ газеты, в настоящем издании не приводится.

5) Об'явление об открытии подписки на „Новую Жизнь“, перечень сотрудников газеты, адрес главной конторы и отделений, встречающиеся почти в каждом номере, сохраняются только в первом номере.

6) Список сотрудников „Новой Жизни“, приведенный в № 1, постепенно увеличивался. С № 5 начали печататься имена: А. Гальперин, О. Дымов, Л. Ляндсберг, М. Лядов; из иностранцев: Г. Гроссман [1]), К. Каутский, К. Либкнехт, Р. Люксембург; № 6 — Поседов (Польша); № 10 — Юр. Каменев; № 12 — из иностранцев: Брак, Ж. Гед, Марсель Кашен, П. Лафарг; № 15 — из иностранцев: П. Луи, Рессель; № 18 — Алексинский, Алексеев, Волгин, Галерка, Линдов, Орловский, Рядовой, Самойлов.

С № 21 выбывает из списка сотрудников Л. Львов.

7) С № 18 об'явление о приеме подписки на „Новую Жизнь“ и перечень адресов старых и вновь открытых отделений, где принималась подписка, было дополнено:

„Подписка принимается с первого числа каждого месяца. На один месяц с пересылкой и доставкой за границу 1 р. 75 к. Наложенным платежем и в кредит газета не высылается. Отделения конторы и агентства: 1) *Москва, дом Баженова*, № 24, кв. 11; 2) *Киев*, д. М. Г. Виленского, Благовещенская, 30; 3) Одесса, у пом. прис. пов. Штильмана, Театральный, 15; 4) Харьков, у Александра Николаевича Грамматикова; 5) Рига, С. Файман, Мариинская, 18; 6) Вильна, Э. Голомб, Садовая, 7; 7) Казань, ред. „Волжского Листка“; 8) Лодзь, Дзельная, 7, представительство „Просвещение“; 9) Отделение в Екатеринославе, у Каплана, Упорная, 9.

За границей принимается подписка и продаются отдельные №№ в *Agence de la Presse Russe*: Париж, 11, *Avenue de l'Opéra*. Берлин, 101, *Friedrichstrasse*. Лондон, 77, *Lower Thames Street*. Е. С. Ницца, 13, *Promenade des Anglais*.

8) Об'явления о вечерах, концертах, спектаклях и лекциях в настоящее издание не вошли. Об'явления эти следующие: в № 4 — концерт в пользу семейств рабочих, пострадавших от забастовок; № 8 — спектакль в пользу рабочих, пострадавших от забастовок; № 12 — концерт в пользу семейств, пострадавших от забастовок; № 13 —

[1]) С 5-го по 11 номер включительно Г. Гроссман числится в списке иностранных сотрудников, а уже с № 12 — в списке русских сотрудников.

вечер в пользу политических амнистированных, устроенный комиссией по амнистии, избранной Союзом союзов и Обществом помощи политическим ссыльным и заключенным; № 19 — концерт в пользу семейств рабочих, пострадавших от забастовок; № 21 — спектакль в пользу освобожденных борцов за свободу; № 22 — концерт с благотворительной целью; № 23 — концерт в пользу пострадавших от стачек рабочих.

О лекциях: в № 6 — „О профессиональных рабочих союзах"; в № 17 — прис. пов. М. С. Маргулиеса „Тактика женщин в борьбе за достижение политического равноправия" (в пользу амнистированных); о серии лекций: „Общественно-политические течения и задачи современности с точки зрения народно-социалистического направления" и о лекции В. М. Викторова: „Аграрная программа социал-демократии"; в № 26 — о первых двух лекциях проф. Рейснера (Реуса) „О политических партиях в Германии".

9) Одно и то же об'явление, напечатанное во многих номерах газеты под-ряд, в настоящем издании сохранено только в том № газеты, где оно впервые напечатано, а именно: в № 4 — о выходе газеты „Начало"; № 12 — от рабочих Товарищества механического производства обуви; № 13 — от Федеративного Совета Петерб. Комит. и Петерб. Группы Р.С.-Д.Р.П.; № 20 — о выходе газеты „Еврейский Рабочий"; № 21 — о выходе газеты „Борьба"; № 22 — от комиссии о безработных; № 27 — о созыве IV с'езда Р.С.-Д.Р.П.

10) Совсем опущены: биржевой отдел, об'явления коммерческого характера, об'явления о спросе и предложении труда.

11) Адрес типографии приводится только в № 1 газеты.

В оглавление вошли только названия статей и отделов. В конце издания будут приложены предметный и именной указатели [1]).

Всю работу по подготовке газеты для настоящего издания выполнила, под моим наблюдением, научная сотрудница Истпарта А. Казовская.

М. Ольминский.

---

[1]) Все ошибки, имевшиеся в подлиннике, за исключением орфографических и мелких опечаток, сохранены и в настоящем издании.

Ред.

Как возникла „Новая Жизнь".

Расстрелы 22 (9) января 1905 года послужили началом под'ема революционного движения по всей стране. Протесты студенчества и различных общественных организаций, увеличивающееся количество стачек рабочих, уличные демонстрации, столкновения с жандармами, полицией и войсками, террористические акты, отдельные попытки восстаний против помещиков и царских чиновников, — все это давало картину нарастающего всенародного „бунта". И всякому сколько-нибудь проницательному наблюдателю было ясно, что страна на всех парах идет к революции.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия, разумеется, также учитывала в лице обоих ее крыльев надвигающееся событие и проделывала болезненный, но необходимый и благодетельный процесс внутреннего преобразования, выразившийся в резком разделении двух крыльев — большевистского и меньшевистского.

Агитация Ленина за партийный с'езд нашла свое завершение в созыве в Лондоне третьего с'езда партии, который был первым с'ездом отделившейся от меньшевиков большевистской партии. На этом с'езде вполне ясно и отчетливо были формулированы основы большевистской тактики по всем главнейшим вопросам и, в частности, поставлен и разрешен вопрос о народном восстании, о временном революционном правительстве,—все вопросы, определявшие на много лет тактику большевистской партии и способствовавшие ее славной Октябрьской победе в 1917 году.

На третьем с'езде был избран Центральный Комитет и Центральный Орган Партии. Технически-организационное ядро Центрального Комитета было послано в Петербург для налаживания работы во всероссийском масштабе. Тов. Ленин, как редактор Центрального Органа, с другими товарищами-литераторами до поры до времени оставался в Женеве и руководил оттуда политической работой Центрального Комитета.

В Петербурге с лета 1905 года в качестве постоянного бюро Центрального Комитета пришлось работать пишущему эти строки (под кличкой „Никитич"), тт. П. П. Румянцеву и А. А. Богданову („Рядовому"). Все увеличивающийся под'ем общего возмущения против царского режима, в связи с выступлениями народных масс и все более и более смелыми выступлениями печати, поставил на очередь и для нашей Партии вопрос, если не о выходе из подполья (особыми иллюзиями на счет „весны" большевики никогда не отличались), то, по крайней мере, о подготовке своей собственной легальной газеты, которая при первой к тому возможности, по крайней мере, могла бы осведомлять Партию о всех событиях, организовывать и об'единять силы и вовлекать в движение широкие массы.

Так как другие товарищи-цекисты, находившиеся на работе в самой России, были заняты постоянными раз'ездами или сидели в областных центрах, то вся подготовительная работа пала на нас троих.

К тому времени наша Партия имела уже довольно хорошо налаженные финансовые и технические связи, располагала довольно широким кругом сочувствующих в различных слоях общества и среди оппозиционной буржуазии, и, опираясь главным образом на эти связи, мы приступили к организации большой большевистской легальной газеты.

Ближайшими помощниками нашими в этом деле были А. М. Горький и М. Ф. Андреева, через посредство которых удалось связаться с рядом необходимых для предприятия лиц. Первая задача была в том, чтобы найти таких лиц, в распоряжении которых имелось разрешение на издание газеты. В то время получить такое разрешение было очень трудно, так как основным условием являлась „благонадежность". А чем благонадежнее был редактор, тем, конечно, труднее было склонить его на совместную с нами работу, тем труднее было обеспечить нашим собственным

партийным редакторам возможность сделаться действительными хозяевами и распорядителями газеты. Помимо идейных разногласий здесь играло роль еще и то весьма реальное обстоятельство, что за каждую резкую или неугодную цензуре статью и даже просто за „направление" газеты ответственный ее редактор весьма легко мог очутиться в тюрьме или в ссылке без суда, распоряжением административной власти.

После долгих поисков и безуспешных попыток получить разрешение на имя какого-либо из наших товарищей или близких нам друзей из разночинской братии (адвокатов, врачей и т. д.), дававших нам явки и прибежище нашим нелегальным товарищам, мы наткнулись на литератора и поэта Н. М. Минского. Он имел разрешение на издание газеты и по своему умонастроению в то время был склонен пойти на такое довольно рискованное предприятие, как совместное издание газеты с весьма мало известной ему группой каких-то социал-демократов, рекомендованных ему Горьким. П. П. Румянцев, правда, пользовался некоторой известностью по своим работам в земской статистике, а А. А. Богданов уже тогда был известен в легальной печати как экономист.

С большим трудом, после ряда размолвок, грозивших сорвать все дело, удалось кое-как сколотить редакцию с привлечением А. М. Горького, Н. М. Минского, З. Венгеровой, Тэффи, Габриловича (Галича) и, с нашей стороны, Ленина, Воровского, Ольминского, Румянцева, Богданова и Красина. Компания получилась пестрая, — и когда теперь я смотрю на пожелтевшие листы „Новой Жизни", где в числе сотрудников, на-ряду с Н. Лениным, Луначарским, Лядовым, Покровским, Ольминским, Гольденбергом, Каменевым, красуются не только имена отошедших от нас впоследствии, в процессе дальнейшего развития революции, марксистов [1]), но и имена таких реакционеров и белогвардейцев, как Чириков или Бунин, трудно удержаться от улыбки перед этой своеобразной гримасой жизни. Как бы то ни было, господа Бунины, Бальмонты, Чириковы повинны в участии в первой большой легальной большевистской газете и таким образом внесли, сами того в то время не подозревая, свою лепту и в подготовку великого Октября.

К финансированию нами был привлечен известный в то время беллетрист Н. Гарин, который тогда сочувствовал нашей Партии и дал некоторые суммы на постановку газеты.

Организовать такую газету в то время — особенно если принять во внимание наши в общем жалкие средства — было не так-то просто. Типографии с ротационными машинами имелись лишь у богатых газет. Первое, о чем пришлось думать, это — о покупке собственной ротационной машины. При посредстве некоего комиссионера Гольдберга нам удалось найти подержанную ротационную машину фирмы Кениг, — и начало собственной типографии было этим заложено. Надо было думать, однако, и о том, как легализовать довольно значительную торговую и хозяйственную работу в связи с изданием газеты, тем более, что у нас в то же время были и другие издательские планы, вплоть до издания популярной литературы, листовок, а в известный момент — и просто прокламаций и воззваний. Решили создать особую издательскую фирму (товарищество) под названием „Дело", причем в качестве ответственных пайщиков пришлось приглашать лиц, обладающих полной легальностью и известным „общественным" положением, которые обеспечивали бы получение разрешения (требовалось разрешение и на это), и в то же время таких, которым не только можно было бы доверить деньги, но которые не были бы на нас в особой претензии, если бы довелось в связи с нашими изданиями и другими коммерческими начинаниями и посидеть немного в тюрьме.

Издательницей нашей газеты мы назначили М. Ф. Андрееву, а товарищество „Дело" было организовано в составе М. И. Бруснева (отбывшего к тому времени 5 лет „Крестов" и 8 лет ссылки в Верхоянске, основателя первых социал-демократических кружков в Петербурге), С. Б. Красиной-Лушниковой и М. И. Мухиной, владелицы меблированных комнат на Мойке, сочувствовавшей почему-то большевикам. На углу Фонтанки и Гороховой, в только что отстроившемся новом доме, мы наняли помещение для типографии и начали устанавливать машину.

Чтобы не задерживать печатания газеты, мы вошли в соглашение с типографией „Народная Польза", в которой и напечатаны были все номера „Новой Жизни".

Большую трудность представляло снабжение газеты бумагой при малом коммерческом опыте тогдашних партийных организаций и деятелей; кое-как удалось наладить получение бумаги в кредит, без чего молодая газета не могла встать на ноги. Такую же трудность представляла для нас тогда организация об'явлений, рассылка газеты по провинции и постановка розницы в самом Питере и в Москве.

Приготовление к изданию газеты, отыскание квартиры (на Невском 68, около Аничкова моста), организация редакции, установление связи с заграницей и с провинциальными корреспондентами, — все это требовало значительного времени. И мы не успели выпустить первого номера газеты, как уже грянула всеобщая забастовка, и революция 1905 г. официально была подтверждена царским манифестом.

18 октября народные массы Петербурга с красными флагами заполнили улицы и приветствовали свободу. Царское правительство, одной рукой вывешивая манифест о свободах, другой организует черносотенцев и хулиганов и высылает против толп, заполняющих улицы, войска и казаков. Трепов издает приказ не жалеть патронов. Об'является амнистия. Печать на некоторое время получает фактическую свободу. Центральный Комитет и местные комитеты нашей Партии используют положение, раз'ясняют массам непрочность дарованных царем свобод [1]), призывают использовать открывшиеся возможности для усиления агитации, пропаганды и организации народных масс и в первую очередь — рабочих. Раз'ясняют необходимость готовиться к вооруженной борьбе, создавать боевые дружины, заготовлять оружие, завязывать связи в войсках.

Можно себе представить, с какой лихорадочной поспешностью наша группа закончила предварительную работу, чтобы как можно скорее выпустить газету, необходимость которой стала в сто раз более настоятельной.

[1]) Как Румянцев или Богданов.

[1]) См. листок Ц.К. от 18 октября, приложенный к настоящему изданию.

Первый номер „Новой Жизни“ появился в четверг, 9 ноября (27 октября по старому стилю). В редакцию, как сказано выше, кроме буржуазных литераторов, вошли со стороны нашей Партии товарищи: Ленин, Румянцев, Богданов, Красин.

Фактическое участие тов. Ленина в „Новой Жизни“ началось еще до приезда его в Россию, но вплотную в работу он вошел только по приезде в Петербург.

Только те из старых товарищей, которые по своему собственному опыту знают, с какими огромными чисто техническими трудностями была связана нелегальная партийная работа в дореволюционное время, поймут, каким громадным приобретением для нашей Партии и для всего дела революции была эта первая большая, легальная партийная газета. Мы впервые получили возможность с широкой всенародной арены обращаться к рабочему классу и к крестьянам. Уже не в листках, передаваемых из рук в руки, не в истрепанных номерах заграничных газет, проникших конспиративно в Россию, а в ежедневных номерах столичной легальной газеты мы открыто могли давать массам лозунги, учить рабочих и крестьян организовываться, подготовлять дальнейшее сопротивление, готовиться к восстанию. Разумеется, всем нам было известно, что свобода печати не гарантирована ничем, и поэтому во всякий момент мы должны были опасаться дальнейших урезываний прав нашей газеты. Тем интенсивнее нужно было использовать те дни, во время которых газета фактически выходила без особых стеснений.

Владимир Ильич был главным редактором, и все политические директивы вырабатывались в первую очередь им. Он использовал газету и для непосредственной организации нашей Партии. Так, в № 13 газеты от 15 ноября находим его статью об организации Партии, где он с полной определенностью указывает те пути, которыми прошло развитие нашей Партии.

Отмечу здесь практическое значение „Новой Жизни“ и ее редакции и контор, а также типографии, как центров, около которых группировалась партийная работа. В дореволюционное время нелегальному революционеру для того, чтобы получить возможность повидать своих товарищей в городе, куда он только что приехал, приходилось тратить часы и дни на хождение по явкам с паролями, с десятками всяких предосторожностей. С открытием контор и редакции газеты эти учреждения превратились в явочные пункты для всех товарищей, являвшихся в Питер по партийным делам. И в редакции и в конторе была, как говорится, „нетолченая труба“ всякой партийной публики. Придя туда, вы могли видеть в уголку Надежду Константиновну Крупскую с ее неизменными записочками и бумажками, окруженную толпой приезжих, которые получали от нее адреса, справки, явки, указания и т. д. В других углах той же комнаты вы встречали товарищей с Кавказа, из Сибири, из Иваново-Вознесенского района, приехавших за литературой, за партийными директивами, привезших корреспонденцию или явившихся за получением шифра, материалов для провинциальных типографий и т. д.

В первое время после выхода газеты партийные явки в стенах ее контор действовали легально. По мере того, как революция шла на убыль, конечно, эта сторона деятельности газеты начала увядать. В интересах самосохранения, мы постепенно прекращали доступ широкой партийной публики в помещение газеты, подыскивая другие центры и в особенности широко используя создавшиеся к тому времени связи на фабриках и заводах.

Наша большевистская Партия с самого начала „свобод“ не особенно увлекалась ими, и наступившая реакция не застала нас врасплох: мы не растеряли накопленных в подполье конспиративных навыков. Увлечение свободами, если и было, то разве только в области типографской. Мы не только устроили типографию для большой газеты и арендовали большую типографию на Ивановской улице, но и перевели на легальное положение знаменитую подпольную типографию из Баку. За это пришлось поплатиться, так как при арестах и разгроме всех революционных организаций нам пришлось лишиться довольно ценного имущества...

Л. Красин.

Страничка воспоминаний.

В начале ноября (по старому стилю — конце октября) 1905 года я неожиданно получил от Л. Б. Красина предложение заняться постановкой легальной социал-демократической газеты „Новая Жизнь“. Незадолго перед этим я приехал из Риги в Петербург для подпольной работы. Проживал я там по паспорту инженера Людвига Вильгельмовича Ница, ибо к октябрьской амнистии я отнесся с большевистским недоверием. Не было также уверенности в том, что все мое прошлое покрывается амнистией, так как охранка обвиняла меня в насилии над часовым при побеге из киевской тюрьмы. Нелегальный подпольщик в роли фактического издателя большой ежедневной газеты — положение, не лишенное пикантности. В прошлом я имел отношение к подпольным печатным станкам, заведывал также экспедицией и типографией „Искры“ в Женеве. Соблазнительно было приложить руку к делу постановки первого легального социал-демократического органа, и я предложение Красина принял. То же предложение было за несколько дней до этого сделано И. Э. Гуковскому; но дело у него как-то не клеилось, поэтому решено было его назначить секретарем редакции, а административно-издательскую часть поручить мне.

Хлопоты о даче разрешения на издание газеты потребовали бы слишком много времени, а поэтому решено было воспользоваться разрешением, имевшимся у поэта Минского, который, таким образом, должен был фигурировать в качестве ответственного редактора. Нужно было также легальное лицо в роли официального издателя газеты — и таковым была намечена М. Ф. Андреева. Финансовые заботы взял на себя М. Горький.

Я немедленно отправился в Москву для обсуждения ряда финансовых вопросов с Горьким, а также для получения доверенности от Андреевой. Вернувшись из Москвы 8 ноября (26 октября), я получил задание выпустить

первый номер газеты на следующий же день. Было заключено временное соглашение с типографией „Народная Польза“ на Коломенской; помещение для конторы было снято на Невском; но ни мебели, ни штата служащих, ни экспедиции, ничего решительно не было подготовлено. Пришлось наскоро купить мебель, привлечь из районов основной кадр сотрудников, а экспедицию поручить партийному переплетчику Каплану, который, к сожалению, взялся за это дело, не справившись со своими силами и знаниями.

Фактическим первым редактором был назначен П. П. Румянцев, а заведующими отделами — внутренним, иностранным, хроники и т. д. — Б. Авилов, Л. Габрилович (Галич), В. Ксандров, К. Платонов, Тэффи и др. Администрация была составлена из Л. Б. Красина, Гуковского и меня.

Петербургскими рабочими и широкой публикой выход первого номера первой легальной социал-демократической газеты ожидался с нетерпением. Это нетерпение еще увеличилось, когда стало известно, что с первым номером будет разослано бесплатное приложение — программа Партии. С раннего утра контора на Невском стала осаждаться народом. Типография работала чрезвычайно медленно и за ночь успела выпустить всего около 15.000 экземпляров, которые были буквально вырваны из рук курьеров при доставке их в контору. Печатание пришлось продолжать в течение всего дня и экземпляры раздавать по мере поступления их в контору.

Об организации продажи газеты через разносчиков в этой суматохе не могло быть и речи, и рабочим из районов приходилось посылать на Невский своих уполномоченных для получения газеты. То же повторилось и в следующие дни. Типография оказалась не в состоянии удовлетворить спрос. Экспедиция не была еще налажена, и подписчики из провинции, за исключением Москвы, первых номеров газеты не получали. Подписка поступала в контору ежедневно тысячами. Почтовые переводы доставлялись корзинами. Из провинции посылались телеграфно горячие мольбы о высылке газеты. Не зная подписной цены, многие подписчики посылали сотни рублей по телеграфу, умоляя высылать газету по любой цене.

В конторе работала преимущественно партийная публика, с техникой газетного дела не знакомая, и коэффициент полезного действия был не очень высок. Больше всего приходилось страдать от неумелости экспедитора. Самому мне приходилось работать по 20, а иногда по 24 часа в сутки. В течение 10 дней удалось, однако, связаться с новой добавочной типографией, наладить аппарат экспедиции, привлекши к этому делу опытных людей, пересортировать сотрудников в конторе, уплотнив их приглашенными из других газет спецами, выработать договоры с артелями по разноске газет, зарегистрировать газету на почтамте, организовать сеть специальных разносчиков для рабочих районов и сдать в аренду газетные об‘явления.

Аппарат продолжал еще некоторое время работать с перебоями. Выпуск газеты часто запаздывал к отходу почты вследствие того, что приходилось печатать в двух типографиях — наружный лист в одной, а внутренний в другой, — и вследствие того, что ни контора, ни экспедиция не могли справиться с все увеличивавшимся спросом на газету. Чинил препятствия и почтамт, вследствие чего на вокзалах днями оставались неотправленными тюки газеты. Жаловались подписчики, что почтовые чиновники и почталионы вынимали газету из бандероли для собственного чтения.

В провинции составлялись кружки для коллективной выписки „Новой Жизни“. Наживались спекулянты, доводившие цену отдельного номера в провинции до одного рубля и выше. Через месяц, однако, почти все дефекты были устранены, и аппарат стал работать настолько нормально, что, когда в Петербурге было созвано совещание всех администраторов ежедневных газет для выработки общих мер борьбы с почтамтом, полицейскими властями и спекулянтскими газетными артелями, я был выбран постоянным председателем этого совещания. Это означало известную дань уважения к постановке нашей газеты.

Оборотный капитал газеты составляли те 15.000 рублей, которые я получил вначале от М. Горького. Эта сумма ушла на первоначальное оборудование газеты, и в дальнейшем газета полностью окупалась подпиской и об‘явлениями. Отдел об‘явлений был сдан конторе Метцль, если не ошибаюсь, за 3 — 4 тысячи в месяц, при чем мы оставили за собой право на бесплатное печатание партийных об‘явлений. Некоторую финансовую поддержку оказывали писатель Чириков и артистка Яворская ежедневными отчислениями от ставившейся последней пьесы Чирикова (кажется, „Евреи“). Такую же поддержку оказывала и Комиссаржевская. Но и без этой поддержки газета не только могла бы существовать, но и приносить Партии крупный доход, несмотря на сравнительно высокие оклады, которые получали буржуазные редактора и сотрудники газеты.

Газета вскоре стала центром партийной жизни в Петербурге. В конторе устраивались партийные совещания, собрания, свидания, явки и пр. Становилось тесновато, и пришлось выселить редакцию в другое помещение, снятое на Троицкой улице.

В контору часто приходили рабочие, крестьяне, обыватели с устными жалобами на притеснения начальства. Являлись чиновники, офицеры и даже полицейские — каяться и исповедываться в своих прошлых грехах и заверять в своих симпатиях к социал-демократии. Между прочим, о предполагавшемся окружении и задержании Петербургского Совета Рабочих Депутатов я получил с утра предупреждение лично от гвардейского офицера, явившегося в контору газеты.

Приезд в Петербург Ленина сразу внес большие изменения в составе редакции. Владимир Ильич не мог мириться с тем влиянием, которое пыталась проводить в газете группа Минского, пользуясь своим формальным правом собственности на газету. Владимир Ильич поставил вопрос ребром, и редакция целиком перешла в руки Ц. К. Владимир Ильич с тех пор принимал самое деятельное участие в газете, и частенько я видал его во втором и в третьем часу ночи в типографии, просматривающим последние корректуры своих статей.

После напечатания „Манифеста“ (см. № 27 газеты) газета была закрыта. Распоряжение полиции было получено в типографии поздно ночью, и по соглашению с наборщиками и печатниками мы решили выпустить

последний номер вопреки запрещению. Администрация типографии запротестовала, и ее пришлось заарестовать, заперев на всю ночь в одной из комнат типографии. Отпечатанный номер газеты был отправлен не в экспедицию, а непосредственно в районы через вызванных оттуда партийных работников. Утром полиция должна была констатировать успешное распространение запрещенного номера.

Контора на Невском продолжала еще работать некоторое время для ликвидации дел. Когда я явился раз в контору, швейцар шепнул мне на ухо, что меня желал видеть какой-то сыщик. На мой вопрос, что сыщику угодно от меня, швейцар ответил, что он хотел справиться, работают ли у нас в качестве сотрудников лица, отмеченные им в оставленной швейцару записке. Взглянув на записку, я прочитал свою настоящую фамилию, настоящую фамилию нелегальной сотрудницы „Мышь“ (Лалаянц), а также фамилию моего секретаря, Е. Г. Сми́ттен.

Охранке, повидимому, до самого конца не удалось расшифровать меня, и она собиралась у меня же справляться обо мне самом. Я решил не испытывать больше судьбу и, велев швейцару направить сыщика ко мне, если он явится, отправился в свой кабинет, собрал все необходимые бумаги и черным ходом вышел на улицу, чтобы больше в этом здании не появляться. Через несколько дней я покинул Петербург, получив от Ц. К. новое назначение. Из газет я потом узнал, что в конторе через несколько дней был произведен обыск, при чем было будто бы обнаружено оружие. Было возбуждено дело в суде против М. Ф. Андреевой, Гуковского и меня. Если не ошибаюсь, на суде фигурировали Андреева и Гуковский, а в отношении меня дело было отложено.

М. Литвинов.

Москва.
25 ноября 1924 г.

Из воспоминаний И. Э. Гуковского.

В Петербург я прибыл в сентябре 1905 г., когда всеобщее забастовочное движение уже началось. В это время предполагалось сделать попытку издавать легальную марксистскую газету. Разрешение на газету под названием „Новая Жизнь“ уже было получено. Официальной издательницей числилась М. Ф. Андреева, а официальным редактором — поэт Минский. В редакцию, кроме Минского и связанных с ним Галича и Тэффи, в то время также изображавших из себя марксистов или марксиствующих, должны были войти П. П. Румянцев, А. А. Богданов (Малиновский) и Л. Б. Каменев; в качестве сотрудников предполагалось привлечь всех большевистских литераторов. Финансовой частью заведывал Л. Б. Красин, а мне было предложено занять место секретаря редакции, на что я охотно согласился. Пока шли переговоры, дела было немного: в виду все нараставшего революционного движения в Питере и во всей России, все были настолько заняты, что окончательное открытие газеты откладывалось со дня на день.

На 30 (17) октября в квартире Румянцева было назначено собрание большевистской части редакции. Я застал там только Богданова и его жену. Только около 11 часов вечера пришли все остальные и принесли с собой отпечатанный на мимеографе октябрьский манифест. Ни одна типография в тот день из-за забастовки не могла его отпечатать.

Насколько я помню, на этом собрании, кроме меня и Богданова, были: Румянцев, Красин, Базаров и, кажется, Б. В. Авилов. Было решено принять самые срочные меры к возможно скорому выпуску газеты, а также был составлен от имени Ц. К. Партии листок к рабочим, призывавший их продолжать борьбу и предупреждавший, что манифест далеко еще не есть победа рабочего класса [1]).

Мне было поручено заняться приисканием помещения и всего необходимого для скорейшего издания газеты. Пришлось с утра следующего дня экстренно заняться этим делом. 9 ноября (27 октября) вышел первый номер „Новой Жизни“; в виде приложения к номеру была дана программа Р.С.-Д.Р.П.

Типография наша была не особенно мощной, и газету приходилось печатать в течение целого дня. Тираж был 60 — 80 тысяч экземпляров. Больше типография не в состоянии была выпускать.

Газета должна была выходить ежедневно. Но благодаря систематическим преследованиям со стороны полиции и юстиции, ежедневно выпускать газету не удавалось. За время с 9 ноября по 16 декабря, когда газета была закрыта окончательно, удалось выпустить 28 номеров. Редкий номер газеты не давал повода к привлечению редактора к ответственности. Меня, в качестве официального секретаря редакции, вызывали к следователю по важнейшим делам, и между нами происходил диалог приблизительно следующего содержания. Следователь, пред'являя мне номер газеты, спрашивал, с целью ли распространения был выпущен этот номер. Я отвечал, конечно, утвердительно. „В каком количестве был распространен номер?“ — спрашивал следователь. — „60 — 80 тысяч“, — отвечал я. — „Кто автор такой-то статьи?“ — Ответ: „Это тайна редакции“. — „И вы не скажете?“ — „Нет.“ — „Так что отвечает редактор?“ — „Да“. — Этим кончалось.

15 декабря газета была закрыта. Было решено попытаться издать новую газету, уже совместно с меньшевиками, так как одновременно было закрыто и „Начало“. Издали газету „Северный Голос“. Ее закрыли после третьего номера. Издали „Наш Голос“, закрытый после первого номера. К этому времени Совет Рабочих Депутатов был разогнан. Президиум его арестован. Московское восстание подавлено. Реакция торжествовала по всей линии. Редакция рассыпалась, члены ее раз'ехались в разные стороны, а контора осталась для ликвидации всякого рода расчетов.

Ис. Гуковский.

[1]) Очевидно, именно этот листок печатается в настоящем издании, — помеченный 18 октября.

Из воспоминаний.

В „Новой Жизни“ я была помощницей заведующего конторой газеты. Заведывал же конторой и всей коммерческой стороной дела тов. Литвинов, именовавшийся тогда „Людовигом Вильгельмовичем“.

Не помню, каков был тираж газеты. Во всяком случае главный кадр подписчиков составляли рабочие. Были заводы, как петербургские, так и провинциальные, которые подписывались на несколько десятков экземпляров. Зачастую подписчики, преимущественно из рабочих, обращались в редакцию с трогательным выражением своей радости по поводу выхода в свет рабочей газеты. Обращались с просьбой об указании, „что читать рабочему“. Были и другие запросы. Вспоминаю случаи присылки вместе с подписной суммой денег на „общее рабочее дело“. В редакции и в конторе газеты вечно толпился народ — преимущественно рабочие.

Е. Смиттен.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

18 октября 1905.

К русскому народу.

Граждане! Борющийся пролетариат России победил. Невиданная в истории забастовка миллионов рабочих остановила всю общественную жизнь страны, и самодержавие, расшатанное девятимесячною отчаянной борьбой революционного народа, признало себя побежденным. Царь пуль и нагаек, царь тюрем и виселиц, царь шпионов и палачей подписал манифест о конституции, о правах народа [1]).

Дорогою ценою, кровью и голодом революционного народа куплена эта победа. Пусть же, торжествуя победу, он сумеет правильно ее оценить, чтобы разумно воспользоваться ею.

Царь говорит о свободе, о правах граждан, об участии народа в управлении страной. Верить ли царю?

Нет! Исконный враг народа, побежденный его силою, не мог стать его другом. Лжи и лицемерия, уверток и ловушек полны обещания царя и его руководителя — министра Витте.

Народу необходимо народное правление. Оно должно быть установлено самим народом в его Учредительном Собрании, созванном на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайной подаче голосов. Что же дает царь?

В свою Государственную Думу — Думу помещиков, капиталистов и кулаков — он обещает „по мере возможности“ допустить выборных и от остального народа. Разве это то, что надо? Нет! Ясно, что это значит. Царь хочет сохранить большинство в Думе для своих друзей, он хочет, чтобы народ в ней был бессильным меньшинством.

Царь ссылается на краткость срока до созыва Думы: ему, будто бы, нет времени лучше ее переделать. Явная ложь! Гораздо скорее и легче устроить выборы со всенародным голосованием, чем с нелепым опросом и проверкой, у кого сколько земли и денег для выборного ценза, и с нелепым выбором от избирателей — уполномоченных, от них — выборщиков, от них — депутатов. Царь просто хочет иметь в Думе „по мере возможности“ меньше представителей от народа.

Этой Думе царь дает часть своей законодательной власти, ей поручает он надзор за чиновниками, она должна выработать новое избирательное право. Может ли народ верить, что эта Дума, где высшие классы — в боль-

---

[1]) *От редакции.* Приводим текст царского манифеста:

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ
мы, Николай вторый,
император и самодержец
Всероссийский
царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая,
и прочая, и прочая.

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях Империи нашей великой и тяжкой скорбью преисполняют сердце наше. Благо российского государя неразрывно с благом народным, и печаль народная—его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству державы нашей.

Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев надлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, и охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы, для успешнейшего выполнения общих преднамечаемых нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым об'единить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли:

1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2) Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующем краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку,

и 3) установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира в родной земле.

Дан в Петергофе в 17 день октября, в лето от рождества Христова тысяча девятьсот пятое, царствования же нашего одиннадцатое.

На подлинном собственною его императорского величества рукою подписано:

„Николай“

шинстве, где народ — в меньшинстве, что она установит такие законы, такой надзор за чиновниками, такое избирательное право, какие нужны народу? Ответ ясен: нет, такая Дума сделает все, чтобы дать как можно больше силы и права высшим классам, как можно меньше — народу.

Царь обещает гражданам свободу слова, совести, собраний, союзов, неприкосновенность личности... И тут же министр в своем докладе прибавляет, что необходимо ограничить эту гражданскую свободу, сколько потребуется для порядка и спокойствия, и вводить ее постепенно, потому что народ, будто бы, к ней „не привык". Но ведь „для порядка и спокойствия" царь и его слуги и до сих пор „ограничивали свободу" своими штыками и нагайками, к которым народ, по их мнению, очевидно, вполне „привык". Насколько же теперь будут они „ограничивать свободу?" Ответ ясен: как можно больше, насколько сила позволит.

В России до сих пор царствует сословный строй, который дворянам дает одни права, купцам — другие, крестьянам и рабочим — третьи, вернее, никаких. Этот строй выгоден помещикам и капиталистам, ненавистен народу. Ни царь, ни министр не говорят ни слова об отмене сословного строя. Почему? Ответ ясен: они хотят его сохранить.

Тысячи бойцов за свободу, за народное дело томятся в тюрьмах и ссылках. Царь не упоминает ни словом об их освобождении. А министр говорит только о том, что будет „противодействовать" тем, кто опасен для порядка. Но ведь опасными для порядка царь и его слуги считают всех, кто борется за свободу, всех сознательных рабочих и крестьян, всех социал-демократов и других революционеров. Что же означает молчание царя и угроза министра? Ответ ясен: они хотят и впредь держать в тюрьмах и ссылках всех работников народного дела, всех бойцов за народные интересы.

Царь и министр лгут и лицемерят, и верить им нельзя. Они хотят успокоить народ бумажной конституцией и втихомолку отнять у него то, что ему наобещали. Они хотят столковаться с высшими классами и сохранить за собой военную силу, чтобы сообща подавлять народ.

Победа одержана, но этого мало. Чтобы упрочить за народом завоеванные права, чтобы добиться новых, ему нужны не бумажные обещания, а действительные обеспечения, надежные гарантии.

Первая гарантия — немедленное вооружение народа, немедленное снятие военного положения и усиленной охраны во всех городах и местностях, где они установлены; немедленное удаление оттуда войск, увольнение и отдача под суд всех чиновников, запятнанных насилиями над народом, грабительством и кровопийством. Это—гарантия того, что народная свобода и народные права не будут отняты насилием.

Вторая гарантия — немедленный созыв Учредительного Собрания, представителей народа, выбранных путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, собрания, наделенного всей полнотою власти для установления нового порядка. Это—гарантия того, что новый порядок будет установлен в интересах народа — самим народом.

Третья гарантия—отмена сословного строя. Это—гарантия действительной равноправности граждан и действительной свободы выборов.

Четвертая — 8-часовой рабочий день для всех рабочих. Это—гарантия того, что рабочий класс, своей самоотверженной борьбою свергнувший старое самодержавие и положивший начало свободе, будет иметь время и возможность деятельно участвовать в политической борьбе и политической работе страны.

Пятая гарантия — немедленная и полная амнистия всем политическим ссыльным и заключенным. Это—гарантия того, что борьба за свободу впредь не будет признаваться преступлением.

Товарищи! Эти гарантии необходимо завоевать, их нет — борьба должна продолжаться!

Товарищи! Забастовка нам еще нужна, нужна, чтобы враги видели, что нас нельзя успокоить бумажкой, что вы хотите иметь действительные права и действительную силу. Забастовка нужна и для того, чтобы вы теперь же, на свободе, в собраниях и на митингах, обсудили свое положение и свои требования, свои силы и свои способы борьбы, до каких пор продолжать стачку и когда ее кончать. Вы должны столковаться, чтобы вести дело дружно, вместе бастовать и вместе кончать: в единстве действий—ваша сила.

Товарищи-рабочие! Чтобы быть политической силой, рабочий класс должен организоваться в рабочую партию. Эта партия — социал-демократия.

Социал-демократия ведет борьбу за свободу и лучшее будущее рабочего класса и всего человечества. Она призывает вас не верить царскому правительству и вооружаться, чтобы силой отстаивать свою свободу, потому что настоящей свободы царское правительство дать не может. Она ставит первой целью русской революции настоящее народное правление — демократическую республику — и 8-часовой рабочий день. Она зовет рабочий класс добиваться всего этого для победоносной дальнейшей борьбы за высшую цель. Эта цель — уничтожение всякого гнета и всякой эксплоатации, передача всему трудящемуся народу в общественную собственность всей земли, фабрик, заводов, — всех средств производства. Таков идеал рабочей партии — социалистический идеал.

Товарищи! До сих пор наиболее сознательные из вас примыкали к рабочей социал-демократии тайно. Теперь, опираясь на завоеванное право, вступайте в ее ряды открыто, и пусть ее красное знамя ведет вас от победы к победе!

Да здравствует демократическая республика и борьба за социализм!

Да здравствует Росс. Соц.-Дем. Рабочая Партия!

Да здравствует великая русская революция!

Центральный Комитет Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии.

Россійская Соціалъ-Демократич. Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

КЪ РУССКОМУ НАРОДУ!

18 октября, 1905.

Граждане! Борющійся пролетаріатъ Россіи *побѣдилъ*. *Невиданная въ исторіи забастовка* милліоновъ рабочихъ остановила всю общественную жизнь страны, и самодержавіе, расшатанное девятимѣсячною отчаянной борьбой революціоннаго народа, признало себя побѣжденнымъ. Царь пуль и нагаекъ, царь тюремъ и висѣлицъ, царь шпіоновъ и палачей подписалъ манифестъ о конституціи, о правахъ народа.

Дорогою цѣной, кровью и голодомъ революціоннаго народа куплена эта побѣда. Пусть же, торжествуя побѣду, онъ сумѣетъ правильно ее оцѣнить, чтобы разумно воспользоваться ею

Царь говоритъ о свободѣ, о правахъ гражданъ, объ участіи народа въ управленіи страной. Вѣрить ли царю?

Нѣтъ! Исконный врагъ народа, побѣжденный его силою, не могъ стать его другомъ. Лжи и лицемѣрія, увертокъ и ловушекъ полны обѣщанія царя и его руководителя—*министра* Витте.

Народу необходимо народное правленіе. Оно *должно быть установлено самимъ* народомъ въ его учред. собраніи, созванномъ на основѣ всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права при тайной подачѣ голосовъ. Что же даетъ царь?

Въ свою госуд. думу—думу помѣщиковъ, капиталистовъ и кулаковъ—онъ обѣщаетъ „по мѣрѣ возможности“ допустить выборныхъ и отъ остального народа. Развѣ это то, что надо? Нѣтъ! Ясно, что это значитъ. Царь хочетъ сохранить большинство въ думѣ для своихъ друзей, онъ хочетъ чтобы народъ въ ней былъ безсильнымъ меньшинствомъ.

Царь ссылается на краткость срока до созыва думы: ему, будто бы, нѣтъ времени лучше ее передѣлать. Явная ложь! Гораздо скорѣе и легче устроить выборы со всенароднымъ голосованіемъ, чѣмъ съ нелѣпымъ опросомъ и провѣркой, у кого сколько земли и денегъ для выборнаго ценза, и съ нелѣпымъ выборомъ, отъ избирателей—уполномоченныхъ, отъ нихъ выборщиковъ, отъ нихъ—депутатовъ. Царь просто хочетъ имѣть въ думѣ „по мѣрѣ возможности“ меньше представителей отъ народа.

Этой думѣ царь даетъ часть своей законодательной власти, ей поручаетъ онъ надзоръ за чиновниками, она должна выработать новое избирательное право. Можетъ ли народъ вѣрить, что эта дума, гдѣ высшіе классы въ большинствѣ, гдѣ народъ—въ меньшинствѣ, что она установитъ такіе законы, такой надзоръ за чиновниками, такое избирательное право, какіе нужны народу? Отвѣтъ ясенъ: нѣтъ, такая дума сдѣлаетъ все, чтобы дать какъ можно больше силы и права высшимъ классамъ, какъ можно меньше—народу.

Царь обѣщаетъ гражданамъ свободу слова, *совѣсти, собраній, союзовъ, неприкосновенность личности*... И тутъ же министръ въ своемъ докладѣ прибавляетъ, что необходимо ограничить эту гражданскую свободу, сколько потребуется для порядка и спокойствія, и вводитъ ее постепенно, потому что народъ, *будто бы, къ ней „не привыкъ“*. Но вѣдь „для порядка и спокойствія“ царь и его слуги и до сихъ поръ „ограничивали свободу“ своими штыками и нагайками, къ которымъ народъ, по ихъ мнѣнію, очевидно, вполнѣ „привыкъ“ Насколько же теперь будутъ они „ограничивать свободу“? Отвѣтъ ясенъ: какъ можно больше, насколько сила позволитъ.

Въ Россіи до сихъ поръ царствуетъ сословный строй, который дворянамъ даетъ одни права, купцамъ—другія, крестьянамъ и рабочимъ—третьи, вѣрнѣе—никакихъ. Этотъ строй выгоденъ помѣщикамъ и капиталистамъ, ненавистенъ народу. Ни царь, ни министръ не говорятъ ни слова объ отмѣнѣ сословнаго строя. Почему? Отвѣтъ ясенъ: они хотятъ его сохранить.

Тысячи бойцовъ за свободу, за народное дѣло томятся въ тюрьмахъ и ссылкахъ. Царь *не упоминаетъ ни словомъ объ ихъ освобожденіи*. А министръ говоритъ только о томъ, что будетъ „противодѣйствовать“ тѣмъ, кто опасенъ для порядка. Но вѣдь опасными для порядка царь и его слуги считаютъ всѣхъ, кто борется за свободу, всѣхъ сознательныхъ рабочихъ и крестьянъ, всѣхъ соціалъ-демократовъ и другихъ революціонеровъ Что же означаетъ молчаніе царя и угроза министра? Отвѣтъ ясенъ: они хотятъ и впредь держать въ тюрьмахъ и ссылкахъ всѣхъ работниковъ народнаго дѣла, всѣхъ бойцовъ за народные интересы.

Царь и министръ лгутъ и лицемѣрятъ, и вѣрить имъ нельзя. Они хотятъ успокоить народъ бумажной конституціей и втихомолку отнять у него то, что ему наобѣщали. Они хотятъ столковаться съ высшими классами и сохранить за собой военную силу, чтобы *сообща подавлять народъ*.

Побѣда одержана, но этого мало. Что бы упрочить за народомъ завоеванныя права, чтобы добиться новыхъ, ему нужны не бумажныя обѣщанія, а дѣйствительныя обезпеченія, надежныя гарантіи.

Первая гарантія—немедленное вооруженіе народа, немедленное снятіе военнаго положенія и усиленной охраны во всѣхъ городахъ и мѣстностяхъ, гдѣ онѣ установлены; немедленное удаленіе оттуда войскъ, увольненіе и отдача подъ судъ всѣхъ чиновниковъ, запятнанныхъ насиліями надъ народомъ, грабительствомъ и кровопійствомъ. Это—гарантія того, что народная свобода и народныя права не будутъ отняты насиліемъ.

Вторая гарантія—немедленный созывъ учредительнаго собранія, представителей народа, выбранныхъ путемъ всеобщаго, равнаго, *прямого и тайнаго голосованія, собранія*, надѣленіе всей полнотою власти для установленія новаго порядка. Это гарантія того, что новый порядокъ будетъ установленъ въ интересахъ народа—самимъ народомъ.

Третья гарантія отмѣна сословнаго строя. Это гарантія дѣйствительной равноправности гражданъ и дѣйствительной свободы выбровъ.

Четвертая—8 часовой рабочій день для всѣхъ рабочихъ. Это гарантія того, что рабочій классъ, своей самоотверженной борьбою свергнувшій старое самодержавіе и *положившій начало свободѣ*, будетъ имѣть время и возможность дѣятельно участвовать въ политической борьбѣ и политической работѣ страны.

Пятая гарантія—немедленная и полная амнистія всѣмъ политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ. Это гарантія того, что борьба за свободу впредь не будетъ признаваться преступленіемъ.

Товарищи! Эти гарантіи необходимо завоевать, ихъ нѣтъ,—борьба должна продолжаться!

Товарищи! Забастовка намъ еще нужна нужна, чтобы враги видѣли, что насъ нельзя успокоить бумажкой, что вы хотите имѣть дѣйствительныя права и дѣйствительную силу. *Забастовка нужна и для того*, чтобы вы теперь же, на свободѣ, въ собраніяхъ и на митингахъ, обсудили свое положеніе и свои требованія, *свои силы и свои способы борьбы*, до какихъ поръ продолжать стачку и когда ее кончать Вы должны столковаться, чтобы вести дѣло дружно, вмѣстѣ бастовать и вмѣстѣ кончать. въ единствѣ дѣйствій ваша сила.

Товариши рабочіе! Чтобы быть политической силой, рабочій классъ долженъ организоваться въ рабочую партію. Эта партія—соціалъ-демократія

Соціалъ-демократія ведетъ борьбу за свободу и лучшее будущее рабочаго класса и всего человѣчества. Она призываетъ васъ не вѣрить царскому правительству и вооружаться, чтобы силой отстаивать свою свободу, потому что настоящей свободы царское правительство дать не можетъ. Она ставитъ *первой цѣлью русской революціи настоящее* народное правленіе—демократическую республику—и 8 часовой рабочій день. Она зоветъ рабочій классъ добиваться всего этого для побѣдоносной дальнѣйшей борьбы за высшую цѣль. Эта цѣль—уничтоженіе всякаго гнета и всякой эксплоатаціи, передача всему трудящемуся народу въ общественную собственность всей земли, фабрикъ, заводовъ—всѣхъ средствъ производства. Таковъ идеалъ рабочей партіи—соціалистическій идеалъ.

ТОВАРИЩИ!

До сихъ поръ наиболѣе сознательные изъ васъ примыкали къ рабочей соціалъ-демократіи тайно. Теперь, опираясь на завоеванное право, вступайте въ ея ряды открыто и пусть ея красное знамя ведетъ васъ отъ побѣды къ побѣдѣ!

Да здравствуетъ демократическая республика и борьба за соціализмъ!

Да здравствуетъ Росс. Соц.-Дем. рабочая партія!

Да здравствуетъ великая русская революція!

Центральный Комитетъ Росс.
Соц.-Дем. Рабочей Партіи.

ГОД ПЕРВЫЙ.

№ 1

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ
с пересылкой и доставкою:
Въ России
На 1 г. На 6 м. На 3 м. На 2 м. На 1 м.
9 р. 4 р. 50 к. 2 р. 25 к. 1 р. 50 к. 80 к.
За границей
На 1 г. На 6 м. На 3 м. На 2 м. На 1 м.
12 р. 6 р. 3 р. — к. — к.
Отдельный номер стоит 5 коп.

ПЛАТА ЗА ОБ'ЯВЛЕНИЯ: за строку петита за 1 раз впереди текста 50 коп., позади текста 20 коп. За об'явления о предложении труда половинная плата. Плата за перемену адреса 30 копеек.

Новая Жизнь

С.-ПЕТЕРБУРГ.

ЧЕТВЕРГ, 27 ОКТЯБРЯ
(9 ноября) 1905 г.

Выходит ежедневно, кроме дней послепраздничных.

КОНТОРА (Невский, 68) открыта для подписки и приема об'явлений по будням от 10 до 5, по праздникам от 12 до 2.

РЕДАКЦИЯ (Невский, 68) открыта для личных об'яснений от 3 до 5 дня.

Рукописи, доставленные без обозначения условий, оплачиваются в случае напечатания по усмотрению редакции.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на большую ежедневную политическую и литературную газету

„НОВАЯ ЖИЗНЬ“.

Издается при ближайшем постоянном участии

МАКСИМА ГОРЬКОГО.

В газете принимают участие: Б. Авилов, Ю. Адамович, Л. Андреев, В. Базаров, К. Бальмонт, А. Богданов, И. Бунин, З. Венгерова, В. Вересаев, Л. Вилькина, А. Вольский, Л. Габрилович (Галич), Н. Гарин, И. Гольденберг, М. Горький, В. Ксандров, М. Ландау, Н. Ленин, А. Луначарский, М. Лунц, Л. Львов П. Малянтович, П. Маслов, Н. Минский, М. Ольминский, К. Платонов, Н. Покровский, Б. Радин (Русов), Н. Рожков, Н. В. Романов, П. Румянцев, Т. Семенов, А. Серафимович, Скиталец, И. Степанов, Тэффи (Бучинская), Е. Чириков, Г. Чулков, В. Шанцер, С. Юшкевич и мн. др.

Газета ставит своей задачей быть выразительницей политических и экономических интересов рабочего класса. Большое внимание будет уделено научным, эстетическим и философским вопросам.

Подписка принимается с первого ноября; подписавшимся с первого ноября все номера, вышедшие в октябре, будут высланы без приплаты. Подписная цена с пересылкой и доставкой:

	на 1 г.	на ½ г.	на 3 мес.	на 2 мес.
В России	9 р. — к.	4 р. 50 к.	2 р. 25 к.	1 р. 50 к.
За границу . . .	12 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	— р. — к.

На один месяц с пересылкой и доставкой 80 к.

Подписка принимается: в Петербурге, в главной конторе, Невский, 68, с 10 часов утра до 5 часов дня; в Москве: 1) Тверская улица, дом 38, книжный магазин „Труд“, 2) Моховая улица, книгоиздательство „Колокол“, и во всех книжных магазинах России.

Редактор-издатель *Н. М. Минский.*

Издательница *М. Ф. Андреева.*

К читателям-товарищам.

Начиная трудное и ответственное дело издания ежедневного органа, который ставит своей задачей выражать политические и экономические интересы рабочего класса, редакция сознает, что выполнить удовлетворительно эту задачу она сможет только при деятельной и дружной поддержке читателей. Прошли те времена, когда, по выражению Щедрина, „писатель описывал, а читатель почитывал“. Только тесный союз редакции газеты со всеми ее единомышленниками обеспечит конечный успех общего дела. Поэтому редакция обращается ко всем читателям-товарищам — и в особенности к товарищам-рабочим — с просьбой присылать статьи и заметки, как сообщающие факты современной общественной жизни, так и освещающие их значение, не стесняясь литературной формой. В частности, мы обращаем эту просьбу к провинциальным товарищам, от которых всецело зависит осветить жизнь всех углов России и тем помочь делу ее освобождения.

Вследствие спешности выпуска, в настоящем номере „Новой Жизни“ отсутствуют некоторые постоянные отделы.

С.-Петербург.

27-го октября.

Заря новой жизни загорается над Россией. В муках революции рождается эта новая Россия. Из недр народа поднялась великая сила обновления. Она столкнулась с упорным сопротивлением умирающего режима. И из этого столкновения развилось то движение, колебаниями которого живет теперь не только вся Россия, но и весь мир.

Какова задача российской великой революции? Демократизация всего общественного и государственного строя. В управлении страной на место абсолютизма должно стать народное правительство. В отношениях между гражданами и государством полицейско-чиновничий произвол должна заменить охрана законом свободы вероисповедания, слова устного и печатного, собраний и союзов и неприкосновенности личности и жилища. В отношениях граждан между собой должны быть уничтожены все привилегии одних и ограничения других, связанные с принадлежностью к тому или другому сословию, племени, вероисповеданию, полу; все совершеннолетние и правоспособные граждане должны быть равны в правах и обязанностях.

Эти демократические требования до известной степени об'единили собой различные классы общества — и буржуазные и пролетарские. Но степень полноты и решительности, с какой выставляются эти требования, различна у отдельных классов. Точно так же неодинаково для отдельных классов и значение совершающегося демократического переворота; для буржуазии — это конечная цель движения, для пролетариата — это только этап на пути к социальному перевороту.

Надо ясно сознавать, что переживаемая нами революция по существу своему—буржуазная. В конечном счете старый порядок в России, унаследованный от крепостной эпохи, разрушило развитие капитализма, сделавшее за последние 50 лет колоссальные успехи. Капиталистическое производство создало новые социально-экономические отношения. Образовались новые общественные классы: буржуазия и пролетариат, с рядом переходных между ними групп, в числе которых видную роль играет у нас так называемая интеллигенция. Между тем сохраняются старые сословные перегородки, лишающие сто миллионов крестьян даже тех немногих прав, которыми пользуются представители других сословий, и мешающие свободной группировке новых классов. Гражданская свобода стала необходимым условием для организованной борьбы отдельных общественных классов за свои интересы. Но вместо гражданской свободы старый порядок давал полицейско-чиновничий произвол, душивший всякое проявление общественной самодеятельности. Развитие капиталистического производства поставило перед государством новые колоссальные задачи как в области внутренних, так и международных отношений. Справиться сколько-нибудь удовлетворительно с этими задачами мог только сам народ через своих действительных представителей. Но вопреки этому сохранялся в неприкосновенности абсолютизм с его громадными полчищами враждебных народу чиновников и полиции. Эти-то противоречия между социально-экономическим развитием России и ее общественным и государственным строем и привели к затяжному кризису, а потом—и краху, каким была японская война. И народ поднялся из чувства самосохранения, требуя свободы и нового демократического строя.

Впереди борцов за освобождение России стоит рабочий класс, как это было и в других странах в периоды освободительной борьбы. Эта мировая роль пролетариата об'ясняется его положением в современном капиталистическом обществе и его историческими судьбами. Класс, трудом которого создается богатство и культура современного общества, занимает в нем последнее место. Отдавая собственникам средств производства весь прибавочный продукт, всю прибавочную стоимость, для себя рабочий класс получает только минимум средств существования. Угроза нищеты и голода всегда стоит перед рабочим и его семьей. И чтобы крепче держать пролетариат в подчинении капиталистической эксплоатации, буржуазные классы всегда стремились ограничить его гражданские и политические права. Но та же капиталистическая эксплоатация сплачивает рабочий класс в одну великую армию, об'единенную сознанием единства классовых интересов и необходимости дружной за них борьбы. Капитализм, превращающий разрозненные предприятия мелких производителей в одно общественное производство, поставил и конечную цель этой борьбе: развитие общественного производства требует, чтобы средства производства принадлежали всему обществу, а не отдельным частным лицам, т.-е. требует социализма.

Во имя этой цели более 50 лет назад Маркс и Энгельс, великие вожди рабочего класса, обратились к нему с призывом: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“. С тех пор во всех культурных странах образовались рабочие партии, ставшие под знамена международной социал-демократии, так как они сознали, что только братский союз рабочих всего мира будет в силах преобразовать общество на началах социализма.

Но борьба за интересы и задачи рабочего класса ведется, конечно, в границах существующих государств. И здесь степень политической свободы и политической власти, которой пользуется народ, имеет решающее значение: ею определяются и способы борьбы и ее ближайшие результаты. Вот почему рабочий класс всегда выносил на своих плечах дело борьбы против деспотизма и абсолютизма. Вот почему и у нас рабочий класс является передовым борцом за освобождение страны.

Но он не только передовой, но и самый последовательный борец за свободу. Буржуазия, из боязни силы и власти пролетариата, готова помириться с полумерами, с полуреформами. Порой она готова заключить союз с реакцией против рабочего класса. Пролетариат в требованиях преобразования общества на демократических началах идет до конца. Только при вполне демократическом строе он получит равные с буржуазией гражданские и политические права. А эти права дадут ему новую, могучую силу для социального преобразования.

Вот почему совместная борьба пролетариата с буржуазными классами за освобождение может быть только временной. В ходе этой борьбы неизбежно наступит момент, когда буржуазия предаст рабочий класс реакции. Так учит история. И русский рабочий класс должен воспользоваться ее уроками. Он должен организоваться под знаменем социал-демократии в рабочую партию, так как только такая партия сохранит ему достигнутые победы и поведет к новым, только она свяжет его с международным пролетариатом в одну великую семью.

Союз в защиту свободы печати, не признавая в принципе никаких кар, налагаемых в административном порядке на произведения повременной печати, протестует против конфискации № 372 „Русской Газеты“ распоряжением С.-Петербургского цензурного комитета.

Номера „Новой Жизни“ не представляются в цензуру, согласно решению союза в защиту свободы печати.

„Большинство“ и „меньшинство“.

Громадная роль социал-демократии в общественном развитии всего мира общепризнана. У нас в России в происходящей освободительной борьбе она также занимает передовую позицию. Если вынужденно-конспиративный характер ее деятельности не позволял до сих пор социал-демократии об'единить русский пролетариат в одну могучую массовую организацию, то идейное ее влияние на рабочий класс было громадно. Социал-демократическая программа, социал-демократические лозунги политической и экономической борьбы широко развились в пролетарских массах, и во имя их совершалось и совершается освободительное движение.

Мало того: демократические требования социал-демократии получили широкое признание и оппозиционных кругов буржуазии, они стали, можно сказать, общенародными. Чтобы не быть голословными, укажем на

судьбу у либералов требования созыва учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права. Как известно, либералы в период своей политической „весны“ — при Святополк-Мирском — не смели и заикнуться о всенародном учредительном собрании. Они лепетали нечто, не весьма вразумительное, об „участии представителей населения“. И вот, когда на одном из банкетов несколько ораторов социал-демократов предложили включить в резолюцию требование созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего избирательного права, маститый председатель банкета, он же редактор политического журнала, считающего себя прямым преемником „Отечественных Записок“, высказал крайнее негодование по поводу такой „бестактности“ социал-демократов, „срывающих банкет“.

Разумеется, собравшиеся на банкете почтенные либералы поддержали своего председателя. С тех пор прошло менее года. Либералы разместились по союзам и заполнили ряды конституционно-демократической партии. И что же... Созыв учредительного собрания всеобщим голосованием они считают теперь своим требованием.

Но успехи и рост политического значения русской социал-демократии не могут скрыть темной стороны ее истории за последние два года. Мы говорим о расколе российской социал-демократической рабочей партии на две фракции: „большинство“ и „меньшинство“. Раскол этот, конечно, ослабил партию. Он внес путаницу в умы членов партии как интеллигентов, так и, в особенности, рабочих, значительную часть которых он оттолкнул от партии. Раскол создал почву для демагогии самого низкого сорта. А в замкнутых партийных кружках, особенно заграничных, благодаря ему образовалась удушливая, истерическая атмосфера личной борьбы, взаимных обвинений и ненависти.

Партийный раскол есть наследие изжитых уже ненормальных условий деятельности социал-демократии в полицейско-самодержавном государстве. Партия давно уже переросла эти условия. Ей стало невыносимо душно в „подполье“, и пока она не находила из него выхода в широкие пролетарские массы, в рядах ее и происходила та давка, которая выразилась в форме раскола. „Большинство“ и „меньшинство“ образовались в 1903 г., на втором с'езде партии, по организационному вопросу. Так как существовавшие политические условия не позволяли решить спорный вопрос партийной практикой, то спор перешел в литературу, и вокруг периодических органов сгруппировались враждебные друг другу кружки. Ненормальная обстановка ссыльно-эмигрантской жизни придала этой полемике специфический колорит. Попытка разрешить спорные вопросы на третьем с'езде не увенчалась успехом. По формальным основаниям, правильность которых спорна, „меньшинство“ отказалось участвовать в с'езде и созвало одновременно с ним „конференцию“. Таким образом оформлен был раскол партии. Но в то же время сравнение постановлений с'езда и конференции показало, что сколько-нибудь значительных различий в тактике, оправдывающих существование двух партий, нет, и обе фракции постановили подготовить взаимное об'единение.

В настоящее время изменившиеся политические условия требуют этого об'единения безотлагательно. Перед партией стоит громадная очередная организационная задача. Социал-демократия из конспиративной организации должна стать открытой партией пролетарских масс. Мы не предрешаем здесь ни срока, ни конкретных форм этого перехода. Но что он не может быть совершен сколько-нибудь удовлетворительно при существовании двух разобщенных фракций с одинаковой программой и тактикой, — это бесспорно. Было бы самоубийственной политикой для обеих фракций, составляющих социал-демократическую партию, начать теперь борьбу по перетягиванию рабочих масс в „свою“ организацию. В результате выиграли бы только те элементы, которые хотят поссорить рабочий класс с социал-демократией, противополагая ей идею „самостоятельной“ рабочей партии. Враги социал-демократии — а их у нее слишком достаточно среди буржуазных партий даже весьма радикальной окраски, — всегда с злорадством следившие за расколом партии и использовавшие его для своей агитации против социал-демократии, не могли бы пожелать для себя ничего лучшего, как сохранение теперь „большинства“ и „меньшинства“.

Мы отнюдь не хотим всем вышеизложенным сказать, что между этими двумя фракциями нет совсем тактических или организационных разногласий. Они есть. Но они не достаточны, чтобы оправдать образование двух самостоятельных партий, и могут вполне хорошо ужиться в границах одной и той же партии. Невозможно представить сколько-нибудь обширную и жизненную партию, в которой не было бы оттенков мнений, подчас довольно резко различных. Наоборот, в столкновении этих различий заключается жизнь, залог идейного развития партии, ее прогресса. Но эта идейная борьба внутри партии не должна нарушить ее единства, как политической организации. Пример такого правильного отношения к „разногласиям“ дают нам немецкие товарищи.

Сколько раз немецкая буржуазная пресса с злорадством подчеркивала разногласия в среде немецких социал-демократов и предсказывала раскол на ближайшем же „партейтаге“. Но каждый „партейтаг“ социал-демократии приносил буржуазии новое разочарование: немецкая социал-демократия остается единой.

На обязанности всех русских социал-демократов лежит осуществить практически об'единение партии для совместной и дружной работы по разрешению многих насущных задач социал-демократии в новой России.

П. Румянцев.

О народной милиции.

Кровавые подвиги черных сотен приобретают с каждым днем все более и более угрожающие размеры. Если в Петербурге, не в пример прочим городам, жертвы хулиганов насчитываются пока единицами, то нет сомнения, что накопляющаяся в рядах новоявленных защитников самодержавия потенциальная энергия рано или поздно, и даже вернее рано, чем поздно, выльется наружу. Петербурга не минет чаша, преподнесенная многим городам России хулиганами-добровольцами и хулиганами по обязанности службы.

Эта новая „черная опасность“ заставляет серьезно призадуматься. Смотреть ли на черные сотни, как на

организации чисто полицейские, видеть ли в них искренних защитников азиатского строя, или даже разудалую вольницу, нашедшую удобный случай погулять во-всю — факты массовых убийств и единичных насилий, еврейских погромов и „подпаливаний“ интеллигенции и т. п. заставляют говорить о себе. Подвиги разудалых молодцов должны быть прекращены.

Если даже отказаться от весьма и весьма вероятной гипотезы о благосклонном поощрении со стороны некоторых превосходительных и высокопревосходительных временщиков и помпадуров, если даже допустить, что правительство искренне хочет прекратить эти неслыханные злодейства своих „друзей“, то остается все же предположение не столь компрометирующего, но весьма печального в глазах сторонников теперешнего правительства свойства,—а именно, что правительство *не в силах* оградить жизнь граждан от шаек разбойников и буянов. Выводы наши в обоих случаях одни и те же—и только усиливаются в первом из них.

Ответ на вопрос, как бороться с „черной опасностью“, гласит — организация народной милиции. Если правительство не в состоянии защищать граждан, и если граждане в то же время не склонны к морали непротивления злу — ясно, что им необходимо подумать о самозащите. Это наше человеческое право, это наша гражданская обязанность. Но обороняться один-на-один — не всегда удается, да это и не достигает цели. Ни для кого не секрет, что чья-то невидимая, но благодетельная рука снабжает черные сотни оружием; ни для кого не тайна, что шайки организованы, действуют по намеченному наперед плану. Ясно, что оружию надо противопоставить оружие, организации — организацию. Важно принять не только „меры пресечения“, но и „меры предупреждения“. Только когда не совсем благородные и далеко не бесстрашные рыцари павшей самодержавной бюрократии будут знать, что всякие попытки к убийствам и насилиям встретят дружный и организованный отпор, — можно быть уверенным в личной безопасности граждан.

Более того. Народная милиция должна сыграть еще и другую, более важную роль. В наше переходное время, когда нами завоеваны вольности и права свободных граждан, при сохранении на местах старых слуг отжившего строя, мы ничем не гарантированы, что помпадуры и помпадурчики всяких калибров будут пытаться игнорировать наши завоевания и будут применять старые испытанные меры к обузданию свободолюбия, не будут срывать, например, собрания под различными предлогами, заниматься провокацией в широком масштабе с целью найти повод к кровавым „усмирениям“, введению военного положения и т. д., и т. д. и т. д. Кто или что может оградить нас от подобных поползновений реакционного губернатора, полицеймейстера и т. п.? Ни министр, недавний поборник самодержавия, ни основные законы, не имеющие никакого значения в глазах чиновников, воспитавшихся на произволе и беззаконии, не могут служить нам ни в малейшей степени гарантией неприкосновенности наших политических прав. Лишь мы сами можем защищать как нашу личность, так и наши основные права. Решимость отстоять свою жизнь и свои гражданские вольности во что бы то ни стало, организованность и боевая готовность заставят шайки хулиганов и чиновных врагов свободы отказаться даже от мысли о насилиях, и чем сильнее и многочисленнее будет народная милиция, тем реже придется пускать в ход оружие, тем меньше будет жертв, тем меньше крови будет пролито, тем более шансов, что победоносное шествие свободы не будет омрачаемо ненужными и невинными жертвами. Организация народной милиции — дело политически-целесообразное и истинно-гуманное.

Каков должен и может быть контингент милиции? Шайки хулиганов грозят всем друзьям свободы, произвол властей грозит самому существованию свободы — ясно, что организация народной милиции должна быть в руках искренних поборников свободы. Но какой класс населения самый искренний и самый последовательный защитник свободы? Жизнь уже ответила на этот вопрос — в этом с нами должны будут согласиться даже те, кто в других случаях с нами вовсе не согласен, — что надежнейшим оплотом свободы является пролетариат, что рабочий класс завоевал России начатки свободы и что ему по праву принадлежит задача охранения этих начатков и обеспечение условий их последовательного и непрерывного развития. Условия жизни пролетариата, обстановка фабрики, атмосфера классовой борьбы, формы рабочих организаций, — все это дает необходимые для подобной милиции предпосылки. Рабочие организации, заводские и районные, дают рамки отдельных отрядов, атмосфера классовой борьбы создает готовность самоотверженного отстаивания общих интересов, фабричная обстановка воспитывает дух дисциплины, а подвижность и привычка к пунктуальному посещению мастерской дают уверенность в быстром и своевременном появлении отрядов в нужный момент. Уменье поддержать порядок уже неоднократно обнаруживалось и признается за пролетариатом даже врагами рабочего движения.

Пролетариат ради своих классовых интересов и в интересах общегражданской свободы должен взять на себя организацию народной милиции, только он один, в виду указанных выше причин, может успешно выполнить задачи народной милиции. Это не значит, что другие слои населения, например демократическая интеллигенция, не могут принимать участия в рядах народной милиции, но, очевидно, интеллигенция не в состоянии играть здесь значительную роль как по своей относительной малочисленности, так и по условиям интеллигентской психики. Зато помощь свободолюбивых слоев буржуазии вообще может выразиться в снабжении рабочих оружием и в доставлении средств на покупку его.

Действительная гарантия личной неприкосновенности и последовательное проведение и расширение свобод и вольностей всего народа находятся в зависимости от вооружения народа. Если черные сотни, играя на руку реакции, производят беспорядки, то рабочие баталионы в интересах культуры и свободы должны водворять порядок.

Таким образом, в наше смутное время, по иронии истории, роли меняются — силы, действующие под эгидой или при попустительстве полицейского правительства, стремятся к временной анархии, а разрушительная партия пролетариата берет на себя задачу восстановления порядка. Конечно, „порядок“ отнюдь не самоцель в глазах борющегося за свои интересы рабочего класса, но в его

интересах, как и в интересах громадного большинства населения России, — прекращение бесчинств, творимых одичалыми „друзьями“ и представителями изжитого режима.

Пролетарская милиция обеспечит права рабочего класса — всему же населению России вооруженный пролетариат гарантирует ненарушимую широкую политическую свободу и близкую победу демократии.

Ополчение пролетариата для защиты народной свободы явится в то же время первым прочным шагом на пути к замене постоянных правительственных войск ополчением самодержавного народа.

Б. Самойлов.

Свободные речи.

I.

Совершающийся у нас государственный переворот во многих отношениях отличается от революций, разыгравшихся в свое время в Европе и превративших большинство европейских стран из самодержавных монархий в конституционные. Русская революция должна была преодолеть несравненно большую силу сопротивления, нежели европейские. Размах ее поэтому энергичнее и неудержимее, и можно с уверенностью сказать, что одним устранением абсолютизма она не ограничится, а приведет к ломке более решительной и к творчеству более смелому.

Как быстро чередуются времена, а с ними мечты людей! Всего год тому назад конституция являлась запретной и как бы недостижимой мечтой среднего русского обывателя. А теперь конституционная монархия является мечтой нашего пошатнувшегося, сбитого с ног революционной волной, правительства. Оно признало себя побежденным, но не потеряло надежды уступкой самодержавия купить право на дальнейшее существование и власть. В сущности, оно уже вслух отреклось от самодержавия, ибо отказалось от законодательной власти — этого главного признака и основной прерогативы самодержавного режима. Если же оно, тем не менее, продолжает именовать себя самодержавным, то поступает так по тому же расчету, по которому купец, уже решивший про себя уступить товар за предложенную цену, все еще продолжает запрашивать и ждет, пока покупатель повернется к нему спиной, чтобы сказать окончательное: „пожалте!“

Правительство, повидимому, ждет того момента, когда Государственная Дума рассердится и повернется к нему спиною, для того, чтобы, сославшись на пример всей Европы, бесповоротно отказаться от самодержавия и об'явить себя конституционным. Как знать, может быть, оно даже согласится присягнуть на верность конституции и привести к этой присяге войска. Ничего не поделаешь: пример всей Европы! По иронии судьбы то самое правительство, которое всегда твердило о самобытных началах русского строя и посылало на эшафот и в каторгу за малейшую попытку пересадить на русскую почву гарантии европейской свободы, оно же вынуждено ссылаться на пример Европы для того, чтобы удержаться на своем покачнувшемся фундаменте. Но теперь указание на Европу может оказаться запоздалым. Теперь уже русская революция помышляет о самобытности...

В двух отношениях наша революция разнится от европейской, — и каждое из этих различий само по себе настолько важно, что на долгое время предрешает направление и судьбу всей политической жизни России. Первое различие заключается в том, что все государственные перевороты в Европе были произведены народом под руководством буржуазии, которая, стремясь к политической свободе и личной неприкосновенности, в то же время изыскивала более верные способы эксплоатации трудящихся классов. Каждая европейская революция оказывалась компромиссом двух противоположных начал — свободы и эксплоатации, и равнодействующей этих двух сил являлась представительная конституционная монархия — этот рай политических мечтаний для буржуазии и ад экономической действительности для пролетариата. Не то мы видим у нас. Россия — единственная страна, которая обязана переменой государственного строя главным образом сознательному рабочему классу, огромной организованной армии творческого труда, которая одна оказалась в состоянии противопоставить насилию — силу и упрямству — угрозу. Покуда либералы заикались о правовом порядке, покуда „Сыны Отечества“ и „Вестники Европы“ кивали на Запад, полицейски-самодержавное правительство издевалось над разумом и совестью и спокойно расхищало народный труд. Но, к счастью, русская интеллигенция, в лице учащейся молодежи, рано поняла свою историческую миссию — быть будильником рабочих масс, бродильным грибком пролетарского движения. Толкнувшись, в эпоху хождения в народ, в деревню и не найдя там отклика, она пошла в сторону наименьшего сопротивления, рассеялась по фабрикам и заводам и занялась делом, которое Достоевский так неумно и непроникновенно назвал процессом отколупывания отдельных человечков от народной массы. Насколько этот процесс был плодотворен, показала только-что пережитая нами бескровная революция [1]).

Незабвенные дни! — Конечно, мы все и раньше знали, что обязаны рабочему всеми благами жизни: и пищей, и одеждой, и средствами передвижения, и светом, и водоснабжением. Но одно дело знать, а другое — видеть. Мы — свидетели октябрьской забастовки — воочию убедились, что труд является самодержцем жизни даже и тогда, когда он отдыхает и как бы отсутствует. Существует персидская легенда о том, как бог создал в шесть дней природу и человека, в седьмой день предался отдыху и в этот день великого бездействия создал красоту, песню и пляску. Нечто подобное можно сказать о рабочем. Пока он трудится, он создает для человечества пищу, одежду и кров, все условия комфорта и культуры. Когда же он бросает работу и отдается великому бездействию забастовки, он создает — свободу. Мы видели, как самодержавный труд [1]).

Одержав такую победу, сознательный рабочий класс вправе воспользоваться ее плодами. Таково первое условие, заставляющее предполагать, что русская революция приведет не к двусмысленному компромиссу — конституционной монархии, по самой сущности относящейся враждебно к идеалам рабочего класса, а к непритворному народовластию.

Но есть еще и другая причина, столь же могучая и неустранимая, заставляющая верить, что политическая жизнь России потечет по руслу демократизма. О ней — до следующего раза.

Н. Минский.

[1]) См. поправку от редакции в № 2 „Новой Жизни“, стр. 2 Прим. к настоящ. изд.

Русская печать.

*** На словах возвещена конституция, а на деле свирепствует произвол. Мы слышали слова о свободе и видели расстрелы и избиения. Стреляют в обезоруженных людей, зверски избивают студентов, громят думы и земства, натравляют черносотенцев и войска на мирные собрания и процессии. Реакцией провозглашен лозунг: „Хулиганы всех положений, об'единяйтесь". Вместо возвещенных свобод, идет травля и кровавая бойня, от которой содрогаются все, кто был бы уже готов успокоиться и примириться с обещанными уступками — в том самом виде, в котором оне обещаны.

Немудрено, что эти „умеренные", т.-е. либеральные буржуа, продолжают жаться к союзнику, мощь которого уже испытали. Трудно сказать, делается ли это сознательно, или многое здесь подсказывается инстинктом, но несомненно, что либеральная буржуазия и ее орган — прогрессивная пресса — усердно заискивают у пролетариата. Они уже не верят правительству и в конвульсиях бессилия и тревоги жаждут спрятаться за спину пролетариата, поступаясь полнотой прав на эксплоатацию во имя безопасности и свободы. В программу буржуазного „блока" — конституционно-демократической партии — включены, хотя и скрепя сердце, с недовольством, прорывающимся в оговорках, некоторые из основных пролетарских требований, выдвинутых в настоящий момент: восьмичасовой рабочий день, учреждение примирительных камер из представителей предпринимателей и рабочих, широкая охрана труда и т. д. и т. д.

Г. Вл. Набоков поясняет эту тактику в „Праве":

Последние события показывают, какая колоссальная опасность угрожает русскому обществу. Всколыхнувшееся море опустошительными волнами перекинулось через берег; бесчинства черных сотен и хулиганов превзошли в три дня все, что история последних десятилетий дала ужасного, кровавого. И ополчаясь против этого стихийного террора, все левые партии должны сплотиться, предоставив правым броситься в об'ятия реакции. Мы знаем, что такая реакция не может быть долговременной, дни ее сразу окажутся сочтенными. Но мы содрогаемся при мысли о тех потоках крови, которые эта реакция прольет по всей русской земле, о той массе новых жертв, которые будут принесены на алтарь освобождения России. Раскол между нами и стоящими влево мы бы считали поэтому не только политической ошибкой, но и историческим преступлением.

*** „Сын отечества" поет в унисон:

В кровавые дни наши враги не различали ни национальностей, ни партийных различий и оттенков; они избивали, убивали и насиловали всех, кто казался им причастным к делу освобождения России, — евреев, армян, русских, земцев, социал-демократов. Можем ли мы при таких условиях тратить хоть одну каплю наших сил на взаимные пререкания и внутренние раздоры? Наши разногласия могут и должны остаться; различными останутся также пути и способы действия. Но больше, чем когда-либо прежде, мы должны помнить, что враг у нас один. Организация всех передовых сил общества для борьбы с общим врагом — это задача дня.

Этот лозунг для пролетариата — не новость. Это старый и испытанный лозунг: „итти врозь, бить вместе". Пролетариат и на этот раз не отказывается завоевать для буржуазного общества полную свободу от произвола. Но он будет хорошо помнить, что как нельзя верить правительству, так безумно доверяться и буржуазии. Вы хотите временного союза? Он не нужен. И без вашего приглашения пролетариат сделает то, чего вы от него ждете. Но он сделает больше.

Русскому рабочему.

Рабочий, только на тебя
Надежда всей России.
Тяжелый молот пал, дробя
Оплоты крепостные.
Тот молот — твой. Пою тебя
Во имя всей России!
Ты знал нужду, ты знаешь труд,
Ты слишком знаешь голод.
Но ты восстал. С тобой идут
Все те, кто сердцем молод.
Будь тверд, яви еще свой суд,
Острог не весь расколот.
Тебя желают обмануть,
Опять, опять и снова.
Но ты нам всем наметил путь,
Дал всем свободу слова.
Так в бой со тьмой, и грудь на грудь,
То — зов Сторожевого.
Сторожевой средь темноты,
Сторожевой средь ночи —
Лишь ты, бесстрашно-смелый, ты,
Твои нам светят очи.
Осуществятся все мечты,
Ты победишь, Рабочий!

К. Бальмонт.

Орел и курица.

(Сказка.)

В одной клетке сидели орел и курица. Орел смотрел через клетку в ту сторону, где выглядывало голубое небо, и где белые голуби свободно пролетали куда-то мимо, а курица смотрела во двор, на проталины, на навоз и лужи, смотрела туда, где копались в навозе счастливые кахетинки...

И обоим, и орлу и курице, было тяжело и скучно...

— „Давай, орел, сломаем клетку!"—предложила курица.

— „Давай, сломаем"...

И они начали ломать клетку.

Орел острым клювом разгибал железные прутья, и алая кровь сочилась у него изо рта, а курица кудахтала...

Долго они так трудились сообща, и, наконец, лопнул один из железных прутьев...

Тогда курица выпрыгнула на двор и закричала о том, что она давно уж собирается снестись...

— „Курица, помоги же мне выбраться из клетки".

— „Выходи!"

— „Но у меня на ноге еще железное кольцо и цепь, приковывающая меня к клетке..."

— „Не могу... я слабая женщина..."—сказала курица.

— „В чем дело? — спросили ее подошедшие кахетинки и когда узнали, то закричали:—Нельзя выпускать орла! Его клюв обратится на нас же!"

Услыхал эти разговоры человек, подошел к клетке и сказал:

Он вам даст требуемые гарантии, но добудет гарантии и от вас. Об'единение мы можем понять только в том смысле, что вы дадите нам их добровольно, не упираясь и не откладывая на завтра, что должно быть осуществлено немедленно.

18 октября.

Тихое, прозрачное небо с затаенным солнцем. Поникшие недвижные флаги, казенно прицепленные к балконам и подоконникам.

По улицам, задерживаясь на углах, спеша, журча и переливаясь, течет толпа. Она вливается в общее широкое и бесконечное русло, в могучую и торжественную процессию, еще невиданную нашим тихим небом, нашими поникшими флагами.

Серый воздух разрезан красными знаменами. Они извиваются, как темные гигантские струи воскресшей торжествующей крови.

И над ними звенит и колышет их гимн свободы, гимн великого единого счастья человеческого.

Звонкие женские голоса дрожат стальными, вибрирующими нитями:

„Марш, марш вперед,
Рабочий народ!"

Тихо внимают застывшие громады - дворцы новым словам новой жизни.

Из-за угла, щелкая подковами, медленно выезжает патруль и серый, тусклый исчезает за толпой, словно вспомнившаяся галлюцинация старого сна.

* * *

Около думы густая толпа.

Говорит оратор-студент. Слова его разбираются плохо, но и те отдельные отрывки, которые долетают, — производят сильное впечатление.

Извозчики, под'ехавшие вплотную, слушают, качают головой, обмениваются мнениями.

— Значит, свобода, — толкует один. — Значит, теперь городовой все равно, что не персона.

— Крышка им теперь, — соглашается другой. — Давно пора. Наедешь ему на самый носак, а он стоит и не прянится. Вавилон египетский! Нарочно, чтоб штраф записать. Теперь побегает!

— День-то какой! — восторженно шепчет старичек в гарусном шарфе. — Довелось-таки увидеть, дожить до эдакого дня!.. И откуда они такую песню выучили?

— То ли мы еще знаем, дедушка. Дай только время — покажем!

— Смотри! Смотри! Ой, стыдобушка головушке — околоточный красному-то знамени под козырек делает.

Весело смеющиеся лица оборачиваются. Толстый околоточный, вытянувшись во фронт, отдавал честь и озирался, ища „начальство", чтобы, согласно воинскому артикулу, поесть его глазами. Искал тщетно. Так и не поел, но козырял исправно.

— „Эге!.. Скверное дело..."

И опять человек исправил сломанный прут: — курицу он пустил гулять по двору, а орла, с окровавленным клювом, оставил в клетке...

Е. Н. Чириков.

Заметки о мещанстве.

I.

Мещанство — это строй души современного представителя командующих классов. Основные ноты мещанства — уродливо развитое чувство собственности, всегда напряженное желание покоя внутри и вне себя, темный страх пред всем, что так или иначе может вспугнуть этот покой, и настойчивое стремление скорее об'яснить себе все, что колеблет установившееся равновесие души, что нарушает привычные взгляды на жизнь и на людей.

Но об'ясняет мещанин не для того, чтобы только понять новое и неизвестное, а лишь для того, чтобы оправдать себя, свою пассивную позицию в битве жизни.

Отвратительное развитие чувства собственности в обществе, построенном на порабощении человека, может быть, об'ясняется тем, что только деньги как будто дают личности некоторую возможность чувствовать себя свободной и сильной, только деньги могут иногда охранить личность от произвола всесильного чудовища—государства.

Но об'яснение — не оправдание. Современное государство создано мещанами для защиты своего имущества — мещане же и дали государству развиться до полного порабощения и искажения личности. Не ищи защиты от силы, враждебной тебе, вне себя: умей в себе самом развить сопротивление насилию.

Жизнь, как это известно,—борьба господ за власть и рабов—за освобождение от гнета власти. Темп этой борьбы становится все быстрее, по мере роста в народных массах чувства личного достоинства и сознания классового единства интересов.

Мещанство хотело бы жить спокойно и красиво, не принимая активного участия в этой борьбе, его любимая позиция — мирная жизнь в тылу наиболее сильной армии. Всегда внутренно бессильное мещанство преклоняется пред грубой внешней силой своего правительства, но если — как мы это видели и видим — правительство дряхлеет, мещанство способно выпросить и даже вырвать у него долю власти над страной, — при чем оно делает это, опираясь на силу народа и его же рукой.

Оно густо облепило народ своим серым, клейким слоем, но не может не чувствовать, как тонок этот холодный слой, как кипят под ним враждебные ему инстинкты, как ярко разгорается непримиримая, смелая мысль и плавит, сжигает вековую ложь...

Этот натиск энергии снизу вверх возбуждает в мещанстве жуткий страх пред жизнью, — в корне своем это страх пред народом, слепой силой которого мещанство выстроило громоздкое, тесное и скучное здание своего благополучия. На тревожной почве этого страха,

* * *

Казанская площадь. Знамена, знамена! Алые, радостные! Сшитые тайно и спешно дрожащими от счастья руками, любовно несомые.

Уличные мальчишки с красными перевязками на фуражках, с красными шарфами через плечо.

— Как красиво! — говорит кто-то.

— Красиво, — отвечает другой. — Очень красиво. — Некрасиво только, что убитые есть....

— Убитые....

Колышатся знамена. Вот между ними одно черное, жуткое. Выплыло, остановилось. Кто-то говорит...

Образуются маленькие кучки — митинги. Рассказывается о событиях дня, о бесчинствах хулиганов, о резолюции Стачечного Комитета.

А мимо, вдоль Невского, все вьется и растет и растет бесконечно могучая толпа. И кто примыкает к ней — назад не возвращается.

* * *

Огромные коридоры университета.

Живая цепь студентов разделяет движущуюся массу толпы на два встречных потока.

Аудитории полны. Через потускневшие от жары стекла видны возбужденные лица. Вспыхивают единодушные возгласы, крики „ура“, аплодисменты.

Актовый зал весь движется и гудит.

Стоят тесно, прижавшись плечом к плечу. Солдат, дама в белых перчатках, студент, рабочий, офицер, чиновник с кокардой, женщина в платке, матрос. Все вместе, все слушают, все одинаково вспыхивают от тех слов — искр, которые бросают с высокой эстрады все новые и новые ораторы.

— Тише! Товарищ-офицер будет говорить.

— Ура-а-а! — приветствует заявление восторженная публика. Громче всех кричит верзила — гвардейский солдат, с добродушным детским лицом. — Ур-а-а!

Офицер говорит от союза военных, об их солидарности с народом.

Каждое его слово ловится, повторяется, передается через двери тем, кто не попал, не услышал.

Офицера сменяет другой офицер. В одной из аудиторий устраивается митинг для военных.

* * *

На площади перед университетом грандиозный митинг. Ораторы говорят с эстрады.

Освещенные окна тускло озаряют темную густую человеческую массу. Она тихо рокочет и копошится, то сливаясь густым ядром, то расползаясь, словно расплескиваясь вширь.

Здесь уже нет такой тесной связи между ораторами и слушателями.

Простор неба, свобода движений, возможность обменяться словом с соседями ослабляют напряженность цепи внимания.

Меняются места, ведутся вполголоса беседы.

Какой-то господин подошел к булочнику с корзиной на спине.

— Что, булочник, и ты пришел послушать?

— Да, вот хотелось и мне узнать, что у нас такое делается.

на предчувствии отмщения, у мещан вспыхивают торопливые и грубые попытки оправдать свою роль паразитов на теле народа — тогда мещане становятся Мальтусами, Спенсерами, Лебонами, Ломброзо, — имя им легион...

В будущем, вероятно, кто-то напишет „Историю социальной лжи“ — многотомную книгу, где все эти трусливые попытки самооправдания, собранные воедино, представят собой целый Арарат бесстыдных усилий подавить очевидную, реальную истину грудами липкой, хитрой лжи.

Мещане всегда соблазняются призрачной возможностью доказать самим себе и всему миру, что они ни в чем не виноваты.

И доказывают более или менее многословно и скучно, что в жизни существуют необоримые, роковые законы, созданные богом, или природой, или самими людьми, что по силе этих законов человек может удобно устроиться только на шее ближнего своего и что если все рабочие захотят есть котлеты — на земле не хватит быков...

Противоречия между народом и командующим классом — непримиримы. Каждый человек, искренно желающий видеть на земле торжество истины, свободы, красоты, должен бы, по мере сил своих, работать в пользу быстрейшего и нормального развития этих противоречий до конца, ибо в конце этого процесса пред всеми людьми с одинаковой очевидностью встанет и преступность нашего общественного устройства, и ясная для всех невозможность дальнейшего существования его в современных формах...

Мещанство всегда пытается задержать процесс нормального развития классовых противоречий.

Когда в жизни усиливается трение враждебных сил, мещане тревожно прячут головы под крыло какой-либо примирительной теории. Уклоняясь от личного участия в борьбе, мещанин старается ввести в нее более или менее авторитетное третье лицо и возлагает на него защиту своих мещанских интересов. Раньше он ловко пользовался для своих целей богом; задавив бога устройством церкви, обратился к науке, везде стараясь найти доказательства необходимости для большинства людей подчиниться меньшинству.

Каждый раз, когда на светлом и величественном храме науки появляется какая-то темная, подозрительная плесень, так и знайте — это мещанин коснулся храма истины своей нахальной, нечистой рукой...

Науку родили опыт и мысль человечества, она есть свободная сила, которую трудно подчинить интересам мещанства, — в науке не нашлось доводов, оправдывающих бытие мещанства, напротив — чем дальше она развивается, тем более ярко освещает вред паразитизма...

На почве усиленных попыток примирить непримиримое у мещанина развилась болезнь, которую он назвал — совесть. В ней есть много общего с тем чувством тревожной неловкости, которое испытывает дармоед и бездельник в суровой рабочей семье, откуда — он ждет —

— Конституция, голубчик, — свобода, значит.

— Свобода?

— Ну да. Свобода слова, печати, собраний... Понимаешь, можешь собираться, если захочешь.

— А еще что? — любопытствует булочник.

— Еще? Как бы это тебе об'яснить получше? Ну — свобода союзов... Об'ясни ему, Мари, — обращается господин за помощью к подошедшей жене.

— Мне трудно, — отказывается жена, — il ne comprend pas.

— Бородатое лицо булочника вдруг раз'ехалось в лукавую улыбку.

— Вот вы насчет печати изволили сказать. Сталобыть так-с. А то уж мы боялись — не нарочно ли эту статью в манифесте-то пропустили.

— Каково! Каково! — подтолкнул господин локтем жену. — Ты слышала?

— А потом еще выражали у нас надежду, — с самым невинным видом продолжает булочник, — надежду на учреждение социал-демократической республики.

— Что-о?

У господина поднялись брови и в'ехали под котелок.

— Что-о? Что ты выговорил! Да откуда ты это?...

— Вот так булочник, — сказал рядом студент. — Я думал—у него в голове выборгский крендель, а он, изволите ли видеть — социал-демократическая республика. И выговорил-то как — так и отчеканил. Проще чем сайка с маком... Ловко!...

— Что же это такое?—не могла прийти в себя дама.— Тетя Лиза еще сегодня за завтраком вместо „конституция" говорила „контрибуция", а тут вдруг булочник...

На балкон выходит новый оратор.

Толстый чиновник с кокардой на бархатном околыше внимательно слушал несколько минут и вдруг рассердился.

— Чорт знает что такое? Товарищ-товарищ, товарищ-товарищ, — ничего не поймешь.

— Правильно изволили заметить, господин, — поддерживал его рабочий. — Вам этот разговор очень трудно понимать, непривычка-с. Вам нужно: „мерзавец", раздва — да и в ухо. Это разговор — ясный. Его легко понимать.

* * *

Мимо Исаакиевского собора движется бесконечная процессия.

— Идут! Идут! — кричат друг другу извозчики.

Останавливают лошадей, снимают шапки. Идут.

Их пение, смягченное черными ночными туманами, звучит, как таинственно-вдохновенная молитва.

В зыбком свете редких фонарей колышатся их знамена длинными, прямыми, темными полотнищами. Они сбросили свой дневной алый радостный цвет и спокойные, могучие, ведут за собой свой народ, свое великое воинство, вперед, через черную ночь, к новому рассвету, в новую жизнь.

Тэффи.

его могут однажды выгнать вон. В сущности и совесть— все тот же страх возмездия, но уже ослабленный, принявший, как ревматизм, хроническую форму... Эта особенность мещанской души позволила мещанину создать новое орудие примирения — гуманизм, — это нечто вроде религии, но не так цельно и красиво: тут есть немного логики, немного доброго чувства, жалости и много наивности и всего больше христианского стремления дать людям, вместо хлеба насущного, мыльные пузыри. В конце концов это милостыня народу, довольно жалкие и пресные крохи, великодушно брошенные богатым Лазарем своему бедному тезке... Это не имело успеха, народ не насытился, не стал более кротким и попрежнему, хотя и безмолвно, но очень косо смотрел голодными глазами, как пожирались плоды его труда... Было ясно — гуманизм не может служить для мещан орудием защиты против напора справедливости...

Мещанин любит говорить народу: „возлюби ближнего своего, как самого себя", но под ближним всегда подразумевает только самого себя и, поучая народ любви, оставляет за собою право жить за счет чужого труда — незыблемым.

Когда мещанство убедилось, что народ не хочет быть гуманным и учение Христа не примиряет рабочего с его ролью раба, навязанной ему государством, — оно почувствовало и гуманизм, и религию, как излишний балласт в своей тесной, квадратной, маленькой душе, оно захотело освободить себя от этого балласта — отсюда и начался отвратительный процесс разложения мещанской души.

Нужно было видеть пьяную радость мещан, когда Ницше громко заговорил о своей ненависти к демократии!

Им показалось, что вот, наконец, явился некий Геркулес, он очистит авгиевы конюшни мещанской души от серой путаницы понятий, освободит из мелкой и пестрой сети чувствований, которую они так долго и усердно и бездарно плели своими руками, которая связала их взаимно друг друга отрицающими нитями, — я хочу, но я не должен, я должен, но я не хочу, — связала и привела в тупик бессильного отчаяния — я не могу жить. Мещанство немедленно сделало из Ницше идола, заключив всю многообразную душу его в один жуткий крик:

— Спасайтесь, как сможете. Мир погибает, ибо идет демократия!

Но это был крик агонии самого мещанского общества, издыхающего от утомления в поисках хотя бы и дешевого, но прочного счастья, хотя бы и скучного, но устойчивого покоя, тесного, но твердого порядка. Может быть, Ницше был гений, но он не мог сделать чуда, не мог влить новую горячую кровь в изношенные жилы и огнем своей души не мог пережечь мелких лавочников в аристократов духа. Призыв к самозащите пал на бесплодную почву — мещанство живет чужим трудом и может бороться только чужими руками...

Раньше оно могло покупать людей на службу себе деньгами, позднее подкупало их обещаниями и всегда обманывало. Теперь, когда люди начали понимать свои

Москва.

25 октября.

— В сегодняшнем номере „Русского Слова“ помещено следующее знаменательное письмо в редакцию: „Пережив ужасную душевную драму, я не нашел дальнейших сил для сделок с совестью, подал в отставку. Вместе с тем я возбудил ходатайство об исключении меня из казачьего сословия. Есаул Петр Ильченко“.

26 октября.

— В сегодняшнем номере „Русских Ведомостей“ помещено открытое письмо к митрополиту московскому и коломенскому Владимиру, подписанное профессорами и преподавателями московской духовной академии. В этом письме авторы его говорят, что десяток успокоительных слов, которые митрополит опубликовал в московских газетах, не может изгладить из памяти общества того, что было сказано народу с церковного амвона. „Для вашего высокопреосвященства,—говорится далее в письме,—существует только одно средство исправить допущенную вами ошибку: произнести с церковного амвона те слова мира и любви, которые вы высказали в вашем письме. Если вы действительно не находите оснований противодействовать освободительному движению и жаждете только всеобщего примирения и спокойной культурной работы в условиях новой свободной жизни, скажите это вашей пастве на том же святом месте, с которого вы заставили московское духовенство посылать проклятия борцам за наше освобождение“. Следующие заключительные строки письма набраны курсивом: „Призовите всех верных сынов православной церкви открыто и честно стать под знаменем свободы, водруженным над Россией высочайшим манифестом 17 октября текущего года“.

— В „Русском Слове“ помещено следующее знаменательное письмо нижних чинов I Донского казачьего полка: „Мы очень хорошо знаем и понимаем, что казаки других полков, которые сюда присланы, очень плохо себя ведут и большой стыд от них всему нашему войску. Очень нам жалко, что газеты не пишут номера полков, что обижают жителей. Москвичи будут думать, что это I полк безобразничает, а мы Христом богом клянемся, что не выпустили ни одной пули и никого не били. Мы стоим в Москве с самой турецкой кампании, и ни один москвич не имел на нас никакой претензии. Никто из гг. офицеров никогда нам не приказывал ни бить никого, ни трогать никого. Мы даже только теперь стали ездить с плетьми, а при генерале Вершинине, что командует теперь гвардейским нашим полком, даже многие их не имели совсем. Мы стараемся никого не обидеть. Собралось нас казаков 78 человек, да 11 гг. урядников, да два фельдшера. Все сие верно. Писал по просьбе казаков старший урядник Z. I полк“.

— Из Тулы телеграфируют некоторые подробности о прикосновенности губернатора Осоргина к последнему погрому: „Городской голова Волков, присяжный поверенный Рязанов и др. лица утверждают, что об избиении 21 октября говорили накануне ночью. Днем городской голова и прокурор просили губернатора предотвратить избиение, но все тщетно. Накануне черносотенцы качали губернатора Осоргина“.

— Из Киева сообщают: „Газеты вновь обезличиваются цензурой. 37 политических, заключенных в тюрьмах, не получая от Витте ответа на телеграмму об освобождении, об'явили голодовку“.

— Сегодня освобождены из мест заключения трое крестьян деревни Аксеновки, Можайского уезда, арестованных за распространение воззваний Крестьянского Союза среди своих односельчан. Арестованные, попавшие под амнистию, были встречены при выходе из тюрьмы группой своих земляков, устроивших своим односельчанам шумную овацию.

— Центральное бюро всероссийского союза почтово-телеграфных чиновников извещает, что с'езд представителей почтово-телеграфных учреждений, уполномоченных для окончательной выработки программы союза и пред'явления требований, состоится в первой половине ноября.

— Союз союзов решил официально открыть свою деятельность и осуществит свое намерение на-днях.

— Из Одессы сообщают „Русскому Слову“ следующие по-

личные интересы, их трудно обмануть. Люди все более резко делятся на два непримиримых лагеря — меньшинство, вооруженное всем, что только может защитить его, большинство, у которого только одно оружие — руки и одно желание — равенство. Направо стоят бесстрастные, как машины, закованные в железо рабы капитала, они привыкли считать себя хозяевами жизни, а на самом деле это — безвольные слуги холодного, желтого дьявола, имя которому—золото. Налево все быстрее сливаются в необоримую дружину действительные хозяева всей жизни, единственная живая сила, все приводящая в движение,— рабочий народ... сердце его горит уверенностью в победе, и он видит свое будущее — свободу...

Между этими двумя силами растерянно суетятся мещане, — они видят: примирение невозможно; им стыдно итти направо, страшно — налево, а полоса, на которой они толкутся, становится все теснее, враги все ближе друг к другу, уже начинается бой...

Что делать мещанину? Он не герой, героическое непонятно ему, только иногда на сцене театра он любуется героями, спокойно уверенный, что театральные герои не помешают ему жить. Он не чувствует будущего и, живя интересами данного момента, свое отношение к жизни определяет так:

Не рассуждай, не хлопочи,
Безумство ищет, глупость судит.
Дневные раны — сном лечи,
А завтра быть тому, что будет.

Живя — умей все пережить:
Печаль, и радость и тревогу.
Чего желать? О чем тужить?
День пережит — и слава богу...

Он любит жить, но впечатления переживает не глубоко, социальный трагизм не доступен его чувствам, только ужас пред своей смертью он может чувствовать глубоко и выражает его, порою, ярко и сильно. Мещанин всегда лирик, пафос совершенно не доступен мещанам, тут они точно прокляты проклятием бессилия...

Что им делать в битве жизни? И вот мы видим, как они тревожно и жалко прячутся от нее, кто куда может — в темные уголки мистицизма, в красивенькие беседки эстетики, построенные ими на скорую руку из краденого материала; печально и безнадежно бродят в лабиринтах метафизики и снова возвращаются на узкие, засоренные хламом вековой лжи тропинки религии, всюду внося с собою клейкую пошлость, истерические стоны души, полной мелкого страха, свою бездарность, свое нахальство, и все, до чего они касаются, они осыпают градом красивеньких, но пустых и холодных слов, звенящих фальшиво и жалобно...

Эту скучную и тревожную суету мещанства наших дней, испуганного предчувствием своей гибели, последнюю главу его бесцветной истории можно назвать так:

„Мещане, кто во что горазд!“

М. Горький.

дробности последних кровавых дней: „Всех убитых за четыре дня 1.100 человек, раненых, изувеченных и искалеченных до 3.000. Хоронят в братских могилах по 35-ти человек. Масса убитых неопознаны. Черносотенцы из хулиганов и полицейских провокаторов открыто называются „треповцами". Несколько офицеров, решившихся притти на помощь несчастным, которых убивали и грабили, подвергнуты наказанию и сидят на гауптвахте. В пассажирском поезде, пришедшем 21-го октября, найдено 10 убитых и более 20-ти раненых".

— Из Варшавы телеграфируют от 25-го октября: „Если провокация не прекратится, то, по слухам, решено обливать пойманных провокаторов бензином и зажигать их на улицах для устрашения черносотенцев".

— Сегодня комитет общественной самообороны, не имеющий ничего общего с комитетом, разработавшим проект об организации городской милиции, разработал проект организации общественных дружин самозащиты и постановил немедленно же приступить к этой организации. Будет устроен сбор пожертвований на вооружение для дружинников, и уже предложено всем союзам и другим общественным организациям собирать средства и организовать дружины общественной самообороны.

— В Москве организовался комитет по сбору пожертвований в пользу пострадавших во время последних еврейских погромов. Сегодня, в первый день деятельности комитета, собрано уже свыше 30 тыс. рублей. Члены комитета обратились с воззванием ко всем, без различия вероисповеданий и национальностей, притти на помощь пострадавшим евреям. Комитет получает со всех концов России сотни телеграмм с подробным описанием тех ужасов, которые происходили в разгромленных городах и которые превзошли все те бедствия, которые испытывали евреи до настоящего времени.

— „Вечерняя Почта" сообщает, что епископы Никон и Трифон, знаменитые своими патриотическими проповедями, в непродолжительном времени уходят на покой.

— На нескольких московских фабриках и заводах, в том числе и большой фабрике Р. Симона, рабочие пред'явили ряд экономических требований и заявили, что при неудовлетворении они забастуют. Часть требований удовлетворена, но рабочие заявляют, что не станут на работу, пока не будут удовлетворены полностью.

— Среди рабочих Московско-Брестской железной дороги, которой управляет полковник Мец, устраненный несколько лет тому назад от управления Петербургско-Варшавской жел. дор., заметно сильное брожение. Дело в том, что г. Мец принимал все меры к тому, чтобы противодействовать освободительному движению среди высших и низших служащих дороги, не брезгал угрозами, прибегал к насилию и замеченных „свободолюбцев" устранял от занимаемых должностей без всякого предупредительного заявления. В происходившем на-днях собрании служащие и рабочие единодушно выработали резолюцию, которой высказывается полное порицание действиям г. Меца. Эта же резолюция передана по телеграфу и кн. Хилкову.

— Отставка московского городского головы принята в думских городских сферах с полным равнодушием. Уже теперь образовались партии для избрания кандидатов на должность городского головы. Консервативная партия наметила А. И. Гучкова, прогрессивная партия—известного общественного деятеля проф. С. А. Муромцева. Выборы городского головы состоятся в непродолжительном времени, еще до начала выборов в городскую думу.

— Представители профессоров университета и остальных высших учебных заведений были у московского градоначальника бар. Медема и обратили его внимание на крайне тяжелое положение учащихся города Москвы, которые не застрахованы от повсеместного на них нападения. Точно так же депутация посетила прокурора судебной палаты, указала на ряд фактов, изобличающих действия полиции в крайне странной форме, а также сообщила о случаях, когда на глазах полиции избивалась учащаяся молодежь. Градоначальник и представитель судебной власти обещали принять энергичные меры к расследованию всего происходившего, а также и к тому, чтобы воспрепятствовать в дальнейшем нападению на учащихся.

— Сегодня получено известие из Рогачевки, Дмитр. уезда, Моск. губ., что врачи покинули селение в виду того, что черносотенцы решили разгромить земскую больницу. Рогачевка славится тем, что поставляет черносотенцев на Москву; почти все охотнорядцы вышли из этого села.

— А. И. Гучков выехал в Петербург. П. Крушеван выехал из Москвы.

— В Москве нарождается целый ряд новых союзов. Так, возникает союз служащих в кредитных учреждениях Москвы, союз драпировщиков-обойщиков, союз столяров и союз преподавателей средней школы.

— Сегодня в Петербург выезжает депутация от московских высших учебных заведений с целью разрешения здесь вопроса о начале учебных занятий в упомянутых заведениях.

— Студенты московской духовной академии заявили, что не начнут занятий, пока в академии не будет введена автономия. Ожидают, что занятия в московской духовной академии в текущем учебном году не возобновятся.

— Попечитель московского учебного округа, г. Шварц, внял наконец, единодушному желанию своих подчиненных и по телеграфу отправил в министерство ходатайство об отставке.

— Вчера состоялось общее собрание старост московских биржевых артелей. Из 37 биржевых артелей, имеющих в общей сложности более 5.000 членов, 34 прислали своих представителей. На обсуждение собрания был поставлен вопрос об организации союза биржевых артелей. Единодушно было признано, что такой союз является необходимой и неотложной потребностью. Затем был поднят вопрос об об'единении всех существующих в России биржевых артелей. Решено приступить к разработке устава об'единенных артелей и с этой целью учредить комиссию, в состав которой пригласить компетентных лиц и юристов.

— Московская городская управа сняла зимний театр „Аквариум" с целью предоставить театр для собраний и митингов. Театр будет сдаваться безвозмездно не только городским служащим, но и всем желающим. Митинги начнутся с сегодняшнего дня. Все дни уже разобраны на неделю вперед. Будут митинги столяров, плотников и ремесленников разных цехов.

— Об избрании помощником ректора московского университета нам передают следующие подробности: записками были предложены следующие кандидаты: проф. В. И. Вернадский и М. К. Любавский. Последний от баллотировки отказался. После подсчета голосов оказалось, что проф. Вернадский избран 56 голосами против 19. Избрание было встречено рукоплесканиями.

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Отзвуки погромов.

Владимир, 26 октября (СПА).—Депутация от окружного суда заявила прокурору о необходимости расследования погрома. Дума единогласно просит прокурора о гласном расследовании погрома, с участием представителя думы. В воскресенье в народном доме состоялся митинг, прошедший спокойно.

Киев, 26 октября (СПА).—Вчера происходило собрание купцов под председательством купеческого старосты Чоколова. Обсуждался вопрос об облегчении участи купцов-евреев, пострадавших от погрома. Постановлено организовать специальный комитет для этой цели; уполномочить Чоколова быть официальным представителем интересов пострадавших, ходатайствовать о сложении с них казенных налогов и отсрочке городских платежей.

Одесса, 25 октября (СПА).—Дума постановила образовать особую комиссию для собирания и выяснения заявлений пострадавших и свидетелей на основании точных данных и ходатайствовать о возбуждении судебного преследования против виновных. Дума ассигновала 25.000 рублей в пользу пострадавших от беспорядков и 10.000 рублей на организацию охраны городских зданий и поддержание порядка в городе.

В редакциях всех газет организован комитет для сбора пожертвований в пользу пострадавших.

На бирже состоялось совещание представителей торговли. Постановлено обратиться к управлению железных дорог и обществу пароходства с просьбой не принимать перевозки товаров без фактуры и удостоверения самоличности грузителя, органи-

зовать комитет из представителей банкирских учреждений для оказания кредита пострадавшим фирмам.

Сегодня похоронено около 200 опознанных трупов.

Васильков, 25 октября (СПА).—Тревожные дни прошли, еврейское население начинает успокаиваться.

Новгород-Северск, 25 октября (СПА).—Сегодня состоялось заседание городской думы. Был прочитан манифест и решено в целях охраны ходатайствовать о присылке на постоянный постой казаков. Организуются ночные патрули из местных домовладельцев. В городе спокойно.

Новороссийск, 25 октября (СПА).—По городу расклеено воззвание гласных думы, приглашающее население к мирному восприятию дарованной свободы. Воззвание заканчивается следующими словами: „В свободной отныне России не должно быть произвола, насилий и бесправия. Свободные граждане должны строго и по совести соблюдать законы страны, пока они не заменены новыми. Довольно жертв! Довольно крови!"

Симферополь, 25 октября (СПА).—Город принял обычный вид. Большая часть войск с улиц снята. Следы погрома уничтожаются. Еврейские лавки открылись.

Мозырь, 25 октября (СПА).—Во вчерашнем собрании представителей города, социал-демократической организации и русской партии дано обоюдное обязательство мирного сожительства еврейского и русского населения. Фабрики и железная дорога принялись работать.

Иваново-Вознесенск, 25 октября (СПА).—Погромы стихают, фабрики стали работать. Почти все евреи уехали из города.

Елисаветград, 25 октября (СПА).—Избран комитет по оказанию помощи пострадавшим от беспорядков. Магазины открыты. Город успокаивается.

Освобождения политических.

Васильков, 25 октября (СПА).—Освобождены 8 политических арестованных. В местечке Ракитном начавшийся погром немедленно остановлен.

Херсон, 25 октября (СПА).—В городе спокойно. Освобождено 47 политических заключенных.

Минск, 25 октября (СПА).—Из тюрьмы освобождено 16 политических арестованных.

Возобновляется издание газеты „Северо-Западный Край" в прежнем составе сотрудников.

Забастовки и демонстрации.

Ишим, 26 октября (СПА).—По приглашению управы вчера на площади в присутствии всех учащихся и многочисленной публики отслужен молебен по случаю манифеста о даровании свободы. Затем по требованию публики отслужена панихида в память погибших борцов за свободу. Публика пропела вечную память и „боже, царя храни". Были речи. Собрание закончилось шествием по главным улицам с пением. Вечером была устроена иллюминация.

Варшава, 26 октября (СПА).—После общей забастовки вчера впервые появились в Варшаве извозчики. Сегодня открыты магазины; на Привислинских и Варшаво-Венской дорогах движение не возобновлялось. Конки, телефоны и аптеки пока бездействуют.

Пенза, 26 октября (СПА). — Прекратившееся вследствие забастовки пассажирское движение Ряжск-Рузаевка-Ртищево восстановилось.

Гельсингфорс, 26 октября (СПА).—По постановлению университетского совета, занятия и лекции в университете вчера возобновились. Студенты политехнического института на общей сходке постановили уведомить совет о прекращении ими забастовки. Все школы возобновили вчера свою деятельность.

Воронеж, 25 октября (СПА).—На юго-восточных железных дорогах правильное пассажирское движение восстановлено с 24 октября, и в ночь с 24 на 25 октября введено в действие зимнее расписание движения пассажирских поездов.

Мало-Архангельск, 25 октября (СПА).—Об'явление *манифеста 17 октября* отпраздновано торжественно. Вечером состоялся банкет с речами. Публикой была пропета вечная память погибшим за идею освобождения борцам.

Юрьев, 25 октября (СПА). — Жизнь города вошла в обычную колею.

Иркутск, 24 октября (СПА). — После десяти дней забастовки железнодорожное сообщение с Россией возобновилось экспрессом, вышедшим отсюда в полдень. За ним отправлен задержанный вчерашний почтовый.

В Иркутске сосредоточено несколько сот человек, принадлежащих к составу Красного Креста и задержанных здесь забастовкою дороги.

В Иркутске полное спокойствие.

Самооборона и милиция.

Москва, 26 октября (СПА). — Сегодня дума отклонила большинством всех против 10 голосов учреждение городской милиции.

Сегодня возвратились делегаты, посланные думой к графу С. Ю. Витте. Граф обещал принять все меры к успокоению умов.

Виндава, 26 октября (СПА). — Здесь образуется самооборона, состоящая из представителей всех слоев общества, для защиты жизни и имущества.

Рига, 25 октября (СПА). — День прошел спокойно. Студенческая самооборона дежурит в еврейском предместье.

Сызрань, 25 октября (СПА). — В экстренном заседании дума, в ознаменование манифеста 17 октября, постановила освободить всех учащихся от платы во всех городских школах.

Одесса, 26 октября (СПА). — Городская дума обратилась к населению с воззванием, в котором просит успокоиться и найти в себе твердость, чтобы прекратить горе, облегчить несчастных и возвратиться к труду, взаимной помощи и сознательной работе на началах гражданской свободы.

Управа, принимая во внимание, что спокойствие в городе не вполне установилось, обратилась к командующему войсками с просьбой назначить охрану в местах, где размещены жители, пострадавшие от погрома.

Местный отдел академического союза решил собрать весь материал, относящийся к беспорядкам. Специальная комиссия отдела решила лично представить графу С. Ю. Витте этот материал с указанием виновников погрома.

Прокурор окружного суда просит всех жителей города, бывших очевидцами преступлений во время беспорядков, заявлять ему или судебным следователям об этом.

Пожертвования в пользу пострадавших поступают в большом количестве.

Население понемногу успокаивается. В гавани возобновился подвоз товаров и погрузка товаров на пароходы. Заграничные хлебные фирмы заявили, что согласны покупать только хлеб, находящийся в пути.

Чернигов, 26 октября (СПА). — (Оф. корр.)—Начались аграрные беспорядки в уездах Нежинском, Суражском, Козелецком, Черниговском, Городнянском, Новозыбковском, Сосновицком.

Антиеврейские беспорядки продолжаются в некоторых уездах. Войск, находящихся в распоряжении властей, недостаточно.

Ревель, 26 октября (СПА). — В состоявшихся сегодня собраниях рабочих решено возобновить работы на всех фабриках и заводах завтра утром.

В уезде образовалось несколько шаек из лиц пришлого элемента, пытающихся поднимать население против помещиков. Одной из таких шаек уничтожена плотина в имении Костифер; произведен погром в имении Руйль. Близ станции „Лахт" сформировалась другая шайка, угрожающая окрестным имениям. Приняты энергичные меры к рассеянию шайки и задержанию злоумышленников.

Нижний-Новгород, 26 октября (СПА).—Дума в экстренном собрании образовала комитет с целью умиротворения партий и выработки воззвания к населению о спокойной работе. В городе до сих пор благополучно. Дума по этому поводу совершила благодарственный молебен.

Кострома, 26 октября (СПА). — Судебное следствие о побоище 19 октября идет спешно. Является масса лиц, желающих давать показания. В силу манифеста освобождены из тюрьмы 5 политических заключенных, в том числе двое приговоренных судом и трое находившихся под следствием.

Екатеринбург, 26 октября (СПА). — Восстановилось полное спокойствие. Начато энергичное следствие по поводу последних событий.

Батум, 26 октября (СПА). — Закрыты все учебные заведения, банки, конторы и магазины. Прибывшие пароходы уходят, не выгружая, не нагружая товаров; некоторые стоят на рейде. Генерал-губернатор созвал по этому поводу совещание с купцами и промышленниками. Прибыло военное судно „Донец".

Валки, 26 октября (СПА). — Губернатор просит предводителя дворянства принять меры к широкому ознакомлению населения с манифестом 17 октября и успокоению общества.

Рыбинск, 26 октября (СПА). — Сегодня в 12 ч. прекратилась забастовка железнодорожных мастерских. Устанавливается правильное движение поездов по линии Рыбинск — Бологое.

Измаил, 26 октября (СПА) — Произведенный еврейский погром прекращен пограничной стражей.

Екатеринослав, 26 октября (СПА). — Железнодорожное движение восстановлено. Трамвай бастует. В городе спокойно. Раз'езжают патрули.

Киев, 26 октября (СПА). — Войска, охранявшие политехникум, сняты, и доступ туда студентам открыт. Университет попрежнему охраняется войсками.

Во вчерашнем заседании центрального комитета по оказанию помощи пострадавшим от погрома среди присутствующих собрано по подписке 250.000 рублей.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Нью-Йорк, 25 октября (7 ноября) (СПА). — Состоялся многолюдный митинг, организованный здешним еврейским обществом. Образован комитет для сбора пожертвований в пользу евреев в России, пострадавших от погрома. В этот фонд уже поступило 56.800 долл. от лиц различных вероисповеданий, но преимущественно от евреев. Из Лондона, Парижа и Берлина получены телеграммы с выражением желания организовать международное общество для помощи пострадавшим от погрома евреям. Распределять пособие предполагается через британских дипломатических агентов.

Париж, 25 октября (7 ноября) (СПА). — На состоявшемся в Елисейском дворце заседании совета министров решено назначить выборы для частичного обновления сената на 25 декабря (Гавас).

Лондон, 25 октября (7 ноября) (СПА). — В помещении банкирской конторы лорда Ротшильда состоялось сегодня после полудня собрание выдающихся представителей еврейского общества; решено, что русско-еврейский комитет выпустит воззвание о пожертвованиях в пользу фонда для вспомоществования евреям, явившимся жертвами беспорядков в России (Рейтер).

Лондон, 25 октября (7 ноября) (СПА). — „Королевское общество" назначило в нынешнем году медаль профессору Д. И. Менделееву за его заслуги в области химии и физики.

Решт, 26 октября (СПА). — Сообщенное „Закаспийскому Обозрению" из Энзели сведение, будто в северной Персии, под влиянием духовенства, персы бойкотируют армян — неверно. Отношения персов к армянам попрежнему прекрасны.

Нью-Йорк, 25 октября (7 ноября) (СПА). — Из Каракаса передают слух, что французский уполномоченный в делах покинул Венецуэлу (Рейтер).

К вопросу о Совете Депутатов.

26 октября состоялось соединенное собрание членов районных комитетов фракций большинства и меньшинства социал-демократической партии по вопросу об отношении к Совету Рабочих Депутатов. Как известно, в состав Совета входят выбранные от фабрик и заводов Петербурга рабочие, которых можно разделить на три группы: социал-демократов, „беспартийных" и весьма незначительную группу — „социалистов-революционеров".

„Беспартийные" большею частью стоят бессознательно на социал-демократической точке зрения, голосуя за все социал-демократические резолюции. Благодаря этому последние принимались Советом все время огромным большинством голосов. „Известия Рабочих Депутатов" также носят характер социал-демократического органа, все статьи писались в нем социал-демократами. Таким образом, фактическими руководителями Совета являются социал-демократы. Но по отношению к партии Совет занимает, однако, весьма странное положение, ибо, будучи, с одной стороны, фактически социал-демократическим, он в то же время не стоит ни в каких обязательных отношениях к партии. В боевой момент проведения всеобщей стачки этот вопрос не стоял перед Советом, который в сущности был стачечным комитетом, но теперь в самом Совете возникает вопрос, к какой партии он должен примыкать. На состоявшемся на-днях заседании Федеративного Совета фракций большинства и меньшинства была вынесена единогласно резолюция в том смысле, что Совет Рабочих Депутатов, если он предполагает играть политическую роль, а не ограничивает свою деятельность известными, совершенно определенными, конкретными функциями,—должен стать под руководство Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Вчерашнее собрание целиком было посвящено вопросу о том, как провести эту резолюцию в жизнь. Представители фракции „меньшинства" прежде всего заявили, что резолюция Федеративного Совета для них не обязательна, так как она не утверждена районными комитетами. Признавая затем необходимость придать Совету социал-демократическую окраску, представители меньшинства рекомендовали не торопиться превратить Совет в партийную организацию, советуя „замять" вопрос о характере Совета, если б он даже возник в самом Совете.

Представители фракции „большинства", напротив, полагали, что не дело социал-демократов „заминать" вопросы и что, так как в Совете вопрос о том, чем он должен быть, уже поставлен на очередь, то социал-демократы должны отстаивать в нем ту точку зрения, что раз он хочет быть политической организацией,— он должен признать руководство Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. „Беспартийным" Совет мог бы быть только в том случае, если б он превратился в профессиональную организацию, созданную для осуществления известных конкретных целей, или преследовал бы определенные соглашения между различными организациями в целях борьбы.

По окончании обсуждения резолюции Федеративного Совета с принципиальной ее стороны, была внесена от имени Фед. Сов. резолюция практического характера.

В ней рекомендовалось: 1) устроить ряд митингов для выяснения значения социал-демократической партии как единственной руководительницы классовой борьбой пролетариата, 2) устроить порайонные собрания членов районных комитетов фракций большинства и меньшинства и районных депутатов социал-демократов с целью выяснения вопроса, на каких заводах следует устроить дополнительные выборы или переизбрания, наметив совместно общих кандидатов, 3) образовать в Совете Рабочих Депутатов социал-демократический bloc.

Уже после того, как резолюция была поставлена на голосование, представители меньшинства заявили, что собрание является неправоспособным, так как на нем присутствуют не все члены районных комитетов фракции меньшинства. В виду этого представители меньшинства отказались от голосования. Оставшимися членами районных комитетов резолюция Федеративного Комитета была принята единогласно.

Из записной книжки хроникера.

14 октября.

— Петербург разделяется на 4 военных района с 4-мя генералами во главе. Каждый генерал получает широкие полномочия насчет стрельбы.

— К забастовке примыкает большинство страховых обществ, банков и частных контор.

— Закрываются все средние учебные заведения и школы.

— Шансы графа А. П. Игнатьева на премьерство растут.

— В некоторых частях города перестает действовать водопровод.

— На Невском от Николаевского вокзала до Казанского собора гаснет электричество.

— На улицах патрули.

— В большинстве театров представления отменяются.

— В университете митинги: писателей, конторщиков, железнодорожников, инженеров, рабочих, студентов, гимназистов, реалистов и мн. др.

— Митинги: в технологическом институте, на высших женских курсах, в академии художеств, на курсах Лесгафта и в др. уч. зав.

— Наборщики бастуют.

— По Николаевской жел. дор. пришли 3 поезда.

— Телефонное сообщение в городе прекращается.

— 17 союзов примыкают к забастовке.

— 4 члена союза инженеров: Ковалев, Макаров, Готлиб и Кирпичников арестованы.

— Союз мастеров и техников бастует.

— Приказ „патронов не жалеть“ бездействует.

15 октября.

— Бастуют аптеки. В аптеках Сергиевской, Спасопреображенской, Владимирской и у Каменного моста разбиты окна, после чего они закрываются.

— Бастуют мировые судьи, окружный суд и палата.

— Забастовали учителя всех женских институтов.

— В военно-медицинской академии организуются санитарные отряды.

— Санитарные отряды формируются в женском институте, на высших женских курсах и в других уч. зав.

— Военный министр закрывает военно-медицинскую академию.

— Высшие женские курсы и женский медицинский институт закрываются.

— На фабрике Пельцера убит 1 рабочий, ранено 2 солдата.

— На митинге рабочих Обуховского завода постановлено не давать продовольствия казакам.

— Служащие сената и государственной типографии бастуют.

— Численность патрулей увеличивается.

— Шансы Витте падают.

— Приказ „патронов не жалеть“ бездействует.

16 октября.

— Служащие Государственного банка бастуют.

— Весь город в войсках.

— Технологический институт осаждается по всем правилам военного искусства; в осажденном институте 83 студента и профессор.

— Бастуют: главная телефонная станция, электрические о-ва: Сименс и Гальске, Шуккерт и „Надежда“.

— Солдаты, работающие на электрических станциях, обратились к рабочим с просьбой снять их.

— Забастовала Финляндская жел. дор.

— Войскам, исполняющим патрульную службу, увеличивается содержание.

— Приказ „патронов не жалеть“ бездействует.

17 октября.

— Забастовка растет.

— Улицы переполняются войсками.

— Все учебные заведения осаждаются войсками.

— Войска на улице прибывают.

— Вечером об'явлен манифест.

— Приказ „патронов не жалеть“ начинает действовать.

— Осажденный технологический институт подвергался обстрелу.

— Граф Витте начинает принимать депутации.

— Вышел 1-й номер „Известий Совета Рабочих Депутатов“.

— Манифест расклеивается на улицах.

18 октября.

— Народ огромными толпами с красными флагами приветствует свободу.

— Войска успокаивают публику шашками и пулями.

— Граф Витте принимает депутацию.

— Приказ „патронов не жалеть“ действует crescendo.

— Черносотенцы и хулиганы избивают свободных граждан.

— У технологического института стрельба усиливается.

— Граф Витте принимает еще одну депутацию.

— Конногвардейцы работают шашками.

— Типография „Сын Отечества“ подвергается тщательному обыску.

— Корнет Фролов наносит 3 раны проф. Е. В. Тарле,

19 октября.

— Манифест о свободах заклеивается Треповским приказом, подтверждающим готовность расстреливать.

— Из автономного университета изгоняется публика и тут же избивается.

— Все высшие учебные заведения закрываются; у входа стража.

— На Выборгской стороне резня; убитых и раненых около 200 человек.

— Граф Витте принимает 4 депутации.

— Приказ „патронов не жалеть“ действует во-всю.

20 октября.

— Треповский „манифест“ заклеивается правительственным сообщением, возвещающим, что пока действуют старые законы.

— Черная сотня „работает“, поощряемая полицией.

— Граф Витте принимает депутации и говорит „не как граф, а как русский человек“.

— Приказ „патронов не жалеть“ действует.

21 октября.

— Весь город в войсках.

— Резня утихает.

— Граф Витте ведет газетные разговоры „не как граф“...

— Черная сотня работает.

— Апраксинцы и сенновцы организуются.

— Прием депутаций у графа Витте продолжается.

22 октября.

— Обнародована амнистия.

— Манифестанты с белыми флагами получают царскую благодарность за патриотические чувства.

— Рабочий Совет назначает торжественные похороны погибших на улицах.

— Трепов напоминает о патронах.

— Граф Витте ищет министров и принимает депутации.

— Рабочий Совет отменяет похороны, заявляя, что даст сражение, когда пролетариат подготовится.

— Таганцев отказался от портфеля министра народного просвещения.

23 октября.

— Невский с утра переполняется народом.

— Войска и патрули спрятались внутри дворов.

— Витте ищет министров.

— По распоряжению администрации погром черной сотни отложен.

— А. Постников отказывается от портфеля министра народного просвещения.

— Патрули появляются на улицах.

— Треповский приказ „патронов не жалеть“ бездействует.

24 октября.

— Черная сотня деятельно подготовляется.

— Витте ищет министров.

— Патрули оставляют улицы и размещаются внутри домов.

— А. Ф. Кони отказывается от портфеля министра народного просвещения.

— Вечерние газеты назначают новых министров.

— Витте заявляет, что он хотя и говорил, но собственно ничего не говорил.

— Трепов собирается уйти.

25 октября.

— Газеты окончательно назначают министров.

— Кн. Е. Н. Трубецкой собирается отказаться от портфеля министра народного просвещения.

— Патрули на улицах и в домах.

— Трепов не уходит.

— Витте ищет министров.

— Витте переезжает в запасный дворец.

26 октября.

— Кн. Е. Н. Трубецкой еще не отказался от портфеля.

— Ищут министров.

— Газеты делают 7-ую перетасовку министров „по самым достоверным сведениям“.

— Трепов уходит, но не скоро.

Л. Львов

Хроника.

— На одном из своих последних заседаний соединенное собрание центрального и местных бюро Союза союзов приняло следующее постановление:

„В Центральный Комитет Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии.

„Соединенное собрание центрального и местных бюро Союза союзов с глубокой скорбью узнало о смерти даровитого и стойкого борца за счастье и свободу народа, Николая Эрастовича Баумана.

„Собрание шлет выражение своего сочувствия Партии, выдающимся членом которой был покойный“.

— К убийству М. Ю. Гольдштейна. На запрос супруги М. Ю. Гольдштейна к управляющему губернией ген. Храповицкому, последний ответил: „М. Ю. Гольдштейн 19 октября, во время столкновения двух партий, избит, при чем скончался в тот же день от полученных увечий“.

— Кровавые события, которыми ознаменовались первые дни после обнародования манифеста о свободе и неприкосновенности личности, вызвали уже сильную реакцию. Быстрый переход от минутной радости к сознательному возмущению борющихся масс реально обрисовался среди поляков. Недоверие к манифесту вызвало между представителями двух несовместимых польских политических партий — социалистов (п. п. с.) и националдемократов (н. д.) переговоры об об'единении для совместной усиленной борьбы.

— Трепов ушел. 26-го вечером ген. Трепов подал в отставку. Отставка принята.

— Московский митрополит Владимир уходит на покой.

— О „Крестах“. До опубликования амнистии все петербургские тюрьмы были заполнены политическими преступниками. На Выборгской стороне, в так называемых „Крестах“, политическими была заполнена даже домовая церковь. На дверях церкви был вывешен аншлаг, гласивший, что „по случаю ремонта церковь закрыта“.

— Министр юстиции С. С. Манухин по соглашению с министром внутренних дел вошел в Государственный Совет с новым законопроектом для установления уголовной ответственности за распространение ложных сведений о деятельности правительственных установлений и должностных лиц. По мнению Манухина, в настоящее время распространение таких сведений законом не карается.

— За период всеобщей забастовки из военных учебных заведений—кадетских и пажеского корпусов—уволено несколько воспитанников, открыто высказавших свою солидарность во взглядах, проводившихся в других забастовавших

учебных заведениях. Помимо увольнения, „вольный дух“, проникший в кадетские дортуары, был причиной уже приводившегося в газетах факта отобрания от кадет оружия.

— В Главном управлении по делам печати прежнего оживления как не бывало. В виду отсутствия работы, служащие приходят в управление после часу дня и направляются прямо в буфет. Все столичные издания приостановили обязательную присылку сюда газет и журналов, и лишь только провинция, очевидно, еще по старым традициям, высылает экземпляры своих изданий. Цензурный комитет, до сих пор занимавшийся пересмотром рукописей, в настоящее время сидит без работы, так как еще неделю тому назад приток рукописей совершенно приостановился. Таким образом, осталось без обыкновенной работы около двадцати цензоров.

— В бюрократических сферах. Коммиссия под председательством графа Д. М. Сольского в двух заседаниях выработала вчерне проект реорганизации Государственного Совета. Главные основы реформы сводятся к следующему:

Государственный Совет будет состоять из членов двоякого рода: одни—по назначению, другие—по выбору.

По вопросу о выборах возникли два мнения: одни предполагали сосредоточить выборы в губернских собраниях выборщиков в Государственную Думу; другие находили более целесообразным предоставить выборы членов Государственного Совета губернским земским собраниям. Выработанный вчерне проект остановился на последнем. Губернские земские собрания будут выбирать по одному на каждую губернию члену Государственного Совета. Помимо земских собраний, выбирают членов Государственного Совета еще биржевые комитеты, тоже по одному члену. Выбранные члены никакому утверждению не подлежат.

Каждый выборный член Совета пребывает в этом звании 5 лет, по прошествии которых может быть снова выбран на второе пятилетие.

Таким образом, первоначальное количество членов Государственного Совета по выбору будет простираться приблизительно до 40. Это количество будет увеличиваться, по мере введения земского положения в неземских губерниях.

Далее проект предлагает представлять на усмотрение только мнение большинства в том случае, если это большинство составит не менее 2-х третей присутствовавших; в противном случае, представляются на утверждение оба мнения.

Далее проект предусматривает реформу делопроизводства государственной канцелярии.

Проект этот по окончательной выработке пойдет на рассмотрение кабинета министров.

— Назначение кн. Урусова министром внутренних дел еще не решено. В высших сферах кандидатом на этот пост называют также князя П. Д. Святополк-Мирского, которого С. Ю. Витте пригласил в Петербург.

— На место ушедшего товарища обер-прокурора синода Ширинского-Шихматова назначен и уже вступил в исполнение своих обязанностей директор канцелярии синода Остроумов.

— 25 октября в Петербург прибыл редактор „Освобождения“ П. Б. Струве. С ним прибыл член редакции „Нашей Жизни“ В. В. Водовозов, приговоренный бывшим киевским генерал-губернатором Клейгельсом к 3 мес. тюремного заключения. Одновременно с ними выехал из Берлина В. А. Поссе, бывший редактор петербургского журнала „Жизнь“, потом, после его закрытия, редактировавший социал-демократический журнал в Париже под тем же названием. Г. В. Плеханов нездоров, и потому вряд ли ему удастся выехать скоро; у П. Б. Аксельрода опасно больна жена, и потому тоже нет надежды на его скорое возвращение („Н. Ж.“).

— В пятницу, 28 октября, к 3 часам дня, в столовой Лесного института группой студентов социал-демократов назначена сходка. Просят товарищей, живущих в городе, явиться на сходку для разрешения текущих вопросов, имеющих важное значение.

— Начальником охтенских заводов взрывчатых веществ ген.-м. Липницким 20 октября был об‘явлен расчет рабочим механической мастерской капсульного производства. Увольнение рабочих (в числе 87 человек) мотивируется состоявшимся на днях их постановлением забастовать на три дня. Забастовка была вызвана тем, что начальник заводов, разрешив рабочим на основании манифеста устроить 18 октября митинг в помещении заводской столовой, в то же время вызвал войска, которые заняли помещение, предназначенное для митинга; последний, конечно, не состоялся. Расчет назначен в трехдневный срок до 26 октября включительно. Кровавых столкновений не было.

— Российское телеграфное агентство закрыло свою типографию и рассчитало своих наборщиков (6 человек).

Телеграммы теперь воспроизводятся на гектографе с помощью циклостиля.

Бюро союза печатного дела приняло меры к приисканию работы для рассчитанных наборщиков и поручило юрисконсульту пред‘явить иск к Российскому телеграфному агентству об уплате рассчитанным за две недели вперед.

— В типографии Каспари, в которой печатался журнал „Родина“, рабочими срезана в стереотипе цензурная пометка о разрешении.

Каспари уволил наборщика, срезавшего пометку.

Бюро союза печатного дела приняло меры к выяснению инцидента.

— Примкнувшие к общей политической забастовке наборщики „Ведомостей Петербургского Градоначальства“ были расчитаны без уплаты денег за две недели вперед, следуемых им согласно 104 ст. уст. о промышленности.

При расчете им было заявлено, что, если они явятся с требованием денег, они будут изрублены городовыми. Факт этот сообщен в Бюро союза рабочих печатного дела. Бюро отправило рассчитанных рабочих к старшему фабричному инспектору с заявлением протеста против невыдачи жалования за 2 недели вперед.

С своей стороны Бюро приняло меры к приисканию мест для рассчитанных рабочих и поручило своему юрисконсульту пред‘явить иск к градоначальству.

— Из Архангельска сообщают, что под впечатлением последней резни и недвусмысленных угроз со стороны черной сотни, оттуда на-днях вынужден был выехать прис. пов. П. Н. Переверзев, имевший значительную практику и пользовавшийся большими симпатиями среди населения.

— Настроение служащих и рабочих Николаевской жел. дор. приподнятое. Особенно их возмущает невыдача „наградных“ (свыше 100 тыс. руб.), уже давно ассигнованных и исчезнувших неизвестно куда. Если эти деньги им не будут выданы, железнодорожники-николаевцы предполагают снова начать забастовку с 4 ноября.

— 23 октября, вечером, на Выборгской стороне два пьяных казака приставали к прохожим, требуя денег „на пиво“. Отказывавших они хлестали нагайками. Стали собираться рабочие с целью обуздать их, но они скрылись в пивную, где потребовали бесплатного угощения пивом. Толпа долго ждала казаков на улице и, наконец, вытащила их из пивной и стала бить. В это время налетели еще 12 казаков, которые немедленно пустили в ход нагайки. („С. О“.)

— 25-го октября на статистических курсах состоялась сходка слушателей.

После продолжительных дебатов „на злобу дня“ была принята следующая резолюция: „Мы, слушатели статистических курсов, считаем долгом приветствовать действующие прогрессивно-радикальные партии, пролетариат, рабочих и часть прессы, как самоотверженных борцов, долго выносивших на своих плечах дело обновления страны, своею кровью, жизнью и годами тюрьмы плативших за служение идее, тех борцов за свободу и право, амнистия которым не милость, а запоздавшая должная дань.

„Разделяем единодушное негодование на организацию черных сил, еврейских погромов, избиение интеллигенции и учащихся.

„Признавая за актом 17-го октября важным лишь принципиальное значение, вопрос о прекращении забастовки оставляем открытым, но в дальнейшем подчиняемся голосу стачечного комитета. Как слишком малочисленная группа, мы не можем выступить особой коллективной единицей, а потому оставляем в силе прежнее постановление: примкнуть к уже существующим организациям.

„Считаем долгом присоединиться к дружному требованию народа полной и общей амнистии, формулированной бюро Союза союзов“.

— Постановление думы от 24 октября. С.-Петербургская городская дума, приветствуя монаршее решение умиротворить страну путем политической амнистии, считает, однако, своей священной обязанностью высказать, что при тех условиях, в коих находится обновляемая ныне Россия, необходимо бесповоротное забвение тяжелого прошлого и дарование полной амнистии по всем религиозным и политическим делам, по коим уже состоялись судебные приговоры, а равно и по

тем, по коим судебное разбирательство еще не закончено или даже не начато, не исключая из сих дел и посягательств, вызванных враждою одной части населения против другой.

Признавая вместе с сим, что значительное обострение последних событий вызвано из'ятиями из общего судебного порядка дел политических и широкими применениями чрезвычайных мер, до полевых судов включительно, дума находит, что ныне же следует отменить всякое административное по делам политическим разбирательство, к которому относится и производство в судах военных. Передача такому разбирательству судебных дел колеблет силу закона. Неприкосновенность личности немыслима без суда независимого. Наконец, в тех же видах всеобщего умиротворения дума признает в высшей степени необходимым немедленную бесповоротную отмену смертной казни: 1) Лишая наказываемого блага невосстановимого, смертная казнь роковым образом увековечивает ошибки, столь возможные во всяком уголовном процессе. 2) Наказание это противно историческим заветам нашего законодательства. 3) Наука его отвергла, а жизнь требует его упразднения.

— Вернувшийся из-за границы профессор А. А. Исаев, прочтет в воскресенье, 30 октября, в зале Тенишевского училища лекцию на тему: „Общественное движение на Западе и в России". Начало лекции в 2 часа дня.

— 25 октября в фойэ Нового театра состоялось чрезвычайное собрание членов союза сотрудников периодической печати. Главный интерес собрания сосредоточился на критике деятельности нынешнего совета, мало отвечающей, по мнению многих, основным целям союза. После долгих дебатов членов союза и членов совета (всячески старавшихся реабилитировать себя) собрание постановило просить бывших членов совета К. И. Арабажина, Лесмана и Носкова подготовить дела совета для сдачи их новому совету, который предполагается избрать в следующем собрании.

Перед началом собрания присутствовавшие почтили вставанием память всех погибших в последние дни борцов за свободу как в Петербурге, так и других городах, а также выразили сочувствие члену союза г. Мукалову, раненому на Невском проспекте.

В последнем заседании избрано в состав союза 49 новых членов. Следующее собрание состоится 30 октября в коммерческом училище Шрекника (Загородный пр.).

— 14-го сентября на общем собрании петербургского союза учителей и деятелей по школьному и внешкольному образованию выделилась группа социал - демократов, не считающая возможным принять политическую платформу, принятую на всероссийском с'езде учителей, состоявшемся в Финляндии в июне настоящего 1905 года. Группа эта образовала отдельный союз, приняв программу социал - демократической рабочей партии. Приводим устав этой группы:

Устав социал-демократического союза деятелей по школьному и внешкольному образованию.

§ 1. Союз ставит себе целью об'единение деятелей по школьному и внешкольному образованию для создания условий, способных обеспечить существование свободной школы, одинаково доступной для всего населения.

Разделяя классовую точку зрения пролетариата и находя, что создание такой школы невозможно в рамках господствующего буржуазно-капиталистического строя, союз считает необходимым коренное переустройство существующего строя на основах социализма.

§ 2. Ближайшие задачи союза:

а) Содействовать выяснению классового самосознания как в сфере своей профессиональной деятельности, так и среди широких слоев населения.

б) Расширять и углублять политическое и экономическое мировоззрение своих членов.

в) Освещать вопросы школьной жизни.

г) Защищать профессиональные интересы своих членов.

Состав союза.

Членами союза могут быть все деятели по школьному и внешкольному образованию, сочувствующие целям и задачам союза.

Организация союза.

Союз представляет из себя федерацию местных групп. Об'единяющим органом является федеральное бюро.

Во внутренней организации местные группы пользуются полной автономией.

Средства союза составляются из членских взносов и других поступлений, при чем местные группы отчисляют определенный процент в распоряжение федерального бюро. Размер членского взноса определяется местной группой.

— Требования столичных пожарных. Петербургские пожарные вчера, 26 октября, возбудили перед своим начальством ряд требований исключительно экономического характера.

Пожарные требуют увеличения содержания на 60 руб. в год, выдачи на руки денег, причитающихся им за обмундирование и пищу, выдачи денег на наем квартиры семейным пожарным, упразднения школьной гимнастики в учебной команде при рождественской части, заменив ее преподаванием грамоты и письма, уменьшения денежных штрафов, изменения предполагаемого к утверждению нового пенсионного устава и проч.

Требования пожарных, изложенные письменно, сегодня будут представлены бранд-мейстерами бранд-майору.

Резолюция пастырского собрания петербургского духовенства.

Пастырское собрание петербургского духовенства, обсудив вопрос о современном положении духовной школы и духовного образования в России, пришло к следующим заключениям:

1) Пастырское собрание выражает полное убеждение, что волнения в наших высших и средних духовных школах есть следствие ненормального их положения; в виду этого собрание решительно протестует против массового увольнения воспитанников академий и семинарий.

2) Относительно духовных академий пастырское собрание убеждено в неотложности дарования им полной автономии.

3) Пастырским собранием признается настоятельно необходимым свободный доступ воспитанников средних, мужских и женских духовных школ во все высшие учебные заведения на общих основаниях, для чего необходимо уравнять общеобразовательный курс семинарий и курс епархиальных женских училищ с курсом гимназий.

4) Пастырское собрание настаивает на полном устранении каких-либо привилегий черного духовенства в занятии административных должностей в духовных учебных заведениях и на введении выборного начала в отношении к этим должностям.

5) Признавая неотложным дело коренной реформы всех духовно-учебных заведений, пастырское собрание находит, что это дело реформы может целесообразно осуществиться только через особое совещание свободно-избранных представителей от духовенства и от преподавателей духовных школ, с принятием во внимание заявлений воспитанников.

Изложенные заключения пастырское собрание постановило представить петербургскому митрополиту.

В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.

— В студенческом общежитии при политехническом институте вывешено об'явление: „Правление кассы взаимопомощи студентов спб. полит. инст. созывает общую сходку в четверг, 27 октября, в 2 часа дня, для выяснения дальнейшей тактики студентов, в виду прекращения политической забастовки постановлением сходки от 20 октября. Студенты - политехники приглашаются явиться в возможно большем количестве". Об'явление это проникло и в печать. Вчера, 26-го, директор института кн. Гагарин об'явил студентам, что ему дано знать, что, в виду постановления комитета министров считать все высшие учебные заведения закрытыми, данная сходка, как и вообще все собрания, допущена быть не может, поэтому ген. Трепов снова возобновляет осадное положение института, снятое 18 октября, расставив войска около институтской территории. В институт и общежития будут пропускаться только студенты политехники. Князь приглашал студентов воздержаться от собрания, чтобы избежать столкновения с вооруженной силой. Надо заметить, что снятое 18 октября осадное положение фактически существовало и до сих пор; оно изменило лишь внешнюю форму: вместо двух пулеметов и батальона солдат, присланных г. Треповым, осадное положение поддерживала черная сотня. Толпы хулиганов ходят по Большому Сампсониевскому и Муринскому второму пр. и избивают студентов. Дерзость их доходит до невероятия. Так на-днях на проезжавшего ст. У. напали хули-

И. К. П.
Кабинет истории
Народов СССР.
ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ганы, сшибли верх пролетки и избили его до потери сознания. В настоящее время насчитывают до 10 пострадавших студентов и 2 лаборантов. Вместе с осадным положением возобновляется и обещание г. Тр., данное от 16 сент., если в стенах института или общежития будет устроен митинг или собрание, а также если студенты допустят посторонних в общежитие, подвергнуть общежития внутреннему и внешнему обстреливанию и не постесняться, в случае необходимости, не оставить камня на камне.

— Академия художеств кругом оцеплена войсками. У каждого входа стоят два часовых; доступ в академию сопряжен с большими затруднениями. Служащие и живущие в академии на право входа имеют особое удостоверение и, кроме того, при входе тщательно распознаются сторожами. Посторонняя публика только при очень настойчивом требовании допускается во внутрь здания и то только при соблюдении правила: „дворник провожает до самых дверей". Многие профессора и учителя высшего художественного училища обратились в канцелярию с просьбой прислать им жалование на квартиру, не желая итти под конвоем дворников. Вопрос об открытии высшего художественного училища еще не рассматривался.

— В медицинской академии. Военно-медицинская академия и студенческая столовая закрыты на неопределенное время. Охрана снята, но вход в академию разрешен только по билетам. В помещении общежития, где в настоящее время находятся эвакуированные раненые с востока, студентам по желанию выдаются отпуски сроком на 28 дней. В субботу студенты академии предполагают созвать сходку.

— Эпидемия в Павловском институте. В петербургском Павловском институте (Знаменская ул.) появилась эпидемия скарлатины. Администрация института разослала родителям повестки о взятии из института детей. В настоящее время в госпитале института находится более 20 больных. Несколько девочек уже умерло.

— В институте путей сообщения военная охрана снята. Около главного входа дежурит полиция. Общежитие открыто. Пропускаются туда только студенты.

— В институте гражданских инженеров военная охрана снята. Полиция дежурит и никого не пропускает. Студентам выдаются 28-дневные отпуски.

— В технологическом институте ворота со стороны Забалканского проспекта охраняются солдатами. В здание института не пропускают никого, столовая закрыта.

— На-днях состоялось окончательное постановление св. синода по вопросу о забастовке во всех четырех духовных академиях России.

Синод определил: предоставить студентам „подумать" до 1 ноября. Если же они не возобновят занятий в назначенный срок, то им „предоставляется" раз'ехаться по домам до конца года.

Несмотря на эту угрозу, сходка 26 октября снова постановила стойко держаться забастовки и в то же время выбрала по два депутата с каждого курса и направляет их к обер-прокурору синода кн. Оболенскому с требованием о введении в академии автономии.

— В горном институте пока никаких перемен нет. У входных дверей попрежнему „почетный" караул.

— На дверях университета сегодня, 26 октября, появилось новое об'явление следующего содержания: „Гг. студенты и лица, имеющие надобность обращаться за справками в канцелярию университета, приглашаются сноситься с канцелярией по почте".

— Высшие женские курсы продолжают быть закрытыми.

— Курсы Лесгафта. Главный вход в помещение курсов с Английского пр. охраняется двумя городовыми.

— В консерватории. С 17 октября на дверях здания появилось без всякой подписи об'явление: „Консерватория закрыта впредь до особого распоряжения". Здание полицией не охраняется.

— 14 октября в здании 2-й петербургской гимназии, согласно постановлению воспитанников, назначен был первый народный митинг. Митинг не состоялся, так как, вследствие просьбы директора Давиденкова, гимназия в этот день с утра охранялась усиленным нарядом полиции. Возмущенные таким поступком директора, пансионеры произвели в помещении гимназии демонстрацию.

Открытое письмо председателю совета министров графу Сергею Юльевичу Витте.

Повсеместные избиения мирных граждан и разгромы целых городов, непрекращающиеся еврейские погромы, последние кровавые события в Одессе, Баку, Твери, Томске и других городах заставляют все общество подняться против совершающихся насилий и требовать за них ответа.

Бюро союза инженеров и техников, выслушав сообщение председателя бакинского отделения императорского русского технического общества инженера К. И. Хатисова о происходящем в настоящее время в Баку погроме и познакомившись с полученными из Баку известиями, решило немедленно обратиться к вам, граф, с гласным запросом по поводу совершающихся событий.

Все последние погромы ясно показывают, что правительственные агенты во многих случаях заодно с темными силами, борющимися против освободительного движения. Обращения различных общественных управлений, организаций и частных лиц к правительству оказались бесплодными. Вы сами, граф, заявили представителям гор. Баку, что вы не являетесь в настоящее время правомочным лицом по отношению к Кавказу, так как там имеется особый наместник.

Подобные же заявления были сделаны вами и на другие запросы. Но народ не может удовлетвориться таким уклонением правительства от ответственности. В настоящий исторический момент всей России необходимо знать, являетесь ли вы, как председатель совета министров, главой русского правительства и представляет ли это правительство действительно организованную силу, а не случайное собрание отдельных правителей, действующих на свой страх и риск.

Настоятельно необходимо, чтобы с вашей стороны последовало немедленное раз'яснение русскому народу, который ждет ответа.

Только после этого заявления русское общество может относиться к правительству, как к организованной силе, отвечающей за поступки отдельных своих агентов.

Если вы, граф, действительно стоите во главе ответственного министерства, то вся ответственность за последние кровавые события падет на вас, и общество в праве требовать от вас ответа. Этот ответ должен выразиться не только в простом заявлении, а и в реальных поступках.

Ваш долг немедленно удалить из среды правителей тех лиц, с которыми вы не солидарны. Оставление же у власти подобных лиц покажет вашу солидарность с ними и возложит всю ответственность за их поступки на вас, как главу министерства. Вы должны сделать это немедленно, твердо помня, что всякое промедление вызовет новые кровавые жертвы, за которые вам придется дать ответ народным представителям.

Бюро союза инженеров и техников.

„Черная сотня".

На-днях, как сообщает „Сын Отеч.", к приказчикам Круглого рынка (на Николаевской улице) явилась депутация от „молодцов" Сенного рынка с предложением устроить в воскресенье, 30 октября, патриотическую манифестацию, которая должна сопровождаться избиением студентов, „жидов" и пр. „смутьянов". Приказчики Круглого рынка из'явили свое полное согласие, и все, как сообщают газете, деятельно готовятся к предстоящему побоищу, стараясь привлечь на свою сторону возможно большее число „молодцов". Сенной рынок в последнее время стал центром черносотенных организаций. Отсюда именно, по общему признанию, распространяется в Петербурге проповедь человеконенавистничества.

Здесь же, по слухам, идет усиленная подписка по сбору пожертвований для вооружения „патриотической боевой дружины". По тем же слухам, близкое участие в приискании средств для покупки оружия принимают члены причта храмов, расположенных в районе упомянутых торговых центров.

К подвигам черной сотни. С 22 октября в городе стали распространяться слухи о готовящемся погроме еврейских квартир и лавок.

Подтверждением этим толкам явились прокламации черносотенных „лиг“, призывающих „истинно-русских“ людей бить жидов.

Симптомом тому были также какие-то особые знаки мелом, в виде крестов, буквы „ж“ и т. п., сделанные неизвестными лицами на многих еврейских квартирах и магазинах.

Особенная тревога заметна была среди евреев, живущих в районе Александровского рынка и Сенной — этих центрах деятельности „черной сотни“.

Однако, несмотря на несомненно готовившееся нападение на евреев, погрома не произошло, вследствие, надо думать, недостаточной организованности „патриотов“.

25 октября многие торговцы Александровского рынка и Сенной площади получили по почте гектографированные воззвания, призывающие к избиению жидов.

Характерно, что на адресованных купцам прокламациях черной сотни, очевидно, для подчеркивания особого почтения со стороны черносотенцев к желательным им адептам, красовалось: „Его Сиятельству, имя, фамилия“...

Вот текст двух прокламаций:

„Православные! Зачем продаете Россию? Зачем даете силу нашим крамольным панам, заботящимся только о себе, а не о благе народа! Все инородцы, покоренные русской кровью, думают отделиться от России, а жиды вооружены и ждут, чтобы среди общей смуты выкупаться в русской крови.

„Всех этих крамольников поддерживает С. Ю. Витте, женатый на жидовке. Он овладел доверием царя, притворяется верноподданным, а сам, между тем, собирается сделаться царем на Руси. Сам он расхищал казну, ввел казенную продажу водки, чтобы споить русский народ. Теперь этот негодяй бежит от народного гнева и переселяется из своей квартиры на Каменноостровском пр., д. 5, ближе к Зимнему дворцу. Не дадим же погибнуть нашей родине, братья“.

Вторая прокламация украшена виньеткой с изображением креста, ножа, топора, черепа, револьвера, косы, русского флага и пуль.

„Смерть жидам! Русский народ! Смерть жидам! Отряхнись от своего сна и вступи на путь истины и правды! Тебя обижают, над тобой глумятся, а Твой Великий Царь-батюшка не знает, не ведает про то! Его окружают такие министры-жиды, как Витте и подобные им. Царь-батюшка не знает твоего горя, народ! Ему не дают читать наших русских газет, Ему про тебя не докладывают. Такой Витте теперь, что хочет,—то и делает! Витте хочет провести повсюду жидов, повсюду их насадить, и тогда великое горе и бедствие ждет тебя, русский народ! Не заговоришь ты тогда по-русски, не помолишься по-православному, а будут везде жид, жид и жид. Великий русский народ! надо бороться против жидов! Будем их бить!

„Бей жидов! Начнем с проклятого Витте. У нас есть много людей, которые пожертвуют собою за Царя, за родину, за веру православную... Верь нам, Великий русский народ! Не успокоимся мы до тех пор, пока не изобьем всех жидов до единого, всех до последнего!!! Мы уже наметили этого вора Витте!! Не пожалеем мы себя, а что Витте скоро убьют, так услышите вы скоро Сами, Русские Граждане! Сто человек решили пожертвовать собой (черная сотня!), пойдем на смерть один за другим. Его, Витте, убьем как собаку. Будем бить жидов проклятых и всех жидовствующих... Смерть Витте! (рисунок черепа).

„Долой всех жидов! Не успокоимся, русские граждане, до тех пор, пока не перебьем жидов и жидовствующих до последнего! Бей жидов! Москва. Русская национальная московская лига“.

Со слов сообщаем, что 23 октября это воззвание расклеивалось на столбах за Нарвской заставой городовым.

В Петербурге они щедро, в нескольких экземплярах, рассылались купцам, торговцам, приказчикам и т. д.

В Александровском рынке 24 октября стоял наряд войска и полиции.

Еврейские лавки были полузакрыты.

Полицеймейстер, посетивший рынок, уверял евреев, что полицией приняты все меры к предупреждению беспорядков.

Уверения эти мало успокоили их. Известно, что почти во всех городах, где происходили еврейские погромы, полиция шла рука-об-руку с „черной сотней“.

Образование союза рабочих башмачного и сапожного дела.

В понедельник 24 октября в большом зале народного дома гр. Паниной состоялось многолюдное и оживленное собрание рабочих сапожного и башмачного дела. На собрании присутствовало более 400 человек. Целью собрания было учреждение профессинального союза рабочих сапожного и башмачного дела. Председатель собрания в самом начале рассказал вкратце историю возникновения этого союза.

Лишенные всех прав рабочие, сапожники и башмачники, как и все их товарищи других профессий, принуждены были организоваться втайне. В этих целях в июле месяце было созвано ночью тайное собрание в одном из пригородных лесов. На собрании присутствовало более 100 человек башмачников и сапожников. После доклада о значении профессиональных союзов, их истории в Западной Европе и той роли, которую они должны сыграть и в России, собрание единогласно постановило учредить профессиональный союз башмачников и сапожников. Было выбрано бюро из 12 человек, которые должны были выработать устав союза и принять все меры к скорейшему созыву общего собрания. Устав был выработан, но цензура не давала возможности его напечатать, а местная администрация не допускала устройства собрания. По условиям своей работы разрозненные сапожники не смогли оказать давления на администрацию, как это сделали рабочие других профессий.

Завоеванные теперь рабочими права дают возможность свободно собираться, и потому бюро поспешило созвать собрание для учреждения союза. После речи председателя двое ораторов вкратце выяснили значение профессиональных союзов для рабочих. Одним из членов бюро был прочитан затем устав союза. Следующий оратор в краткой речи выяснил основные его положения. Союз имет целью защиту экономических и профессиональных интересов рабочих сапожного и башмачного дела и поднятие их умственного и нравственного уровня. Для этого он руководит экономической борьбой, поддерживает стачечников, безработных, выдает дорожные пособия, оказывает юридическую помощь и т. д., устраивает публичные лекции, чтения, курсы.

Затем оратор указал, какое важное значение имеет теперь для рабочих правильное понимание политического положения страны, программ различных политических партий и т. п. В этом отношении союз может также оказать большую пользу своим членам. После кратких дебатов устав был принят единогласно при громких аплодисментах и всеобщем торжестве. Председатель заявил, что отныне союз существует и немедленно начинает действовать. Заявление это было принято восторженно. После перерыва было выбрано правление, и после краткого отчета бюро собрание было закрыто.

Полиция пыталась распустить это собрание в самом начале под предлогом, что о нем ничего неизвестно полиции, угрожая даже вооруженной силой. Настойчивость председателя и выдержанность собрания разрушили замыслы полиции. Правление союза сообщает свой адрес. Моховая, 32, кв. 40.

На фабриках и заводах.

Обуховский завод.

Движение в пользу политической забастовки началось на Обуховском заводе еще 4 октября, когда стало известно, что московские события вызвали забастовку на Семянниковском, Вагонном, Чугунном и других заводах Шлиссельбургского тракта. Организованные рабочие Обуховского завода высказывались против забастовки, указывая на то, что не далек день всеобщей политической забастовки, которая должна начаться по призыву Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. 4 октября завод поэтому весь день работал. Однако, 5 октября, под впечатлением кровавых столкновений у Семянниковского (Невского судостроительного) завода, вопрос о забастовке был поднят опять; сначала в собраниях по мастерским, а затем на общем собрании было решено об'явить трехдневную политическую забастовку (до понедельника 10 октября). За забастовку по приблизительному подсчету было подано 2.300 голосов против 2.030. В заявлении, врученном начальнику завода,

были выставлены следующие лозунги: учредительное собрание, всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право, свобода слова, печати, собраний, союзов и стачек, неприкосновенность личности и немедленная амнистия всем пострадавшим за политические и религиозные убеждения.

Забастовка предполагалась мирная, и столкновений с полицией постановлено было избегать. Однако сама полиция провоцировала столкновения. Так, в пятницу вечером в трактире, где собралось человек сорок рабочих, был заперт парадный вход и всем рабочим было предложено выходить через черный. Выходящих подхватывали стоявшие у ворот городовые и немилосердно избивали. Никакого повода к подобному насилию рабочие не подавали. Собрание носило случайный характер, и многие не знали друг-друга. В другой раз, днем, около общественной лавки, где обыкновенно много рабочих и их жен, раз'езд казаков, видимо для потехи, в'ехал на панель и начал давить толпу. Однако спровоцировать серьезного столкновения не удалось, и в понедельник, 10 октября, рабочие стали на работу.

В среду, 19-го, на заводе стало известно постановление Петербургского Комитета Социал-Демократической Рабочей Партии о всеобщей политической забастовке. Несмотря на то, что обуховцы уже раз бастовали, и притом всего три дня тому назад, среди большинства рабочих не было даже сомнения, присоединиться ли к всеобщей забастовке или нет. Поэтому в четверг на митинге, где должен был окончательно обсуждаться вопрос о забастовке, большинство решительно стояло за нее. И только человек 200 или 300 наиболее отсталых рабочих протестовали. Оратор от комитета развил перед товарищами всю важность единовременного и повсеместного выступления пролетариата, раз'яснил значение забастовки как средства для политической борьбы и приглашал присоединиться к постановлению комитета. По этому вопросу говорило около десяти ораторов рабочих. После двухчасового обсуждения была принята следующая резолюция:

„Обсудив предложение Петербургского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии присоединиться к всеобщей политической забастовке, мы, рабочие Обуховского завода, на собрании 19 октября единогласно постановили:

1) Мы об'являем политическую забастовку, выставив требования немедленного освобождения всех политических и религиозных заключенных и возвращения ссыльных, и заявляем, что будем до конца бороться за созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для введения в России демократической республики.

2) Мы заявляем, что достигнуть этого возможно только путем всенародной открытой борьбы, поэтому мы призываем всех товарищей, понявших это, сплотиться вокруг партийных революционных комитетов для организации и проведения этого последнего натиска на самодержавие.

3) Признавая, что в этот последний и решительный бой с нашим врагом мы должны вступить тогда, когда это выгодно нам, а не нашим врагам, мы призываем всех товарищей воздерживаться от частичных столкновений с полицией и войсками, ослабляющих только наши силы.

4) Свою политическую забастовку мы будем продолжать до тех пор, пока наши организации не призовут нас к прекращению ее".

На собрании присутствовало от 2000 до 3000 человек.

В субботу утром были произведены выборы в Рабочий Совет. Было выбрано 10 человек — по одному на каждые 500 человек.

В понедельник, вторник и среду в заводе происходили митинги, на которых выбранные делегаты докладывали о деятельности Рабочего Совета.

На митинге в четверг разбирался манифест 17 октября. Рабочие отнеслись к манифесту очень недоверчиво. Ораторы подчеркивали, что одновременно с провозглашением „свободы" на улице производится расстрел мирных граждан, бесчинства казаков и насилия городовых продолжаются попрежнему. Как жертвы насилия тут же выступили два товарища с повязками на головах. В ответ на манифест решено требовать немедленной амнистии, удаления войск из Петербурга и организации милиции из рабочих.

В пятницу на митинге было заслушано постановление Рабочего Совета и Федеративного Совета Р. С.-Д. Р. П. о возобновлении работ в пятницу, в 12 часов дня. Почти все ораторы поддерживали это постановление. Против него говорил только один оратор-рабочий. Кроме того, на этом же митинге говорило несколько ораторов о необходимости организации пролетариата в самостоятельную политическую партию. Развивались идеи социал-демократии, как международной партии борющегося пролетариата. Призыв к организации встречался очень сочувственно.

Карточная фабрика.

В тот же день происходил митинг на Карточной фабрике. Состав рабочих здесь очень серый. Пропаганда и агитация здесь велась очень слабо. Условия труда невыносимы; отношение администрации возмутительно. Поэтому для проведения забастовки наиболее сознательные рабочие обратились к обуховцам с просьбой „снять" рабочих. Обуховцы исполнили просьбу, и фабрика в понедельник стала. По настоянию обуховцев же директор разрешил рабочим и работницам собрание. На собрании ораторы подробно выяснили сущность и значение пролетарской борьбы, важное значение настоящей политической забастовки; разбирали манифест 17 октября и призывали к организации под флагом социал-демократии. В пятницу Карточная фабрика, по призыву стачечного комитета, стала на работу.

Картонная фабрика и типография Кирхнера.

Фабрика и типография Кирхнера, на которой работает около 500 человек, об'явила всем рабочим расчет за участие в политической забастовке и при обратном приеме отказалась принять 30 человек.

От имени Совета Рабочих Депутатов и союза рабочих печатного дела была отправлена к Кирхнеру депутация с требованием немедленного приема расчитанных рабочих.

Кирхнер заявил, что С. Р. Д. он не знает, а союз рабочих печатного дела, по его мнению, не представляет большой силы, так как между рабочими может произойти такой же раскол, как и среди владельцев типографий, образующих союз типографов.

Депутация отказалась от дальнейших об'яснений с Кирхнером. На 26 октября назначено общее собрание всех рабочих фабрики Кирхнера для решения вопроса о забастовке и форме бойкота по отношению к фабрике Кирхнера.

На Охтенских заводах.

Странные дела творятся на Охтенских заводах взрывчатых веществ. До настоящего времени действуют обязательные от служащих при их поступлении на должность „подписки" в том, что они, служащие, обязуются в случае надобности, работать безвозмездно во внеурочное время, воскресные и праздничные дни. Эти подписки отбираются на основании распоряжения начальника заводов и тщательно скрываются. В приказе с ссылкой на приказ по артиллерии от 5 декабря 1900 года (новая редакция от 24 мая 1905 г. за № 145 п. 2) есть статья 14-я, которую мы приводим дословно:

„14. В случае надобности мастеровые и рабочие обязаны работать в праздничные и воскресные дни, а также в сверхурочные, при чем работающие поденно рассчитываются по числу часов праздничной или сверхурочной работы полуторной установленной платой и работающие задельно получают дополнительно по расчету тех же часов половину условленной поденной платы, установленной примечанием к статье 6-ой.

ПР. 1. Сверхурочная работа разрешается не более, как на 4 часа".

Как видно из этой статьи, работающие сверхурочно не только не обязаны работать безвозмездно, но труд их оплачивается полуторным вознаграждением.

Еще в 1904 году один из служащих г. Вережников возбудил дело о неправильном принуждении его работать безвозмездно во внеурочное время, требуя при этом возвращения ему денег, причитающихся за сверхурочную работу по расчету, указанному в 14 статье. Дело это было возбуждено г. Вережниковым в силу необходимости, лишь после оставления им службы, а потому признанное несвоевременным, было отклонено.

В главном артиллерийском управлении нам удалось по этому делу найти содержание одного документа, доказывающего, что принуждение служащих работать в сверхурочное время без вознаграждений является беззаконным. Приводим содержание этого документа:

Главное артиллерийское управление.

10 декабря 1904 года.

№ 51850.

Начальнику Охтенского завода взрывчатых веществ.

„Его императорское высочество инспектор всей артиллерии, оставив без последствий претензию Вережникова, как несвоевременно заявленную, признал в то же время, что распоряжение ваше об отобрании от писца Вережникова, не нанятого, как видно из об'яснения вашего, на особых условиях, подписки с обязательством работать во внеурочное время без вознаграждения является, за силой 14 ст. правил о найме рабочих и мастеровых технических артиллерийских заведений, неправильным.

Подлинное за надлежащими подписями".

Этот документ сам по себе совершенно ясен. Добавим только, что подписки и до настоящего времени отбираются, текст же и самый факт существования этого документа держатся в величайшем секрете.

На Семянниковском заводе.

23 и 24 октября происходили митинги. Обыкновенно начинаются они в 4 часа, когда кончаются работы: после забастовки рабочие революционным путем ввели у себя восьмичасовой рабочий день. 23-го темою митинга поставлено было: отношение к Совету Рабочих Депутатов. Ораторы социал-демократы выяснили рабочим программу и тактику социал-демократии, а также необходимость самостоятельной классовой партии пролетариата, которая только одна может быть руководителем политической борьбы рабочего класса. В этом отношении Рабочий Совет, как организация непартийная, политическим вождем быть не может. В результате собрание приняло следующую резолюцию: если Рабочий Совет желает быть политическим вождем рабочего класса, он должен принять программу и тактику социал-демократической раб. партии. На митинге 24-го в порядок дня было поставлено: отношение социал-демократии к крестьянству. Первый оратор начал свою речь указанием на опасности иногда раздающегося в рабочей среде лозунга: долой полемику, так как в момент партийной группировки всех общественных сил точное выяснение своего отношения ко всем вопросам программы и тактики для рабочего класса особенно важно. Затем он вкратце обрисовал те тактические позиции, которые были заняты партией на 3-м ее с'езде по отношению к крестьянству. После него говорили 4 оратора соц.-рев., старавшихся доказать тождество классовых интересов пролетариата и крестьянства. Однако, последующие ораторы (трое) путем анализа классового расслоения крестьянства доказали неосновательность этого положения. В то же время один из этих ораторов рассеял предрассудок, будто социал-демократы игнорируют те элементы крестьянства, которые способны стать на пролетарскую точку зрения, указав на деятельность московской окружной организации партии.

Иностранная печать.

Падение русского самодержавия,—говорит „Leipziger Volkszeitung",—внесено 17 октября в протокол всемирной истории: указ 17-го октября знаменует отставку абсолютизма. Власть, дарующая своим „подданным" неприкосновенность личности, свободу совести, союзов, собраний, печати и выборов, перестает быть самодержавной. Но русская революция не была бы революцией, если бы обещания на бумаге могли ее успокоить. Русский народ, русские рабочие поднялись не для того, чтобы завоевать лист бумаги, им важно стать крупной силой. Но до тех пор, пока штыки и пушки еще в полном послушании правительства, никакие бумажные обещания не имеют ни малейшего значения. Орудия русской артиллерии должны быть предоставлены народным массам, списки офицеров должны быть очищены, подозрительные генералы и чиновники должны быть удалены, главные пункты города, Петропавловская крепость, должны быть охраняемы вооруженными рабочими, все революционеры должны быть вооружены. Лишь после этого можно начать переговоры, и только при таких условиях переговоры могут привести к результатам. Русские рабочие, повидимому, и признают этот путь единственно возможным. Ожесточение *достигло высшей степени. Революция теперь уже победоносно* перешагнула через лист бумаги, поданный ей дрожащей рукой самодержавия.

Демонстрация в Вене.

(Корреспонденция „Leipziger Volkszeitung".)

Никто не мог предвидеть событий, разыгравшихся в четверг.

Борьба рабочих за избирательное право освящена кровью. Больше пятидесяти раненых свидетельствуют о грубом противодействии, которое правительство в бессильном ослеплении хочет противопоставить исторической необходимости. Вечером в Sophiensaal, в самом обширном помещении Вены, назначено было собрание. Огромный зал, вмещающий около 5.000 человек, был переполнен народом еще задолго до начала собрания. Пришлось закрыть вход. Никто из тысяч присутствующих не двинулся с места. На улице, около входа, столпилось около десяти тысяч жаждущих принять участие в настоящих событиях. Случилось то, чего уже не было много лет, — улица оказалась местом сборища. Начались речи. Говорили немцы, чехи, итальянцы, славяне — всех выслушали с увлечением. Вдруг около стены взвился красный флаг, за ним другой, третий; на глазах возмущенной полиции флаги продолжали развеваться над толпой до конца собрания. В это время в зале уже началось собрание. Первым оратором выступил Пернсторфер. Он заговорил о грандиозной революции в России в связи с событиями в Австрии. Каждую фразу принимали с бурным восторгом. Он предупреждает правительство не восстановлять против себя рабочих. „Терпение масс исчерпано; пока-что мы довольствуемся демонстрациями, но в крайнем случае пойдем дальше!" Слова оратора были заглушены несмолкаемыми аплодисментами. Наконец он бросил лозунг: „Мы решили организовать всеобщую забастовку". После этого несколько минут невозможно было восстановить тишину. Ежеминутно выбрасывали красные флаги, усиливая энтузиазм. Вторым говорил чех Немец. Он также возвестил о решении рабочих итти до конца за свои права; ему ответили одобрительными возгласами. Так же отнеслись и к следующим ораторам, итальянцу Питтони, словаку Кристану, румыну Виттик и, наконец, депутату Дашинскому, каждое слово которого вызывало еще больший восторг, потому-что он говорил от имени польского народа, давшего революции столько героев и мучеников. К девяти часам вечера собрание окончилось. Медленно двинулось шествие из зала и с улицы — впереди шло человек двадцать с красными флагами. Зал находится недалеко от Ringstrasse, главной улицы Вены, на которой происходили все демонстрации избирательного права.

С восторженными криками: „да здравствует русская революция!" и с пением освободительных песен демонстранты прошли несколько улиц и дошли до конца Rabenbergerstrasse. Это место полиция избрала для нападения. Ровно в девять часов передние ряды были у перекрестка. Там их ждала конная и пешая полиция. Толпу начали оттеснять обратно в Rabenbergerstrasse: ей оставалось пройти немного до дворца, правда, дворец достаточно охранен войсками, но было бы крайне неудобно, если б многотысячные революционные крики не проникли дальше дворцовых стен. Впрочем, император Франц-Иосиф в то время покинул дворец и уехал в Шенбрунн.

Быть может, толпа и не продолжала бы шествия и вернулась бы обратно, но в это время ужасное уже совершилось. Безо всякого предупреждения начальник стражи выхватил шашку из ножен, остальные последовали его примеру, конная и пешая полиция с остервенением бросилась на беззащитную толпу.

Тщетно некоторые старались спастись в соседние улицы — со всех сторон на них набрасывалась полиция и рубила, куда попало. Другие в паническом страхе пытались перескочить через заборы, падали, следующие на них. Упавших продолжали избивать шашками — рубили женщин и подростков. С трудом удавалось унести раненых из свалки. Тяжелее других ранен техник, которому полицейский выколол глаз шашкой. Одному полицейскому его же усердный товарищ нанес страшный удар шашкой по голове. Полиция не щадила своих жертв, гналась за отдельными манифестантами по разным улицам. Улицы покрылись осколками стекол. Все соседние кофейные и рестораны переполнились ранеными. Многие спаслись в редакции „Рабочей Газеты", где им была оказана медицинская помощь. В редакции видна была масса шляп, совершенно изрезанных шашками. Туда же принесли кусок шашки, отлетевшей при

особенно удачном ударе. Через несколько минут сражение кончилось. Все прошло, как страшный сон. Но события покажут, что рабочие не забудут зверства полиции. Если этим преступным нападением рассчитывали запугать народные массы и отбить охоту к дальнейшим демонстрациям, то теперь всякому, даже самому безмозглому полицейскому, ясно, что получен совершенно обратный результат. Рабочие до крайности возмущены и ни перед чем не остановятся. Не хотели мирной демонстрации — хорошо! Полиция больше не увидит картину бегства беззащитных. До 21 ноября, дня открытия парламента и общего рабочего отдыха, волнение может достигнуть чудовищных размеров.

Борьба за всеобщее избирательное право будет доведена до конца; каковы бы ни были жертвы — победа обеспечена.

Финляндия.

Не только друзья Финляндии, сочувственно следившие за героической борьбой финского народа с подавляющим по численности врагом, — все, кому вообще дороги интересы рабочего класса, должны с чувством живейшей радости приветствовать блестящую победу, одержанную финскими народными массами.

Победа действительно грандиозна, грандиозна, как и движение, ее создавшее. Мощным напряжением всех сил всего народа пали не только цепи политического абсолютизма, рухнули и остатки феодального строя.

Когда в 1899 году впервые была занесена рука на финляндские вольности — манифест 3 (15) февраля вызвал единодушный крик негодования. Не потому, чтобы финляндские учреждения, сохранившие почти одни во всем мире сословное представительство, фактически устраняющие демократические слои народа от участия в государственной власти,—не потому, чтобы эти учреждения соответствовали истинным потребностям новых народных сил или удовлетворяли интересам развивающегося пролетариата. Манифест вызвал глубокое возмущение во всех слоях общества, даже в тех, которые игнорировали учреждения, ими попираемые, — потому что он являлся посягательством на исконную политическую самостоятельность страны, священную для всего народа.

Политика обрусения, приведения всего к одному знаменателю — безгласного рабства, проводилась последовательно и неуклонно. Свободную страну наводнили шпионами и жандармами. Уничтожили войско; выгоняли честных финских чиновников, заменяя их проходимцами типа ташкентцев; арестовывали, высылали лучших людей страны. Не было надругательства, которому ослепленные обрусители не подвергали бы честный и трудолюбивый народ. Народ долго терпел, верный историческим традициям лойяльности; народ долго думал, что эта политика—результат какого-то недоразумения, и что он сможет разсеять это заблуждение петициями, адресами и т. д.

Ответом на них были репрессивные меры Бобрикова. Глухое недовольство стало нарастать, а когда деятелям Финляндии стали, вопреки основному закону страны, брить лбы, чтобы их отправлять солдатами за пределы великого княжества, народ не выдержал. Началась эра террористических актов. Имперское правительство и здесь не оставило своих бессмысленных мечтаний физической силой войска и полиции раздавить нравственное могущество им же революционизированного народа.

Беззакония продолжались, и народ восстал на защиту права. Но в то время, как у правительства были лишь старые средства угнетения и насилия, историческое развитие выковало новое оружие и вложило его в руки нового класса. Это оружие — была всеобщая политическая стачка; этот класс — городской и сельский пролетариат. Пролетариат восстал не во имя одних только старых лозунгов, он создал новый лозунг демократического государственного устройства. И лозунг его стал общенародным, за которым пошла вся страна. Один-два дня всеобщая политическая забастовка вооруженного народа стала фактом до того грозным, что правительство увидело себя вынужденным отступить, сдав все позиции — от манифеста 1899 года до устава о воинской повинности 1901 года.

Манифест 24 октября 1905 г., кроме отмены репрессивных мер, возвещает реформу народного представительства на демократических началах. В телеграммах из Гельсингфорса мы читаем, что социал-демократическая партия выразила свое удовлетворение достигнутыми результатами. Мы знаем энергию и решимость, мы знаем организованность и самоотверженность финского народа. Мы не сомневаемся поэтому, что реформы 24 октября получат осуществление на деле.

„Это случилось, чтобы служить примером". Эти слова апостола неотвязно звучат у нас в голове, когда мы шлем наши горячие приветствия нашим финским товарищам.

А. Г.

Областной отдел.

К событиям в Баку.

С Кавказа продолжают притекать в столичные газеты „Правительственные сообщения". Очевидно, этот способ оповещения публике официальной „правды" во мнении кавказских властей недостаточно еще дискредитирован приемами Сипягина, Плеве, Булыгина и других. Предполагается, что среди читающей публики есть еще лица, которых можно завербовать в правительственный лагерь кивками в сторону армян, социал-демократических комитетов, армянских дашнакцутюнов, грузинских социалистических комитетов и прочих „крамольных" организаций. И это после того, как даже „Новое Время" обозвало эти сообщения правительственной ложью.

Несколько дней тому назад было опубликовано длинное правительственное сообщение о событиях в Баку. Оказывается, что армяне все еще продолжают стрелять из домов и бросать бомбы в мирных хулиганов и патриотов-манифестантов, отлично зная по примеру прошлых месяцев, что за такими их действиями последует массовое истребление армян же, разгром их квартир, поджог их домов, грабеж их имуществ. Карась любит, чтобы его жарили в сметане: армянам нравится, чтобы их убивали и жгли татары и хулиганы. Ну, конечно, войску при таких условиях не остается ничего больше, как оцеплять горящие дома и не подпускать к ним пожарной команды. В горящих домах, видите ли, взрываются бомбы и склады патронов. Правительственному сообщению удалось даже при пожаре одного дома констатировать точное число взорвавшихся в огне патронов. Кончается история всякий раз тем, что властям удается „уговорить" бесчинствующую толпу приостановить разгром до завтра. В результате, от армянских бомб ни одного убитого, а от бесчинств толпы и „уговаривания" войска сотни убитых армян, в числе их много женщин и детей, и целые кварталы разрушенных и разграбленных армянских домов, в числе их богадельня, населенная калеками, женщинами и стариками.

Какого низкого мнения должны быть кавказские власти о русском общественном мнении, если они думают подобной грубой ложью ввести его в заблуждение! Телеграммы, полученные частными лицами и учреждениями и опубликованные в петербургских газетах, не оставляют никакого сомнения в наличности самой грубой провокации со стороны полиции, опираю-

щейся, главным образом, на черносотенников и мусульман, подготовленных многолетней пропагандой пресловутого „пророка“ мусульманского эксклюсивизма—Агаева. Вот как рисует положение дел частная телеграмма, посланная г. Витте из Баку 24 октября:

„Уже пятый день в городе царит полная анархия, идет организованная резня армян. Несмотря на об'явленное генерал-губернатором воспрещение манифестаций, хулиганы, прикрываясь желанием устроить патриотические шествия, ходят по городу с портретом государя и флагами, сопровождаемые офицерами и войсками с ружьями на перевес. Останавливаясь перед заранее намеченными армянскими домами и производя перед ними панику выстрелом, хулиганы уверяют, что из этих домов стреляли, и начинают грабить, а затем и поджигать их под прикрытием войска, которое в свою очередь бомбардирует эти дома. Усиленное возбуждение среди толпы и войска против армян поддерживается провокацией еще не удаленных туземцев полицейских и офицерами. Был случай выстрелов, сделанных офицером при криках: „армяне стреляют!“ Офицер этот был настигнут и остановлен председателем военного суда, сделавшим ему замечание. К подожженным домам толпа не подпускает пожарную команду. Из них выводят всех обитателей, кроме армян, которых там же сжигают. Спасающихся подстреливают войска. Толпа ворвалась в армянскую богадельню, где вырезала беззащитных больных, женщин и детей. Раненых масса. Громадная часть населения выброшена на улицу без крова и пищи. Положение армян отчаянное. Войска не только не защищают, но и не позволяют защищаться от толпы. От имени армянского населения, поставленного вне закона, взываем к вашему сиятельству с почтительной просьбой приказать принять неотложные меры к прекращению царящей в городе анархии“.

Такое положение дел продолжается и сейчас в Баку, а власти стараются кого-то обмануть своими сообщениями. К чему это? Разве недостаточно громко осудил народ лживые приемы властей? Новая жизнь требует и новых приемов. Общественное мнение, добившееся 17 октября обещания передачи власти народу, не может быть введено в заблуждение ложными сообщениями.

Редактор-издатель ***Н. М. Минский.***
Издательница ***М. Ф. Андреева.***

Типография Т-ва „Народная Польза“. С.-Петербург. Коломенская, с. д., № 39.

Приложение к № 1.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

ПРОГРАММА

Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, принятая на втором с'езде Партии.

Развитие обмена установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным.

Считая себя одним из отрядов всемирной армии пролетариата, российская социал-демократия преследует ту же конечную цель, к которой стремятся социал-демократы всех других стран.

Эта конечная цель определяется характером современного буржуазного общества и ходом его развития.

Главную особенность такого общества составляет товарное производство на основе капиталистических производственных отношений, при которых самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по своей численности классу лиц, между тем как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т.-е. поступать в наемники к капиталистам и своим трудом создавать доход высших классов общества.

Область господства капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по мере того, как постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяйственное значение крупных предприятий, ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей, превращая часть их в пролетариев, суживая роль остальных в общественно-экономической жизни и местами ставя их в более или менее полную, более или менее явную, более или менее тяжелую зависимость от капитала.

Тот же технический прогресс дает, кроме того, предпринимателям возможность все в больших размерах применять женский и детский труд в процессе производства и обращения товаров. А так как, с другой стороны, он приводит к относительному уменьшению потребностей предпринимателей в живом труде рабочих, то спрос на рабочую силу необходимо отстает от ее предложения, вследствие чего увеличивается зависимость наемного труда от капитала и повышается уровень его эксплоатации.

Такое положение дел внутри буржуазных стран и постоянно обостряющееся взаимное их соперничество на всемирном рынке делают все более и более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возрастающем количестве. Перепроизводство, проявляющееся в более или менее острых промышленных кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, представляет собою неизбежное следствие развития производительных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды промышленного застоя, в свою очередь, еще более разоряют мелких производителей, еще более увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному, а иногда и к абсолютному ухудшению положения рабочего класса.

Таким образом, усовершенствование техники, означающее увеличение производительности труда и рост общественного богатства, обусловливает собою в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими и рост необеспеченности существования, безработицы и разного рода лишений для все более широких слоев трудящихся масс.

Но по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также и недовольство трудящейся и эксплоатируемой массы существующим порядком вещей, растет число и сплоченность пролетариев и обостряется борьба их с их эксплоататорами. В то же время усовершенствование техники, концентрируя средства производства и обращения и обобществляя процесс труда в капиталистических предприятиях, все быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений социалистическими, — т.-е. той социальной революции, которая представляет собою конечную цель всей деятельности международной социал-демократии, как сознательной выразительницы классового движения пролетариата.

Заменив частную собственность на средства производства и обращения общественною и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплоатации одной части общества другою.

Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т.-е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплоататоров.

Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию, международная социал-демократия организует его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем бур-

жуазным партиям, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед ним непримиримую противоположность интересов эксплоататоров интересам эксплоатируемых и выясняет ему историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции. Вместе с тем она обнаруживает перед всей остальной трудящейся и эксплоатируемой массой безнадежность ее положения в капиталистическом обществе и необходимость социальной революции в интересах ее собственного освобождения от гнета капитала. Партия рабочего класса—социал-демократия—зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплоатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата. На пути к их общей конечной цели, обусловленной господством капиталистического способа производства во всем цивилизованном мире, социал-демократы разных стран вынуждены ставить себе неодинаковые ближайшие задачи как потому, что этот способ не везде развит в одинаковой степени, так и потому, что ее развитие в разных странах совершается в различной социально-политической обстановке.

В России, где капитализм уже стал господствующим способом производства, сохранились еще очень многочисленные остатки нашего старого докапиталистического порядка, который основывался на закрепощении трудящихся масс помещикам, государству или главе государства. В сильнейшей степени препятствуя экономическому прогрессу, эти остатки не допускают всестороннего развития классовой борьбы пролетариата, содействуют сохранению и усилению самых варварских форм эксплоатации многомиллионного крестьянства государством и имущими классами и держат в темноте и бесправии весь народ.

Самым значительным из всех этих пережитков и самым могучим оплотом всего этого варварства является царское самодержавие. По самой природе своей оно враждебно всякому общественному движению и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата.

Поэтому Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой, конституция которой обеспечивала бы:

1) Самодержавие народа, т. - е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату;

2) Всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборах как в законодательное собрание, так и во все местные органы самоуправления для всех граждан и гражданок, достигших 20 лет; тайное голосование при выборах; право каждого избирателя быть избранным во все представительные учреждения; двухгодичные парламенты; жалованье народным представителям;

3) Широкое местное самоуправление; областное самоуправление для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения;

4) Неприкосновенность личности и жилища;

5) Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов;

6) Свободу передвижения и промыслов;

7) Уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан, независимо от пола, религии, расы и национальности;

8) Право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием на счет государства и органов самоуправления необходимых для этого школ; право каждого гражданина об'ясняться на родном языке на собраниях; введение родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях;

9) Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства;

10) Право каждого лица преследовать в обычном порядке перед судом присяжных всякого чиновника;

11) Выборность судей народом;

12) Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа;

13) Отделение церкви от государства и школы от церкви;

14) Даровое и обязательное общее и профессиональное образование для всех детей обоего пола до 16 лет; снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.

Как основного условия демократизации нашего государственного хозяйства, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия требует отмены косвенных налогов и установления прогрессивного налога на доходы и наследства.

В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также и в интересах развития его способности к освободительной борьбе, Партия требует:

1) Ограничения рабочего дня восемью часами в сутки для всех наемных рабочих;

2) Установления законом еженедельного отдыха, непрерывно продолжающегося не менее 42 часов, для наемных рабочих обоего пола во всех отраслях народного хозяйства;

3) Полного запрещения сверхурочных работ;

4) Воспрещения ночного труда (от 9 ч. вечера до 6 ч. утра) во всех отраслях народного хозяйства, за исключением тех, где он безусловно необходим по техническим соображениям, одобренным рабочими организациями;

5) Воспрещения предпринимателям пользоваться трудом детей в школьном возрасте (до 16 лет) и ограничения рабочего времени подростков (16—18 лет) 6-ю часами;

6) Воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма; освобождения жен-

щин от работы в течение 4-х недель до и 6-ти недель после родов, с сохранением заработной платы в обычном размере за все это время;

7) Устройства при всех заводах, фабриках и других предприятиях, где работают женщины, яслей для грудных и малолетних детей; освобождения женщин, кормящих ребенка, от работы не реже, чем через три часа, на время не менее, чем на полчаса;

8) Государственного страхования рабочих на случай старости и полной или частичной потери способности к труду за счет специального фонда, составленного путем особого налога на капиталистов;

9) Воспрещения выдачи заработной платы товарами; установления еженедельного срока расплаты деньгами по всем без исключения договорам о найме рабочих и выдачи заработка в рабочее время;

10) Запрещения предпринимателям производить денежные вычеты из заработной платы, по какому бы поводу и для какого бы назначения они ни делались (штрафы, браковка и проч.);

11) Назначения достаточного количества фабричных инспекторов во всех отраслях народного хозяйства и распространения надзора фабричной инспекции на все предприятия, употребляющие наемный труд, не исключая казенных (труд домашней прислуги входит также в сферу этого надзора); назначения инспектрис в тех отраслях, где применяется женский труд; участия выбранных рабочими и оплаченных государством представителей в надзоре за исполнением фабричных законов, а также за составлением расценков, приемкой и браковкой материала и результатов работы;

12) Надзора органов местного самоуправления, с участием выборных от рабочих, за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых рабочим предпринимателями, равно как за внутренним распорядком этих помещений и за условиями отдачи их в наймы, — в целях ограждения наемных рабочих от вмешательства предпринимателей в жизнь и деятельность их как частных лиц и граждан;

13) Учреждения правильно организованного санитарного надзора во всех предприятиях, употребляющих наемный труд, при полной независимости всей врачебно-санитарной организации от предпринимателей; бесплатной медицинской помощи для рабочих за счет предпринимателей, с сохранением содержания во время болезни;

14) Установления уголовной ответственности нанимателей за нарушение законов об охране труда;

15) Учреждения во всех отраслях народного хозяйства промысловых судов, составленных поровну из представителей от рабочих и предпринимателей;

16) Возложения на органы местного самоуправления обязанности учредить посреднические конторы по найму местных и пришлых рабочих (биржи труда) во всех отраслях производства, с участием в их управлении представителей от рабочих организаций.

В целях же устранения остатков крепостного порядка, которые тяжелым гнетом лежат непосредственно на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне Партия требует прежде всего:

1) Отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство как на податное сословие;

2) Отмены всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей;

3) Возвращения крестьянам денежных сумм, взятых с них в форме выкупных и оброчных платежей; конфискации с этой целью монастырских и церковных имуществ, а также имений удельных, кабинетских и принадлежащих лицам царской фамилии, а равно обложения особым налогом земель землевладельцев-дворян, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ;

4) Учреждения крестьянских комитетов: а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или — в том случае, если земли переходили из рук в руки, — выкупа государством за счет крупного дворянского землевладения) тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для их закабаления; б) для передачи в собственность крестьян на Кавказе тех земель, которыми они пользуются, как временно-обязанные, хизаны и проч.; в) для устранения остатков крепостных отношений, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и в других областях государства;

5) Предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и об'являть недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

Стремясь к достижению своих ближайших целей, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка, решительно отвергая в то же время все те реформаторские проекты, которые связаны с каким бы то ни было расширением или упрочением полицейско-чиновничьей опеки над трудящимися классами.

С своей стороны, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия твердо убеждена в том, что полное, последовательное и прочное осуществление указанных политических и социальных преобразований достижимо лишь путем низвержения самодержавия и созыва Учредительного Собрания, свободно избранного всем народом.

ГОД ПЕРВЫЙ. С.-ПЕТЕРБУРГ.
№ 2
ПЯТНИЦА, 28 ОКТЯБРЯ
(10 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

С.-Петербург.

28-го октября.

Пункт 2-й манифеста 17 октября говорит: „Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, по мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив, засим, дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку".

Таким образом, правительство не только не отказывается от мысли созвать Государственную Думу, отвергнутую с негодованием русским пролетариатом, но даже намерено предоставить ей некоторые права Учредительного Собрания.

Расчет здесь довольно ясен. По закону 6 августа Государственная Дума должна была состоять исключительно из „цензовиков" — крупных и мелких землевладельцев и капиталистов. Пролетариату не дано было в ней места. Это — понятно. Правительство имело полное основание рассчитывать на „благонамеренность" буржуазии, хотя бы и либеральной, и хорошо знало революционность пролетариата. Теперь, сломленное напором революционного рабочего класса, оно идет на уступки. Оно согласно расширить, „по мере возможности", избирательные права народа.

Но как велика эта мера?

В печать проникли уже сведения о предполагаемых изменениях системы выборов в Государственную Думу. Ценз „квартиронанимателей" будет понижен с X до III разряда, и в столице достаточно платить за квартиру только 40 (!) рублей, чтобы попасть в избиратели. Рабочим также предполагается предоставить в Думе из почти 600 мест — 20. Но выборы все же остаются не всеобщими, не равными, не прямыми и не тайными. „Цензовики" буржуа преобладают попрежнему.

В них правительство видит и ищет своих естественных союзников против революционного народа и, в частности, против рабочего класса, который также естественно стремится под знамя международной социал-демократии. Ведь угроза политического господства пролетариата и призрак социализма одинаково страшны и для правящей и для управляемой буржуазии. Вот почему правительство не очень-то страшится „учредительной" роли цензовой, буржуазной Государственной Думы. Даст ли эта Дума народу всеобщее, равное и прямое избирательное право с тайной подачей голосов — это еще весьма сомнительно. Но если даже и даст, то это все же лучше, чем созыв теперь же Учредительного Собрания, которое может не оставить камня на камне в полуразрушенном здании старого порядка.

И правительство делает явную попытку столковаться с буржуазией. Только такое значение имела беседа Витте с приглашенными им из Москвы представителями конституционно-демократической партии. Правительство предлагает либералам „содействовать", те торгуются относительно реформ. На сей раз либералы запросили Учредительного Собрания на основе всеобщего избирательного права. И Витте ответил, что „правительство не может взять на себя ответственность" за немедленное введение всеобщего избирательного права, в виду происходящих столкновений между различными слоями населения.

Какое реальное значение может иметь эта „нерешительность" правительства? Только одно правительство еще не знает, сыграют ли организованные его агентами погромы роль контр-революции. Если да, то тогда можно обойтись не только без Учредительного Собрания, но, пожалуй, можно вернуться и к абсолютизму.

Во власти пролетариата, во власти революционного русского народа решить этот вопрос. Пролетариат, если хочет обеспечить за собой политические права, дающие возможность бороться за улучшение его экономического положения, бороться за социализм, должен добиться, во что бы то ни стало, созыва Всенародного Учредительного Собрания. Он не может предоставить буржуазии решать за него, какой государственный или общественный порядок учредить в России. Он не может помириться на жалком участии небольшой кучки рабочих в цензовой Думе.

Выгодно для правительства и буржуазии, но не хитро задумано это представительство рабочих в Государственной Думе. Рабочие выбирают путем косвенных выборов только рабочих, как крестьяне выбирают только крестьян. На первый взгляд наивному человеку покажется, что это-то и хорошо, и справедливо: будут настоящие рабочие и настоящие крестьянские представители, а не „интеллигенты". На самом же деле цель такого представительства в том, чтобы помешать политическим партиям, а главным образом социал-демократии, провести своих представителей. Поддадутся ли на эту удочку товарищи-

рабочие? Не сомневаемся ответить нет. Мы уверены, что пролетариат ни пред чем не остановится, чтобы добиться Всенародного Учредительного Собрания для установления истинно-демократического строя.

Поправка. В первом номере, в статье Минского „Свободные речи", благодаря спешной корректуре, вкрались типографские ошибки. Именно: на странице 5-й, на 27-й строке снизу, напечатано: „бескровная революция", вместо „октябрьская революция"; в 11-й строке следует выбросить слова: „Мы видели, как самодержавный труд".

Какая „милиция"?

Старый режим... Шаг за шагом отступает он под напором народного освободительного движения, во главе которого идет пролетариат. И каждый шаг вперед на этом театре войны отмечается потоками крови и грудами трупов. Этот театр войны — вся необ'ятная Россия. Еще так недавно ночь беспросветная свинцовой тучей висела над ней и глушила все живое, все мыслящее, все способное болеть не только за свою личную шкуру, радоваться не только радостям своего нутра.

И старый режим знал, что эта тьма — его надежнейший союзник. Всеми силами, не покладая рук, готовил он будущей свободной России свою черную армию контр-революции, ревниво оберегая беспросветную тьму дикого невежества; одевая все новые и новые своры взяточников и насильников в мундиры полиции и администрации; разжигая самые грубые и низкие страсти — страсти религиозные, страсти национальные; превращая армию — носительницу идеи национальной независимости — в школу порока и озверения; заражая всю народную жизнь духом бесправия, лжи и насилия.

Так готовил старый режим свою черную армию, так готовил он свою последнюю ставку — тот всероссийский разгром, в буре которого он пытается теперь найти свое возрождение.

И снова потоки крови, снова груды трупов — трупов людей, сердца которых горели пламенем святой борьбы за свободу...

Что же делать? Где та сила, которая отстоит уже добытые завоевания и доведет их до логического конца?

Эта сила — м и л и ц и я*), организованная нашими городскими думами, — таков ответ, который приходится часто слышать в последние дни. Но этот ответ — самообман или лицемерие!

Требовать сейчас введения г о р о д с к о й м и л и ц и и значит или не видеть за деревьями леса, или готовить российской свободе западню.

Ибо борьба за свободу не остановится на достигнутом; в ее ходе есть своя внутренняя логика, и эта логика доведет ее до конца. И кому действительно страшны и отвратительны жертвы — жертвы бесплодные, — тот должен учитывать не только жертвы момента, но и жертвы будущего.

Вот почему сознательный пролетариат, идущий во главе освободительной борьбы, не должен и не может отдать в руки нашей дряблой, трусливой цензовой буржуазии великое дело охраны достигнутых и грядущих завоеваний. Это означало бы предать и российскую свободу и самого себя, и приуготовить в недалеком будущем новые гекатомбы жертв — жертв пролетарских.

Российская буржуазия упустила выигрышный для нее исторический момент. Она великолепно разыгрывает роль тех „предков" Марка Твэна, о которых он говорит: „То были храбрые ребята! Когда войско шло на войну, они уныло тащились в хвосте его; когда оно возвращалось, они шли впереди его с громкими победными песнями". Этим самым российская буржуазия выдала пролетариату — как передовой фактической силе — вексель, и этот вексель в свое время будет пред'явлен к учету. И чем больше сохранит за собою пролетариат то господствующее положение, которое он занял теперь в деле борьбы за политическую свободу, тем ничтожнее будет количество жертв, которых потребует этот учет.

Имея неоспоримое право на этот учет, пролетариат знает, что право есть пустой звук, если оно — не сила. И еще он знает из истории, что, когда пролетариат других стран пред'являл в аналогичные моменты свой исторический вексель, не закрепив предварительно всех своих позиций, — буржуазия отвечала ему не хуже любого старого режима массовыми расстрелами. И российский пролетариат не должен повторять ошибок своих западно-европейских братьев. Он не позволит — не должен позволить — „храбрым ребятам" наших дум взять в свои руки дело охраны российской свободы, покупаемой пролетарской кровью прежде всего. Ибо, получив свою „умеренную и аккуратную" свободу, они обрушатся потом на тот же пролетариат в его непреклонном стремлении к свободе демократической.

В России не должно быть места предательским кадрам „национальной", „муниципальной", „подвижной" и т. п. гвардий. Призванный страж и беззаветный защитник российской свободы против черной армии — российский пролетариат. И дело организации охраны свободы должно быть делом его рук, его партии. Он спасет Россию от полного разгрома, доведет дело завоевания свободы до конца.

Не жертвы ужасны. Ужасна их бесплодность. Чтобы отстоять дело свободы, нужно вооружить ее самое. А это значит вооружить носителя российской свободы — российский пролетариат... Тогда — и только тогда — дух победоносной российской революции утвердится на развалинах старого режима, светлый и беспощадный.

И. Г-г.

---

*) Поскольку защитники „милиции" имеют в виду вооружение свободной России для борьбы с черной армией контр-революции, постольку они допускают здесь — вольно или невольно — прежде всего, путаницу в терминах. Милиция — это вооружение всего народа для защиты отечества от внешнего врага; теперь же речь идет о вооружении с в о б о д н о й России для борьбы с в н у т р е н н и м врагом свободы.

Русская печать.

*** Реформы, возвещенные на бумаге, продолжают пополняться и дополняться, к сожалению — тоже на бумаге. В „Руси“ находим заметку:

Граф Витте, — как сообщает петербургский корреспондент „Journal“, — заявил в одном разговоре, что данная политическая амнистия недостаточна и что следует ожидать вскоре новой дополнительной амнистии.

Кроме того, он сказал, что три четверти всех губернаторов выйдут в отставку.

Отчего бы и не все 100 процентов?

*** По поводу недавних событий „Наша Жизнь“ делает справку. Газета вспоминает брошюру одного из русских социал-демократов, предсказывавшую, что русскую революцию сделает всеобщая стачка.

Насколько помнится, автор статьи — мы не считаем себя вправе называть его — исходил из того соображения, что все оппозиционные элементы России из непролетарской среды крайне слабы и едва ли-де окажутся способными к активной борьбе с абсолютизмом; тем более, что, по мнению автора, наша „буржуазия“ сумела приспособиться к самодержавному режиму, и серьезного, глубокого антагонизма между ней и абсолютической формой правления не существует.

Единственным революционным классом представляется автору наш пролетариат, и на него-то он и возлагал все надежды по совершению в России коренной реорганизации государственного строя. Но, соображая возможные способы и приемы „производства“ революции, автор решительно отвергал осуществимость переворота при помощи непосредственной вооруженной борьбы пролетариата — „рабочих батальонов, стянутых в столицу“, — так помнится, он выражался, — и потому, в конце концов, он склонялся к той мысли, что нашему пролетариату не останется другого средства, как устроить всеобщую забастовку и принудить таким путем буржуазию и покровительствующее ей правительство удовлетворить требования пролетариата. В свое время мысли, изложенные в этой статье, обратили большое внимание в среде наших социал-демократических групп и вызвали некоторую полемику. Между прочим, Н. Ленин, автор известного памфлета: „Что делать?“, находил, что решение, данное в названной статье, не соответствует истинному социал-демократическому мировоззрению, являя собой уклонение в сторону анархизма.

„Наша Жизнь“ хочет кого-то уколоть. Ей кажется, что тактика Ленина, — т. е. тактика русской социал-демократии, — обличена ходом событий. Советуем газете не торопиться. Переворот еще не закончен. Стихийная всеобщая стачка не сбила с ног самодержавный режим, а только оглушила его. О свободах мы пока только слышали. И если манифесты о них завоеваны не „рабочими батальонами“, то без помощи рабочей милиции бумажки полетят в печку, а ваши либеральные спины будут попрежнему расхлестываться нагайками.

*** Состав совета министров, в котором на-ряду с Витте красуются такие душители, как Дурново, Редигер и К^0, наводит „Русь“ на грустные размышления.

Мы лично совершенно не сомневаемся в искренности намерений графа Витте, но должны сказать, что вполне правы и те, которые отказывают ему теперь в доверии.

Доколе граф Витте идет под руку с пережитками распадающегося режима, не может быть и не будет доверия общества к такому министерству.

Чтобы иметь доверие, без которого его задача не выполнима, граф Витте должен оставить совершенно политику бюрократических компромиссов и, открыто порвав с режимом прошлого, опереться исключительно на организованные и здоровые общественные силы страны. Без этого задача графа Витте не выполнима, и все усилия его будут бесплодны. И он должен это сделать немедленно, не упуская момента, пока это еще возможно.

Пора оставить наивность и не приписывать отдельному человеку всемогущества, присущего лишь господу богу. Граф Витте не висит в воздухе и не поступает так, как ему заблагорассудится, а действует под властным напором спорящих общественных сил. Тут вопрос вовсе не в Витте, а в том, кто кого одолеет.

Впечатления.

I.

... Все идет вполне нормально к своему концу.

Монарх возложил на правительство выполнение своей непреклонной воли — „даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности“.

Это было 17 октября, в день крушения императорского поезда в 89 году.

С этого же дня во всех городах империи началось усиленное избиение казаками, полицией и черной сотней рабочих, студентов, евреев, детей и прочих врагов самобытного строя России. Уже убиты сотни людей, и между ними убит казацкой пулей сын портного Вася Бубнов, человек двух лет и шести месяцев от роду.

И, несомненно, будут убиты еще многие сотни русских людей...

В церкви священник говорил речь. Он ругался, как раздраженный лавочник, которому помешали отдохнуть от трудов торговли, лгал, как невежда, обиженный тем, чего он не может понять, и клеветал на русский народ, захлебываясь желчью...

Истекая бессильной старческой злобой, этот служитель бога любви и милосердия говорил во храме своего кроткого бога языком инквизитора и зверя...

Он благословлял на убийства и заранее разрешал будущим убийцам Каинов грех.

Местное „правительство“ присутствовало во храме, слышало исступленную речь безумного старика и, очевидно, не нашло ее противоречащей непреклонной воле монарха...

Вероятно, призыв к убийствам из уст главы церкви христовой уже даст свои результаты, когда вы получите это письмо. Мы живем в стране, где убийцы берут недорого—идут на работу за рубль и не протестуют, если полиция платит им только 30 к., как это было во Пскове и Курске.

Вслед за убийствами надо ожидать, что правительство спокойно скажет обществу:

— Видите: вам была дана гражданская свобода на началах действительной неприкосновенности личности, а вы омрачили ее распрями и кровью. Очевидно, вы еще не созрели для свободы, а потому...

И мудро, как всегда, отдаст приказ полиции:

— Остановить немедленно движение колеса истории!

В Саратове уже об'явлено военное положение.

А колесо, приведенное в движение лучшими силами народа, завертится еще быстрее!

Право же все идет вполне нормально!..

II.

Либералы, почему-то именующие себя демократами, кажется, несколько преждевременно ликуют.

Преждевременно — не потому, что победа, купленная ценою крови пролетариата, не может быть прочной победой в их руках, — нет, известно, что мещанство при всей его духовной нищете умеет очень талантливо пользоваться плодами чужого труда.

Но, порвав свою кратковременную и, как всегда, фальшивую связь с народом, оно осталось одиноким ранее, чем следовало бы.

Черная сотня плохо разбирается в программах.

А кто теперь гарантирует мещанству „действительную неприкосновенность личности“? Многоглаголивый граф Витте и кандидат на роль герцога Альбы г. Трепов? Это очень почтенные личности и, конечно, они могут не без удовольствия перестрелять и перевешать тьмы народа, но все же это — два небольших человека, несмотря на величину их кулаков.

Милиция, составленная из черной сотни, — вот прекрасная охрана интересов мещан. Это будет именно такая милиция, о которой говорил гласный московской думы Щепкин и которая, по его словам, „должна защищать собственность и порядок от нарушений, с чьей бы стороны они ни исходили“...

Несомненно,—в груди мещанина сидит какой-то гнусный чорт, холодно корректирующий каждое движение мещанского сердца...

Если это сердце, под давлением ужасов жизни, мучительных страданий залитой кровью народа несчастной, избитой страны, искренно качнется влево, — чорт, усмехаясь, толкнет трусливое, слабое сердце правее, правее...

А.

Отрывки.

Доверяем только милиции.

Главная беда Витте, что никто ему не верит в кредит. Рабочие боролись не для того, чтобы, выбив власть у Игнатьева, благодарно поднести ее Витте. Оставалось опереться на либералов. Но и те к займам не склонны. Держат на запоре сердца, как банкир — денежный ящик, и даже вексель с надписью „конституция“, кажется, не принят к учету. Так часто попадали впросак и платили звонкой монетой — золотом своей благодарности — за бумаженки, оказывавшиеся фальшивыми, что теперь сделались осторожными и требуют уплаты вперед. Это очень неприятно для Витте, и мне его от всей души жаль, но таково уже лукавство истории, что тот, кто отстает от нее, осуждается на неприятные изумления.

Чем отличается теперешний манифест от прежних обещаний и извещений? Только тем, что обещает щедрее. Гарантий же попрежнему никаких. Уже на-днях нам дипломатически намекнули, что, если мы не будем послушными, то ведь реформу можно и затянуть, а пока править по-старому, с большой прикосновенностью к личностям, с свободой цензурированной печати и широким правом собраний — во дворе дома предварительного заключения.

Чьи-то руки, притаившиеся за сценой, уже вцепились в обещанные „свободы“, и никто не может ручаться, что эти яркие, цветистые декорации не будут уволочены за кулисы так же быстро, как их оттуда приволокли.

Я вполне готов допустить, что Витте — человек честный и искренно стремится к тому, чтобы сдержать свое слово. Но был искренним и князь Святополк, и, однако, все его обещания кончились расстрелом рабочих. К своему премьерскому месту граф Витте, насколько мне известно, не привинчен и не приколочен гвоздями. Стоит дунуть придворному ветерку, и премьер может очутиться на воздухе, а вместе с ним и его „система правления“. Но даже если Витте останется, то, пока щедрость посулов не обопрется на действительные гарантии, Россией будет править не он, а свора полицейских чиновников. Или, может быть, вы допускаете мысль, что из вчерашних воров, взяточников, устроителей погромов и избиений, укрывателей мошеннических притонов, пайщиков грабительских шаек — за ночь станут либеральные джентльмены? Полиция — начиная от губернаторов и кончая околоточным надзирателем, — несомненно, пустится во все тяжкие, чтобы только замутить воду и не дать осуществиться свободам.

Она не может иначе поступать хотя бы уже потому, что поголовно кормится взятками, а при введении гражданской свободы промышлять взятками мудрено.

Если Витте — искренний человек, то его первой заботой должно быть ограждение населения от этих полицейских воздействий. Нелепо говорить о свободе, когда воры и каторжники в мундирах беспрепятственно измываются над народом, бьют его, калечат в участках, решают по своему усмотрению, где ему быть и что делать, вымогают деньги и послушание. Но вот со дня манифеста прошло уже, слава богу, десять дней, а до сих пор что же сделано? Не только ничего не предпринято для охраны прав населения, хотя бы предоставлением ему возможности охранять самого себя, но даже заведомые преступники не смещены с административных постов. Откуда же возьмется доверие?

Не спроста в первый же день после манифеста со всех сторон стали сыпаться требования об учреждении гражданской милиции. Мы все чувствовали, что за ближайшим углом, злобно притаившись и выжидая, стоит каторжник в полицейском мундире, развращенный вековыми возможностями вымогать, грабить и властвовать. Мы понимали, что он уже приготовился, что он уже замыслил борьбу с грозной для него конституцией. Мы знали, что он уже перешептывается со своими товарищами по грабежу—босяком, сутенером и хулиганом. Мы видели, как из рук в руки переходят, зловеще поблескивая, ножи, кастеты и револьверы. Мы видели, как выстраиваются войска, подчиненные полицейскому усмотрению, чтобы прикрыть, в случае надобности, отступление громил и насильников.

Я обращаюсь к доверяющим Витте и говорю им: неужели вы думаете, что требование устроить милицию было просто мимолетным капризом? Неужели вы и теперь не поймете, что тут указан вам единственный путь для

закрепления возвещенных свобод? Сотни тысяч окровавленных рук протянулись к вашим словам, к тем свободам, о которых вы говорили, и стараются запятнать буквы, чтобы все, о чем вы мечтали, заволоклось багровым налетом. Если вы хотели свободы — хотя бы той, буржуазной, необходимой предпосылки иной, скрытой в далях будущего развития, — если вы хотели быть искренними, не могли же вы не понять, что мало возвещения о свободе, надо дать народу возможность укрепить это драгоценное благо, отстоять его от неминуемых покушений. Вы очень хорошо знаете, каков состав „исполнителей", каковы кадры администрации, вы говорите об их развращенности, об их варварстве, оставшемся первобытным, — и вы можете думать, что, пока сила у них, пока в противовес этой силе не создана иная, культурная, — хоть одна из драгоценных свобод может войти в жизнь? У нас такой наивности нет.

События, разыгравшиеся в России за эти несколько дней, показали, насколько мы дальнозорки и насколько близоруки другие. В Радоме, Полтаве, Одессе, Вязьме, Ростове-на-Дону — почти во всех крупных южных городах полиция уже устроила погромы. Я говорю смело „полиция" потому, что официальное же агентство только что оповестило газеты, что среди одесских громил орудовали переодетые полицейские. Если же так было в Одессе, то я не вижу оснований предполагать, что в Ростове этого не было. Казаки, подчиненные губернатору, — тоже, по сообщению агентства, — укрывали погромщиков от самообороны. Весьма возможно, что, устраивая погромы, полицейские и вольные черносотенцы надеялись убить двух зайцев разом: напугать ободрившееся население и крупными кровавыми беспорядками затормозить ход реформ. Поддастся ли на эту удочку г. Витте?

Пролетариат хочет милиции — не потому, как уверяют его враги, чтобы он желал „смут", а потому, что он желает правопорядка и действительного обеспечения свободы.

И он хочет милиции пролетарской, потому что он не может не знать, что всякая иная милиция будет храбро отсиживаться по домам, когда пойдет речь о защите завоеванных прав от штыков и пулеметов властей, и геройски рваться в сражение, когда представится случай усмирять безоружных рабочих.

Кто мечтает об оплоте свободы, те пусть смело обратятся к пролетариату. Пролетариат проведет свое требование вместе с ними, если их слова искренни; вопреки им, если они только декорация.

Леонид Галич.

Г. Тан и „мобилизация общественных и народных сил".

По мнению некоторых гласных Московской городской думы, эта самая дума прошлой весной „стала во главе освободительного движения" („Русск. Вед.", № 277). По свидетельству членов покойного теперь „союза освобождения" (ныне — конституционно-демократической партии) в известном их воззвании к народу, изданном земским с'ездом в августе текущего года, освободительное движение в России началось постановлениями земского с'езда в ноябре 1904 г.: за земцами, видите ли, пошли и рабочие, и студенты, не говоря уже о других общественных группах.

Пока так говорили господа земцы и думцы, можно было только посмеяться над таким самомнением: пусть себе думают на здоровье, что они — вожди движения, что они — соль земли, что они дают пример гражданского мужества. Ведь все равно жизнь уж слишком явно противоречит этим росказням, чтобы они кого-нибудь могли обмануть; даже более: было приятно отметить лишний раз пустую хвастливость либеральной буржуазии, не задумавшейся в то же время предать народ своим согласием на вступление в булыгинскую Думу. Но вот к голосам земцев и думцев присоединяется голос человека с демократическим прошлым и с известной литературной репутацией: на происходящем теперь в Москве областном с'езде делегатов учительского союза известный писатель г. Тан заявил буквально следующее: „Мобилизация народных и общественных сил" началась $1^1/_2$ года тому назад всероссийским земским с'ездом, затем организацией союза адвокатов, союза литераторов, инженеров... Мобилизация шла вниз и чем ближе была к нижним слоям, тем сильнее проявлялась ее деятельность, потому что внизу люди были связаны непосредственно с самой жизнью. Такими союзами были учительский и лиц медицинского персонала. Скоро движение охватило железнодорожных служащих; за ними поднялся вообще русский рабочий; его подготовили две организации — „социал-демократы и социалисты-революционеры" („Русск. Вед.", № 277).

Не правда ли, как это мило! Начали земцы, продолжала якобы „внеклассовая" или „надклассовая" интеллигенция, и лишь за ними поднялся рабочий... Что за дело г. Тану и его единомышленникам из среды земцев и думцев до того, что рабочий начал подниматься еще в 1882 г., когда первые массовые стачки вызвали необходимость появления первых фабричных законов. Не важно для этих господ и то, что уже стачки конца 90-х годов имели политический оттенок, а казанское, московское, ростовское и вообще южное рабочее движение 1901 и 1902 годов были уже ярко-политическими, а ведь это было задолго до земских с'ездов с их робкими, бесцветными заявлениями.

Г. Тан и его единомышленники забыли, конечно, и о том, что свободная Россия создана пролетарским движением, а союзы, и в частности учительский союз, ничего не сделали в политическом смысле за все время своего существования. Тот же учительский союз и в профессиональном отношении, т. е. в деле защиты школы от всяческого произвола, и в деле материальной, юридической и нравственной взаимопомощи учителей (под нравственной взаимопомощью мы разумеем содействие выработке сознательных, твердых и глубоких политических убеждений) не сделал ни шагу вперед. Нельзя же, в самом деле, считать серьезным делом рассылку по земствам жалкого циркуляра о нуждах школы от имени союза. А в последней всеобщей забастовке союз себя так ничем и не показал...

И это понятно: большая часть союзов — и в частности союз учительский — бессильны политически, потому

что политической силой могут обладать только партии, это — политическая азбука; но они бессильны также и профессионально, потому что большинство из них не соединяет не только всех, но и большей части прогрессивно-настроенных членов данной профессии. Иллюзорные, мнимые политические задачи союзов препятствуют правильному развитию их профессиональных задач, и потому союзы лишаются и того значения для политической жизни страны, какое они, несомненно, имели бы, оставаясь профессиональными союзами в том смысле, в каком это выше указано.

Н. Рожков.

Амнистия.

Когда 18 октября Петербург узнал, что старый строй отступил, и что главная его позиция — абсолютизм — бесповоротно сдана, первый помысел народных масс был обращен к тем борцам, которые жизнью, счастьем и свободой жертвовали во имя освобождения страны.

Полная и безусловная амнистия, освобождение всех, кого открытое исповедывание заветных убеждений привело в тюрьму или ссылку, — требование т а к о й амнистии не сходило с уст. Категоричность этого требования была столь очевидна, что правительство уже 19-го вынуждено было заявить, что амнистия последует на-днях. Субботний № „Правительственного Вестника“ действительно принес ее нам в виде указа, данного сенату 21 октября.

Уже внешняя сторона этого правительственного акта заставляет нас предполагать, что не дух молодой свободы, а дух канцелярского бюрократизма господствовал при его составлении.

Важны и имеют непосредственное практическое значение пункты 6 и 1 указа.

Пункт 6 освобождает от наказания всех лиц, подвергшихся до 17 октября административным карам по политическим делам.

Нерешенным остается вопрос, имеющий большое практическое значение, а именно об ответственности за побег из ссылки. За последние годы эти побеги, как известно, особенно участились, и значительной части ссыльных удавалось вырваться из Сибири, чтобы снова ринуться в освободительную борьбу уже в качестве „нелегальных“.

Согласно пункту I, освобождаются все осужденные судом за политические преступления, предусмотренные перечисленными в нем статьями нового уголовного уложения и некоторыми статьями старого, равно как все те, против которых возбуждено или имеет быть возбуждено уголовное преследование за такие преступления, если они совершены до 17 октября. Статьи эти имеют в виду: оскорбление императора или члена императорского дома, составление, печатание, хранение, распространение и провоз сочинений, содержащих в себе такое оскорбление или угрозу (ст. ст. 103, 104, 106, 107), участие в противоправительственной демонстрации (121), участие в рабочей или революционной организации, если таковая не имела в своем распоряжении средств для взрыва или склада оружия (125 и 126 ч. I), предоставление помещения для

Пчелки.

Мы бедные пчелки, работницы пчелки.
И ночью и днем все мелькают иголки
В измученных наших руках.
Мы солнца не видим, мы счастья не знаем,
Закончим работу и вновь начинаем
С покорной тоскою в сердцах.
Был праздник недавно, чужой — нас не звали,
Но мы потихоньку туда прибежали
Взглянуть на веселье других.
Гремели оркестры на пышных эстрадах,
Кружилися трутни в богатых нарядах,
В шитье и камнях дорогих.
Мелькало роскошное платье за платьем,
И каждый стежок в них был нашим проклятьем
И мукою каждая нить!
Мы долго смотрели без вздоха, без слова...
Такой красоты и веселья такого
Мы были не в силах простить!
Чем громче лились ликования звуки,
Тем ныли больнее усталые руки,
И жить становилось не в мочь!
Мы видели радость, мы поняли счастье,
Беспечности смех, торжество самовластья...
Мы долго не спали в ту ночь.
В ту ночь до рассвета мелькала иголка:
Сшивали мы полосы красного шелка
Полотнищем длинным, прямым...
Мы сшили кровавое знамя свободы,
Мы будем таить его долгие годы,
Но мы не расстанемся с ним!
Все слушаем мы — не забьет ли тревога,
Не стукнет ли жданный сигнал у порога —
Нам чужды и жалость и страх!..
Мы бедные пчелки, работницы пчелки,
Мы ждем... и проворно мелькают иголки
В измученных наших руках.

Тэффи.

Рождение новой партии.

I.

Вспоминалось мне часто Щедринское выражение: „применительно к подлости“, когда я присутствовал в качестве стороннего наблюдателя на организационном с'езде новой партии, назвавшей себя „конституционно-демократической“...

Пусть мои сотоварищи разбирают программу этой вновь устроенной партии, как она вылилась в окончательной форме. Я думаю, что не менее важно и интересно знать, как эта партия „рождалась“... Если хочешь узнать человека, то иди к нему, ибо когда он к тебе приходит, то „причесывается“, „наряжается“, старается казаться по возможности лучше...

собрания революционной организации (127), произнесение революционных речей и публичное чтение прокламаций и их распространение, пропаганда революционных идей, в особенности среди войск, рабочих и крестьян (128, 129, 130, 131), составление, размещение, хранение и провоз нелегальной литературы (132), недонесение о тяжком политическом преступлении и укрывательство важных политических преступников, освобождение политических преступников из-под стражи (163, 164, 166 ч. 2, 168 ч. 3 и 173 ч. 4), участие в стачках (1358 и след. Улож. о нак.). Пункт этот исчерпывающего перечня всех политических преступлений, предусмотренных нашим, поистине, редко-жестоким уголовным законом, не дает и оставляет целый ряд деяний в стороне; но, охватывая случаи, наиболее часто применявшиеся на практике, фактически должен повести к немедленному освобождению значительного количества заключенных.

И мы горячо приветствуем товарищей, получивших снова возможность отдать свою энергию, силы и дарования на благо рабочего класса, на борьбу с его врагами.

Но п.п. 6 и 1 и ограничивается положительная сторона указа. И чем больше вдумываешься в мотивы, продиктовавшие постановление п.п. 2, 3, 7, тем более приходишь к убеждению, достаточно подтвержденному всеми кровавыми ужасами последних дней, — что правительство не желает понять требований, властно пред'являемых ему всей русской жизнью, — не желает или не умеет.

Пункт 2 говорит, что отбывающие наказание за государственные преступления, совершенные 10 лет тому назад и более, подлежат: а) каторжане — ссылке на поселение на четыре года, с воспрещением им в течение следующих за окончанием ссылки 3 лет жительства в столицах и столичных губерниях; б) сосланные же на поселение или переведенные на поселение из каторги по отбытии ими поселения, в течение 4 лет, лишены на три года права в'езда в столицы. Лица, принадлежащие к обеим группам, отдаются после поселения на три года под надзор полиции. Лишение же всех прав состояния заменяется для них лишением некоторых особенных прав и преимуществ.

Таким образом, В. Н. Фигнер, М. Ю. Ашенбреннер, В. Л. Иванов, М. Н. Тригот, Л. А. Волькенштейн, Б. А. Оржих и др. лишены возможности вернуться в столицы и обречены нести клеймо политическаго бесправия, которое налагается на рецидивистов после третьей кражи.

Нужно отдать справедливость старому порядку: даже умирающий, он умеет мстить.

Всем остальным „политическим преступникам", и в особенности тем, которые были преданы военному суду — произволом ли министра внутренних дел, генерал-губернатора или командующего войсками, — наказание сокращается наполовину, смертная же казнь и бессрочная каторга заменяется каторжными работами на 15 лет (п.п. 4 и 7). Правило это относится как к уже осужденным, так и к преданным суду.

Мы затрудняемся сказать, какой из приведенных выше пунктов более противоречит самой элементарной справедливости, самым очевидным требованиям жизни. Муки людей, томящихся десятки лет, увековечиваются. Без-

---

Как известно, члены партии „Освобождение", с'ев до 10.000 рябчиков и написав до 10.000 пудов „резолюций преступного характера", надоели друг другу и людям... Сегодня „рябчики" и „резолюция", завтра рябчики и резолюция, послезавтра... Наконец, об'елись и рябчиками и резолюциями... А возу все нет ходу... Время резолюций прошло... Требовалось другое блюдо... Жизнь упорно напоминала, что хотя все люди братья, но не все родные, а есть двоюродные, троюродные и так далее. Мужики начали усиленно напоминать, что одной свободой, братством и равенством не отделаешься. Аграрные недоразумения приняли хронический характер... Рабочее движение, росшее и крепшее в глубине, разом показало, что шутки прошли... И повисли „братство, равенство и свобода" в воздухе...

— Свобода — свободой, а ты скажи, как касательно земли? — спрашивал мужик у либерального помещика на митинге в Покровской слободе.

— Как полагаешь: чья земля? божья, али кому другому принадлежит?

Рабочий даже не спрашивал... О чем ему было спрашивать? Он отлично знал цену братству, равенству и свободе, а после 9 января утратил окончательно и бесповоротно всякие сомнения...

— Мы соединились во имя политической свободы и только, — говорил „освобожденец".

— Не подойдет! — ответил мужик.

— Не надуешь! — сказал рабочий...

На кого же опереться?.. Не на кого!.. Завели было кое-какие „шашни" с одной левой стороной, мужик поперек дороги встал со своим девизом „земля божья". А другая левая сторона не проявляла особенного желания знакомиться...

— Хоть брось!.. Из братства ничего не получается...

А волна жизни все настойчивее била в берега русской действительности... Классовый характер борьбы звучал все явственнее, определеннее...

И вот более благоразумная и дальновидная часть „Освобождения" откололась и отхлебнула по глотку от воды живой... „Внеклассовая" интеллигенция, одушевляемая прежней верой в „критически-мыслящую личность", соединилась с помещиками, капиталистами и заблудящимися интеллигентами, и пошла рука об руку добывать политическую свободу...

— Почему непременно класс?!. Прекрасно можно обойтись без этих классов!

— Я хотя помещик, но прежде всего порядочный человек с идеалами!

— Хотя я имею фабрику, но я готов служить братству, равенству и свободе...

— Правда, я, в принципе, социал-демократ, но... я, прежде всего, человек зрелый и потому понимаю, что „обобществление орудий производства" — абсурд.

— На кого же обопремся?..

— На всех по возможности!..

— Мы — внеклассовая партия и потому должны опереться на всех и все по возможности и ни на кого в частности...

И. К. П.
Кабинет истории
Народов СССР.

законная процедура военных судов, где обычным наказанием является казнь, где кассационные жалобы на смертные приговоры не передаются высшему суду, — получает признание, и пятнадцатилетняя каторга становится уделом тех, над кем полиция и войска совершали неслыханные насилия.

Нужно ли после этого еще подчеркнуть, что „амнистия“ вовсе не касается ни сотен крестьян, осужденных за аграрные беспорядки, ни солдат и матросов, процессы которых еще памятны нам, ни лиц, пострадавших за свои верования и религиозные убеждения? Нужно ли подробно останавливаться на этом?

Мы думаем, что нет, что всякому ясно, что такая амнистия, при которой Гершуни остается в Шлиссельбурге, Герман Лопатин идет на поселение, а Тахчогло приговаривается к 15-летней каторге в то время, когда гг. Треповы, Хрипуновы и К° остаются на местах и призывают подчиненные им власти „не жалеть патронов“, не может ни успокоить кого-либо, ни внушить доверия к искренности правительства.

Очевидно, только сам народ в лице своих истинных представителей на первом же законодательном собрании даст полную свободу всем тем, кто столько принес за нее жертв.

А. Г.

Борьба за власть.

Момент, переживаемый Россией, является одной из тех эпох, когда борьба партий развертывается с полной силой. Нация севера, скованная тысячью цепей, проснулась, ожила, — старое рушится, новая жизнь завоевывает себе права: она проявляется то в виде широких общемировых потоков, которые являются лишь повторением истории Запада, то в виде тонких национальных штрихов, которые яркими жилами проглядывают в общих течениях.

Это не те воображаемые национальные черты, выдумывая которые сознательные и бессознательные реакционеры прочат России химерическое будущее царства берендеев, а те, которые, вкрапленные в общечеловеческие контуры, как самоцветные камни, придают им чудно-волшебный блеск. Это те особенности, скорее не русской жизни, а русской революции, которые ярко проявились в только что пережитые дни, когда грозная рука народа начертала современному Сарданапалу: мэне, тэкель, фарес, — да, он взвешен и найден легким, но кому же он будет разделен? — Здесь-то и выдвигаются роковые слова: борьба за власть. Здесь-то и сказываются особенности Российской Великой Революции.

Когда на Западе выдвигался тот же вопрос, он стоял в более узких рамках, жизнь была менее сложна. Две силы боролись между собой: старая отживающая монархия, опиравшаяся на расслабленные сословно-феодальные элементы, которые уже потеряли тогда свою экономическую силу, сохранив лишь мишуру привилегий, и молодая буржуазия, полная сил и энергии, шедшая в бой

И вот бывшие „освобожденцы“ облачаются в новую кожу...

Для рабочих — восьмичасовой рабочий день „по возможности“.

Для мужичка — расширение площади землепользования тоже по возможности...

Для помещика — отчуждение части владения по справедливой оценке...

Для духовенства — оставление в покое церковных и монастырских земель *).

Для себя — две палаты...

И только для женщин, при всей своей демократичности, новая партия не решилась поставить вопрос определенно и предоставила ратовать как кому заблагорассудится... Почему не пожелали уравнять с собою женщину, — как ни старались об‘яснить, ничего не об‘яснили... и только все запутывали...

— Серьезная программа не может этого сделать!

— В принципе мы все за женщин, но тактические соображения и т. д.

— Какие такие тактические соображения?

А, видите ли, один член поговорил с мужичком, и тот был против, а так как партия опирается на народ, то...

Вообще, в принципе они молодцы, в принципе они друзья крайних партий, но они, как заявляли лидеры партии, не социалисты... Вот тут и разберись.

Друзья, а не социалисты! В чем же дружество?!.

— Всем сестрам по серьгам! — В том числе и левым партиям...

Бочком подходят и расшаркиваются с мужичком и рабочим, не забывая, что они — внеклассовые помещики, фабриканты, интеллигенты...

Доброй души партия!..

Добрые помещики...

Дивные фабриканты...

Сентиментальные интеллигенты...

Бывшие марксисты...

Социал-демократы в третичном периоде...

Нарисую вам несколько картинок умилительного братства...

Представителей печати посадили не в зале, а в соседних комнатах, около дверей, а дабы эти нахалы знали твердо свое место, даже веревкой отгородили зал собрания... Пожалуй, еще голосовать вздумают, срывать программные вопросы, — всякие тут есть... даже и „друзья с левой стороны“...

— С. Ив. — обращается один из сих изгоев. — Как же это?! Конституцию желаете, а печать попрежнему заставляете в дырочку выглядывать?!

В перерыв стол выдвигают за веревку и отгораживаются от печати рядом поперек поставленных стульев.

Доходят до „двух палат“...

— Зачем две палаты?..

*) В проекте программы было именно так, и лишь незначительным большинством решили экспроприировать одни „монастырские“ земли.

со славным кличем: le jour de la gloire est arrivé! Ее вожди с полным правом говорили о грядущих днях славы: ведь Камиль Демулен бросил первую искру в народную массу, он—буржуазный идеолог — повел ее на Бастилию; ведь Дантон заставил сделать короля первый шаг к эшафоту!

А кто теперь из вождей буржуазии решится повторить слова великого трибуна: pour vaincre les ennemis de la patrie il faut de l'audace, encore de l'audace et toujours de l'audace.

Русская дряблая буржуазия мечтает не о днях славы, когда власть берется с бою, а о жалких тусклых сумерках, когда она может присосаться к такому же бесцветному слизняку, как и она; мечтает о возможности миновать те дни, когда нация, проходя через горнило боя, выдвигает из себя самые крепкие элементы.

Девятнадцатый век не прошел даром для России, — идея нашего времени, идея рабочего класса наложила печать и на буржуазную революцию. Теперь на политической сцене есть третья самостоятельная сила — пролетариат; и он не только пред'являет свои права на участие в дележе старого порядка, но и наложит свою печать на грядущий строй демократической России.

Эту особенность русской революции не должна упускать из виду ни одна политическая партия, и прежде всего, конечно, самая революционная из них — партия пролетариата. Нельзя отдаваться историческому процессу, как чему-то всесильно, неминуемо грядущему; это будет не детерминизм, а дурной сорт фатализма, заклейменный словом „хвостизм". Выгодная особенность соотношений политических сил в русской революции должна быть использована до конца российской социал-демократией, и способ этого использования есть борьба за власть, приход ко власти и проведение в жизнь заранее намеченной программы.

Те, кто говорят, что не дело пролетариата работать на буржуазию, вытаскивать для нее каштаны из горна революции, жестоко обжигая руки, забывают, что в сущности все революции совершал пролетариат, что он боролся, он страдал, а буржуазия являлась лишь парадирующим арьергардом, пользующимся плодами не им достигнутых побед.

Ведь громовые речи Мирабо и остроумие Сейсса оказались бы ничем, если бы парижский пролетариат не разбил темные силы реакционного заговора восстанием 14 июля 1789 года. Но тогда он являлся неорганизованной массой, не сознававшей своих классовых интересов и поэтому шедшей на буксире буржуазных политиков. Это была та масса патриотов-санкюлотов, которая бастовала, голодала, боролась и умирала, свергала партии, но не могла закрепить за собой даже элементарных профессиональных и политических прав.

И теперь буржуазную революцию в России совершает рабочий класс, но с тою разницей, что он организован и сознает свои классовые интересы; к тому же теперь ему не опасны и утопии близких золотых дней, он не лелеет несбыточных надежд на скачок из царства необходимости в царство свободы, а видит перед собою определенную возможность создать ту широкую демократическую платформу, на которой разыграется последняя борьба под красным знаменем интернационала.

В. Волгин.

— Не желаете две, стойте за одну. Кто как хочет!

— Сделаем примечание!

— Но какая же это партия, с примечаниями-то?.. Удобно ли?..

Вторая палата будет выбираться из представителей городского и земского самоуправления...

Плохой тот член партии, который не сумеет и при двух палатах вылезти...

С одной стороны, „всеобщее, равное, тайное" и т. д., а с другой стороны, две палаты, при чем во вторую выбирают из представителей городского и земского самоуправления. В чем тут заковыка?!.

Опираются на мужичков и рабочих, а прямых выборов во вторую палату остерегаются...

Это как будто бы и „не по-дружески"...

Слева — друзья, а они косятся — направо...

С женщинами целая история. П. Н. Милюков ни за что не хочет уравнять женщин. И все бюро тоже не желает. Напрасно многие идеалистически настроенные внеклассовые интеллигенты, приехавшие из провинции, говорят речи в защиту дарования одинаковых прав мужчинам и женщинам, напрасно представительницы „союза женского равноправия" мечут гром и молнии... П. Н. Милюков и его верное бюро не желают уравнения... Для них это — уравнение со многими неизвестными. Горячились, спорили, бюро краснело и потело, но упорствовало:

— Все это так, но мы не можем!..

— Бюро должно будет выйти!..

Голоса разделились поровну. Что тут делать?.. Заговаривают о том, что всегда и везде голос председателя равен двум голосам... Не действует...

— Господа! Иначе мы потеряем бюро... Полезных и самых деятельных работников партии!

Уперлись провинциалы, — сердятся.

— Это выходит уже насилие...

Куда-то исчезает „бывший марксист и теперь еще в душе марксист" и скоро об'являет не без некоторого удовольствия.

— Прибыла графиня Бобринская!

И прибывшая графиня решает дело не в пользу женщин... Графиня настроена идеалистически: она только часа два тому назад говорила, что призвание женщины — жертвовать мужчинам... Тип Некрасовских „Русских женщин" уносит графиню в места и времена отдаленные... Графиня решила дело... и представительницы женского равноправия повесили носы...

— Вот тебе и конституция?!. Вот тебе и демократы!

— Мы принципиально все за равноправность, но... сделаем примечание...

Для настойчивых провинциалов делают лазейку в виде нового примечания: кто не хочет, пусть не стоит за равноправность женщин, кто хочет — стоит...

— Опять примечание?!.

— Примечательная, однако, партия!..

Евгений Чириков.

„Союз союзов".

Исторические октябрьские дни явились своего рода экзаменом для всех политических организаций, в том числе и для „Союза союзов". Члены центрального и местных бюро „Союза союзов" обнаружили в эти дни кипучую деятельность, устраивая ежедневные заседания, входя в переговоры, вопреки уверению, что время переговоров с правительством прошло, письменно, устно и по телефону, с различными администраторами, начиная от гр. Витте и ген. Трепова, и проч., и проч. А в результате этой деятельности у членов Союза не могло не возникнуть сомнения, что все их благие намерения пропали даром и что их слезные послания к г.г. Витте и Треповым не тронули сердец этих деятелей. Членов Союза просили „спасти Россию", но клали под сукно их резолюции о полной амнистии, об избиении евреев и т. д. Администрация считалась с ними лишь постольку, поскольку надеялась на их „содействие". К чести „Союза союзов" он в целом ни разу ни обнаруживал склонности „содействовать" агентам правительственной власти, но зато отдельные его члены с большой готовностью принимали приглашение г. Витте „помочь" ему „умиротворить Россию".

„Союз союзов" принял в эти дни борьбы целый ряд резолюций, но напрасно было бы искать в этих резолюциях указания на ту позицию, на которой стоит „Союз союзов". Как только речь заходила о выражении своего отношения к существующим политическим партиям и программам этих партий, члены Союза обнаруживали удивительную растерянность и беспомощность. И это, конечно, нисколько не удивительно, ибо вряд ли какая-нибудь политическая организация имеет в своем составе столько разношерстных элементов, как „Союз союзов". Буржуазные земцы, умеренно-либеральные профессора, писатели-радикалы, полусознательные и сознательные конторщики-социалисты — все это об'единено в одной организации и хочет иметь свою „политическую программу". Когда социал-демократы указывали, что союзы с таким разнообразным по направлению составом могут быть исключительно профессиональными, но не политическими, их обвинили, по обыкновению, в сектантстве, доктринерстве и проч. Теперь мы живем в такое время, когда сама жизнь ставит на очередь вопрос о ясном и точном определении каждой политической организацией своей партийной позиции, и „Союзу союзов" приходится volens-nolens определить свое отношение к существующим партиям, если он хочет остаться политической, а не профессиональной организацией. Одного лозунга: „Долой самодержавие и да здравствует Учредительное Собрание" теперь уже недостаточно, жизнь заставляет итти дальше. И „Союзу союзов" предстоят еще большие „неприятности" в дальнейшей деятельности. Уже теперь два союза фактически откололись от „Союза союзов": союз земских конституционалистов — направо, союз конторщиков и бухгалтеров — налево. Несомненно, что в дальнейшем предстоит полное распадение „Союза союзов", если он не превратится в профессиональную организацию, так как образовать одну политическую партию „Союз союзов", при неопределенности и пестроте его классового состава, не может. Буржуазные элементы союзов отойдут к конституционалистам-демократам и родственным им партиям; пролетарские и полупролетарские должны примкнуть к социал-демократии, если они достаточно сознают свои классовые интересы.

Прошлое наглядно показывает, насколько политически бессильны интеллигентские организации и в частности „Союз союзов". Даже к политической забастовке Союз примкнул уже тогда, когда она была фактически осуществлена, хотя говорил он о забастовке долго, много и страстно...

Вообще, деятельность Союза за последнее время можно охарактеризовать словами: „много слов, мало дела". Слова по большей части все были хорошие, но так как их авторы не опирались ни на какую реальную силу, то слова остались только словами.

Справедливость требует, в заключение, отметить, что „Союз союзов" оказал в эти дни кое-какие услуги стачечникам и политическим заключенным своей благотворительной деятельностью, выразившейся в сборе денег, материальной помощи выпущенным из тюрем и т. д.

Я. Л.

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Гельсингфорс, 26 октября (СПА). — Как видно из полученных газетами телеграмм, забастовка, охватившая могучею волною все города Финляндии, повсеместно прекращается. В Таммерфорсе, по предложению стачечной комиссии, окончательное прекращение забастовки назначено было на 24 октября, в 6 час. вечера. На митинге 25 октября были прочитаны во всеуслышание манифест и высочайшая грамота о созыве сейма. Митинг закончился пением гимна „Наш Край". Забастовка в Або была закончена торжественно на многолюдном митинге, на котором были произнесены речи на шведском и финском языках о законности и закономерной свободе. Город по поводу манифеста украшен флагами. Население огромными массами следовало со знаменами и музыкой по улицам, распевая патриотические гимны. Вечером была большая иллюминация. Настроение самое радостное. Газеты в Або сегодня выходят.

Гельсингфорс, 27 октября (СПА). — Делегаты так называемой „национальной гвардии", состоящей из рабочих, вчера в сенате требовали вознаграждения в размере 160.000 марок за несение полицейской и караульной службы во время забастовки и за лишения, перенесенные их семействами за это время. Генерал-губернатор с своей стороны не встретил препятствий, и сенат в экстренном заседании вотировал выдачу рабочим названной суммы из финляндских казенных средств.

Гельсингфорс, 26 октября (СПА). — В полученной 24 октября из Ньюстада телеграмме указывается, что стачка закончена и что там царит полное спокойствие. Город украшен флагами. Общее торжественное настроение. Вечером была зажжена иллюминация.

Мариенгам, 25 октября (СПА). — Общая забастовка кончилась в 12 час. дня. Митинги происходят ежедневно.

Порядок поддерживается гражданскою стражею после прекращения полициею своей деятельности. Вследствие опубликования манифеста, город украшен флагами. Вечером город был иллюминован и был спущен фейерверк.

Погромы.

Юзовка, 27 октября (СПА). — За время беспорядков были раненые и убитые. Теперь спокойно. В поселке Дебальцево, 23 октября, начавшийся погром был предотвращен мерами, принятыми начальником депо и рабочими.

Курск, 27 октября (СПА). — В „Губернских Ведомостях“ опубликовано обширное обращение курского губернатора к курским крестьянам и рабочим людям, заявляющее о принятии самых строгих, указанных в законе мер против всякого насилия и против захвата чужой собственности земельной или имущественной. Крестьяне и рабочие приглашаются нерушимо выполнять свои обязанности на местах и с радостным сердцем готовиться к выборам в Государственную Думу.

В той же газете опубликовано следующее воззвание епископа курского Питирима: „Обращаюсь ко всем пастырям вверенной мне паствы с убедительнейшею, самою усердною просьбою употребить все пастырское воздействие к предупреждению и устранению междоусобия среди населения, поучая его в своем поведении и отношениях к ближним действовать в духе братолюбия, заповеданного нам господом нашим Иисусом Христом“.

Москва, 27 октября (СПА). — Московский градоначальник об‘являет: „Лихие люди желают породить смуту и вызывают междоусобицу в Москве посредством разбрасываемых повсюду печатных воззваний. Русские люди, под знаменем „за веру, царя и отечество“, призывают народ к насильственным действиям против крамольников. Предупреждаю, что с настоящими крамольниками я сам слажу, но расправы не допущу и приму все нужные действительнейшие и удобнейшие меры для прекращения беспорядков, для вразумления заблуждающихся и усмирения ослушных“.

На открывающемся 6 ноября в Москве с‘езде земских и городских деятелей будут рассматриваться следующие вопросы: 1) об избирательном законе; 2) о выработке проекта временных законов, обеспечивающих свободу личности, совести, слова, печати, собраний и союзов; и 3) об отношении с‘езда земских и городских деятелей к текущим событиям.

Баку, 27 октября (СПА). — Город имеет совершенно военный вид. Русские требуют разоружения и выселения из Баку армян. По донесению полиции, в каждом сожженном громилами армянском доме взрывались 20, 30, 50 бомб. Число убитых превышает 60, раненых 100. Население выезжает из города. Газеты вышли с предварительною цензурою.

Кременчуг, 27 октября (СПА). — Временный генерал-губернатор об‘являет, что лица, которые окажут сопротивление при обысках полиции для обнаружения награбленного во время бывшего погрома имущества, будут подвергаться штрафу до 100 руб. или месячному аресту.

Сызрань, 27 октября (СПА). — Губернатор, с целью успокоить население, обратился к директору училища и полиций-мейстеру с телеграммой следующего содержания:

„Соединенное собрание родителей и учащихся реального училища и женской гимназии с педагогическим советом жалуется на возбуждение населения и безнаказанность за избиение учащейся молодежи. В виду серьезности положения, примените все возможные меры к ограждению личности и недопущению насилий одних над другими, напомните чинам полиции и патрулям их обязанность оказывать помощь и покровительство каждому жителю, независимо от убеждений, национальности и вероисповедания лица, нуждающегося в защите“.

Киев, 27 октября (СПА). — Управляющий губернией об‘являет, что им получено много сведений о неправильных и преступных действиях городской полиции во время происходивших беспорядков и приглашает лиц, бывших очевидцами подобных действий, подавать о том заявления.

Елисаветполь, 27 октября (СПА). — Уездным начальником получено известие, что татарское население Сарису вырезано армянами. Известие это взволновало татарскую чернь города. Арестован извозчик, призывавший татар к мести. Армянские лавки закрыты. Настроение тревожное.

Москва, 27 октября (СПА). — И. д. московского губернатора Джунковский обратился циркулярно к земским начальникам по поводу нападений крестьян на земские учреждения и земский персонал. Губернатор предлагает земским начальникам раз‘яснить населению, что насилие недопустимо, что всякое насилие нарушает царскую волю, что земские учреждения предназначены для потребностей крестьян, что нападение на них, помимо нарушения царской воли, является бессмысленным и грубым действием. Губернатор обещает добросовестно относиться к своим законным обязанностям и действовать на законных началах и согласовать административные действия с духом манифеста 17 октября.

Предстоящий 2 ноября с‘езд конституционно-демократической партии отложен до окончания общеземского с‘езда.

Сегодня получено разрешение открыть вновь контрольную палату. Государственный контролер обещал удовлетворить требования чиновников, но сходки запретил.

Одесса, 27 октября (СПА). — Дума постановила восстановить занятия в городских училищах, организовать помощь одеждой и пищей учащимся, детям пострадавших родителей, и регулировать цены продуктов первой необходимости, усилив деятельность городской хлебопекарни, войдя в сношение с частными хлебопеками и отпуская городской уголь по пониженной цене; а также организовать помощь безработным, выпущенным из тюрьмы.

Скончался от раны, полученной во время беспорядков, гласный думы, инженер Лишин.

Совещание экспортеров и биржевых корабельных маклеров постановило разослать своим заграничным клиентам воззвание о помощи пострадавшим от беспорядков.

Следствие о беспорядках ведется усиленно. Опросы пострадавших и свидетелей производятся судебными властями и разными общественными организациями.

Распространившиеся за границей слухи об убийстве итальянского генерального консула в Одессе лишены всякого основания.

Сегодня настроение в городе тревожное. Опасаются завтра нового погрома. Представители общественных учреждений несколько раз посетили командующего войсками с просьбой принять меры.

Одесса, 27 октября (СПА). — Командующий войсками заявил представителям общественных учреждений, в том числе консулам, что им приняты все меры к подавлению готовящегося на завтра погрома. Усилен местный гарнизон.

Беспорядки и забастовки.

Митава, 27 октября (СПА). — В пределах Курляндской губернии движение поездов по расписанию производится только на Московско-Виндавской линии. По Риго-Орловской линии производится сокращенное движение при помощи чинов железнодорожного батальона. По Либаво-Роменской линии движение носит случайный характер.

Варшава, 27 октября (СПА). — (офиц. корр.) — На основании высочайшего указа от 21 октября, в течение трех дней в Варшаве были освобождены 1511 лиц, арестованных административным порядком. Тревожное состояние в городе продолжается. Забастовки не прекратились. Открывшиеся вчера утром магазины после полудня вновь закрылись, кроме торгующих с‘естными припасами.

Ревель, 27 октября (СПА). — В городе все фабрики и заводы работают. В ночь на сегодня в Ревельском уезде, в местности, центром которой является Хоггерс, шайками громил разгромлено десять имений. Высланы пехотные патрули и прибывшие сегодня в город казаки для поимки шаек. Газеты не выходят.

Кирсанов, 27 октября (СПА). — Сегодня ночью в нескольких местах горели помещичьи экономии, подожженные крестьянами.

Сюда прибыли казаки и войска.

Батум, 27 октября (СПА). — Забастовка продолжается. Полицейские чины сопровождаются военными патрулями. Утром перед Петербургской гостиницей убит террористами околоточный надзиратель Шмыкин, оставивший большую семью.

Кутаис, 27 октября (СПА). — После тринадцатидневной забастовки прошел первый пробный поезд в Тифлис.

Кронштадт, 27 октября (СПА). — К вечеру в Кронштадт прибыли войска: пехота, кавалерия и пулеметная рота. По улицам раз'езжают казаки, ходят патрули и стоят пулеметы. Беспорядки вечером не возобновлялись. Всякие буйства энергично прекращались. Народу на улицах очень мало. Царит тишина.

Милиция и самооборона.

Самара, 27 октября (СПА). — Расклеено губернатором об'явление, успокаивающее жителей. В случае беспорядков и насилий будут приняты решительные меры. Комитет безопасности деятельно организует охрану.

Кисловодск, 27 октября (СПА). — В виду отсутствия войск, город ходатайствует о вооружении части населения казенными берданками.

Кострома, 27 октября (СПА). — Городская дума ассигновала 5.000 рублей на увеличение содержания полиции и 15.000 руб. на организацию и содержание в течение полугода городской милиции.

Для митингов ремонтируется городом манеж, вмещающий более 2.000 человек.

Париж, 26 октября (СПА). — В осведомленных парламентских сферах считают неосновательными опасения возможного полного или частичного министерского кризиса, вследствие преобладания правой, большинство которой подало голос за правительство по поводу запроса Лази.

„Temps" во втором вечернем издании высказывается в том же смысле.

Лондон, 27 октября (СПА). — По словам „Jewish Chronicle", сегодня отправлено телеграфным переводом из Лондона в Петербург 20.000 фунт. ст. для помощи пострадавшим от погрома. 10.000 фунт. ст. пожертвованы фирмою „Натаниен Ротшильд С-вья", и 10.000 фунт. ст. переведены из Нью-Йорка банкирским домом „Яков Шиф".

Киев, 26 октября (СПА).—Средние учебные заведения открываются 1 ноября.

Белосток, 26 октября (СПА).—Сегодня с двухнедельным опозданием выехали коммивояжеры здешних фабрик. В район их поездки включен Дальний Восток.

София, 27 октября (СПА).—Болгарская печать без различия направлений посвящает самые сочувственные отзывы произведенной в России реформе. Орган господствующей стамбуловской партии „Нов Век" говорит: „Истощенная столькими испытаниями и сильной борьбою, наша великая освободительница встает ныне возрожденною". Беспартийный „Дневник" говорит, что болгары могут только поздравить русский народ с завоеванными правами, и что Болгария может ожидать большего в своих интересах от обновленной России, чем от России старой. Славянофильский „День" заявляет, что правовой строй является основным камнем внутреннего развития России и колоссального развития ее мощи. Великая реформа, по мнению газеты, положит также основание осуществлению всеславянской солидарности. Жизнетворные лучи русской свободы дадут новые силы австрийскому славянству; поляки Пруссии и Австрии будут стремиться к об'единению с поляками России, чтобы слиться с великой семьей славянских народов.

Энзели, 27 октября (СПА). — Принц Шуаэс-Салтане прибыл в Энзели для от'езда за границу и останется там в ожидании телеграммы персидского консула в Баку об установлении порядка в этом городе.

Москва, 27 октября (СПА).—В городе жизнь вошла окончательно в обычную колею. Всякие шествия и демонстрации прекратились сами собою. Вечером изредка собираются рабочие и мастеровые в разных местах на митинги для обсуждения своих нужд. Театры открыты. Рестораны торгуют. Торговые заведения тоже. На улицах обычное движение. Никаких столкновений уже четыре дня не было. Слухи об анти-еврейском движении были не верны. Такого движения не было. Железные дороги работают нормально. Большинство забастовавших рабочих на местных фабриках стали на работу.

Сегодня, по просьбе студентов Московского сельско-хозяйственного института, началось чтение лекций в институте.

Вольск, 26 октября (СПА). — В экстренном думском заседании с участием представителей разных учреждений, заводов и граждан избрана комиссия для расследования событий 20 октября. Возбуждено ходатайство о присылке войск.

Иркутск, 26 октября (СПА).—Учебные заведения открыты. Наряды солдат с улиц убраны. В виду отсутствия поездов, здесь скопилось 3.000 больных и несколько санитарных поездов.

Мариинск, 26 октября (СПА).—Движение поездов в обоих направлениях возобновилось. Забастовка прекратилась.

Кутаис, 26 октября (СПА). — Служащие железной дороги выразили готовность работать, если работают тифлисские железнодорожные служащие, но из Тифлиса сведений нет. Телеграф еще не восстановлен. Получены новые известия из Озургетского уезда, согласно которым уездный начальник Лазаренко и мировой судья Пекарский не убиты, а захвачены.

Феодосия, 26 октября (СПА). — Город успокоился. Магазины открыты. Охрана снята. Городской архив и дела уничтожены огнем. Прибыла северная почта.

Гельсингфорс, 27 октября (СПА). — Стачечный Комитет студентов в первые дни забастовки издал об'явление, в виду ложного представления, которое часть русского населения Гельсингфорса имела о настоящем движении Финляндии. В об'явлении указывалось, что друзья свободы Финляндии требуют свободы слова, печати и собраний и созыва народного представительства, следовательно, тех же благ, что и борцы за свободу в России. „Мы не питаем—говорилось далее—никаких враждебных чувств к русским, ибо любим и уважаем русский народ. Все мирные русские обыватели Гельсингфорса поэтому могут быть вполне убеждены, что им не грозит никакой опасности".

Выборг, 27 октября (СПА). — Военное положение снято. В городе спокойно.

Сухум, 27 октября (СПА).—Вчера вечером 45 неизвестных туземцев-разбойников ограбили Драндский монастырь и убили после истязания старика игумена Евфимия. Охранявшие монастырь 11 казаков вели безуспешно перестрелку. Эта же шайка разграбила недавно лавки селения Тамыш. Грабежи и убийства совершаются повсюду.

Бомбей, 27 октября (СПА).—Принц и принцесса Уэльские прибыли сюда сегодня утром на броненосце „Renown".

Мариуполь, 27 октября (СПА). — Дума постановила ассигновать на первое время 1.000 руб. благотворительному комитету для помощи пострадавшим от погрома. Общий убыток от погромов достигает миллиона рублей.

Кельцы, 27 октября (СПА).—После полумесячного перерыва получена петербургская почта. 29 октября назначено возобновление занятий в гимназиях.

Юзовка, 26 октября (СПА).—В поселке Щербиновке, Бахмутского уезда, начинался погром, но рабочие рудника дали громилам отпор.

Москва, 27 октября (СПА).—Городское общественное управление вырабатывает соглашение с военным ведомством о предоставлении манежа, вмещающего до 20.000 человек, для устройства народных митингов. Теперь там стоят войска.

Сегодня в кассу общеземской организации поступил от казны один миллион рублей на благотворительную помощь голодающему населению. Ожидаются дальнейшие ассигнования от казны. В распоряжении общеземской организации имеется теперь около двух миллионов рублей.

Сегодня в практической академии коммерческих наук открывается заседание начальников учебных заведений ведомства министерства финансов, имеющее целью выработать меры приспособления внутренней жизни этих школ к новым условиям русской жизни.

Екатеринбург, 27 октября (СПА).—Началась выборная кампания. В большинстве—общеземская партия, в меньшинстве—демократы.

Варшава, 27 октября (СПА).—По инициативе „Варшавского Курьера" образовалась пекарня для производства хлеба по дешевым ценам или бесплатно для рабочего населения.

Сегодня утром вышел поезд Брестской линии. Около станции „Новоминск“ произошло крушение, вследствие развинченных рельс. Паровоз и 9 вагонов разбиты. Убит обер-кондуктор. Ранены кондуктор, смазчик и несколько других лиц.

Ташкент, 27 октября (СПА).—Забастовка на железных дорогах прекратилась. Опасность еврейского погрома устранена.

Кронштадт, 27 октября (СПА).—Вчера в 6 часов вечера начались серьезные беспорядки. Сегодня разгромлены морское собрание, магазины. Подожжена разграбленная винная лавка. Толпа бунтовщиков, в числе которых есть и матросы, наводит панику на обывателей, стреляя в воздух. Для прекращения беспорядков духовенство морских церквей устроило крестный ход. Пароходы, отходящие в Петербург и Ораниенбаум, переполнены. В двух местах горят дома, подожженные толпой.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Париж, 27 октября (9 ноября) (СПА).—Французская печать продолжает настаивать на необходимости для всей благоразумной, либеральной части русского общества сплотиться вокруг правительства и оказать ему поддержку в борьбе с реакцией и анархией. Газета „Journal“ говорит: „Правительство может бороться с крайней правой и крайней левой лишь при поддержке друзей порядка“. Газета „Petit Journal“ с чувством удовлетворения замечает, что правительством начато во многих местах судебное следствие по поводу беспорядков, и полагает, что граф Витте и его сотрудники заслуживают полного доверия страны. С другой стороны фронт противников явился неожиданно. Многочисленная группа радикалов, всегда желающих еще большего, подбадриваемая успехами на новые усилия, видящая в каждой уступке ассигновку на дальнейшие уступки и, как известно, ничем не удовлетворяющаяся—вот второй фронт, с которым нужно считаться графу Витте. Русская свобода еще не застрахована от явных и тайных нападений. Поэтому следует радикалам быть осторожными и энергично и закономерно способствовать проведению конституции в жизнь. Когда на либералов нападет общий враг, то крайним элементам следует обдумать, хорошо ли нападать с тыла на союзников и тем способствовать успехам реакции. В столь критическое время радикалы должны вооружиться терпением. Всегда и везде с трудом достаются свобода и право самоопределения. Эволюция России взывает к разсудку и помощи всех прогрессистов, с целью дать возможность графу Витте завершить его великое дело и подвести государство под крышу здания конституции.

Лондон, 26 октября (8 ноября) (СПА).—„Globe“ говорит: „Хотя беспорядки, правда, значительно менее серьезные, и продолжаются еще в некоторых местах России, тем не менее общее положение свидетельствует, что дело быстро идет к успокоению. Графу С. Ю. Витте нужны все мужество и искусство государственного деятеля, чтобы преодолеть трудности, с которыми ему приходится считаться. Вполне основательно можно сказать, что последние действия русского правительства могут считаться доказательством его твердой решимости ввести широкие социальные, политические и экономические реформы“. (Рейтер).

Амстердам, 26 октября (8 ноября) (СПА).—Либеральный орган „Handelsblatd“ говорит: „Очевидно, нужно время и спокойствие для осуществления либеральных проектов русского правительства. Нужно также доверие к прямоте его намерений. Правительство пытается достигнуть этого доверия мерами против сеятелей смуты. Необходимо также, чтобы прекратились гонения на евреев. Сообщения, что причины еврейских погромов стали предметом судебного расследования, производят прекрасное впечатление“.

„Nieuwe Rotterdamsche Courant“ указывает на необходимость об'единения всех умеренных элементов вокруг графа Витте, с целью оказать ему помощь при осуществлении возвещенных реформ в интересах учреждения конституционного правительства. Надежда на такое осуществление не может быть велика, если благоразумное население и чиновники не будут благоприятствовать успеху графа Витте.

Социалистическая газета „Volk“ констатирует, что сознание необходимости спокойствия и безопасности начинает уже преобладать над чрезмерно возбужденными страстями и что, повидимому, также начинает уже обнаруживаться успокоение. Только когда последнее наступит, слово будет за правительством. (Амст. агент.).

Париж, 26 октября (8 ноября) (СПА).—Во французских политических сферах окончание волнений в России считается необходимым не только для сохранения могущества России, но и для сохранения, упрочения и развития приобретенных прав. Поэтому в этих сферах выражают надежду, что либеральные партии окажут поддержку в деле успокоения страны.

В этом смысле сегодня высказываются также все газеты. „Journal des Dèbats“, указывая, что граф С. Ю. Витте покинул в 1903 году занимаемый им пост в виду своих взглядов на восточный, польский, финляндский, еврейский и студенческий вопросы, считают это обстоятельство верной гарантией будущей политики кабинета, либеральный характер которой подчеркивается выбором сотрудников. „Эти обстоятельства,—продолжает газета,—на-ряду с уроками истории, в особенности французской, должны заставить русский народ оказать доверие правительству и терпеливо выждать новых свободных учреждений, которые будут в состоянии действовать только при полном восстановлении порядка“.

„Temps“ приветствует образование однородного министерства. Газета указывает на недостаток понимания радикальными партиями настоящего политического положения для развития дарованных уже прав. По ее словам, легальный путь пригоднее революционного. Невозможно сразу создать все здание и безумно не признавать в полученных правах зачатков дальнейшего развития.

По мнению „Liberté“, не только либералы, но и все честные люди должны поддержать правительство в деле проведения реформ и в борьбе с реакцией.

Вена, 26 октября (8 ноября) (СПА).—Обсуждая еврейские погромы в России, „Abendpost“ и „Neue Freie Presse“ говорят, что за ними скрывается контр-революция, которая со дня опубликования высочайшего манифеста 17 октября ведется в интересах уничтожения дела внутреннего освобождения России, к осуществлению которого сделаны первые шаги. Эти еврейские погромы имеют целью разжечь страсти, сбить с толку либеральную интеллигенцию, уничтожить и дискредитировать преобразования, едва только начатые. Только в том случае, если вся интеллигенция станет на сторону графа С. Ю. Витте, может быть положен конец этому положению. Граф Витте уже нашел необходимым в двух официальных сообщениях, которые читаются, как трогательные призывы к помощи, обратиться к либеральной интеллигенции за сотрудничеством.

Необходимо вмешаться в дело еврейских погромов быстро и с железной рукой, если хотят, чтобы только что робко взошедшее зерно доверия не погибло, прежде чем покажется плод. Для русской интеллигенции эти погромы должны служить новым толчком к тому, чтобы сплотиться вокруг графа Витте и принять участие в его деле. Контр-революция не остановится, если не выступить против нее своевременно.

Москва.

26 октября.

— Московский комитет Р. С.-Д. Р. П. получил пожертвование на памятник Бауману 288 руб. Борцам за свободу от Коровина, Васнецова 300.

— Здесь получено сведение из Егорьевска, Рязанской губернии, что погром организован полицией: черная сотня произвела разгром всех домов, где раньше производились обыски, и в тех домах, где жили лица, находящиеся под полицейским надзором. Среди изуродованных есть рабочий, принадлежащий к рабочей организации, Туницын.

— 24-го днем прис. пов. Трынкевич был остановлен просящим милостыню фельдшером, который рассказал ему, что во время избиения студентов, 20 октября, он видел, как пристав поддерживал толпу избивать студентов и раздавал финские ножи. Они вместе отправились к прокурору, где было записано показание.

— 24 октября, в целом ряде домов, полиция предупреждала дворников, чтобы они в случае прибытия толпы направляли ее в квартиры бывших политических заключенных.

— На московской телефонной станции по вечерам теперь ежедневно дежурят солдаты.

— За последние дни по Б. Никитской ходят толпой приказчики и обращаются к хозяевам магазинов с требованием закрывать магазины и прекращают торговлю. Желания приказчиков исполняются.

— Городская управа и исполнительная комиссия, пригласив представителей городских рабочих, предоставили им выработать правила забастовок на экономической почве, чтобы избежать их неожиданности и стихийности. Представители городских рабочих заявили, что проект правил забастовок на экономической почве будет готов в самом непродолжительном времени. Что же касается политических забастовок, то рабочие оставляют в этом случае за собой свободу действий, так как в этом отношении они связаны обязательствами с другими корпорациями.

— Организовавшиеся в Москве дружины для общественной самообороны частью уже приступили к исполнению взятых на себя обязанностей.

— Фактически установлено, что пребывавший в Москве И. Крушеван принимал участие во многих собраниях „истинно русских“ людей и по его проекту был выработан план действий для защиты государственных устоев страны путем погромов.

— Сейчас в Москве получено известие, что А. И. Гучков, Д. Н. Шипов и кн. Урусов не войдут в состав кабинета министров. Кабинет будет составлен из высших чинов и будет иметь временный характер до той поры, пока выяснятся все пред'являемые правительству требования и будет определенно выработан характер общего направления министерств. Также получено известие, что временно исполняющий обязанности министра внутренних дел П. Н. Дурново подал прошение об отставке.

— Продовольственное совещание под председательством товарища министра Ватаци пришло к заключению о необходимости отпустить 1 миллион рублей в пользу голодающих в исключительное распоряжение общеземской управы.

При обсуждении этого вопроса присутствовавший в совещании представитель Красного Креста настаивал на том, чтобы деньги эти были переданы названному обществу, которое при пополнении их собственными средствами передаст в распоряжение общеземской организации. Предложение это было отвергнуто. Сегодня же в Москву уже был переведен ассигнованный 1 милл. рублей.

— В Москве организуется союз легковых и ломовых извозчиков, которые решили пред'явить владельцам извоза ряд экономических требований.

Союз станет также на защиту работающих в извозном промысле пред полицейскими властями, по собственному усмотрению и произвольно налагающими кары и денежные штрафы на извозчиков.

— Комитет, организованный в Москве для оказания помощи пострадавшим от повсеместных еврейских погромов, получает щедрые пожертвования не только от евреев, но также и от москвичей-христиан, которые выражают свое полное сочувствие пострадавшим и негодование по поводу учиненного над ними насилия.

— Сегодня окончательно сформировался союз типографских рабочих. В состав его вошло 8.000 человек; цель союза—отстаивание правовых интересов, саморазвитие, учреждение различных просветительных и др. учреждений, защита рабочих интересов и т. д. Решено собрать средства и в самом непродолжительном времени приступить к изданию „Вестника Союза“.

— Сегодня состоялось соединенное заседание московского отделения деятелей печатного дела. Присутствовали типографы, члены общества книгоиздателей, группа об'единенных писателей, которая 19 октября постановила не считаться с существующими условиями цензуры и фактически осуществлять свободу печати. Собрание пришло к заключению, что необходимо создать союз печатной деятельности для об'единения в нем как издателей газет, так сотрудников и типографов. Союз этот должен, если возможно, присоединиться к Петербургскому союзу защиты свободы печати. В случае наложения кары на какую-либо из типографий или изданий союз действует за круговой порукой. Редактор-издатель „Русского Листка“ г. Казецкий доказывал, что не следует итти напролом, что правила о свободе печати уже разработаны, и что на-днях они будут опубликованы. Г. Казецкий произнес по этому поводу прочувственную речь, которая никакого успеха не имела. Подавляющее большинство присутствующих нашло необходимым фактически осуществить свободу печати, в полном об'еме, теперь же, не выжидая каких-то правил. Указывалось, что теперь прекращать издание или закрывать типографию не станут, а будут привлекать к суду по 1024 ст., и, следовательно, в каждом отдельном случае угрожает штраф до 300 рублей или арест до 3-х месяцев. Но и этого не будут предпринимать, так как надо считаться с временем и условиями, при которых мы живем.

— Сегодня возобновились занятия в московской контрольной палате. Депутация служащих контрольной палаты, ездившая в Петербург к государственному контролеру, была принята генералом Лобко, который заявил, что все законные требования служащих будут удовлетворены, но что впредь все сходки и собрания безусловно воспрещаются; участники сходок и собраний будут уволены, а начальствующие лица, допустившие сходку или собрание, будут преданы суду. Бюро служащих постановило, в виду неопределенности ответа г. Лобко, отдалить осуществление требований до 7-го ноября. Вместе с тем бюро постановило осуществить некоторые из пред'явленных требований: не являться на ночные дежурства, не быть на службе долее 5-ти часов.

— В непродолжительном времени в Москве будет издаваться новая большая политическая газета „Век“, издателем которой является присяжный поверенный Мамикошен.

— Являющиеся в московскую мещанскую управу за паспортами московские мещане требуют, чтобы на их паспортах вместо слов „московский мещанин“ было написано „московский гражданин“. Просьбы эти пока остаются без удовлетворения.

— Профессора московского сельско-хозяйственного института Кулыгин и Худяков обратились в местную группу академического союза с предложением созвать всероссийский с'езд по сельскому хозяйству. Предложение принято единогласно.

— В пользу пострадавших от еврейских погромов в редакцию „Нов. Ж.“ поступило от д-ра Зеленко 10 руб. От группы служащих центр. упр. Никол. жел. дор. служб материальной и пути 47 р. 20 к. в пользу амнистированных ссыльных и заключенных.

— На собрании конституционалистов-демократов в Москве постановлено организовать губернские комитеты в каждом губернском городе, а в Петербурге и в Москве, кроме губернского комитета, еще и городской комитет. Группа союза освобожденцев в Москве примкнула в партии конст.-дем. В Петербурге группа освобожденцев в состав конст.-дем. партии не вошла, но отдельные личности примыкают.

— Нападения на земские больницы Московской губ. создали повсюду в уездах панику. Московская губернская земская управа вызвала в Москву всех старших врачей земских больниц, и сегодня вечером должно состояться в управе совещание о мерах к ограждению больничных учреждений от нападений черносотенцев.

— Бюро общеземских с'ездов занято в настоящее время составлением проекта Учредительного Собрания и детального составления проекта избирательного закона на основании прямого, равного, тайного и всеобщего голосования.

Союз „истинных“ фармацевтов.

Владельцы аптек, реагируя, повидимому, на обнародованные „свободы“, вздумали организовать свой союз, благо теперь это слово санкционировано даже в полицейском участке. 26-го происходило по этому поводу собрание. Всем явившимся на собрание раздавались листки, начинающиеся со слов „цель союза“ и заканчивающиеся подписью „типография Бусселя“.

Программа не чужда и политики: после 7 пунктов имеется приписка, гласящая о свободе личности, печати и т. д.

В 12-м часу ночи аптекарь Леммергирт заявил себя председателем, открыл собрание и дал слово... юрисконсульту фармацевтического общества прис. пов. Слиозбергу.

Юрисконсульт заговорил. Он говорил долго и утомительно. Более часу продолжалась его речь. Он заявил, что хотя он и не фармацевт, но „большой любитель об'единений". Странно было слышать из уст почтенного юриста вещи, совсем, казалось бы, не подходящие для него. Он убеждал фармацевтов владельцев и служащих „сплотиться на почве общих интересов". Возмущался тем, что служащие приравнивают себя к рабочим, в то время когда они представляют собою интеллигентных тружеников, и взывал к трогательному единению; похвалив союз фармацевтов, оратор пытался доказать, что этот союз только политический, а он, оратор, предлагает фармацевтам экономический союз, хотя и не без политики.

Затем оратор ссылался на низкую таксу и на необходимость об'единиться для защиты существующей концессионной аптечной системы. По окончании речи заявивший себя председателем г. Леммергирт сообщил, что касаться программы он не позволит. Присутствовавшие представители союза фармацевтов разбили оратора по всем пунктам. Почтенному юристу пришлось выслушать ряд замечаний по поводу его полного незнания тех вопросов, которые он затронул.

Возражая оратору, члены союза категорически заявили ему, что союз представляет вполне выяснившуюся организацию определенной группы пролетариата и, как таковая, имеет скорее экономические, чем политические, задачи; что именно на экономической почве союз об'единил фармацевтов различных политических воззрений; что принадлежность к рабочему классу не только не шокирует фармацевтов, а что, наоборот, союз считает для себя честью состоять в общей рабочей организации, в Совете которой он имеет своего представителя.

Заявление же Слиозберга о низкой таксе фармацевты считают плодом недоразумения; достаточно указать на то, что по таксе стоимость лекарств превышает наличную стоимость материала в 10 раз.

Все высказавшиеся члены союза заявили, что предлагаемая программа для членов союза фармацевтов является безусловно неприемлемою, ибо по своим тенденциям она может быть названа союзом „истинных" фармацевтов в известном смысле этого слова.

Воззвание Союза союзов.

Граждане! По городу раздаются листки с приглашением избивать евреев и так называемую интеллигенцию, т.-е. образованных людей. Вас приглашает к этому полиция, как сообщали газеты, и злые люди, желающие поселить вражду между народными массами, с одной стороны, и евреями, учащейся молодежью и интеллигенцией — с другой, и потом воспользоваться этим замешательством, чтобы снова отнять те начала свободы, которые стал завоевывать себе русский народ.

Граждане! Не верьте тем, кто зовет вас на разгромы и убийства мирных граждан, на братоубийственную войну. Нам всем один путь, одна дорога, пока мы не завоюем свободы. Все те, кому тяжело живется, кто страдает от теперешних порядков, должны подать друг другу руки, должны итти вместе. Мы все должны сплотиться и не поддаваться призывам к грабежам и насилиям.

Мы знаем все, что и евреи такие же люди, что они несут еще больший гнет со стороны полиции и начальства. Студенты всегда выступали с защитой нужд рабочего люда и боролись за права всего населения, неся за это тяжелые кары. На интеллигенцию вас всегда натравливала полиция за то, что она противодействовала произволу властей и стремилась охранять интересы всех граждан.

Мы призываем вас, граждане, противодействовать насилию над мирными жителями и об'единиться для защиты общего святого дела — освобождения России.

Хроника.

— Князь Е. Н. Трубецкой 26-го вечером на предложение Витте занять пост министра народного просвещения заявил, что, как член конституционно-демократической партии, он может принять предлагаемый пост при условии, если будет принята программа его партии. До окончательного ответа г. Трубецкой пожелал посоветоваться со своими единомышленниками. После совещания с представителями конст.-дем. партии он заявил Витте, что предлагаемого поста принять не может. В этом совещании Д. Н. Шипов заявил, что раз г. Трубецкой отказывается, то он с своей стороны думает тоже отказаться.

— 26 октября в беседе с И. В. Гессеном Витте жаловался на затруднительность своего положения. Советы он получает со всех сторон, но сотрудников пока подобрать не может. Пока кабинет министров не сформировался, очень трудно проводить в жизнь намеченные планы. Предполагается устранить 34 губернаторов, из них 13 уже смещены. Функции Государственной Думы будут расширены. В принципе он стоит за общеизбирательное право, но без добавлений; главным образом он против равного избирательного права.

— Дело о журнале „Зритель". Вчера в первом департаменте Правительствующего Сената разбиралось дело о журнале „Зритель". Министр внутренних дел А. Г. Булыгин ходатайствовал о прекращении издания. Ходатайство это оставлено сенатом без последствий. Следующий номер „Зрителя" выходит в воскресенье.

— Назначенный в Москве на 6-ое ноября с'езд группы земских и городских деятелей будет посвящен вопросу об отношении тактики группы к выборам в Государственную Думу. Как известно, на последних с'ездах группа решила не бойкотировать Государственную Думу по „тактическим соображениям". Теперь, — когда, под влиянием революционного движения, „соображения" гг. земских конституционалистов о ходе событий в России не совсем оправдались, и народ, вопреки ожиданиям либеральных земцев, выступил на историческую сцену раньше, чем они ожидали, — группа решила „пересмотреть" свое решение о выборах в Думу.

— В городе упорно циркулирует весьма странный слух: полковника Мина назначают градоначальником. Полковник Мин, помимо усердного исполнения приказа „патронов не жалеть", известен своим знаменитым „письмом в редакцию". Надо полагать, что этот слух не что иное, как насмешка, ибо назначение этого господина градоначальником было бы прямо глумлением над обществом.

— 22 октября петербургская группа „Бунда" отправила в путиловскую больницу для возложения на гроб жертв 18—20 октября венок с надписями на красных лентах: „Борцам за свободу — Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в Литве, Польше и России".

— Между существующими в Петербурге и имеющими в скором времени возникнуть либеральными газетами идет усиленная конкуренция по поводу желания каждой из них стать официальным органом конституционно-демократической партии. С другой стороны, либеральные издатели находятся в настоящее время в весьма трагическом положении, не зная какую партийную программу выставить на своем знамени.

— Вернувшемуся на-днях из-за границы редактору „Освобождения" П. Б. Струве одна из петербургских либеральных газет предложила стать во главе издания в качестве руководителя ее.

— На одном из последних заседаний Союза союзов постановлено выразить сочувствие „Бунду", ведущему геройскую борьбу в интересах еврейского пролетариата.

— Как мы слышали от одного из товарищей, освобожденных из Выборгской тюрьмы, надзиратели этой тюрьмы собирались пред'явить администрации ее коллективную петицию об установлении трех смен, увеличении жалованья и т. д., предполагая в случае отказа подкрепить свою петицию забастовкой. Текст петиции, по просьбе надзирателей, написал один из политических заключенных.

— 26 октября в заседании центр. бюро Союза союзов заслушан доклад прибывших в Петербург пензенских делегатов о подвигах черносотенцев и полиции при беспощадном избиении демонстрантов. Постановлено, в виду попустительства и бездействия полиции, требовать предания суду пензенского губернатора Хвостова и полиции.

— По поводу трагической смерти проф. М. Ю. Гольдштейна, тело которого прибудет для похорон в Петербург 29 октября, центральное бюро, исходя из постановления Совета Рабочих Депутатов о несвоевременности, в виду чисто тактических соображений, устройства демонстративных похоронных процессий, постановило: устройство похорон проф. Гольдштейна поставить в зависимость от решения С. Р. Д. Кроме того, постановлено требовать предания суду убийц М. Ю., которые прокуратуре известны. По поводу еврейских погромов были сообщены факты о готовящемся в Петербурге погроме, с целью избиения евреев и интеллигенции, который предполагают устроить по некоторым данным 30 октября. Черносотенцы, при непосредственном участии полиции, деятельно подготавливаются, запасаются ножами, выпускают воззвания к народу и т. п. Центральное бюро постановило обратиться к думе с требованием принять радикальные меры для защиты здоровья и жизни населения, а также выпустить воззвания к народу для раз'яснения истинных целей черносотенцев и полиции. Вопрос о выборе постоянного председателя решен в отрицательном смысле. Постановлено избрать секретариат из 5 человек, на обязанности которых возложить регулирование дел центрального бюро, выработку программ заседаний, предварительный рассмотр возникающих вопросов и т. д. Избрание состоялось путем закрытой баллотировки, результат которой будет оглашен в ближайшем заседании. Вопрос о милиции пришлось отложить до ближайшего заседения, в виду того, что избранная для обработки этого вопроса комиссия из 3 лиц не успела представить доклада. Постановлено вопрос этот на ближайшем собрании поставить на первую очередь в программе дня.

На Виндаво-Рыбинской дороге.

Генерал Трепов в своей деятельности по восстановлению в стране „порядка и законности" нашел себе опасного конкурента в правлении общества Московско-Виндаво-Рыбинской дороги. Последнее нашло деятельность правительственных агентов в этом отношении недостаточной и прибегло к „своим мерам".

С целью избежать возможности повторения общей забастовки, — правление в настоящее время организует среди своих служащих „союз сторонников порядка и законности". Организация эта производится довольно просто. Всем служащим предлагается для подписи следующая бумажка:

Союз сторонников законности и порядка.

„Россия охвачена смутой и междоусобицей, проливается кровь, и озлобление с каждым днем растет. Впереди нас черная туча, угрожающая России страшными бедствиями. Единственное спасение заключается в том, чтобы водворить нарушенный порядок, по возможности успокоить бушующие страсти. Мы, нижеподписавшиеся, сознавая, что на проведение в жизнь реформ, намеченных актом 17 октября 1905 г., требуется время, сим обязуемся:

1) спокойно выжидать полного проведения обещанных реформ; 2) стараться путем увещаний успокаивать и привлекать на свою сторону недовольных; 3) не придавать значения враждебным выражениям лиц, нам не сочувствующих; 4) за насилие и угрозы привлекать виновных к законной ответственности, отвечая насилием лишь в крайнем случае самозащиты; 5) не принимать участия ни в каких политических союзах, не основанных ни на одном из пунктов акта 17 октября 1905 г. и не участвовать ни в каких подписках, кроме явно благотворительных; 6) братски поддерживать друг друга во всех случаях и словом и делом. Обязательство это силу сохраняет до проведения в жизнь положений манифеста 17 октября с. г. и не далее начала февраля 1906 г."

Предложение правления ставит служащих в очень тяжелое положение. Подписаться — изменить товарищам, не подписаться — значит при первом случае лишиться места.

— Чиновники министерства путей сообщения приступили к сбору подписей под резолюцию, протестующую против частичной амнистии политических преступников.

— Чиновники гор. Вильны обратились в бюро союза петербургских чиновников с просьбой выслать им устав союза.

— К свободе печати. 27 октября типографский инспектор г. Любимов обходил, по приказанию главного управления по делам печати, редакции газет, порвавшие сношения с цензурным ведомством, и составлял протоколы о привлечении издателей к ответственности по ст. 1042. Остается спросить: не сделано ли это распоряжение ради курьеза?

— В „Крестах". В настоящее время, после амнистии, выясняются порядки, царившие в одиночной тюрьме „Кресты". Так, усердные надзиратели из любви к искусству производили у политических обыски. В тюремной бане карманы политических контролировались самым тщательным образом. Каждая найденная бумажка отправлялась „по начальству", которое в наказание за это лишало политических права читать, писать. За переписку с уголовными сокращалась прогулка на половину (полчаса—летом). „Начальство" (напр. помощник нач. Гудема) требовало, чтобы политические стояли перед ним на вытяжку, и когда, вместо этого, политические с негодованием протестовали, начальство устрашало карцером, а иногда приводило это в исполнение. Пом. начальника Гудема предупреждал политических, что „в его распоряжении находится много репрессивных мер", почему он предостерегает, чтобы политические „не фордыбачили".

С „воли" многие письма в тюрьму совсем не пропускались и даже после амнистии; такие письма освобожденным не возвращены. Кроме того, каждое письмо, как из тюрьмы, так и адресованное в тюрьму, путешествовало по жандармским и иным управлениям в Петербурге не меньше недели.

На прошения в жандармское управление, прокурору и т. п. часто не получалось никакого ответа, хотя бы прошение повторялось несколько раз. Прошения, написанные не „по форме", вовсе не принимались. Начальник тюрьмы для личных об'яснений с политическими, по требованию последних, не являлся. Были факты, что помощник начальника Гудема являлся в камеру по требованию политических только через 10 дней.

С уголовными арестантами обращение еще хуже. Весь тюремный режим унижает, обезличивает арестанта. За малейшее нарушение „порядка" (стук в стены, „грубость" и пр.) арестанта отправляют в карцер, находящийся в подвале. В карцере совершенно темно и сыро. Пища арестантам выдается в недостаточном количестве. Например, фунт мяса выдается арестанту на две недели. Хлеба также мало. По средам и пятницам щей не дается. Вообще арестанты живут впроголодь, и часто приходится видеть, как уголовные, возвращаясь с прогулки, подбирают корки хлеба, выброшенные свиньям. Вообще положение уголовных арестантов (особенно одиночек) в „Крестах" невыносимо.

— В совет присяжных поверенных при Петербургской судебной палате доставлен 25 октября официальный список лиц, освобожденных из-под стражи 19 октября и содержавшихся в полицейском доме Рождественской части по распоряжению с.-петербургского градоначальника. Лица эти, главным образом, были задержаны на улице, фабриках и заводах за агитацию к забастовке и нарушение обязательных постановлений. Всего освобождено 21 лицо: крестьяне Иван Горбунов, Федор Голубьев, Петр Марошкин, Николай Смирнов, Петр Щербаков, Василий Шпагин, Матвей Федоров, Павел Петров, Василий Смирнов, Александр Никонов, Александр Шипов, Василий Пахомов, Сергей Самуилов, Сергей Богданов, Яков Васильев, мещ.: Эдгард Тамберг, Александр Петров, Иван Кузьмин, Николай Осипов, Александр Лаврет и финл. уроженец Арвид-Юган Хамяляйнен.

— Состояние здоровья журналиста М. К. Мукалова, раненого штыком и избитого нагайками 19 октября, улучшается. Рана ежедневно тампонируется. Особенно сильно дают себя чувствовать теперь удары нагайками. Результатом поранения и избиения явилось сильное расстройство нервов, что служит сильным препятствием к более скорому выздоровлению.

— Утром 19 октября у Спасской части собралась небольшая кучка народа, среди которой серели пальто околоточных и блестел погонами полицейский пристав (?). Заинтересовавшись происходящим, мой знакомый вмешался в толпу и сделался свидетелем того, как пристав (?), взывая к патриотизму истинно-русских людей, приглашал из толпы желающих „заработать" по 50 коп. войти во двор части, где он образует из них дружину, долженствующую „усмирить" бунтовщиков, гуляющих с красными флагами по улицам, и водворить порядок в городе, при чем за „отличие" обещал особую награду. Однако, „патриотов" нашлось немного.

— 25 октября в гимназии человеколюбивого общества приступили, после недельного перерыва, к занятиям. Явившиеся на уроки ученики об'явили начальству, что они „приступают к учебным занятиям не потому, что ими были получены официальные повестки, а считаясь с решением Совета Рабочих Депутатов, постановившего прекратить всеобщую забастовку". На просьбу учащихся разрешить им сходку — начальство ответило отказом. Пренебрегая последним, гимназисты собрались в рекреационной зале и вынесли резолюцию, в которой об'явили, что „связывают себя круговой порукой со всеми учащимися средне-учебных заведений г. Петербурга для борьбы всеми силами и средствами в случае, если кто-либо из товарищей пострадает от забастовки". На сходке было произнесено много речей на текущие темы. В огромном количестве распространялись прокламации „Северного союза учащихся средних школ".

— На Васильевском острове, на фабрике гильзовых машин Айваз, владелец фабрики, считаясь с резолюцией Совета Депутатов, ввел 8-часовой рабочий день, выдал рабочим 300 руб. и 1000 руб. решил передать в стачечный фонд Совета Депутатов.

— 26 октября забастовало 130 человек рабочих машинного отделения Орлова в экспедиции заготовления государственных бумаг. Забастовка началась на почве недоразумения с эмеритальной кассой. Рабочие требовали немедленной ликвидации кассы. Администрация обещала ликвидировать кассу в январе месяце. К этой забастовке примкнули и другие мастерские (рабочих в экспедиции 2.500 человек, а со служащими 3.900 человек). Администрация вывесила об'явление, чтобы желающие работать подавали прошения в контору. Эспедиция закрыта по 10 ноября.

— Забастовавшие телефонистки центрального телефона пред'явили выработанные ими требования, заключающиеся в следующем: 1) 6 час. рабочий день; 2) на ночные дежурства не могут быть назначаемы лица моложе 20 лет; 3) жалованье при поступлении 40 руб., по истечении известного срока службы 50 руб.; 4) сверхурочные работы совершенно отменяются; 5) по истечении 15 лет службы—пенсия, равная годовому окладу; 6) замужество не должно быть причиной удаления со службы; 7) ежегодный отпуск с сохранением оклада; 8) признание корпоративной организации служащих, прием и увольнение со службы только с ведома и согласия корпорации.

Администрация на пред'явленные требования, видимо, не соглашается и начинает уже организовывать новые кадры служащих. Московский Стачечный Комитет решил принять энергичные меры, чтоб поддержать телефонисток.

— Сообщение о том, что Числав-Мечислав Струмила-Петрашкевич не освобожден — неверно. М. Струмила-Петрашкевич амнистирован и освобожден из дома предварительного заключения 22 октября; адрес его известен комиссии по амнистии.

— В виду назревших профессиональных экономических нужд чертежников и вследствие отсутствия об'единяющей всех чертежников организации, временное организационное бюро настоящим обращением приглашает г.г. чертежников, сочувствующих идее возникновения и развития союза, собраться в воскресенье, 30 октября, в 8 час. в., в народном доме гр. Паниной (Тамбовская ул.) для выяснения следующих вопросов: 1) организация союза чертежников, по примеру других профессиональных союзов; 2) экономическое положение чертежников и средства для его улучшения; 3) об отношении возникающего союза чертежников к существующим профессиональным союзам; 4) желательность выбора делегата в Рабочий Совет и Союз союзов, и 5) отношение чертежников к текущим событиям.

— На заседании союза чиновников в пользу Стачечного Комитета продавались книги и брошюры изданий „Молота", „Буревестника" и др.

— К забастовке фармацевтов. В главный медицинский департамент поступило на обсуждение медицинского совета предложение о внесении в кондуитные списки аптекарских учеников отметок об участии их в забастовках. Медицинский совет, рассмотрев это предложение, разрешил его в отрицательном смысле.

— Бесплатные курсы для рабочих. Специальная комиссия при Лиговской окраинной консультации помощников присяжных поверенных организует систематические народные чтения по вопросам права и государствоведения. Первое чтение состоится в субботу, 29-го октября, в $8^1/_2$ час. вечера, в народном доме графини Паниной (угол Тамбовской и Прилуцкой ул.). Приват-доцент В. Н. Сперанский прочтет вступительную лекцию по государствоведению, под заглавием: „Происхождение государства".

— Несмотря на то, что большинство из учреждений Петербурга выдали своим младшим служащим или пособия или повышенные оклады содержания для возмещения расходов, происшедших от вздорожания жизненных припасов во время забастовки, железные дороги пока ничего не сделали для своих служащих в этом направлении. Большинство из занимающихся в управлениях и службах железных дорог живет по линии Николаевской железной дороги и платит теперь в местах своего жительства по 20 коп. за фунт самого плохого русского мяса, по 45 коп. за фунт низкосортного кухонного масла и за все—в таком же роде.

— Военно-медицинская академия. Студентам выдаются отпуски на 28 дней и даже на более долгий срок. 24-го, 25-го и 26-го октября происходили заседания конференции профессоров академии о положении дел в академии. Начальник академии, проф. Бехтерев, высказался за закрытие академии. Студенты решили созвать на 29-е октября общеакадемическую сходку.

— Отголоски забастовки. Вчера на вокзале Николаевской железной дороги у билетных касс вывесили об'явление: „Вследствие скопления на ст. Сызрань свыше четырех тысяч пассажиров, едущих на и за Самаро-Златоустовскую железную дорогу и задержанных прекращением движения по этой дороге, и за использованием всех наличных средств для удобного ожи-

дания пассажиров до восстановления движения, Сызрано-Вяземская железная дорога просит впредь до уведомления прекратить продажу билетов пассажирам, едущим на станции Самаро-Златоустовской и за нею лежащих железных дорог.

— Ссуды, назначенные комитетом вспомоществования студентам университета, будут выдаваться в университетской коллегии в пятницу, 28-го октября, от 2 до 4 час. дня.

— Петербургский градоначальник 27 октября издал следующее раз'яснение по полиции: „Лица, замеченные в подстрекательстве к забастовке, задержанию вообще не подлежат, за исключением случаев, когда ими проявлены какие-либо насильственные действия, или когда для водворения уличного порядка представляется необходимым временно из'ять сих лиц из толпы. На лиц, задерживаемых полицией, протоколы составляются лишь при явном нарушении ими действующих обязательных постановлений или при совершении ими преступлений, предусмотренных Уложением о наказаниях. Арестуемые за эти преступления подлежат зачислению за судебными следователями, охранным отделением и сыскной полицией".

ДУМА О ПОГРОМЕ.

Вопрос о предстоящем погроме был возбужден в заседании думы 26 октября.

Гласный Целибеев обратил внимание думы на покупку в лавке Фомина 600 финских ножей по удостоверению полиции.

Что-либо одно: или удостоверение полиции подложно, или наша полиция принимает самое деятельное участие в организации и вооружении черной сотни.

Дума постановила поручить гласным А. А. Азарьеву и А. Э. Бари расследовать этот факт и о результатах доложить следующему собранию.

Далее собранию доложено было о том, что на петербургских рынках черносотенцами и полицией раздаются возмутительные воззвания.

В качестве меры для борьбы с этим предложено было организовать бесплатные лекции в залах городской думы. На лекциях будут раз'яснять манифест о свободах.

Дума приняла предложение и на этом успокоилась.

Для разработки этого вопроса избрана комиссия из гласных: Фальборка, Набокова, Кривенко, Оппенгейма, Федорова, Глазунова и Черногорова. Других средств дума не могла придумать.

Вопрос о том, как бороться с черносотенным элементом, восседающим внутри думы, в заседании поднят не был.

Странный прием борьбы с черной сотней дал и „странный" результат: состав комиссии представляет характерную смесь, наводящую на мысль, что в ней самый вопрос об отношении к погромам может возбудить существенные разногласия.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ ЧИНОВНИКОВ.

Русское чиновничество, охваченное могучей волной освободительного движения, „изменило" своим душным канцеляриям и открыто вступило на арену если не политической борьбы, то политических заявлений...

26 октября в обширном помещении Тенишевского училища, под председательством г. Комаровского, при громадном стечении представителей чиновничьего мира состоялось общее собрание союза чиновников, служащих в правительственных учреждениях.

В начале заседания, по предложению председателя, собрание почтило вставанием память мучеников-борцов за свободу, погибших в исторические дни 18—20 октября.

Затем, г. Богданов по поручению бюро союза доложил собранию историю возникновения союза чиновников.

Докладчик далее ознакомил собрание с течением забастовки чиновников в различных правительственных учреждениях.

После сообщения г. Богданова приступлено было к прениям по вопросам — „о необходимости политического об'единения чиновников" и „о политической программе союза".

В результате прений единогласно была принята выработанная бюро политическая программа следующего содержания:

„Союз служащих в правительственных учреждениях, об'единяя деятельность поборников коренного переустройства государственной жизни России на основе демократической конституции при всеобщем, равном, прямом и тайном избирательном праве, ставит своей основной целью общее с настоящим освободительным движением и интересами всей страны дело скорейшего осуществления в текущей действительности нового порядка.

В частности ближайшие свои задачи союз видит:

1) В деятельной работе по пересозданию на началах права и в интересах всего народа внутреннего приказного строя правительственных учреждений, в связи с соответствующим изменением общего направления их деятельности.

2) В последовательном проведении в жизнь основных принципов гражданственности как в сфере служебных отношений, так и в области общего правового положения чиновника, как полноправного гражданина своего отечества".

Собрание закончилось в час ночи.

В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.

— Снятое 18 октября с политехнического института осадное положение в настоящее время фактически приняло лишь несколько иную форму. Вместо двух пулеметов и батальона пехоты, расставленной около институтской территории по приказанию г. Трепова, блокаду поддерживает черная сотня. На Большом Сампсониевском проспекте и на Муринском втором ходят толпы хулиганов и избивают проходящих и проезжающих студентов. Дерзость их доходит до невероятного. Так, на днях на проезжавшего на извозчике студента И. напала толпа черносотенцев, сшибла верх пролетки и избила его до потери сознания. В настоящее время насчитывается до 10 пострадавших студентов и два лаборанта.

— Сегодня, 24 октября, состоялось заседание совета профессоров политехнического института по вопросу о времени возобновления учебных занятий. После 4-часового совещания профессора разошлись, не вынеся никакого решения. Окончательное постановление состоится завтра в заседании, имеющем быть в два часа. Завтра же предполагается назначить на 11 часов утра созыв студенческой сходки по этому же вопросу.

— Вчера при возобновлении занятий в Царскосельской гимназии директор Анненский произнес речь, посвященную манифесту от 17 октября. В ответ на это один из учеников VIII класса обратился с горячей речью к товарищам. В этой речи он разбирал „конституцию", „данную" манифестом 17 октября, и в противовес г. Анненскому, говорившему о данных якобы гарантиях свободы, указал, что свобода дана не свыше, а добыта кровавыми усилиями революционного народа, и что гарантией народной свободы являются не обещания, а готовность революционного пролетариата и всего народа к дальнейшей борьбе. После этого ученики с пением марсельезы разошлись по классам. В тот же день, по окончании занятий, в здании гимназии состоялась сходка учеников старших классов, на которой принципиально была решена необходимость организации товарищеского суда, свободы сходок и принятия мер для ограждения учащихся от черносотенных выступлений, в виде организации самообороны и установления необязательности формы. О решениях сходки доведено до сведения директора.

Партийные резолюции.

— На собрании рабочих делегатов Невского района 26 октября была вынесена следующая резолюция: „Совет Рабочих Депутатов высказался принципиально за введение восьмичасового рабочего дня революционным путем. Приветствуя и поддерживая инициативу Семянниковского завода, уже осуществившего это постановление, районное собрание делегатов Невской заставы постановило ввести, по возможности, во всех заводах с 27 октября восьмичасовой рабочий день. Вместе с тем собрание заявляет о своем непреклонном намерении добиваться введения восьмичасового рабочего дня законодательным путем".

— 26-го октября состоялось заседание Комитета Об'единенной Организации при Петербургском Комитете Р. С.-Д. Р. П. студентов высших учебных заведений.

На случай открытия высших учебных заведений по вопросу о тактике студентов социал-демократов принята резолюция:

„Комитет Об'единенной Организации студентов социал-демократов, обсудив положение закрытых правительством высших учебных заведений, в целях самозащиты в борьбе с революционным народом, еще раз подчеркивает свою точку зрения на вопрос о значении высших учебных заведений в революционной борьбе: высшие учебные заведения в видах революционной тактики должны быть открыты и предоставлены в полное распоряжение революционного народа, для которого теперь более чем когда-либо необходимо стоять на страже своих интересов, так как правительство, выпустив манифест с обещаниями и натравив черную сотню на революционный народ, стремится организовать контр-революцию".

В связи с поднятым вопросом о реорганизации партийной работы при Петербургском Комитете Р. С.-Д. Р. П. рассматривался вопрос о средствах к новой постановке дела пропаганды социал-демократических идей среди учащейся молодежи.

— 27 октября происходило соединенное собрание митинговых ораторов, выступающих от имени обеих фракций Социал-Демократической Партии. Обсуждалась резолюция, выработанная Федеративным Комитетом по поводу Совета Рабочих Депутатов для проведения на рабочих митингах. Резолюция эта гласит следующее:

„Мы, собравшиеся рабочие, после обсуждения пришли к следующему выводу. В настоящее время, когда под ударами революции разрушается старый режим, рабочим необходимо тесно сплотиться в одну партию, чтобы в ее рядах неутомимо бороться за наши интересы. В противном случае буржуазные партии захватят в свои руки все плоды победы, добытые нашими руками. Рабочим нужна единая партия. Рабочая партия должна принять программу, которая выражает интересы пролетариата всего мира. Такой программой является программа международной социал-демократии. Российский пролетариат есть часть всемирного пролетариата. Российская Социал-Демократическая Партия есть часть всемирной социал-демократии. Все рабочие, организованные в союзы, должны находиться под знаменем Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Поэтому мы обращаемся к возникшему, во время последней политической забастовки, Рабочему Совету и, находя единственно приемлемым для него программу Социал-Демократической Партии, предлагаем ему вести дальнейшую борьбу за демократическую республику, народную милицию, 8-часовой рабочий день и социализм в рядах этой Партии".

После продолжительных прений ораторы обеих фракций пришли к соглашению агитировать в пользу этой резолюции на рабочих митингах.

— Заседание Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов. 27 октября присутствовало 21 член: были представители от районов и от Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии и предст. Москвы от Партии Соц.-Револ. В порядке дня были поставлены следующие вопросы: 1) организация помощи безработным; 2) об увольнении за забастовку; 3) о пороховом заводе; 4) об общем собрании Совета Раб. Депутатов.

По первому вопросу принято предложение, внесенное союзом равноправия женщин об открытии им на их средства, под контролем Совета Рабочих Депутатов, дешевой столовой для безработных Нарвского района.

По второму вопросу: постановлено послать к администрации гвоздильного завода, уволившей за забастовку 10 чел., 2 представителей Исполнительного Комитета с требованием немедленного принятия обратно уволенных, подкрепленным угрозой бойкота и т. п. Решено к рабочим выпустить листок с призывом поддерживать уволенных товарищей и агитировать на всех митингах за недопущение произвола со стороны администрации. Уволенным, впредь до принятия на службу, решено выдавать пособия. Размер пособия для безработных и уволенных определен: взрослому холостому 30 коп. в день, на первого ребенка—15 коп., а на второго и т. д. по 10 коп.

Внесено заявление от союза инженеров, в котором союз обусловливает выдачу денег в стачечн. фонде — допущением представительства от союза инженеров в Совете Рабочих Депутатов.

Постановлено: предложить инженерам передать деньги кассиру Рабочего Совета, представительство же их в Совете отклонить. Представители инженеров и других либеральных организаций могут входить в сношение с Исполнительным Комитетом.

Рабочие пороховых заводов просили разрешить им собраться. Генерал, заведывающий заводом, разрешил, но рабочих при входе в собрание встретили штыки. Рабочие заволновались, и тогда заведывающий заводом рассчитал рабочих, не уплатив им даже за 2 недели вперед. Решено послать 3-х делегатов с требованием обратного принятия уволенных.

На фабриках и заводах.

— В Колпино забастовка продолжается. Рабочие, кроме политических, выставили также и экономические требования, но *эти требования до сих пор еще не удовлетворены. Мало того:* администрация заводов почти ничего не предпринимает в этом направлении, кроме одного заседания, на котором платонически возбужден этот вопрос; назревшим требованиям не дают никакого исхода. Возбуждение среди рабочих приподнятое. Все возмущены событием, когда на известную мирную манифестацию рабочих и инженеров было направлено войско и произошло кровавое столкновение с человеческими жертвами.

— На заводе Сан-Галли. На чугунно-литейном и механическом заводе Ф. Сан-Галли после пред'явления рабочими требований, в которых они требовали утверждения выбранных ими старост и чтобы администрация завода не отказывала рабочим в зимнее время, все рабочие были уволены. После полуторамесячной забастовки администрация завода начала прием рабочих, выбирая преимущественно благонадежных и притом пока в самом ничтожном количестве. Из 150 человек, работавших в литейной мастерской, принято только 10 рабочих, в механическом отделении из 250 принято 50 человек, в котельной мастерской принято около 160 человек и отказано более 40. Кроме того, завод уволил двух мастеров, одного из механической мастерской г. Бибера и литейной мастерской г. М. Ф. Пальт. Эти два мастера были любимцами рабочих, которые в знак уважения поднесли г. Биберу золотой перстень с надписью „на память от рабочих завода Ф. Сан-Галли".

М. Ф. Пальт и Бибер были уволены администрацией завода за то, что категорически отказались исполнять полицейскую службу, возложенную на них владельцем завода. Обязанности эти заключались в том, чтобы мастера (вместо сторожей) стояли у ворот завода и пропускали в мастерские только „благонадежных" рабочих.

Отношение администрации завода к рабочим возмутительное. Администраторы обращаются к рабочим со словами „хулиганы", „дармоеды" и пр.

Не принято обратно на завод также несколько рабочих, проработавших у Ф. Сан-Галли много десятков лет. Из котельной мастерской, например, уволен рабочий, проработавший 36 лет, другой рабочий был на заводе 12 лет, здесь же отказано рабочему котельной мастерской, у которого во время работы свело пальцы. В пособии ему также отказано.

С утра у ворот завода толпится народ — это все „неблагонадежные", выброшенные за борт. Администрация „обещала" принять и этих, но обещание это и останется, кажется, обещанием.

— Во время всеобщей забастовки администрация Франко-русского завода заявила о полной своей солидарности с забастовавшими рабочими. Однако „полная солидарность" оказалась довольно подозрительною: именно, рабочие, не примкнувшие к политической забастовке, получили от администрации зачет двух прогульных дней вместо одного, который зачли участвовавшим в забастовке. Товарищи рабочие в приеме администрации видят попытку внести раздоры в их семью.

За Невскою заставою.

4 октября по почину Семянниковского завода началась забастовка на Шлиссельбургском тракте для выражения сочувствия московским товарищам. К 12-ти часам весь тракт, за

исключением Обуховского завода, уже прекратил работы. Ходила только конка. К коночным рабочим была отправлена депутация. Те ответили, что провести забастовку одним им не удастся, и предложили семянниковцам „снять“ их. Решено было остановить движение. Около двух часов на углу Шлиссельбургского проспекта и Прогонного переулка собралась большая толпа рабочих, которая начала таскать на рельсы груды булыжника, бревен и т. п. Когда, таким образом, путь был прегражден, стали ждать поезда. Поезд должен был остановиться; пассажиры вышли.

Движение, таким образом, было прекращено. Между тем издали показались казаки. Рабочие стали спешно строить баррикады: около вновь строющегося каменного дома у Прогонного переулка опрокинули и сдвинули несколько ломовых телег, натаскали бревен, досок и булыжника. Укрывшись за баррикадой и заняв дом, толпа стала ждать приближения казаков. Атака казаков была встречена градом каменьев и револьверными выстрелами. Казаки дали залп и бросились на баррикаду.

Однако перед баррикадой лошади остановились. Тогда казаки, спешившись, стали разбирать баррикаду, а затем и наступать на рабочих. Последние, отстреливаясь, отступили через задний двор. Между тем на противоположной стороне проспекта столпилась масса народу. На виду у казаков, уже кончавших свое дело, какой-то рабочий громко призывал народ к дружной борьбе с самодержавием. Помощник пристава, пытавшийся арестовать рабочего, был схвачен толпою, избит и заперт в пустой сарай. В это время подоспел новый наряд казаков, который начал немилосердно избивать толпу. Многие получили серьезные поранения саблями и нагайками. Часа в три-четыре казаки стали прямо неистовствовать: били всех проходящих, не разбирая правого и виноватого. Один рабочий, живущий дальше, в селе Фарфоровом, вышел из дома против фабрики Наумана и, не зная, что конка не ходит, остановился посреди дороги, чтобы подождать поезда. В это время налетевший сзади казак нанес ему тяжелую рану саблей по шее. Выбежавших на его крик нескольких рабочих избили плетками. Отдельные группы рабочих казаки хватали, тащили во двор фабрики Паля и там избивали до полусмерти. Так было избито 14 человек. Все эти неистовства продолжались до самого вечера, когда казаки были разведены по дворам.

Вечером по тракту начали бродить толпы хулиганов, которые в какие-нибудь час-полтора перебили почти все фонари по проспекту и боковым улицам. На тракте воцарился мрак. Начался грабеж. Среди зловещего мрака небольшие кучки темных личностей то здесь, то там почти бесшумно взламывали двери лавок и так же бесшумно передавали награбленное добро тут же стоявшим сообщникам, которые и уносили его. Казаки и полиция во все время грабежа демонстративно не вмешивались. За ночь разграблено до двадцати мелочных лавок.

В экспедиции заготовления государственных бумаг.

27-го октября, в десятом часу утра, у ворот экспедиции заготовления государственных бумаг было вывешено следующее об‘явление:

„С 27-го сего октября мастерская машин Орлова закрыта для работ. Согласно § 4 внутреннего распорядка, рабочие этой мастерской предупреждаются, что с 10-го ноября они считаются уволенными из экспедиции и могут получить расчет в домовой конторе, начиная с понедельника, 31-го октября“.

Накануне к управляющему экспедицией г. Голицыну явилась депутация от рабочих с просьбой приступить к выдаче денег пенсионной кассы. Г. Голицын ответил, что без разрешения министра финансов сделать ничего не может, но обещал сделать об этом доклад на-днях. Депутаты на это ответили, что они не доверяют обещаниям администрации и требуют гарантии в том, что требование их будет исполнено.

Следует заметить, что на-днях состоялась сходка в экспедиции, где подавляющим большинством (87%) рабочие решили упразднить свою пенсионную кассу.

Требуемая гарантия дана не была, что и вызвало забастовку 160 рабочих на орловских машинах. Сегодня утром этих 160 рабочих, пришедших на работу, к занятиям не допустили. Вследствие этого, 27-го утром, к г. Голицыну явилась депутация от остальных рабочих с требованием допустить своих 160 товарищей к занятиям. В этом требовании депутатам было отказано. Тогда последние заявили, что они также немедленно прекращают работы, и в десять часов утра все работы в экспедиции прекратились во всех отделениях, и на воротах появилось следующее об‘явление:

„С 27-го сего октября экспедиция закрыта для работ. 10-го ноября все рабочие будут уволены из экспедиции. Тем, которые пожелают поступить вновь в экспедицию, подчиняясь условиям договора, изложенным в правилах внутреннего распорядка, предоставляется подать немедленно о том письменное прошение чрез чиновника особых поручений“.

Сегодня в продолжение всего дня принимались прошения от вновь поступающих в экспедицию. Очевидно, обратно рабочие будут приниматься с известной сортировкой.

Сегодня г. Голицын был принят у и. д. министра финансов, которому представил заявление о желательном закрытии пенсионной кассы экспедиции.

Театр и музыка.

НОВЫЙ ТЕАТР.

26 октября на сцене „Нового театра“ имела выдающийся успех пьеса А. Шницлера „Зеленый Попугай“. Успех был, конечно, главным образом психологический. На сцене „последний день старой Франции“, день взятия Бастилии, и кликов торжествующей демократии достаточно, чтобы в наши дни наэлектризовать зрительный зал. Но помимо этого, Шницлер преподает в своей отходной старому миру урок исторической и внутренней справедливости. Его сатира направлена не только против аристократии, как может показаться с первого взгляда. Конечно, виртуозное высмеивание аристократов, не понимающих своего положения, — самое яркое в пьесе. Тут на-лицо все элементы: и бездушие собственников, глумящихся над порабощенным народом, и полное нравственное вырождение, разврат молодых и старых мужчин и женщин, и близорукая тупость, почти слабоумие царедворцев, помешаных на этикете: они не могут отрешиться от поклонения кумиру монаршей власти, даже когда он валится с пьедестала. Но столь же зло и тонко Шницлер вышучивает другой элемент старого порядка — тех, кто не живет, а играет, тех, которые тешат пресыщенную праздность и скрывают живой двигающий на дело гнев под маской притворства. Ничтожны аристократы, но ничтожны и осуждены на погибель также актеры, превращающие веселую таверну „Зеленого Попугая“ в пеструю ярмарку, где вся жизнь представлена „в шутку“. Актеры Шницлера символизируют все условное в жизни общества, все перегородки, все надуманные понятия о сословной чести.

Сопоставляя в резких контрастах два противоположных полюса в жизни старого строя, аристократов и гаеров, Шницлер и разыгрывает остроумные вариации на тему: нет границ между игрой и действительностью, между истиной и ложью... Тут, в мире условности и гаерства, границы действительно нет, истина и ложь сливаются. Но эта трагикомедия отживающего мира, где все притворно, разыгрывается на фоне грозных событий, знаменующих действительную силу — искреннюю действенную жажду свободы. Революция побеждает скептическую философию старого мира — вот смысл пьесы Шницлера, одной из наиболее остроумных и художественных сатир в современной литературе. Разыграна она была в „Новом

театре“ с большим под'емом. Из отдельных исполнителей выделялись: г-жа Яворская, очень грациозная в роли лукавой порочной маркизы, г. Аркадьев в роли хозяина таверны, г. Шмидт в роли маркиза де-Лансака.

Еще две сатирические пьесы дополняли спектакль, носивший общий протестующий характер. „Вор“ Мирбо — сатира на мещанство современного общества, где, может быть, честнее быть откровенным вором, чем носить маску одной из честных профессий — и жить все-таки обманом. „Мадемуазель Фифи“ — патриотическая пьеса на сюжет Мопассана тоже с протестом против условности понятий о чести. Проститутка оказывается благороднее немецкого офицера с его военным ухарством. Пьеса разыграна очень дружно. Роль Рахили одна из самых ярких в репертуаре г-жи Яворской.

Зин. Венгерова.

В Кронштадте.

Погром или восстание?

Уже несколько дней тому назад ходили упорные слухи о том, что в самом близком будущем предстоит „поголовное избиение“ в Кронштадте. Собрания и митинги происходили все-таки в полном порядке; особенным интересом отличались политические митинги матросов и солдат артиллеристов, на которых присутствовало, в общем, около 10 тысяч человек. Одновременно с этим организовались и черносотенцы. Полиция и некоторые офицеры принимали явное участие в этой организации, уговаривая хулиганов „всевозможных родов и профессий“ избивать „жидов и социалистов“, мутящих спокойствие и тишину и добивающихся „никому не нужных свобод“. В результате этого в минувшее воскресенье толпы вооруженных черносотенцев и солдат нападали на отдельных рабочих и интеллигентов и жестоко избивали их; было несколько убийств. Но все минувшее бледнеет перед тем, что случилось в ночь на 27 октября.

26 октября с 6 часов вечера начался „общий“ погром, сопровождаемый самыми возмутительными насилиями и грабежами. Толпы вооруженных подонков общества нападали на отдельные дома, убивали и грабили все, что попадалось на пути. В некоторых местах вспыхнули пожары. Электричество и газ перестали действовать. Погром усиливался, начались массовые поджоги.

К 12 часам ночи события достигли ужасающих размеров. Грабили, уничтожали — и все это совершалось на глазах полицейских и воинских властей, которые не только бездействовали, но сами, переодетые, принимали активное участие в насилиях. Возбуждение и паника среди жителей достигли крайних пределов в 3 часа ночи, когда с быстротой молнии распространился слух о взрыве пороховых погребов. Слух пронесся, но взрыва не последовало — говорят, что ждут его с часу на час. Зато страшное пламя пожаров охватывало все новые и новые места.

По слухам, одновременно с погромом вспыхнуло восстание матросов; половина сухопутной артиллерии перешла на сторону матросов.

Морское инженерное училище в Кронштадте закрыто на неопределенное время.

При стычке с крепостным баталионом матросов много убитых и раненых.

Сегодня в Кронштадт отправлен эскадрон кавалерии и пехота из Петергофа.

Готовящийся погром.

Открытое письмо совета старост Петербургского университета.

Граждане! Могучий и грозный натиск пролетариата на неприступную до самого последнего времени твердыню самодержавия пробил в ней значительную брешь. Испуганное, растерявшееся правительство пошло 17 октября на уступки и обещало русскому народу свободу без гарантий. Теперь, видя, что революционная волна пала и основательно предвидя приближение девятого вала, российская монархия не теряет времени и все силы, все средства пускает в ход для того, чтобы потопить в крови освободительные стремления народа, чтобы затем снова отобрать завоеванные им права. В этих целях с циничной откровенностью самодержавие вступило в братский союз со всеми темными силами страны, в этих целях, опираясь на невежественные массы, подняло их и ведет на сознательное большинство русского народа. В целом ряде городов пролита кровь, кровь прольется и в Петербурге при благосклонном участии Крушеванов и полицейских агентов, вступивших в трогательный союз. Граждане! Мы, старосты Петербургского университета, призываем вас к защите собственных интересов, к организации вооруженного отпора черной сотне. Студенчество в первую голову попало в проскрипционный крушевановский список. Академический легион студентов университета уже образовал необходимую помощь в деле его вооружения. Жертвуйте на вооружение народа! Жертвуйте на академический легион!

Совет старост Петербургского университета.

На 30 октября, по слухам, назначено в столице избиение интеллигентов, студентов и евреев Это вовсе не является секретом; об этом знают и говорят решительно все. Подготовления к избиению идут весьма деятельно; вербовка в кадры черной сотни происходит открыто с полной откровенностью и при непосредственном участии, даже более — под руководством администрации, при чем последняя отнюдь не скрывается, а делает это с полным сознанием исполнения своего прямого долга.

Пропаганда избиения в наибольшей степени практикуется на окраинах и пристанях, где сконцентрирован чернорабочий элемент. Здесь представители полиции разных рангов при дружном содействии всевозможных подозрительных суб'ектов усиленно занимаются толкованием манифеста, варьируя на все лады формулу: „жиды и студенты заставили царя отречься от престола". Эту версию в различных толкованиях мне лично приходилось слышать сегодня во многих местах. На Тучковой набережной уже более недели идет весьма деятельная агитация, и все отбросы населения в настоящее время представляют вполне организованную и вооруженную дружину. Здесь душой всему делу является купец Лобов, который с утра до вечера переходит с одной баржи на другую, „воодушевляя" босяков и хулиганов.

По справкам, собранным у местных обывателей, еще за несколько дней до об'явления манифеста, на набережной у барок стали появляться какие-то личности, ни по виду ни по костюму не подходящие к обычному здесь элементу. Эти люди с тех пор и по сие время ни на одну минуту не оставляли местность, сменяясь партиями по несколько человек. Все время они находились в самых тесных сношениях с грузчиками: часто приносились какие-то пачки.

О характере деятельности агитаторов можно судить по следующему факту.

23 октября утром двое из них появились по обыкновению у барок и сделали какой-то знак, и тотчас же из барок высыпало несколько десятков босяков с палками и двинулись к Невскому.

Так же деятельно подготовляется Калашниковская набережная, Сенная, Апраксин рынок, Забалканский проспект — преимущественно в местности скотопригонной площади.

В этих местах пропаганда имеет вполне определенный вид: дворники и городовые составляют списки евреев, студентов и лиц интеллигентных профессий. Ни для кого не секрет, для чего это делается. На улицах, в трактирах, в с'естных лавках, в чайных, словом о предстоящем погроме говорят громко и определенно. Повсюду, по заявлениям местных жителей, среди народа толпятся полицейские в штатской одежде.

Откровенность полиции доходит до следующих характерных разговоров: к управляющему одного из домов на Тучковой набережной местный околоточный надзиратель пришел с настоятельной просьбой оставить выгоняемого дворника, ибо „он человек нам полезный"; при этом блюститель порядка стал об'яснять „полезность" дворника. Оказалось, что он деятельно работает на пользу „общего дела" — предстоящего „избиения крамольников".

— Это — важное для правительства дело, — заявил околоточный, ибо необходимо подавить крамолу.

В виду подготовляемого погрома, направленного против интеллигенции и евреев, рабочие Петербургской стороны организуются и вооружаются для охраны как своего района, так и центральной части города. Все товарищи приглашаются в субботу вечером и в воскресенье с утра на улицы своего района и в центральные части города для противодействия темным элементам столицы.

— 27 октября в университетской коллегии состоялось очередное заседание совета старост. На обсуждение был поставлен вопрос о мерах самозащиты студенчества от организованного нападения черных сотен. После продолжительных дебатов, было решено послать депутацию в городскую думу с требованием вооружения городской гражданской милиции и выдачи денег на вооружение уже организованного академического легиона. Кроме того, было доложено одним из старост, что комитет общества вспомоществования студентам спб. университета желает, чтобы представители от старост присутствовали на его заседаниях и участвовали в распределении пособий, назначаемых комитетом. Предложение было принято и, кроме того, постановлено просить комитет об ассигновании известного количества денег для снабжения недостаточных студентов штатской одеждой.

— Под влиянием тревожных слухов о черносотенном погроме, назначаемом на 30 октября, многие из обывателей отправляют свои семьи в окрестности (Удельную, Выборг, и т. п.).

— Нам сообщают, что по городу раздают кастеты, ножи и „штаны". Последние — затем, чтобы узнать своих. Получившие кастеты хвалятся их качеством: „хорошо мы их (евреев) отработаем".

— На Забалканском проспекте полиция собирает адреса живущих по проспекту евреев.

— В собрании социал-демократов, организаторов высших учебных заведений, решено употребить энергичные усилия для организации дружин самообороны против черносотенников.

Рассылка прокламаций черной сотни все увеличивается.

Сегодня многие евреи получили следующий „Манифест":

„Великий Русский Народ! Кто не читал из Вас, кто не знает у кого не трепетало от радости все существо человеческое, когда слух впервые разнесся могучей волной по святой Руси о даровании нашим Великим Государем всему российскому народу величайшего блага, блага свободы и гражданства? Кто же из Нас теперь не оценит этой великой заслуги Государя Нашего перед своим народом? Кто же теперь со слезами радости не будет благодарить Его, Его, Манифестом своим предотвратившего кровавые насилия при создании нового государственного устройства? Но не все могли оценить этот Великий дар, принесенный нашим Государем своему народу. Нашлись люди, которые в тот же день открыто говорили речи и внушали народу насильственно низвергнуть Царскую Власть и установить в государстве республику. И кто говорил об этом? Это говорили люди, которые ничем не дорожат, у которых нет ничего святого, у которых нет отечества, нет постоянного очага в государстве и которые живут только там, где лучше их гешефты... Таковые люди говорили об этом на митингах, и это были жиды, распявшие Нашего Господа Иисуса Христа, и теперь они хотят убить нашего Царя.

Великий Русский Народ! к вам обращаемся мы ... не допустите власти жидов, не слушайте их пропаганды, бейте их!

Теперь у нас есть Великий Русский Царь, к которому всякий может пойти... и при котором поддерживается существование Руси. А если не будет Его? Если жиды возьмут верх над Вами. Если они устроят из вашего Государства Республику, в которой будет президентом жид... к кому обратитесь Вы? Где будет Ваше государство? „За Русского Царя призывает Вас Русский Народ!" „Да здравствует Великий Русский Царь!" „Да здравствует Великий Русский Народ!" „Смерть жидам!!!"

Русская Национальная Лига".

Иностранный отдел.

Свободная Россия и Европа.

Великие события последних дней потрясли весь мир. Миллионы русских пролетариев вышли на борьбу за свободу и с невиданной силой двинули вперед всю страну. Вековые устои зашатались, свободный вихрь ворвался в затхлые подполья, золотое солнце заглянуло в столетние казематы.

Грандиозными манифестациями под красными знаменами отпраздновал российский пролетариат свою первую великую победу. Страна насилия и бесправия стала страной борьбы за свободу. Сильнейший враг освобождения человечества начал ослабевать. Международная

социал-демократия со всех концов мира восторженно приветствует русский рабочий класс; к рядам всемирного пролетариата, к рядам борцов за социализм примкнули новые баталионы. Мировая борьба пролетариата получит новый толчок, а международный пролетариат нанесет новые удары своим врагам.

Уже почти наступило то время, которое предвидел три года назад Каутский в статье „Славяне и революция". Россия — главный оплот реакции в 1848 году, Россия, вступившая в союз с австрийским правительством, чтобы подавить геройскую венгерскую революцию, Россия — ледяная гора, о которую разбились волны, поднятые великими бурями 1848 года, — сама дает толчок международному освободительному движению.

Демонстрация в Вене в пользу всеобщего избирательного права, митинги и уличные столкновения в Австрии — прямые отголоски московских и петербургских событий.

Новые широкие задачи становятся перед русским пролетариатом. Немногие союзники, примыкавшие до сих пор к задним рядам русского пролетариата, после первой победы отхлынули назад: буржуазия — и международная и русская—*начинает уже кричать о порядке во* что бы то ни стало. В дальнейшей борьбе русскому рабочему классу придется полагаться только на свои силы. Вчерашние друзья его — завтра могут стать его врагами. Но он не останется одинок; взамен робкого и ненадежного союзника — русской либеральной и радикальной буржуазии — он приобретает могучего и верного союзника — международный пролетариат.

Общая цель об'единила уже идейно пролетариат всех стран, теперь наступает время об'единения действий. Враги мирового освободительного движения всегда поддерживали друг друга; они давно уже оценили значение международной круговой поруки, международных „священных союзов". Реакционное правительство Германии до последнего времени было деятельным врагом русского революционного движения и деятельным другом русского абсолютизма.

Теперь могучее орудие — международная солидарность и взаимная поддержка—переходит в руки рабочих партий.

Русский народ понес уже неисчислимые потери от внешней политики правительства. От имени народа велись войны, заключались союзы. Обогащая и усиливая правящую группу, внешняя политика усиливала обнищание народа и служила орудием его порабощения.

Под прикрытием непроницаемой тайны кабинетов дипломатов, под сильнейшим влиянием придворной интриги и личных отношений готовились союзы, войны и займы. Народ узнавал о своей судьбе только тогда, когда события уже совершились, когда нет больше возможности повлиять на их ход.

Социал-демократия всех стран в борьбе с тайными врагами пролетариата и демократии действует одним и тем же оружием. Это оружие ее — пресса — широкая гласность, открытое и свободное обсуждение всех вопросов политики. Везде социал-демократическая пресса принуждает своих врагов выступать открыто, везде она разоблачает тайны застенков и канцелярий и то же испытанное оружие она применит в области внешней политики.

Выступая за идейное об'единение международного пролетариата, за солидарность и взаимную поддержку рабочего класса всех стран, социал-демократическая пресса должна зорко следить, чтобы тайно от народа не заключались против него союзы, чтобы тайно не ковалось против него оружие.

К. Платонов.

Революционное движение в Австрии.

Австрийский пролетариат, выступивший на борьбу за всеобщее избирательное право, решил продолжать борьбу, несмотря на кровавые столкновения с полицией и войсками.

В передовой статье социал-демократическая газета „Wiener Arbeiterzeitung" пишет: „Кто был свидетелем неслыханных злодеяний, совершенных полицией на улицах Вены, тот перенесся на улицы городов России, тот видел варварство русских казаков. Наша редакция превратилась в лазарет, в каждой комнате лежат раненые — свидетели и жертвы работы венской полиции; если бы неприятельская армия завладела городом, ужасы были бы немногим больше.

„Но если стоящие у власти думают и надеются, что венские рабочие, что рабочие всей страны робко отступят перед силой, то они ошибаются: роковые последствия этой ошибки они скоро увидят.

„Лучше погибнуть, лучше умереть, чем жить в рабстве!

„Мы не требуем ничего невозможного; то, что мы требуем, принадлежит нам по праву. Если бы было возможно усилить могучее движение, начавшееся среди рабочих Австрии, то кровопролитие на улицах Вены его усилило бы. И оно его усилит. Мы пойдем вперед, мы не испугаемся опасности и смерти.

„Бастионы населения теперь могут защищаться только пролитием потоков крови, но это их не спасет — они должны пасть, они падут".

Один из ораторов—немец, говоривший на большом собрании в зале Софии перед столкновением с полицией, при бурном одобрении рабочих социал-демократов, заявил: „Мы переживаем славный момент — в Вене, столице клерикальной, бюрократической Австрии, произносятся речи под красным знаменем. Красное знамя развевается над нами — знамя победы русской революции, тем сильнее чувствуем мы свое рабство, свой позор. Мы радуемся, что, наконец, с востока идет к нам свобода, но мы не только радуемся — мы поучаемся, мы видим, что завоевать свободу можно только тем революционным путем, на который вступил русский пролетариат (бурные аплодисменты и крики), мы заговорим языком русского пролетариата. Восторг охватил нас, когда до нас дошли вести о победоносной революции. Теперь мы тоже исполняем свой долг, и этим мы обязаны нашим русским братьям. Мы не остановимся, пока в Австрии не будет создана почва для свободного развития всех народов, для свободного развития рабочего класса".

Польша.

Положение страны после манифеста.

Манифест 17 октября не удовлетворил Польшу.

Всеобщая политическая забастовка продолжается, народ вооружается, среди горожан и даже крестьян спешно формируются боевые дружины...

И действительно, разве может польское революционное движение хоть на минуту остановить свое походное движение и свой мощный призыв к освобождению страны от исключительного гнета и произвола правящих сфер? Разве может наступить спокойствие, когда государственный акт 17 октября не затрагивает тех насущных традиционных требований польского народа — требований широких национальных прав: полной автономии, сейма в Варшаве, всеобщего избирательного права?

Этих прав добивается и Польская Социалистическая Партия (P. P. S., как minimum своих требований), и социал-демократы, и националисты-демократы, и народники. Это и понятно: удовлетворения этих требований жаждет почти весь польский народ, загнанный, исстрадавшийся и измученный исключительными законами и произвольными распоряжениями правительства.

Теперь, когда об'явлена свобода слова, когда по всей России газеты и журналы выходят без предварительной цензуры, в Варшаве, по распоряжению генерал-губернатора, вся периодическая пресса приостановлена за бесцензурный выход. Разве это не воплощенный произвол? Разве такими мерами достигают умиротворения и спокойствия, которого, по его заявлению, хочет правительство? Сегодня приостанавливают прессу, завтра запрещают устройство митингов, процессий — почти ежедневно происходят кровавые столкновения с войсками. Правительство желает, повидимому, репрессивными мерами подавить начинающееся восстание в Польше и потому оно организует военную силу. Не довольствуясь, вероятно, тем огромным количеством войск, которое размещено в крупных центрах Царства Польского, оно входит в соглашение с Германией — и та, на случай восстания в Польше, дает согласие двинуть в пределы страны и свои полки. Мы знаем из достоверного источника, что теперь на прусской границе, в Катовицах и Мысловицах стоят в полной походной готовности три прусских полка.

Но польский народ не успокоится, не успокоится он до тех пор, пока не получит верных гарантий осуществления тех минимальных требований, которые являются необходимостью для прогресса страны и без которых в настоящее время уже не может обойтись страна.

И если эти требования не будут исполнены, то временное затишье, которое может, конечно, наступить, явится зловещим призраком того красного пламени, которое скоро озарит эту сплошь наэлектризованную страну — призраком восстания, революции со всеми ее жертвами.

К.

Областной отдел.

Харьков.

(Корреспонденция „Новой Жизни".)

10-го числа, ровно в 10 часов дня, началась забастовка в мастерских К.-Х.-С. ж. д. В какие-нибудь $^1/_2$ часа мастерские, депо, телеграф, управления всех служб, контроль и пр. стали. Служащие земской управы присоединились и, пройдя по городу, закрыли все присутственные места, а городские приказчики — все магазины. Затем забастовка охватила конку, паровозный завод, завод „Гельферих-Саде", вплоть до самых малых мастерских. Вся деловая жизнь замерла, и население в приподнятом настроении хлынуло к центральным улицам и площадям. Между тем, экспромтом организовалось несколько митингов. Один из них произошел на Ивановской леваде и, по официальным сообщениям, состоял из 10—12 тысяч человек. В разгаре речей какой-то хулиган сделал 4 выстрела из револьвера в воздух; произошла страшная паника, но скоро все снова успокоилось. Подобные же митинги происходили на паровозном заводе и на Московской улице, во дворе службы тяги Х.-Н. ж. д. Везде было решено не пред'являть никаких экономических требований и считать забастовку чисто политической. Полиция все это время благодушно бездействовала, и события развивались естественным порядком. Часов около 8-ми толпа собралась на Екатерининской улице около гостиницы „Россия" и разграбила оружейный магазин Тарнопольского. Когда дело было почти закончено, подскакал отряд казаков, который был встречен револьверным залпом. Подобный прием так возмутил донцев, что они карьером бросились наутек и около Лопанского моста, очертя голову, наскочили на сброшенные вагоны конки, при этом пострадало 5 лошадей и казаков. Возбужденные станичники решили, что самое подходящее при таких обстоятельствах дать залп вдоль улицы. Пострадали, конечно, больше всего любопытные, которых набилась полная улица. Все это еще более наэлектризовало толпу, и с утра 11-го около университета началась постройка баррикад. Власти совершенно растерялись. Я сам видел, как в одном пункте человек 10 валили телефонные столбы, а шагах в 150 спокойно стоял отряд казаков, городовые и пожарные. К вечеру вся Соборная площадь была забаррикадирована.

Все мостовые внутри крепости были выворочены; камни были перенесены на 2-й этаж на случай атаки.

На окнах были заготовлены кислоты из лабораторий, и защитники в числе 600 человек решились дорого продать свои позиции. В распоряжении их имелось 250 ружей и 120 револьверов. Источником оружия явились еще 2 магазина „Спорт и Охота", при чем около первого произошла перестрелка между хозяином его и толпой. Нападающие потеряли 8 человек, но в конце концов застрелили хозяина и разобрали оружие.

Все форты и даже собор были украшены красными флагами.

Наконец, власти решили действовать и самым лучшим сочли свести революцию на еврейский погром. Хулиганы были мобилизованы на Павловской площади. Запасшись царским портретом и трехцветным флагом, они сначала подвергли избиению публику, толпившуюся по тротуарам, а затем приступили к высаживанию дверей в одном магазине. Баррикадисты тотчас командировали один отряд в тыл хулиганам, который открыл по последним стрельбу; в то же время с фронта показались вооруженные рабочие паровозного завода, также начавшие стрелять. Хулиганы быстро оказались смятыми, флаг из трехцветного обращен в красный. Часов в 8 вечера началась стрельба войска по народу.

Повод, насколько можно выяснить, состоял в том, что казачий офицер на быстром скаку при повороте вылетел из седла. Казаки, вообразив, что он убит, стали стрелять в сплошную массу публики (версий много, но это самая вероятная, ее приводит даже „Южн. Кр."). Это был сплошной ужас. Были и ответные выстрелы... Между тем либералы решили организовать „комитет безопасности", и в качестве такового предстали перед губернатором и потребовали права организовать народную милицию. Губернатор согласился, но либералы, найдя это дело очевидно неблагодарным, передали его тем, что сидели за баррикадами. Последние согласились и командировали отряды в разные части города. Но отряды попали в гнусную западню; возвратился только один отряд, остальные же были варварски истреблены. На следующий день „комитет безопасности" взял на себя роль посредника и парламентера; результатом явилось соглашение: баррикадисты очищают укрепления, вынеся с собой то оружие, которое смогут пронести неявно, а равным образом разберут все мины и фугасы, и взамен получают право устройства митингов на площадях (кроме центральной). Сдача была почетная, и публика от самой крепости до Скобелевской площади (место первого митинга) стояла шпалерами и приветствовала смельчаков. Митинг прошел очень приподнято. Интеллигенция заявила, что она идет вместе с народом. Рабочие попросили прислать на предстоящий 12-го митинг около паровозного завода представителей профессуры, адвокатов, земцев. Митинг этот произошел при огромном стечении публики. Депутаты от различных профессий являлись на митинг за инструкциями. Все эти дни длилась, между прочим, общая забастовка пекарей, и в городе не было хлеба; кондуктора ж. д. подавали митингу петицию об улучшении своего положения. Вообще митинг сделался каким-то законодательным вечем, отдавал приказания и организовал „комитет борьбы". На следующий день, 14-го, были похороны. Сумская от театра до клиники была запружена народом. Был организован оркестр и хор. Порядок был образцовый. Переодетый городовой пытался вызвать панику выстрелом, но был схвачен. Толпа хотела убить его, но один адвокат увез его к губернатору, где и установили его личность. Толпа была так велика, что шла на кладбище от клиники часов 5, щедро популяризируя среди любопытных революционные песни. На кладбище про-

изошел опять митинг, постановивший прекратить забастовку везде, кроме жел. дор. После этого введено было военное положение. Город наводнен войсками. В таком-то положении застал нас манифест о свободе. Военное положение не снято.

Дерпт.

(Корр. „Новой Жизни".)

Кровавые события, разыгравшиеся по всей России, не миновали и Юрьева. 17 октября, при попытке постройки баррикад около Конной почты, солдаты, находившиеся в здании почты, стали стрелять по толпе, и в результате—несколько раненых и один убитый. На следующий день в 1 час дня было об'явлено военное положение, а в 2 часа пришел манифест. Сейчас же были устроены грандиозные демонстрации с красными знаменами и с вытребованным оркестром военной музыки, который играл марсельезу и похоронный марш. Демонстрации прошли очень мирно, при чем встречавшиеся на улицах офицеры отдавали честь красному знамени. Затем военное начальство опомнилось и расклеило везде об'явления о том, что оно при беспорядках будет прибегать к оружию. Это об'явление было расклеено 20-го, и рядом с ним везде было повешено другое (в жирной траурной рамке): „Граждане гор. Дерпта приглашаются сегодня присутствовать на похоронах павшего за свободу Иоганна Адамсона. Коалиционный Совет социалистических организаций гор. Дерпта".

Похороны были в высшей степени торжественны: 150 человек распорядителей-студентов охраняли порядок, и он действительно был образцовым, несмотря на 30—40-тысячную толпу.

За знаменем коалиционного Совета во флере несли черный гроб, украшенный красными розетками и лентами, затем бесконечное количество красных знамен: от Росс. С.-Д. Рабочей Партии, от „Бунда", от эстонской с.-демократии и др., черные знамена с красным, числом до 30... Процессия включала в себе хор и оркестр. На кладбище на могилу возложено было больше 10 венков. Говорились соответствующие речи. После похорон вся процессия двинулась к университету, в актовом зале которого были оставлены все знамена.

На улицах никого не было, в домах тоже: весь город присутствовал на похоронах. Пока здесь все спокойно. Город под военной охраной.

Из провинциальной печати.

— Киевский погром едва ли не самый ужасный из всей кровавой серии погромов. Сказались два года царствования одного из самых типичных ставленников самодержавия — проклятой памяти Клейгельса. Соучастие войск и полиции сказалось здесь особенно ярко. Киевские газеты дают подробности, не оставляющие на этот счет никаких сомнений:

„И шумно двигалась пьяная толпа хулиганов, грозная и страшная не силой, не возбужденной горячностью, не дубинами и железными ломами, нет! Сильная своей уверенностью в безнаказанности, верой в помощь полицейских шашек, солдатских штыков, пуль и казацких нагаек. И звучали в воздухе хриплые крики, и неслись роковые слова „бей жидов"... И с гиком врывалась толпа в дом, со звоном падали железные ворота... Момент... и из окна глядело бледное лицо и судорожно наводило на толпу револьвер... Момент... толпа расступалась, выплывало из нее регулярное войско... Момент... и потрясался воздух от залпов, и летели разбитые стекла... войско удалялось, и что-то летело из окна... А когда оно падало на мостовую, то слышался легкий стон, и оно умолкало... навеки...

„А они били это скомканное тело железными палками, и орошала липкая кровь и мостовую, и железные палки, и кулаки пьяных хулиганов..."

Самое прекращение погрома разоблачает его истинных руководителей:

„К вечеру стало известно, что погром решено прекратить".

Решили и прекратили.

— „Сев. Край" сообщает:

„Крестьяне некоторых селений Юрьевского уезда недавно на общем сходе вынесли следующую резолюцию: «Мы, крестьяне селений Борского, Васильевского, Родников и других, собравшись 9 октября на общий сход, рассмотрели положение о Государственной Думе и пришли к следующему заключению: Государственная Дума во всяком случае не может считаться действительным народным представительством, так как, во-первых, громаднейшая, беднейшая часть населения России в лице рабочих и крестьян избирательных прав лишена. Ведь нельзя же в самом деле считать представителями крестьян людей, просеянных сквозь четыре сита и избранных притом 10-ою частью крестьян-домохозяев; во-2-х, Государственная Дума является простым совещательным собранием без права решающего голоса в издании законов, учреждением политически бессильным, лишенным даже свободы слова при обсуждении, ибо ему воспрещено касаться основных законов Российской империи. В виду всего этого, мы заявляем, что ничего хорошего от этой Думы не ждем, от выборов в нее отказываемся и всякого, кто будет принимать сознательное участие в этой комедии выборов представительства, как выборщиков или членов этой Государственной Думы, мы считаем изменниками и врагами свободы народа».

„Присутствующих на сходе крестьян было 300 человек".

Редактор-издатель ***Н. М. Минский.***
Издательница ***М. Ф. Андреева.***

ГОД ПЕРВЫЙ. С.-ПЕТЕРБУРГ.
№ 3 СУББОТА, 29 ОКТЯБРЯ (11 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

29 октября прибудет из Архангельска тело

Михаила Юльевича

ГОЛЬДШТЕЙНА.

Родные и друзья извещают, что перенесение усопшего с Николаевского вокзала на Волково кладбище состоится в 11 часов утра, в субботу, 29 октября.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Наша молодая газета успела уже испытать на себе последствия „свободы слова", возвещенной в манифесте 17 октября и других правительственных актах.

Первый номер „Новой Жизни" полиция отбирала у газетчиков на улицах уже к вечеру его выхода, а в 12 час. ночи в экспедиции газеты было конфисковано 8.000 экземпляров, предназначенных к отправке в провинцию. В 7 час. утра следующего дня инспектор типографий опечатал в типографии газеты матрицу первого номера и уничтожил стереотип. 28-го же октября ред.-изд. Н. М. Минский был вызван к судебному следователю по важнейшим делам и привлечен к суду по 2 части 129 ст. нового уголовного уложения, т. е. за распространение сочинений, возбуждающих к ниспровержению существующего государственного и общественного строя. Судебный следователь, кроме того, передал мировому судье предложение главн. упр. по делам печати о привлечении Н. М. Минского к ответственности за выпуск газеты без пред'явления номеров ее в цензуру, что, по его словам, лишило его возможности конфисковать газету. Мы протестуем против произведенного над нами насилия и отдаем на суд всего общества попытку администрации заставить молчать свободный голос социал-демократического органа печати.

С.-Петербург.

29-го октября.

Ближайшие задачи в деревне.

Пролетарское социал-демократическое движение с особенной силой проявилось в городах. Это естественно. Капитализм собрал здесь громадную армию рабочих, об'единенных классовым стремлением борьбы с эксплоатацией и организованных самим производством в фабричные и заводские батальоны и полки. Но городские рабочие лишь авангард всего пролетариата страны, гвардия народа, борющегося за свое освобождение. Для России, с ее громадной массой сельского населения, которое до сих пор насильственно удерживается в тисках полукрепостного состояния и потому недостаточно еще дифференцировалось в классовом отношении, это особенно верно. Но напрасно было бы думать, что освободительное движение не проникло в деревню. Социал-демократия нашла себе благодарную почву и в деревне.

Однако, здесь условия деятельности иные, чем в городах. И не только потому, что сельское население разбросано территориально и не об'единено работой в одной мастерской. Крестьянство не представляет собой одного класса. Оно распадается на несколько слоев с различными классовыми интересами. Деревенская беднота целиком принадлежит к пролетариату, хотя она сознает свои классовые интересы менее, чем городские рабочие. Наоборот, деревенские „богатеи" — типичные буржуа, со всей их реакционностью и тупостью ко всему, что не касается их кармана. Между этими двумя слоями находится третий, промежуточный—крестьян-„середняков", не утративших еще окончательно хозяйственной самостоятельности и не получивших еще возможности эксплоатировать труд своих собратий. Представители этого слоя находятся в неустойчивом равновесии. Их идеал — „землица", округление своих владений, расширение своего хозяйства, словом, идеал мелкого буржуа. И „удача" всегда переводит такого крестьянина-хозяина в разряд богатеев - „кулаков". Но идеал — одно, а действительность — другое. „Удача" бывает редко, а несчастье, можно сказать, подстерегает крестьянина из-за всех углов его трудной жизни. Пожар, скотский падеж, неурожай, болезнь или смерть работника — все губит слабое крестьянское хозяйство и из „самостоятельного" делает его „батрацким", пролетарским.

Но все слои крестьянства скованы общими цепями низшего, не полноправного сословия, прикрепленного к земле, которую крестьяне должны обрабатывать не только в силу экономической необходимости, но и в силу прямой обязанности, наложенной на них государством. Крестьяне—это полукрепостные государства, которыми управляет все тот же „барин" добрых старых времен в лице земского начальника, станового пристава, податного инспектора и прочего многочисленного большого и малого начальства. Начальство это вольно, как и в крепостную старину, над свободой и честью крестьянина и в праве вмешиваться в его хозяйственную и даже семейную жизнь. Словом, это самая настоящая крепостная опека.

Мало этого, крестьянство — до сих пор „податное“ сословие. Кроме косвенных налогов, тяжким бременем лежащих на всем многомиллионном трудящемся народе, крестьяне платят много прямых налогов, платят выкуп за землю, давно уже ими выкупленную, и исполняют натуральные повинности по починке дорог, поставке под „начальство“ лошадей, тушению лесных пожаров и проч.

Хотя крестьяне прикреплены государством к земле, но отведенное им пространство ее крайне тесно: оно сдавлено кольцом государственных, удельных, церковных и помещичьих земель. Чтобы жить, крестьянин должен работать на этих землях, отдавая их владельцам ту долю продукта, которую те потребуют. Доля эта так велика, что в сравнении с ней прибавочная стоимость, выжимаемая из рабочего фабрикантом, кажется пустяком. Вот почему в деревне царит такая беспросветная нищета, низводящая человека на положение голодного животного. И потому же требование земли так властно и единодушно выражается крестьянами.

Таково положение деревни. Чего же может и должна она ждать от революции? Мы говорили уже, что происходящая в России революция по существу своему буржуазная. Это остается верным, конечно, и для деревни. Уничтожение всех остатков крепостничества в деревне и приобщение ее обитателей к числу свободных, полноправных граждан России, управляющейся самим самодержавным народом, — такова первая ближайшая задача социал-демократии в деревне. Успешное выполнение ее возможно только в том случае, если крестьянство активно и сознательно примкнет к великой освободительной борьбе пролетариата. Для этого в деревнях должны быть организованы крестьянские комитеты, руководство которыми должны взять в свои руки сознательные социал-демократы.

На обязанности этих комитетов будет лежать фактическое установление демократического строя в деревне на место царствующего там теперь начальнического произвола. Они же займутся вопросом об урегулировании на местах земельных отношений. Вопрос же о необходимой для этого экспроприации государственных, удельных, монастырских, церковных и частновладельческих земель и о формах ее может быть решен только Всенародным Учредительным Собранием. Чем скорее будет осуществлена намеченная организация крестьянства, тем прочнее будут завоевания свободы и демократизма в России.

Об организации.

I.

Пережитые дни всеобщей политической забастовки и освободительной борьбы пролетариата показали всему миру высокую степень классовой сознательности русского рабочего и сильно развитое чувство классовой солидарности. Своим открытым выступлением под знаменем социал-демократии он подтвердил тот факт, который никем, кажется, не оспаривался, что русское пролетарское движение, также как и международное, руководится и направляется социал-демократией. И в этом случае, как не раз бывало и раньше, пролетариат выставлял те требования, которые выставляла социал-демократия, подхватывал ее лозунги, руководился ее указаниями; не менее знаменательно это выступление пролетариата и с той стороны, что, несмотря на атмосферу всеобщего сочувствия, которым буржуазные элементы окружали его борьбу, нигде пролетариат не поддался влиянию буржуазной демократии и все время шел своим самостоятельным путем, увлекая за собой все оппозиционные элементы, заставляя их поддерживать свои требования, но ни в коем случае не смешиваясь с ними организационно. На всех собраниях, во всех открытых заявлениях резко звучали те ноты, что пролетариат даже в период буржуазной революции не может верить буржуазии и ее уверениям в полной готовности бороться за демократию, не может и не должен. В октябрьские дни русский рабочий открыто подчеркнул, что он вполне ясно понимает противоположность своих интересов интересам буржуазии и не пойдет на ее удочку, какая бы заманчивая демократическая приманка ни была на ней. Практика первого, действительно общепролетарского, выступления лишний раз показала, что непримиримая политика социал-демократии, вполне вытекающая из анализа классового положения пролетариата в буржуазном обществе, есть единственная возможная для рабочего класса политика.

Теперь, когда широкая волна стачечного движения стихает, когда во многих местах рабочие приступили к работам, и жизнь временно входит в обычную колею, естественно возникает вопрос: какова очередная задача момента, что делать теперь, куда направить силы?

Резолюции федеративного совета Российской С.-Д. Р. Партии и Совета Рабочих Депутатов дают ясный ответ на это. Они говорили, что под напором пролетариата существующий режим пошел на уступки, и теперь пролетариат, прекращая забастовку из соображений тактических, должен направить все силы для использования своих побед в целях дальнейшей борьбы.

Пролетариат должен, опираясь на эти победы, сплотиться, организоваться, вооружиться и готовиться в решительный момент к окончательной атаке. Организоваться, сплотиться, сгруппироваться вокруг пролетарского знамени, создать сплоченную боевую армию — вот очередная задача дня. Правда, и раньше рабочий класс организовывался, и раньше сознательные его элементы тратили массу сил на привлечение товарищей в ряды пролетарской партии, но все это происходило в маленьком масштабе в подполье. Теперь и масштаб и форма организации должны резко измениться. Теперь должна итти открытая вербовка членов, открытое обсуждение классовых задач пролетариата, открытое выступление членов партии, как таковых. Теперь время сорганизовать широкую массовую партию, и на это должно быть прежде всего направлено внимание всех борцов за рабочее дело. До сих пор социал-демократия имела широкое идейное влияние на пролетариат, он подхватывал ее лозунги, он боролся под ее знаменем. Теперь она должна, пользуясь громадным идейным влиянием, вовлечь в свои ряды, ввести в свою организацию всех стоящих на социал-демократической точке зрения, признающих программу и тактику социал-демократии. Это — очередная задача.

В широких слоях рабочих очень сильно стремление организоваться. В сознании не менее широких слоев пролетариата внедрилась уже идея необходимости быть совершенно независимыми от всяких буржуазных элемен-

тов, итти по своему пролетарскому пути в политике. Почти весь пролетариат видел и видит в социал-демократии, этой партии классовой борьбы пролетариата, единственного вождя пролетарского движения. Теперь остается только это стремление рабочих организоваться и это их признание социал-демократии соединить вместе и создать массовую организацию социал-демократии—широкую партию пролетариата.

Буржуазия уже легализировала свою организацию, уже многие ее слои сгруппировались в открытые политические партии. Не сегодня — завтра они направят свои стопы к пролетариату в целях подчинить его своему влиянию. Делалось это не раз и раньше, но попытки эти всегда терпели крах под напором критики социал-демократии, с одной стороны, и трусливости буржуазных идеологов, неспособных при полицейском режиме развить широкую работу в массах, — с другой. Теперь надо ждать, что попытки эти еще более участятся. Пролетариат должен быть тесно сплочен, хорошо сорганизован и политически высоко развит, чтобы не подпасть под их влияние. Конечно, долго пролетариат по своему социальному положению под влиянием буржуазии не может остаться, но возможность даже временного господства буржуазной идеологии в рядах пролетариата губительно отзовется на успешности дальнейшей борьбы за социализм. Только программа выдержанная, безусловно классовая партийная организация может оградить пролетариат от возможности проникновения в его среду буржуазных влияний. Вот почему очередной задачей дня является создание, вокруг имеющихся партийных ячеек, широкой массовой организации рабочих социал-демократов.

Не только открытое выступление пролетариата под знаменем социал-демократии, но и широкое участие всех признающих социал-демократическую программу в партийной организации безусловно необходимо для нашей дальнейшей борьбы.

Уже недопустимо такое положение дел, при котором масса лиц, признающих нашу программу, оставалась вне пределов партии, не входила в ее организацию. Не в интересах освободительной борьбы пролетариата также существование каких бы ни было групп, проводящих социал-демократическую политику, но организационно не связанных с партией. Партия пролетариата должна быть едина, хорошо организована и сплочена. Она должна быть и строго классовой, а следовательно, международной. Такова — социал-демократия.

Сознательный пролетарий не может не быть членом этой партии, так как она является единственным выразителем его классовых интересов.

В следующей статье мы коснемся вопроса о желательных формах организации партии.

Б. Радин.

Освобождение.

(Памяти Николая Эрнестовича Баумана.)

За высокие стены и крепкие затворы Таганки к нам все же доносилось веяние живой, свободной, могучей жизни пробудившегося народа. Забастовка типографских рабочих взбудоражила нас; особенно радовали и волновали известия о многолюдных митингах, о народных собраниях на улицах и площадях, о столкновениях народа с полицией, всегда ненавистной, всегда презренной, отравляющей жизнь граждан насилиями и произволом, который так долго и так безропотно выносили. „Москва всколыхнулась, Москва воскресла“, — повторяли мы друг другу.

Все говорило о приближении грозного, великого исторического момента. Какими микроскопическими по своему значению казались нам, сравнительно с происходящими событиями, наши „дела“, за которые многие из нас сидели уже более года, наши „незаконные собрания“ из 7 человек, захваченные у нас документы о войне против войны, наши „тайные сообщества с целью ниспровержения“ и проч. Но одна мысль наполняла нас неизмеримой гордостью, вдохновляла нас, заставляла чувствовать связь между собой и огромной всколыхнувшейся массой борющегося народа: это было сознание того, что почти 15-летняя работа принесла, наконец, свой плод. Не даром, значит, были принесены в жертву свободе тысячи жизней, не даром были все муки застенков, все ужасы ссылки, жизнь беглецов-конспираторов, не имеющих приюта. Во мраке реакции выходили мы на жизненную дорогу—безнадежность и уныние царили кругом нас. Но в наших руках ярким пламенем горел факел, рассыпая кругом бесчисленные искры, налетал ветер и разносил эти искры, они пропадали у нас из глаз, исчезая во мраке, но не гасли, а разносились по всему родному краю, тлели в тиши, пока из них не вспыхнуло, наконец, яркое пламя. Лелеял, хранил и раздувал священный огонь этих искр именно тот общественный класс, к которому мы шли с нашим факелом, рабочий класс, пролетариат. Все страдания русской жизни, весь ее ужас лежал, главным образом, на его плечах. Более, чем кто-либо, он таил в себе ненависть к существующему порядку и, поднявшись на борьбу с ним, вынес на себе всю ее тяжесть, всегда шел впереди и теперь, наконец, близок к победе. Военно-полицейская диктатура с ее казнями, ссылкой, тюрьмой, каторгой, с ее расстрелами и разгромами оказалась бессильной задержать победное шествие революционного пролетариата.

Грандиозность событий повлияла, повидимому, даже на жандармов. Они стали освобождать по 2 и по 3 человека в день, новых привозили все меньше. Число политических со 102 быстро упало до 96. Однажды вечером уже после поверки „волчок“ в двери моей камеры открылся, и в него просунулась голова „дяди Коли“, как мы называли Н. Э. Баумана: „До свиданья. Освобожден“. Мы расцеловались, и я обещал на прощанье еще посчитаться с ним, когда буду на свободе. Мы с ним держались разных мнений на некоторые вопросы партийной жизни и постоянно препирались во время общих прогулок.

Но мне пришлось увидеть уже только его холодный труп, окровавленный, обезображенный гнусным ударом, быть может, наемного убийцы.

Это подлое убийство было как бы последним звеном в той цепи издевательств, которым подвергали Баумана жандармы и прокуратура. Он был арестован в июне 1904 года, и в феврале 1905 г. „дело“ перешло из жандармского управления в судебную палату. В июне некоторые из обвиняемых были освобождены под залог. Бауману было в таком освобождении отказано. 27 августа был назначен суд, но, за неявкой свидетелей из числа

сыщиков, дело слушанием отложено, и палата постановила освободить под залог всех обвиняемых. Но, когда они прибыли в тюрьму, оказалось, что прокурор задержал постановление палаты об освобождении Баумана, и тюремная администрация отказалась его выпустить. Защитники поехали хлопотать. Но в палате им ответили, что постановление задержано прокурором, и палата умывает руки в этом беззаконии. Прокурор ответил, что Баумана задержало в тюрьме охранное отделение. Градоначальник сослался на департамент полиции. Этот последний в своем ответе на телеграмму Баумана ссылался на министерство юстиции, а министерство через полтора месяца отписало, что оно тут решительно не при чем. Явное беззаконие охранного отделения, этот пинок пониже поясницы, который оно, в согласии с прокуратурой, нанесло казенному правосудию судебной палаты, до крайности возмутило всех политических. На предложение товарищей об'явить голодовку в виде протеста против охранки Бауман ответил отказом. Он всегда был принципиальным противником тюремной голодовки. Жандармы освободили его только под влиянием начавшихся волнений среди населения столицы.

Еще утром, в день освобождения, мы вспоминали с ним 1902 год. Он жил тогда в Москве, как доверенное лицо „Искры“, в то время Центральной Организации Р.С.-Д.Р. Партии. По поручению той же организации я приехал тогда к нему для переговоров по одному делу. Мой приезд пришелся накануне дня монархической демонстрации, устроенной генералом сыщиков Зубатовым перед памятником Александра II-го, с участием более 30.000 рабочих. Московский Комитет, по словам Баумана, был в полном отчаянии. Влияние социал-демократов среди рабочих было настолько слабо, что парализовать монархическую демонстрацию казалось совершенно невозможным. Ограничились тем, что отпечатали листки, и все члены Комитета отправились раздавать их толпе. Арестован никто не был, но и листки, повидимому, не были замечены массой. „Какой переворот“, — говорил он, пока мы гуляли на тюремном дворе, делясь впечатлениями от потрясающих известий, приходивших с воли. Что бы сказал он, если бы мог подняться из своего красного гроба и окинуть взглядом стотысячную толпу народа, с красными знаменами и пением революционных песен провожающую его до могилы.

Когда разразилась всеобщая стачка, охватившая всю Россию, наше нервное возбуждение достигло крайней степени. Никто не мог заниматься, все были выбиты из колеи монотонного режима, все ждали чего-то. У всех в глазах светилась надежда, строились планы, прекратились теоретические разговоры, умолкли даже наши шахматисты, целые вечера выкрикивавшие через окна свои ходы. Утром 18 октября (вторник — день свиданий) родственники принесли нам текст манифеста. Мы недоумевали. Нет свободы печати, охранка сохраняется, Трепов остается у власти, а главное, мы не на свободе. Это издевательство, насмешка, весь манифест — одни лживые фразы. Нет конституции, если мы в тюрьме. Свобода не совместима с властью жандармов. Мы еще не знали, что народ шел уже освобождать нас, что Бауман был уже убит. Пришло известие, что жандармы освободят вечером тридцать человек. Наконец, наступил вечер, зажгли фонари. Мы не расходились по камерам и стояли толпой в коридорах, опьяненные возбуждением, смутной тревогой, предчувствием борьбы и свободы. Вдруг какой-то отдаленный гул донесся до нас сквозь двойные рамы и железные решетки. Все бросились к камерам. Охваченный ураганом чувств, в состоянии какого-то безумного восторга, я припал к решетке открытого настежь окна, не чувствуя на своих плечах тяжести облепивших окно товарищей. Огромная толпа народа заполняла весь переулок перед тюрьмой, а над толпой развевались красные знамена свободы, освещенные кровавым отблеском факелов. Народ запел марсельезу, а из-за решеток неслись ответные звуки того же могучего жизнерадостного гимна, гимна освобожденного пролетариата. „Долой само-

Рождение новой партии.

II *).

Так же справились конституционалисты-демократы с 8-часовым рабочим днем.

— По возможности и в тех производствах, где это окажется возможным!

— Что же это все по „возможности“?! — сердятся провинциалы. — Ведь и наши демократические департаменты тоже все делали и делают по „возможности“...

Голосуют и вдруг — прямо „8-часовой рабочий день“...

Уж кажется удружили в левую сторону... Чего лучше?..

Оказывается, что в бюро подано заявление несколькими членами, что они ездили, по поручению собрания, по общественным делам и потому не могли принять участия в баллотировке. Требуют перебаллотировки.

В результате 8-часовой рабочий день подпирается разными оговорками...

Партия строит идиллию братства: спорные вопросы между предпринимателями и рабочими будет решать особая примирительная камера, куда войдут поровну рабочие и промышленники. Ну, а если не сойдутся?

Тогда судья праведный решит дело...

Что судья будет праведный — сомнений не встречается. Что закон будет праведный — нет сомнений...

Доходит дело до аграрной программы... Напряженное внимание... Тихо... Становой пролетает над землею...

„Увеличение площади землепользования населения, обрабатывающего землю личным трудом, как-то: безземельных и малоземельных крестьян, а также и других разрядов мелких хозяев-землевладельцев, государственными, удельными и кабинетскими землями, а также путем отчуждения для той же цели за счет государства части частновладельческих земель с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой (не рыночной) оценке“.

Провинциалы в недоумении: какой части, какой справедливой оценке?!.

Поднимаются один за другим идеалисты и предлагают несуразные для партии вещи:

*) См. № 2 „Новой Жизни“.

державие!"—крикнул кто-то.—„Этот лозунг уже отошел в прошлое",—отозвались соседи. „Да здравствует свобода! Ура!" Толпа гудела и колыхалась, доносились неясные отдельные возгласы.

Для меня, пропитанного скептицизмом, пережившего много тяжелых поражений, видевшего много побед, купленных дорогой ценой и не приведших к желанному успеху, этот народ, явившийся к нам вестником свободы, был убедительным, наглядным символом ее. „Народ пришел освобождать нас! Это действительно революция!" — повторял я, и слезы, едва ли не первые в моей сознательной жизни, полились у меня из глаз. Я не мог оторваться от зрелища и не заметил, что остался один. Камеры политических, неизвестно как, оказались открытыми; товарищи высыпали в коридор и столпились на площадке у окна, выходящего к воротам. Многих уже выводили в контору; возбужденные, радостные, они проходили сквозь толпу, осыпаемые приветствиями. Было решено, что освобожденные могут уходить, не ожидая очереди других. Товарищ Л., широкоплечий, приземистый рабочий, уже гремел своим могучим голосом, обращаясь к народу. Он убеждал не входить толпой в контору, чтобы избежать могущего произойти кровопролития, так как во дворе тюрьмы с утра стоял отряд гренадеров в полном вооружении. Другой товарищ произнес приветственную речь. Вдруг раздался револьверный выстрел, он был сделан в воздух кем-то из толпы, стоявшим у ворот. Сквозь разбитые стекла я видел, как пороховой дым легким облачком таял в полумраке осенней ночи. Толпа шарахнулась, знамена заколебались. Почти сейчас же послышались один за другим сухие, резкие звуки, как будто где-то под самым ухом ломали палки. Это стреляли казаки с угла переулка. Толпа дрогнула и попятилась. Из конторы тюрьмы вышел губернатор; с его появлением ружейная трескотня умолкла, народ успокоился. Сквозь освещенные окна нам были видны в конторе лица наших товарищей, осененные красными флагами, символом крови, пролившейся за свободу. Решено было отойти от окон, чтобы своим видом не возбуждать толпы. Но в этот момент три делегата вошли в коридор, приветствуя нас от имени народа.

Когда я вместе с другими вышел в контору, она имела совершенно необычный вид. Особую пикантность зрелищу придавали три фигуры жандармских офицеров. Для чего они здесь присутствовали, я не знаю. Над их головами развевались красные флаги, и, посмотрев на их физиономии, я разом готов был простить им все их гнусности, все издевательства, их высокомерие, их наглость, все приемы, с помощью которых они добывали у слабых духом показания, позорившие на всю жизнь: так беспомощны, так жалки были их лица.

Наконец, мы, свободные граждане, выходим на улицу. Мы еще не знали в этот момент, что Бауман был уже холодным трупом.

Толпа приветствует нас, обнимает, целует. Все лица сияют упоением победы. Шумной толпой двинулись мы по улицам Москвы, прохожие присоединялись к нам, из окон многих домов махали платками. Грудь дышала глубоко и свободно; проклятое подполье осталось теперь позади, перед нами арена открытой, свободной политической борьбы; мы, наконец, вступили в семью цивилизованного человечества. Слава пролетариату, разбившему оковы мысли, слова и дела.

М. Таганский.

Русская печать.

*** В числе прочих петербургских газет и „Наша Жизнь" посвятила первому номеру нашей газеты несколько снисходительных строк. Обозреватель печати в „Нашей Жизни" останавливает свое внимание на статье т. Румянцева „«Большинство» и «меньшинство»". Процитировав то место статьи, в котором говорится о невозмож-

— Я уполномочен стоять за национализацию!..

— Мы — партия демократическая, а эта часть программы редактирована таким образом, что можно подумать, что мы отстаиваем интересы помещиков!

— Нельзя ли определить минимум земли, которую следует оставить помещикам?!.

Бюро снова потеет. П. Н. Милюков снова вынужден заявить, что, если будет решена национализация, то он выйдет... (Конечно, и бюро тоже.) Программа у них серьезная, внеклассовая... Уж на что бы лучше? Все бы классы имели возможность поработать на земле... Сказано так круто и решительно, что стоявшие за национализацию не решаются даже потребовать для себя примечания...

— Минимум! Какой минимум? В. Н.! вы предлагали минимум?..

Час от часу не легче...

— Под минимумом я разумел то количество земли, которое потребно для семьи.

Встает князь Петр Долгорукий (надо сказать, что в решительных моментах всегда появляется князь, или графиня, или другое именитое лицо, а не наивные провинциалы) и опять доказывает, что у них партия внеклассовая, и потому такой постановки вопроса и быть не может...

Далее следует комический эпизод. Поднимается один из скептически настроенных членов и говорит:

— Тут сказано: увеличение площади безземельных... Насколько мне известно, безземельные ничего не имеют, как же мы им увеличим?..

Некоторое замешательство, смущение... Бюро склоняется друг к другу головами... Ответ:

— Сказано: увеличение площади землепользования... Есть безземельные, вынужденные работать на чужой земле...

— Далее. Мне кажется, что демократическая партия должна опираться на крестьянство, а в крестьянстве, насколько это выяснилось на первом крестьянском с'езде, преобладает такой взгляд, что следует конфисковать у помещиков всю землю, и не с выкупом, а без оного... Говорили они, что помещиков придется им на пенсию взять, ибо они ни на что не способны и будут валяться под забором...

Встает князь.

— Весьма вероятно, что среди крестьян есть башибузукские наклонности, но они имеются и у некоторых

ности желательного успеха открытой деятельности социал-демократической партии при существовании двух разобщенных фракций с одинаковой программой и „тактикой“, обозреватель говорит:

Выходит таким образом, что обе враждующие фракции нашей социал-демократии не различаются между собой не только по программе, но и по тактике, — положение, по меньшей мере, нуждающееся в фактическом подкреплении.

Очевидно, некоторым из бывших „марксистов“, приютившихся в редакции либеральной газеты, очень хотелось бы подчеркнуть те „разногласия“, которые до известной степени поддерживали их собственную „приспособляющуюся“ позицию в политике. Дело, очевидно, идет „о плане земской кампании“ Искры, отвергнутом „большинством“, о разногласиях по вопросу о бойкоте булыгинской Государственной Думы и т. д. Действительно, эти разногласия были. Но стремительное и победоносное освободительное движение пролетариата давно бесповоротно разрешило их и, конечно, не в пользу половинчатой и компромиссной тактики.

Обозреватель требует „фактического подкрепления“ высказанной мысли о солидарности обеих фракций. Одно из них дано было в разбираемой статье. Это — указание на однородность постановлений III с'езда партии и конференции „меньшинства“. Другое обозреватель может почерпнуть в солидарной работе Петербургского Федеративного Совета обеих фракций партий.

*** Г. Столыпин из „Нового Времени“ получил, наконец, от своего брата, саратовского губернатора и участника балашовского избиения, довольно точную справку об отношениях администрации к черносотенцам и спешит поделиться этой справкой с читателем.

Что такое черные сотни?

Это, во-первых, разный темный сброд, подстрекаемый усердной не по разуму полицией и провокаторами, а во-вторых — это полемический прием.

Черная сотня в первом определении, несомненно, существовала и существует. Сразу авгиевых конюшен вычистить нельзя, и для меня несомненно, что, если высшая администрация жаловалась на низкопробный состав дореформенной полиции, то после манифеста последняя не могла каким-то чудом обратиться в идеал. Какой-нибудь взяточник из провинциальных околоточных или сыщик из подонков общества, а таких легионы, несомненно, должен был своеобразно реагировать на возвещенную реформу, и если была возможность подстрекнуть на безобразие, то этою возможностью он, конечно, воспользовался.

Очень просим читателя не забыть, что этот отзыв — мнение знатока.

Впечатления.

III.

Право народных масс на широкое участие в политической жизни каждой данной страны — неоспоримое, священное право, и честные люди не нуждаются в мотивации его. Но, как известно, честных людей среди командующих классов не очень много, и потому я приведу один неотразимый, на мой взгляд, мотив в пользу этого права...

Вот уже несколько лет наша страна живет напряженной духовной жизнью, а в последнее время сила напряжения достигает размеров бури. Наше мещанское общество более года кипит в атмосфере жгучих вопросов политического обновления страны, но где же среди него таланты?..

Когда Франция жила в положении, подобном нашему, у нее были Вольтер, Руссо, энциклопедисты, люди Жиронды, колоссы Горы — а у нас?

Не будем говорить о крупных людях, поищем просто талантливых людей, которые хоть бы ясно видели все раны нашей измученной страны. Намечаются плохие пародии на Сейсса, Флесселя, Бальи, возможен Анахарсис Клоотц, а в общем, все более или менее хладнокровные люди, они много говорят и пишут и всегда, почему-то, дурным языком...

помещиков. Мы — партия внеклассовая и поэтому не можем и т. д.

— Нельзя ли примечание?..

Вдруг один из членов партии помогает:

— Насколько я понимаю: мы в программе ставили минимум, а уклоняться влево можно сколько угодно...

Бюро в изумлении.

— Кто стоит за национализацию, должен отделиться.

Да оно и наивно ведь!.. Друзья влево, так этот член полагал, что ступать ногою в левую сторону не воспрещается... Да ведь так можно шагнуть, что конституционно-демократическая партия превратится для него в „прогрессивно-консервативную“...

Шагать — шагай, но не широко.

Встает один из членов бюро и поясняет всю зловредность крайности:

— Взять всю землю у помещиков и передать крестьянам, — это не в государственных интересах. Мы не должны упускать государственных интересов, мы партия государственная... Если это сделать, понизится степень общей культуры сельского хозяйства,—и т. д., в том же духе „государственных интересов“, в каком это говорят нефтепромышленники, сахарозаводчики и пр. патриоты...

По мере того, как рассматривались краеугольные камни программы, членов убавлялось... Уезжать было некуда (забастовка ж. д.), а с каждым днем партия таяла... Началось с 76, дошло до 40... Многие разочарованные интеллигенты, раскусившие орех, стали мыкаться по разным митингам, где преобладало классовое население...

Во время одного из заседаний появляется вездесущий писатель Тан и с горячностью и пылом говорит:

— Господа. Вы здесь так спокойно занимаетесь выработкой конституции, разбираете параграфы, спорите о мелочах, а там, за стенами, рабочие, борющиеся с правительством, голодают... Я видел ужасы...—И т. д.— Если вы считаете их друзьями, помогите же им материально!

Пускают в ход шапку и получается 171 р. + конфуз!.. Конфуз исправляется: организуется помощь, собирают значительные суммы...

Не при деньгах были, должно быть... Всяко случается.

Доходят до тактической стороны программы.

Проектированная Дума никуда не годится... Они пойдут туда только за тем, чтобы заявить это и потребовать...

— Совсем не следует ходить!

Эта нищета ума и чувства, это отсутствие ярких талантов — верный признак духовного вырождения мещанского общества...

Под давлением гнета политических условий, оно привыкло к постоянным сделкам со своей совестью и, отравленное ядами своего гнилого организма, видимо, издыхает. Все, что говорится и делается мещанами наших дней, рисует картину полного заражения крови...

Ничтожны речи, неловко и непрочно сшитые из старых слов,—никто не может вложить в них того нового, огненного содержания, какое влагают истинные представители народа, люди, и плотью и духом родные ему. Мелки и трусливы поступки — в них чувствуется прежде всего страх, как бы не испытать неприятного. И во всем сквозит жалкое, старческое утомление. Изношенные души, истасканные умы...

Эти жалкие, маленькие люди живут в яркие дни народного гнева и светятся призрачным светом гнилушек, и эти люди хотят быть представителями народа, силы, которая бесплодно зовет их к жизни, силы, которой они и согреты и накормлены...

Скучно и противно было бы на земле, если бы луна и днем представляла нам солнце. — Скажут: теперь условия изменились. Да, но гальванический ток не воскрешает трупа, хотя и может заставить его двигать мускулами...

Необходимо дать народным массам широкий доступ к жизни: только живая, горячая кровь народа окрасит все вокруг в яркие цвета красоты и радости, только у народа есть энергия молодости и пафос героизма, только силою народа, вечного источника жизненной энергии, воскреснет страна к новой жизни, только народ силою своей осуществит наши бескровные, бледные мечты о красоте, свободе, истине, только он введет в жизнь богиню, вам чуждую и враждебную,— богиню-справедливость!

А.

Pro domo sua.

Одна из консервативных газет, отличающаяся тем, что вся ее редакция состоит из бывших либералов, выражает свое удивление по поводу того, что я, будучи мистиком, пристал к социал-демократическому движению. В этих словах верно лишь то, что я в последние годы в самом деле занимался философскими проблемами и написал книгу о мистическом разуме. Но я думаю, что между истиной философской и истиной политико-экономической нет противоречия, как нет противоречия между математикой и химией. Противоречие существует лишь между истиной и ложью. Вот, если бы я когда-нибудь участвовал в упомянутой газете или в подобных ей органах печати, а потом пристал к социал-демократии, меня в самом деле можно было бы винить в непоследовательности и в том, что я разыгрываю „водевиль с переодеваниями". Долго размышляя о возможном воплощении истины на земле, я пришел к убеждению, что величайший враг философии не кто иной, как буржуазное общество, постыдно равнодушное к истине, ущемленное в своей серединности, трусливое, непоследовательное, признающее только одну философию — приспособляемости к обстоятельствам минуты и одну религию — комфорта и спорта. Мистика, по самому своему существу дерзновенная и чистая, может мириться в области воли с такой же дерзновенной, как она сама, с такой же безбрежной по своим горизонтам доктриной, какой является доктрина социал-демократии. Если мистической истине суждено одержать когда-нибудь победу над духом людей, то я уверен, что победа эта совершится только в чистой атмосфере экономической правды и всеобщего, свободного, радостного, никем не эксплоатируемого труда.

Н. Минский.

— Когда же наступит момент заявить и уйти...

— Это решить нельзя... По ходу вещей... Обстоятельства покажут!..

Ропот провинциалов...

— Довольно тянуть... Дадут вам работу: и по рабочему вопросу, и по избирательному праву, и по аграрному вопросу и скажут: „Помогайте, работайте"... И вы сядете и будете сидеть, и трудно будет найти время заявить, и фактически вы только сыграете роль представителей...

Дебаты все горячее, горячее. Споры обостреннее... И вдруг... вдруг гонец из „Русск. Вед.".

— По телефону — конституция!

— Браво!!. браво!.. — Все повскакали, хлопают в ладоши, поздравляют друг друга... Речи о том, как было трудно бороться, добыть конституцию... Сколько погибло... Благодарность рабочим и клятва — никогда уже не отдавать обратно того, что взято с бою!

Некоторые смущены... По телефону сообщена квинтэссенция и в такой милой форме, что остается возликовать... (Телеграммы еще не знали.)

— Гм!.. вот тебе и раз...

— События бегут с такой быстротой, что...

— Пожалуй, мы теперь очутились вправо?.. По отношению к друзьям?

— Гм... Вот так штука...

Лица сияют... Поднимается женщина с горящими глазами и, волнуясь, с упреком говорит:

— Господа! Вы получили свободу... В борьбе за эту свободу погибло много женщин... Эту свободу добывали вместе мужчины и женщины... Неужели и теперь вы откажете в равноправии?

Кто-то из наивных провинциалов кричит:

— Долой все наши примечания!..

— Господа! Нам предстоит еще много борьбы впереди!..

Масса, масса!..

Не устаньте!

Евгений Чириков.

Ответ г. Рожкову.

(Письмо в редакцию.)

Во втором номере „Новой Жизни“ напечатана заметка г. Н. Рожкова по поводу речи, произнесенной мной на последнем с'езде народных учителей в Москве. Эта заметка содержит несколько недоумений или упреков по моему адресу.

Я лично не стал бы возражать против упреков, ибо сознаю, что в такое лихорадочное время, как теперь, люди склонны обмениваться даже еще более острыми комплиментами. Но в данном случае мною руководит желание восстановить фактическую истину. Вообще, я могу принять на себя ответственность только за статьи, подписанные моим именем, а не за чужой пересказ моих слов. В передаче г. Рожкова, заимствованной из репортерского отчета „Русских Ведомостей“ и которую он почему-то признает буквальной, мне, например, приписывается утверждение, что известный ноябрьский земский с'езд имел место $1^1/_2$ года тому назад.

Я очень далек от мысли недооценивать огромное значение рабочего пролетариата в настоящей освободительной борьбе, и факты относительно казанского, московского и ростовского рабочего движения 1901 и 1902 годов мне известны не хуже, чем кому-либо другому.

Освободительное движение началось в России не со вчерашнего дня. Оно тянется более ста лет и имеет многострадальную историю. Оно составлялось и составляется из согласного действия двух великих демократических сил русского народа—передовой интеллигенции и рабочего пролетариата. Не место возбуждать вопрос о первенстве. Нельзя спрашивать, какая половина революционных ножниц врезывается сильнее в так называемый существующий, или, лучше сказать, существовавший, уже разрушенный строй. Обе одинаково необходимы. Жертвы, принесенные интеллигенцией и пролетариатом, одинаково кровавы и болезненны. Могилы Радищева и Новикова, Пестеля и Герцена, Петрашевского, Софии Перовской и шлиссельбургских узников стоят рядом с тысячами других, более свежих, рабочих могил, которыми черная сотня и казаки усеяли ныне все лицо русской земли. И в рядах организованных социалистических партий интеллигенция идет рядом с пролетариатом и неотделима от него. Это для нее тем легче и естественнее, что очень значительная часть ее и по своему экономическому положению неотделима от рабочего пролетариата. Фабричный рабочий, интеллигентный разночинец и бедный студент живут в одинаковых каморках, питаются одинаковой скудной пищей, и правящие классы в своей политической оценке сливают их в одно целое.

То, что я говорил на учительском с'езде, не относилось к освободительному движению в его целом, а только к его последней фазе, протекавшей в течение минувших 12 месяцев. В это время, под влиянием общественного возбуждения, рядом с прежними политическими организациями возникли новые. Я говорю о профессионально-политических союзах. Развитие освободительного движения стало совершаться концентрическими, все расширяющимися кругами, все углубляясь и ускоряя свой ход, и, наконец, в начале октября оно превратилось в огромную воронку, с окружностью в пятнадцать тысяч верст, с водоворотом в средине и с бездной в глубине. Эта бездна притянула в свои недра все элементы русской жизни и заразила жаждой забастовки консисторию и сенат, городовых и даже министров, и в этой бездне утонули наши разбитые цепи и исчезло самодержавие.

Значение союзов нисколько не ослабляется тем, что многие из них, особенно более ранние, были бездейственны и пассивны. Зато другие были активны и наносили старому строю самые решительные удары.

Таковы, например, для Москвы союз железнодорожных рабочих и служащих, союз типографов и наборщиков, союз фармацевтов и другие.

Организованные партии действовали самостоятельно рядом с союзами, принимали также участие и в организации союзов, но всеобщность движения, его ширина и размах в значительной мере созданы этой новой политической формой.

Это нисколько не ослабляется тем обстоятельством, что в настоящее время многие союзы стали выступать открыто под партийным знаменем. Роль союзов в городах с завоеванием свободы окончена, и место их должны заступить организованные политические партии. Первое место среди них будет принадлежать социал-демократии, конечно, в слиянии теперешних организаций меньшинства и большинства, и реорганизованной соответственно тем массам, которые поступили и еще поступят в ее ряды.

В деревне политическая работа еще только начата, и нам предстоит провести деревенские массы сквозь последний, самый большой профессионально-политический союз, сквозь великий крестьянский союз, чтобы, выставляя требование о передаче всей земли народу, нейтрализовать происки деревенской черной сотни и сделать крестьянство пригодным для организации в демократическую партию, которая пойдет об руку с партией рабочего пролетариата.

Тан.

В Кронштадте.

Дня три-четыре назад состоялся на площади большой митинг матросов, на котором был выработан и пред'явлен начальству ряд требований. Требования касались улучшения пищи, прибавки жалованья, сокращения срока службы и более свободного, более человечного режима. Главный начальник признал все требования законными и обещал принять меры к их удовлетворению. На следующий же день возбуждение и движение из флота перекинулись и на крепостную артиллерию. Был устроен громадный митинг артиллеристов и вообще пехотинцев, и на нем решено было пред'явить и к своему начальству требования, приблизительно тождественные с флотскими.

О том, как это сравнительно мирное движение перешло уже в открытое восстание, я передаю в различных версиях.

Первая — во время митинга артиллеристов один армейский офицер, видя толпы присутствовавших матросов, вскричал: „Вот они, зачинщики-то, вот кто бунтует нашу мирную армию“, и быстро сделал в толпу несколько выстрелов, которыми уложил одного или двух матросов. Этого было достаточно. Толпа, с криками: „Матросы, нас убивают!“, „к оружию!“,—встала как один человек. По рассказам же других дело было так. После митинга артиллеристов группа наиболее активных, выделявшихся солдат, матросов и штатских была заарестована и препровождена в какое-то помещение. Как только об этом пронесся слух, матросы, солдаты и рабочие толпами стали стекаться к месту заключения товарищей, требуя немедленного освобождения всех и угрожая в противном случае освободить всех силою.

Отряду солдат, охранявших тюрьму, приказано было, „патронов не жалея“, бить прямо в толпу. Раздалась команда. Солдаты выстрелили в воздух. Тогда один офицер выпустил по толпе шесть пуль. Кровь, трупы убитых товарищей возбудили толпу: „К оружию!“—раздался общий клич, и началось восстание. Быстро матросы и солдаты вооружились, быстро заставили прекратить всякие попытки сопротивления со стороны некоторой части армии, быстро завладели частью артиллерии. Мелкие военные суда (канонерки и пр.) оказались в их руках и к их услугам. Офицерство частью было перебито, частью же скрылось, переодевшись в солдатские шинели.

Но, вместе с восстанием, поднялись на поверхность все темные силы города, все подонки общества... Начались погромы богатых магазинов, буржуазных домов, квартир „начальства“. Вспыхнуло пожарище. Винные лавки (а их там очень много) были разгромлены. „Черная сотня“ и наименее сознательные матросы и армейцы перепились... Начались взаимные схватки и грабеж. Появилась дезорганизация... Нет общего плана. Масса, огромная масса пьяных, не сознающих момента.

Вчера и в прежние дни эскадры в Кронштадте не было.

В Кронштадте во время погромов, как нам сообщают, разгромлены, между прочим, офицерское собрание и библиотека — одна из лучших в России.

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Кронштадт, 28 октября (СПА).—Сегодняшний день прошел спокойно; ни беспорядков, ни стрельбы не было; пожары прекращены; прибыли баталионы 3 гвардейских, 4 армейских полков, артиллерийская часть, пулеметная команда. Патрули собирают по улицам матросов.

Кронштадт, 28 октября (СПА).—Последовательные факты минувших дней: 23 октября, после матросского митинга, последовал погром домов терпимости. 24 октября состоялся об'езд главным командиром флотских экипажей и пред'явление матросами своих требований. 25 октября произведен вторичный погром домов терпимости. 26 октября матросами произведена попытка отбить артиллеристов, задержанных за беспорядки, и произошли возмущения в некоторых ротах, артиллерии, крепостном баталионе и беспорядки в экипажах, вооруженное восстание, погром магазинов, 7 поджогов, погром морского собрания и морской библиотеки и бесчинства хулиганов. 27 октября погромы продолжались, и прибыли войска для укрощения бунтующих. 28 октября беспорядки приходят к концу, матросов начали обезоруживать. Число жертв беспорядков определить трудно, но во всяком случае оно меньше, чем казалось вначале под впечатлением ужасной стрельбы. В морском госпитале 20 убитых, 6 умерших от ран и 75 раненых. Есть убитые и раненые в других местах. Город имеет вид военного лагеря. Царит тишина.

Минск губ., 28 октября (СПА).—Вышел после четырехмесячной приостановки „Северо-Западный Край“ с прежней, строго марксистской программой.

Плоцк, 28 октября (СПА).—Забастовали наборщики типографии „Плоцких Губернских Ведомостей“.

Владимир, 28 октября (СПА).—В Орехово-Зуеве начался было еврейский погром, но в начале же стих. В других фабричных центрах везде тихо. Были небольшие волнения на экономической почве, но теперь все успокоилось. Во Владимире совершенно тихо.

Радом, 28 октября (СПА).—(Оф. корр.). — В Радомском и Козелецком уездах крестьяне рубят казенный и городской леса. Увещания не действуют. Посланы войска. Разгром гминных управлений и винных лавок местами продолжается. В городе пока спокойно.

Киев, 28 октября (СПА).—Здесь возникает новое периодическое издание—еженедельный журнал „Южная Неделя“, который явится органом рабочей партии.

Калиш, 28 октября (Оф. корр.).—Вследствие новых попыток хулиганов нарушить спокойное течение жизни в отдельных случаях, встреченных сопротивлением со стороны мирных обывателей, губернатором приглашены были свыше 100 обывателей на совещание. Мнения их разделились. Одни настаивали на военной охране, другие требовали увеличения полиции, третьи высказывались за учреждение милиции. Последнее ходатайство, как незаконное, было отклонено. Военная охрана признана желательной лишь в исключительных случаях более серьезного возмущения толпы. На усиление полиции нет средств у города. Собравшиеся просили губернатора подвергнуть затронутый вопрос особому обсуждению горожан, назначенному на завтра, после чего резолюция будет представлена губернатору.

Киев, 28 октября.—По окончательному официальному подсчету, число жертв во время манифестаций и еврейского погрома определилось в 47 убитых и 21 умерших от ран.

Казань, 28 октября (СПА). — Газеты вторую неделю не выходят вследствие забастовки наборщиков и типографских рабочих. Владельцы типографий ни на какие уступки не согласны.

Киев, 28 октября (СПА). — Начальник края генерал Сухомлин обратился к населению с воззванием: „Прибыв в Киев из заграничного отпуска и вступив в управление высочайше вверенным мне краем, я застал население города в состоянии крайней тревоги под влиянием недавних печальных событий. Такое состояние общества не должно продолжаться; при нем немыслимо спокойное течение гражданской жизни. В настоящее время для скорейшего проведения в жизнь преобразований, возвещенных высочайшим манифестом, необходима спокойная солидарная работа всех членов общества, и я прошу жителей города Киева иметь в виду, что я не допущу ни разгромов имущества, ни покушений на личную безопасность граждан, к какому бы сословию, званию или национальности они ни принадлежали“.

Коканд, 28 октября (СПА).—Забастовка кончилась, возобновилось движение железной дороги.

Варшава, 28 октября (СПА).—Забастовка продолжается. Утром часть лавок открылась, но в полдень опять закрылась. Фармацевты прекратили забастовку; аптеки открыты. По инициативе „Варшавского Курьера“ открыты две хлебопекарни для голодающего населения.

Кельцы, 28 октября (СПА).—В виду происходящих в Сосновицах беспорядков, туда отправлена 23-я конно-артиллерийская батарея.

Наборщики и служащие в типографиях, не желая прибегать к забастовке, устроили, совместно со своими хозяевами, собрание, в котором выработали ряд мер, клонящихся к улучшению своего быта и постановки типографского дела.

Луганск, 28 октября (СПА).—Вчера вечером дума избрала комитет помощи пострадавшим от погрома и ассигновала ему 1.000 руб. В городе идет подписка. Вопрос о городской милиции решен отрицательно.

Митава, 28 октября (СПА).—Против насильственного закрытия магазинов генерал-губернатором издано энергичное распоряжение по губернии, прекратившее деятельность агитаторов в этом направлении. Во избежание столкновений между партиями запрещены также всякие манифестации, хотя бы и патриотические. В городе совершенно спокойно.

Батум, 28 октября (СПА).—Постановлением генерал-губернатора вновь запрещено выходить на улицу после шести часов вечера, носить толстые палки и бурки, ездить на велосипедах, собирать сходки без соблюдения правил, опубликованных 12 октября. Виновные подвергаются законному наказанию. Ночью ходили по городу усиленные патрули.

Известие о смерти озургетского уездного начальника от взрыва бомбы не подтверждается.

Попрежнему сообщения нет, но ожидается прекращение забастовки, в виду разногласия между различными партиями.

Тифлис, 28 октября (СПА). — Наместник телеграфировал бакинскому генерал-губернатору принять безотлагательно самые энергичные меры для прекращения бесчинства черни и армянских погромов, напомнив чинам гарнизона, что священный долг солдата защищать и охранять граждан без различия их национальности.

Тифлис, 28 октября (СПА).—В Гурии испорчены железнодорожные пути и телеграф. На всем пространстве работают саперы. Партизанские отряды гурийцев ведут борьбу с казаками.

Кронштадт, 28 октября (СПА). — Сегодня Кронштадт об'явлен на военном положении с подчинением всех войск и администрации коменданту крепости.

Москва.

28 октября.

— Среди еврейского населения Москвы опять сильнейшее беспокойство по поводу упорно циркулирующих слухов о предстоящем еврейском погроме. Евреи опять выселяются из своих жилищ, переселяются в гостиницы или к своим знакомым-христианам. Особенно волнует московских евреев то обстоятельство, что по улицам Москвы ходит группа хулиганов и отмечает крестиками и какими-то иероглифами те дома, в которых, по любезно сообщаемым дворниками сведениям, живут евреи. Более состоятельные еврейские семьи торопятся покинуть Москву, оставляя свои квартиры на произвол судьбы.

— Из Твери сообщают, что союзными организациями составлены списки вдохновителей и участников гнусного тверского избиения, которые расклеены по улицам города. Во главе списка стоит фамилия губернатора Слепцова, полицеймейстера Киреевского, а затем идет перечень остальных „деятелей“, в числе которых значится бывший околоточный надзиратель, три бывших сыщика, трактирщики, много сапожников. В списке обозначены точные адреса избивателей и сообщается, что дальнейшие списки участников погрома будут на-днях опубликованы.

— В виду того, что московская городская дума отклонила вопрос об организации городской милиции, торговцы-владельцы магазинов на Петровке решили организовать свою собственную охрану своих предприятий. С этой целью предложено вооружить до 800 приказчиков, из них 500 человек будут вооружены револьверами, 300 человек вооружатся винтовками. Охрана будет чередоваться с таким расчетом, чтобы от нее не страдала торговля из-за отсутствия приказчиков.

— Профессор Ростовцев, письмом в редакцию „Русских Ведомостей“, настаивает на необходимости уничтожить форму в высших учебных заведениях.

— В комиссию по редактированию политических брошюр для народа, издаваемых на городские средства, избраны профессора: Мануилов, Вернов, Спижарный, Кишкин и присяжный поверенный Столповский.

— Начальник Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги г. Валуев разослал по линии циркулярную телеграмму, в которой предлагает всем служащим и рабочим обсудить свои нужды и сообщить ответы на следующие вопросы: 1) какие желательно установить наименьшие оклады и наименьшую заработную плату; 2) как и в каком размере и через какие сроки желательно производить прибавки жалования и прибавки заработной платы; 3) какое желательно установление рабочего времени; 4) высказать свои соображения по вопросу квартирному и обмундировочному. Во всех ответах г. Валуев просит точно указывать цифры.

— В московском городском управлении вырабатывается соглашение с военным ведомством о предоставлении в распоряжение города манежа для устройства в нем народных митингов.

— Довольно большая группа хулиганов ходит по московским магазинам и цинично и грубо требует пожертвований на „черную сотню“. Зарегистрированы случаи приставания той же банды к отдельным прохожим по улицам.

— Редакция „Вечерней Почты“ в течение одной недели собрала в пользу Стачечного Комитета, из одних только мелких пожертвований, 1.500 рублей.

— Вчера, во время представления, в Солодовниковском театре произошел следующий инцидент: публика в середине спектакля стала требовать исполнения „Марсельезы“. Тогда из директорской ложи встал директор театра и громко во всеуслышание заявил, что „Марсельеза“ не может быть исполнена в его театре. Публика, однако, не смутилась этим заявлением и продолжала настаивать на исполнении „Марсельезы“, не давая возможности продолжать спектакль. В конце концов, оркестр должен был сыграть „Марсельезу“.

Заседание думы.

Заседание 28 октября открылось заявлением Бари и Азарьева; по поручению думы они произвели расследование истории о покупке ножей и убедились, что в указанной в газетах лавке 600 ножей не было куплено.

Затем председательствующий М. В. Красовский читает заявление Елизарова.

Гл. Елизаров заменяет председателя ревизионной комиссии Иващенко. Пробыв в этой должности некоторое время, Елизаров пришел к убеждению в полной невозможности работать в ревизионной комиссии.

В об'яснениях мотивов, приведших Елизарова к такому решению, обнаружилось одно из многочисленных безобразий в городском хозяйстве.

Ревизионная комиссия, оказывается, состоит из 18 человек, получающих до 2.400 р. в год. Председатель Иващенко, радея „своим человечкам“, скомплектовал ревизионную комиссию из чиновников министерства финансов, где он занимает видное положение. На ревизионную комиссию г. Иващенко имеет весьма определенный взгляд: для него она является испытанным средством для вещественного доказательства своего расположения к тем или другим подчиненным.

Подчиненные, облагодетельствованные столь „убедительным“ путем, во взгляде на ревизионную комиссию солидарны со своим „благодетелем“. Рассказ г. Елизарова о том, как они исполняют свои обязанности в комиссии, вносит в собрание веселое настроение:

— Я прихожу в комиссию. Пусто. Часам к одиннадцати являются какие-то господа с портфелями. До 12 часов толкаются без толку. В 12 начинается закусывание. А затем все

незаметно исчезают. Жду до 4-х часов. Никого. Ну, и я ухожу. Никто ничего не знает, что им делать, да и не хотят и думать об этом.

Далее действительность, нарисованная Елизаровым, носит уже прямо анекдотический характер.

— Из газет я узнаю, что городские сборщики растратили 10.000 рублей. Призываю делопроизводителя ревизионной комиссии — Миляева.

— Как же, — спрашиваю, — до сих пор не знали?

— Да много работы.

— За сборщиками наблюдает кто-нибудь?

— Да контролеры.

— Сколько их?

— 12 человек (каждый получает по 1.200 р. в год).

— А за ними кто наблюдает?

— Старший контролер (2.600 р. в год).

— Кто это?

— Я.

В зале хохот.

— Значит, он и в ревизионной комиссии, он и контролер. Ревизор Миляев проверяет Миляева контролера.

Но окончательно развеселилось собрание, когда узнало, что Миляев, в виду „обилия занятий", хлопочет о прибавке 2.400 р. в год.

Вероятно оттого и случилась растрата, что во-время не догадались прибавить. Обменялись прениями довольно таки бессодержательными.

В словопрении потонул и стушевался самый вопрос. Для приличия решили потребовать у Иващенко по приезде его отчет, а пока упросили Елизарова остаться.

На этом успокоились и приступили к обсуждению вопроса о мерах предупреждения готовящегося избиения. Последовал ряд предложений: лекции, проповеди, воззвания и т. д., все в том же духе.

Гл. Л. В. Ходский предложил обязать домовладельцев воздействовать на дворников, несомненно принимающих видное участие и действующих в компании с хулиганами.

Гл. Редько вступается за честь и достоинство дворников и так горячо протестует против обвинения дворников, как будто задето его личное достоинство.

Затем пошли разговоры, — и в результате является предложение расклеить воззвание от имени думы.

Поговорили, впрочем, по этому поводу не мало; огромное большинство высказывалось за воззвание, а когда подвергли закрытой баллотировке, голоса разделились поровну.

Затем доходят до вопроса, который отодвинули на конец, вместо того, чтобы приступить к нему с самого начала: выслушать ли депутации от студентов. К этому времени некоторые депутации, напр. от университета, не дождавшись результатов, успели уйти. Остались лишь депутаты от политехнического института.

Выслушать ли их?

Последовал неясный гул—не то одобрения, не то отрицания. Гласный Кабат предлагает спросить у них полномочий, если они являются от имени студентов.

Это предложение проваливается. На открытую баллотировку ставится вопрос о допущении их.

— Кто против — прошу встать!

Некоторые начинают ерзать, но только у двоих хватает мужества встать. Это — архитектор Кондратьев и инж. Архангельский.

Депутация принята.

Один из депутатов читает постановление сходки студентов политехнического института.

„Сходка студентов Петр. политехнического института, принимая во внимание целый ряд насилий со стороны черной сотни над гражданами вообще и над учащимися в частности и не находя способа оградить неприкосновенность личности граждан, в виду полного бездействия, а зачастую и содействия черной сотне полиции и войск, предлагает городскому самоуправлению упразднить ныне действующую городскую полицию, организовать милицию из граждан при полной готовности со стороны студентов стать первыми в ее ряды".

Депутат закончил призывом к гражданским чувствам думцев и выразил уверенность, что дума обратит должное внимание на крайне важный и острый вопрос.

Дума оказалась на высоте своих традиций: постановила принять к сведению заявление студентов и сообщает, что в будущем собрание рассмотрит заявление студентов. Будущее заседание состоится в среду, а избиение назначено на 30 октября.

Дума, конечно, не виновата в том, что черная сотня поторопилась.

Спустя несколько минут один из депутатов взволнованно сообщает, что сейчас в Лесной отправился отряд черной сотни.

Это заявление не производит почти никакого впечатления. Председатель указывает на поздний час и необходимость рассмотреть еще ряд „неотложных вопросов".

Гг. Азарьев и Кедрин призывают к немедленному принятию мер — Кедрин предлагает сейчас требовать от градоначальника принять меры.

И опять пошли разговоры.

В конце концов дума постановила немедленно командировать голову к градоначальнику.

Градоначальник ответил городскому голове, что никаких беспорядков не ожидается, но что на всякий случай все меры приняты, и везде, в особенности в те места, где живут студенты и евреи, размещена сильная охрана. Соответственно этому по городу и расклеиваются об'явления.

В заключение избираются делегатами на с'езд в Москве: Лерхе, Люстих, Лихачев и Старицкий.

Правительственное сообщение.

В обращаемых к правительству заявлениях по поводу происходящих беспорядков повторяются беспрестанно указания на искусственное возбуждение или поддержку их администрацией. Правительство категорически об'являет, что со стороны центральных учреждений все распоряжения клонились лишь к одной цели — поддерживанию спокойствия и порядка. В тех случаях, когда представлены будут достоверные сведения об организации или поощрении полицейскими чинами насилий над личностью и имуществом кого-либо, произведено будет тщательное расследование, и все возможные меры к устранению повторения подобных случаев будут приняты.

Однако, серьезность переживаемых обстоятельств должна заставить всех отдать себе отчет в происходящем. Как бы основательны ни были жалобы и нарекания на действия отдельных чинов администрации и полиции и допуская, что они подтвердятся, такая деятельность названных чинов не могла бы служить единственной или даже главной причиной тех поражающих явлений, которые происходили в эти дни на всем пространстве России. Рядом донесений и сообщений рисуются совершенно тождественные повсюду ход беспорядков, внезапность их и сила. Эти сведения дают основание полагать, что люди, утомленные стачками и отсутствием порядка и безопасности, не наступивших и после издания манифеста 17 октября, проявляют свое недовольство в тех резких и тяжелых формах, в которых обыкновенно совершаются подобные народные движения.

Ко всем вопросам этим правительство считает своей обязанностью относиться совершенно беспристрастно и оказывать помощь и защиту в равной мере всем, кто в них нуждается; но оно признает невероятным, чтобы опасность дальнейшего возбуждения страстей народных масс не была для всех одинаково очевидна. Основаниями гражданской свободы должны быть уважение к жизни, собственности и личным правам других и повиновение законности и порядку. Конечно, при отсутствии в самом населении ярко проявленного в этом направлении настроения никакие лучшие намерения правительства не могут возместить этот недостаток, и гражданская свобода, дарованная в принципе, может остаться вне всякого житейского применения. Точно так же враждебные отношения крайних политических партий и безучастие умеренных, которое проявилось при обращении правительства к активной их поддержке, создают положение вещей, неблагоприятное для введения реформы. Но правительство не может допустить и мысли, чтобы русский народ или какая-либо его значительная часть сознательно предпочитали беспорядок порядку, внутреннее междоусобие мирному, правомерному развитию. Поэтому совет министров, вступающий ныне в действие, приложит все силы к осуществлению воли Государя Императора. Но надо, чтобы он имел возможность работать, направив все свое внимание к успешному выполнению возложенной на него задачи. К созданию условий, которые

обеспечивали бы возможность такой правильной работы, должны стремиться все те, кто желает развития начал, указанных Его Императорским Величеством во Всемилостивейшем Манифесте 17-го октября.

От С.-Петербургского Агентства.

По поводу помещенного в № 10644 „Нового Времени“, от 28 сего октября, письма, подписанного представителями казачества, находящегося в Петербурге, мы уполномочены вновь заявить, что граф С. Ю. Витте не может принимать на себя ответственности за все появляющиеся без его ведома в газетах сообщения о высказываемых им мнениях и взглядах.

Воззрения правительства, коего представителем эти дни по необходимости был, главным образом, граф Витте, а отныне будет вступающий в обязанности свои совет министров, излагаются в правительственных сообщениях (СПА).

От С.-Петербургского градоначальника.

По городу распространяются слухи о предстоящих в Петербурге беспорядках. Тревога эта поддерживается и печатью. Фактических данных, которые подтверждали бы подготовку в Петербурге беспорядков, у градоначальника не имеется. Тем не менее, предупредительные меры приняты, и если бы попытки к беспорядкам с чьей бы то ни было стороны действительно последовали, то таковые будут немедленно подавлены.

(П.А.).

От собрания Союза союзов 3-х районов: Коломенского, Василеостровского и Литейного.

По городу упорно циркулируют слухи о погромах, направленных против жизни и имущества обывателей, главным образом интеллигенции, учащейся молодежи и евреев.

На защиту полиции и войск рассчитывать нечего!

Примерами других городов это уже достаточно доказано. По всей России уже происходят погромы, грабятся имущества, отнимаются последние средства к существованию и льется кровь не только мужчин, но и беззащитных женщин и детей. Петербургу грозит участь Харькова, Одессы, Твери, Томска и других городов.

Озабоченные мыслью спасти себя и обывателей Петербурга от ужаса черносотенного террора, мы обращаемся ко всем обывателям Петербурга, кому дорога жизнь родителей, жен и детей, кому дорога своя собственная жизнь, как кормильца семьи.

Мы предлагаем гражданам города Петербурга образовывать дружины самозащиты, которые необходимо расположить в различных районах города.

Тем же, кто не находит для себя возможным вступить в число дружинников, предлагаем самим организовать группы лиц по отдельным домам, что является необходимым, так как в настоящее время нет возможности доверять дворникам охрану домов и жилищ.

Все квартиронаниматели должны об'единиться и стараться всеми силами не давать возможности черносотенным элементам проникать в дома в целях разгрома и убийств.

Граждане! В переживаемое нами тяжелое время никто из нас не может быть уверен в завтрашнем дне — надейтесь только на себя — организуйтесь.

Хроника.

— К вопросу о веротерпимости. Министр юстиции внес в Государственный Совет законопроект „о согласовании некоторых постановлений уголовного законодательства с указом 17 апреля 1905 года об укреплении начал веротерпимости и о введении в действие второй главы нового уголовного уложения ранее введения его в полном составе“. Законопроект этот будет утвержден в Государственном Совете впредь до открытия Государственной Думы.

— Товарищ министра юстиции, А. А. Хвостов, и управляющий межевой частью, Н. Д. Чаплин, оставляют свои посты; заместителем А. А. Хвостова называют директора первого департамента министерства юстиции И. Г. Щегловитова.

— Скорый суд. Из представленной в высочайше учрежденное особое совещание для пересмотра действующих учреждений Правительствующего Сената записки обер-прокурора первого департамента видно, что в 1899 году оставалось нерешенных дел 3.569, в 1900 году — 4.969, в 1901 году — 6.975, в 1902 году — 9.095, в 1903 году — 11.566, в 1904 году — 12.090. Ежегодное поступление дел определяется автором записки в 12 с лишком тысяч, число же докладчиков равняется 12.

— 28 октября, под председательством ректора университета И. И. Боргмана состоялось совещание директоров с.-петербургских высших учебных заведений, посвященное исключительно ненормальному положению высших учебных заведений.

Совещание постановило обратиться к правительству с заявлением о необходимости скорейшего осуществления в столице права собраний, свободы слова, неприкосновенности личности, одним словом, всего того, что обещано в манифесте 17 октября. Собрание выбрало делегатов, которым поручено лично передать постановление совещания председателю совета министров С. Ю. Витте.

Кроме этого, собрание постановило обратиться к городскому управлению с просьбой пойти на помощь в организации митингов, т. е. в предоставлении для них соответствующих помещений. Делегатами избраны профессора: Боргман, Воронов, Белелюбский, Салазкин, Фаусек и Гагарин.

— Жертвы освободительного движения. Проходившие по Литейному проспекту 28 октября, около 2 часов дня, были свидетелями интересного шествия: из Симеоновского переулка вышла и свернула по направлению к окружному суду группа приблизительно в 15 человек матросов с котомками, без всякого оружия; группа эта была окружена отрядом солдат. Проходивший в это время прис. пов. Б. снял шляпу и замахал матросам, на что последовал грубый окрик конвоирующих: „проходи, проходи!“. Спустя не более пяти минут показался другой такой же отряд; в этом отряде матросов было уже около 25 человек, а солдат около 80. Обе партии направились по направлению к выборгской тюрьме.

— В Преображенском полку современные события отразились довольно оригинальным образом. С 13 октября по 31 все строевые получают прибавку: рядовые—по 15 коп. в день; унтера—по 30 коп. Обычная порция мяса с 1/2 фунта возросла до 3/4 в день, а по утрам, вместо черного хлеба, выдается каждому по 1 ф. ситного. Словом, откармливают, чтобы „лучше били“, как выражаются сами солдаты.

— Убийца. С 17-го на 18-ое октября возле технологического института корнет конногвардейского полка Александр Ильин зарубил шашкой студента N, своего бывшего товарища по гимназии. Обстановка убийства следующая. Когда студент обратился к корнету с речью подумать, что он делает, и именем их прошлого уговаривал его прекратить резню, то корнет ударом шашки свалил студента с ног. Через несколько секунд студент поднялся и побежал. Ильин пришпорил лошадь, нагнал убегавшего и вторым ударом шашки зарубил его на смерть. С окровавленным оружием корнет возвратился домой и, показывая его отцу, фабриканту известного картографического заведения (Пряжка, 5), нагло хвалился своим преступлением.

— К „покушению на убийство“ жандармского генерала Шмакова. „Новое Время“ в № 10.642 продолжает травить юношу Александра Смирнова, нанесшего царапину жандармскому ген. Шмакову 18 октября у Царскосельского вокзала, после ружейных залпов семеновцев. Случай этот уже был описан во всех газетах. Необходимо лишь добавить следующее.

После того, как у безоружного Смирнова жандармы уже искромсали шашками правую руку и всю спину, на него „геройски“ набросился заведующий полицией Царскосельской линии, жандармский полковник Евстафьев, и несколько раз рубанул обнаженной шашкой истекающего кровью симпатичного юношу. И это после того, когда Смирнов заявил: „Я сдаюсь“. Затем, когда Смирнова вели на вокзал, Евстафьев грозил при-

стрелить Смирнова и все время с ним возмутительно обращался.

Напрасно сам Евстафьев умалчивает о той благородной роли, которую он сыграл, „защищая“ своего начальника Шмакова.

— Охрана охранного отделения. Во время всероссийской забастовки у знаменитого дома Пушкина (Мойка, д. 12), где помещается охранное отделение, наблюдалось необычайное оживление. Помимо агентов наружной полиции, здесь расхаживало много агентов сыскной полиции. Проход по панели у этого дома публике был запрещен, так как были расставлены рогатки. Обитатели дома опасались разгрома и приняли все меры к охране его. Во дворе находился все время эскадрон жандармов во главе с офицером. Несколько дней тому назад большинство тайной охраны было снято. В подвальном этаже окна с улицы заколочены досками, с маленькими просветами.

— Охрана Гостиного двора. До настоящего времени внутри Гостиного двора для охраны его находятся солдаты. Все гостинодворские купцы в складчину уплачивают военному ведомству по 40 руб. в сутки. Охрана существует со дня общей политической забастовки.

— На высших женских курсах. Охрана снята.

— В лейб-гвардии саперном батальоне произошел 28-го октября следующий инцидент. Солдатам в 12 ч. дня было приказано итти на обед. Явившись на кухню и узнав, что на обед приготовлен один только горох, без мяса, солдаты категорически отказались получить обед и удалились. Начальство пыталось уговорить солдат „не бунтовать“, но это ему не удалось. Солдаты, у которых не было своих денег на покупку еды, предпочли голодать, чем отказаться от своего решения. Следует прибавить, что с 5 час. утра солдаты грузили на военном цейхгаузе казенное имущество. После тщетных попыток уговорить солдат с'есть сваренный обед, начальство распорядилось сварить вечером по $^1/_2$ ф. мяса на человека.

— Среди тружеников печатного дела, работающих в государственной типографии, вновь началось брожение, вызванное главным начальником типографии Чунихиным, бывшим начальником выборгской тюрьмы, предполагающим ввести с 1 ноября десятичасовой рабочий день, взамен ныне установившегося девятичасового.

— По достоверным сведениям, добытым одним прис. повер. из прокуратуры, Анна Вал. Надеждина, привлекавшаяся по делу „мартовцев“ (покушение на Трепова), на-днях будет выпущена из Петропавловской крепости. Прокуратура в этом отдельном случае дала заключение по 125 ст. Если суд с этим согласится, тов. Надеждина будет освобождена по амнистии. В Петропавловке осталось еще более двадцати человек „мартовцев“.

— 28 октября в Петербург приехал из-за границы М. А. Рейснер, не имевший больше года возможности жить в России.

— Неприкосновенность жилищ. 27-го октября в академии наук состоялось собрание академиков по вопросу о вооруженной „охране“ академии. Совершенно для себя неожиданно в роли неблагонамеренных очутились г.г. академики. По распоряжению ген. Трепова, академия тщательно охраняется войсками, которые в воскресенье не впустили в здание академии занимающихся в ней академиков и служащих под тем предлогом, что в праздник не должно быть никаких занятий. Собрание решило потребовать снятия „охраны“ и, если это требование не будет удовлетворено, обжаловать действия генерал-губернатора или лица, его заменяющего, в сенат.

— После амнистии. Из ссылки вернулись политические: Шаманин Павел, Шульман Константин (из Вологды), Сергеев Иван (из Грязовец, Вологодской губ.). Освобождены политические заключенные: Дурново Евг. (поруки 400 р.), Панфиленко (поруки 75 р.), Чураков (поруки 100 р.). В больнице св. Николая Чудотворца в настоящее время томятся четыре политических заключенных: Татьяна Леонтьева, Григорий Агапов, Моисей Пожацкий и Мендель Розенбаум. К Вере Николаевне Фигнер, освобожденной в прошлом году после 22-летнего заключения в крепости и в настоящее время находящейся в имении Казанской губернии под надзором полиции, указ об амнистии почему-то до сих пор не применен. Находящиеся при ней „дозорные“ до сих пор не удалены. („С. О.“).

— О. Иоанн Кронштадтский в виду последних событий спешно покинул Кронштадт.

— Совещание железнодорожных служащих. Служащие правления Рязанско-Уральской железной дороги, в виду настойчиво циркулирующих слухов о предстоящем 29 октября разгроме еврейских жилищ, постановили собраться для совещания относительно мер в случаях нападения громил на квартиры кого-либо из служащих правления. Собрание состоялось в четыре часа дня, 28 октября, в помещении правления. На собрании постановлено образовать охрану из собственных служащих, соответственно вооруженных. Охрана квартир семейных служащих возложена на бессемейных служащих.

— Благодаря настойчивым хлопотам тов. Рохлина-Раколина, тов. Розенбаум освобожден из больницы Николая Чудотворца.

— Из товарищей эмигрантов вернулись уже в Петербург, воспользовавшись амнистией, г.г. Парвус, Мартов и Мартынов.

— В „Крестах“ сидел тов. И. Зайцев. Незадолго до об'явления „амнистии“ он начал страдать галлюцинациями, почему и просил перевести его в больницу, в общую палату. После многочисленных просьб, администрация обещала перевести его вместе с одним товарищем в больничную камеру. Однажды вечером за ним явились надзиратели и увели его в больницу. Администрация сдержала свое обещание: тов. Зайцев просидел всю ночь в общей камере с двумя сумасшедшими. На волю он вышел совершенно разбитым, с потрясенными нервами и расшатанным здоровьем. О его судьбе до сих пор ничего неизвестно. Кто знает о нем что-нибудь, пусть сообщит в совет присяжных поверенных (Сергиевская, 13), от 12 до 3 ч. дня.

— Иллюстрация к „приказу“ Трепова. В магазине Трейдена (на Невском) выставлена остроумная миниатюра-акварель: пирамида, составленная из боевых патронов, и внизу подпись: „Не жалеть!“.

— Совет русского женского общества обратился к графу С. Ю. Витте с запросом: подразумеваются ли в манифесте от 17 октября в числе допущенных к избирательным урнам и женщины, или половина населения России попрежнему лишена избирательного права. Граф Витте уведомил председательницу совета, что „при издании высочайшего манифеста 17 октября вопрос о предоставлении лицам женского пола избирательных прав не обсуждался“. В виду этого, совет женского общества решил продолжать свою деятельность к достижению политических прав женщин.

— Управляющий экспедицией заготовления государственных бумаг г. Голицын сегодня подал прошение об отставке.

— 27 октября состоялось частное собрание членов союза инженеров, на котором обсуждался вопрос об организации милиции. Принят ряд решений немедленной организации самообороны.

— Бюро студентов военно-медицинской академии по организации и созыву сходок и митингов и группа младших преподавателей академии всероссийского академического союза назначает на субботу, 29 октября, в 2 часа дня, в помещении Пироговского музея (Б. Сампсониевский, 2), общее собрание студентов и персонала младших преподавателей академии для выяснения вопросов, связанных с настоящим моментом.

— Оклады высших сановников. Самый большой оклад присвоен нашему послу в Турции, Зиновьеву: он получает 77 тысяч в год; затем по 75 тысяч рублей получают послы Нелидов, граф Остен-Сакен и князь Урусов. Муравьев, бывший министр юстиции, ныне посол в Италии, получает 60 тысяч. Министру иностранных дел графу Ламздорфу ассигнуется по 34 тысячи. 33 тысячи полагается посланнику в Голландии Струве. Оклад в 30 тысяч присвоен графу Витте. Граф Сольский получает 24.400 рублей; председатель д-та законов государственного совета Фриш получает жалованье в размере 22.500 рублей. По 22 тысячи получают: Победоносцев, князь Хилков, Ермолов и Горемыкин. Член государственного совета граф Пален и статс-секретарь Куломзин получают по 21.600 рублей. Ровно 21 тысячу получает Герард.

— Частные артельщики, состоящие при биржевых артелях (многочисленный класс служащих, совершенно необеспеченный, и служащих без залога), решили организоваться в особый профессиональный союз для защиты своих интересов. Первое общее собрание назначено на 6 ноября; о месте заседания будет об'явлено в газетах особо.

— Земство „заботится“ о крестьянах. В интересах защиты бедных крестьян, возбуждался неоднократно вопрос об учреждении при петербургской уездной земской управе консультационного бюро помощников присяжных поверенных. Гласный думы Н. А. Оппель еще в 1902 году возбудил ходатай-

ство пред данной управой о необходимости отведения комнаты для бюро. И вот 16 ноября 1902 г. за № 2674 следует ответ из управы Н. А. Оппелю: „У нас лишних комнат нет". Через 3 года Н. А. Оппель снова возбудил ходатайство о крайней необходимости отвести одну комнату в интересах крестьян. И что же?.. 12 сентября с. г. за № 1989 уездная управа снова отвечает Н. А. Оппелю, что „нет помещения".

— В четырех верстах от ст. Саблино, Николаевской железной дороги, в имении, принадлежащем г. Хитрову, работники этого имения, притесняемые управляющим, пред'явили ему ряд различных требований об увеличении заработной платы и улучшении пищи. Управляющий требований этих не исполнил. Рабочие забастовали и выбили несколько стекол в доме управляющего. Это дало повод ему просить для усмирения бунтующих рабочих в имении казаков, и вот теперь по Саблину „раз'езжает взвод этих усмирителей, пугая мирных обывателей".

— Многие петербургские гостиницы переполнены еврейскими семействами, переселившимися в эти „крепости" из своих квартир, которые предполагают атаковать рыцари „черной сотни". Владельцы гостиниц, по слухам, собираются поднести благодарственный адрес представителям черного ордена, с покорной просьбой и впредь не оставлять их своей милостью.

— Посетителям публичной библиотеки, как известно, не выдаются те из русских книг, которые вошли в министерский index librorum prohibitorum (указатель запрещенных книг), а из иностранных — все те книги, которые входят в издаваемый комитетом цензуры иностранный список книг, запрещенных к обращению в России.

Запрещение это, после обнародования манифеста 17 октября, не имеет никакого основания, а между тем, насколько нам известно, никакого распоряжения, которым бы российскому гражданину разрешалось заглянуть в „святое святых" библиотеки, до сих пор не сделано. Полагаем, что администрации публичной библиотеки следовало бы немедленно принять меры к тому, чтобы все без исключения книги богатого книгохранилища библиотеки выдавались всем желающим с ними ознакомиться. Ведь, время нелепых запретов на мысль и слово уже миновало.

— Самоуправство. Газетчики окраин Петербурга и даже таких мест, как Семеновский, Измайловский полк, Сенная площадь, Никольский рынок, Коломна, у Нарвских ворот, жалуются, что полиция бесцеремонно отнимает у них номера газеты „Новая Жизнь".

— В некоторых киосках Пташникова 1-ый номер газеты „Новая Жизнь" продавался без приложения, при чем продавцы на запросы публики отвечали, что они вынимают и уничтожают эти приложения, так как „там пишут бунтовщики". Это приложение заключает в себе программу Социал-Демократической Рабочей Партии. Не может ли контора киосков Пташникова дать более осмысленную мотивировку своего насилия?

— Комиссия, избранная на предварительном совещании 22-х издательских фирм, состоявшемся 26 октября, приглашает все книгоиздательские фирмы Петербурга прислать своих уполномоченных на общее собрание, имеющее быть в понедельник, 31 октября, в зале общества технологов (Английский пр., д. 45), в 8 час. вечера. Предмет обсуждения — учреждение союза книгоиздателей для осуществления свободы печати по отношению к периодическим изданиям.

К погрому.

— В борьбе с погромами. Знаменитая комиссия, избранная петербургской думой для выработки мер к устранению предстоящего разгрома, 24 октября приступила к исполнению своей задачи. Помимо членов комиссии, в заседании участвовал архимандрит Михаил... Комиссия, как известно, представляет весьма любопытную смесь людей самых разнообразных направлений. При избрании своем комиссия, как на средстве борьбы, остановилась на чтении лекций, которыми предполагалось, повидимому, наставить на путь истинный черносотенцев и хулиганов. Эта мера, однако, подверглась резкой критике со стороны г. Оппенгейма. Выступив против этого, почтенный гласный заговорил по обыкновению весьма пространно. Раскритиковав все предложенные комиссией меры, Оппенгейм предложил более целесообразную: обратиться к православному духовенству. Далее он нарисовал картину действия духовенства: оно будет проповедывать в храмах и школах; будет устраивать процессии

Всеобщая политическая забастовка в Западной Европе.

(Историческая справка.)

Пролетарские социал-демократические партии начали образовываться в Западной Европе, когда известный минимум политической свободы имелся уже налицо. Для них, следовательно, речь шла уже о возможно большем расширении и упрочении народных прав и вольностей.

Если непосредственные, повседневные экономические интересы различных групп пролетариата — бесконечно разнообразны, то политические интересы его едины. Политическая борьба поэтому есть борьба по преимуществу обще-пролетарская, массовая. Вполне естественно, что в этой области западно-европейский пролетариат выдвинул и самую массовую форму борьбы — всеобщую политическую забастовку.

Последняя — явление относительно новое; Западная Европа познакомилась с ним лишь в последнем десятилетии истекшего века. За это время в различных странах Западной Европы произошло пять всеобщих политических забастовок. Все они ставили себе целью расширение и упрочение политической свободы, но имели различный успех.

* * *

Единственная страна, успевшая пережить за последние двенадцать лет две всеобщие политические забастовки, — это Бельгия.

Бельгийская рабочая партия первая в международной семье пролетарских партий прибегла к этому оружию в 1893 г. Целью всеобщей политической забастовки в этом году было завоевание всеобщего и равного избирательного права. Партия добилась значительного, но неполного успеха. Вторично бельгийский пролетариат выступил на этот путь борьбы в 1902 г. и потерпел полное поражение.

По бельгийской конституции избирательным правом пользовалась до 1893 г. лишь ничтожная кучка торгово-промышленной и землевладельческой буржуазии. Поэтому, когда молодая пролетарская партия подняла знамя борьбы за всеобщее и равное избирательное право, она встретила горячее сочувствие и поддержку в широких демократических слоях населения. Призыв к всеобщей политической забастовке был сделан генеральным советом партии накануне того дня, когда в палате депутатов должен был рассматриваться вопрос о расширении избирательного права. Целью забастовки было оказать мощное давление на буржуазию в лице ее тогдашнего представителя — палаты депутатов. Призыв подействовал как нельзя лучше, и на другой день торгово-промышленная жизнь замерла во всех больших городах и в промышленных центрах. Это был блестящий результат целого ряда

и т. д. По мнению оратора, на духовенство единственная надежда. Собрание, не очень требовательное, и к этому предложению отнеслось серьезно. Отец Михаил заметил, что достигнуть этого не трудно, ибо 36 священников, обратившихся недавно с воззванием, почтут своим долгом принять участие в умиротворении населения по системе, изображенной комиссией. Комиссия, однако, не удовлетворилась одной только этой мерой. Этого мало. Сидели, сидели и порешили, помимо проповедей, организовать собрания, в которых производились бы чтения на политические темы — т. е. вернулись опять-таки к чтениям. Комиссия упустила из виду два весьма существенных обстоятельства: во-первых, разгром назначен на 30-е число, а проповеди и лекции еще должны быть санкционированы думой, что последует, повидимому, не скоро, а во-вторых, пожелают ли черносотенцы и хулиганы посещать эти „митинги". В виду этого, для плодотворности деятельности комиссии я вношу к ее сведению следующие два предложения: 1) обязать всех черносотенцев и хулиганов посещать эти проповеди и 2) попросить этих рыцарей отложить разгром до тех пор, пока их зверские чувства сменятся голубиной кротостью.

Л.

— Родители учеников гимназии и реального училища К. Мая получили вчера следующее об'явление: „В виду восстания матросов и сухопутных войск, происшедшего сегодня, 27 октября, в Кронштадте и могущего перебросится в Петербург, нахожу опасным собирать завтра для занятий учеников в гимназии. Директор гимназии и реального училища К. Мая, В. Кракау". Он же извещал родителей учеников о начале занятий со вторника 25 октября, „но при этом считал долгом указать, что при общем возбуждении и раздражении одной части населения против другой он фактически бессилен гарантировать безопасность учеников не только вне стен, но и в стенах учебного заведения".

— Указание на то, что в организации погромов и в текущих событиях в Кронштадте принимали участие и представители офицерства („Нов. Жизнь" № 2), вызвало заявление в редакцию от 3-х морских офицеров в том смысле, что офицерский корпус в его целом ни в коем случае не мог принимать какого-либо участия в разгроме Кронштадта.

— Утром 29 октября к В. С. Смородину, проживающему на Петербургской стороне (Ординарная ул., д. 3-а, кв. 36), явился старший дворник и заявил ему, со слов околоточного, что в одну из ближайших ночей будут избивать „жидов", в виду чего и просил предупредить сестер Фарбер, снимающих у Смородина комнату, чтобы они немедленно переехали из этого дома. На вопрос квартирохозяина, куда именно они должны выехать и где они могут считать себя в безопасности, дворник ответил, что, по его мнению, „в другой губернии им будет лучше".

— В флотских экипажах. Почесть организации еврейских погромов принадлежала почти исключительно полиции. В настоящее время лавры ее, повидимому, воспламенили и чинов морского ведомства. По крайней мере 22 октября один адмирал в 18 флотском экипаже убеждал матросов, что все беспорядки в стране происходят исключительно благодаря „жидам", что последних следует беспощадно бить. Впрочем, надо отдать справедливость адмиралу,—он разрешил бить не только „жидов", но и всех, кто решился бы начать разговоры с матросами о политике. Адмирал при этом обещал полную безнаказанность нижним чин. Из 18 экипажа адмирал направился в 14-й с той же целью. Однако, здесь нашелся смельчак, который решился противоречить адмиралу. Разумеется, он был немедленно схвачен и посажен под арест.

— Флотский офицер г. В. 18 флотского экипажа ведет, как нам сообщают, среди солдат деятельную агитацию, рекомендуя матросам присоединиться к „черной сотне" и итти громить евреев и интеллигенцию.

— Евреи, живущие в районе Вознесенского проспекта, сообщили местному приставу о своих опасениях погрома со стороны „черной сотни", назначенного на 29 октября.

Пристав поклялся, что не даст обидеть ни одного еврея, подведомственного его участку. Снесясь по телефону с градоначальником, пристав заявил, что, по распоряжению ген. Дедюлина, в дома с особенно скученным еврейским населением будут отправлены несколько рот солдат для защиты от „черной сотни". Солдаты будут размещены по квартирам евреев, предоставивших для этой цели свои помещения.

Харчи ротам должны предоставить евреи. Последние приготовили уже все, чтоб встретить дорогих „гостей".

— 27 октября на Садовой ул. можно было наблюдать не безынтересную сценку.

лет пропаганды и агитации, энергии которых трудно найти что-либо равное в истории пролетариата.

Впервые в этой истории рабочий класс воспользовался орудием стачки против буржуазного государства. И, как это всегда бывает, когда пролетариат выдвигает новое средство борьбы, — как это было и в различных странах Западной Европы при первом праздновании пролетариатом 1-го мая в 1890 г.,—страх охватил правящую буржуазию и значительно парализовал ее волю.

Она ответила пролетариату обычными своими средствами—полицией, армией, тюрьмой, но все же предпочла пойти на уступки перед лицом массового движения, в результате которого ей уже рисовались ужасы социальной революции. Бельгийский пролетариат одержал победу наполовину: палата приняла всеобщее, но решительно отвергла равное избирательное право.

Борьба за уравнение политических прав возгорелась с новой силой и в 1902 г. Генеральный Совет партии снова призвал бельгийский пролетариат ко всеобщей политической забастовке. 300.000 рабочих ответили на этот призыв. Но бельгийская буржуазия, успевшая своевременно прочно оградить себя целым лесом штыков, взглянула на этот раз более спокойно на всеобщую политическую забастовку. Ужас перед возможностью социальной революции, о которой не помышлял пролетариат ни в 1893 г. ни в 1902 г., уступил место методической упорной борьбе против пролетарских требований. Борьба эта вылилась в целом ряде уличных стачек, унесших немало жертв. Победе правительства немало способствовало поведение либеральных элементов общества. Либеральные партии, сильно заинтересованные в переходе ко всеобщему избирательному праву в 1893 г., отнеслись сравнительно равнодушно к уравнению политических прав в 1902 г. Союз с либералами, к которому нашла нужным прибегнуть рабочая партия в 1902 г., значительно сузил размах пролетарской борьбы. Колебания либералов, фактический отказ выполнить существенные обязательства, взятые ими на себя при заключении союза, внесли деморализацию и в ряды пролетариата. Правительство победило; представителям пролетариата в палате депутатов не удалось добиться ни одной уступки. Поражение это ни в каком случае не было позорным. Забастовка кончилась по призыву Генерального Совета рабочей партии так же дружно, как и началась, и вся буржуазная пресса вынуждена была признать за пролетарской армией громадную стойкость и выдержку.

Поражение не заставило партию отказаться от всеобщей забастовки как орудия политической борьбы. Партия снова готовится к ней, расширяя свое политическое влияние в массах, укрепляя профессиональные организации пролетариата. На этот раз партия готовится выступить на борьбу совершенно самостоятельно.

Для завоевания всеобщего и равного избирательного права к всеобщей политической забастовке пришлось прибегнуть и пролетариату Швеции. Забастовка эта была организована и проведена Шведской Социал-Демократи-

Вокруг посыльного собралась толпа хулиганов, оживленно о чем-то беседовавших. По временам из толпы раздавался голос посыльного:

— „Господа православные, соединяйтесь, организуйтесь и тому подобное, об'единяйтесь, кто как может, ибо необходимо вырезать всех студентов, курсисток и жидов. В противном случае они захватят власть и устранят православную веру".

Об ораторских талантах посыльного одним из свидетелей доведено до сведения прокурора С.-Петербургского окружного суда.

— В субботу 22 октября произошел следующий случай. К рабочему, выходившему из здания Соляного Городка одним из последних, подошел городовой и спросил:

— „Что тут за собрание было?"

— „А здесь сегодня было назначено собраться и поговорить о том, как интеллигенцию, студентов и других крамольников бить", — ответил рабочий.

— „Что ты врешь! Это не здесь",—вырвалось у городового.

— „А где же?" — быстро спросил рабочий.

Но городовой этот вопрос не удостоил ответом.

Где же?..

Письма в редакцию.

М. г., господин редактор!

Просим вас поместить нижеследующее:

Мы, сознательные рабочие разных мелких мастерских городского района, не имеем права молчать перед такой наглой проповедью избиения студентов и евреев, и мы должны действовать, как и другие наши товарищи больших заводов, организовав отряд самообороны с целью не допускать никаких насилий над мирными жителями. Отряд готов выступить на защиту во всякое время днем и ночью, при первом нападении на мирных жителей со стороны черной сотни.

Мы просим всех сознательных рабочих присоединиться к нашему решению и дружно дать отпор черносотенцам.

Группа рабочих центрального района.

Вчера и сегодня петербургские газеты наполнены тревожными слухами о готовящемся 30 октября еврейском погроме в г. Петербурге. Мы не будем вдаваться в критику осуществимости такого предприятия в нашей столице. В настоящий момент для реакции нет ничего невозможного. Следовательно, 30 октября мы, как и всегда, должны быть на посту. Мы можем и должны противопоставить организации организацию же.

Цель настоящего письма просить Вас через посредство Вашего органа обратиться с воззванием ко всем рабочим г. Петербурга с приглашением быть наготове 30 октября, чтобы в самом начале подавить возможные погромы. Мы глубоко убеждены, по опыту 18 октября, что одна тень организованного отпора обратит в паническое бегство черных рыцарей издыхающего режима. Но, повторяем, мы должны быть на чеку, мы должны быть организованы. Ячейки такой организации уже существуют: рабочие Путиловского, Лесснеровского и Невского судостроительного заводов уже образовали дружины для самообороны. Необходимо, чтобы местная социал-демократическая организация (Федеративный Комитет) или Совет Рабочих Депутатов взяли на себя распределение рабочих сил по местам. Крайне желательно самое широкое и своевременное распространение воззвания на всех фабриках и заводах. Уже одно появление рабочих в том же внушительном количестве, как это было 23 октября на Невском, способно предотвратить всякие попытки устройства погромов и избиений.

Группа читателей-товарищей.

Прочитав в № 6 газеты „Русь" от 27 октября заметку о постановлении рабочих Обуховского завода выразить помощнику начальника завода полковнику Шеманову порицание за его нетактичное поведение в отношении инженера Школдина и о циркулирующих будто бы слухах о том, что рабочие Обуховского завода настоятельно требуют гласного разбора этого дела, я, инженер Школдин, в интересах истины, с своей стороны из'являю полную готовность на гласный разбор вопроса о причинах моего ухода с завода, о чем довожу до сведения рабочих и служащих Обуховского завода.

Инженер-технолог Ф. Школдин.

Адрес мой: С.-Петербург, Обуховский завод, д. 3, кв. 13.

ческой Партией как средство демонстрировать перед буржуазией силу партии. Для забастовки был заранее назначен определенный срок — именно те дни, в течение которых шведская палата депутатов должна была рассматривать вопрос о расширении избирательных прав. Забастовка оказала свое действие, и палата предписала правительству представить законопроект о всеобщем избирательном праве.

Однако, вождь шведской социал-демократии Брантинг сам признал, что в значительной степени пролетариат обязан был своим успехом тому, что шведская буржуазия была захвачена несколько врасплох, впервые имея дело с этим новым орудием пролетарской борьбы.

Тяжелым поражением окончилась попытка организовать всеобщую политическую забастовку в Голландии. Она носила скорее оборонительный характер. В январе 1903 г. голландский железнодорожный пролетариат провел победоносно свою частичную забастовку, а в следующем месяце напуганное правительство голландской буржуазии внесло в палату депутатов законопроект, коим предлагалось выделить железнодорожных рабочих из всей массы пролетариата и лишить их права устраивать стачки. По отношению же ко всему пролетариату законопроект предлагал лишить рабочих права ставить во время стачки свои караулы, долженствующие следить за тем, чтобы работы не возобновлялись помимо постановления самих стачечников.

Только $^1/_4$ часть голландского пролетариата обладает политическим избирательным правом. Борьба чисто парламентским путем против реакционных актов правительства заранее была обречена на безуспешность. И голландский пролетариат попытался противопоставить буржуазному правительству всеобщую политическую забастовку, выставив основным требованием неприкосновенность пролетарских прав. Забастовка эта не была достаточно подготовлена и возникла даже несколько неожиданно. В ответ на реакционный акт правительства бросил работу только железнодорожный пролетариат. Когда стало ясно, что правительство не только не склонно итти на уступки, но готовит железнодорожным рабочим самые жестокие репрессии, раздался призыв ко всеобщей политической забастовке. Пролетариат ответил на этот призыв, но отсутствие подготовки, отсутствие организации, недостаточная осведомленность широких пролетарских кругов и жестокие репрессии со стороны правительства и со стороны буржуазии обрекли этот пролетарский порыв на полную неудачу. Более 5.000 рабочих, из них 1.500 железнодорожников, было выброшено на улицу за участие в забастовке.

Последняя имела все же громадное воспитательное значение. Обострение и оголение классовых противоречий дало сильный толчек развитию классового самосознания и поставило перед голландским пролетариатом задачу создания прочной пролетарской организации, способной противостоять в решительный момент соединенным силам реакции. На первых же выборах в городские думы,

Из партийной жизни.

27 октября состоялось собрание выборгского отделения Совета Рабочих Депутатов. Присутствовало немного больше половины общего числа делегатов. На очереди стоял вопрос о взаимоотношении между Партией и Советом. Собрание 15 голосами (голосами только депутатов) против 1, при 3 воздержавшихся, приняло известную резолюцию Федер. Комитета социал-демократических организаций Петербурга, приглашающую Совет „принять социал-демократическую программу и стать в ряды Партии для дальнейшей борьбы". Выяснивши, таким образом, свое принципиальное отношение к этому вопросу, собрание приступило к обсуждению резолюции, внесенной представителем „меньшинства" в выборг. отд. С. Р. Д. и предлагающую делегатам не выходить из Совета, если он решит остаться учреждением беспартийным. Резолюция эта была принята большинством голосов. В виду такой постановки вопроса, была внесена новая резолюция, уже со стороны „большинства", гласящая: „Мы считаем для себя невозможным оставаться в Совете, признавшем себя беспартийным учреждением, но в то же время желающем играть роль политического руководителя рабочих масс". Резолюция была принята 9 голосами против 5. 2 товарища уже ушли.

— 26 октября состоялось 1 собрание (16 чел.) соц.-демократов с завода Парвиани, долженствующее послужить основной ячейкой легальной соц.-демократической организации на этом заводе. Был выбран заводский комитет, распределены функции.

— 27 октября состоялся общий митинг на металлическом заводе (Растеряева) на Выб. стороне, на котором единогласно была принята вышеупомянутая резолюция Федерат. К-та по поводу Совета Р. Д.

Из жизни рабочих.

Резво-Островская мануфактура.

Управляющий Резво-Островской мануфактурой акционерного общества Воронина, Лютш и Чешера, г. Петров, не позволяет производить рабочим выборы в Совет Депутатов; лиц же, агитирующих за избрание и устройство собраний, увольняет. Пока уволен Барулин, которому управляющий отказался выдать как заработок, так и плату за 2 недели вперед, заявив при этом Барулину: „За прогульные дни заявите тому комитету, куда ходите; мне ваша личность не нравится". Исполнительный Комитет при Сов. Раб. Депутатов предполагает собрать рабочих Резво-Островской мануфактуры в отдельном помещении для привлечения их к рабочей организации, а к акционерному обществу предполагает пред'явить иск о возмещении платы Барулину за 2 недели.

Ижорские заводы.

Рабочие ижорских колпинских заводов произвели выборы 10 депутатов в Рабочий Совет, а также предполагают образовать профессиональный союз рабочих металлического производства.

За Нарвской заставой.

В среду, 26 октября, 5 человек рабочих с Путиловского завода, возвращаясь домой по Екатерингофскому парку, запели „Марсельезу"; постовой городовой их остановил и запретил петь. Перестав петь, рабочие пошли дальше. На Сутугинской улице, что у Нарвских ворот, трое из них стали возиться, а остальные смотреть на эту забаву. Вдруг дворник из ближайшего дома подал свисток, соседние дворники повторили сигнал, и сразу из под-ворот одного дома появились казаки и налетели на рабочих.

Рабочие бросились врассыпную, одних колотили дворники, вооруженные кастетами, а некоторые даже револьверами, за другими погнались казаки.

Один увертывался от них до тех пор, пока не выбился из сил, а когда упал, то царские опричники стали хлестать его, пока несчастный снова не вскочил и не бросился снова бежать. Но палачи и здесь не оставили своей жертвы, догнали у какой-то лавченки и, ударив еще раз десяток, христолюбивые воины направились на других.

В это время дворники колотили остальных рабочих, которые защищались бутылками. Одному из дворников в этом побоище была проломлена бутылкой голова.

Особенно отличались дворники домов №№ 5 и 4.

имевших место вскоре после забастовки, сказался сильный рост числа сторонников социал-демократии.

Последняя всеобщая политическая забастовка произошла в Западной Европе в сентябре 1904 г. Это было в Италии. Забастовка эта разразилась внезапно, как протест против зверской стрельбы по безоружному народу в г. Костелуцци 15 сентября 1904 г. В тот же день всеобщая забастовка протеста охватила Сицилию и Милан. Призыв, сделанный Итальянской Социал-Демократической Рабочей Партией в ночь на 16 сентября, поставил на ноги всю рабочую пролетарскую Италию. Волнения длились шесть дней. Характерной особенностью этой забастовки служит то, что к ней примкнули очень дружно и сельскохозяйственные рабочие, в количестве 120.000 человек.

Громадны были воспитательные результаты этого грандиозного движения. Оно укрепило профессиональные и экономические организации итальянского пролетариата, значительно расширило пределы партии и вовлекло в пролетарскую политическую борьбу те слои пролетариата, которые до того времени плелись в хвосте различных буржуазных партий. На первых же парламентских выборах, последовавших за этим движением, обнаружился очень сильный рост числа сторонников социал-демократии. Она собрала 316 тысяч голосов вместо 165 тысяч, полученных ею на предыдущих выборах.

Как мы видим, западно-европейский пролетариат, прибегая ко всеобщей политической забастовке, не ждал от нее, как от таковой, каких-либо крупных результатов. Для него это орудие борьбы, взятое само по себе, есть орудие давления, орудие демонстрации. Расширить и упрочить политическую свободу, добытую в свое время с оружием в руках, или дать правительству отпор в его реакционных затеях — таковы цели, которые ставил себе западно-европейский пролетариат, прибегая ко всеобщей политической забастовке.

Располагающее громадными богатствами, мощным аппаратом репрессии, современное государство всегда легче выдержит временное прекращение торгово-промышленной деятельности, чем пролетариат. Но „революция" скрещенных рук представляет в руках организованного пролетариата несомненно сильнейшее средство давления и демонстрации своих сил. Перед лицом такой „революции"-забастовки — господствующий класс — или каста — никогда не откажется от своего господства во всем его целом; но такая „революция" может вырвать те или иные уступки, может заставить отказаться от тех или иных реакционных актов.

Таким образом, там, где политическая свобода уже завоевана, всеобщая политическая забастовка может послужить орудием расширения и упрочения ее.

Но всеобщая политическая забастовка не может решить — и не решает — дела в революционные периоды жизни общества. И в этом ее слабость.

И. Г-г.

— На Путиловском заводе среди чернорабочих организуется черная сотня. Говорят, что ее полиция вооружает и угощает. Черносотенцы не стесняются и громогласно заявляют, что, мол, „искореним крамолу“, а „крамольников будем бросать в доменные печи“. Наблюдаются уже теперь их проделки за Нарвской заставой; вчера они избили двух мирных рабочих возле конторы Путиловских заводов.

— На Путиловском заводе, по заявлению явившихся к нам рабочих, не принимают рабочих, уволенных за забастовку. Все освобождающиеся вакансии замещаются через контору по „особой рекомендации“, главным образом, черносотенцами.

— В субботу, 22 октября, петербургская группа „Бунда“ отправила в Путиловскую больницу венок для возложения на гроб жертв 18 — 20 октября с надписями на красных лентах: „Борцам за свободу“, „Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в Литве, Польше и России“ („Бунд“).

— 1-ое общество городских конно-железных дорог обязалось удовлетворить пред'явленные ему забастовавшими служащими требования. Обещание осталось невыполненным. 4-го ноября состоится собрание, на котором вновь будет поднят этот вопрос, и, в случае неудовлетворительного его разрешения, служащими вновь будет об'явлена стачка.

— Иск рабочих фабрики Лютш, Чешер и Воронин. Рабочие фабрики акционерного общества Лютш, Чешер и Воронин, в количестве 1.100 человек, подали прошение о взыскании с фабрики месячного заработка за время январской забастовки. Дело это разбиралось у мирового судьи 42 участка, который присудил взыскать в пользу рабочих по 32 руб. на каждого человека. Администрация фабрики, недовольная решением мирового судьи, передала это дело в мировой с'езд, который также присудил взыскать в пользу рабочих по 32 рубля.

28 октября дело это должно было разбираться в сенате, который рассмотрение его передал в департамент общих дел.

— Среди рабочих. 27 октября, вечером, в народном доме Нобеля состоялся митинг.

В собрании были подняты и разрешены ряд вопросов внутренней заводской жизни. Во время обсуждения этих вопросов в собрании появился г. Нобель и обратился к рабочим с речью. В ней он советовал рабочим прекратить политическую борьбу и терпеливо ждать реформ, обещанных правительством.

При этом он указал как на предположение графа Витте предоставить несколько мест в Государственной Думе представителям от рабочих, так и на то, что амнистия всем политическим преступникам, повидимому, будет дарована. В заключение он высказал свой взгляд на 8-часовой рабочий день, к введению которого он отнесся безусловно отрицательно: борьбу за 8-часовой рабочий день он назвал делом „скверным и несправедливым“. Первый из ораторов, отвечавших г. Нобелю, коснулся вопроса о Государственной Думе. Охарактеризовав ее как сделку царизма с капиталистами, он указал на то, что введение нескольких представителей от рабочих не меняет существа дела, а следовательно, и отношения пролетариата к Думе; в своей речи он высказал глубокую уверенность в том, что рабочий класс, сильный своим классовым самосознанием и солидарностью, не даст обмануть себя этим „избирательным правом“.

Другой из ораторов, ссылаясь на речь г. Нобеля, подчеркнул постоянное стремление капиталистов отсоветовать, помешать рабочим заниматься политикой; он указал на то, что сами капиталисты в это время организуются в партии, и что пролетариат должен отвечать им тем же, т. е. создавать собственную политическую партию.

Такой партией, вполне строго и последовательно защищающей интересы пролетариата, как указал оратор, является социал-демократия. Оба оратора были слушателями встречены очень сочувственно.

Собрание закончилось обсуждением вопроса о черной сотне. Как на средство борьбы с нею, было указано на народную милицию; в качестве временных мер, указывалось на организацию боевых дружин, отмену запрещения носить и приобретать оружие.

— Собрание рабочих и служащих на телефонной станции. На-днях в верхнем зале телефонной станции состоялось смешанное заседание. Преобладали телефонные барышни и сюртуки. Президиум состоял исключительно из сюртучных людей. Рабочие были исключительно в задних рядах и несколько смущенно высматривали и еще смущеннее слушали речи служащих „в защиту рабочего класса“. Мы нисколько не покушаемся на искренность защитников рабочих. Но думаем, что совместные союзы служащих и рабочих неизненны и нежелательны. Каждая категория должна образовать свой союз. На телефонной фабрике находится 328 рабочих и 98 механиков, 300 телефонисток и 30 старших служащих. Рабочие должны организовать свой союз и примкнуть к союзу рабочих. Великое изречение Маркса, что „освобождение рабочего класса только может быть делом рук самих рабочих“, необходимо проводить в жизнь.

Подробный отчет о заседании в следующий раз. На собрании принята следующая резолюция:

„Сложное и обширное дело телефонных сообщений, в котором заинтересованы не только абоненты, но и все население города, в настоящем своем состоянии не может считаться стоящим на надлежащей высоте и не удовлетворяет потребностям населения ни по своему развитию, ни по действию, ни по техническому совершенству.

„Не входя здесь в расследование причин этого печального явления и признавая, что нравственная ответственность в деле, в котором мы все работаем, отчасти ложится на каждого из нас, мы заявляем, что, по нашему мнению, только полная реорганизация всего строя предприятия, условий его развития и эксплоатации на автономных началах с предоставлением руководительства выборному совету от служащих и от городского самоуправления может поставить его на надлежащую высоту.

„Вместе с тем, собрание высказывается, что извлекаемые из предприятия доходы должны быть, согласно обещанию городского самоуправления, при приемке сети, исключительно обращаемы на усовершенствование самого предприятия и на улучшение быта служащих“.

— Среди рабочих печатного дела. 26 октября, в помещении технического общества, состоялось собрание рабочих печатного дела типографий: Вольфа, Гаевского, словолитни Лемана и переплетной Кирхнера. Собрание было созвано бюро союза рабочих печатного дела для улаживания конфликтов, возникших между рабочими и хозяевами на почве последней политической забастовки.

Из доклада рабочих выяснилось, что в словолитне Лемана (работает 130 человек, в том числе много женщин) в текущем году было 5 забастовок. Последние две были политического характера. Участие лемановских рабочих в последней всеобщей забастовке не на шутку испугало хозяина, особенно когда ему стало известно, что большинство рабочих принадлежит к союзу рабочих печатного дела. Леман „пред'явил“ рабочим требование выйти из союза, организовать свой союз при содействии хозяев, обещал субсидию и брался выхлопотать рабочим для этого „отеческого“ союза штрафной капитал. „Бросьте политику, вы получили свободу слова, собраний, организуйтесь в рекомендуемый мною новый союз, иначе я сам вступлю в союз хозяев-типографов“, убеждал Леман рабочих.

На все заигрывания Лемана рабочие ответили категорическим отказом, заявив при этом, что они из союза не выйдут и действия будут согласовывать с постановлением союза и Совета Рабочих Депутатов.

„Но раз вы, г. Леман, называете нас гражданами, то поступите с нами, как с гражданами, а не рабами. Мы требуем отмены обысков, штрафов и ограничения приема чернорабочих, которыми часто пользуется хозяин, выбрасывая на улицу квалифицированных рабочих“. Обыски отменены, а на остальные требования хозяин должен был дать ответ вчера, в пятницу, 28 октября.

— На переплетной и картонажной Кирхнера (около 500 человек рабочих, большинство женщин) хозяином удалены с фабрики рабочие депутаты, руководившие последней политической забастовкой.

В своих речах рабочие нарисовали безысходно тяжелую картину положения рабочих у Кирхнера. Не говоря о своеобразной атмосфере в женских отделениях, создаваемой мастером и заведывающим штатом, на фабрике введены обязательные в течение целого года сверхурочные работы, оплачиваемые по обыкновенной расценке. При несогласии исполнять сверхурочные работы, рабочим выдается расчет. На собрании обсуждался вопрос, как возвратить уволенных товарищей: Афанасьева, Зво-

нова, Рейнберга, Павлова и Баранова. Собрание поручило бюро союза печатного дела и Совету Депутатов вступить в переговоры с хозяином цо поводу обратного приема уволенных. В случае несогласия Кирхнера, прибегнуть к бойкоту его товаров и, как крайнее средство, устроить забастовку.

— В типографии Вольфа после прекращения политической забастовки возникла частичная экономическая. Из 350 человек рабочих забастовало 200 человек (два отделения—цинкография и наборное не примкнули). По предложению бюро союза, забастовавшие рабочие стали на работу и ждут к 28 октября ответа от хозяина на свои требования: установление 9-часового рабочего дня, увеличение расценок и установление годового праздника.

Бюро союза, исходя из того положения, что рабочие должны готовиться к новой всеобщей забастовке, рекомендовало воздерживаться от частичных забастовок. По вопросу о забастовке у Вольфа, собрание решило передать его решение союзу рабочих.

— В типографии Гаевского уволен рабочий депутат Ментус за участие в политической забастовке. По этому поводу собрание не могло выработать детальных действий до собрания подробных справок и назначило на 28 октября, в 8 часов вечера, собрание рабочих фабрики Гаевского.

— В бюро союза рабочих печатного дела 20 октября поступило следующее заявление: „Мы, литографские рабочие, присоединились к московским товарищам и пред'явили к своим хозяевам еще и экономические требования. Бастуем уже 3 недели. Просим вас поддержать материальными средствами, так как мы уже нуждаемся в помощи". Бастующие литографий:

у Хаймовича	150	чел.
„ Веферса	150	„
„ Киббеля	100	„
„ Шварца	80	„
„ Лапинера	70	„
Всего	550	чел.

Бюро немедленно приступило к обследованию вопроса и организации помощи. В последнем примет участие и Совет Депутатов.

— Примирительное бюро послало своих членов в типографии: Фарберга, Яблонского, Сойкина, Пионтковского, с требованием обратного приема уволенных рабочих за политическую забастовку. Подробности переговоров будут сообщены.

Судебная хроника.

Дело о членах „Центрального комитета армянской самозащиты".

В последнем заседании уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената слушалось дело Назаретянца, Тер-Григорьева и Кеворкова, обвиняемых в государственном преступлении. Эти лица были преданы суду тифлисской судебной палаты по обвинению в том, что в начале 1904 года вступили в сообщество, присвоившее себе наименование „Центрального Комитета Армянской Самозащиты", зная при этом, что таковой поставил себе целью своей деятельности ниспровержение существующего в России государственного строя. Независимо от сего, Назаретянц был предан суду по обвинению в том, что, состоя в означенном преступном обществе, он, во исполнение постановления названного армянского революционного комитета, по предварительному соглашению с другим лицом и с заранее обдуманным намерением, лишил жизни 10 марта 1904 года, в городе Акалцихе, секретаря местного духовного правления, Назарьянца, нанеся ему 17 ран. Вместе с ним и другие два были преданы суду по обвинению в том, что, не принимая непосредственного участия в этом, они, уже после совершения его, принимали меры к сокрытию Назаретянца от правосудия, зная об учинении им сего преступления, при чем один устроил с этой целью помещение в Тифлисе, а другой дал ему свой паспорт. Тифлисская судебная палата, рассмотрев это дело, признала пред'явленное к подсудимым Назаретянцу и Кеворкову обвинение доказанным и приговорила первого к ссылке в каторжные работы на 6 лет и 8 месяцев, а второго—к заключению в крепость на один год; Тер-Григорьева палата оправдала. Правительствующий Сенат приговор палаты утвердил.

Иностранный отдел.

Революционное движение в Австрии.

Кровавое воскресенье в Праге.

Воззвание к пражским рабочим с предложением собраться в воскресенье на улице „Am Graben" для обсуждения требования всеобщего избирательного права подняло весь пролетариат Праги.

Около половины одиннадцатого утра огромный Wenzelsplatz походил на море голов — рабочих было не менее пятидесяти тысяч. Три большие стройные колонны двинулись с красными флагами с Graben'a к Landesmuseum, а оттуда они повернули обратно и медленным темпом пошли обратно с пением революционных песен. Послышались возгласы: „Да здравствует всеобщее избирательное право! Да здравствует демократия!"

Прошел целый час без инцидентов.

Демонстрация протекала мирно, но полиция сама вызвала столкновение: она двинулась против течения толпы и загородила ей путь. Что же оставалось делать толпе? Столкновение стало неизбежным. Толпа продолжала двигаться вперед. Вдруг началась свалка с криками, свистом; полиция обнажила шашки и врубилась в толпу. Народ пробовал защищаться. Многие бросились бежать. Молодежь подбирала камни и отвечала на нападение. Произошла паника. Раненым с трудом удавалось выбираться из толпы, многие падали.

Во время свалки раздались выстрелы. Некоторые очевидцы и полиция утверждают, что стреляли какие-то три суб'екта, которые тотчас же убежали. Полиция озверела. Толпа, спасаясь, бросилась на соседние улицы, но полиция преследовала ее и продолжала рубить направо и налево. В убегающую толпу стали стрелять. Весть о стрельбе молнией облетела весь город. Начали вооружаться. Новые толпы устремились на Graben. Число жертв еще не выяснено, но раненых не менее 100. Один семнадцатилетний рабочий убит.

К концу свалки пришли войска — драгуны, пехота и стрелки. К часу Wenzelsplatz, Graben и прилегающие к ним улицы были оцеплены войсками.

Эти события не могли не отозваться на настроении города. На улицах начали собираться группы, везде происходили столкновения с полицией. Ожесточение увеличивалось с каждой минутой. Начали срывать орлы с казенных зданий, вырывать железные прутья с окон для обороны.

Революционное возбуждение охватило все слои пролетариата.

Вечером, в праздник годовщины сражения на Белой Горе, устроенный рабочими националистами, явилось несколько тысяч рабочих социал-демократов. Обсуждались утренние события. Ораторы говорили о вооруженном восстании. Когда участники митинга возвращались в город, опять произошел целый ряд кровавых столкновений; избивали прикладами или же арестовывали. У многих арестованных нашли оружие. Среди раненых много детей и женщин. Арестовано до 180 человек.

На другой день продолжались схватки, снова многие были ранены. Вечером город был осажден войсками и напоминал поле битвы. Отовсюду стянуты войска.

Спектакли и концерты были прерваны, публика потребовала марсельезу. Около пяти часов вечера на Karlsplatz собралась толпа. Внезапно распространился слух, что туда направляются войска. Мигом были сооружены баррикады, загородившие улицы. Полиция пыталась разрушить их, но была отбита толпой.

Что делается в России? Куда она идет? Какие ужасы ждут ее? Какие пожары грозят перекинуться на ее соседей? Социалисты, анархия, новое нашествие варваров или успокоение? „Мирную“ жизнь и порядок принесет революция? Чего желать — сильной власти, крутых мер, стрельбы, ежовых рукавиц для недозрелого народа и крайних партий, или лайковых перчаток европейски либерального правительства? Вот вопросы, которые ставит и на которые не находит ответа европейская буржуазная пресса. Традиционное незнакомство с политической жизнью России, незнакомство, культивированное русской официальной и подцензурной прессой, снова обнаруживается во всей силе. Призывы к терпению и доверию за последние дни стали раздаваться реже. Либеральные органы, не говоря уже о радикальных, начинают помнить, что время торжества принципов гражданской свободы в России еще не наступило. Отзывы о текущих событиях в России, поражавшие своей чрезмерной определенностью в первые дни после манифеста, теперь бледны и расплывчаты. Только социал-демакратическая пресса, сразу заявившая, что без гарантий, обеспечивающих отвоеванные свободы, не может быть речи о новом режиме, удерживает свою позицию.

„Berliner Tageblatt“ предполагает, что Россию ждет республика или военная диктатура. „Мы не можем предвидеть, — говорит газета, — по какому пути пойдут двинувшиеся массы. В одном только мы можем быть пророками — манифест не конец народного движения, а только начало конца; Россия идет навстречу времени, равному по своим ужасам величайшим катастрофам всемирной истории. Витте — еще не спаситель новой России, точно так же, как Трепов не последний защитник абсолютизма“.

Последнее несомненно верно: мы знаем это, даже не обладая даром пророчества.

Польша и Литва.

— В Варшаве на-днях состоялось примирительное совещание представителей Польской Социалистической Партии (P. P. S.) и польских социал-демократов, на котором решено, в виду очень важных событий дня, действовать совместно, выставив на первом плане требование полной автономии Польши, как minimum политических требований. Ходят упорные слухи, что вопрос об автономии Польши в настоящее время разрабатывается правительством, и что он встречает сильное противодействие со стороны представителей старого режима.

— В Лодзи и в Сосновицком округе забастовка продолжается. Среди горнорабочих замечается приподнятое настроение. Экономические требования их до сих пор не удовлетворены. Газета „Górnik“ (Гурник), орган социалистической партии, выходит аккуратно. В Лодзи были попытки произвести еврейский погром, но они встретили энергичный отпор со стороны организованных рабочих, которые об'явили, что будут всех провокаторов и хулиганов обливать бензином или керосином и сжигать.

— Среди литовцев-крестьян Россиенского и Тельшевского уездов Ковенской губернии идет усиленная социалистическая агитация; в деревнях устраиваются многолюдные собрания. Близость прусской границы, особенно Тильзита, где, главным образом, издаются литовские журналы и газеты, сильно способствует этому.

Избиение младенцев.

Признанная манифестом „неприкосновенность“ личности находит себе прекрасное подтверждение в образе действий блюстителей порядка гор. Варшавы. Так, 20 октября чины полиции, пользуясь любезными услугами воинских частей, произвели дикое избиение опасных для государства преступников. Приводим список убитых и раненых в славном деле нашей славной армии и обращаем внимание читателей на возраст пострадавших:

Ранены:
Шлема Федер, кожевник 19 лет.
Андрей Радзшевский, ст. пол. инст. 18 лет.
Болеслав Зогурский, ст. пол. инст. 21 год.
Иозеф Витковский, уч. 11 гимн., 13 лет.
Станислав Штанде (мать убита), 7 лет.
Иосек Вейнберг, 12 лет.
Хаим Вайнштейн, 12 л.
Убиты:
Станислава Здунковска, 16 лет.
Бронислава Смиетановска, 18 лет.
Неизвестная еврейка, около 18 лет.
Верек Амбарас, 15 лет (убит в 3 ч. дня патрулем на Королевской улице).
Мария Голенбовска, 16 лет.
Шмуль Надер, 18 лет.
Перин Боров, 18 лет.
Абрам Винчик, 14 лет.
Янкель Воловскура, 16 лет.
Шимон Бринка, 14 лет.
Лейзор Люксенбург, 16 лет.
Хаскель Ферштейн, 16 лет.
Шлема Желиховер, 13 лет.
Израиль Бран, 19 лет.
Вениамин Рабинович, 20 лет.
Хаим Вахольдер, 14 лет.
Иошуа Зельцер, 14 лет.
Иохер Флашенберг, 17 лет.
Малке Клепфиш, 16 лет.
Гецель Школьник, 17 лет.
Исаак Эдельман, 15 лет.
Петр Винченко (православн.), 17 лет.
Георгий Мелцлер (учен. V гимн., сын жандарм. полк.), 17 лет.

Областной отдел.

Октябрьские дни в Одессе.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Напрасно будет ждать Россия от одесской прессы ответа на вопрос: кто и как организовал октябрьский погром?

По окончании кровавой бойни градоначальник Нейдгарт призвал представителей печати и сказал им приблизительно следующее: „Надо предать забвению все, что было... Если вы начнете копаться в подробностях, искать виновников, — вновь разгорятся страсти, и я не ручаюсь за спокойствие“.

— Молчи, или вновь выпущу на улицу хулиганов...

Первый митинг в Новороссийском университете состоялся в воскресенье, 10 октября, и привлек тысяч до 12 народа. В четверг забастовала железная дорога. На субботу в университете были назначены студенческая сходка и железнодорожный митинг. Общий митинг был назначен на воскресенье.

Но в субботу с утра университет уже был наполнен рабочими, приказчиками и учащеюся молодежью. Ходили рассказы о бойне, устроеной в тот день полицией на Канатной улице, у частной гимназии. Гимназисты и гимназистки пришли „снимать“ товарищей и „были рассеяны холодным оружием“, т. е. нагайками и шашками. Тяжело ранен студент, искалечено несколько человек детей.

В этот день в университете перебывало до 20.000 человек, говорили десятки ораторов о всеобщей политической забастовке, распространялись призывные листки Одесского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, по городу кое-где ходили партии „с'емщиков“. Большинство ораторов социал-демократов призывало рабочих и интеллигенцию от столкновений с властями воздерживаться, при встрече с войсками рассеиваться, а затем вновь собираться и продолжать „с'емку“. На утро ожидался грандиозный митинг. На митинге выступало несколько солдат, унтер-офицеров и один офицер. Но к 7 часам утра в воскресенье университет уже был оцеплен войсками: пропускали только студентов.

Подходившие к университету толпы направлялись оттуда на Преображенскую улицу и скоро заняли все тротуары этой и соседних улиц. Часов в 12 начали закрывать магазины и останавливать конки, снимать с извозчиков седоков. Остановленные вагоны конной железной дороги по традиции моментально были опрокинуты и положены поперек улицы. Отверстия между вагонами закладывались бревнами, появилась колючая проволока.

В постройке баррикад самое горячее участие принимала учащаяся молодежь приказчики, обыватели, женщины и дети. Ни одна из революционных организаций к постройке баррикад не призывала, но они росли сами собой на всех улицах, и их выросло больше десятка.

Появившиеся на улицах войска мирно демонстрировали, не мешая постройке баррикад. Пехоту народ встречал восторженными кликами, казаков — гробовым молчанием. Войска отвечали народу приветствиями, в одном месте после речи к солдатам оратора-рабочего началось братанье между солдатами и народом, с поцелуями и об'ятиями. Но на углу Успенской и Ришельевской уже шла стрельба; уже лилась народная кровь. Без выстрела со стороны толпы, на ее братские приветствия — казаки ответили залпом, и на месте остались восемь человек. Загремели залпы и на других улицах: на Еврейской, Преображенской. Убито 15, ранено до 100 человек. Саперы отказались было стрелять в безоружную толпу, но по команде начальства драгуны прицелились в саперов, и те дали залп.

В другом месте даже казаки отказались исполнить зверский приказ своего офицера.

В этот день вечером на заседании думы решено было учредить при городском голове совещательную комиссию из представителей думы, разных общественных союзов и рабочих организаций. После заседания думы ночью состоялся в городском здании народный митинг.

В понедельник состоялось заседание комиссии. Явившиеся туда представители 3-х с.-д. организаций („Бунда“, „Комитета“ и „Группы“ Р. С.-Д. Р. П.) заявили, что пришли только для ознакомления с характером комиссии, войти же в нее до получения соответствующих полномочий от своих организаций не могут.

Примеру с.-демократов последовали социалисты-революционеры и с.-сионисты.

Интересен и состав комиссии: городской голова, человек 5 гласных, 3 представителя союза городских служащих, 3—врачебного, 2—адвокатского, 2—академического, 1—от коалиционного совета, 1—от ветеринаров, 1—от еврейского союза, 1—от еврейской самообороны, 1—от союза равноправия женщин и т. д. Когда поставлен был вопрос о количестве представителей, то всем союзам дали по 2—3 голоса, а с.-демократическим организациям ни за что не хотели давать больше одного и так ни до чего не договорились. Кроме конституирования, так и незаконченного, комиссия успела разрешить только один вопрос—об участии в похоронах жертв воскресной бойни, при чем все собрание больше часу упрашивало гор. голову г. Крыжановского принять участие в процессии.

На утро у еврейской больницы, откуда должны были начаться похороны, начали собираться толпы, но оказалось, что трупы ночью были украдены полицией и уже погребены. Во дворе больницы состоялся митинг, и в этот день забастовка сделалась всеобщей, везде были распространены воззвания всех с.-д. организаций.

Часов в 11 стал известен манифест 17 октября. Начали собираться толпы у думы и университета. Десятки тысяч рабочих и других граждан ходили по городу с красными знаменами. Около университета толпа смешалась с двумя ротами солдат и оттуда двинулась к Херсонскому участку освобождать заключенных.

Оттуда пошли к Портовому участку, потом к Бульварному, к Александровскому и к тюрьме. Все арестованные административным порядком были освобождены без столкновений. Над университетом и думой развевались красные знамена, десятки их двигались с густой толпой по улицам, развевались над дрожками, в которых ездили ораторы и забастовщики по заводам, приглашая всех примкнуть к забастовке. Всюду пение революционных песен, возгласы, об'ятия и речи. Вот оратор, прочтя манифест, констатирует уступку правительства, указывает на то, что правительство хочет мира, но „мы — заканчивает оратор,—не японцы, нам не нужен союз с виновниками еще недавних жертв, и мы не пойдем на мир, пока не добьемся того, из-за чего боролись: Учредительного Собрания и всеобщего, равного, прямого и тайнаго избирательного права“.

На углу Ришельевской и Еврейской, где была в воскресенье баррикада, оратор приглашает проходящие толпы поклясться пролитой на этом месте кровью, что они будут до конца бороться, пока не добьются того, за что положили кровь павшие товарищи.

Такого дня, такого ликованья, такого праздника Одесса еще не видала...

Но она и не подозревала, что на окраинах уже начинается погром, что там уж раздаются вопли и крики о помощи ограбленных и насилуемых. Погром начался на Дальнике и разгорался с ужасающей быстротой.

Рабочие и студенты, у кого было оружие, бежали туда, где начался погром, бежали защищать граждан, только что получивших неприкосновенность личности, бежали с револьверами, с ножами, с дубинами, с железными прутьями...

А в думе заседала комиссия общественной безопасности и обсуждала текст воззвания к народу. Час шел за

часом; в комнату заседаний врывались рабочие и студенты, чиновники и приказчики, вопили о помощи, рассказывали ужасающие подробности: а комитет заседал и обсуждал, дебатировал редакцию воззвания: „самодержавный режим“ или „бюрократический строй“ и т. д.

Воззвание, правда, было довольно радикальное: Учредительное Собрание, всеобщее, равное и т. д. избирательное право, милиция, удаление казаков, разоружение полиции и т. д. Но комиссия в конце концов печатать воззвание не решилась, и представители с.-д. организаций, конечно, окончательно ушли из комиссии.

А погром разрастался. Стрельба не смолкала.

(Окончание следует.)

Ростов-на-Дону.

(Корр. „Новой Жизни“.)

18-го октября, в день получения манифеста, решено было отпраздновать его закрытием магазинов и молебном. К 12 час. дня на Б. Садовой ул. собралась толпа в несколько десятков тысяч человек. Отсюда толпа двинулась по направлению к Государственному Банку, где был взят портрет Александра II в память освобождения крестьян. Публика встретила портрет криками „ура“ и двинулась дальше. На углу Малого пр. выступил оратор с речью, в которой напомнил, что товарищи, которым обязаны этим манифестом, томятся в тюрьмах, и предложил отправиться к заводу „Аксай“, соединиться с рабочими и двинуться оттуда на тюремную площадь, чтобы требовать освобождения заключенных, не останавливаясь даже перед силой. Предложение было принято с энтузиазмом, толпа двинулась к заводу. В Нахичевани произошла встреча обеих манифестаций, еще более поднявшая настроение. Здесь выступили с речами г-да: Сватиков, Иоф, Коган, д-р Ладыженский и оратор Донского Комитета. К тюрьмам шли с пением „Дубинушки“, „Марсельезы“. Здесь процессию уже ожидали казаки и солдаты. Тем не менее они совершенно не вмешивались все время, пока ораторы произносили речи.

Собрание решило отправить к градоначальнику, находившемуся в тюрьме, депутацию с просьбой освободить заключенных. Просьба была удовлетворена частично — выпустили 21 человек; относительно остальных градоначальник обещал снестись с Петербургом и выпустить их на следующий день. В 5 час. вечера собравшиеся увидели, что по направлению к трибуне движется толпа и казаки. Публика, предполагая, что это свои, радостно встретила их, как вдруг раздался залп. Мигом все разбежались, оставив на месте лишь трупы убитых — взрослых и детей; между прочим, убита тов. Рейзман, говорившая на митинге.

Выяснилось, что с казаками приблизились черносотенцы. Они же на обратном пути начали разбивать еврейские магазины. В городе началась паника. К 7 час. вечера вся Садовая покрылась массой бегущих, неизвестно куда, людей. Моментально организовалась самооборона — к сожалению, слишком незначительная, — человек в 150.

В 8 час. черносотенцы явились на Новый базар, в каких-нибудь полчаса разграбили все лавки. Отсюда они двинулись на Московскую улицу, но встретили энергичный отпор со стороны самообороны; в результате, со стороны хулиганов оказалось, как говорят, убитыми чел. 15—20 и около 100 раненых. Самооборона держалась так с 8 ч. вечера 18-го до полудня 19-го, когда явился отряд полиции и казаков, давший залп по самообороне. Со стороны обороняющихся оказалось 3 убитых и 12 раненых. Оборона отступила.

Не встречая больше препятствий, хулиганы начали жечь и грабить исключительно еврейские магазины.

Уничтожив весь Новый базар, перешли на Московскую ул. Русские магазины остались нетронутыми, за исключением обувного магазина Антипова, подожженного из мести одним техником. Хулиганы его здесь же и растерзали. Во всем громадном городе, даже на окраинах, не оставили почти ни одного еврейского магазина или лавочки. В грабеже казаки принимали участие наравне с остальными хулиганами, и железнодорожным рабочим, образовавшим 19-го с небольшой кучкой солдат оборону, пришлось отбирать награбленное добро как у хулиганов, так и у казаков. К сожалению, и эта оборона оказалась не действительной, т. к. их рассеяли казаки, давшие, по команде офицера, несколько залпов. Среди рабочих оказалось несколько убитых. В то же время по Московской ул. шли, под предводительством городовых, хулиганы. Первые стреляли в оказывавших сопротивление хозяев и служащих, вторые — жгли и грабили.

Когда хулиганов спрашивали, что они делают, они отвечали, что действуют по приказанию начальства, которое велело им действовать так в течение двух дней.

Теперь прежде цветущий город представляет груду развалин. Страшно посмотреть. Неужели же об‘явленная свобода означает только свободу бесчинства администрации?

Во главе погромников стояли, как безусловно установлено, присяжный поверенный, гласный думы В. Севастьянов, с братом. В течение всего лета велась самая энергичная пропаганда в этом духе, темным портовым рабочим читались лекции, раздавались листки, брошюры и т. д. Все общество невероятно возмущено и требует предания суду главных виновников.

Уральские заводы.

Богословский округ Пермской губ.

Об‘явление высочайшего манифеста на Надеждинском рельсопрокатном заводе дало следующие результаты:

18 октября туда долетел слух о манифесте. Собравшаяся толпа рабочих, численностью 2000 — 3000 ч., подняв красные флаги, беспрепятственно манифестировала в продолжение нескольких часов по заводу до тех пор, пока не встретилась с другой, более многочисленной контр-манифестацией патриотов, выкинувших белый флаг. Произошло столкновение, все население завода в крайнем возбуждении бросилось на улицу, произошла свалка. „Красные“ или „горшковцы“ (по имени руководителя революционной демонстрации), теснимые патриотами, заняли здание бывшего клуба, превращенного недавно в народный дом, и очутились в осадном положении. В течение нескольких часов „горшковцы“ выдерживали осаду, но принуждены были сдаться и выдать врагам оружие. После этого 10 зачинщиков из их числа были арестованы и отправлены в тюрьму на Туринские рудники. Тут произошел неожиданный инцидент: полиция Туринских рудников освободила арестованных, ссылаясь на незаконность ареста. Узнав, что зачинщики на воле „белые“ пришли в ярость, и гнев толпы был усмирен лишь тем, что находчивый староста вызвался исправить действия полиции, предложив свои услуги для поимки выпущенных преступников. Ему в помощь толпой было командировано 25 чел. По мере того, как развертывались события, росли возбуждение толпы и необходимость найти выражение своего настроения в „активных действиях“. С этой целью часть „белых“ отправилась к заводоуправлению, где ею были жестоко избиты мелкие служащие и четверо заведующих цехами (в их числе Зарудный — брат известного адвоката — и Горшков). В атмосфере разгоревшейся вражды нарождались и росли чудовищные слухи, будто „горшковцы“ решили разгромить и сжечь весь завод. Поднялась невероятная паника, многие побросали свои жилища и бежали в соседние селения. „Белые“ затребовали через исправника у губернатора войска. Наумов, тот самый, которого водила по Перми толпа революционеров с красным флагом. В ожидании войск, заменяющим должность главноуправляющего заводом (г. Широких) была организована из отставных солдат „милиция“ и торжественно приведена к присяге (?).

К чести администрации завода надо сказать, что она решительно протестовала против вызова войск; главноуправляющий заводами (г. Владыкин) был в отсутствии. На чьей стороне был бы он, ясно из следующего факта: месяца 3 — 4 тому назад рабочие потребовали прекращения заводоуправлением выдачи средств на содержание полиции, которая держала себя возмутительно по отношению к рабочим. Владыкин взял на себя обязанность снестись телеграммой с губернатором; в результате было дано разрешение убрать полицию и образовать охрану из рабочих, выбранных самими рабочими.

Надо заметить, что эти беспорядки на Надеждинских заводах не есть что-нибудь случайное, стихийное; — глухое бро-

жение на Уральских горных заводах началось еще лет 5 тому назад, с тех пор оно идет, постепенно нарастая, принимает угрожающие размеры и приобретает политическую окраску и под влиянием социал-демократической литературы и агитации, которая охватила теперь весь Урал, перебросилась в район Зауралья.

Курск.

(Корр. „Новой Жизни".)

10-го октября началась забастовка в управлении М.-К.-В. жел. дороги, а также в мастерских, депо и на линии. 11-го октября забастовала губернская управа. Вечером, 11-го октября, начались в управе митинги с самыми крайними речами и резолюциями. Везде об'являлась забастовка политическая, и решено было не начинать работать до об'явления о созыве Учредительного Собрания. С самого начала каждой забастовавшей группой, как рабочих, так и служащих, избирался стачечный комитет. С 11-го октября стачечные комитеты об'единялись в „бюро забастовки", на обязанности которого лежало превращение последней во всеобщую, добывание денег на поддержание стачки и устройство митингов. 13-го октября официальная общественная жизнь в Курске почти совсем приостановилась.

На вокзале ежедневно устраивались железнодорожные митинги, в городе же коллегия управы после нескольких митингов заперла здание управы и обратилась к губернатору с просьбой охранять это здание от „улицы". Мы остались без помещения.

Была сделана попытка устроить митинг в общественном клубе. Собралось тысячи три народу. В зале все шло великолепно; но по окончании митинга, когда стали расходиться, черносотенная толпа избила помощника присяжного поверенного Котлярова.

18-го был опубликован манифест. На улице началось большое движение. Публика направилась к земской управе и члены ее, по приказу губернатора, открыли помещение. Начался митинг, который закончился лишь в 12 часов ночи. Часов с 8 вечера начался митинг в общественном клубе. Часть публики, выйдя из управы, направилась по улице с песнями марсельезы и, встретив казаков, освистала последних. Казаки стали бить публику нагайками, вследствие чего кто-то из публики сделал один выстрел из револьвера, и этим было положено начало еще большему избиению.

Избитые и очевидцы явились в клуб и требовали от собравшихся защиты. Собрание немедленно постановило послать депутацию к губернатору с требованием убрать с улиц казаков.

Одновременно с этими двумя митингами состоялось заседание членов стачечных комитетов, на котором постановили: не удовлетворяясь тем, что дает манифест, но, принимая во внимание, что уступка, сделанная правительством, довольно существенна, об'явить 19-ое октября народным праздником. Стачечные комитеты решили устроить в этот день грандиозную уличную демонстрацию и выбрали депутацию, которая должна была об'явить об этом губернатору и потребовать от него, чтобы в этот день на улице не было ни полиции ни казаков. После продолжительных переговоров с губернатором депутация получила от него согласие на то, чтобы ни войск ни полиции 19-го октября на улице не было.

В 12 часов дня 19-го октября от дома губернской управы началось шествие довольно большой толпы (7—8 тысяч человек) с красными знаменами, с музыкой и хором. Ко времени открытия шествия явился губернатор в сопровождении казаков. Ему указали на последних, тогда он махнул рукой, и казаки умчались. Губернатор сказал толпе, чтобы шли совершенно спокойно, что никто пальцем не тронет.

Оркестр заиграл марсельезу, и толпа с красными знаменами двинулась по Московской улице. Шествие вышло грандиозное. На каждом квартале останавливались, кричали „ура", пели революционные песни, пропели вечную память погибшим в борьбе за свободу. В окнах домов и на балконах было тоже много народу. Демонстрантов приветствовали. Не доходя одного квартала до Николаевской площади, обычного сборного пункта черной сотни и хулиганов, хулиганы встретили демонстрантов камнями: головная часть толпы дала несколько револьверных выстрелов, и хулиганы отступили. С криками „ура" манифестация продолжалась и благополучно дошла до конца Московской улицы — до Николаевской площади. Последняя оказалась буквально запруженной серым народом, из прилегающих к городу слободок. Авангардом этого серого народа была черная сотня.

Манифестанты остановились и стали перестраиваться для обратного шествия.

Знаменщики и оркестр заняли новые места, и манифестация двинулась обратно.

Вдруг посыпались камни. Некоторые манифестанты ответили выстрелами. Толпа заколебалась. Выстрелы участились. А через несколько минут манифестанты стали бежать, преследуемые черносотенцами и серым народом. Началось форменное избиение.

Громадное большинство явилось на манифестацию без оружия, поверив губернатору, что ни войска, ни казаков, ни полиции не будет, что войско, казаки и полиция будут спрятаны во дворах лишь на всякий случай. Оказалось, что манифестанты были обмануты: полиции и казаков не было, но зато была натравлена черная сотня, которая и сделала то, что ей приказали. Избиение было организованное: 1) избили врача В. И. Дожленкова, адвокатов фон-Агре, Аншельсани и барона Розена, заведующего оценочным отделением губ. управы М. В. Кумаринца, т. е. таких лиц, которые так или иначе были неприятны местной администрации; 2) избиение завершилось еврейским погромом, при чем магазины и дома русских тщательно пропускались; 3) когда на другой день черная сотня вздумала разграбить колбасный магазин, губернатор, присутствовавший при этом, отдал приказание не трогать, и черная сотня не тронула; 4) свидетельскими показаниями устанавливаются такие факты: казаки во все время погрома сопровождали громил, нисколько не препятствуя им; громилы выбрасывали из магазинов вещи, а казаки либо топтали эти вещи, либо брали их себе. По слухам, сегодня арестовано 30 казаков с награбленными вещами (часы и проч.).

Многие видели, как громил награждали деньгами от имени администрации. Сами черносотенцы говорят, что их хорошо напоили водкой да еще дали по рублю денег, и т. д. и т. д. Избив демонстрантов, черносотенцы отслужили молебен, в котором принял участие архиерей; после молебна черносотенцы с иконой и портретом царя отправились громить евреев, но прежде еще облобызались с несколькими казацкими офицерами и с начальником жандармского управления Вельком, последнего даже качали . . .

Редактор-издатель *Н. М. Минский.*
Издательница *М. Ф. Андреева.*

ГОД ПЕРВЫЙ. С.-ПЕТЕРБУРГ.

№ 4

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 30 ОКТЯБРЯ (12 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

В первой половине ноября начнет выходить большая социал-демократическая газета

„НАЧАЛО“

(в двух изданиях)

при ближайшем участии: П. Б. Аксельрода. М. С. Балабанова, Б. Б. Веселовского, С. А. Волькенштейна, Д. М. Герценштейна, Ф. Дана, В. И. Засулич, Н. И. Иорданского, Кольцова, Л. М. Клейнборта, О. А. Когана, А. М. Коллонтай, А. Е. Лосицкого, В. Львова, Л. Мартова, Мартынова, П. П. Маслова, П. Нежданова, М. Панина, Парвуса, Г. В. Плеханова, Е. Смирнова, Старовера (А. Н. Потресова), С. Н. Салтыкова, Ст. Струмилина, Н. Троцкого, В. Ф. Тотомианца, А. Ю. Финна-Енотаевского, И. Чернышева, С. Юшкевича и др. Из иностранных писателей обещали свое содействие: В. Адлер, А. Бебель, К. Каутский, Роза Люксембург и Фр. Меринг.

Наша газета — орган революционного пролетариата. Пролетариат России своей самоотверженной борьбой открыл нам поле свободного слова — мы свое свободное слово несем на службу пролетариату России. Мы стоим на почве программы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Своею целью мы ставим вести вперед трудящиеся классы народа в революционной борьбе, не удовлетворяясь никакими уступками и пользуясь каждым приобретением, чтобы укрепить революционную армию и расширить революционные требования. Будить политическое сознание эксплоатируемых масс, установить между ними духовную связь и соединить с ними идейно всех честно чувствующих и смело думающих людей — вот наши средства борьбы.

Пролетариат России стал авангардом революционной социалистической армии всего мира. Являясь глашатаями российского пролетариата в его борьбе за свое освобождение, мы служим интересам угнетенных классов всего мира. Наша борьба находит отклик в их борьбе, а их борьба могучим откликом отзовется на наших революционных успехах. Да здравствует свободное слово!

Подписная цена с доставкой и пересылкой по России: на 1 год — 8 руб., на 1/2 года — 4 руб., 3 месяца — 2 руб., на месяц — 75 коп.

Временный адрес редакции: Каменноостровский пр., 13, кв. 17.

Издатель *С. Н. Салтыков.*

Редактор-издатель *Д. М. Герценштейн.*

С.-Петербург.

30-го октября.

По поводу событий в Кронштадте.

По имеющимся сведениям трудно еще восстановить детальную картину событий в Кронштадте. Но несомненно, что мы имеем здесь дело с смешением восстания и погрома. Восстали матросы и солдаты крепостной артиллерии. Громили и сожигали город хулиганы, к которым, вероятно, пристали бессознательные элементы из числа восставших. Сознательные же повстанцы не сумели предотвратить разгром путем сильной и определенной по своим целям организации „бунтующих“ масс.

До сих пор грабежи, убийства и насилия над мирными жителями-гражданами были „патриотической“ привиллегией черных сотен. Революционеры только сражались с реакционными сторонниками старого порядка или оборонялись от нападения его защитников — полиции, казаков, войск. Мало того, в последнее время кровавые оргии черносотенцев, действующих под прикрытием полицейской и военной силы, заставили революционный пролетариат взять на себя защиту жизни, имущества и свободы граждан, т. е. охранение настоящего, а не полицейского порядка.

Так опровергла жизнь охотно распускаемые сторонниками старого полицейского самодержавного режима и столь пугавшие обывателей детские сказки о кровожадности революционеров, будто бы угрожающих имуществу и самой жизни мирных граждан. Если при народных волнениях, во время стачек и политических демонстраций и случались грабежи, пожары и убийства, то производились они всегда не революционными рабочими, а хулиганами и бессознательной частью толпы, большей частью по подстрекательству самой полиции. И усмиряли грабителей часто сами бунтующие рабочие.

Так было до сих пор и должно быть и впредь. Революционный народ должен твердо помнить социал-демократическое правило: борьба идет со строем, с порядками, с отдельными же лицами — лишь постольку, поскольку они защищают отживший вредный порядок. Дело революции, взятое на себя пролетариатом, — великое, святое дело освобождения всего народа, без различия классов, не исключая даже „черносотенцев“, творящих свои злодеяния не столько по злой воле, сколько по темноте и непониманию своих же интересов, чем пользуются подстрекатели из кучки насильников и эксплоататоров, желающих во что бы то ни стало сохранить выгодный им полицейско-само-

державный строй. Революционный пролетариат не может и не должен допустить, чтобы на его чистое и святое дело пала тень обвинений в насилиях над мирными гражданами. Поэтому при массовых действиях приходится иметь все время в виду не только своего непосредственного врага, но и тех „хунхузов“ из черной сотни, которые всегда готовы воспользоваться шумом борьбы, чтобы пограбить и понасильничать. Приходится организоваться не только для борьбы, но и для защиты мирных граждан.

Требования восставших в Кронштадте войск также в точности неизвестны. Но известен непосредственный повод восстания. Он лежит в поистине каторжных условиях жизни наших войск. Дурное питание, изнурительная служба, грубое и даже жестокое обращение начальства — вот где кроется непосредственная причина недовольства матросов и солдат. Правительство за солдатом все еще не признает прав гражданина. Все еще не понимает, что солдат прежде всего гражданин, который временно несет почетную обязанность — оружием защищать свое отечество от нападения извне.

В николаевские крепостные времена солдатская служба была, можно сказать, пожизненна: солдат служил 25 лет. Это был в полном смысле раб государства. Военную службу несли только крепостные крестьяне, „благородные“ же были от нее освобождены. И многие крестьяне предпочитали каторгу и даже смерть военной службе — таким мучительствам подвергали тогда солдат.

С тех пор воинскую повинность правительство сделало всеобщей и сократило срок службы до 4 лет, а для „образованных“ даже до 2. Но жестокая дисциплина, грубость обращения начальства с солдатами, побои — остались. Их только несколько ослабили. Осталось даже крепостное право офицеров по отношению к денщикам. Понятно, что при таких условиях солдату живется очень тяжко и теперь. И чем сознательнее становится русский народ, тем тяжелее ему переносить военную службу, превращающую его из человека и гражданина в бездушную вооруженную машину. Солдат, по существующему воинскому уставу, должен беспрекословно подчиняться приказаниям начальства и беспрекословно обращать свое оружие против тех, на кого начальство укажет, хотя бы это были его братья.

Нужно ли говорить, что это оружие слишком часто обращается против того народа, который посылает своих сынов в армию? Что армия в руках правительства и буржуазии слишком часто играла и играет роль орудия для подавления народной свободы?

Вот почему социал-демократия требует замены постоянной армии народной милицией. Каждый совершеннолетний гражданин, за исключением только физически неспособных к военной службе, должен уметь владеть оружием и проводить известное время в рядах народной милиции для обучения военному делу. Это даст стосорокамилионному народу России такую вооруженную силу, которой не сломить никакому внешнему врагу. В то же время это уничтожит военную касту, уничтожит казарму, столь напоминающую теперь тюрьму; уничтожит — и это самое важное — возможность для врагов народа покушаться на его свободу.

Итак, всенародная милиция должна заменить постоянную армию. Пока же за солдатами должны быть признаны все права свободных граждан свободной России.

Пропаганда действием.

Трудно сказать, кто явился автором этого анархического принципа: был ли он впервые выдвинут приверженцами анархизма в некоторых романских странах, теми политическими недоумками, свобода которых состоит в свободе от повелений логики и психология которых, во всяком случае, ближе к психологии буржуазии с ее индивидуалистическими капризами, чем к психологии пролетариата с его коллективной стойкостью; или же так охарактеризовали способ борьбы анархистов их противники, желая этим показать внутреннюю противоречивость их способа влияния на народные массы. Но как бы то ни было, „пропаганда действием“ стала на политическом жаргоне вполне определенным термином, обозначающим непременный атрибут анархизма.

Чудовищный принцип в действительности никогда и нигде не применялся систематически. Отдельные бессмысленные террористические акты в Западной Европе и Америке совершались от времени до времени отдельными лицами, относительно политических убеждений и партийной принадлежности которых никогда не удавалось установить что-нибудь определенное. Сама же анархическая партия может быть так названа только с большой натяжкой. В сущности „анархическая партия“ представляет собою некоторое внутреннее противоречие: анархисты больше всего боятся организации; их индивидуалистический пошиб не выносит коллективного действия, и дороже всего им „безумный красивый жест“ отдельно стоящего „героя“.

Серьезные революционные партии всегда и везде смотрели на „пропаганду действием“ как на бессмысленную и крайне вредную затею. В частности, революционные партии пролетариата в романских странах вели и ведут ожесточенную борьбу с анархическими тенденциями склонных к минутным увлечениям южных народов, и успехи этой борьбы ясно обнаруживались повсюду в дискредитировании анархизма как в теории, так и на практике.

Власти и правящая буржуазия не раз пытались сваливать ответственность за те или другие проявления „пропаганды действием“ на социал-демократию. Усердно старались они смешивать в одну кучу представителей революционного марксизма и кричащих героев революционной фразы. Но им нигде не удалось затемнить этим сознание пролетариата. Для сознательного пролетариата всех культурных стран ясна непримиримость учения борьбы классов с мишурными афоризмами индивидуализма, равно как непроходимая пропасть, лежащая между обдуманной и выдержанной массовой тактикой рабочей партии и спазматическими проявлениями личного революционизма.

„Mit geisitigen Waffen ist das rote Ungeheuer nicht zu bekämpfen“ — духовным оружием нам не по силам бороться с красным чудовищем (с социал-демократией), — сказал раз в припадке откровенности один из видных представителей консервативной партии в германском рейхстаге. Ценное признание! И это вынужденное долголетней социал-демократической агитацией признание, означающее полное банкротство буржуазной идеологии, сопровождалось взыванием к борьбе с „красной партией“ с помощью репрессий. Защитникам отживших и отживающих форм общественной жизни не по плечу „духовное оружие“, они сознают, что рисковано им состязаться с „красными“

на почве „пропаганды словом“, и из сомнительного арсенала анархизма они заимствовали себе негодное оружие „пропаганды действием“.

„Пропаганда действием!“ Таков без сомнения лозунг наших властей в их борьбе с освободительным движением русского народа. „Действия“ должны показать вред политической свободы. „Действия“ должны распространять идею самодержавной власти. „Действия“ черных сотен, организуемых и руководимых полицией и правительственными явными и тайными агентами и находящих постоянную защиту в войсках, эти „действия“ служат средством „пропаганды“ старого порядка.

Прием не совсем новый в русской правительственной практике. „Пропаганда действием“ составляла главное содержание политики еврейских погромов, изобретенной Плеве и проведенной с редкой систематичностью. На ужасах погромов, на резне беззащитных людей, на истязаниях детей и стариков, на изнасилованиях женщин должен был демонстрироваться русский народ. Зверем, которого необходимо держать на цепи, таким хотело русское правительство выставить русский народ перед культурным миром. Этим и только этим оно надеялось оправдать свое существование.

„Пропаганда“ не удалась. Слишком топорно устроено было тонкое дело. На первом же опыте, на Кишиневе, аляповатость организаторов „демонстраций“ выдала всю эту чрезвычайно важную „государственную тайну“. И все усилия правительства сохранить эту тайну не имели успеха. Документально и неопровержимыми свидетельскими показаниями установлено авторство погромов.

А дальше... дальше перестали стесняться. Открыто заявляли правительственные власти, что ответом правительства на антиправительственную демонстрацию будет еврейский погром, открыто устраивались эти погромы, открыто вербовались громилы, открыто они защищались силой „доблестного русского оружия“, открыто войска стреляли в самооборону. Но власти наши уважают „действия“. „Действия“ все-таки происходили. „Действия“ должны что-либо показать, ну, хоть вражду русского народа к евреям. И „действия“ одобрялись и вошли в элементы самодержавной политики.

Опыты повторялись и расширялись. Привлекались новые об'екты для „пропаганды действием“. Армяне, грузины, а затем не побрезгали и коренными русскими, — земцами, студентами и интеллигенцией.

„Действия“ пропагандировали, говорили ясно и красноречиво, но говорили совсем не то, чего хотели „пропагандисты“. Они демонстрировали страшное чудовище, но этим чудовищем оказался не русский народ, а та кучка его угнетателей, которая ценой его позора хотела купить себе право на дальнейшее его угнетение.

И об'ятый ужасом встал русский народ с пролетариатом во главе. Могучим натиском на врага он вырвал у него первую позицию. А враг, видя, как победитель собирается укрепить отвоеванную позицию, пустил в бой весь свой арсенал привычного ему оружия—„пропаганды действием“.

На всем протяжении России запылал пожар: грабят, жгут, убивают, зверски истязают; тысячи жертв, стон и крики ужаса стоят в воздухе... То „пропагандисты“ распространяют идею самодержавной власти, не слабым человеческим словом, а „действиями“; то демонстрируется русский народ; то обосновывается благотворность старого порядка.

И эти „действия“ покажут...

Д-он.

Полемика.

„Сын Отечества“ открыл поход против „Новой Жизни“. Пока это не идейная борьба. Почтенный собрат из другого лагеря прибегает к довольно затасканному приему полемики — набрасывает тень на литературную этику сотрудников „Новой Жизни“. В № 217 „Сына Отечества“ находим целых два выпада против нашей газеты.

Г. Пешехонов обрушивается на напечатанную в № 1 „Новой Жизни“ мою статью „«Большинство» и «меньшинство»“, усматривая в ней „инсинуацию“ по адресу редактора „Русского Богатства“. Г. Пешехонов так рассержен этим, что даже лишает нас своего милостивого привета по поводу выхода газеты в свет.

Относительно той части статьи, которая так задела г. Пешехонова, он „должен заявить, что сказанное... — неправда“. Что же, касающееся г. Пешехонова и его единомышленников, я сказал? Я говорю, что „либералы в период своей политической весны — при Святополк-Мирском — не смели и заикнуться о Всенародном Учредительном Собрании и лепетали нечто, не весьма вразумительное, об «участии представителей населения»“. Быть может, г. Пешехонов, вы станете утверждать, что это-то и есть неправда и инсинуация? Но г. Пешехонов благоразумно замалчивает мое принципиальное положение и предпочитает перейти, так сказать, к протокольно-полицейской стороне дела — к примеру, которым я иллюстрирую свое положение.

Из всех банкетов, происходивших прошлой осенью в Петербурге, я выбрал банкет 14 декабря 1904 г. потому, что это—единственный либеральный банкет, на котором я лично присутствовал, и потому, что на нем наиболее резко сказался политический оппортунизм даже наиболее радикальных слоев буржуазной интеллигенции. Я не назвал банкета и имени „маститого редактора“, так как это не имеет никакого значения для дела. Важно было лишь указать, что „маститый редактор“ стоит в первых рядах буржуазной интеллигенции.

Разберем же „протокол“ банкета, составленный г. Пешехоновым. Председательствовал не Н. Ф. Анненский, а г. Кедрин. Признаю правильность этой поправки. Но разве она меняет дело? Ведь г. Кедрин был только, так сказать, подставным председателем, а действительное руководство банкетом принадлежало вовсе не ему. Этим, конечно, и об'ясняется, почему из моей памяти изгладилась фигура г. Кедрина, и, наоборот, так резко врезалась фигура Н. Ф. Анненского и его сотрудников, протестующих против внесения в резолюцию требования созыва Учредительного Собрания. Что Н. Ф. Анненский также, а может быть еще горячее, протестовал против неприличной выходки какого-то случайного господина, к делу не относится. Г. Пешехонов признает, что социал-демократы („и социалисты-революционеры“,—добавляет он) внесли вышеуказанную поправку к резолюции. Далее он говорит, что „возражения против поправки

И. К. П.
Кабинет истор
Народов СССР

делались,—делал их и Н. Ф. Анненский"... Из-за чего-же шум? Ведь, мотивы возражений здесь не важны, так как либералы всегда говорят и говорили, что „по существу" они демократы и только из соображений такта не заявляют об этом громко. „Никакого негодования,—по словам г. Пешехонова,—вышеуказанная поправка социал-демократов" вызвать не могла—тем более со стороны представителей журнала, считающего себя преемником „Отечественных Записок". Не знаю в таком случае, как характеризовать врезавшиеся в мою память горячие, протестующие речи и негодующие голоса в толпе против „бестактности" социал-демократов, „срывающих" банкет. Что Н. Ф. Анненский затем участвовал в редактировании „поправки" опять таки не меняет дела.

Итак, что же осталось от следственного протокола г. Пешехонова? Только одно: Н. Ф. Анненский не председательствовал на банкете. Охотно принимаю эту поправку. Но она, конечно, не может заставить меня переменить свой взгляд на „эволюцию" политических лозунгов либералов и вступивших с ними в „блок" радикалов из буржуазного лагеря.

Что такой „блок" существовал—фактически по крайней мере—для меня несомненно. В него входили весьма разнородные по политическим взглядам элементы, начиная с умеренных „земцев" и кончая сотрудниками „Русского Богатства". Сожительство этих разнородных элементов возможно было, конечно, только вследствие взаимного приспособления. Ну, и приспособлялись друг к другу, стараясь в то же время приспособить к себе правительство „тактичными" речами и депутациями.

А в это время революционный пролетариат вел политическую борьбу. И по мере его побед, менялись лозунги „блока" буржуазных либералов и радикалов, становясь все радикальнее и все более приближаясь к демократическим требованиям пролетариата. Или это также „неправда" и „инсинуация", г. Пешехонов? Бросьте же довольно также застаревшую у вас привычку полемизировать ad hominem и спорьте по существу.

П. Румянцев.

Русская печать.

*** Времена „подполья" прошли. Деятельность социал-демократии выносится на свет гласности, даже — кто бы мог этого ожидать — официозной гласности.

Орган министерства финансов, „Торгово-Промышленная Газета", разбирает наши цели и идеалы в связи с профессиональным движением. Разумеется, симпатии органа на стороне социальной реформы, но и о нашей программе газета говорит беспристрастно, даже в сдержанно-сочувственном тоне. Приводим характерный отрывок.

Возлагать какие-либо особые надежды на развитие в стране рабочих союзов нельзя, как нельзя отрицать или тормозить этот вид рабочего движения. Вместе с тем невозможно думать, что создание профессионального движения является, как одно время предполагали, основываясь на преувеличении значения одного из этапов развития английского трэд-юнионизма, оплотом или гарантиею против развития движения политического. Наоборот,

Заметки о мещанстве.

II.

Каждый, разумеется, видит все в жизни так, как он хочет видеть, а кто ничего не хочет, видит только себя — скучное и жалкое зрелище!

Мещанин не способен видеть ничего, кроме отражения своей серой, мягкой и бессильной души.

Наиболее уродливые формы отношения мещанства к народу сложились в нашей нелепой стране. Вероятно, на земле нет другой страны, где бы командующие классы говорили и писали о народе так усердно и много, как у нас, и уж наверное ни одна литература в мире, кроме русской, не изображала свой народ так приторно-слащаво и не описывала его страданий с таким странным, подозрительным упоением.

Придавленный к земле тяжелым и грубым механизмом бездарно устроенной государственной машины, русский народ — скованный и ослепленный Самсон — воистину великий страдалец.

И воистину с молчаливым терпением титана долго держал он на плечах своих страшную тяжесть рабского, каторжного труда, зверских преступлений со стороны власти, сладострастного издевательства над его личностью помещиков и полиции, держал безропотно и лишь порою, встряхнув плечами, рвался к свободе, но — слепой — не находил пути к ней, и снова, и еще крепче связывали его...

Когда человека пытают, а он, полный презрения к палачам, мужественно молчит, — это красиво, вызывает восторженное уважение к мученику и, несомненно, является прекрасной темой для поэта...

Но когда русского мужика бьют по зубам, секут розгами, ломают ему ребра, а он, едва ли в чем-либо виновный, стонет: „не буду!" — в этом мало человеческого и совсем нет красоты — это должно бы вызывать гнев и ненависть к силе, угнетающей народ, это должно бы возбуждать страстное, упорное желание разрушить и перестроить мрачную, душную казарму, в которой задыхается родина.

Русская литература с печальным умилением смотрела, как тупая сила власти, разнузданной своей безнаказанностью, насилует русский народ, как она старательно отравляет суевериями этот вечный источник энергии, которой бесправно пользуются все, как истощается почва, дающая всем и хлеб и цветы, она смотрела на это преступление против жизни ее родины и лирически вздыхала.

Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Наша литература — сплошной гимн терпению русского человека, она вся пропитана тихим восторгом пред страдальцем-мужичком и удивлением пред его нечеловеческой выносливостью.

„Где ты черпал эту силу?"

спрашивает она его, но народ был для нее натурой, с которой она красиво и сочно писала более или менее талантливые картины для удовлетворения своих творческих эмоций и эстетического вкуса мещан...

Соль истинной поэзии в изображениях мужика и его жизни, даже у крупных писателей, часто и странно сме-

история Запада нам показывает, что как в свое время развитие союзного движения в среде рабочего класса было только частичным развитием общеполитических прав, так и современное западно-европейское профессиональное движение является идущим рука об руку с политическим. От единовременного развития возникли только более определенные взаимоотношения, а не уничтожение одной из форм. Одними такими средствами борьбы, как стачка или бойкот, рабочий класс никогда не может ограничиться. Из вышеприведенных данных было видно, что рабочие союзы в большинстве стран являются только отростками политической рабочей партии, так или иначе находящей себе место в учреждениях представительного правления. На это же указывает и германская рабочая партия, говоря в своей программе, что, „чем более отдельные слои сплачиваются в единый рабочий класс, тем более его борьба должна принимать политический характер, ибо всякая классовая борьба есть борьба политическая".

Тут есть фактические неточности. На примере Англии видно, что не всегда профессиональный союз идет в своем развитии „рука об руку" с ростом политического сознания. Но и то уже нам кажется показательным, что при слове „политическая борьба" орган министерства финансов не торопится упасть в обморок.

Конечный идеал нашей партии газета формулирует так:

Как организовать такое народное хозяйство, при котором социальная масса не дифференцировалась бы на классы эксплоататоров и эксплоатируемых?

При чем считает нужным добавить, что профессиональное движение —

это все большее восприятие „земного", будничной мелочи и второстепенных задач — нисколько не омрачает ясности светлого и яркого солнца конечного идеала.

*** „Сын Отечества" продолжает гневаться на г. Минского за то, что он, по поводу упражнений почтенной газеты в словесном радикализме, вспомнил известный пушкинский стих о „«Сынах Отечества» и «Вестниках Европы»". Гнев не пошел впрок редакции почтенного органа, ибо заставил ее договориться до больших пошлостей. Г. Минскому ставится в упрек его сотрудничество в „Рассвете", хотя, казалось бы, такой упрек более чем странен со стороны редакции, все „столпы" которой годами работали под ферулой князя Ухтомского, да еще не в „Рассвете", предоставлявшем простор свободному слову, а в „Петербургских Ведомостях", под сенью двуглавого орла и неблизости казенных об'явлений. Еще удивительнее другой, делаемый г. Минскому почтенной редакцией упрек в том, что

не велика заслуга... храбро итти вперед, когда не приходится ни бороться с цензурным гнетом ни рисковать и жертвовать изданием.

Нелепость этого упрека тем резче кидается в глаза, что он сделан рядом с известием о привлечении г. Минского к уголовной ответственности по п. 2 ст. 129 за тот самый номер „Новой Жизни", в котором помещен непочтительный отзыв о „Сыне Отечества". Оказывается, что и теперь, после обещанной свободы печати, газетная деятельность сопряжена с риском и жертвой, за исключением, конечно, радикального краснобайства. Редакция „Сына Отечества" обходит эту бьющую в глаза нелепость тем, что в одном месте она говорит о г. Минском, а в другом—о редакторе-издателе „Новой Жизни": полемический прием, который, мягко выражаясь, следует назвать литературным хулиганством.

шивается с патокой грустного лиризма, а он всегда одинаково неуместен при описаниях жизни русской деревни, ибо, по меньшей мере, неприлично лирически вздыхать, когда на ваших глазах люди утопают в грязи и во тьме.

И всегда в отношениях русского писателя к своим героям - мужикам чувствуется нечто вроде удовольствия видеть их ничтожными, мягкими, добрыми и терпеливыми...

Положим, необходимо употребить солидные усилия для того, чтобы вывести из терпения русского мужика, но наше правителельство — воздадим ему должное! — всегда успешно выполняло эту задачу; однако, роскошное зеркало русской литературы почему - то не отразило вспышек народного гнева — ясных признаков его стремления к свободе. Она изображала нам Калиныча и Хоря, Муму, Касьяна, Антона Горемыку, Платона Каратаева, дедушку Якова и Мазая, Акима во „Власти тьмы" и бесконечную вереницу иных мудрых, но косноязычных и немых людей. На ее глазах из среды народа выходили: Ломоносовы, Кольцовы, Никитины, Суриковы, но она не замечала их и забыла отметить в прошлом таких крупных выразителей народной воли, как Разин и другие. Она не искала героев, она любила рассказывать о людях сильных только в терпении, кротких, мягких, мечтающих о рае на небесах, безмолвно страдающих на земле. Все они терпеливо — непременно терпеливо, без гнева, без ропота — несут на плечах своих гнетущие души и тело невзгоды и позор рабской жизни. Милые люди! Они совершенно неспособны к делу строительства жизни и кажутся созданными природой специально для мирной работы на господ. Такие славные божьи коровки эти духовно чистенькие мужички, они так любовно мудры, полны такой готовностью страдать, что право удивляешься, как можно было таких людей-младенцев драть на конюшнях плетьми, пороть розгами, продавать оптом и в розницу, как баранов, и вообще обращаться с ними... неделикатно?

Сознательно или бессознательно, но всегда настойчиво, наша дворянская литература рисовала народ терпеливо равнодушным к порядкам его жизни, всегда занятым мечтами о боге и душе, полным желания внутреннего мира, мещански недоверчивым ко всему новому, незлобивым до отвращения, готовым все и всем простить, курносым идеалистом, который еще долго и долго способен подчиняться всем, кому это нужно.

Мещанство читало красивые рассказы о смирном русском народе, искренно восхищалось его незлобивым терпением и, спокойно, крепко сидя на его хребте, дало ему лестный титул народа-богоносца.

Ко времени вынужденного народом освобождения его от крепостного права, и кстати — от земли, в нашей стране, как это известно, образовался небольшой, но энергичный слой людей, сильных духом и внутренне свободных. Это была смелая вольница, „кто с борку, кто с сосенки", — неудачные дети духовенства, уроды из дворянских семей, блудные сыновья чиновников, только что рожденные фабрикой рабочие, — все умные, здоровые, веселые работники, бодрые, как люди, проснувшиеся на рассвете ясного майского дня. Полные молодой жаждой жизни красивой и свободной, они увидели пред собой

Впечатления.

IV.

Беседуя с г.г. Головиным, Кокошкиным и кн. Львовым, граф Витте, между прочим, сказал: „При господствующем в настоящее время в стране возбуждении, доходящем до ежедневных кровавых столкновений различных частей населения между собой, он не считает возможным правительству взять на свою ответственность проведение в жизнь столь коренных реформ, как установление всеобщего, прямого и равного избирательного права".

Заявление — многозначительное, в нем чувствуется нечто предостерегающее. Действительно, некая часть населения, очевидно, до такой степени привыкла к бесправию и произволу, так полюбила эти основные устои нашей государственной жизни, что не желает никаких свобод и зверски протестует против них. Она живьем сожигает сторонников освободительного движения, топит детей в помойных ямах, избивает студентов и грозит перерезать всех, кто с нею несогласно мыслит и действует.

Граф Витте просит принять это к сведению. Но доводы графа не защищают политики правительства. Благодаря свободе слова, эта политика освещена достаточно ярко, и все грамотные люди видят ее грязный, уродливый, лживый обман, залитый кровью лучших людей страны. Та часть населения, которая протестует против свободы с ломами и дубинами в руках, организована администрацией, ею вдохновляется, она избивает людей не только на глазах полиции, но и при ее личном участии — это точно установлено прессой, и это должен бы знать граф Витте.

Администрация, духовенство, полиция, дворники и серая, полуголодная масса, не озаренная светом мысли, — вот та часть населения, которая враждебна реформе. Это она привела страну в состояние анархии, она громит, убивает и всячески свирепствует, как голодный, раздраженный зверь. Все эти дикие люди, развращенные долгими годами своей власти над страной, озверели, чувствуя, что приближается конец их своеволию и произволу, и вот они бьются за свою свободу — последний, позорный бой. Их свобода — свобода воров и убийц. За ними стоят войска, искусственно раздражаемые против народа. Известно, что солдат и казаков плохо кормят, целые дни и ночи без надобности гоняют по улицам, держат запертыми во дворах, всячески злят и наускивают их, и поят водкой перед тем, как пустить на избиение народа.

И всегда говорят им, что во всех неудобствах их жизни, — искусственно создаваемой начальством, — виновен бунтующий против насилия народ.

Вражды между населением нет, но есть заговор бюрократии против народа.

И то, что сказал граф Витте, на языке правды звучит так: — Есть две части населения, обе борются за свободу, и хотя одна, ничтожная количественно и гнусная духовно, борется за свободу насилия над личностью, а другая за неприкосновенность личности и благо всей страны, однако, первая, несмотря на малочисленность, все еще сильна своей властью и организована, а другая бесправна, безо-

---

жизнь, устроенную их отцами, и с презрением, с гордой насмешкой отвернулись от нее — тесной, скучной, нищенски бедной содержанием, формами и красками, нагло и грубо построенной на непосильном труде ограбленного, темного народа.

Вокруг них шумно суетилось встревоженное реформами мещанское общество, — ожиревшее, вырождающееся, уже духовно мертвое, оно судорожно корчилось, как гальванизированный труп, и на пороге новой жизни тупо злилось, трусливо и злобно шипело, чувствуя, что на земле для него остались только могилы. Буйная молодость дерзко и весело пела отходную остаткам крепостного строя и зорко присматривалась, ища свое место в жизни.

А правительство, освободив народ, тотчас же усердно занялось разведением чиновников, ковкой звеньев новой цепи для народа. К разночинцам оно относилось подозрительно и враждебно, люди, которые не хотели быть чиновниками, были излишни и вредны для него. Было ясно: если интеллигент - разночинец хочет жить, он должен встать ближе к народу, опереться на него и увеличить свою дружину за счет его. Интеллигент понял это, пошел в народ сеять среди него „разумное, доброе, вечное"...

Разумеется, наше правительство не могло допустить на ниве народной никаких посевов, кроме тех, которые укрепляли бы легенду о неземном происхождении его власти. И вот началась беспримерная в истории эпическая борьба горсти смелых людей с чудовищем, которое похитило свободу и зорко, жадно стережет ее...

Эта битва была красива, как старый рыцарский роман, она родила много героев и пожрала их, как Сатурн своих детей. Герои погибли. Участь героев — всегда такова, и не будем оскорблять память героев сожалением о гибели их...

Это были стойкие, крепкие люди, но история поставила их между холодной наковальней и тяжелым молотом. Много они хотели поднять, много сдвинули с места и надорвались в усилиях разбудить народ, — он до этой поры не видел ничего доброго от господ и не поверил им, когда они бескорыстно принесли ему ученье о свободе, равенстве и братстве.

Те, кому лгали столетия, не могли научиться верить в годы...

В эти дни, когда рыцари бились на смерть со змеем, — мещанство в стихах и прозе доказывало, что:

Умом России не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить,

что русский народ чрезвычайно самобытен, и что греховная западная наука, развратные формы жизни Запада совершенно не годятся для него. Влияние Запада может только испортить, разрушить кроткую, мягкую душу и прочие редкие качества народа-богоносца, воспитанные в нем порками на конюшнях, сплошной неграмотностью и другими идеальными условиями русской самобытности.

В творениях мещан на эту тему есть много любопытного, но самое замечательное в них — соединение таланта с какой-то истинно-восточной ленью ума и татарской

ружна... От вашей уступчивости, господа, будет зависеть, на чью сторону встанет правительство...

— А как же „непреклонное исполнение воли монарха“?

Очевидно, граф Витте, купно с поместной администрацией, полицией и всей черной сотней, считает эту *волю призрачной*.

Прекрасно! По этому пункту не может быть разногласий между „различными частями населения“ нашей страны.

Идол свергнут.

V.

Триста лет над Россией мрачно реяли черные крылья двуглавого орла; все шире простирал он их, покрывая страну черной тенью страха пред ним, и всем казалось, что эта зловещая, жадная птица обладает необоримой силой.

Вместо перьев — стальная щетина штыков, вместо глаз — пустые дула дальнобойных пушек, клюв и когти, обагренные кровью, — это было страшно, и никому в голову не могло притти, что чудовище давно уже мертво, что это не живой организм, а просто арматура, прихотливо разложенный склад разнообразного оружия. Но теперь для всех стало ясно, что сила, которая держала страну в страхе, — призрак. Даже те, что еще вчера рабски, безропотно, нелепо служили ей, ныне отрицают ее.

Вот какое письмо напечатано в „Руси“:

„На Михайловской ул. 19 октября, около 12 ч., я была свидетельницей следующей сцены. Городовой сдирает с доски манифест и собирается наклеить на его место приказ ген. Трепова. К нему подходит студент и говорит: «Что вы делаете? Ведь это царский манифест». — Что нам царь, мы должны слушаться Трепова, — последовал ответ. За справедливость ручаюсь.

А. Г.“

„Личность и адрес автора нам известны. Не только на указанной улице, но едва ли не по всему городу 19-го октября манифест о свободах был заклеен «об'явлением» ген. Трепова, при чем свидетелями подтверждается, что сдирали манифест сами полицейские.

Ред.“

Итак, кончена трагикомедия!

Мы подождем, однако, поздравлять страну с новой династией...

А.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Москва. (Собственная телеграмма „Новой Жизни.“) — Товарищ Павел Августович Грожан убит 22-го октября. Похоронен не опознанным. Личность установлена 29-го октября.

Одесса. (Случайная.) 29-го октября.—Подготовлявшееся избиение интеллигенции, сегодня вызвавшее страшную панику и массовое бегство из города, устранено принятыми мерами Каульбарса. Положение продолжает быть угрожающим; дневные грабежи мирных жителей войсками продолжаются. Варфоломеевская ночь бледнеет перед ужасами одесских зверств. Люди разрывались в клочья в присутствии и при помощи городовых

хитростью, которой мещане прикрывали эту лень мыслить смело и до конца ярко-пестрыми словами восторга перед народом. Немой, полуголодный, безграмотный народ, по уверению мещан, был призван обновить весь мир таинственной силой своей души, но для этого прежде всего требовалось отгородить его от мира высокой стеной самобытности, дабы не коснулся его свет и воздух Запада. Он, еще недавно, награда вельможам за придворные услуги, живой инвентарь помещичьих хозяйств, доходная статья, предмет торговли, вдруг стал любимой темой разговоров, об'ектом всяческих забот об его будущей судьбе, идолом, перед которым мещане шумно каялись во грехах своих. Растерянная, суетливая мещанская мысль, как летучая мышь над костром, завертелась вокруг народа в своих поисках оправдания и примирения.

Эта жалкая суета развращала порою лучшего поэта тех дней, и часто он, вступая в общий хор лицемерно кающихся, фальшиво вторил им:

... Успели мы всем насладиться.
Что ж нам делать? Чего пожелать?
Пожелаем тому доброй ночи,
Кто все терпит во имя христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусство, науки,
Предаваться мечтам и страстям...

В этом, допустим, искренном лирическом порыве сытого и несколько сконфуженного своей сытостью человека чувствуется немного иронии над собой, но какая странная скудность фантазии! Неужели народу, усыпленному насильно, народу, сон которого ревниво оберегали тысячи верных слуг Левиафана-государства, неужели этому народу нельзя было пожелать ничего лучшего доброй ночи? В те дни, когда уже многие били в набат, стараясь разбудить его? В те дни, когда герои одиноко погибали в битвах за свободу?

Мещанам нравились подобные стихи, и они искренно, от всей души, желали милому народу — спокойной ночи. Что они могли пожелать ему кроме этого? Это и гуманно и дешево...

В это время — время борьбы—одни из них тревожно и угрюмо, как совы, кивали головами на Запад, где горел, не угасая, огонь свободы, и в муках рождалась истина, они кричали, что оттуда льется отрава, которая погубит русский народ. Другие пристраивались в услужение к радикальным идеям, незаметно стараясь одеть их в уродующие одежды компромисса. Третьи злобно в стихах и прозе клеветали на все, что было им враждебно, молодо, красиво, смело, и во всем, что они делали, звучала их вечная тревога за свой покой — тревога нищих духом.

А в страну медленно входил железной стеной окутанный серыми тучами дыма и пара великий революционер, бесстрастный слуга желтого дьявола, жадного золота, все разрушающий капитализм...

М. Горький.

и казаков. Женщинам распарывали животы и напихивали перьями. Казаки, при криках „ура“ хулиганов, вырывали из рук сестер милосердия раненых и разрубали шашками. Особенно зверски рубили студентов. Убитых 1.100, раненых тяжело несколько тысяч. Вся Молдаванка умерщвлена. Разбой, хорошо подготовленный, направляемый искусной рукой, превзошел стремления организаторов. Сознавшиеся городовые заявили, что действовали по приказу известных всему городу лиц. Когда восторженная толпа манифестантов узнала о начавшемся разбое на Прохоровской улице, десятки тысяч двинулись туда на помощь, но были встречены дружными залпами войск, окружавших маленькую кучку хулиганов и переодетых городовых, и начали шествие по Дерибасовской, оглашая воздух выстрелами. Это было начало разгрома центра города. Хулиганы партиями в двадцать—тридцать человек, защищаемые казаками и управляемые известными вожаками, Цулукидзе, Шишкиным, Азарьевым, Ивановым, Полянкевичем, шли из дома в дом, грабя и убивая всех евреев. Богачи— Бродский, Пуриц и многие другие,—уплатившие полиции тысячи, не тронуты. Градоначальник, сопровождаемый казаками, приветствовал хулиганов на Екатерининской улице. Карантинные стражники мимо меня носили в казармы ограбленное. Отбирание дворниками у хулиганов награбленного прекратилось в первый день, ибо, по указанию хулиганов, расстреливались именно все те дома, возле которых хулиганы были останавливаемы и пойманы. Дворники, городовые, провокаторы стреляли с крыш домов — с целью вызвать обстрел домов войсками. Чудовищные, сказочные вещи приходится рассказывать, если бы не подтверждалось пламенными показаниями хулиганов и полицейских. Сообщение „Ведомостей“ о снятии полицейских постов, вследствие нападения на городовых,—бесстыдная ложь. Посты сняты 16 числа, до которого не было ни одного случая ранения городовых; вообще, жители первые два дня никоим образом не стреляли по войскам.

Возможны единичные выстрелы в третий и четвертый день, когда явно подтверждается разбой войск и казаков при декоративном участии хулиганов. Городская дума дважды телеграфировала Витте о немедленном удалении градоначальника. Телеграмма задержана была распоряжением градоначальника. Солдаты и казаки не отрицают полученного приказа грабить и убивать. Провокаторами разосланы телеграммы по станциям и деревням о движении 20.000 евреев для резни христиан. Ужасы убийств на станциях, особенно Раздельной, не поддаются описанию. „Южные Ведомости“ продолжают волновать население хулиганскими статьями, защищая убийц, якобы восставших за поруганные права царя. Мещанский староста категорически отрицает заявление градоначальника о полученном воззвании тридцати тысяч мещан принять меры, иначе они сожгут университет со всеми недоучками. Отставка Трепова внесла успокоение в общество. Население с нетерпением ждет смещения и предания суду градоначальника Нейдгардта. Градоначальник созвал редакторов, угрожал возобновлением разбоев, в случае печатания каких-либо сведений о происшедшем. Газеты вынуждены молчать. Необходимо немедленно прекратить издание „Ведомостей Градоначальства“. Редакторы и сотрудники получили угрожающие письма. Телеграммы российского агентства возбуждают негодование наглою ложью.

РОССИЯ.

Рига. 29 октября (СПА).—От губернатора Звегинцева расклеено об‘явление с призывом сохранять спокойствие и соблюдать порядок. В видах успокоения населения, губернатор предупреждает, что не допустит ни в каком случае никаких уличных манифестаций, чтобы не возбуждать одну часть населения против другой. Настроение тревожное. В городе были разбросаны прокламации об избиении евреев, латышей, интеллигенции и студентов.

Кременчуг, 29 октября (СПА).—Временный генерал-губернатор предупреждает, что всякие попытки устроить еврейский погром будут энергично подавлены, и громилы преданы военно-полевому суду.

Елисаветград, 29 октября (СПА).—Царившая в пятницу и в субботу, вследствие слухов о новом погроме, сильная паника улеглась. Магазины открыты. Жизнь входит в обычную колею. Раз‘езжают патрули.

Шадринск, 29 октября (СПА).—В городе спокойно. Собрание граждан постановило образовать союз с целью раз‘яснения населению уезда истинного значения манифеста 17 октября.

Одесса, 29 октября (СПА). — В городе спокойно. Иностранцы покинули пароходы.

Варшава, 29 октября (СПА).—(Оф. корр.). — Положение вещей в городе не изменилось. Забастовки продолжаются. По словам „Курьера Варшавского“ организовалась группа купцов для борьбы против забастовок, которые, по их мнению, достигли некоторых политических результатов и потому должны быть пока прекращены, чтобы дать правительству время провести обещания в жизнь и избавить жителей от грозящей им нищеты и голода.

Васильков, 29 октября (СПА).—Начавшиеся антиеврейские беспорядки в селах: Кожанке, Сидорах, Острийках и Фурсах быстро прекращены.

Саратов, 29 октября (СПА). —Аграрное движение разрастается. Крестьянские беспорядки с разгромами усадеб охватили пять уездов. В Балашовском уезде разгромлены усадьбы Прозоровского и Голицына, в Зубриловке — Кривского и других, в Саратовском, кроме Тепловской казенной экономии, разгромлены усадьбы: Катковой, Рейденбурга, Бенкендорфа, князя Щербатова и других. Постоянно получаются телеграммы о новых погромах усадеб.

Сосновицы, 29 октября (СПА).—Стачка продолжается. Вчера на улицах вновь появились на постах полицейские чины. Опечатаны две местные типографии, печатавшие революционные издания. Сегодня расклеено об‘явление о том, что по распоряжению варшавского генерал-губернатора никакие публичные шествия и манифестации не разрешаются. Уличные сборища манифестантов будут рассеиваться всеми мерами до употребления оружия включительно. Начальник уезда об‘являет, что допускает по желанию жителей образование милиции, но будет строго преследовать за практикуемые ныне вымогательства с угрозами денег на милицию от жителей.

Холм, 29 октября (СПА). — По ходатайству начальников учебных заведений попечителем варшавского округа прекращены временно занятия. Поезда между Холмом и Брестом курсируют правильно.

Тифлис, 29 октября (СПА).—Приказом наместника Кутаисская губерния об‘явлена на военном положении с предоставлением командующему 20 пехотной дивизией генерал-лейтенанту Шимковскому полномочий генерал-губернатора.

Управляющий губернией Кипшидзе телеграммой опровергает слухи о принятии губернской администрацией репрессивных мер в Гурии, об‘ясняя эти слухи печальным столкновением населения с пластунами, при чем были человеческие жертвы с обеих сторон, также отсутствием телеграфного сообщения и, присовокупляя, что для расследования и принятия мер к успокоению выехал в Гурию губернатор Старосельский.

Тифлисская городская дума обратилась к населению с воззванием о принятии зависящих мер к успокоению населения в Тифлисе.

На железных дорогах забастовки прекратились.

Факт стрельбы 22 октября из помещений редакций „Возрождения“ и „Тифлисского Листка“ отрицается этими газетами.

Воронеж, 29 октября (СПА).—После происшедших разгромов и грабежа еврейских магазинов и квартир 21 и 22 числа, осталось без крова и одежды более ста семейств. Производится строжайшее следствие. Собрано пожертвований более 10.000 р. Думою ассигновано 3.000 р. Производятся обыски и отбирается разграбленное имущество.

Кострома, 29 октября (СПА).—Местные евреи напуганы слухами о предстоящем разгроме жилищ и лавок, подобном бывшему в Ярославле. Иные покинули квартиры и даже город, но страхи напрасны: никаких нападений в городе нет; во всех учреждениях идут занятия обычным путем; набор также идет спокойно и успешно.

Саратов, 29 октября (СПА).—Пасторское собрание местных священников постановило выразить глубокое негодование и порицание редакции „Духовного Вестника“ и просить епископа Гермогена запретить ставить слова: „печатается с благословения

его преосвященства". То же собрание постановило выразить глубокое сочувствие евреям и всем пострадавшим от погрома, открыв добровольную подписку.

Владикавказ, 29 октября (СПА).—Населению городских окраин розданы полицией берданки, отпущенные по распоряжению военных властей для защиты от грабежей.

Гельсингфорс, 29 октября (СПА).—Куопиоский губернатор М. Берг подал в отставку.

Томск, 28 октября (СПА).—Происходят похороны жертв беспорядков под охраной. Все спокойно.

По слухам, на общем совете управления железной дороги единогласно решено ходатайствовать перед министерством путей сообщения о переводе всех служб в Омск. Открыт сбор пожертований в пользу пострадавших во время последних беспорядков.

Киев, 28 октября (СПА).—Министерство финансов, идя навстречу потерпевшим от погрома купцам, предложило местному отделению государственного банка не сокращать кредита, но расширить его, дабы дать возможность купцам восстановить торговлю.

Варшава, 28 октября (СПА).—По распоряжению попечителя учебного округа, все гимназии и прогимназии закрыты до успокоения умов. Владельцы лавок, желая открыть торговлю, организуют самооборону против принудительных действий забастовочного террора. Забастовали все кондитерския.

Железнодорожные делегаты разрешили марковскому под'ездному пути открыть завтра движение для провоза пассажиров и доставки с'естных припасов.

Енисейск, 28 октября (СПА).—В виду циркулирующих слухов о замышляемых хулиганами насилиях над интеллигенцией, учащимися и евреями, дума вчера в экстренном частном совещании организовала комиссию для скорейшей выработки мер обороны.

Бреславль, 29 октября. — Социал-демократы внесли предложение о необходимости начать агитацию против прусской системы трехклассного избирательного права, а также устраивать уличные демонстрации. Вчера бюро социал-демократической партии, председателями которой являются Бебель и Зингер, обсуждало это предложение и отклонило его. Однако, бюро решило вместе с этим теперь же начать энергическую агитацию в пользу введения всеобщего избирательного права в Пруссии.

В субботу на будущей неделе имперский суд в Лейпциге приступит к рассмотрению дела так называемой писательницы Шолякиновой, обвиняемой в том, что она занималась шпионством с целью узнать тайны германской армии. Обвиняемая выдавала себя за корреспондентку некоторых русских газет.

Белосток, 29 октября (СПА).—В городе опубликовано следующее об'явление генерал-губернатора Богоевского: „В городе распростаняются злонамеренными людьми слухи о предстоящем еврейском погроме. Об'являю, что всякая попытка произвести беспорядок будет подавлена самым беспощадным образом и что войска и полиция, исполняя свой долг перед государем и единой Россией, всегда будут стоять на стороне порядка, не различая партий и национальностей".

Радом, 29 октября (СПА). — По официальным сведениям, в Островце фабричные рабочие на многолюдном митинге постановили содействовать умиротворению рабочих; с этой целью образована группа рабочих, часть которой предназначена для оказания поддержки местной полиции в деле поддержания порядка.

Калиш, 29 октября (СПА).—Вчера на митинге народной партии постановлена следующая резолюция: „Для успокоения края необходима полная автономия Польши в законодательном, административном, судебном и школьном вопросах с Сеймом в Варшаве, избранным всеобщей и тайной подачей голосов".

Москва, 29 октября (СПА). — В Москве вокруг Гучкова и Шипова образуется новая политическая партия, которая будет правее конституционно-демократической партии и будет стремиться под флагом манифеста 17 октября к осуществлению всех возвещенных в этом манифесте свобод. Партия будет издавать свою газету.

Сегодня градоначальник и городская управа расклеили на всех видных местах два об'явления, призывающие население к успокоению. В городе тем не менее замечается тревога. Цензурный комитет обратился к прокурору с предложением привлечь, на основании 129 ст. ул. о нак., за стремление ниспровергнуть существующий строй газету „Вечерняя Почта", напечатавшую революционную прокламацию.

Газета „Русские Ведомости" привлечена к ответственности за непредставление в цензуру установленных номеров.

Киев, 29 октября (СПА).—Совет университета постановил возобновить занятия с 31 октября с предупреждением, что университет будет вновь закрыт, если в стенах его будут происходить митинги.

Мариуполь, 29 октября (СПА).—Население еще не успокоилось и, будучи тревожно настроено, опасается воскресного дня.

Батум, 29 октября (СПА).—Настроение в городе попрежнему тревожное. Открывшиеся магазины вновь закрылись.

Вчера произошло столкновение толпы с войсками. Есть раненые.

Одесса, 29 октября (СПА).—Известие из Одессы об уничтожении во время погрома заводов маслобойного Муската и химического Аркуса — неверно. Оба завода продолжают функционировать.

Новороссийск, 28 октября (СПА).—По городу упорно циркулируют слухи о предстоящих погромах.

Варшава, 29 октября (СПА).—Забастовка продолжается. Население кое-где организовало самооборону против погромов, о которых ходят тревожные слухи. Вчера и сегодня в разных пунктах убито и ранено десять лиц, подозреваемых в хулиганстве.

Могилев, 29 октября (СПА).—Сегодня двумя выстрелами в живот и руку ранен в своей приемной губернатор Клингенберг. Стрелявшая дама, назвавшаяся баронесой Меендорф, задержана. Положение губернатора неопределенное. Дама оказалась женой члена могилевской городской управы Езерской.

Сызрань, 29 октября (СПА).—Сегодня ночью произошло крушение поезда у Сызранского моста через Волгу. От шедшего впереди товарного поезда были умышленно оторваны семнадцать вагонов, на которые и налетел почтовый поезд. Убит один рабочий; 17 хлебных вагонов и вагон цистерна разбиты вдребезги.

Елисаветград, 29 октября (СПА).—Во вчерашнем заседании думы вопрос о городской милиции снят с очереди, в виду распространившихся среди населения нелепых слухов о назначении и составе милиции.

Баку, 29 октября (СПА).—В городе сильно распространены волнующие население слухи, будто завтра произойдет погром. Властями приняты меры.

Газеты с разрешения наместника выходят без цензуры. Следствие по делу о погроме началось.

Калиш, 29 октября (СПА).—15 дней забастовки Калишской железной дороги причиняют огромные убытки промышленности и сельскому хозяйству. Возбуждается генерал-губернатором ходатайство о замене бастующих железнодорожных служащих саперами.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Париж, 28 октября (10 ноября) (СПА).—Отказ палаты приступить немедленно к обсуждению запроса Дюмона оказался полной неожиданностью и вызвал сильное волнение. Члены оппозиции высказались за обсуждение текущих вопросов, чтобы помешать прениям, которые должны были восстановить правительственное большинство. Социалисты примкнули к оппозиции, чтобы повредить кабинету.

Когда палата приняла резолюцию, отклоняющую немедленное обсуждение запроса Дюмона, Изоар направился к министерской скамье и сказал Этьену: „Вы пленник правой..." Этьен горячо ответил. Тогда Барто покинул министерскую скамью со словами: „Я не хочу, чтобы говорили, что и я пленник правой. Пред-

почитаю удалиться". Несколько друзей присоединились к нему вместе с Этьеном, тщетно пытавшимся его успокоить и склонить вернуться к своему месту на министерской скамье. Берто заявил, что выходит в отставку. Через некоторое время Берто вернулся в зал заседаний, но сел на свое прежнее депутатское место, показав этим, что отказывается от своего портфеля.

Москва.

29 октября.

— На собрании Федеративного Совета Московского Комитета и Московской группы Российской Социал-Демократической Партии постановлено обратиться ко всему населению с воззванием оказать энергичное противодействие темным силам, стремящимся препятствовать освободительному движению. „В Москве пролито уже много крови,—говорится в воззвании,—а теперь по городу ходят настойчивые слухи о новых ужасных преступлениях. Одна молва леденит кровь в жилах! Собираются адреса студентов, докторов, адвокатов, профессоров, гласных думы и других ненавистных реакции лиц и составляются планы одновременного их убийства... Указывается и время, когда этот адский план будет приведен в исполнение: ночь с субботы на воскресенье. По городу распространяются отвратительные прокламации, приглашающие москвичей к избиению." Далее в воззвании указывается на „преступное молчание и бездействие городской думы" и указываются способы противодействия черной сотне. „Мы, пролетарии,—говорится в воззвании,—сумеем отстоять себя и будем жестоко мстить за всякую жертву, вырванную из наших рядов, но мы считаем священным долгом защитить всех невинно страдающих и грудью отстоять свободу и счастье всей измученной России, и для вашего собственного блага, блага ваших детей, жен, братьев и сестер вы должны помочь нам в нашей неравной борьбе"... „Городская дума должна сложить свои полномочия,—требует воззвание,—и уступить свое место временному комитету, который должен организовать новые выборы гласных на началах всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов. Эта новая дума сумеет обеспечить спокойствие жителям Москвы".

— Совет Социал-Демократической Партии обратился к гражданам Москвы с воззванием по поводу ожидаемого нового выступления черной сотни. Воззвание рекомендует москвичам требовать удаления войск и вооружения. Охрана города организована пролетариатом. По улицам раз'езжают небольшие группы драгун в 6—8 человек.

— Вчера на фабрике Кушнарева состоялся митинг, устроенный социал-демократическим союзом типографщиков. Обсуждались вопросы о профессиональных союзах рабочих и отношении их к социал-демократии. Ряд таких митингов будет устроен на всех фабриках.

— В Иваново-Вознесенске черная сотня охотится за депутатами от рабочих. Дом одного депутата громился дважды и окончательно разгромлен. Один рабочий сварен в котле. Есть убитые. Много раненых. Многие рабочие выехали из города.

— В виду слухов о возможности в Москве нового погрома, состоялось соглашение между всеми боевыми дружинами для охраны населения. Если войска не будут направлены для поддержки громил, то боевые дружины, несомненно, рассеют громил.

— „Русские Ведомости" печатают сегодня следующее сообщение ректора московского университета: „Неделю тому назад новое здание университета было самовольно занято студентами и посторонними лицами. 27 октября советская комиссия, через посредство профессора Вернадского, вошла в сношения с центральным университетским органом, в обладании которого находилось новое здание университета. В этот день центральный университетский орган не нашел возможным собраться для обсуждения условий, при которых здание могло быть возвращено в ведение университета, а, между тем, положение осложнялось тем, что на 29 число центральный орган назначил общестуденческую сходку, о чем и об'являл в „Вечерней Почте". 28 октября профессора Вернадский, Зелинский и Хвостов отправились на заседание центрального университетского органа, и тот нашел возможным обсудить поставленные профессорами вопросы только вечером. В 11 часов ночи к ректору явились три делегата и заявили следующее: „12 голосами против 6 центральный студенческий университетский орган не желает обсудить предложенные условия, в виду того, что они выработаны не в советской комиссии, а на частном совещании. На это ректор сообщил, что ему, ректору, сообщено администрацией об ее решении во всяком случае воспрепятствовать общей сходке, созываемой в новом здании университета на 29 октября. После этого, в 12 часов ночи, к ректору явились два новых делегата и заявили, что все находившиеся в новом здании университета вышли оттуда. При этом ректору были переданы ключи оставленного здания".

— На-днях состоится собрание рабочих механического производства по вопросу о выработке условий отдельных фабричных организаций, которые должны будут примыкать к общей рабочей организации.

— В половине ноября в Москве начнет выходить газета „Утро". Издание предпринято известным общественным деятелем и книгоиздателем С. А. Скирмунтом. Направление газеты социал-демократическое.

— По городу сегодня расклеены предупреждения градоначальника, что всякие беспорядки будут немедленно подавляемы. В виду того, что в разбрасываемых и рассылаемых по почте приглашениях избивать евреев рекомендовалось начать погром с Арбатской площади—там сейчас стоят усиленные наряды войск.

— Исполнительная комиссия городской думы и городская управа продолжают вести непосредственные переговоры с городскими рабочими об удовлетворении пред'явленных ими требований. Сегодня рабочим водопровода заявлено, что почти все их требования удовлетворены: 9-часовой рабочий день, увеличение получаемой заработной платы, обещаны квартиры, пенсии для рабочих, прослуживших установленный срок и т. д.

— Манифест 17 октября произвел раскол в прогрессивной партии. Одна часть отпавших сформировалась в самостоятельную партию, присвоившую себе наименование „Союз 17 октября". Во главе новой партии стоят А. И. Гучков и Д. И. Шипов. Новая партия намерена на с'езде городских и земских деятелей 6-го ноября ознакомить с'езд с программой партии. Для пропагандирования своих идей партия намерена издавать в Москве большую газету.

— Союз железнодорожных служащих, по постановлению Стачечного Комитета, начал отчисление 10% с жалованья и заработной платы на стачку, которая предположена на 21-ое ноября. На этот раз все вагоны будут выкачены на линию главного полотна, и таким образом путь будет загроможден. Стачка возникает из-за неисполнения правительством своего обещания ассигновать 8 миллионов рублей на улучшение быта железнодорожных служащих.

— Председатель московского цензурного комитета обратился к прокурору московского окружного суда с ходатайством о привлечении к ответственности: 1) редактора газеты „Вечерняя Почта" по 129 ст. за напечатание прокламации, призывающей к ниспровержению существующего государственного строя; 2) издателя И. Д. Сытина по 1024 ст. за напечатание „Листка со словом священника Петрова" без цензурного разрешения; 3) редактора „Русских Ведомостей" по ст. ст. 147 и 1032 за непредставление в цензурный комитет узаконенного числа экземпляров. Инспекция по надзору за типографиями конфисковала издание Крестьянского Союза—листок под заглавием „Чего хотят люди с красным флагом".

— Москва переживает сегодня тревожный день: ждут погрома евреев и интеллигенции. С несомненностью установлено, что погром этот, действительно, подготовлялся, но до сих пор никаких попыток начать его черною сотнею проявлено не было. Возможно, что, видя перед собою хорошо сплоченную самооборону, хулиганы и черная сотня не дерзнут приступить к исполнению своего гнусного плана. До 9 час. вечера в городе спокойно.

В Совете Рабочих Депутатов.

— В этом же заседании были сделаны доклады делегатов о введении на фабриках и заводах 8-часового рабочего дня. На некоторых заводах он уже введен, на других предполагается ввести на-днях. В заключение были приняты Советом две резолюции, из которых исполнительной комиссии поручено выработать одну. Первая резолюция гласит: „Обще-городской Совет Рабочих Депутатов в собрании 29 октября единогласно поста-

новил с понедельника, 31 октября, на всех фабриках и заводах г. Петербурга революционным путем ввести 8-часовой рабочий день. Взаимная же поддержка рабочих всех районов будет залогом общего постановления Совета Депутатов".

По второй резолюции одновременно с этим рекомендуется добиваться, чтобы расценки не понижались благодаря сокращению рабочего времени.

Предложение группы делегатов включить в порядок дня настоящего заседания вопрос о политической физиономии Совета после оживленных прений было отклонено значительным большинством голосов.

Подробности в следующем номере.

— В заседании Совета Рабочих Депутатов 27 октября между прочим был сделан ряд сообщений о приготовлениях рабочих к самообороне против черной сотни. Один делегат сообщил, что, когда на Выборгской стороне прошел слух о наступлении черных сотен, рабочие бросились приготовлять холодное вооружение, и к 2 часам все были вооружены. 400 вооруженных фармацевтов сорганизовались, назначили пункты и ждут нападения.

Вооружились рабочие Речкинского завода и расставили караул по Забалканскому проспекту.

Рабочие Семянниковского завода вооружились.

Рабоче завода Лесснер 29-го целый день приготовляли металлические плетки и кинжалы.

За Московской заставой рабочие вооружились и запаслись склянками серной кислоты; путиловцы изготовили массу клинков. Там идет подписка на вооружение—собрано 5.000 руб.

В том же роде были сделаны сообщения делегатов с других заводов. Везде изготовляют оружие и собирают деньги на покупку револьверов.

Свидание Г. А. Лопатина с родными.

Сегодня, 29 октября, перевезенному из Шлиссельбургской крепости в Петропавловскую Герману Александровичу дано было первое свидание, после двух десятков лет, с сыном и братом Всеволодом Александровичем.

Свидание состоялось в Петропавловской крепости в присутствии начальника петропавловской политической тюрьмы. Продолжалось свидание всего полчаса. Герман Александрович уже старик — ему 61 год. 20-летнее пребывание в заключении еще более состарило его. 4 года предварительного заключения и 17 лет в Шлиссельбургской крепости!

Удручающее впечатление, унесенное родными из этого свидания, усугубилось еще крайне тяжелым положением, в которое поставлены узники Петропавловской крепости. Вместе с Г. А. в Петропавловскую крепость привезены из Шлиссельбурга еще 8 человек.

Крайне характерно положение, в котором очутились эти мученики, проведшие уже десятки лет в одиночном заключении, совершенно оторванные от мира, истощенные физически от долгого лишения света и воздуха.

Казалось бы, что, согласно об'явленной амнистии, они должны бы очутиться в лучших условиях.

На деле вышло совсем обратное.

Если в Шлиссельбургской крепости они пользовались некоторой возможностью видеться друг с другом, проводить дни в прилегающем к камере огородику, т. е. все же хоть иногда дышать воздухом, то теперь они всего этого лишены. Теперь они подвергнуты суровому режиму Петропавловской крепости. Они помещаются в камерах хотя и больших, но страшно сырых. Решетчатое окно камеры в верхней части стены выходит в крепостную стену. Расстояние между тюремной стеной и крепостной—аршина $1^1/_2$.

Из окна виднеется только клочок неба.

В камере вечная полутьма.

Пища неважная. Всякие передачи, допускаемые остальными тюрьмами, здесь воспрещены.

Прогулкой одиночной по тюремному двору Г. А. и сотоварищи пользуются ежедневно только по 12 минут. Тюремное начальство крепости за своими толстыми стенами осталось верным своим традициям и даже к этим заключенным, которые должны быть выпущены не сегодня-завтра, если не на свободу, то во всяком случае из тюрьмы, хотя бы с ограничением свободы передвижения, даже к ним оно не нашло возможным применить хотя бы некоторое отступление от уже отжившего режима.

Свидания разрешаются два раза в неделю по $^1/_2$ часа.

Казалось бы, что этим заключенным, после десятков лет одиночества без свидания, можно бы разрешить видаться с родными и чаще и дольше.

Но сквозь толстые стены крепости еще не проникли новые веяния.

И почему их перевели в крепость, а не в дом предварительного заключения или выборгскую тюрьму, где режим все же не такой суровый?

Изоляция заключенных является мерой пресечения для подследственных.

Уместна ли эта мера для людей, проведших в заключении десятки лет?

Не додумалась наша администрация, что бесчеловечно переводить людей после долгих лет заключения в подобную обстановку, лишая их света и воздуха.

Проще всего, конечно, было бы выпустить их всех хоть на поруки к родным до решения вопроса об их дальнейшем месте жительства.

Брат Г. А., Всеволод Ал., подавал прошение об освобождении Г. А. за его поручительством. Ответа еще не последовало, „наши власть имущие вообще не торопятся". Об условиях выпуска Г. А. никакого разговора еще не было.

Пока тянется наша обычная канцелярская волокита, в Петропавловской крепости томятся 9 человек, старых борцов за свободу, убивших лучшие годы, силы и здоровье в казематах Петропавловской и Шлиссельбургской крепости.

Наш священный долг всеми силами добиваться, чтобы эти славные борцы хоть на склоне лет вернулись к жизни и не томились в сырых и темных мешках, которым они уже отдали свою жизнь.

С. К—о.

Хроника.

— В Саратове умер от огнестрельной раны, полученной во время хулиганского погрома, член Российской Социал-Демократической Партии Александр Яковлевич Ветров. Покойный был одним их деятельнейших членов Партии. Неоднократно подвергаясь преследованиям правительства за свою деятельность, товарищ Ветров погиб от рук черносотенников, мужественно отражая их нападения во главе дружины самообороны.

— В 8 часов вечера в городскую думу явилась депутация совета старост петербургского университета и обратилась к председателю с просьбой допустить ее в зал заседаний, чтобы сделать заявление от совета старост. Указав на неотложность вопроса, депутация просила внести свое заявление в первую

очередь. Председатель предложил студентам пойти на хоры и подождать того времени, когда их пригласят. Не успели депутаты поместиться, как явился сторож и пригласил их к члену управы, который сообщил, что г. председатель предлагает им сделать заявление в следующую среду. Заявив, что так относиться к неотложным заявлениям граждан преступно, депутаты настойчиво просили передать председателю: 1) что их заявление должно быть выслушано сегодня и 2) что дума обязана их выслушать. Переговоры с председателем успехом не увенчались. Тогда депутаты вызвали нескольких гласных и просили их возбудить этот вопрос в собрании и настоять на допущении депутации в заседание. Получив обещание, депутаты стали терпеливо ждать приглашения. Ждали час, два, наконец, пробило 11, а приглашения все нет и нет. Находя, что такое отношение к представителям студенчества оскорбительно, студенты, подав мотивированный протест против поведения думы, ушли.

Депутаты же от политехнического института остались ждать. Как отнеслась дума к их заявлению, уже известно: она приняла к сведению и „будет его обсуждать".

Впрочем, от нашей думы было бы наивно ждать иного отношения, если мы вспомним, что в ней черносотенный элемент занимает почтенное место.

— В ночь на 28 октября из Шлиссельбургской крепости перевезены в Петропавловскую шлиссельбургские старики-узники. 29 октября брат и сын Германа Лопатина получили свидание в крепости.

— Во вчерашней хронике была помещена заметка о возвращении в Россию эмигрантов Парвуса, Мартова и Мартынова. Сообщение это, как нам достоверно известно, основано на недоразумении. Как нам сообщают, возвращение их отложено до получения действительных гарантий безопасности.

— Из Пелыма, Тобольской губернии, Гуринского уезда, бежали следующие политические ссыльные: 1) Б. Шапиро, 2) А. Криницкий, 3) Я. Чертин, 4) С. Глуз, по делу с.-р., 5) Леонид Потылицын, 6) Людмила Громозова, 7) С. Розеноер, 8) Аврам Заславский, 9) Яков Коростышевский, 10) Мордко Коган, все бежавшие благополучно прибыли за границу.

— Дружины самозащиты. Сегодня, 29 октября, состоялось собрание представителей уже организованных дружин самозащиты.

Цель собрания — об'единение всех организованных уже дружин и выработки общего плана защиты населения от нападения черносотенцев.

После обмена мнений, из которых выяснилось, что главной целью дружины должно быть не нападение на толпы черносотенцев, а только самооборона и защита населения от нападающих, вопрос об об'единении был поставлен на баллотировку и принят единогласно.

Потом приступлено было к выработке плана самозащиты.

Принят следующий план: город делится на участки, в каждом участке назначен сборный пункт, куда стекаются назначенные в данный пункт дружинники, которые тут же выбирают из своей среды руководителя, а также назначен центральный пункт, куда соберутся все представители.

В виду упорных слухов о готовящемся нападении черносотенцев в ночь с 29 на 30 октября, постановлено немедленно принять меры к защите. Назначены дежурные, на обязанности которых немедленно сообщать в сборные пункты о готовящемся нападении.

Дружинники должны находиться на своих местах сегодня с 6 час. вечера.

— 28 октября в заседании центрального бюро Союза союзов по вопросу об организации самозащиты постановлено: произвести выборы из членов бюро Союза или членов профессиональных союзов, входящих в состав Союза союзов, 14 лиц—по одному на каждый район. Предложить Совету Рабочих Депутатов избрать со своей стороны 14 человек, тоже по одному на каждый район, для создания районных организаций самозащиты. Выбрана комиссия из 3 лиц для приглашения этих 14 человек районных организаторов из среды членов Союза союзов; единогласно решено войти в сношение с думой по вопросу о самозащите, но не возбуждать никаких ходатайств или просьб. По вопросу о денежных средствах постановлено выдать каждому члену центрального бюро книжки для сбора пожертвований и разослать подписные листы во все редакции, конторы и промышленные заведения. Одним из членов центрального бюро был поднят вопрос об упорных слухах об ожидаемом избиении евреев и интеллигенции в ночь с 29 на 30 октября. Существующие уже дружины самозащиты принимают серьезные меры для оказания защиты населению. Необходимо оказать немедленную поддержку средствами этим дружинам. Постановлено отпустить немедленно из сумм кассы центрального бюро Союза союзов 400 рублей. По вопросу о милиции выбрана комиссия для выработки проекта организации милиции.

— Бегство из столицы. Что творилось вчера—весь день, а особенно вечером—на Финляндском вокзале, с трудом поддается описанию. Длинной непрерывной вереницей тянулись сюда, обгоняя друг друга, извозчичьи пролетки и кареты, переполненные седоками всех возрастов и состояний, начиная с грудных детей и кончая седобородыми старцами-патриархами. Семья мелкого ремесленника, ютившаяся с своим незатейливым скарбом на невзрачном „ваньке", чередовалась с великолепным ландо упитанного богача-ювелира. На тесном вокзале была буквальная давка; всюду сумрачные лица, беспокойные взгляды, плач детей и невообразимая суматоха. Билеты и места в вагонах брались с бою, но многим так и не удалось уехать, несмотря на то, что до ближайших станций было отправлено не в очередь несколько экстренных поездов.

Временно выселялись из столицы не одни евреи, но и более осторожные из русских; нам известно несколько случаев бегства даже офицерских семейств, повидимому наиболее застрахованных от готовившегося на вчерашнюю ночь дикого избиения черной сотней.

Паника, оказывается, охватила не только Петербург, но и Царское Село, которое почти опустело; большинство спешно выехало в Выборг.

— Во втором № „Новой Жизни" сообщалось о пожертвовании владельцем фабрики папирос г. Айваз 1000 руб. в пользу Стачечного Комитета. На самом деле, сумма в 1000 руб. пожертвована не г. Айвазом, а его рабочими, которые отказались от поденного жалованья.

— Демонстрация. По окончании работ 28 октября группа рабочих Франко-Русского завода, человек в 500, демонстративно прошла по Мещанской ул. с красными знаменами и пением революционных гимнов. Так как манифестация рабочих была организована случайно и спешно, то в ней не могло принять участие большое количество рабочих. Из окон многих домов, из толпы посторонней публики на панелях, привлеченной манифестацией труда, сочувственно махали платками. Даже лавочники добродушно улыбались навстречу демонстрантов. Рабочая манифестация не встретила на этот раз насилий со стороны полиции и войск и протекла совершенно мирно.

— Забастовка рабочих в экспедиции заготовления государственных бумаг продолжается. В видах ее поддержания, рабочие не выдают дров для отапливания машинного отделения, мастерских и частных квартир фабрики. По определению рабочих разрешается отапливать лишь больничное помещенин. Электричество не горит.

— 28 октября владельцы оружейных магазинов пред'явили администрации требование гарантии имеющегося на складах товара по его нарицательной стоимости. Взамен этого им предложено было охранять магазины. Не видя в этом гарантии своего имущества, владельцы предпочли распродать свой товар, чем подвергнуть его риску разграбления. В виду этого 28-го и 29-го в оружейных магазинах оружие продавали всем желающим без требований разрешений на право покупки. Несмотря на то, что об этом не публиковалось, весть об этом распространилась по городу, и за эти два дня торговцы оружием распродали почти весь товар. К вечеру 29-го цены на изделия повысились почти вдвое. Револьверы вместо 16 руб. продавались за 25—30 руб. До позднего вечера магазины были переполнены.

— 29-го октября к вечеру оружейный магазин Чижова на Литейном проспекте буквально осаждался самой разнообразной публикой. Преобладали г.г. офицеры и воспитанники „правительственных" высших учебных заведений — лицеисты, правоведы и др. Торговля оружием разного рода и патронами шла очень бойко, так как товар отпускался без всяких свидетельств и разрешений на право владения оружием. Главное окно магазина из предосторожности было забаррикадировано, и публика пропускалась в магазин через узенькие двери. У магазина до поздняго вечера толкались любопытные. Полиция, по крайней мере наружная, отсутствовала, благодаря чему никаких печальных инцидентов не было.

— Кронштадтские документы. Сегодня в первом часу дня публика, проходившая по Литейному проспекту, была

свидетельницей торжественного шествия военных подвод, нагруженных различным офицерским хламом, отставшимся после кронштадтского погрома. Подводы были обильно окружены вооруженным конвоем и направлялись к Литейному мосту.

— Академия художеств. Бывший вице-президент академии художеств И. П. Толстой, согласившийся принять портфель министра народного просвещения, мотивировал перед советом академии свой уход из нее тем, что его оскорбила депутация учеников академии своим дерзким, вызывающим отношением. Депутация от учащихся, бывшая у графа накануне и во время закрытия академии, собравшись, проверила все свои поступки и не нашла в своем поведении ничего некорректного и вызывающего; во время переговоров она вела себя крайне сдержанно, несмотря на возбужденное состояние учеников. Заявление графа совету академии является тем более странным, что накануне он говорил ученикам о том, что вынужден будет выйти в отставку, так как академия закрыта и занята полицией помимо его желания и обещания не допускать вмешательства полиции в академическую жизнь. На последней сходке учеников в академии художеств решено совершенно игнорировать администрацию, назначенную от правительства и не выбранную советом профессоров. Не это ли решение граф принял за личное оскорбление? Его вышеуказанная тактика приводит многих в недоумение.

— 27 октября к помощнику прокурора петербургского военно-окружного суда полковнику Тавастшерна приходили делегаты от Союза союзов с требованием посвятить их в положение некоторых дел о политических преступлениях. Требование их было уважено и тотчас же удовлетворено („Н. Ж.“).

— В принадлежащих Русскому обществу выделки пороха пороховых погребах обнаружена кража. В погребе № 31 взломаны замки и похищено 3 ящика пороха. Кем и для какой цели похищен порох — еще не установлено. Производится следствие.

— Нам сообщают, что в настоящее время в полтавской тюрьме находится политический арестованный И. Ю. Добровольский, лишенный уже три месяца возможности свиданий с родными и знакомыми. Арестован И. Ю. Добровольский был в первых числах августа и находился раньше в лубенской тюрьме, откуда и был переведен в Полтаву. По слухам, дошедшим из тюрьмы, Добровольский закован в кандалы.

— 28 октября состоялось общее собрание общества взаимопомощи лаборантов и доцентов. Почти все оно было посвящено вопросу об участии представителей младших преподавателей в советах высших учебных заведений. Как оказывается, г.г. профессорам очень не хочется, чтобы младшие преподаватели вошли в эти советы. Собрание очень быстро и легко разбило все доводы г.г. профессоров против их участия в советах и решило добиваться участия младших преподаватей в советах на правах полноправных членов.

— С 30 октября в праздничные дни от 2½ до 4½ час., на частных С.-Петербургских счетоводных и коммерческих курсах М. В. Побединского (Невский, 102), открывается ряд лекций преимущественно по современным вопросам. Ближайшие лекции состоятся проф. А. А. Исаева и М. В. Бернацкого.

Первая лекция г. Бернацкого „Современные вопросы экономической политики (рабочий вопрос)“ состоится 30 октября.

— Представители союза фармацевтов требуют немедленного освобождения заключенных еще в петербургских бастилиях товарищей борцов за освобождение России. Подписались следующие лица: Гордин, Ронталь, Беньямович, Борок, Эфрат, Кугель, Иерахманов, Велле, Залесский, Салитан, Тасмут, Мейтус, Иентсон, Борах, Лурье, Трейберг, Вира, Зайцев, Серман, Форштейдт, Эсикберг, Вальтер, Бродский, Палин, Цвибельт, Керпис, Тинно, Волков, Деречинский, Калянский, Бар, Трейкаль, Архангелов.

— 30-го октября в 9 часов утра состоится митинг в заводе Франко-Русского общества. Вход для всех беспрепятственный.

— Служащие правления Рязанско-Уральской жел. дороги в виду крайне тревожного настроения, установившегося вследствие ожидания погрома в субботу 29 октября, с утра приостановили занятия.

— Орган союза учителей. Петербургский отдел всероссийского союза учителей всех школ решил в недалеком будущем издавать свой орган.

— Отправка войск в Кронштадт. Вчера, 28 октября, с Охты были отправлены последние имеющиеся здесь роты Охтенского полка, вызванные экстренно в Кронштадт и выехавшие туда по Балтийской железной дороге. Так как за уходом рот названная часть города остается без военной охраны, то полицией сделано заявление о необходимости перевода сюда других частей войск из центральной части города.

— Заседание III-го отдела (потребительных товариществ и обществ) С.-Петербургского отделения комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах имеет быть в понедельник, 31 октября 1905 г., в 8½ ч. в., в зале общества для распространения коммерческих знаний (Эртелев пер., 12).

В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.

— В горном институте у главного входа и лаборатории стоит военный караул. Кроме того, институт оцеплен усиленным нарядом полиции. Последняя заняла все входы, даже и профессорские квартиры. Для того, чтобы попасть к кому-нибудь из профессоров, студентам приходится вызывать дворника, и только после того, когда дворник сходит к префессору и получит согласие последнего принять студента, полиция открывает вход. На-днях кто-то повесил у главного входа под об'явлением о закрытии института рисунок, изображающий 2-х солдат, колющих штыками рабочего. Под рисунком было подписано: „Хороша служба солдата, знай, коли родного брата“. Рисунок этот очень заинтересовал солдат института.

— Несмотря на удаление г. Трепова, политехнический институт все еще до сих пор закрыт, и вход в него для студентов воспрещен. Отпускные билеты на разные сроки, впредь до 15-го января, выдаются в помещении 1-го общежития; там же принимается плата за пользование общежитием. В настоящее время взято более 230 отпусков.

Студенты-политехники, живущие в общежитии, весьма встревожены слухами о готовящемся погроме общежития черной сотней. Возник вопрос об обороне. Слух о погроме имеет, повидимому, большое основание, так как на прилегающих к институту улицах заметно небывалое до сих пор количество представителей черной сотни, которые бесцеремонно пристают к студентам, требуя денег и делая по их адресу целый ряд замечаний на тему, что студенты—бунтовщики, народ из-за них страдает, и что надо „бить“ студентов.

Все это происходит на глазах у полиции и дворников, которые, несмотря на распоряжение градоначальника, относятся к черносотенцам весьма снисходительно. Вопрос о возможном погроме общежития и избиении студентов возбуждался на одной из прошлых сходок, при чем было решено отправить в городскую думу депутатов с просьбою содействовать учреждению милиции, имеющей своею целью оградить личность студентов от действий черной сотни. Результат ходатайства этой комиссии уже известен из газет: погром предполагается на 30 октября, а отцы города соизволят рассмотреть его на „ближайшем заседании“.

— Сходка студентов лесного института. 27-го октября в столовой лесного института состоялась сходка студентов, на которой группой социал-демократов была предложена следующая программа дня: 1) отношение студентов к современному положению России; 2) о вооружении студентов; 3) об открытии института. Сходка не могла продолжаться больше двух часов, с 2½ до 4½ часов дня, иначе градоначальник угрожал прибегнуть к вооруженной силе. После того, как сходка не нашла возможным не согласиться с условиями градоначальника, приступили к разборке всех трех вопросов совместно, как имеющих тесную связь друг с другом. Прения продолжались не долго. После этого была принята следующая резолюция: 1) мы, студенты лесного института, считаем необходимым вооружиться для борьбы с контр-революцией (против черносотенцев); 2) вопрос о самой технике вооружения студенческой дружины будет выработан социал-демократической группой; 3) институт открывается на условиях, предложенных организационным комитетом в сентябре месяце“.

— Протест директора против учащихся. Во время перемены, 27 октября, ученики VI класса реального училища Богинского стали обсуждать напечатанную в газетах резолюцию, вынесенную в „Введенской“ гимназии о старостах. Сходка была нарушена появлением директора, разогнавшего группу учащихся, получивших при этом от него строгий выговор. Он об'явил, что сходки в классе допустимы быть не могут. Собравшись же снова, учащиеся установили принцип круговой поруки.

К погрому.

— Петербургский градоначальник официально заявил, что у него не имеется никаких фактических данных о готовящемся погроме, слухи о котором „распространяются некоторыми органами печати". Г. градоначальник, повидимому, очень не внимательно читает эти „некоторые органы печати", иначе он имел бы ряд несомненных фактических данных; за последние дни газеты прямо таки пестрят этими данными: приводятся точные адреса, где были получаемы сообщения от лиц, хотя и низшей административной братии, но гораздо более осведомленных насчет „фактических данных". Приводим еще одно из многочисленных фактических данных: в квартиру г-жи Ш., в доме № 8 по Колпинской улице, на Петербургской стороне, явился дворник и сообщил, что им бояться нечего, ибо он уже передал полиции список евреев, живущих в этом доме; „а кроме их никого бить не будут", заявил дворник". „Свобода для того и дана, чтобы избить жидовское племя". Градоначальнику предоставляется право проверить это и все другие „фактические данные". Впрочем, для составления официальных сообщений в известном стиле — проверка, конечно, бесплодна, ибо всем известно, в каком виде являются перед обществом факты после того, как они пройдут сквозь горнило официальной канцелярщины. Кому же неизвестно, что, например, над количеством раненых и убитых граждан в „официальных сообщениях" производятся всевозможные математические манипулиции, при чем получается такое впечатление, что официальные лица не умеют считать выше 10.

— В дворницкую дома № 47 по улице Жуковского явились 27 октября два каких-то суб'екта и потребовали от находившегося там младшего дворника списка живущих в этом доме евреев. Младший дворник ответил, что такие сведения может дать только старший дворник, который вернется лишь через 2 часа. Суб'екты эти вернулись через 2 часа и обратились с тем же требованием к старшему дворнику. Последний ответил, что евреев в этом доме нет. На требование о пред'явлении домовой книги старший дворник ответил отказом. 28 октября домовладелец получил угрожающее анонимное письмо с угрозой, что в случае, если данные дворником сведения окажутся неверными, он будет избит, а имущество разнесено („Н. Ж.").

— Петербургский Комитет Р.С.-Д.Р.П. выпустил воззвание под заглавием: „Царская Конституция и Погромы". Останавливаясь на ужасах избиений, Р.С.-Д.Р.П. отмечает, что „правительство, свирепо подавляющее всякую мирную демонстрацию после об'явления „свободы собраний", не может справиться с кучками наглых, но трусливых хулиганов".

— В виду усиленно циркулирующих по городу слухов о том, что на 30 октября предполагается избиение черной сотней обывателей столицы, назначенное на 30 октября в доме гр. Паниной собрание чертежников отлагается на неопределенное время.

— Рабочие некоторых петербургских заводов решили защищать с оружием в руках курсы Лесгафта, если на них будет произведено нападение.

— За последнее время рабочие в механических мастерских разных заводов усиленно заготовляют холодное оружие для организации самообороны против черносотенников.

— 2-я петербургская классическая гимназия 28 октября снова закрыта.

— Центральный комитет Союза союзов обратился ко всем русским гражданам с воззванием, в котором в ярких красках рисует те ужасы и безобразия, которые творятся теперь в стране; указывая на массовые избиения и останавливаясь на причинах, побуждающих некоторых лиц агитировать за избиения, воззвание говорит, что

> чиновникам, полиции и ея приспешникам есть резон отстаивать старые порядки и бояться новых. Они чуют, что приходит конец их хозяйничанью; нельзя будет по-прежнему самоуправствовать, не придется богатеть от взяток. При новых порядках народ будет контролировать их и заставит их следовать закону.
>
> Для них старое время было действительно добрым временем, и им хочется вернуть его.
>
> Но они пытаются уверить всех, что и народ не хочет отказаться от старой жизни, что и народ не видит ничего лучшего, как полный произвол чиновников и полиции.
>
> Мы громко заявляем, что это ложь.
>
> Не народ восстает против свободы, против лучших своих братьев, за то, что они ведут его к свободе.
>
> Не в интересах народа избивают несчастных евреев. Только негодяи в своих корыстных видах, чтобы спасти старые порядки, распространяют всякие вздорные слухи про евреев, уверяют, будто они враги русскому народу. Еврейский народ такой же, как и русский, — мирный, трудящийся народ. Все люди братья,—сказано в евангелии.
>
> Каждый честный человек, если при нем какой-либо негодяй начнет чинить насилие, должен вступиться за жертву насилия.

В обществе экономистов.

На 28 октября в собрании экономистов назначено было сообщение А. А. Радцига на тему „Об экономических задачах Государственной Думы".

Докладчик в самых общих чертах нарисовал печальное положение русских финансов. По его мнению, немедленно нужно сократить государственный бюджет, в виду необходимости расплачиваться с многочисленными долгами. Поэтому, по мнению докладчика, вопрос о государственном бюджете должен быть рассмотрен Думой на первых ее заседаниях.

Первый оратор прежде всего ознакомил аудиторию с критическим очерком немецкого экономиста д-ра Мартина, под заглавием „Россия и Япония". Немецкий экономист как бы предостерегает свое отечество от займов России, в виду того, что, по его мнению, Россия накануне революции и не позже как через пять лет дойдет до государственного банкротства.

Для разрешения обостренного финансового положения оратор предлагает следующий выход: прибегнуть к внутреннему займу, благодаря которому 166 миллионов десятин государственной земли могли бы быть выкуплены всем русским народом для безземельного крестьянина. Второй оратор коснулся в своей речи вопроса аграрного. Он находит, что необходимо немедленно разрешить этот вопрос, иначе — крестьяне сами его разрешат отнятием земли не только у государства, но и у помещиков.

Вслед за этим оратором начались „другие" речи...

Перестали говорить о теории; начали говорить о событиях дня.

Далее Н. Н. Волков подробно, как очевидец, нарисовал картину кронштадтского погрома. Убеленный сединами старец Кулябко-Корецкий дрожащим от волнения голосом читает отрывки письма из Пензы: в день об'явления манифеста о свободах произошло побоище, вернее, война между вооруженными солдатами и подростками-школьниками, которые своей невинной кровью обагрили улицы Пензы...

В награду за такие подвиги войска удостоились похвалы начальства, губернатора г. Хвостова.

Всего раненых 56 детей. Хотели послать в Петербург телеграмму с мольбой о защите, но губернатор не пропустил подобной телеграммы. Волнение оратора передалось всей аудитории... Чувствовалось всеобщее возбуждение, потребность хоть чем-нибудь выразить протест против подобных насилий.

Со всех сторон слышалось: „таких начальников под суд".

Однако, 2 члена „Русского Собрания“, П. П. Соколов и А. В. Васильев, начали громить интеллигенцию, возбуждающую народные страсти, а потому и повинную в проливаемой крови.

Наступил решительный момент...

Поднялся страшный шум, послышались крики: „Долой провокаторов!“ и оратор (г. А. В. Васильев) принужден был оставить кафедру, с которой он собирался проповедывать родные, близкие ему идеи, так хорошо усвоенные черной сотней.

Среди несмолкаемого шума собрание в первом часу ночи было закрыто.

К.

Письма в редакцию.

Милостивый государь
г. редактор!

Не откажите поместить нижеследующее:

В номере „Русской Газеты“ от 26 октября помещена заметка о введении 8-часового рабочего дня на Невском судостроительном и механическом заводе (Семянникова), в которой, между прочим, сказано: „24 октября собравшиеся, за исключением корабельной мастерской, рабочие в числе более 6.000 человек самостоятельно установили 8-часовой рабочий день“... Не говоря уже о том, что сообщение об общем собрании рабочих не вполне точно, указание, касающееся корабельной мастерской, фактически неверно. Вопрос о введении 8-часового рабочего дня обсуждался на собраниях по отдельным мастерским, не исключая и корабельной. Последняя всецело присоединилась к предложению делегатов о введении 8-часового рабочего дня, указывая только на необходимость не получасового, а полуторачасового перерыва на обед; полуторачасовой перерыв в корабельной мастерской необходим в виду отсутствия там парового отопления. Между указанием на необходимость полуторачасового перерыва и отказом от участия в общем обсуждении вопроса о 8-часовом рабочем дне есть некоторая разница.

Депутат корабельной мастерской
Арсений Владимиров.

Г. редактор.

В виду появившегося в № 1 газеты „Новая Жизнь“ сообщения о том, что Федеративный Комитет „большинства“ и „меньшинства“ обсуждал вопрос о присоединении Совета Рабочих Депутатов к Социал-Демократической Рабочей Партии, как к единственной представительнице интересов рабочих, мы, делегаты Совета Рабочих Депутатов, члены Партии Социалистов-Революционеров, в собрании своем постановили заявить на ближайшем общем собрании Совета Рабочих Депутатов:

1) что Совет избирался для представления интересов всех рабочих г. Петербурга без различия партий, поэтому об‘являть себя присоединившимся к какой-либо партии Совет Рабочих Депутатов не имеет права;

2) что если Социал-Демократическая Рабочая Партия, пользуясь большинством в Совете Рабочих Депутатов, проведет об‘явление его социал-демократическим, мы, делегаты социалисты-революционеры, обратимся к выбравшим нас товарищам с просьбой рассудить, в праве ли был Совет обратиться в партийную организацию.

3) Мы, делегаты Совета Рабочих Депутатов, соц.-рев., заявляем, что утверждение Федеративного Комитета соц.-дем. о том, что их партия является единственной представительницей интересов рабочих, не соответствует истине, так как Партия Соц.-Рев., как выразительница интересов всего трудового рабочего народа, является, следовательно, и представительницей интересов пролетариата.

Собрание делегатов Совета Рабочих Депутатов, членов Партии Соц.-Революционеров.

27-го октября 1905 г.

Из партийной жизни.

Приказчики социал-демократы.

28 октября состоялось заседание организационного бюро приказчиков с.-д., случайно собравшегося не в полном составе. Очередным вопросом этого заседания было: 1) об‘единение приказчиков в их борьбе с капиталом и 2) организация всех приказчиков с.-д. с целью взять в свои руки руководство этой борьбой.

После долгого обсуждения выяснилась необходимость: 1) привлечения всех приказчиков в профессиональный союз, задачей которого является экономическая борьба, взаимопомощь и общее развитие приказчиков; 2) одновременно с привлечением в союз— об‘единения приказчиков социал-демократов для сплочения партии вообще и возможности большего влияния на деятельность профессионального союза в частности.

Организационное бюро решило созвать всех приказчиков социал-демократов, устроить учредительное собрание социал-демократического приказчичьего союза. Тут же был выработан порядок дня учредительного собрания:

1) Сообщение представителя Р. С.-Д. Р. П. — программа партии, организация, тактика и положение дел партии в России.

2) Организация социал-демократического союза приказчиков.

Кроме того, организационное бюро приказчиков с.-д., в котором присутствовало 6 делегатов приказчиков Рабочего Совета из 11, постановило запросить Рабочий Совет о его политической физиономии, в виду того, что приказчики с.-д. не могут доверять политическое руководство учреждению с невыясненной политической платформой.

Рабочие Балтийского судостроительного и механического завода 28 октября с. г. на общем собрании вынесли следующую резолюцию:

„Мы, рабочие, должны единодушно присоединиться к Совету Рабочих Депутатов города С.-Петербурга, который борется за свои экономические и политические дела рабочего класса. Мы, рабочие, должны всеми силами, всеми средствами бороться с черной сотней, подавлять ее в самом начале ее организации, не допускать провокаторства в заводе и вносить заявления о каждом появлении провокаторства делегатам.

Да здравствует организация!

Да здравствует Социал-Демократическая Рабочая Партия“.

На имевшей недавно место конференции по аграрному вопросу, в которой приняли участие комитеты Р. С. - Д. Р.П. Уральского и Средне-Волжского районов, приняты следующие постановления относительно об‘единения работы на местах.

Об‘единение работы на местах является насущной потребностью. Наученные горьким опытом, мы отвергаем мысль о создании районного центра, как постоянного учреждения, отделенного от местных организаций. Естественным возможным способом об‘единения мы признаем выделение наиболее опытных работников из состава местных комитетов; на обязанности их будет лежать осведомление каждой организации о положении районной и обще-партийной работы. Переезжая из одного комитета в другой, они будут в то же время усиливать темп работы на местах своего временного пребывания. Собираясь периодически при Центральном Комитете, эти работники установят живую идейную и практическую связь партийного центра с местными организациями, обеспечив самому Ц. К. действительную возможность осуществить свои партийные задачи.

Являясь, таким образом, агентами Ц. К., такие работники утверждаются им, будучи выделены местными комитетами на их конференциях.

Рассматривая резолюцию III-го с‘езда об отношении к крестьянскому движению, конференция, найдя неясной формулировку пункта а), сочла необходимым изложить свое толкование некоторых мест.

Поддержку революционных мероприятий крестьянства мы понимаем таким образом:

При наличности стихийного крестьянского движения на обязанности социал-демократов лежит выполнение следующей задачи: внести в такое движение элементы организованности и сознательности, связывая каждое отдельное выступление с общей революционно-демократической деятельностью крестьянских комитетов и тем превращая отдельные простые аграрные

преступления в отдельные революционные акты всеобщего демократического движения.

В выражении: „революпионные мероприятия, способные улучшить положение крестьянства“ слово „улучшить“ мы понимаем не в смысле укрепить хозяйственную самостоятельность крестьянина, как мелкого собственника - землевладельца, и тем противодействовать развитию крупного капиталистического хозяйства в деревне, а лишь в смысле создания наилучших условий для свободного развития классовой борьбы в деревне.

По вопросу о конфискации помещичьих земель мы высказываем следующее соображение: в том случае, если конфискации подвергнется земля капиталистически организованного хозяйства, ближайшим следствием этого акта явится затемнение классовых противоположностей в данном месте, но эта потеря должна считаться ничтожной в том случае, когда самый акт конфискации, революционизируя умы крестьянства, обеспечивает успех демократического переворота, результатом которого явится громадное развитие производительных сил страны и необходимо соединенное с ним ускоренное развитие классовых противоречий и классовой борьбы.

Организация работы в деревне.

А. При каждом комитете должна быть сформирована особая группа для работы в деревне или, по крайней мере, выделено несколько работников, специально посвящающих себя этой работе. На обязанности их лежат периодические об'езды всех пунктов, в которых имеются более или менее прочные связи.

Б. В более значительных селах и уездных городах должны сформировываться при об'ездах местные группы из более развитых и сознательных крестьян и сельской интеллигенции. Выполняемая этими группами работа должна постепенно усложняться. Первоначально она заключается в следующем: во- 1) распространение литературы, 2) устройство собраний, на которых выступают приезжие агитаторы, 3) осведомление комитета об общих условиях деревенской жизни и о выдающихся событиях. Далее в сферу деятельности местных групп должна войти 4) первоначальная пропаганда и агитация.

Последнее может осуществиться лишь при выполнении двух условий: а) регулярное посещение деревни городскими руководителями, которые направляли бы теоретически и практически работу местной группы; б) снабжение местных групп пособиями для пропаганды и агитации.

Пособия для пропаганды: 1) программа, по которой члены группы могли бы вести первоначальные занятия в крестьянских кружках; 2) более серьезная программа, которой могли бы руководиться в своих собственных занятиях члены группы. При обеих программах должны быть указаны источники, которые легче всего достать в деревне. Недоступные должны доставляться в группы комитетом. Конференция указывает на необходимость скорейшего выпуска в свет серии брошюр пропагандистского характера, обещанных Центр. Ком.

Пособия для агитации: 1) листки, в которых популяризируются наши общие и специально крестьянские лозунги, 2) примерные сельские приговоры, составленные по поводу каждого практического лозунга, как-то: бойкот Госуд. Думы, отказ от платежа податей и пр. Констатируя недостаточность местных литературных сил для выполнения этих задач, мы сейчас устанавливаем обмен листками между всеми представленными на конференции и обращаемся с тем же к Московскому, Саратовскому, Самарскому к-ам и Симбирской группе.

Неоценимым пособием для пропаганды и агитации явилась бы специальная крестьянская газета, правильная постановка которой в сильнейшей степени повысит продуктивность нашей работы в деревне. Создание такого органа должен взять на себя один из наиболее сильных к-ов района.

Лозунги, с которыми мы идем к крестьянам:

1) Всенародное Учредительное Собрание.

Как часть этого лозунга предлагается выдвигать лозунг:

Организация крестьянских боевых дружин, одной из подготовительных стадий является дезорганизация правительства, выражающаяся в следующих революционных мероприятиях крестьянства:

а) Организация крестьянских комитетов.
б) Бойкот Государственной Думы.
в) Отказ от уплаты податей.
г) Отказ от поставки рекрутов.
д) Бойкот правительственных учреждений и агентов.
е) Активное открытое выступление.

Профессиональные союзы.

Опасный параграф.

(Открытое письмо к товарищам — членам союза рабочих печатного дела.)

Сначала я должен оговориться. Речь будет итти не об отдельных частях „101 пуда“ русского свода законов и не об отдельных циркулярах плодовитых министров.

Правовые нормы прежнего строя капитулировали вместе с самодержавием перед грозным натиском революционного пролетариата. А потому, говоря словами Л. Толстого, оставим мертвым мертвецов погребать и обратимся к живым.

Я имею в виду устав союза рабочих печатного дела. Союз этот, хотя и недавно народился на свет, но своей законченной организацией резко выделяется от других профессиональных организаций, носящих пока аморфный характер. Целый ряд обстоятельств (трехдневная забастовка, об'явленная союзом в конце сентября из-за сочувствия москвичам, последняя политическая стачка, фактическое осуществление союзом свободы печати, организация примирительной камеры и т. д.) показали труженикам печатного дела силу союза, и число членов стало возрастать с поразительной быстротой.

Бюро не всегда даже успевает производить записи новых членов.

Недалеко уже время, когда подавляющее большинство рабочих печатного дела (наборщики, типографские и литографские печатники, накладчики, переплетчики, словолитчики, цинкографы—всего около 25.000 человек) будет стоять под красным знаменем союза в качестве постоянных членов.

Не хуже рабочих силу союза поняли и хозяева.

Активные наступательные действия против союза открыл владелец словолитни Леман.

Этот бравый генерал - от - словолитчиков не чужд и дипломатии. Вначале он склонял рабочих „кроткими мерами“ — просьбами, потом стал требовать от рабочих его словолитни выйти из союза рабочих печатного дела, предлагал „бескорыстно“ свои услуги для организации при его содействии особого союза словолитчиков, обещал субсидию, обещал выхлопотать штрафной капитал в союз... И когда хозяйское „мягкосердие“ разбилось о непреклонную стойкость рабочих, Леман заявил: „Выходите из союза, бросайте политику, иначе я сам поступлю в союз хозяев“.

У Лемана есть подражатели, но не все. Есть категория владельцев, мечтающих восстановить гармонию между трудом и капиталом. Они тоже знают силу союза и потому из'являют желание вступить в члены союза рабочих печатного дела. О таком желании хозяев можно было бы и не говорить совсем, если бы отдельные лица союза не высказывались за прием хозяев в члены-соревнователи, основываясь на § 8 устава. Опасный параграф со всеми своими примечаниями гласит, что в члены-соревнователи, пользующиеся совещательным голосом, принимаются по предложению бюро лица, оказавшие услуги союзу (союзный врач, юрисконсульт и т. п.) или лица, сочувствующие целям союза и вносящие не менее 10 р. в год.

Мягкие души, мечтающие о сотрудничестве хозяев под красным флагом союза, неправы формально и по существу. Разве капиталисты могут сочувствовать задачам союза, направленным для борьбы с капиталом и капиталистами? Эта тенденция чревата последствиями и в корне убивает всю классовую организацию союза. Много заплатил рабочий класс, пока проникся сознанием противоположности интересов труда и капитала. И вдруг в своей пролетарской броне своими собственными руками думают сделать брешь, чтобы пустить ко дну весь союз.

Так называемые „практические люди", именующие себя героями маленьких дел, „стоят за прием в члены хозяев из-за коммерческих соображений". С лихой собаки, мол, хоть клок шерсти; и почему с хозяев не содрать от 10 р. до 100 р. в год?

Но представляют ли новаторы, как будут вырабатываться планы борьбы с Отто Кирхнерами, Леманами, Вольфами, Гаевскими и К⁰ в присутствии их? Вы призовете всех врагов в свою штабную квартиру, раскроете ваши укрепления, планы и диспозиции ваших сил.

Поймите, что даже русские генералы не доходили до этого в русско-японскую войну, а понявши это, отбросьте опасные иллюзии хозяйскими взносами увеличивать ваши стачечные фонды.

Наше профессиональное движение измеряется пока днями, но и в этой краткой хронологии есть свои „уроки истории".

Что представляет из себя екатеринославский „профессиональный союз"—союз ремесленных рабочих и их хозяев? Что представляет в Екатеринославе русский „профессиональный" союз приказчиков и их хозяев? Это не только мертворожденные организации, бессильные в борьбе за свои интересы, но они своим существованием затемняют классовое сознание, принося тем самым страшный вред профессиональному движению. Екатеринославские товарищи занялись уже реорганизацией этих, с позволения сказать, „патриархальных" союзов на чисто пролетарской основе.

Чтобы не было никаких сомнений, и чтобы еще раз был подчеркнут классовой характер союза, на общем собрании рабочих, в воскресенье, 30 октября, должно быть внесено обязательное добавление к § 8 устава в том смысле, что и в члены-соревнователи не принимаются хозяева, управляющие, маклера и другие представители администрации. В союзе не место ни А. Каспари, именующему себя „конституционалистом", чуть не „республиканцем", и в то же время рассчитывающему рабочих за срезывание цензурной пометки на обложке журнала „Родина", ни г. Башмакову, заявившему, что перед красным знаменем он не снимет шапки, пока ее у него не собьют кулаком. Беспокоиться же о г.г. Леманах и их присных нам нечего. Выставив аншлаг на дверях нашего союза: „Хозяевам и администрации вход воспрещен", мы их не удерживаем от участия в хозяйских союзах. Скатертью им дорога!

Хрусталев.

— В воскресенье, 30 октября, в 4 ч. дня, в помещении Технического общества (Соляной Городок, вход с Пантелеймоновской улицы) состоится собрание рабочих: портных, портних и скорняков, для обсуждения своих профессиональных нужд.

— Сегодня, 30 октября, состоится собрание профессионального союза приказчиков. Предполагается после выслушания доклада делегата приказчиков о деятельности Рабочего Совета прочесть реферат об экономическом положении России и делении населения на классы. Затем будет возбужден вопрос о реорганизации совета союза приказчиков, так как его физиономия не соответствует физиономии профессионального союза.

— На собрании 26-го октября, устроенном бюро союза рабочих печатного дела для рабочих типографий Гаевского, Вольфа, переплетной Кирхнера и словолитни Лемана, было выяснено положение дел после забастовки.

— В типографии Гаевского уволен депутат рабочих; поручено бюро союза и Совету Депутатов войти в сношение с хозяином типографии для возвращения выборного обратно в заведение.

— Рабочие Вольфа пред'явили к хозяину типографии требования: 1) 9-часовой рабочий день вместо 10½, 2) один годовой праздник, кроме двунадесятых, 3) увеличение платы. 24-го была об'явлена забастовка, и работы были прекращены. Хозяином типографии было обещано дать ответ рабочим в пятницу. Рабочие типографии постановили полученный ответ обсудить совместно в союзе рабочих печатного дела и на общем собрании выработать дальнейший образ действий.

— В словолитне Лемана были пред'явлены требования: 1) плата за время забастовки, 2) отмена обысков, 3) отмена штрафов, 4) ограничение числа необученных рабочих. В ответ на требование, хозяин заведения начал склонять рабочих к выходу из союза рабочих печатного дела, он предлагал организовать особый союз словолитчиков, обещал свое содействие для организации такого нового союза и денежную помощь. „В противном случае", заявил хозяин, „я сам войду в союз типографов, и тогда посмотрим, который союз будет сильнее". На все это рабочие заявили, что требование хозяина выйти из союза печатного дела есть насилие над их гражданскими правами, и поэтому они, не препятствуя хозяину выбирать для себя какой угодно союз, остаются в том союзе, где находят для себя более целесообразным, от лисьего предложения хозяина организовать особый союз словолитчиков отказываются и настаивают на своих экономических требованиях; ответ на них должен быть дан не позже 31 октября, и они рассмотрят его совместно с союзом раб. печ. дела.

— В типографии Кирхнера после забастовки были не приняты 5 человек. Рабочие, откладывая вопрос об об'явлении забастовки для возвращения уволенных товарищей до выяснения переговоров представителей бюро союза раб. печ. дела и Совета Депутатов, постановили в случае неудачи переговоров об'явить через посредство всех союзов и лиц, сочувствующих им, бойкот на все издания и произведения фабрики Кирхнера, особенно же на календари, которые, как нам известно, расходятся перед новым годом в бесчисленном количестве экземпляров.

— 26 октября представители бюро союза раб. печ. дела вступили в переговоры с издателем „Родины", г. Каспари, об'явившим расчет всем наборщикам за уничтожение в стереотипе строки о дозволении цензуры. Выяснив принципиальную поспешность рабочих Каспари, представители бюро союза предложили г. Каспари немедленно возвратить всех рабочих в типографию и уплатить им за два дня плату; после продолжительных переговоров рабочие были приняты обратно, и обещана им часть платы за время прекращения работ. С утра 27-го работы возобновились.

---

26 октября, в 8 час. вечера, в народном доме Нобеля состоялось собрание союза литографов. Об имеющем быть собрании было сообщено администрации, и в зале присутствовал представитель власти не в форме, который все время держался в задних рядах. Первым пунктом порядка дня было чтение проекта устава союза. После того, как были внесены кое-какие незначительные поправки в проект устава и были установлены размеры взносов ежемесячных и вступительных, проект был единогласно принят. Тут же были избраны кассир и комиссия из 15 человек для проведения устава в жизнь. Союз тут же был об'явлен открытым. Вторым пунктом порядка дня был вопрос о стачке. Примкнувши 3 недели назад к стачке типографов, об'явленной по солидарности с московскими товарищами, литографы всех крупных заведений выставили свои экономические требования, из коих главное было — 9-часовой рабочий день. Некоторые заведения быстро уступили, другие же рассчитали своих рабочих, надеясь заместить их новыми. Но литографы, имея возможность собираться и сговариваться между собою, твердо держались и не являлись в те мастерские, где стачка

продолжалась. В конце концов, все хозяева согласились на 9-часовой рабочий день и на некоторые требования. На собрании было заявлено, что некоторые заведения, добившись всего, приступают к работам, другие же решили бастовать до тех пор, пока не придут к соглашению и по другим пунктам, кроме 9-часового рабочего дня. Для поддержания этих товарищей на собрании было решено отчислить в их пользу однодневный заработок тех литографов, которые уже приступили к работам. На собрании, между прочим, были переданы суммы, собранные таким образом в некоторых литографиях, но еще не поступившие в стачечный фонд, и были оглашены те литографии, где сбор уже был произведен ранее. Кроме того, был оглашен факт, что из одной бастующей литографии заказчиком был взят заказ обратно и передан в другую литографию, где работы производились. На прежних же собраниях было решено, что все товарищи должны отказываться от исполнения таких заказов. В ответ на это заявление один из литографов указал, что к ним, действительно, поступил такой заказ, но они решительно отказались исполнить его до тех пор, пока не увидятся с товарищами и не выяснят того, от какой литографии отобран этот заказ. Образец был тут же представлен, признан бастовавшими товарищими за свой, и собрание рукоплесканиями и криками благодарности чествовало этот пример товарищеской солидарности. В конце собрания один из ораторов приглашал товарищей об'единиться и вооружиться для противодействия „черной сотне“, которая не останавливается даже перед нападением на беззащитных женщин. Другой оратор остановился на характеристике переживаемого момента, отметил отличительные черты той борьбы, которую ведет пролетариат, и тех профессиональных союзов, которые теперь основываются. Он указал на то, что все наши вновь образуемые союзы стоят и не могут не стоять на точке зрения классовой борьбы. Они образуются, в виду необходимости борьбы труда с капиталом, и не хотят затушевывать своих стремлений. Для того, чтобы союз возможно полнее и совершеннее об'единял всех рабочих данной профессии, он должен принимать членов без различия партий, но история—и наша и чужая—слишком ярко доказала нам, что, кроме экономической борьбы, рабочие должны вести и политическую борьбу. К какой же партии рабочие не как члены союза, а как граждане, должны примкнуть? Оратор предостерегал от политической беспринципности различных могущих образоваться, „независимых“ рабочих партий и звал всех под знамена социал-демократии.

Из жизни рабочих.

Металлический завод.

Подобно тому, как в Невском районе Семянниковский или Обуховский, так здесь Выборгский металлический завод задает тон целому ряду других более мелких окружающих его заводов. И в последнюю политическую забастовку металлический стойко держался от 14 до 21 октября, снимал рабочих с других заводов и строго следил за исполнением всех постановлений Рабочего Совета. Только раз был момент, когда, казалось, поколебалась стойкость рабочих металлического завода, именно, когда рабочие Розенкранца принялись за работу. Однако, стоило ораторам социал-демократам на митинге указать на все значение настоящей стачки, ни одна рука не поднялась за прекращение забастовки. Митинги продолжались почти каждый день вплоть до самого прекращения забастовки. Ораторами выступали исключительно социал-демократы обеих организаций. 27 вечером был устроен еще один митинг. 3 оратора, посланные соединенной коллегией митинговых ораторов Р. С.-Д. Р. П., свободно прошли в завод в 6½ ч. вечера в ново-механическую мастерскую, где был назначен митинг.

Рабочие всех мастерских стекались сюда толпами, и без четверти 7 митинг был открыт.

Первый оратор в своей речи коснулся исключительно экономических нужд данного завода: именно, вопроса о возможности и способах введения на нем революционным путем 8-час. рабочего дня, вопроса о стоимости работ и сверхурочных работах, и предложил для решения данных вопросов путь, принятый уже в соединенном заседании выборных от всех мастерских. Собравши все сведения по мастерским о возможности и необходимости повышения расценок при сохранении штучной платы или введения заработной нормы при замене ее поденной, представить все эти сведения в комиссию из 7 человек, которая, сгруппировав их определенным образом, и после утверждения этих новых расценочных норм всеми рабочими на общем митинге, представила бы их в виде ультиматума администрации завода, явочным порядком введя в то же время 8-час. рабочий день. При этом особенное внимание при начале этой борьбы оратор предлагал обратить на полную осведомленность, которой должны обладать выборные относительно настроения своих мастерских в целях большей солидарности и сплоченности их в будущей борьбе.

Следующие речи были чисто политического характера и содержали в себе раз'яснение конечной цели социал-демократии и ее ближайших задач — организации пролетариата в единую классовую партию. Особенное внимание обращалось на возможность захвата плодов одержанной победы буржуазными партиями и на новые формы организации, формы более открытые и легальные. „Долой подполье!“—было лозунгом, данным ораторами,—пусть каждый рабочий признает себя социал-демократом и открыто запишется в ряды Р. С.-Д. Р. П. В результате была вынесена единогласно следующая резолюция: „Мы, собравшиеся рабочие, после обсуждения пришли к следующему выводу: в настоящее время, когда под ударами революции падает царское самодержавие, нам, рабочим, необходимо тесно сплотиться в одну партию, чтобы в ее рядах неутомимо бороться за наши интересы, в противном случае буржуазные партии захватят в свои руки все плоды победы, добытые нашими руками. Рабочим нужна единая партия. Рабочая партия должна принять программу, которая выражает интересы пролетариата всего мира. Такой программой является программа международной с.-д.; российский пролетариат есть часть всемирного пролетариата, а российская социал-демократия — часть всемирной социал-демократии. Все рабочие организации и союзы должны сплотиться под знаменем С.-Д. Р. П. Поэтому, мы, собравшиеся рабочие, находим единственно приемлемой для Рабочего Совета, выросшего во время последней стачки, программу Р. С.-Д. Р. П. и предлагаем Совету вести дальнейшую борьбу за народную милицию, 8-час. рабочий день и социализм в рядах этой партии“.

Тут же было принято решение противодействовать, путем проскрипционных списков и публикаций в „Новой Жизни“ имен и фамилий, подвигам черной сотни.

Митинг окончился в 8 час. вечера.

За Московской заставой.

29 октября в 12 часов дня прекратила работы сапожная мастерская Российско-Американской мануфактуры. Рабочие и работницы означенной мануфактуры заявили администрации фабрики о желании собраться и поговорить о своих нуждах, прося дать им для этой цели подходящее помещение. Когда депутат от рабочих заявил об общем желании своих собратьев, то получил... немедленно расчет... Об этом обстоятельстве он передал своим сотоварищам, и те немедленно бросили работу...

Здесь сильно циркулируют слухи о нашествии хулиганов, черносотенцев, в виду чего рабочими местных заводов приняты меры к тому, чтобы „достойно“ встретить этих патриотов. Меры эти приняты потому, что никто не верит в целительную силу публикации от имени градоначальника.

С понедельника решено начать работы без обеденных перерывов с 8 ч. утра до 4 ч. веч., т. е. работать 8 час. Последнее время мелким служащим жилось настолько тяжело, что, как мы слышали, директор Спб. вагоностроительного завода, Э. Басманн, решил выдать ½-месячный оклад всем служащим своего завода.

Местный.

На Обуховском заводе.

— Рабочие о восьмичасовом дне. На Обуховском сталелитейном заводе вчера, 27 октября, в пятом часу пополудни, рабочие, оставив мастерские, собрались на общее совещание по вопросу об установлении на заводе восьмичасового рабочего дня. На запрос, пред'явленный рабочими администрации завода по поводу сокращения дня до восьмичасовой нормы, ответ был получен отрицательный. Не взирая на это, рабочие постановили самостоятельно осуществить свою мысль и прекратили работы на два часа ранее обычного времени.

28 октября на Обуховском заводе рабочие впервые осуществили восьмичасовой рабочий день.

Путиловский завод.

— *Рабочие корабельной и лесообделочной* мастерской Путиловского завода 18 октября связали начальника корабельной и мастера лесообделочной, потом одели на их головы грязные мешки и, при общих возгласах радости и смеха, вынесли их на улицу и бросили в грязь. Правление общества Путиловских заводов об'явило рабочим этих мастерских поголовное увольнение. Возмущенные рабочие предложили свой поступок рассмотреть всем товарищам завода; с этой целью было назначено несколько собраний, на которых большинство высказывалось за забастовку как единственный верный способ подействовать на правление. Правление, взволнованное этой угрозой рабочих, выпустило вчера воззвание к ним, в котором советует успокоиться и приняться за правильную работу, ибо в противном случае, в случае забастовки, завод придется совсем закрыть.

СОБРАНИЕ РАБОЧИХ ЭКСПЕДИЦИИ ЗАГОТОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ БУМАГ.

28 октября, в десять часов утра, в зале народного дома Паниной состоялось собрание 4.000 рабочих экспедиции заготовления государственных бумаг, под председательством счетчика 2-го отделения экспедиции Павлова.

Собрание было открыто речью депутата рабочих экспедиции, при чем был изложен подробно ход текущих событий за последние дни забастовки, т. е. с 26 октября по текущий день.

Причина забастовки, как оказывается, лежит не только в желании рабочих избавиться от своей пенсионной кассы, но и в том взаимоотношении, которое применяется чиновниками к рабочим. Произвол среди бюрократов-чиновников экспедиции царит здесь во всем своем величии.

Как на одно из последствий произвола, рабочие указывали на уволенных на-днях только г. Голицыным 160 рабочих орловских мастерских экспедиции.

Затем депутаты от рабочих, г. Прогер и М. Ушаков, уволенные из экспедиции за участие в комиссии Шидловского, доложили собранию о своем вчерашнем посещении гр. Витте.

Гр. Витте принял указанных представителей в час ночи и беседовал с ними до четырех часов утра, при чем депутаты прочитали свои требования, изложенные в докладе - записке. Требования эти состоят из следующих пунктов, на которые Витте им тут давал ответы:

1) Упразднить пенсионную кассу экспедиции и выдать ее участникам собственные взносы с % и приплатою казны с %.

Ответ Витте: Так как касса учреждена законодательным порядком, то ее ликвидировать в один день нельзя, поэтому предлагаю вам выбрать из своей среды третейский суд, в который вошли бы: один чиновник, фабричный инспектор (по желанию депутатов избран г. Литвинов-Фалинский), один известный общественный деятель и пять рабочих экспедиции. Этот третейский суд должен в пятидневный срок вынести решение по вопросу о выдаче рабочим добавочных казенных денег и сделать свои заключения, которые прошу чрез депутатов доставить мне.—Кроме того, Витте говорил, что растраты, очевидно, в пенсионной кассе нет, и если бы таковая оказалась, то немедленно будет пополнена казной.

2) Сделать раздачу прибылей по %, а не в виде награды.

На это Витте из'явил свое согласие.

3) В виду дороговизны жизненных продуктов, а также и квартир, установить минимальный оклад содержания рабочим 30 руб. мужчинам и 25 руб. женщинам, с периодической прибавкой чрез известное время. Периодические прибавки должны быть выработаны администрацией совместно с рабочими, с правом решающего голоса рабочих.

Удовлетворение этого параграфа Витте считает возможным.

4) Отменить эксплоатацию детского труда и принимать детей на работу в качестве учеников, но не рабочих.

На это Витте безусловно согласился.

5) При увольнении рабочих из экспедиции должна быть учреждена особая комиссия из администрации и самих рабочих ...

С этим пунктом Витте согласился, но заявил, что желательно было бы, чтобы в данном случае рабочие имели только совещательный голос.

6) Обеспечить рабочих, получивших увечья и потерявших здоровье на работах в экспедиции. Работающих же с увечьями перевести на более легкий труд, дабы они не были в тягость другим рабочим.

На это Витте согласился.

7) Уволить мастеров и чиновников, выслуживших пенсию по старому уставу.

В этом вопросе Витте обещал разобраться.

8) Сделать переоценку труда совместно с администрацией и представителями от рабочих.

На это Витте ответил, что рабочим желательно дать в данном случае право совещательного голоса.

9) Допустить рабочих в состав комитета кассы 11 апреля в память Александра 2-го. Витте нашел это вполне возможным.

10) Уменьшить штат чиновников по письменной части и мастеров, которые сидят совершенно без дела.

Этот пункт Витте находит возможным удовлетворить.

11) Согласно требованию всех рабочих, экспедиция примет на работу бывшего депутата в комиссии Шидловского, Михаила Ушакова, отстраненного от работ произволом администрации.

Ходатайство это удовлетворено.

12) Строго наказать тех лиц, которые приказали войскам расстреливать мирно беседовавших рабочих 4 октября с. г.

— Это,—ответил Витте,– дело суда.

13) Отстранение от службы в экспедиции протоиерея Орнатского за целый ряд безнравственных поступков, не подобающих священному сану.

На это Витте заявил, что он пригласит к себе отца Орнатского и с ним побеседует.

14) Отстранить от должности управляющего экспедицией г. Голицына и его помощника Владимира Михайловского.

На это Витте ответил, что Голицын уже сам уволился, а Михайловский будет уволен с назначением нового управляющего.

В присутствии депутатов Витте сделал письменное распоряжение о передаче требования рабочих на немедленное распоряжение и. д. министра финансов Шипова.

В виду того, что депутаты пришли к соглашению с Витте, собрание постановило начать работы с понедельника.

Во время заседания в зал собрания явился чиновник экспедиции г. Гингрос и заявил следующее:

— Г. министр финансов просит прислать сегодня к двум часам в экспедицию своих депутатов для переговоров с ним. К этому времени г. министр будет их ожидать в экспедиции.

Немедленно было выбрано 20 человек депутатов: Ушаков, Васильев, Грудков, Павлов, Прогер (эти шесть человек вошли и в число избранных для третейского суда), Воробьев, Парфенов, Шоломов, Никольская, Иванов, Кузьмичихин, Гринюк, Кудрявцева, Моисеева, Мольский, Кестнер, Никифорова, Марков, Прокофьев и Воинов. Затем собрание было закрыто, и депутаты немедленно отправились для беседы с Шиповым.

Беседа эта, продолжавшаяся два часа, ни к чему не привела, так как Шипов отказался санкционировать обещания Витте, заявив, что третейский суд должен раньше разобраться в требованиях рабочих, при чем министр предложил в третейский суд гласного думы г. Лихачева, рабочие же заявили, что они Лихачева не хотят и просят назначить Фальборка.

Г. Шипов ответил на это, что с Фальборком он не знаком, а потому пригласить его не может.

Вместе с тем, г. Шипов просил, чтобы пока начались работы в экспедиционной водокачке и на электрической станции, так как от этой забастовки страдают больные.

Депутаты на это ответили, что свет они дадут, для чего купят на свои средства свечей, также будет доставлена вода.

Через несколько минут после беседы с министром, на воротах появился следующий аншлаг. „Товарищи! Ваши депутаты не пришли ни к какому соглашению, а потому забастовка продолжается".

Польша.

— Введение автономии в Польше, говорят, решено в положительном смысле. Учреждено будет наместничество с сеймом в Варшаве и автономными учреждениями. Во всех школах и учреждениях польский язык получит право гражданства. Первым наместником, по слухам, называют графа Бенкендорфа, российского посла в Лондоне.

Областной отдел.

Вильно.

— Кровавые события в Вильне. — Под влиянием железнодорожной забастовки началось сильное брожение в городе. Польской, литовской и еврейской социал-демократическими партиями была об'явлена всеобщая забастовка. 16 октября, в воскресенье, жизнь в городе замерла; торговля и все учреждения перестали функционировать. В тот же день был назначен общий митинг в железнодорожном собрании, но собрание было оцеплено войскам и казаками... Решено было немедленно обратиться к губернатору, графу Палену, с просьбой устранить войска. Гр. Пален ответил, что это не от него зависит, что распоряжается войском генерал-губернатор, притом он обещал лично прибыть к месту митинга: и действительно, спустя некоторое время к железнодорожному собранию под'ехал гр. Пален. Когда депутаты от рабочих изложили ему свое требование немедленно удалить войска, гр. Пален предложил им совместно отправиться к генерал-губернатору; лишь только коляска с губернатором и четырьмя депутатами тронулась с места, как раздался выстрел из окна прилегающего дома (все уверяют, что это была провокаторская проделка); пуля попала губернатору в руку. Отряд пехоты, охраняющий здание железнодорожного собрания, открыл в это время огонь по толпе. Раздались душу раздирающие крики смертельно раненых. 17 октября состоялись торжественные похороны восьми жертв кровавой расправы войск; в этом шествии участвовало около 60-ти тысяч человек, а на кладбищах произносились речи на польском, еврейском и русском языках. 20 октября был ранен на Завальной улице ненавистный околоточный надзиратель Абрамович рабочим, которого немедленно арестовали. Тогда толпа потребовала его освобождения. Произошло столкновение между войском и народом, было дано несколько залпов, при этом около 30 человек убитых и раненых.

Октябрьские дни в Одессе.

(Корр. „Новой Жизни".)

(Окончание.)

Я поехал на Дальник. На Прохоровскую из города бежали сотни и сотни защитников. На „толчке" разбирали куски железа, на углу какие-то рабочие и студенты требовали оружия у владельца оружейного магазина, а он клялся, что полиция все забрала.

На Третецком переулке я увидел первые жертвы. Из кареты скорой помощи вынули на носилках молодого русского рабочего с пулей в груди: „Ничего, товарищи, скоро подымусь",—говорил он, силясь улыбнуться. За ним вынули старика еврея с разбитой головой, с обнаженной исцарапанной грудью: „Да дайте же помощь",—кричал он на всю улицу...

Справа грянул залп, и мимо меня промчалась рассеянная войсками и полицией толпа защитников, а за завесою из войск и полиции шли громилы и делали свое страшное дело.

Погром разрастался.

Комиссия и дума заседали, протестовали, ездили к Нейдгардту, к командующему войсками Каульбарсу, а те отвечали, что „либералы" сами виноваты в погроме, что они озлобили „граждан".

На утро 19-го были назначены похороны трех из убитых 16-го, трупы которых сохранились в клинике. Дума постановила в полном составе присутствовать на похоронах, ассигновала 5.000 на вооружение милиции.

В университете организовывалась милиция. Одни за другими организовывались десятки, вооружались и отправлялись туда, где шла бойня. Революционные организации мобилизовали и посылали в огонь свои отряды, маленькие, жалкие в сравнении с силами врага, но сильные духом.

Ночью погром немного затих. На утро к университету опять потянулись толпы, понесли венки. Но коалиционный совет, кажется, вместе с советом профессоров похороны отменили и предложили народу рассеяться. Ораторы приглашали всех вооруженных итти в кварталы, охваченные резней, а остальным предлагали итти останавливать словом невежественную чернь.

Революционная толпа очистила улицу, разошлась по домам, за исключением вооруженных, да тех, кто ждал оружия. Улицей завладела черная сотня. По Дерибасовской шла патриотическая манифестация, с образами, царскими портретами, национальными флагами; били встречных евреев и студентов, колотили стекла в магазинах.

В университете спешно готовили отряды самообороны, число десятков дошло до 27-ми (только студенческих). На улицах самооборона рассеивала толпы хулиганов, но вслед появлялись казаки и войска и расстреливали геройских защитников.

А провокация сверху продолжала действовать. Нейдгардт издал об'явление, где говорил, что 30.000 мещан требуют прекращения преступных собраний в университете и грозят сжечь университет.

Каульбарс грозил разрушить артиллерией дома, откуда раздадутся выстрелы. И не мало домов в этот день было подвергнуто расстрелу; сигналом служил иногда провокаторский выстрел, иногда попытки сопротивления со стороны какого-нибудь еврея, защищающего свое имущество, свою жизнь, честь дочери или жены.

Еще накануне, когда начался погром, народом был разбит оружейный магазин на Дерибасовской ул. и роздано для самообороны кой-какое оружие. На другой день разобрано оружие еще в двух магазинах. Число самооборонщиков превышало уже тысячу человек.

Университет ждал нападения, поджога. У всех окон, на лестницах и балконах стояли вооруженные рабочие и студенты, разливали по склянкам серную и азотную кислоту, готовились дорого продать свою жизнь и жизнь тех несчастных, что нашли здесь убежище.

Вокруг университета стояли войска, и офицер заявил студентам, что он толпу хулиганов не допустит к университету, но что пулеметы поставлены по обе стороны, и если с университета раздастся хоть один выстрел,—он сотрет университет с лица земли.

Толпа хулиганов, собранная с утра у Херсонского участка, двинулась к университету, солдаты закрыли дорогу, в солдат раздались холостые выстрелы, солдаты выстрелили в воздух, и толпа пошла дальше на Новый базар, где и начала погром. Несколько раз приходили в университет сведения о приближении громил, и каждый раз там готовились к геройской защите. Университет напоминал крепость.

„Бюро комитета по вооружению", „Продовольственный пункт", „Лазарет", „Арестантское помещение"—такие надписи помещались на дверях и не были пустым звуком.

Кормили тысячу человек, рассылали по городу сотни санитаров и сестер милосердия, приводили десятки арестованных, отправляли десятками бойцов.

А погром разрастался. У телефона не успевали записывать улицы, с которых неслись просьбы о посылке охраны, о высылке санитаров, патронов. А к вечеру пришло зловещее сообщение, что на Дальнике началась поголовная резня. Приходившие говорили, как насиловали старух и девушек, как вешали вниз головой, как выбрасывали людей с третьего этажа, как колотили детей головами об углы, как добивали раненых, как убивали санитаров и сестер милосердия, как казнили самооборонщиков. Ни у кого не оставалось сомнений, кем организуются погромы. Войска и полиция расстреливают самооборонщиков, закрывают входы в квартал, а внутри идет вакханалия.

Обождем, что скажет статистика. Но вряд-ли она найдет много домов на окраинах, где не было бы разгромов, где не было бы убитых. Убито 56 студентов. Ранено вдвое больше. Всего убитых и раненых насчитывают свыше 10.000 человек. Процент умирающих от ран громадный; раны нанесены большею частью тупым орудием по голове.

Самооборона действовала геройски. Я видел, как 20—30 челов. гнали тысячную толпу. Вот студент-кавказец с ноганом в руке стоит на углу Базарной площади и один отстреливается от толпы; вот его товарищ отбивает у трех хулиганов девушку, которую они собираются изнасиловать. Ночью самооборона одна только поддерживала порядок. Она была признана всем населением и даже администрацией. Вот милиционер ведет по улице почти через весь город хулигана, а этот тащит узел, с которым его поймали. Вот студент-кавказец усадил на дрожки двух солдат-громил, держит их за шиворот и везет туда же. Доставлено было в университет человек 150 грабителей, тысяч на 15 награбленного имущества. Везли отобранные вещи все обыватели, даже солдаты.

Вот картина. На лестнице университета стража. С улицы входят два солдата со штыками и ведут хулигана. И таких картин было немало.

В университет было доставлено 3 полицейских револьвера, отобранных у переодетых городовых.

Десятки хулиганов и обывателей, несколько офицеров, все, кто был в самообороне, утверждают в один голос, что полиция не только попускала, но и наталкивала, организовывала погром, участвовала в нем.

Вот факты. На Раскидайловской улице в 11 часов ночи стоит кучка полицейских, казаков и рота солдат. Все кругом тихо.

Приближаются громилы. Раздается выстрел. Казаки и полицейские бегут по дворам, будят всех обывателей, требуют, чтобы они вставали, готовились к защите, потому что идут жиды резать русских. На это мне жаловались в доме № 12 по Южной улице. То же было на углу Раскидайловской, где я сам проходил в этот час. И это везде, и на Слободке, и на Дальнике, и на Пересыпи. После двух-трех таких тревог русские уже озлоблены, напуганы и, как звери, бросаются на каждого еврея.

А вот рассказ доставленного в университет студента Б. Его отец служит на мельнице миллионера Вайнштейна.

Владелец этой мельницы просил у Каульбарса солдат для охраны, телеграфировал графу Витте. Ему дали роту солдат, но поместили их визави в полицейском участке. Явились громилы. Из соседней школы мукомолов ученики дали по громилам залп, тогда присланные для охраны войска принялись расстреливать мельницу. Мать Б., два брата и две девушки хотели спастись через другой выход к морю. Мать изнасиловали здесь же на улице на глазах отца и детей, изнасиловали и убили обеих девушек, сына ударили по голове и бросили в море, другого убили и куда-то отволокли. Оставшиеся спрятались в закроме за мешками и два часа подвергались обстрелу солдат.

А что делалось в квартирах рабочих и мелких торговцев евреев!..

Три дня бушевал погром, хулиганы и полиция зверели все больше и больше. Самооборону расстреливали без пощады. Были отряды, где из 30 человек возвращалось 5—6. Солдаты и полиция останавливали каждого проходившего и, если находили оружие, то здесь же на месте убивали.

На третий день вечером решено было прекратить посылку самообороны, потому что ее уничтожали раньше, чем она достигала места погрома.

На четвертый день Каульбарс издал приказ о прекращении погрома, и он был к утру прекращен.

Ис. Кора.

Вольск.

(Корр. „Нов. Жизни“.)

Утром, 20 октября, гимназисты и реалисты пошли закрывать женскую гимназию. Затем все двинулись по Московской улице, где примкнули и учащие. С красными флагами и пением революционных песен толпа медленно двигалась по главной улице, закрывая по дороге маленькие мастерские и лавчонки. Большие магазины были закрыты с полудня.

Учащиеся шли по мостовой, а учащие группировались на тротуарах. Вдали, около земской управы, виднелась толпа. Манифестанты думали, что это рабочие с завода хотят присоединиться к шествию, и спокойно подвигались вперед. Как вдруг раздался крик: „Бей их!“ Толпа набросилась на манифестантов, часть которых не успела убежать и подверглась самому беспощадному зверскому избиению. Черная сотня орудовала здесь не менее 3 час. Избита и изувечена масса детей, начиная с 17—18 лет и кончая 12. Били не просто, а с издевательством и мучительством. Гимназисток раздевали до-гола, вырывали волосы с мясом, перекидывали вниз головой и били нагайками между ног. Но варварам казалось и этого недостаточно. Они подкидывали вверх детей, бросали на землю и потом становились ногами на живот, выдавливали внутренности и кричали: „Ага, живот болит!“ Ужас об'ял весь город, помощь подать неоткуда.

Полиция не вмешивалась. Вы спросите: а что делала толпа, родители, граждане? Все бежали, попрятались и молчали. Нашелся было один заступник и пострадал. К нему явился было аптекарь с лекарствами и также был избит за то, что „принес мору“, как кричала толпа. Одного юношу сбросили с крыши вниз головой. Из числа пострадавших установлены сейчас следующие лица. Убит Яблочников; ранены: акцизные чиновники Александров и Ситников, городской лесничий Виноградов, аптекарь Широкогоров. Так праздновал Вольск царский манифест.

Казань.

Заимствуем из „Самарской Газеты“ интересные подробности о событиях в Казани.

После думского заседания 19 октября огромная, тысяч в двадцать, толпа народа, вместе с несколькими гласными и представителями партий во главе, двинулась по полицейским участкам. По пути она окружала встречавшихся постовых городовых, обезоруживала их и двигалась дальше.

В полицейские участки заходили только представители толпы и требовали у полиции выдачи оружия. Все, как высшие, так

и низшие чины, страшно растерялись. Многие из них прятались в участках под кровать, под нары кордегардии и т. п.

Толпа же только разоружала полицию, но ни один из полицейских чинов не был избит. Высшие чины не доверяли мирным намерениям граждан, поэтому, сдав оружие, скрывались; низшие чины несколько скорей и проще осваивались с положением вещей и поэтому даже обращались к представителям партий, руководящим толпой, с просьбой принять их потом на службу для охраны города, высказывая предположение, что тогда им наверно и платить больше будут, и что вообще им тогда лучше будет житься.

Самое шествие толпы граждан имело грандиозный вид и все время совершалось в полнейшем порядке.

Так горожане ходили от участка к участку, увозя за собою экипажи, нагруженные шашками и револьверами.

Во дворе университетской клиники манифестантами был устроен митинг. На этот митинг явились исполняющий должность городского головы Грауэрт, прокурор окр. суда Калин вместе с приставом 6-ой части. Они попросили позволения беседовать с руководителями народного собрания, что им было разрешено. Г. Грауэрт заявил, что, так как полиция разоружена, то в виду этого охрану мирных жителей во время наступающей ночи должны взять на себя те представители партий, которые руководили движением. Последние на это дали свое согласие и тут же решили для такой цели вооружить отобранным у полиции оружием граждан, известных им лично. Таким образом, тут же быстро была сформирована первая часть гражданской милиции, разбита на десятки с более опытными и вполне надежными руководителями.

Г. Казин также подтвердил заявление г. Грауэрт и, кроме того, просил, чтобы вновь установленная милиция оказывала содействие представителям закона, если таковое потребуется. На это было тоже дано согласие, но только на те случаи, когда требования представителей закона не будут расходиться с интересами и желаниями народа. К митингу стекались все новые и новые толпы народа, и раздача оружия совершалась самым деятельным образом.

Когда раздача эта окончилась, вновь сформированная дружина стала впереди толпы и открыла грандиозное шествие ее к городской думе. В половине 8-го был открыт митинг в театре. Ораторы говорили как на общие, так и на частные темы. Все собрание признало необходимым для ограждения интересов и жизни народа разоружить полицию и войска, особенно казаков, и вооружить самих граждан. Митинг протекал в полном порядке и был даже сфотографирован одним фотографом.

На митинге было сообщено извещение губернатора, который для охраны города на эту ночь назначил патруль из солдат.

Но собрание отнеслось недоверчиво к этим действиям администрации и потребовало, чтобы эти патрули находились не под командой властей, а даны были в распоряжение милиции и ее руководителей, что и было исполнено губернатором.

К ночи новая милиция, насколько возможно, была сформирована, заняла посты по улицам и ходила вместе с солдатскими патрулями. В думе же гласные с руководителями милиции до поздней ночи занимались приобретением нового оружия из магазинов и вооружением новых рядов милиции.

Но дальнейшие события привели в Казани, как нам сообщают, к трагической развязке. На требование о разоружении полиции и удалении казаков губернатор дал письменно согласие на вооружение милиции и разоружение полиции, что же касается казаков, он ответил, что не в его власти вывести их из города.

21-го началась хулиганская манифестация. Она подошла к думе и потребовала выдачи всей милиции. Из думы был дан залп в воздух. Появились войска и начали обстреливать думу. Все сдались. Их провели черным ходом в тюрьму, всего 131 чел. Те, кто попал в руки хулиганов, были разорваны на клочки. Городом овладели хулиганы. Полиция вступила в свои права. В думе в шкафах были найдены трупы. 22-го началось снова хулиганское движение с национальными флагами и прочими атрибутами. К вечеру разразился еврейский погром. 23-го погром продолжался. На улицах не видно было ни одного интеллигентного человека. Толпа кричала: „Перережем, тогда успокоимся“. Хотели разнести тюрьму и больницу, где лежали „крамольники“. В городе царил сплошной ужас. Каждую минуту ожидали, что раз'яренная толпа начнет ходить убивать студентов по квартирам. Раненых узнать нет никакой возможности. Разгромлена синагога и масса магазинов.

Редактор-издатель ***Н. М. Минский.***

Издательница ***М. Ф. Андреева.***

ГОД ПЕРВЫЙ. С.-ПЕТЕРБУРГ.
№ 5
ВТОРНИК, 1 НОЯБРЯ
(14 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

1 ноября в 8 час. вечера состоится в Соляном Городке экстренное собрание Совета Рабочих Депутатов по поводу кронштадтских событий.

Родители, братья и товарищи
извещают о смерти
ПАВЛА АВГУСТОВИЧА ГРОЖАНА,
последовавшей 27 сего октября в Москве.

С.-Петербург.

1-го ноября.

Восьмичасовой рабочий день и политическая борьба.

С понедельника, 31 октября, по постановлению Совета Петербургских Рабочих Депутатов на фабриках и заводах должен быть введен „революционным путем“ восьмичасовой рабочий день.

Это — факт, который должен быть отмечен в летописях не только русского, но и всемирного рабочего движения. Только организованный, только сознавший свою силу пролетариат в состоянии выставить и провести требование восьмичасового рабочего дня, осуществление которого имеет громадное значение для развития самосознания рабочих; для превращения их из белых рабов капитала, шесть дней в неделю работающих до потери сознания, а в седьмой вином заглушающих боль уставшего тела и вопль угнетенной души, в человека - гражданина.

В сущности говоря, дело идет сразу об исполнении двух требований — сокращения рабочего дня до восьми часов и повышения расценки до такого размера, чтобы не понизилась общая заработная плата рабочего. Непосредственный результат успеха рабочего класса в этой схватке с капиталом будет заключаться в усилении политического влияния пролетариата. Освободившееся от работы время он употребит на свое саморазвитие, на свою гражданскую жизнь. А в настоящий момент она сосредоточивается на политической и профессиональной организации рабочего класса и на его политической борьбе.

Но если введение восьмичасового рабочего дня даст могучий толчок классовому и политическому движению пролетариата, то и обратно: только победоносная политическая борьба рабочего класса, только современное революционное движение сделало возможным введение у нас восьмичасового рабочего дня.

Русский рабочий класс есть наиболее молодая часть армии международного пролетариата. До сих пор в условиях полицейско-самодержавного государства русский пролетариат не мог организоваться в такие сильные и стройные организации, как западно-европейский пролетариат. И если, тем не менее, он выступил в качестве авангарда борющегося за свободу русского народа, если он теперь вступает в героическую борьбу с капиталом за свои права на человеческую жизнь, то это об'ясняется революционностью русского рабочего класса, тем высоким под'емом духа, который развился в нем в период его борьбы со старым режимом.

Завоевания рабочего класса, достигнутые в революционное время, будут прочны только тогда, когда он организуется в сознательную и крепкую политическую партию пролетариата. А такой партией является только социал-демократия.

Вот почему мы призываем рабочий класс становиться под знамена социал-демократии, которая поведет его не только к завоеванию человеческой жизни при капиталистическом способе производства, но и к конечной победе — к социализму.

Кронштадтский суд.

Сегодня предстоит новый акт кронштадтской трагедии — военно-полевой суд...

Чудовищная пародия на правосудие, он прибавит, несомненно, еще несколько десятков, если не сотен, новых жертв к бесчисленным жертвам освободительной борьбы.

Мы знаем: много тяжелого, извращенного было в кронштадтской трагедии. Но кто ответственен за это? Истинные ли виновники этих „ужасов“ сегодня сядут на скамью подсудимых, а через несколько дней подставят, быть может, свои груди под ружейные дула?

Нет!

Лишенный всякого морального авторитета внушающий ужас и отвращение всем сколько-нибудь сознательным элементам народа и общества, старый режим десятки лет судорожно впивался своими когтями в армию, как в свой последний оплот. Он методически душил в армии живую

мысль. Он методически вытравлял из армии человеческое достоинство. Он методически превращал армию в тюрьму — в школу рабства и озверения.

Но порывы освободительной бури, обновляющей теперь Россию, прорвались в конце концов и сквозь толстые стены казармы и пробудили жажду свободы и счастья и в солдатских сердцах.

И мудрено ли, что эта жажда прорвалась у кронштадтцев в бурных и жестоких формах? Мудрено ли, что светлая благородная революционная борьба вылилась здесь в извращенных формах и привела к тяжелой и мрачной трагедии?

Кто сеет ветер, пожнет бурю.

И тяжкие жертвы, которых стоит — и будет стоить — эта буря, да падут по справедливости на тех, кто сеял ветер.

Революционный пролетариат поймет и оценит истинный смысл кронштадтских событий. Он впишет имена кронштадтцев рядом с именами черноморцев в бесконечный ряд искупительных жертв российского освобождения. И имена эти еще сильнее разожгут в его сердце святую ненависть к старому режиму и вдохнут в него свежие силы для новой борьбы, для новых ударов.

И он придет, великий час народной свободы и народного суда!

От редакции. Одной, если не самой важной, задачей социал-демократической партии в настоящий момент является реорганизация ее учреждений. Партия из конспиративной, подпольной должна стать открытой организацией пролетарских масс, сохранив в то же время всю выдержанность и чистоту своей программы и своей тактики. Понятно, что партийные работники очень много занимаются теперь организационным вопросом. В частности, в Петербурге вопрос этот осложняется существованием рядом с партийными учреждениями и под их непосредственным влиянием Совета Рабочих Депутатов, об'единяющего в своей среде представителей различных партий и до сих пор формально не вставшего под знамена социал-демократии.

Стремясь всеми силами служить делу об'единения и организации социал-демократической партии, редакция „Новой Жизни“ открывает отдел статей по организационному вопросу и, в частности, по вопросу об открытом признании социал-демократической программы Петербургским Советом Рабочих Депутатов и подобными ему организациями других городов. Редакция просит поэтому товарищей высказываться на столбцах „Новой Жизни“ о вышеуказанных вопросах, не стесняясь литературной формой и имея в виду, что различные оттенки мнений найдут у нас место.

Об организации.

II.

Совет Рабочих Депутатов или партия?

Вопрос о Совете Рабочих Депутатов тесно связан с вопросом об организации партии, и мы считаем необходимым, прежде чем перейти к плану организации, выяснить наше отношение к этому учреждению, сыгравшему весьма крупную роль в последней всеобщей стачке. Выяснение это особенно необходимо потому, что в широких слоях пролетариата часто Совет смешивают с партией и считают его безусловно социал-демократическим. Этому способствовал тот факт, что громадное большинство Совета Депутатов состоит из соц.-демократов, что партийные агитаторы и организаторы принимали очень деятельное участие в создании Совета, что партийные литераторы помогали изданию органа Совета, наконец, вся политика Совета была определенно социал-демократической. Без всяких преувеличений можно сказать, что если Совет так популярен в массах, то только потому, что на многочисленных митингах и агитационных собраниях социал-демократия поддерживала его авторитет, советовала рабочим считаться с советскими решениями и поддерживать выставляемые им лозунги.

Совет в своей политике идет за социал-демократией, это неоспоримо.

Но значит ли это, что Совет, как организация, ставящая себе политические задачи, может заменить партию, значит ли это, что он может взять на себя руководство классовой борьбой петербургского пролетариата?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к способу образования Совета. Совет Депутатов состоит из представителей, избранных в определенном количестве от рабочих фабрик и заводов и от профессиональных организаций. В выборах участвовали все рабочие без различия политических убеждений. Хотя и не всегда была произведена всеобщая подача голосов (благодаря техническим условиям) при выборах, но этот принцип является основным в организации Совета. Таким образом, Совет в себе об'единяет весь петербургский пролетариат, независимо от степени политической сознательности отдельных его слоев, независимо от партийных группировок отдельных его элементов.

В момент политической забастовки, когда весь пролетариат выступает, как класс, в борьбу за свои интересы, именно состав Совета обеспечивает ему успешную деятельность. Никакая стачечная комиссия, если она хочет успешно вести стачку, не может не включить в свой состав представителей всех забастовавших. Вообще, во все моменты, когда весь пролетариат выходит на активные действия, необходимо учреждение аппарата, способного руководить этими действиями. При широкой организации политических партий, боевое соглашение между представителями партий, работающими в пролетариате, выделение общего партийного аппарата, было бы наиболее целесообразным. Но у нас, благодаря полицейским условиям деятельности, наиболее влиятельная в рабочем классе, более сильная социал-демократическая партия не могла создать такого организационного аппарата, который мог бы сплотить примыкающие к партиям массы. Благодаря такому состоянию организации социал-демократии (другие партии были в смысле организационном еще в более плачевном состоянии), появление рабочего Совета, как руководителя стачкой, было неизбежно. Оно было не только неизбежно, оно было и полезно, вот почему социал-демократия содействовала его созданию и популяризации.

Но может ли таким образом созданное учреждение быть политическим руководителем рабочих масс?

Ни в коем случае. Чтобы быть политическим руководителем, надо иметь ясно выраженную программу, точно

поставленные цели. Надо иметь стройную организацию из лиц, принявших эту программу, готовых бороться за эти цели. Если бы Совет Депутатов выбирался лицами, принявшими определенную программу, тогда он мог бы быть политическим руководителем; но тогда бы он был выборным партийным учреждением. А при теперешнем состоянии нашего рабочего движения, нельзя еще ожидать, что все наши пролетарии могут принять одну программу. Рабочие могут подхватить одни и те же боевые лозунги, могут выступать под одним и тем же флагом, на котором написаны те или иные требования, — но это далеко еще не значит, что весь пролетариат принял одну программу. Мы, конечно, убеждены, что пролетариат в своей массе стихийно социал-демократичен. Но это вовсе не значит, что мы хоть на минуту самообольщены возможностью завтра же всему пролетариату стать сознательными социал-демократами. Для этого нужна долгая пропагандистская и организационная работа, нужны об'ективные условия социально-политического развития. Если Совет Депутатов по своей конструкции политическим руководителем не является, то заменить партии он ни в коем случае не может. Он может только руководить определенным выступлением пролетариата, стать во главе определенных активных массовых действий. Ставить конкретные задачи, могущие об'единить весь пролетариат, он может, руководить же классовой политикой — не его задача. Всеобщую политическую забастовку он провел блестяще, ликвидацию стачки он сейчас ведет успешно, о дальнейших его конкретных задачах коснемся в другом месте. Здесь мы хотели коснуться только вопроса, может ли Совет заменить партию или взять на себя руководство политической борьбой пролетариата, и ответили на него отрицательно. Значит ли это, что Совет, ставя себе определенные конкретные политические задачи (вроде руководства всеобщей забастовкой), не должен совсем выяснить своей политической физиономии? Совершенно нет. Пролетариат должен определенно знать, под каким знаменем идет его выборное учреждение, лозунги и директивы какой партии он в своих определенных практических действиях будет проводить в жизнь. В политической борьбе играть в темную не в интересах пролетариата. Определенное заявление со стороны Совета, руководство какой политической партии признает он, к какой политической программе он примыкает, — необходимо. Вопрос этот уже поднят не только Российской Социал-Дем. Раб. Партией, но поднят во всех районах самими рабочими. Не надо быть пророком, чтобы предугадать, каково будет решение. Совет во всей своей деятельности вел социал-демократическую политику, его лозунги были лозунги социал-демократии, — теперь только придется это фактическое господство социал-демократического влияния закрепить в определенно-формулированном решении Совета Депутатов. Первая и ближайшая обязанность Совета поставить этот вопрос перед всеми своими избирателями и самому не откладывать решения его в долгий ящик. Выводы ясны: заменить партию Совет не может. Он может только организовать активные действия, но, чтобы не играть в темную, он обязан выяснить свою политическую физиономию. Это очередная задача Совета Рабочих Депутатов.

Б. Радин.

О внеклассовой лжи и классовой истине.

В известной пьесе Островского „Лес“ изображается некий приятный помещик, который, сидя возле столь же приятной помещицы, в течение всей пьесы повторяет, закатывая глаза в потолок, одни и те же слова:

— „Раиса Павловна, все высокое и все прекрасное!..“ — тут он неизменно захлебывается от восторга и избытка чувств и умолкает.

Я всегда вспоминаю этого сытого, круглого помещика, когда читаю либеральные газеты. В них неустанно и лишь с небольшими вариациями повторяется та же самая неопределенная, но многообещающая фраза о „всем высоком и прекрасном“. Либеральный буржуа, конечно, никогда не оскверняет своего возвышенного ума низкими мыслями о грубых и низменных классовых интересах, его стремления вечно направлены ко „всему высокому и прекрасному“, и он с негодованием говорит о невоспитанных социал-демократах, которые нарушают мировую гармонию бесцеремонным, резким призывом к классовой борьбе.

— „Раиса Павловна, все высокое и все прекрасное!.. Свобода, равенство и братство — это так красиво и так симпатично!“ — и помещики российского либерализма изо всех сил потрясают тюлевым флагом, на котором написаны красивые слова. Они призывают в с е (!) классы идиллически об'единиться под этим одним флагом, забывши временные раздоры ради осуществления „вневременных“ задач.

Много раз уже повторялась в истории старухи Европы эта противная комедия, и, обыкновенно, она имела успех. Одураченные пролетарии устремлялись под тюлевый флаг, содействовали либеральной буржуазии в достижении „внеклассовых“ целей, а потом в недоумении протирали глаза и спрашивали себя: куда же девалось „все высокое и все прекрасное“, к чему приглашали нас ловкие ходатаи по делам либерализма? Где та свобода, которая была написана на тюлевом флаге, и неужели под ней подразумевалась свобода... дохнуть с голода? Где пресловутое равенство, — не в том ли, что все пролетарии равны перед гнетом капитала? Где нежное братство, — не в бессовестной ли эксплоатации человека человеком?

Так повторялось, сказал я, не раз в истории Европы, и надо думать, что опыт прошлого не прошел даром. Пролетарий больше не верит внеклассовым лозунгам либералов. Этим лозунгам, сладким и приятным, „как летом вкусный лимонад“, — этой внеклассовой лжи он противопоставляет решительно и определенно свою классовую правду, ту большую суровую правду, которая слащавых буржуа приводит в священный ужас и негодование, а сынов пролетариата воодушевляет грозным порывом, великим стремлением и железным упорством.

Сознательные пролетарии, идущие под знаменем социал-демократии, уже не поддаются на уловки либеральных буржуа, но честно и откровенно говорят им во всеуслышание:

— „Мы не верим больше вашим изжеванным словам о внеклассовых целях и задачах. Мы по опыту знаем, мы на собственной шкуре убедились, как противоположны ваши и наши интересы. Мы допускаем, что в настоящий момент у нас и у вас один общий враг —

с той, впрочем, разницей, что этот враг вас презирает, а нас боится. Мы будем вместе бить этого врага, но мы заранее знаем, что дальше наши дороги пойдут по разным направлениям. Для вас политическая свобода есть цель, есть дополнение к той экономической власти, которой вы обладаете. Для нас она — лишь средство, лишь мост, через который необходимо перебраться для достижения другого, истинного освобождения человечества. Для вас храм свободы — окончательная станция вашего путешествия. Вам нужен он для того, чтобы было где разложить ваши чемоданы и мешки и приняться за куплю-продажу человеческого труда, за неутомимую стрижку купонов. Мы же стремимся к алтарю свободы не для того, чтобы превратить его в мелочную лавку, — нет, он нужен нам затем, чтобы об'единиться и сплотиться под его сенью и стройными рядами двинуться дальше. Ваша конечная станция будет для нас лишь кратким этапом, с которого мы снова пойдем вперед. И мы уверены, что тогда вы, призывающие нас к союзу и единению, вцепитесь в нас изо всех сил, чтобы прекратить наше движение, остановить нас, истребить наших вождей. Но вам не удастся этого сделать, ибо наши классовые интересы совпадают с интересами общечеловеческого развития. Мы— тот класс, который несет с собой полное ниспровержение всякого гнета, всякого насилия, рабства и подчиненности. Наши стремления совпадают с направлением исторического прогресса. Противоречия капиталистического строя, разрушительные силы, заложенные в его недрах, сами пролагают и указывают нам дорогу, и мы идем по этой дороге. Сама жизнь за нас, а кто может задержать жизнь?.. Никто!..

Вот почему мы так спокойно и твердо шествуем по своей дороге, не озираясь по сторонам и не ища чужой поддержки, как это делаете вы. Мы знаем и верим, что только наша линия — прямая, что нам, пролетариям, некуда больше итти, нет иного пути!

Что же касается вопроса о временном соглашении блоке, то позвольте вам, господа хорошие, напомнить слова поэта: „В одну телегу впречь не можно коня и трепетную лань!“ Какой толк будет, если мы начнем становиться с вами в одну упряжку? Либо нам вас на себе тащить придется, либо вы нам под ноги будете соваться! Лучше уж повезем отдельно — мы свою пролетарскую телегу, а вы свою либеральную таратайку. Для вас же выгоднее: можете вперед забежать и уговориться с нашим „общим врагом“, как вы его именуете, насчет устройства совместной засады против нас, пролетариев. „От'езжайте, господа хорошие!“

Алексеев.

Русская печать.

*** Буржуазная пресса не оставляет нас своим сердитым вниманием. Это — лестно. Особенно знаменательны попытки со стороны буржуазно-либеральных газет — „Сына Отечества“ и „Нашей Жизни“ — бороться с нами путем дискредитирования нашей „социал-демократичности“. Это лучшее доказательство, что наша газета, как действительный орган социал-демократии, внушает нашим противникам серьезные опасения. Обозреватель русской печати в „Нашей Жизни“, в воскресном номере, опять делает против нас трусливую вылазку. На этот раз он выбирает своей мишенью, по мнению многих либералов, „ахиллесову пяту“ социал-демократии, наше отношение к аграрному вопросу, и усматривает у нас „неясность“ и „противоречие“ программе, непозволительные для газеты, имеющей „претензию“ быть „органом партии“.

Выражать мнения партии и доводить до всеобщего сведения ее директивы—не наша „претензия“, а наша обязанность. Что же касается „противоречий“ и „неясности“ в нашем решении аграрного вопроса в России, то здесь неясность и непонимание только в ваших собственных головах, гг. „бывшие марксисты“, пишущие в „Нашей Жизни“.

Мы твердо держимся убеждения, что задачей современной революции по отношению к деревне является уничтожение всех пережитков крепостничества как в области правовых отношений, так и экономических, и что результатом революции будет установление в деревне чисто буржуазных отношений. Поэтому все разглагольствования о „социализации“ земли социалистов-революционеров и их последователей в аграрном вопросе мы считаем или непониманием совершающегося переворота или непростительной демагогией. Даже национализация земли, мыслимая и при сохранении капиталистического способа производства, допустима была бы только при полной демократизации общественного строя и, в частности, при демократической республике. Вот почему наша программа говорит только об уничтожении следов крепостных отношений.

Но требование крестьянами земли отнюдь не противоречит требованиям нашей программы. Удовлетворение его уничтожит пауперизацию (обнищание) крестьянских масс и даст могучий толчок развитию производительных сил страны. Оно будет содействовать быстрой дифференциации крестьянства, распадению его на определенные общественные классы. Это отношение к аграрному движению крестьян совершенно определенно выражено в резолюции III с'езда партии.

Этого не может понять обозреватель печати в „Нашей Жизни“. С одной стороны, его пугает, что экспроприацию части помещичьих земель мы готовы заменить экспроприацией всех помещичьих земель. С другой стороны, он упрекает нас в бюрократической отписке „по крестьянскому вопросу“. И в том и в другом ясно сказалась буржуазная психика обозревателя. Он настолько привык к опеканию „народа“ сверху, все равно, попечительным ли начальством или сердобольной интеллигенцией, что предоставление активной роли выборным крестьянским комитетам, руководимым социал-демократией, кажется ему „бюрократической отпиской“. Точно так же он не может понять, как это мы предоставляем Учредительному Собранию решить вопрос о формах экспроприации земель. Но ведь Учредительное Собрание будет решать и другие вопросы социальной политики. И возможно, решит их не так, как требует того наша программа. Значит ли это, что можно обойтись в решении назревших социально-политических вопросов без Всенародного Учредительного Собрания? Конечно, нет. Но также это не значит, что мы отказываемся защищать и проводить в Учредительном Собрании свои требования.

Такова „ясность“ в головах бывших марксистов из „Нашей Жизни“, и таков их демократизм.

*** Наступает, кажется, время, когда „хороший тон“ требует, чтоб все называли себя „социалистами“.

Среди студенчества,—говорит „Русь“,—народилась новая партия „христиан-социалистов“ с девизом „Alma mater для беспристрастной науки“. Credo партии:

„Alma mater — храм беспристрастной истины (т. е. науки), и его двери ни на минуту не могут быть закрыты (из-за забастовок) для жрецов истины, но да возвестят они данные сей беспристрастной истины всюду алчущим (публичной лекции). Но нет места в стенах сего храма пристрастным, зажигательным речам митингов. Наука беспристрастна.

„Мы против красной (кровавой, жестокой, несправедливой) революции. Но мы сторонники созидающей, творческой, справедливой революции: мы желаем сначала организовать, согласно нашим идеалам, наш собственный академический, юридический, экономический (общий студенческий оборот далеко превысит 10.000.000 рублей ежегодно: вот тут-то и сначала надо наши идеалы реализовать!) быт, а потом уже мы и остальные общества научим (сельские и городские общества будут руководить сами своими делами, и феодализм и капитализм исчезнут).

„И наш лозунг «вперед!»

„Но след за нами — не развалины, не дикий вандализм, а светлый, теплый след — труда, любви, терпенья.

„Мы за свободу слова, но мы против ругательств. Мы за открытое обсуждение всех вопросов с представителями партий, но мы против беспорядочного хаоса сходок... Одна у нас мать-земля, и все мы дети теплого солнышка: так зачем же губить безрассудно молодые жизни? Мы желаем водворить на земле царство правды“.

„Социализм“ этой программы — затхлый социализм „мелких дел“—взят напрокат из старой „Недели“. По стилю же воззвания видно, что писал его г. Розанов („все мы дети теплого солнышка“,—умиления-то, умиления сколько!), а редактировал г. Меньшиков („нет места в стенах сего храма зажигательным речам“ и т. д.—стало-быть, есть место квартальному!).

Подите прочь!

Мне приходится почти ежедневно отбиваться от „приветствий“ собратьев-писателей.

Вчера — „Новое Время“, сегодня — „Сын Отечества“, завтра накинется кто-нибудь другой. Все они вопрошают, восклицают: как! Я—социал-демократ? С каких пор? На каком основании? А философия? А мистицизм?

Отвечу раз навсегда этим вопрошателям — и забуду о них. Да, я принадлежу к тем, для кого только-что пережитые события прошли не бесследно, показав им в новом свете все прошлое и будущее человечества. Для меня, как, вероятно, для бесчисленного множества людей, стало очевидно, что пролетариат—это тот класс, на стороне которого одновременно находится и высшая сила и верховное право. Сила—потому, что рабочий класс, как единственно создающий все блага жизни, один держит в своих руках все пружины общественного механизма. Право—потому, что, не желая быть жертвой чьей-либо эксплоатации, пролетариат сам-то уже никого эксплоатировать не намерен. Его классовые интересы без остатка сливаются с интересами всемирной справедливости. Какой другой класс может сказать это про себя?

Ничего не поделаешь, приходится учиться у истории—и в этом нет ничего постыдного. На то нам даны глаза и уши, чтоб мы могли слышать голос истины и следовать за ней. У писателей, у художников, у мыслителей слух тоньше и взор острее. Только подслеповатый и глуховатый „Сын Отечества“ может удивляться тому, что гимн рабочим был сочинен Бальмонтом. Мне это кажется вполне понятным. Истинные поэты, если не всегда сами живут согласно с правдой, то безошибочно чувствуют, где правда рождается, и тянутся к ней, как цветы к солнцу. Пролетариат для современного поэта стал тем, чем для романтиков — Байрона, Гейне и Лермонтова—был Наполеон: предметом поклонения и восторга.

Вот в сущности все, что я могу ответить своим вопрошателям. Но г. С. из „Сына Отечества“ я должен сказать несколько слов à part. Этот разобиженный инициал не только закидывает меня вопросами и восклицаниями, но через мою голову попрекает моих товарищей по редакции: как мол они позволили мне выступить в роли застрельщика социал-демократических идей? Да успокоится мой разозленный собрат. Роли застрельщика социал-демократии мне никто не предоставляет, да я и сам нимало на нее не претендую. Официальные клички не имеют значения в газете, в которой все дела ведаются коллегией товарищей. В этой коллегии мне принадлежит такой же голос, как другим товарищам. Об'единяет нас всех политико-экономическая догма марксизма. Программе рабочей партии мы все одинаково верны без условий и без ограничений. Не сходимся мы только во взглядах на вопросы философии и мистики. Мои товарищи склонны к материализму и полагают, что die Religion ist eine Privatsache (религия — частное дело каждого человека), я же уверен, что религия — дело всего человечества, конечно, религия разума, а не то, что изуверы и обманщики называют этим именем. Некоторые из членов редакции—в их числе Максим Горький — отвергают метафизику и эстетику, как пережитки мещанской лжи. Мне кажется, что мое отношение к этим явлениям духа более отвечает не только законам мышления, но и характеру социал-демократической догмы. Ведь сущность социал-демократии заключается в ее стремлении к высшим формам культуры. В отличие от толстовства, ведущего в темный тупик сектантства, и от народничества, ведущего к худосочию общины, социал-демократия строит свой идеал на победах техники, на усиленных формах производства, на всеобщем знании и на всеобщем богатстве. Но едва ли можно признавать одну сторону духа и отвергать другую. С перестройкой здания экономических отношений меняется стиль его философской надстройки — таково положение, признаваемое и экономическим материализмом. Над зданием буржуазно-эксплоататорских отношений, представляющим, наподобие палаццо дожей, не то дворец, не то тюрьму, философская надстройка имела вид маленькой башни, тесного бельведерчика, куда по шатким ступеням метафизических противоречий от времени до времени взбирались присяжные доктора философии и полуослепшими от книгоедства глазами рассматривали горизонт жизни. Над зданием всеобщего и свободного труда философская надстройка будет иметь вид просторной террасы, куда по окончании рабочего дня будут подниматься все жители дома, чтобы любоваться созерцанием вселенной. Я верю, что пролетариат, пересоздав социальный строй, сделается носителем мистической истины. Придя на смену усталой и насмешливой буржуазии, пролетариат будет выше их не только нравственно, но и эстетически и духовно. В этой своей вере я схожусь с некоторыми авторитетными вожаками социал-демократического движения. Один из них пишет:

„Машинный рабочий стремится познать истину только ради нее самой, а не в виду какой-нибудь корыстной цели. Поэтому его любознательность не ограничивается какой-нибудь узкой, специальной областью, а взор его обращен на все мировое целое; он хочет охватить весь мир, все общество. Более всего его привлекают самые трудные проблемы; с особенной любовью он относится к вопросам философии, метафизики, и часто трудно бывает свести его обратно с небес на землю".

„В презренных невежественных пролетариях возрождается философский дух блестящих мыслителей афинской аристократии".

Слова эти принадлежат К. Каутскому *), которого никто не заподозрит в непонимании пролетарской психологии.

Удастся ли мне убедить своих товарищей в правоте этого взгляда, не знаю. Я бесконечно верю в силу истины и в силу времени.

Н. Минский.

Отрывки.

Прописка паспортов.

Почему-то именно либералы ужасно взволновались и огорчились, увидав в нашем числе, в ряду сотрудников „Новой Жизни", знакомые литературные имена. Очевидно, у них такой принцип: уж если ты литератор, так непременно в услужении у „хозяина" и притом не за страх, но и за совесть. Не умещается в голове мысль, что только несвобода печати понуждала выступать там, где хоть что-нибудь да можно было сказать, но где „святая святых" — по крайней мере в политике — приходилось прятать в карман. Теперь запрет снят, и, вырываясь из искусственных сочетаний, силы разместились по-новому, по естественным внутренним тяготениям.

Амнистия еще не взята — ее нет даже и на бумаге, и поэтому подозрительны требования, чтобы каждый из сотрудников „Новой Жизни" представил либералам свидетельство, в какой мере он социал-демократ. Такая откровенность опроса пока еще — провокация. Если вы поговорите с шпионами, то и они смогут вам подтвердить, что можно не кричать на банкетах и не силиться запугивать бюрократию призраком растущей „крамолы" — и все же делать политику. Можно делать политику и в том случае, когда в литературной работе намеренно обходишь ее. Pro domo sua скажу, что, работая в газетах уже давно и давно уже не будучи „либералом", я нарочно отстранился от публицистики, потому что убедился на опыте, что дальше обращений к властям и запугиваний „пока еще не поздно" в легальной русской печати ничего нельзя было сказать.

Я понимаю настроение либералов. Легализация социал-демократии и появление партийных газет означают перелом во вкусах. Рядом с твердой и решительной публицистикой, богатой полнотой знаний и подкупающей отсутствием лицемерия, — растерянность, риторика, половинчатость покажутся пустыми и скучными. „Сын Отечества" раскрыл свои карты, когда сказал с тихой завистью, что мы сбираем плоды с данной всем свободы печати. Действительно, свобода печати не всем пойдет впрок. Только те, кому есть что сказать, используют ее в полной мере. Но разве мы виноваты, что люди растрясли свой багаж, не успев доехать до станции?

Казалось бы, мы никого не стесняем. Напротив, совершенно по-христиански помогаем нашим врагам, давая повод либеральным газетам оживить тусклые полосы пикантною полемикой с нами. Но до сих пор не было и попытки принципиально нам возражать. Просто зара-

*) „Экономич. развитие и общественный строй". Спб. 1905. Стр. 129.

К делу об'единения.

До первых больших побед великой российской революции вся наша страна была — одна сплошная тюрьма для всего гордого и свободного, для всего революционного.

Наша партия мучительно изнывала в душной атмосфере нелегальности, в тесных рамках конспирации. Полная сил и жизни, она росла со сказочной быстротой, и чем более она росла, тем более душно и тесно ей становилось в каменном мешке — старой России. Развитие партии не могло быть вполне нормальным, вполне здоровым; болезни ее развития обострялись и осложнялись, глубоко потрясая и жестоко истощая юную организацию.

Худшая из этих болезней была та, которая за полтора года созрела и оформилась в партийный раскол.

Ее причины были неясны вначале, но теперь установить их не так трудно.

Социал-демократия есть партия революционных пролетарских масс. Российская социал-демократия, несомненно, была такова по всему своему идейному содержанию, она всеми силами стремилась стать такою же и практически и организационно, — а самодержавный строй делал ее партией нелегальной и конспиративной.

Это коренное противоречие стремительный ход революционного развития усилил и довел до чудовищных размеров.

Революционное развитие пролетарских масс росло как лавина, т. е. с непрерывно возрастающей скоростью. Организовать это движение должны были сознательные силы революционно-пролетарской партии, — а они были, по сравнению с ним, ничтожны, подготовляться могли только медленно и постепенно, быстро изнашивались и растрачивались под ударами полицейского государства.

Стихийный процесс революции не мог считаться с тем, достаточно ли накоплено сознательно-революционных сил, чтобы организовать его сколько-нибудь планомерно. Рост сознания не мог конкурировать с ростом стихийности, несоответствие все более возрастало, организующие силы партии все в меньшей мере могли удовлетворять потребности пролетарских масс в стройной организации; чувство бессилия давило и угнетало партийных работников.

Из этого бессилия родился раскол.

Положение казалось безысходным, но найти какой-нибудь выход было необходимо. Потребность пролетарской борьбы в организующей работе партии не могла

ботали языки, привыкшие судачить и сплетничать, и зашипела ядовитая клевета.

Особенно бестактны и неумелы нападки одного органа, вошедшего в пословицу своей глупостью. Намеренно не называю газеты, потому что, не желая нас рекламировать, и она не назвала „Новой Жизни“ и посылает брань в пустоту. Замечу лишь, что вот уже двадцать пять лет газета лезет из кожи, чтобы отыскать какой-нибудь „гвоздь“ и им придать себе ходкость.

Когда сиял Дорошевич, газета — вообще очень не щедрая — зазывала этого деда в свой балаган, обещая не поскупиться на угощение. Потом стала торговать уголовщиной. В фельетоне — уголовный роман, в судебной хронике — „Романическое убийство“. „Нож сверкнул над белоснежным затылком, и эта современная Фрина, обнаженная, как мраморная Венера, упала без единого стона“. Потом пошли интервью. По три репортера зараз скопом нападали на знаменитость. Но облако удушливой скуки продолжало почивать над газетой, и даже ее ближайшие сотрудники не решаются читать ее по утрам, а просто подсчитывают свои строки.

Этот орган нас особенно не взлюбил и особенно настойчиво требует, чтобы все наши сотрудники пред'явили партийные паспорта.

Затем газета находит, что, хотя мы сами интеллигенты, мы создали себе нового идола, в лице рабочего класса, и, преклоняясь перед этим кумиром, слишком непочтительны к старому — той „великой русской интеллигенции, которая принесла столько жертв“ и т. д. и т. д.

Интеллигенция — двусмысленное словечко. Большинство „интеллигентов“ по положению, людей „свободных“ профессий, идет в хвосте буржуазии, иногда даже реакции, и преклонения едва ли достойно. Тот же слой интеллигентных работников, у которых солидарность с пролетариатом вросла в чувства и мысли, — слой людей, делавших революцию, — не есть ли он неотделимая часть русского рабочего класса? Разумеется, ни Энгельс, ни Маркс, ни Лассаль, ни Каутский, ни Меринг никогда не работали на заводе. Но попытайтесь обратиться к пролетариату и потребовать, чтобы он вычеркнул эти имена из своих боевых списков!

Он не отдаст вам этих интеллигентов, как не отдаст сотни других, с именами менее громкими, в большинстве совсем незаметными, но с душою, полной той же готовности рука об руку с рабочими батальонами завоевать новую жизнь.

Леонид Галич.

Москва.

1 ноября.

— Помощник московского градоначальника Руднев и полицеймейстер Свешников сегодня подали в отставку.

— Приезжие из Варшавы единодушно утверждают, что в настоящее время на улицах Варшавы идет резня.

— Железнодорожные управления получили предписание возвратить деньги за неиспользованный проезд и провоз багажа, происшедший вследствие железнодорожных забастовок.

— Хозяйственное бюро Стачечного Комитета откроет завтра свою деятельность.

— В Москве нарождается новый союз служащих в торговых и промышленных заведениях и лиц, занимающихся личным трудом.

— В Москве в настоящее время находится представитель г. Екатеринослава, который сегодня едет в Петербург, чтобы сделать гр. Витте доклад о происходившем там погроме. Дело в том, что местная печать совершенно терроризована, и в газетах ничего не сообщается о происходившем 21 — 23 октября в г. Екатеринославе. Погром, как установлено местными общественными деятелями, организован был хулиганами при благосклонном участии администрации, во главе которой г. Нейдгардт, брат одесского градоначальника, которого считают вдохновителем погрома, как предводителя дворянства г. Миклашевского. Установлено, что среди громил было много переодетых городовых, некоторые же из этих городовых вымазали свои лица сажей. Толпа убивала, громила и разоряла еврейские имущества.

быть удовлетворена полностью. Приходилось чем-то ж е р т в о в а т ь.

И тут обнаружились две возможности, а с ними и два типа приспособления к данным условиям. Можно было жертвовать или ш и р о т о ю организующей работы или ее г л у б и н о й.

Если нельзя было охватить, хотя бы с приблизительной полнотой, пролетарское движение прочной и стройной организацией, какова должна быть вообще организация социал-демократии, как наиболее революционной партии, отовсюду окруженной враждебными общественными силами, — то надо было решиться на одно из двух: или в с е - т а к и создавать прочную и стройную организацию, заранее зная, что она охватит лишь небольшую часть революционно-массового движения, влияя на остальную его часть только идейно, или отказаться на время вообще от мысли о т а к о й организации, и довольствоваться более поверхностной и менее серьезной, но зато более широкой организационной связью. Первая позиция характеризует „большинство“, вторая — „меньшинство“ российской социал-демократии.

С этой точки зрения легче всего понять борьбу и разногласия обеих фракций.

Лозунги „партийная дисциплина“ со стороны „большинства“ и „автономия“ со стороны „меньшинства“ — те лозунги, которые положили начало расколу, — выражают именно эти два основные стремления. Отсюда вытекает и борьба „большинства“ за с'езд, как верховный орган, строго и прочно организующий партию, и борьба „меньшинства“ против с'езда с заменой его „конференцией“, которая не создает ничего обязательного, не стесняет никакой дисциплиной. Отсюда громадные усилия, употребленные „большевиками“ для создания руководящего центрального аппарата партии, и прямое почти нежелание „меньшевиков“ иметь такой аппарат, отразившееся в их „организационном уставе“ 1-ой конференции (по этому уставу „руководящий коллектив“ имеется только для местной работы, а высшие общепартийные органы только „связывают и об'единяют“ партийную работу).

Та же точка зрения вполне освещает и тактические разногласия сторон, которые то сводятся жизнью до едва заметной величины, то вспыхивают с угрожающей силой и яркостью. Например, вопрос о возможности участия партии во Временном Правительстве сводится к тому, может ли партия брать на себя задачу „организовать“ революцию вместе с той ответственностью, которая вытекает из этой задачи, или она должна заранее отказаться от того и другого. Если представлять себе партию как „настоящую“, сплоченную и стройную организацию, за которой стоят массы, то ответ будет один; если рас-

В одном месте на глазах народа был убит отец семьи, затем мать и растерзан их ребенок. Громила толпа в 300 человек, а за ними не отставали солдаты и казаки. Происходили ужасы, не поддающиеся описанию. И теперь все общество живет под страхом, ждут со дня на день избиения интеллигенции.

— „Моск. Вед." сегодня говорят: „Г.г. крамольники, пока они не будут, как говорят теперь, корректно держать себя, пока они не будут возмущать русский народ, пока не будут стрелять в портрет государя, пока не будут устраивать красных похорон, петь марсельезы и другие революционные песни и не будут издеваться над тем, что дорого и свято русскому сердцу, — русский народ их и пальцем не тронет; но если они снова будут устраивать революции, то уж тогда пусть пеняют сами на себя".

— Помощник московского градоначальника, бар. Будберг, заявляет сегодня в „Русских Ведомостях", что отныне как неправильные действия полиции, так и неправильные сведения о действиях полиции будут расследованы судебным порядком.

— Из Твери сообщают, что в настоящее время почти закончено следствие по поводу произведенного там погрома. Результаты дознания установили причастие администрации к деяниям черной сотни. Роль полицеймейстера г. Киреевского и двух приставов признана преступной. Арестовано по этому делу уже 6 человек, есть еще причастные к погрому лица.

— С 6 ноября в Москве вступают в силу правила о праздничном отдыхе. Однако, в большинстве торговых заведений правила эти были осуществлены уже сегодня, во многих случаях добровольно, а в некоторых случаях — по требованию приказчиков, обходивших торговавшие магазины. Кое-где были выбиты стекла.

— Сегодня состоялось собрание владельцев пекарен. Решено ввести праздничный отдых: булочные будут торговать в праздничные дни только до 5 часов. К этому постановлению присоединились почти все владельцы пекарен.

— Переговоры между трактирщиками и прислугою до сих пор не привели стороны ни к какому соглашению. Владельцы ресторанов первых двух разрядов сделали уже некоторые уступки: они согласились отдать официантам десять процентов с оборотного рубля. Последние же не удовлетворяются этою уступкою и угрожают открытием собственных ресторанов, утверждая, что нужные для этого средства у них имеются.

— 2-го ноября ожидается новая общая забастовка официантов.

— В Волоколамском уезде возникли серьезные аграрные беспорядки на почве недоразумений крестьян с помещиками. Угрожающий размер беспорядки приняли в имении кн. Шаховского. Крестьяне окружили имение тесным кольцом и не выпускают помещика в город. Кн. Шаховской вообще подвергнулся самой строгой блокаде. Увещания земского начальника не оказывают на крестьян ни малейшего влияния. В имение вызвано верное средство от всех антиправительственных зол — казаки.

— Московская городская управа обратилась в московское общество сельского хозяйства с просьбой уступить ей принадлежащий обществу манеж для устройства в нем митингов. Такой манеж может вместить до 4.000 человек.

— Служащие государственного контроля Московско-Ярославской жел. дороги образовали союз, имеющий целью: 1) оказывать содействие освободительному движению; 2) стремиться к установлению правильного конституционно-демократического правления в стране; 3) оказывать совместную поддержку пострадавшим за политические убеждения.

— 30-го октября в разных мужских и женских гимназиях Москвы состоялись многолюдные совещания родителей, обсуждавшие вопрос о возобновлении учебных занятий и установлении определенного отношения к возникшим в последнее время ученическим организациям. Признано желательным, по возможности, поспешить с возобновлением занятий, но одновременно постановить—не прибегать в отношении учащихся ни к каким принудительным мерам. Признано также желательным привлечение учеников к участию в совещаниях родителей и педагогов, при чем предварительные совещания последних должны происходить без участия учеников.

— Воспитанники московских гимназий организуют союз гимназистов старших трех классов. Общее собрание союза будет представлено двумя делегатами от каждого класса.

— Комитет общественной помощи голодающим решил начать продовольственную кампанию. Комитет начнет работать в Пронском уезде Рязанской губ., где недород уже начал давать себя чувствовать с большой силой. Комитет обладает в настоящее время капиталом в 25.000 рублей.

— Московское педагогическое общество, закрытое по распоряжению администрации несколько лет тому назад, предполагает нынче опять возобновить свою деятельность, основываясь на манифесте 17 октября. Общество пока не может созвать первое общее собрание, так как все помещения, где происходят обыкновенно заседания общества, в московском университете заняты войсками.

— Сегодня в реальном училище Фидлера состоялся митинг техников. На этом митинге представитель партии социал-демократов призывал техников присоединиться к этой партии. Память

сматривать партию как „организацию-процесс", т. е. неопределенную, слабо оформленную комбинацию сил, мало-по-малу кристаллизующуюся из хаоса, то ответ будет другой. В первом случае возможен и серьезный контроль партии над ее представителями во Временном Правительстве и серьезное давление с ее стороны на более умеренное, чисто демократическое большинство этого Правительства (если социал-демократы там в меньшинстве); во втором случае ни то ни другое невозможно, и роль представителей партии самая жалкая. Говоря об участии во Временном Правительстве, „большинство" представляет себе первый случай, „меньшинство" — второй, так что спор идет, в сущности, о разных вещах.

Те же оттенки сказались в тактических разногласиях по вопросу о плане земской кампании в конце прошлого года и об отношении к Государственной Думе — в последнее время. Если считать, что социал-демократия должна вести себя как „настоящая" партия, как реальная и прочная организация пролетарских сил, то нельзя допустить и мысли о том, чтобы „передоверить" буржуазным партиям право выступать от имени народа или за народ; тогда нельзя говорить с земцами о том, что, если они хотят „иметь право выступать от имени народа", то должны пред'явить правительству такие-то требования, или с архи-цензовыми кандидатами в Думу о том, что социал-демократы согласны поддерживать их на таких-то условиях. Но все такие разговоры становятся возможны и понятны, раз предположим, что „настоящей" партии нет, и она не создается, а существует и развивается только хаотичная „партия-процесс"; тогда вполне понятна мысль о том, чтобы передоверить пред'явление народных требований действительным партиям — буржуазным, оказывая на них давление стихийно-революционною силою масс, направляемых агитацией. Отсюда суровое отношение „большинства" к земствам и Государственной Думе, и сравнительно мягкое отношение „меньшинства".

Естественно, что различные типы приспособления к данным условиям, выступающие в „большинстве" и „меньшинстве", связаны с известными оттенками психологического склада партийных работников. У „большевиков", с их „организационным упрямством", преобладает тип организатора; у „меньшевиков", с их стремлением к широте захвата во что бы то ни стало и с их равнодушием к организационным формам, господствует тип агитатора. У первых больше рассудочности и хладнокровия, у вторых больше настроения и темперамента.

При более удобных обстоятельствах историк с надлежащим спокойствием разберет глубокие социальные основы обоих течений: какие слои выступающего на арену борьбы пролетариата нашли себе идеологов в том и другом те-

погибших борцов за освободительное движение была почтена вставанием, при чем все присутствующие хором спели траурный марш: „Вы жертвою пали в борьбе роковой". Было принято предложение образовать союз и присоединиться к Союзу союзов. Собрание выработало несколько резолюций по поводу манифеста 17 октября и других актов правительства. Все эти резолюции дышат большим пессимизмом.

— Сегодня московские банщики собрались на митинг, на котором были выработаны требования экономического характера, намеченные к пред'явлению хозяевам — владельцам бань.

— Упорно циркулирующие по Москве слухи о предстоящих избиениях евреев, студентов и интеллигенции заставили всю более или менее состоятельную Москву стремительно покидать Белокаменную. Более состоятельные стремятся за границу, менее состоятельные едут в Финляндию. Мебель вся увозится в склады, а квартиры остаются пустыми на произвол судьбы. Уехавшие квартиранты твердо убеждены, что им удастся избежать уплаты неустойки за законтрактованные квартиры, так как нынешние события несомненно создали „форс мажор". Вследствие такого оборота дел, московские домовладельцы терпят большие убытки. Уже теперь число пустующих квартир достигает тысячи. Пустуют квартиры дорогие, тысячные и даже целые особняки.

— Бывший московский городской голова кн. Голицын сегодня в беседе с представителями печати сказал: „Кругом говорят, что я испугался и бежал с поля сражения, убоявшись освободительного движения, в котором я принимал также активное участие, как руководитель городской думы. Это не верно. Я был всегда убежденным конституционалистом, и этому вполне соответствуют все те требования московской думы, которые затем были повторены всеми другими общественными учреждениями. Еще задолго до рельефно проявившегося освободительного движения в моем обращении к государю, во время пребывания в Москве, я говорил об осуществлении тех основ, которые опубликованы 17 октября. Я всегда глубоко верил в то, что гражданская свобода и конституция обратят Россию на путь мощного развития духовных сил страны. Меня не смущают и не колеблют печальные события, которыми омрачен первый момент русской свободы. Горе переживаемых ныне смут — не в свободе и не в манифесте, — но в старом режиме, который еще живет, хотя уже осужден на смерть. Переход от тяжелого гнета к гражданской свободе не мог не вызвать смуты, огорчившей всех приверженцев правового порядка. Но недалеко уже время, когда смута уляжется, и мы увидим нашу родину счастливой и свободной. Оценивая окружающие меня события, я пришел к заключению, что новая жизнь требует новых сил и новых людей. Вот почему я счел себя обязанным дать дорогу тому, кто считает себя в силах стать теперь во главе московской городской думы".

Далее кн. Голицын высказался по поводу различных требований, пред'явленных городскими служащими к городскому управлению, и, между прочим, о требовании удалить со службы товарища городского головы г. Лебедева. „Его обвиняют, говорит кн. Голицын, в том, что он состоит в сношениях с охранным отделением. Это неправда; его видели там несколько раз — но он был там потому, что дочь его была арестована по политическому делу".

Кн. Голицын высказался также, что из кандидатов, намеченных в московские головы, — проф. Муромцев имеет мало шансов, вероятнее всего, что будет избран один из бр. Гучковых.

— Казаки 34-го донского казачьего полка от имени „тихого Дона" благодарят сегодня письмом в редакцию „Московские Ведомости". Только эта газета да еще г. Шмаков проявили к ним серьезное отношение. Казаки читали, что писали о них „Моск. Ведомости", умилялись, и слезы при этом выступали на их глазах. Казакам московская дума не дала квартир, не приютила их, но они все же будут продолжать свою службу и делать свое дело. Они шлют „низкий поклон" газете от всех своих братьев с тихого Дона.

— Московский союз рабочих печатного дела, принимая во внимание, что в Стачечном Комитете преобладает буржуазный элемент, а представители рабочих находятся в меньшинстве, постановил не подчиняться решениям комитета впредь до реорганизации его на началах пропорционального представительства.

— Союз об'единившихся московских писателей приискивает более конкретные способы борьбы с нарушением свободы печати со стороны администрации. С другой стороны, большинство издателей нашло упразднение цензуры опасным. По этому поводу на вчерашнем общем собрании союза рабочих печатного дела единогласно принята резолюция — выразить презрение этому большинству.

Вопрос о пропорциальном составе обсуждался в положительном смысле. Сейчас обсуждается техническая сторона вопроса.

— Вчера днем и вечером были избиты несколько человек, при чем казаки и городовые не приняли никаких мер к защите.

— Все боевые дружины охраняли вчера население в наиболее опасных частях города.

— Последние дни на многих домах были поставлены красные кресты и буквы У. В. и В. Р., вызывая у обывателей паниче-

---

чении, какие группы революционной интеллигенции, примкнувшей к пролетариату, явились подходящими выразителями того и другого. Здесь не место такому анализу.

Ясно одно: в любой социал-демократической партии Запада эти два типа дружно работают вместе во имя общих целей, дополняя и, при случае, исправляя друг друга. Только глубокая ненормальность условий ныне благополучно рухнувшего старо-самодержавного режима могла довести различие двух оттенков до степени противоречия и раскола.

Ясно и другое: т е п е р ь, когда исчезают основные условия, вызвавшие раскол, наступило время с ним покончить. Т е п е р ь это вполне возможно, и очень скоро это произойдет. Вопрос только в том, каким способом всего легче и быстрее можно достигнуть этого.

* * *

Прежде всего, очевидно, что приобретенная захватным путем относительная свобода партийной работы позволяет уже не жертвовать ни широтою организационного размаха этой работы ни его глубиною. Первое может быть достигнуто перестройкой партии на демократической основе, путем проведения снизу доверху в ы б о р н о г о н а ч а л а и переходом партии в большей ее части к о т к р ы т о м у существованию. Второе — последовательной и прочной ц е н т р а л и з а ц и е й п а р т и и, созданием единого руководящего центрального аппарата. Первое может выполняться — и выполняется, по крайней мере, отчасти, уже теперь — каждой стороною в отдельности, второе должно быть выполнено ими обеими сообща, на их о б'е д и н и т е л ь н о м с'е з д е.

„Большинство" еще на третьем с'езде взяло на себя обязательство проводить в партийной организации демократический принцип повсюду, где внешние условия позволят сделать это без вреда для работы. Это обязательство оно теперь и выполняет, реформируя свои комитеты и группы. „Меньшинство", со своей стороны, должно теперь отказаться от своего старого отвращения к принципу централизации и к ее основному воплощению в партийной жизни — к суверенному с'езду.

Об'единительный с'езд должен быть созван как можно скорее. До с'езда придется употребить все усилия к возможно большему сближению обеих сторон: устраивать по всей линии параллельных организаций общие совещания, как по вопросу о слиянии фракций, так и по всем основным вопросам тактики и организации; создавать постоянные органы соглашения, подобные Петербургскому Федеративному Совету, об'единять и координировать непосредственную работу. Но в то же время необходимо при-

ский страх. Оказывается, что, по случаю общего водопроводного ремонта, мастера отмечали дома, где необходим был ремонт, на что указывали красные кресты. У. В. означали утечка воды, а В. и Р. — водопровод и ремонт.

— У Сухаревой башни многие черносотенцы продают браунинги, розданные полицией, по два и по три рубля за штуку.

— Союз торговых служащих г. Москвы предложил хозяевам торговых заведений сделать постановление прекратить торговлю в праздничные дни и установить норму и для будничных дней; в заявлении к хозяевам, между прочим, говорится: „Если вы хотите тихо и мирно вести свою торговлю и не хотите возбуждать вероломство и раздражение и создавать неприятности среди служащих, то приведите в исполнение ваши обещания, так как в противном случае это очень вредно отразится на самих же хозяевах и их делах."

— Комиссия, избранная из среды профессоров для поездки в Петербург по вопросу о возобновлении занятий в высших учебных заведениях, отказалась от мысли ехать в Петербург.

— Служащие в московских сберегательных кассах пред'явили ряд требований экономического характера. Между прочим, служащие просили о более справедливом распределении сверхурочных работ, за которые полагается отдельная плата. Начальство касс сегодня решило этот вопрос в том смысле, что вовсе отняло все сверхурочные работы и передало их вольнонаемным служащим.

— Председателем общеземской управы избран Д. Н. Шипов а его товарищем — М. В. Челноков.

— Одного из городских рабочих, Павлова, уволили на-днях за его политические убеждения. Рабочие организации, в виду этого, пред'явили заступающему место городского головы требование о немедленном созыве смешанной комиссии представителей от города и рабочих, которая должна будет разбирать петиции рабочих и следить за отношением заведующих городскими предприятиями к служащим, а также для расследования случая избиения делегатов от рабочих черносотенцами при участии заведывающего миусским парком конной железной дороги.

— Сегодня состоялось собрание служащих различных учреждений ведомства императрицы Марии для обсуждения вопроса об организации союза. Тут были больничные врачи, фельдшера, директора и преподаватели гимназий. Пришли к заключению, что бюрократический режим, существующий в названном ведомстве, вызывает справедливое нарекание со стороны общества. Необходимо широкое участие со стороны общества в учреждениях названного ведомства, так как существующие теперь порядки пагубно отражаются на ведении дела. Решено организовать свой союз, примкнуть к союзам освободительного движения и поставить дело так, чтобы со стороны общества были полномочные представители.

— Состоялось общее собрание членов союза педагогов средних учебных заведений, на которое были допущены делегаты от учащихся. Представители гимназистов пред'явили уже известные требования, а главное, немедленное отстранение от должности попечителя московского учебного округа г. Шварца. Некоторые из членов союза высказались, что они признают свободу ученических собраний, но желательно было бы, чтобы на собраниях этих присутствовали учителя. Делегаты ответили: „Что это будет за свобода собраний, если они будут происходить под надзором учителей? Но ученики сами ничего не имеют против присутствия, если только будут присутствовать любимые и уважаемые учителя, которых пригласят сами ученики". Собрание с этим доводом согласилось. Также согласились с требованием учеников об упразднении формы и внешкольного надзора. Что же касается устранения г. Шварца, то они бессильны в этом и могут только бойкотировать его. Кстати, слухи об отставке г. Шварца не подтверждаются.

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

К о н о т о п. — Мы возмущены! Первые номера вашей газеты конфискованы местной жандармерией. Когда же все это кончится? Примите меры. Жители города Конотопа.

Ч е р н и г о в, 29 октября (СПА). — Черниговская губерния об'явлена в положении усиленной охраны. Губернатором посланы драгуны и казаки в уезды Черниговский, Городнянский, Суражский и Нежинский.

Т е м и р-Х а н-Ш у р а, 29-го октября (СПА). — Расклеено об'явление полицеймейстера, воспрещающее манифестации, соответственно приказанию наместника.

В а р ш а в а, 30 октября (СПА). — В городе вечером прежнее крайне тревожное настроение. Опасаются погромов, несмотря на успокоительное об'явление обер-полицеймейстера. Воору-

ступить немедленно к устройству об'единительного с'езда.

Чтобы с'езд мог надежнее и легче достигнуть своей цели, необходимы две предпосылки: равенство сторон на самом с'езде и устранение их конкуренции на выборах делегатов. А для этого надо, чтобы обе стороны получили на общем с'езде по равному числу решающих голосов, и чтобы выборы устраивались каждой стороной отдельно.

Словом, „большинство" и „меньшинство" должны одновременно и в одном месте созвать свои отдельные с'езды, а затем они, придя к соглашению относительно порядка общей работы, сливаются в один с'езд, на котором право решающего голоса дается определенному одинаковому числу делегатов той и другой стороны, кому именно — решает заранее каждая сторона отдельно.

Только таким путем устраняется опасение „майоризирования", грубого подавления одной стороны механическим большинством голосов другой.

Наоборот, предложенный некоторыми товарищами, на вид наиболее „примирительный", проект—устройство прямых совместных выборов на общий „учредительный" с'езд — всего менее достигает примирительных целей. Как ни заманчиво, повидимому, теперь же стереть все границы фракций и непосредственно смешаться для общих выборов, но тут-то и создается настоящая почва для фракционных настроений и фракционной борьбы. Две стороны не перестанут существовать оттого, что они смешаются в избирательной кампании; но каждая из них будет думать тогда о том, как бы ей побить другую на выборах, как бы послать побольше „своих" делегатов и провалить „чужих", как бы получить большинство на с'езде. Все это отпадает только тогда, когда каждая сторона организует свои выборы отдельно и, оставляя заботу о к о л и ч е с т в е своих решающих голосов, которых все равно не будет больше, чем у другой стороны, будет думать только об их к а ч е с т в е.

Но не приведет ли на практике это равенство голосов к тому, что с'езд окажется неспособен ни к каким решениям? Я убежден, что нет. При незначительности разногласий обеих сторон, при существовании в каждой из них различных оттенков, можно с уверенностью предсказать, что голоса будут группироваться не по фракциям, и каждый новый вопрос будет создавать новую группировку. Живой пример тому — III-й с'езд. На нем об'единились две фракции — „большевики" и „примиренцы", находившиеся в довольно острых отношениях между собою, а между тем, прочитайте протоколы III-го с'езда и ни в одном голосовании вы не найдете определенно выраженным этого разделения. Тут имеет гро-

женная самооборона жителей сторожит во всех воротах. Никаких происшествий не было. Вдоль брестской железнодорожной линии расставляются войсковые посты.

В театре состоялся митинг.

Киев, 29 октября (СПА). — Сегодня конфискованы первые номера газеты „Новая Жизнь".

Вышел первый номер журнала „Южная Неделя".

Киев, 29 октября (СПА).—Губернатором получено телеграфное распоряжение о приостановке выборов в Государственную Думу в виду манифеста 17 октября.

Екатеринослав, 30 октября (СПА).—Рабочие заводов не участвовали в грабежах; выяснено, что предместье Чечеловка охранялось рабочими Брянского завода. Рудничные рабочие по культурному развитию значительно ниже заводских. Горная администрация извещается, что рабочие рудников Желтая Река третий день занимаются грабежами в соседних деревнях. Рабочие рудников Копылова, забастовав, принуждают других к грабежам. Требуется военная помощь.

Тифлис, 30 октября (СПА).—Сегодня об'явлен следующий приказ наместника от 30 октября: „В виду наступившего за последние дни успокоения, я, на основании предоставленной мне государем императором власти, отменяю военное положение в городе Тифлисе и Тифлисском уезде, с упразднением временного генерал-губернаторства".

Юрьев, 30 октября (СПА).—Сегодня начальник гарнизона об'являет, что в виду наступившего успокоения в Юрьеве, дальнейшие распоряжения военного начальника, на основании статьи 19 правил о призыве войск для содействия гражданским властям, прекращаются, и все распоряжения по охранению общественного спокойствия, переходят исключительно к гражданским властям.

Ревель, 30 октября.—На открывшийся сегодня в Риге с'езд наборщиков и печатников Прибалтийского края для выработки общих условий труда и организации союза выехали представители от Ревеля.

Опасения еврейского погрома не оправдались.

Никольск, 29 октября (СПА).— Члены общественного собрания собрались вчера в клуб на семейный вечер, который принял характер митинга. Собрание, между прочим, постановило день 17 октября навсегда сделать праздником, почтить память С. Н. Трубецкого вставанием, учредить в Никольском городском училище стипендию его имени, телеграммой выразить соболезнование Московскому университету.

Симферополь, 29 октября (СПА).—Под председательством князя Оболенского состоялось заседание членов-учредителей общества охранения граждан Симферополя. Рассмотрен и утвержден проект устава.

Минск, 31 октября (СПА).—На совещании представителей кредитных учреждений в отделении Государственного Банка, по вопросу о помощи пострадавшим от погромов, постановлено ходатайствовать перед министерством финансов о расширении кредитов при учете денежных векселей в Государственном Банке, а также об увеличении ссуд помещикам под картофель и рожь.

Кронштадт, 31 октября (СПА). — Комендантом крепости сделано распоряжение о запрещении всяких революционных и противоправительственных манифестаций в городе.

Минск, 31 октября (СПА).—Сегодня опасения возможности погрома усилились вследствие появления на еврейских домах красных знаков. Городская управа обращается с успокоительным воззванием к населению. Служащие, мастеровые и рабочие Либаво-Роменской и Московско-Брестской железных дорог обратились к населению с об'явлением, в котором, выражая свое презрение к натравливающим одну национальность на другую, заявляют, что всякой попытке к погрому и насилию дадут решительный отпор.

Гельсингфорс, 30 октября (СПА). — Фабриканты гельсингфорского района на общей сходке решили выдать рабочим полную поденную плату за шесть дней всеобщей забастовки, в надежде, что рабочие сами не примут денег, дарованных им сенатом в нынешнем его составе, а возвратят их в виде полученного аванса. Многие рабочие уже по собственному почину передали означенные деньги на усиление различных рабочих профессиональных и благотворительных фондов.

Берлин, 30 октября (12 ноября) (СПА).—Говоря о нынешнем положении дел в России, „Norddeutsche Allgemeine Zeitung" замечает, что создателям новой России предстоит преодолеть неслыханные трудности как со стороны консервативных, так и со стороны радикальных утопистов. Поэтому опубликованные до сих пор решения русского правительства заслуживают признательности, так как они обнаруживают искреннее желание порвать с прошлым и осуществить полное обновление российского государственного организма. Решение трудных задач последует тем скорее, чем скорее правительство, вводя Россию в ряды

мадное влияние та атмосфера партийности и товарищеского единения в работе, которая охватывает делегатов на с'езде, и которая тем сильнее, чем важнее исторический момент, чем более ответственным является дело с'езда.

Я хотел бы еще предостеречь товарищей от одного симпатичного увлечения, от „об'единительного идеализма", стремящегося сразу об'единить всех и вся. Многие высказывались до сих пор (и я в том числе) за привлечение на об'единительный с'езд, по возможности, всех национальных социал-демократических партий России или, по крайней мере, тех из них, которые не настаивают на федерализме и согласны на единую централистическую организацию. Бесспорно, дело об'единения теперь стало гораздо легче и проще, чем оно было до сих пор, но все же это очень трудное и сложное дело; не стоит затруднять и усложнять его еще сильнее. Чем больше число договаривающихся сторон, тем больше трений, тем больше поводов к разногласиям, недоразумениям, противоречиям.

Хотя „большинство" и „меньшинство" жили до сих пор, как кошка с собакой, но все же они жили вместе, они знают друг друга, им легче столковаться между собою одним, чем вместе с другими, отдельно от них жившими, меньше знакомыми им организациями. Чтобы вести дело с наименьшим риском и с наименьшими трудностями, надо начать об'единение с себя самих; а потом уже нетрудно будет об'единиться с другими.

Но главное, что необходимо для успеха дела, это заранее принятое на себя обеими сторонами формальное и твердое обязательство подчиниться решениям большинства голосов с'езда, совершенно независимо от того, будет это большинство значительно или ничтожно. Без такого обязательства всякое голосование может вести к возобновлению раскола, и никакой уверенности в будущем нет и не может быть.

Только с'езд, обладающий действительной полнотою власти, действительно „суверенный", способен создать действительно единую партию и единое, сознательное и планомерное политическое руководство ею в интересах борющегося за социализм революционного пролетариата.

Рядовой.

современных конституционных государств, встретит, при улучшении нынешнего положения дел, поддержку со стороны благоразумных кругов, проникнутых искренними намерениями. С помощью последних удастся также восстановить общественный порядок.

Париж, 30 октября (12 ноября) (СПА).—На совете министров решено, что министр внутренних дел Этьен примет портфель военного министра, Дюбьеф — портфель министра торговли. Остальные министры сохранят свои портфели (Гавас).

Париж, 30 октября (12 ноября) (СПА).—Греческий король, в сопровождении принца и принцессы, отбыл в 10 ч. 30 м. в Шербург. Представители президента Лубе и французского правительства приветствовали его на вокзале. (Гавас).

Курск, 30 октября (СПА). — От исполняющего должность курского губернатора Борзенко об'явлено: „По городу распространяются нелепые слухи, призывающие от имени царя к разного рода преступным деяниям; напоминаю населению Курска и пригородных слобод, что непреклонная воля царя состоит в том, чтобы на земле русской на основаниях, возвещенных высочайшим манифестом 17 октября, установились мир и спокойствие. Поэтому лица, пользующиеся его именем для призыва к насилию, кощунственно нарушают его волю. Все граждане Российской империи без различия вероисповеданий, национальности, партий и положения находятся под защитой законов, всякие насилия над личностью и имуществом немедленно будут остановлены решительными мерами подлежащих властей. Виновные будут привлечены к законной ответственности. В настоящее тревожное время всякие манифестации, с какими бы целями они ни устраивались, ведут лишь к раздорам и беспорядкам и потому не могут быть допущены. Население приглашается, в исполнение воли государя императора, вернуться к обычным мирным занятиям, слиться в дружной работе на почве уважения личности каждого и любви к дорогой для всех граждан родине".

Нижний-Новгород, 30 октября (СПА).— На Волге появилось сало; температура—5°. Снега мало.

Елисаветград, 30 октября (СПА).—В соединенном заседании учетного комитета отделения Государственного Банка и управляющих местных частных банков, обсуждался вопрос о помощи жертвам погрома. Постановлено разрешить на льготных условиях кредит пострадавшим торговцам, продолжить срок векселей до одного года, оказывать снисхождение лицам, допустившим протест векселей и открыть небольшой кредит мелким торговцам.

Константинополь, 30 октября (12 ноября) (СПА).— Вчерашнее землетрясение причинило много вреда на Афоне. Монах расположились под открытым небом (Корбюро).

Аткарск, 31 октября (СПА).—Выгружены четыре пулемета. Говорят, что два будут отправлены в Петровский уезд и два отправляют дальше. Горит село Баланда. Аграрное движение продолжается. В городе спокойно.

Царицын, 31 октября (СПА).—В городе наружное спокойствие. Преувеличенные слухи и толки об ожидаемом погроме создают нервное настроение. Много еврейских семей выехало. Дума обратилась к населению с воззванием, призывая к мирным занятиям. Казенные здания охраняются солдатами. На улицах патрули.

Саратов, 31 октября (СПА).—Сегодня город принял обычный вид. Патрули сняты. Из уезда также получаются известия о начинающемся успокоении.

Одесса, 30 октября (СПА).—Биржевой комитет постановил, что в число стихийных дней не входят дни погрома в Одессе. Вследствие непрерывных жалоб, что хулиганы препятствуют хлебным визитировщикам визитировать баржи и лодки, комитет обратился к начальнику порта с просьбой принять меры для устранения подобных случаев, делающих невозможным экспорт зерна.

Томск, 31 октября (СПА).—На совещании под председательством губернатора решено приступить к занятиям в низших учебных заведениях и всех средних, за исключением старших классов.

Производятся розыски разграбленного. Собираются пожертвования в пользу пострадавших.

Житомир, 30 октября (СПА).—Слухи о предстоящих еврейских погромах не оправдались. Жизнь постепенно входит в нормальную колею. В городскую думу внесена петиция об учреждении городской милиции.

Кострома, 30 октября (СПА).—Ликвидационная комиссия по делам несостоятельного Коммерческого банка в Костроме постановила выдать кредиторам первые 30% долга. Кредиторы банка в большинстве люди малосостоятельные.

Плоцк, 30 октября (СПА). — Сегодня некоторые магазины открыты, жизнь принимает обычный вид.

Калиш, 30 октября (СПА).—В местные судебные установления поступают новые иски против управления дороги за убытки, причиненные забастовкою. Иски, по мнению юристов, имеют шансы на удовлетворение, ибо рассматривать забастовку с точки зрения забастовщиков, как народное бедствие, за которое дорога не ответственна, юридически неправильный взгляд. Лишь за убытки, причиненные стихиею: наводнением, землетрясением и т. п., никто не ответственен. Забастовка — организация, которую можно было во время предупредить.

Симбирск, 30 октября (СПА).—На Волге появилось сало.

Тверь, 30 октября (СПА). — Слухи о предполагавшемся погроме евреев оказались неосновательными; в городе спокойно. Ночью по главным улицам ходят патрули из рабочих — добровольцев.

Симбирск, 30 октября (СПА).—Сегодня состоялось освящение и открытие отделения Русского для внешней торговли банка.

Кронштадт, 30 октября (СПА). — На улицах расклеены об'явления коменданта крепости, извещающие, что общественные собрания, спектакли, танцовальные вечера должны оканчиваться в 10 ч., обыватели могут появляться на улицах не иначе, как с билетами от полицейских участков или с паспортами.

В городе спокойно. Прибывшие для охраны войска пока остаются в Кронштадте.

Ровное, 30 октября (СПА). — Погода переменная, то идут дожди, то наступают холода с понижением температуры до —5°. Сегодня идет сильный снег. Воды прибыло 8 арш., легкие пароходы ходят.

Рига, 31 октября (СПА). — Сегодня в начале заседания профессорской коллегии политехнического института прочтено поданное за подписью 27 членов заявление следующего содержания:

„Профессорская коллегия выражает свое негодование по поводу постановления обще-студенческой сходки и просит упомянутых в постановлении сходки членов учебного персонала Вальдена, Шварца и Деллена, основываясь на полном к ним доверии, и впредь полностью посвятить свои силы деятельности на пользу института".

Варшава, 31 октября (СПА). — Положение вещей в Варшаве не изменилось. Забастовки продолжаются. На Брестском и Млавском участках Привислинских железных дорог в ходу по две пары поездов под охраной войска.

По словам „Курьера Варшавского", правление газового общества об'явило, что в скором будущем может обнаружиться недостаток газа.

Псков, 31 октября (СПА). — Ночью злоумышленниками ограблена контора находящегося близ города керосинового склада бр. Нобель. Убиты заведующий Коренев и мальчик. Двое ранено. Виновные узнаны и разыскиваются.

Курск, 30 октября (СПА). — „Курские Губернские Ведомости" сообщают, что в настоящее время под наблюдением прокурора окружного суда судебным следователем по важнейшим делам ведется энергичное следствие по поводу всех беспорядков, бывших в Курске. Следствием обнаруживаются виновные в беспорядках и грабеже еврейских лавок и магазинов. Производятся также надлежащие розыски похищенного имущества для возвращения потерпевшим. Обнаружена значительная часть виновных в преступных деяниях, а также обнаружена часть похищенных, разграбленных вещей.

Чистополь, 31 октября (СПА). — На добровольную подписную сумму город нанимает в помощь местной полицейской

команде, для охраны порядка, сто человек, с месячным жалованием в 18 р. Собрания и митинги происходят спокойно.

Задонск, 31 октября (СПА). — Дума обратилась с воззванием к населению не допускать нарушения спокойствия и содействовать в случае нарушения восстановлению его. Усилен ночной караул и учреждена конная ночная стража. Порядок в городе на нарушался.

Плоцк, 31 октября (СПА).—Сегодня прекратилась всеобщая забастовка рабочих и торговцев. Завтра начнут движение по Висле пароходы и барки.

Варшава, 31 октября (СПА). — На подъездных путях завтра начнется движение.

Митинг служащих банкирских контор решил продолжать забастовку.

Ростов-на-Дону, 31 октября (СПА). — Благодаря спокойствию вчерашнего дня, ожидавшегося с большой тревогой, население заметно успокаивается. По слухам, группа граждан, недовольных бездействием местной думы в деле успокоения города, намерена побудить весь состав гласных подать в отставку.

Москва, 31 октября (СПА). — Заместитель городского головы выезжает в С.-Петербург с докладной запиской к графу С. Ю. Витте по разным нуждам и ходатайствам города.

Владельцы ресторанов решили закрыть завтра все трактиры и рестораны, в виду невозможности удовлетворить требованиям официантов.

Кельцы, 31 октября (СПА).—(Оф. корр.). — Временным генерал-губернатором Келецкой губернии назначен начальник 14 кавалерийской дивизии генерал-лейтенант Бобылев.

Вчера прервано телеграфное сообщение с Варшавой и внутренними губерниями Империи. Телеграммы в Империю передаются кружным путем.

Президент города обратился к населению с воззванием не верить упорно распространяемым в городе слухам о готовящихся беспорядках.

Москва, 30 октября (СПА). — На чрезвычайном собрании членов литературно-художественного кружка, в ознаменование высочайшего манифеста, ассигновано 10.000 рублей на вольный народный университет в Москве, 5.000 руб. в пользу Стачечного Комитета, 5.000 руб. в пользу политических заключенных, освобожденных из тюрем на основании амнистии.

Ожидавшийся сегодня погром оказался вздорным слухом, день прошел совершенно спокойно, только приказчики, насильственно закрывавшие магазины, кое-где побили несколько стекол.

Хозяева трактиров и ресторанов решили сегодня отвергнуть все требования официантов и закрыть все свои заведения. Официанты, однако, настаивают на своем и решили 2 ноября забастовать, чтобы принудить хозяев к исполнению своих требований.

Центральное бюро всероссийского железнодорожного союза просит категорически опровергнуть слухи о предполагаемой забастовке жел. дорог.

Сегодня во всех почти мужских и женских гимназиях на собраниях родителей и педагогов решено с предстоящей недели возобновить занятия, ибо опасности никакой не предстоит.

Вследствие ложных слухов о происходящих будто бы в Москве беспорядках, многие выезжают из Москвы за границу и в Финляндию, выехало также много евреев и иностранцев.

Сегодня в разных местах Москвы состоялось много митингов, преимущественно рабочих, в помещениях, бесплатно предоставленных городом. Митинги прошли в образцовом порядке. Постановления сводились к экономическим требованиям. Собрание типографских рабочих решило образовать союз рабочих печатного дела.

Варшава, 30 октября (СПА).—„Курьер Варшавский“ сообщает, что по инициативе Генриха Сенкевича организовался народный комитет для оказания помощи неимущим и лишенным возможности получить работу.

Москва, 31 октября (СПА). — Фабриканты московского района, разрабатывающие организацию союза, разбились на три группы: текстильную, в которую вошли все мануфактуристы, машиностроительную и сборную, в которую вошли типографы, пивовары и другие фабриканты, не подходящие под первые две группы. При союзе будет организовано справочное бюро по забастовочному движению и будет издаваться бюллетень русских стачек. Главною целью союза является урегулирование отношений между фабрикантами и рабочими и восстановление нормальной жизни на фабриках. Кроме того, решено организовать страховой фонд для покрытия невозмещенных страховыми обществами убытков от погромов и насилий. В фонд будет вноситься каждым фабрикантом по 10 руб. в год с каждого рабочего.

Москва, 31 октября (СПА). — Председателем общеземской управы для борьбы с голодом избран Д. Н. Шипов, его помощником — Челноков. В организацию поступают ходатайства о помощи евреям, пострадавшим от погрома.

Одесса, 31 октября (СПА). — Вновь назначенному Одесскому градоначальнику, генералу Григорьеву, предложено из Петербурга немедленно вступить в должность.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Вена, 30 октября (12 ноября) (СПА). — Министр-президент Гауч принял депутацию от представителей промышленности, явившуюся к нему по поводу забастовки железнодорожных служащих. При этом он заявил ей, что правительство решило немедленно удовлетворить справедливые требования служащих, но с условием, что последние будут исполнять лойяльно свои обязанности. Министр-президент выразил протест против смешения вопроса о заработной плате с вопросом о реформе избирательного права. По его словам, правительство уже занято разработкой проекта этой реформы. Решить этот вопрос придется рейхстагу совокупно с правительством еще в нынешнюю парламентскую сессию.

Берлин, 30 октября (12 ноября) (СПА). — „Berliner Tageblatt“ воспроизводит телеграмму „Russ. Corr.“, согласно которой редакторам С.-Петербургского Телеграфного Агентства был вчера предложен к исполнению следующий циркуляр директора агентства:

„По распоряжению г. директора, редакторам предлагается ежедневно составлять коллективную телеграмму для заграницы, в которой помещаются те из полученных от наших провинциальных корреспондентов сведения, которые благоприятны для России; сюда относятся сведения, свидетельствующие о восстановлении порядка, о назначенных или производящихся следствиях по произведенным беспорядкам и т. п.“.

Токио, 30 октября (12 ноября) (СПА). — („Daily Telegraph“). Адмирал Рождественский, собираясь выехать на родину, поручил начальнику своего штаба отправиться в морской департамент, чтобы выразить властям благодарность за хорошее обращение.

Хотя в городе уже некоторое время спокойно, военное положение еще не снято. Министр-президент оказался не в состоянии выполнить своего обещания относительно созыва экстренной сессии парламента. Арестован бывший президент палаты Ионо, произнесший речь на недавнем митинге, протестуя против мирного договора. Арестовано также несколько других политических деятелей в связи с последними беспорядками.

Токио, 30 октября (12 ноября) (СПА). — Императорским рескриптом парламент созывается на 12 декабря.

Вена, 31 октября (13 ноября) (СПА). — Согласно отчету министерства путей сообщения, положение дел на железных дорогах в общем улучшилось. Новая инструкция, очевидно, оказывает влияние. Поезда запаздывают реже. Движение в тех местах, где оно было приостановлено, теперь возобновилось. Затруднения в движении в главных пунктах угольного района и в Праге устранены. Некоторые затруднения испытывает движение лишь в Тироле.

По газетным сведениям, во время вчерашней демонстрации арестовано 38 социалистов. Раненых оказалось 40, в том числе 8 тяжело (Корбюро).

Токио, 31 октября (13 ноября) (СПА). — С прибытием барона Комуры в Пекин там оживилась дипломатическая деятельность. Русский и германский посланники имели продолжительное совещание с выдающимися китайскими государственными

деятелями. Между германским генерал-губернатором Киа-Чао и китайским губернатором провинции Шандун заключено важное соглашение из пяти пунктов. Оно предусматривает эвакуацию Каоми в течение полугода по подписании договора в Киа-Чао. До января войска будут отведены в Цинтау, откуда отправятся в Германию. Охрана отданной Германии в аренду области и железной дороги перейдет затем к Китаю. Китайское правительство намеревается приобрести германские казармы в Каоми для того, чтобы там устроить школу для обучения немецкому и китайскому языкам. Все германские почтовые учреждения в Шандуне будут переданы китайцам.

Открытие движения на новой дороге между Пекином и Ханькоу ожидается 3 ноября.

Иоганнесбург, 31 октября (13 ноября) (СПА).—В субботу вечером обрушилась вертикальная шахта „Driefontein Deep Mine". Погибло 68 человек, в том числе один белый. Много рабочих, не пострадавших от обломков шахты, утонуло в поднявшейся почвенной воде.

Париж, 31 октября (13 ноября) (СПА). — Известие из Лондона о совещании послов великих держав в Константинополе считается здесь последним дипломатическим актом перед морской демонстрацией. Так как финансовые агенты 6 великих держав пришли к соглашению относительно проекта урегулирования финансов Македонии, то является вполне естественным, что послы требуют от султана утверждения этого проекта и, вместе с тем, одобрения состоявшегося назначения финансовых агентов.

О реальной политике.

Русская общественная жизнь последнего времени, вообще очень яркая и колоритная, дала нам несколько превосходных иллюстраций к вопросу о так называемой „реальной политике", столь любезной мягкому сердцу всякого российского либерала.

Во имя этой реальной политики ополчались против бойкота Государственной Думы, об'являли его „преступлением" (см. „Русск. Вед."),—а жизнь между тем показала, что „преступление" было насущной необходимостью,—доходили в своем прекраснодушии до утверждения, что если бы в этой Думе заседали даже урядники, то и они оказались бы сторонниками всеобщего избирательного права. Смею уверить читателя, что я сам своими ушами слышал такое утверждение из уст одного оратора левого крыла так называемой конституционно-демократической партии. Можно по этому примеру судить, что же должны говорить и думать представители правого крыла той же партии, того крыла, которое, по всей справедливости, надо назвать конституционно-аристократическим.

А что сказать о рассуждениях наших известных либералов (в том числе и профессоров) на пресловутую тему „науки юношей питают"? Ведь очень еще недавно казалось, что эти рассуждения составляют монополию рептильной прессы, и вдруг эта монополия стала у нее оспариваться „конституционно-демократическими" органами. Один весьма почтенный профессор нечаянно (мы уверены в этом) дописался до заявления, что одинакового с ним мнения о пользе науки держатся все „истинные друзья молодежи"; профессор и не заметил, очевидно, что его рассуждения построены по тому же методу, какими руководились публицисты известного пошиба, именовавшие себя истинно-русскими людьми.

Или вот еще иллюстрация: в московской городской думе 15 октября поднят был вопрос о комитете общественной безопасности и учреждении милиции. И дума поступила, конечно, так, как ей диктовали „реальные" политики: московские думцы, ни мало не смущаясь, отвергли предложение социал-демократов сложить с себя полномочия и передать их демократическим элементам общества. Они, конечно, сочли себя такими же—exusez du pera — „избранниками народа" и „лучшими людьми", какими считает земцев петербургское бюро академического союза. И в результате проекты учреждения не столько милиции, сколько, по удачному выражению одного товарища, — городской полиции.

И вот что характерно: наши социал-народники сначала разошлись в этом вопросе с социал-демократами и пошли на компромисс с „конституционными демократами". Правда, на другой день они спохватились и заявили, что лицо, говорившее от их имени в думе, не имело полномочий, и произошла ошибка, на деле же они единодушны с социал-демократами в данном вопросе. Тем не менее, ошибка характерна, особенно если припомнить, что она не первая: первой была знаменитая парижская конференция. Типично для социал-народников, что они ошибаются вправо. Конечно, и социал-демократам случается ошибаться, но смело можно сказать, что они, если и ошибаются, то всегда влево и никогда вправо. Зато их так и не любят прекраснодушные „конституционалисты-демократы", попросту либеральные буржуа.

Внимательный читатель, конечно, понял уже, какая подкладка кроется под всеми этими мероприятиями в духе „реальной" политики: русская общественная жизнь последнего времени дала ряд блестящих доказательств гениальной теории классовой психологии. „Реально" то, что оставляют власть в руках либеральной буржуазии; в самом деле: ведь она—соль земли и готова бескорыстно потрудиться в пользу „меньшого брата", пусть только этот меньшой брат доверится ей и не придает преувеличенного значения рассуждению о либерализме урядников, о пользе наук для юношества и о городской полиции.

Марксизм чужд утопизма, и в этом смысле его политику можно было бы назвать действительно реальной, если бы это слово не было так опошлено. Реализм в политике сводится не к близорукой заботе о своем благополучии в данный момент. Очень часто во имя реализма необходимы жертвы — он должен сочетаться с предвидением будущего и состоит в планомерной помощи нарождению новых общественных форм. Это и составляет отличительный признак марксизма.

Но об этом подробнее — в другой раз.

Н. Рожков.

Свобода печати.

В классической стране свободы, в Англии, свобода печати впервые стала практиковаться после первой революции, когда в 1649 году была об'явлена республика. При Кромвеле, выразившемся так: „Мое правительство ничего бы не стоило, если бы не могло выдержать бумажного выстрела", печать пользовалась некоторой свободой.

Однако, закон о цензуре был отменен позже, а именно после второй революции. В феврале 1695 года палата общин почти единогласно решила не возобновлять закона о цензуре. Палата лордов была другого мнения, и потому возник спор между двумя палатами. В конце концов палата лордов уступила, и, таким образом, путь к прогрессу журналистики был освобожден от формальных препятствий.

В дальнейшем свобода печати устанавливалась в Англии, несмотря на реакционные вспышки правительства и буржуазии, обычным правом. Английский народ ставил свободу слова во всех формах его проявления выше всего. Он сам и его выдающиеся представители практиковали эту свободу, борясь с правительством, когда последнее делало попытки надеть намордник на печать.

Насколько высоко ставили свободу печати общественные деятели Англии, видно хотя бы из слов великого оратора и драматурга Шеридана (1751 — 1816), произнесшего следующие знаменательные слова: „Лучше быть без парламента, чем без свободы печати; лучше отказаться от ответственности министров, от Habeas Corpus etc, от права разрешения налогов, чем от свободы печати, — потому что эта свобода все равно вернет все остальные".

И действительно, нигде свобода печати и слова вообще не отстаивалась так народом, как в Англии. Английский народ был готов пойти на все, лишь бы не лишиться этого высшего блага. Мы видели, что свобода печати установилась в Англии очень давно, раньше, чем во всех других государствах. Она практиковалась несмотря на все препятствия. Английский народ игнорировал оставшиеся законы о печати, которые были совершенно отменены гораздо позже, а именно в 1861 году, когда в России совершилось только освобождение крестьян от крепостной зависимости. Полная свобода, фактическая и формальная свобода печати, сделалась в Англии незыблемой основой общественной жизни, глубоко внедрилась в нравы англичан. Поэтому англичанам не нужны специальные законы, устанавливающие свободу печати, и их нет в Англии. Эта свобода основана на традициях, на обычае, на отсутствии законодательного стеснения печати, а главным образом, на сознании всего народа, что свобода слова во всех его проявлениях есть неот'емлемое народное право, что без этой свободы немыслима правильная и мирная общественная жизнь.

Другим государством, где свобода печати была провозглашена довольно рано, является Франция. Французская печать была освобождена от оков абсолютизма еще в конце XVIII столетия, но в отличие от Англии впоследствии закрепощалась вновь несколько раз.

Как только в 1789 году собрались в Париже Генеральные Штаты, волна общественного мнения смыла много устаревших учреждений, в том числе и предварительную цензуру, и свобода печати была осуществлена. 19 мая генеральный директор книгоиздательства разослал редакторам периодических органов циркуляр, в котором было сказано, что „король, уступая справедливому нетерпению публики, счел за благо разрешить газетам говорить обо всем, что происходит в Генеральных Штатах". Этот циркуляр на бумаге ограничивал независимость газет узкою сферою, но фактически он только маскировал отступление побежденного правительства. И это настолько было ясно для всех, что французские газеты пользовались полной свободой, создавались без всякого предварительного разрешения и печатали все, что им было угодно.

Не хватало только санкции этой свободы законами страны. Но и это вскоре было сделано в знаменитой „Декларации прав человека и гражданина". 2-я статья „Декларации", гласящая, что „свобода выражения мысли и мнений является одним из наиболее ценных прав человека", и что „следовательно, каждый гражданин в праве свободно говорить, писать и печатать", была формулирована герцогом Рошфуко, который при этом произнес восторженный панегирик прессе, сказав между прочим: „Это она разрушила деспотизм, это она еще раньше уничтожила фанатизм"...

Впоследствии французской печати пришлось пережить много тяжелых лет. Но, когда окончательно восторжествовала республика, одним из ее первых начинаний в области законодательства было решение кодифицировать все законы о печати в одном законе, который окончательно освятил бы полную свободу печати. Такой закон был опубликован в июле 1881 года, и вот его главные статьи в передаче Е. Смирнова („Периодическая печать на Западе". Петербург, 1904 г., стр. 298 — 299): „Типографское дело и книгоиздательство свободны. На каждой выпущенной в свет печатной вещи должны быть помечены имя и местожительство типографа. Два экземпляра ее должны быть представлены для национальных коллекций".

Почти так же проста глава, касающаяся периодической печати. Она состоит из десятка ясно и точно составленных статей, из которых мы приведем первую и главнейшую: „Всякая газета или другое периодическое издание могут быть издаваемы без предварительного разрешения и без всякого залога".

Отсюда мы видим, что выработка законов о печати дело несложное и что Англия даже совсем обходится без них. Еще проще упразднение учреждений, поставивших себе целью стеснение печати. За границей с этого начиналось осуществление свободы слова. У нас же этот процесс совершается шиворот навыворот. Провозглашена свобода слова, а главное управление по делам печати существует. Даже иноязычная печать еще не освобождена от из'ятий, от „икры", ибо комитет иностранной цензуры еще не закрыт, и почтовая иностранная цензура еще существует. Не является ли существование этих ненавистных для народа учреждений вопиющим к небу противоречием? Неужели наши правители не опомнятся, не заставив лишний раз повторить слова великого немецкого писателя Герреса (1776—1848) о том, что „жалкие министры противодействуют свободе печати на том же основании, на каком проститутки ненавидят уличное освещение"?

В. Тотомианц.

„Черная сотня“ в Западной Европе.

С ужасом и негодованием смотрит весь цивилизованный мир на подвиги наших черносотенцев и хулиганов, совершаемые при благосклонном содействии и даже под планомерным руководством полиции. Но, хотя подобных невероятных, чудовищных погромов не знала Европа чуть ли не со времени тридцатилетней войны, справедливость требует заметить, что „черная сотня“, как социальное явление, известна многим цивилизованным государствам. При этом любопытно, что как общественный состав, так и идейные вдохновители и тайные руководители этих „патриотов“ и „охранителей“ во всех странах в общем одни и те же.

Ниже всего, в качестве всегда готового „боевого материала“, продающего первому встречному свои кулаки и свой участковый „потректизм“, стоят хулиганы и сутенеры („коты“), эта накипь цивилизации, эти представители общественного „дна“. Затем идут разные элементы мелкой буржуазии и близких к ней по своей мещанской психологии групп: мелкие торговцы, кабатчики, приказчики и т. д. Вдохновителями всегда являются духовенство и продажная пресса, а организаторами—полицейские (конечно, лишь там, где они не подчинены—как в Англии—органам общественного управления) и вообще представители всех реакционных сил.

За примерами ходить не далеко. Вспомним то возмущение и боль, какие вызывали во всех нас неистовства французских „националистов“ во время дрейфусовской эпопеи. Еврейские погромы, избиения интеллигенции (конечно, в микроскопическом, по сравнению с нами, масштабе), при наглом одобрении газет вроде „Нового Времени“, тайном подстрекательстве духовенства и явном попустительстве полиции,—все это происходило во Франции на наших глазах, лет 6—8 тому назад. Казалось, какой-то тупой и злобный демон овладел страной, на которую мы привыкли глядеть как на носительницу лучших человеческих идеалов. И все это было создано несколькими реакционными правительствами, сменявшими друг друга целый ряд лет, и исчезло, как дым, когда окончательно восторжествовали республиканцы. Блестящий анализ всех общественных групп, принимавших участие в этом черносотенном походе, дает Анатоль Франс в своей замечательной книге „Histoire contemporaine“. Он рассказывает, как представители „золотой молодежи“, разные разорившиеся маркизы и графы, приверженцы принцев-претендентов, под руководством духовных отцов, нанимали, вооружали и организовывали подонки парижской улицы для избиения всех сторонников Дрейфуса.

Между прочим, мы находим у него подробность относительно роли полиции. После смерти Фора, когда президентом был выбран республиканец и демократ Лубэ и образовано было радикальное министерство, полиция в Париже, оставшаяся еще от прежнего правительства, избивала на улицах и арестовывала манифестантов, кричавших: „да здравствует Лубэ“, и оставляла в покое хулиганов, руководимых маркизами и кричавших: „да здравствует король“. Не правда ли, tout comme chez nous?

Другой подобный пример черносотенной вакханалии представляет Англия во время англо-бурской войны. Все мы помним, как доставалось так называемым „пробурам“, т. е. защитникам независимости буров, от толпы подкупленных хулиганов и озверевших „дикарей цивилизации“, изящных джентльменов в цилиндрах, подстрекаемых газетами крупных биржевиков, ради которых и была затеяна война, и благословляемых смиренными пасторами. Но роль полиции, подчиненной в Англии не правительству, а демократическому городскому самоуправлению и воспитанной в духе уважения к закону и правам граждан,—при этом совсем иная. Всем известны случаи, когда полицейские грудью отстаивали от „патриотической“ черносотенной толпы митинги „пробуров“, на которых ораторы громили правительство.

Далее, на черносотенцах, организованных полицией и избивавших всех, „несогласно мыслящих“, опиралось не раз правительство в Болгарии. Наконец, и Соединенные Штаты знают много примеров диких расправ хулиганов и одичалых „мещан“ над несчастными неграми.

Но нигде, конечно, не было и в помине тех невероятных ужасов, которые творятся у нас, нигде полиция не являлась в роли откровенных грабителей и разбойников...

И везде главным защитником интеллигенции, культуры, свободы и человеческого достоинства от нападений всех темных сил разлагающегося буржуазного строя являлся и является организованный пролетариат.

Б. И.

Патроны и патрон.

Спрятав лик в пальто бобровое
От крамольников-врагов,
Получивши место новое
Едет Трепов в Петергоф.
Покидая пост диктатора,
Льет он слезы в три реки.
Два шпиона-провокатора
Сушат мокрые платки.
„Ах! Подобного нелепого
Я не ждал себе конца:
Генерал-майора Трепова,
Благодетеля-отца,
Кто порядки образцовые
Ввел словами: „Цельсь! Пли!“—
В коменданты во дворцовые
Не спросяся упекли!
Ведь для них я был Мессией,
Охранял и строй, и трон,
Был один над всей Россией
Покровитель и патрон!“
— Трепов! Не по доброй воле ли
С места вам пришлось слететь?
Сами вы учить изволили,
Чтоб патронов не жалеть!

Тэффи.

Вопросы улицы.

I.

На улицу.

Грандиозные события, разыгравшиеся в промежуток последних двух недель, хранят в себе разрешение многих тактических вопросов, выдвинутых ходом освободительного движения в России. Центр тяжести общественного внимания, громадным усилием рабочих масс, переброшен сразу в новую плоскость—и много политических комбинаций, много теоретических построений сразу выброшено за борт жизни, в то время как определенная тактика, тактика III с'езда Р. С.-Д. Р. П. в уроках последних событий найдет себе новые подтверждения и новые силы. В чем, в самом деле, кроется смысл последних дней? Улица заговорила. Никогда еще улица не говорила так громко и решительно, и никогда еще поэтому она не играла в судьбах русского освободительного движения подобающей ей роли. Теперь улица и ее политическая роль—факт. И в этом именно—залог дальнейшего роста движения и гарантия новой демократизации России. Гарантии эти кроются не в частных победах, вырванных уже движением, не в благих желаниях того или другого реформатора из недр бюрократии—нет, они кроются в том, что жизнь выбросила все вопросы на улицу и отдала их на ее решение. С этих пор улица, ее движение, становится решающим фактором постановки и решения всех вопросов политической жизни. Она становится единственной и окончательной инстанцией, к которой принуждены апеллировать все и всяческие организации общественных сил, и достаточно бурного, но мелководного и прерывистого ручейка—улица превратится в бурное море. Улица пришла и резко и определенно поставила вопрос о формах ликвидации старого режима. Из элемента подсобного, из формы устрашения—улица стала творческим, действенным элементом политического переустройства. Этот факт неминуемо повлечет за собой распад или, вернее, пересмотр тех общественных программ, которые базировались на отрицании факта широкого уличного движения или, что встречалось чаще, пытались учесть возможность и угрозу этого движения в свою пользу, в пользу тех общественных слоев, об'ективная задача которых была собственными усилиями и вопреки своей ясносознанной цели наглядно демонстрировать невозможность ликвидировать старый режим помимо и вне непосредственного влияния улицы. Улица самым фактом своего появления резко и определенно поставила дилемму: или с улицей за новую демократизацию общественно-политического строя России или помимо улицы, а значит и против нее, за возможно большее сохранение возможно большего количества элементов старого порядка. Третьего исхода не дано, ибо всякий третий исход, всякая „третья“ тактика возможна только при условии заместительства движения улицы движением либеральных перьев, при отсутствующем теперь условии передоверия улицей защиты ее политических прав какой бы то ни было ненародной, буржуазной организации. С того момента, как улица взяла свою судьбу в свои руки, отсутствие этой возможности говорить „за улицу“—есть отсутствие третьего исхода, третьей тактики. Этот третий исход, как он принимался наиболее солидными непролетарскими организациями, с суб'ективной точки зрения представляет из себя попытку без улицы и помимо нее дать ей возможную степень государственного демократизма. Об'ективно же—отстранением улицы от активной политической роли дать ей демократизм в мере возможности... для крупной буржуазии. Активное выступление улицы ставит знак равенства между формулой „помимо улицы“ и „против улицы“ и, оголяя, таким образом, позицию буржуазных спасателей улицы... и отечества, обрекает указанную тактику на политическую смерть, поскольку она не обратится в политическое шарлатанство.

Этот „третий“ метод ликвидации старого режима представляет собой, таким образом, ликвидацию его буржуазией в целях буржуазии при подчиненной и закрепощенной буржуазии улице, т. е. наиболее вредную, с точки зрения демократизации России, форму этой ликвидации. Практически—это сильная монархия, ограниченная крупным промышленным и земледельческим капиталом при двухпалатной системе на основе не всеобщего, не равного, не прямого голосования, это подчинение рабочих масс буржуазной идеологии, это жесточайшая политическая и экономическая эксплоатация их при почти полной невозможности их политического воспитания, это, быть может, исключительные законы для социалистов, это, во всяком случае, серые будни социал-демократии под игом свирепого „конституционного“ правления, это реализация идеалов г. Витте и крупных финансистов, а быть может, и центра освобожденного виттевской конституцией из плена нелегального жительствования „Освобождения“. Устранение этого метода ликвидации есть одно из главнейших завоеваний прожитого этапа революции, и закрепление э т о й победы в головах широких народных и пролетарских масс должно составить одну из главнейших задач пролетарской партии в данный момент. Но устранение этой политической комбинации открывает эпоху жесточайшей конкуренции двух других, но зато вполне ясных и определенных политических комбинаций: с улицей или против улицы, ибо, повторяем, „помимо улицы“ в данный момент есть явное политическое шарлатанство, если только оно будет провозглошаться, или не менее ясное предательство улицы, когда оно будет проводиться в жизнь. А в жизнь оно уже проводится, и с этим предательством улицы нам приходится встречаться ежедневно. Когда либеральная и радикальная пресса в целом ряде чрезвычайно прочувствованных статей настойчиво просит правительство г. Витте убрать поскорее г. Трепова; когда либеральные думцы и земцы, попавшие в водоворот гражданской войны, открытой контрреволюционной организацией союза „черной“ улицы с г.г. Треповым, Курловым, Слепцовым, Роговичем и пр., слезно просят у правительства г. Витте сенаторских ревизий и смещений; когда та же дума посылает на утверждение г. Трепова проект организации милиции; когда другие общественные организации подают г. Витте весьма разумные советы о необходимости полной амнистии или других гарантий, подкрепляя эти советы весьма, вероятно, полезными для г. Витте лекциями из теории и практики конституционного права; когда „Русь“ рекомендует верить правительству г. Витте, а „Сын Отечества“, не веря покуда, занят составлением условий, при которых он готов поверить,—мы не находим уже времени

удивляться благородству и истинному патриотизму господ уверовавших и не верящих еще советчикам, мы не находим уже в себе смелости заподозревать этих господ только в политическом недомыслии, не собираясь даже напомнить им, что политическое недомыслие есть в известный момент преступление. Нет! Мы можем только констатировать, что формула „помимо“ улицы уже проводится в жизнь, и что в данный момент это „помимо улицы“ — есть, у ж е есть, „против улицы“. Ибо, господа, г. Витте — это одно, а гарантия свобод — это другое; удаление Трепова г-м Витте — это одно, а борьба с контр-революцией — это другое, ибо, господа, постижение г-м Витте конституционной мудрости — это одно, а реализация демократического строя в России — это совершенно другое. И другое это потому, что вопросы о гарантии свободы, о борьбе с контр-революционными попытками, о реализации демократического строя в России — это вопросы улицы, выдвигаемые только тогда, когда улица красных знамен — налицо, и решаемые только ею, только в рамках движения улицы. А вопрос о сенаторских ревизиях, о пределах или даже беспредельности даруемой г-м Витте амнистии, о смещении г. Трепова, г. Курлова и К⁰ г-м Витте, о разрешении или неразрешении милиции, вопрос о способности г. Витте к усвоению лекций и советов — это вопросы той биржи, на которой котируется высота под'ема улицы в виде уступок бюрократии — буржуазии и обратно. Этот торг открыл г. Витте своим докладом и сразу обозначил цену за предательство улицы актом 17 октября — он продолжает этот торг своими обращениями к „вдумчивой и благомыслящей части общества“, понемногу рассчитываясь по данному векселю г. г. Победоносцевым, Глазовым и т. д.

И нет ни одной общественной организации, кроме пролетарской, которая в той или другой форме не попыталась бы принять участие в распродаже г-м Витте того старого хлама, который, подмытый широким потоком движения улицы, стал никуда негодным. Игра ловкого биржевого дельца ясна—распродать возможно выгоднее фиктивные ценности, чтоб под шумок бойкой распродажи спасти то, что можно спасти. Концентрация общественного внимания на этой распродаже смехотворна, попытка учесть результат грандиозного движения внедрением в голову г. Витте правил истинного конституционализма, самоубийственная политика жертвования жизненными интересами дальнейшего развития освобод. движения идолу успокоения и умиротворения, стремление использовать на момент стихшую улицу, как подкрепление своих требований и просьб, о б р а щ е н н ы х к п р а в и т е л ь с т в у,— это есть не что иное, как стремление эскамотировать улицу, низвести ее до роли осадного орудия в семейном споре г. Витте с „благомыслящей“, жаждущей успокоения частью общества. Это то самое „помимо“, которое равно „против“. К Витте через Витте для „благомыслящей“ части общества или к улице через улицу для улицы— тут надо выбирать, тут нельзя переставить ни одного члена формулы из одной в другую. Два общественных слоя, две определенные тактики, два метода реализации своих идеалов! Между этими двумя тактиками нет и не может быть примирения. Апелляция к бюрократическому реформаторству и апелляция к улице—это две конкурирующие формы политического действования в данный момент. И общественным организациям придется в ближайшие же дни выяснить степень своего сочувствия идее полной демократизации России принятием одной из двух тактик. И для истинного демократизма выбора нет, хотя трудно будет нашему русскому, непролетарскому демократизму учиться итти на улицу. У нас была улица не только 14—18 октября, но и улица 18—22 октября. Не только улица красных знамен, но и улица знамен черных. И если наш буржуазный радикализм не мог и не хотел учиться у первой, то вторая его научит. Контр-революция учится у революции и учит оппозицию. Чему учит эта черная улица и что надо, что немедленно необходимо улице красных знамен, мы рассмотрим в следующих заметках.

Юрий Каменев.

К крестьянскому движению в Гурии.

I.

Гурия вновь заволновалась...

Правительство вновь пустило в ход пушки и пулеметы, штыки и нагайки...

А между тем, уроки жизни, казалось бы, достаточны уже, чтобы убедить правительство, что развитие народов не считается с необузданным произволом отдельных личностей, какие бы силы ни стояли за ним.

Последние известия с театра военных действий гласят: Кутаисская губерния об'явлена на военном положении; в Озургетском уезде бомбами убиты уездный начальник, мировой судья и более ста пластунов; посылаются подкрепления; беженцы из Гурии передают о кровопролитных столкновениях войск с народом; из Озургетского уезда получаются тревожные слухи о потерях войск и убийстве чиновников...

Представители реакции в этих событиях найдут лучшее доказательство „неподготовленности России“. Рептильная пресса не замедлит заподозрить гурийское движение в сепаратизме и будет призывать к подавлению его вооруженною силою.

Буржуазно-либеральная печать будет требовать от „либерального премьера“ „по мере сил и возможности“ итти „влево“, чтобы пламя, охватившее Гурию, не охватило всю Россию...

„Социалисты“ разных не социал-демократических толков, указывая на гурийское крестьянство, попытаются разбить на-голову своих идейных врагов, придерживающихся „узко-классовой точки зрения“, сторонников научного социализма — социал-демократов.

В виду всего этого, выяснение истинной подкладки крестьянского движения в Гурии представляет значительный интерес.

Крестьянское движение на Кавказе, в Грузии, вызвано исключительными условиями землепользования в этой части Кавказа и резко отличается от так называемых крестьянских беспорядков, часто повторяющихся в различных местностях России. Оно носит вполне планомерный и сознательный характер. Это не крестьянские бунты, связанные с „царскими указами“, с „золотыми грамотами“.

Так называемого „либерального“ течения в крестьянском движении также не наблюдалось.

Петиционная комедия, долго забавлявшая крестьян коренной России, не привилась среди угнетенных слоев кавказского революционного крестьянства.

Освободительное крестьянское движение стремится к осуществлению определенных задач и не способно на авантюры: им руководит с момента возникновения до настоящего времени партия пролетариата — социал-демократия.

Безусловно, и в Гурии сознательному социалистическому движению предшествовало движение чисто стихийное, бессознательное брожение, вызванное исключительными условиями в положении крестьян.

Лучшие земли сосредоточены в руках помещиков, дворян и сельской буржуазии, вытесняющей разоряющееся грузинское дворянство; почти крепостническая зависимость связывает крестьян с их владельцами; бессердечная эксплоатация, непосильные налоги, подати и различного рода повинности, произвол и бесчинство администрации — все это толкало крестьянство Грузии на путь освободительной борьбы. Но невежественное крестьянство не могло сразу разглядеть своего главного врага, умело скрывавшегося за помещиками, ростовщиками и сельской буржуазией.

Казацкие нагайки, солдатские штыки и ружья, которые правительство пустило в ход при первых же попытках гурийских крестьян пред'явить к своим угнетателям самые элементарные требования, показали крестьянам, куда должны быть направлены их усилия.

Непосредственным опытом кавказское крестьянство поняло необходимость политической борьбы и борьбы с гурийскими помещиками.

В этот период острых столкновений двух общественных классов, из которых один еще слишком темен и неорганизован, другой слишком безжалостен и деспотичен, возгоревшееся стихийное движение нуждалось в воздействии извне, в непосредственном руководстве революционной организации, которая направила бы стихийное движение по определенному пути.

Такой организацией явилась на Кавказе Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. Взяв движение в свои руки, она тем самым спасла его от беспочвенного авантюризма. Она направила движение против всех социально-экономических остатков прошлого и против общественных групп, заинтересованных в сохранении этих остатков.

Являясь действительной выразительницей пролетарских интересов, она нашла сочувствие и среди неимущего гурийского крестьянства, по положению своему почти не отличающегося от пролетариата.

Скоро социал-демократия приобрела массу сторонников, сознательно примкнувших к партии, что в свою очередь сильно способствовало дальнейшему росту партии на Кавказе.

Очень характерно, что современное крестьянское движение Гурии следует непосредственно за открытым выступлением кавказского пролетариата и непосредственно связано с ним.

Хотя начало крестьянского движения в Гурии совпадает с неурожаем 1901 г. и непосредственно следовавшей за ним голодовкой, но не всякое крестьянское движение из временной вспышки превращается в непрерывное планомерное движение.

Именно рабочее движение в соседних с Гурией городах показало гурийцам необходимость стойкости и организованности в борьбе. Оно показало, что не временных, хотя бы и грозных вспышек боятся, главным образом, угнетатели.

Но неурожай 1901 года имел еще другие последствия. Он приобщил часть крестьянского населения к рабочему движению тем, что в погоне за куском хлеба громадный процент сельского населения отправился в города за заработком.

Голодом революционизированные крестьяне, попав в среду революционного пролетариата, уже выступившего открыто против буржуазии и произвола правительства, восприняли у рабочего класса его тактику и его лозунги борьбы.

С другой стороны, современное крестьянское движение многим обязано правительству, заботившемуся (хотя и невольно) о содержании в крае достаточного контингента рабочих агитаторов, высланных на родину, в деревни, из городов Кавказа, главным образом из Батума, за участие в рабочем движении.

И „зловредные“ рабочие, безусловно, играли не малую роль в деле выяснения взаимоотношения крестьян и помещиков. Они первые в широких крестьянских массах популяризировали идею противоположности классовых интересов безземельных крестьян и помещиков, указали на необходимость организованности крестьянских масс для плодотворной борьбы.

Итак, экономическое развитие, с одной стороны, и правительство, с другой стороны, способствовали быстрому перенесению социалистической пропаганды из городов в деревни.

Голод толкал бедных, голодных крестьян в города, где им представлялась широкая возможность наблюдать за революционным движением геройского кавказского пролетариата.

Правительство гнало революционеров-рабочих из городов в деревни для распространения социалистической пропаганды.

Высланные рабочие, как временные гости, подготовили почву и облегчили работу ушедшим в города крестьянам, большинство которых возвращалось обратно в деревни сознательными революционерами.

Из всех причин, толкавших крестьянство на путь революционной борьбы, правительственные репрессии являлись одними из самых важных.

Новые попытки правительства остановить силой движение послужат новым импульсом к дальнейшему росту его.

Правительство само раздувает пламя пожара, охватившего Гурию.

М. М. Ш.

Кронштадт.

(Корр. „Новой Жизни“.)

Нижеследующее описание кронштадтских событий записано непосредственно со слов матроса, очевидца и участника этих событий.

Брожение среди матросов началось еще давно, но особенно деятельная работа, в смысле пропаганды и организации, началась с мая этого года.

На воскресенье, 23 октября, предполагался громадный митинг. Благодаря неожиданному его назначению (за 2 часа), власти не успели принять никаких мер, и 5.000 человек матросов, а также депутаты от артиллерии, пехоты — от каждой команды и роты — собрались на Соборной площади. В это время команды уже были закрыты, форты не пропускали, однако, депутаты пробрались.

Пришли туда и власти, которые со слезами умоляли разойтись, советуя поговорить в экипажах, а общие собрания тогда устраивать, когда кончат службу; их просьбы, однако, исполнены не были. Постановлено было митинг считать за предварительный, остаться пока в выжидательном положении, а на следующее воскресенье назначить общее собрание кронштадтского гарнизона.

Составлена была петиция государю, где изложены следующие требования матросов:

1) Согласно дарованному манифесту, матросы являются российскими гражданами. Как таковые, они имеют право собираться и обсуждать свои дела. Если военным неудобно собираться на площадях, пусть им отведут манеж.

2) Сократить срок службы.

3) Жалованье не меньше 6-ти рублей в месяц.

4) Выдавать хорошую обмундировку и хорошую пищу, а то приходится чуть ли не круглый год одеваться на свои деньги.

Кормятся же они человек по 10 из одного бака, больные и здоровые, все вместе.

Некоторые по этой причине не могут часто есть и изнуряются. Потому каждый должен иметь отдельный прибор.

5) Матросы должны по своему усмотрению располагать свободным временем.

Теперь же, как крепостные: обо всем всем просить разрешения приходится.

6) Беспрепятственная доставка вина, так как матросы — не дети, опекаемые родителями.

7) Военные должны иметь доступ всюду, на все частные собрания.

Теперь же они в этом стеснены.

Например, в одном сквере есть надпись: „вход с собаками воспрещен“ и т. д. И тут же внизу: „матросам и солдатам вход запрещен“. А между тем они — „защитники отечества“, исполняют трудную службу и в то же время на-ряду с собаками поставлены.

Так как этот митинг должен был быть предварительным, то говорилось, главным образом, об экономических требованиях.

Впрочем, говорились речи и по политическим вопросам.

То обстоятельство, что из 40.000 жителей Кронштадта только 180 имеют избирательное право, вызывало уже давно общее негодование.

Решено требовать всеобщего избирательного права. Кроме того добиваться:

1) Уничтожения сословий, чтобы все были равны.

2) Свободы религии.

3) Неприкосновенности личности, а то придут, схватят матроса и без защиты посадят.

4) Образования на родном языке.

5) Свободы слова.

Ведь военные низшие чины только и могут говорить: „точно так“, „никак нет“, „есть“. Они должны иметь право и с начальством и везде говорить открыто и что хотят.

Затем решено было бороться вместе с народом за демократическую республику, за свободу. Говорили, главным образом, матросы.

В 7½ часов вечера собрание мирно разошлось, не было ни пьяных, ни шуму.

Так как артиллерия была на митинге не вся, то один крепостной батальон пред'явил в понедельник свои требования, сходные с выработанными выше. Недовольными там были, главным образом, чины одной роты — 150 человек.

Ответ на заявления неизвестен, но только в среду эти 150 человек были перевязаны, брошены в темные вагоны и должны были быть увезены.

Проходившие случайно в 3 часа матросы услышали их крики: „спасите, братцы!“. Они прибежали в учебный минный отряд и закричали: „наши братья погибают“.

Тогда несколько сот матросов и крепостной артиллерийский батальон бросились спасать. Вызванная на них боевая полурота взяла оружие „к ноге“, т. е. отказалась стрелять. Тогда выстрелили офицеры и убили 4, ранив человек 11. Матросы бросились по экипажам вооружаться. Командир не имел ничего против, открыл арсенал и выдал ружья. Это было около 8 час. вечера.

Вооруженные ружьями и патронами, матросы в числе 900 чел. из 7 экипажей вышли во двор обсудить положение. Так как убивали драгунские офицеры (в город было прислано 400 красносельских драгун), то все были крайне возмущены. Говорили, что крайне обидно, что на них присылают чужих воинов. Раз так, то никто не застрахован от опасности быть застреленным и проч. Решили: необходимо вывести войска из города.

Согласился и командир, что это очень обидно. По его разрешению разводящий начал выдавать оружие.

Матросами же решено было немедля устроить вооруженную манифестацию и присоединить к себе всех остальных. Затем отрядом двинулись в город — впереди вооруженные, затем невооруженные и сзади опять вооруженные. Это для того, чтобы никто не убежал. Но только что они повернули к Театральной — без всякого предупреждения раздался залп. Произошло смятение, человек 20 упали. Тогда матросы открыли огонь: из 400 драгун спаслось только несколько десятков, которые спрятались во дворах.

Так как на помощь матросам прибыла с другой стороны новая партия матросов же, то стрельба происходила с 2 сторон. К 11 час. с усмирителями разделались, и усмирять было уже некому: из своих никто не поднял бы оружие.

Затем ходили группами по городу. Не было ни грабежей, ни шума — газеты нагло врут, говоря об этом. Только, проходя мимо морского собрания — гнезда безобразий,— побили стекла и сделали несколько выстрелов для страху. Что матросы разбили библиотеку — это наглая ложь. Если это сделали, то хулиганы. Мирные жители вышли на улицу, смешались с матросами, и шли обсуждения о разных делах.

В это же время матросы решили устроить форменную оборону города от всяческих усмирителей, которых можно было с часу на час ожидать.

Вот тут-то и случилось нечто ужасное и безобразное.

К матросам стали подходить вольные люди и подговаривать выпить по чарке и разгромить винные лавки. Агитация этого сорта велась настойчиво и непрерывно, но матросы не соглашались и решили предотвратить грозившие бедствия.

Вдруг невдалеке раздался треск и шум. Бросились защищать, но ... страсти разгорались, и не было уже удержу.

Громили сразу во многих местах. Многие винные лавки были уже разграблены, вино лилось повсюду. Грабеж производился только вольными людьми, но к пьющим постепенно присоединились и некоторые из матросов, к вечеру — в 1 час ночи все были пьяны.

Удалось установить, что весь погром организован был полицеймейстером. Уже в среду утром все городовые были на постах в штатском платье и усиленном наряде. Когда же, в разгаре событий, матросы бросились для защиты в одно место, где производился главный погром, они увидели следующую картину (рассказчик был всему очевидцем): во главе шайки хулиганов находился сам полицеймейстер, одетый в штатское. Он руководил действиями разнузданной толпы и направлял ее на богатые магазины. Тогда прибывшие матросы хотели его убить. От одного из выстрелов он упал, обливаясь кровью.

Тщетно пытались матросы остановить разгром: они останавливали несших узлы с награбленным добром, ставили около них патрули, защищали детей, женщин и стариков, разгоняли толпы хулиганов, стреляя в воздух — все было напрасно.

Улицы были в вине, напивались до потери сознания, страсти разыгрались и не было им удержу. С 3 часов начались пожары в разных концах города. Чаще пожары были от случайных причин: загорался спирт, керосин.

Когда стало ясно, что оборона рухнула, решили бежать.

В 9 час. утра, в четверг, из Ораниенбаума отправлен еще отряд драгун. В пятницу получено точное известие, что до 8 час. вечера им не удалось высадиться. Из фортов, перешедших на сторону матросов, обстреливали и не подпускали их.

О дальнейшем рассказчику уже неизвестно.

ВОПРОС О МИЛИЦИИ В ДУМЕ.

„Между прочим“ дума занимается и вопросом о милиции и, разумеется, к этому животрепещущему вопросу дума относится с обычным равнодушием. Решить вопрос отцы города полагают, пользуясь испытанной системой, которую они с „успехом“ применяют ко всем вопросам.

Общее присутствие управы вместе с некоторыми гласными 28 октября „обменивались соображениями“ на тему о том, как организовать городскую милицию. Говорили, конечно, много. Самый вопрос был понят своеобразно. Так, напр., голова Н. А. Резцов предложил два способа для разрешения вопроса: или сформировать специальные отряды полицейских или, еще проще, подчинить наличный персонал „фараонов“ городскому самоуправлению.

Из споров обнаружилось только полное отсутствие компетенции спорящих в затронутом вопросе. Сводились споры к тому, что недурно бы подчинить существующий полицейский персонал городу, но он „не может быть на высоте задачи“; с другой стороны, не худо бы свою полицию завести, но для этого надо „пересмотреть действующий закон“ и изучить „полицейское право“, а главное — „где взять денег“.

Когда всем надоело говорить, приняли следующий проект:

1) Существующая полиция переходит в ведение города, после чего она должна быть реорганизована. Дворники в домах оставляются в количестве, необходимом для потребностей домовой службы; все настоящие их обязанности переходят к гражданской страже.

2) Реорганизованная полиция получает наименование гражданской стражи и состоит из 12 отрядов. Количество лиц, входящих в отряд в качестве рядовых и начальствующих, определяется особым расписанием.

3) Для вступления в гражданскую стражу желающие должны удовлетворять следующим условиям: а) быть здорового телосложения и обладать физическою силою, б) окончить курс не ниже городского училища, в) возраст от 25—45 лет, г) пользоваться безукоризненной репутацией, д) обладать умением обращаться с оружием.

Содержание гражданской стражи принимается всецело на счет казны. Рядовые получают довольствие квартирное: холостые натурою, женатые—квартирными деньгами от 12—25 руб. и жалованье в размере 30 руб. Жизнь, здоровье и трудоспособность всех служащих гражданской стражи должны быть застрахованы городским общественным управлением. В случае увечья, впредь до выздоровления, пострадавшие получают содержание в полном размере. Обязанности гражданской стражи состоят в поддержании порядка и спокойствия на улицах, во дворах домов и публичных местах. Подробности обязанностей гражданской стражи определяются инструкцией, утвержденной думою. Десятские избираются рядовыми; сотские избираются десятскими и т. д. За проступки по службе гражданская стража судится особым дисциплинарным судом. Общее заведывание стражей вверяется особому комитету из 40 лиц, избираемому думой из граждан Петербурга. Комитет этот избирает начальника стражи и его помощников. Лица эти утверждаются думой. Кроме того, комитет избирает особый исполнительный орган для заведывания гражданской стражей в хозяйственном и административном отношении. В случае, если правительство не согласится на передачу существующей полиции в ведение городского общественного управления, последнее самостоятельно организует в дополнение к существующей полиции гражданскую стражу на вышеуказанных основаниях.

Уже самого поверхностного взгляда на эту „программу“ достаточно, чтобы притти к одному непреложному выводу: думе вопрос не по плечу, ибо она даже не понимает сущности его.

Потрясающая действительность последних дней отнюдь не подействовала на думу, и на вопрос о милиции она смотрит, как на один из тех хозяйственных вопросов, для которых как показал опыт, не существует срока земской давности, и полагает развлекаться обсуждением вопроса не один год.

Но милиция — не охтенский мост. Это вопрос серьезный, острый и, главное, требующий дела, а не слов.

Вся миссия думы здесь сводится к одному: дума должна притти на помощь пролетариату в деле организации милиции.

Л. Львов.

Письмо в редакцию.

К событиям в Кронштадте.

Рабочие и служащие с.-петербургского механического и калильного завода Э. Тильманс и К⁰ доставили в редакцию „Новой Жизни“ следующее заявление:

„Военно-полевые суды готовы занести свою руку на головы сотен матросов, виновных в том, что они не вынесли поругания человеческого достоинства и гнета начальства, развращенного отживающим режимом.

„Смертная казнь нависла над сотнями матросов Кронштадта, бесцеремонными притеснениями и оскорблениями доведенных до отчаяния. А теперь этих несчастных матросов желают судить при закрытых дверях без всяких гарантий.

„Мы заявляем, что смотрим на подобный суд не как на суд, а как на бойню. Мы протестуем против всякого пролития крови. Мы глубоко убеждены, что гражданский суд, суд гласный, найдет в действиях матросов только протест против невыносимого гнета, бесправия и насилия, а это — протест всего русского общества.

„Долой военные суды! Долой смертную казнь!“

Следуют 142 подписи.

От г-жи Пороховщиковой, пострадавшей от черносотенцев, мы получили следующие сведения об избиении ее, ее сына и крестника.

„В 8 часов вечера, вместе со своим тринадцатилетним сыном Александром, учеником гимназии Гуревича, и крестником, Н. Е. Смирновым. управляющим моей типографии, я ехала домой в Лесной, по дороге заехала в клинику Вилье посетить больного, оставив моих спутников около ворот. Больной попросил меня остаться у него, и я пошла было предупредить своих. В тот момент, когда я одевалась, я увидела через стеклянную дверь огромную толпу с красными флагами, певшую марсельезу. Я без пальто бросилась к своим и в тот же момент в мирную толпу демонстрантов были даны под-ряд три залпа. Мы бросились к под'езду клиники, но бухгалтер, стоявший у под'езда, несмотря на наши просьбы, не хотел нас впустить, швейцар вынес мне пальто. После долгих упрашиваний нас впустили. На просьбу, обращенную к тому же бухгалтеру, поговорить по телефону с мужем, мне было отказано.

Четверть часа после стрельбы мы отправились на извозчике в Лесной. Около фабрики Сегаль на нас набросились черносотенцы, человек 60, и начали нас бить. По приказанию какого-то мужчины нас отпустили. Обезумевшие от ударов, мы поехали дальше, но около Сампсониевской мануфактуры черносотенцы остановили нашего извозчика, сорвали нас с пролетки и начали бить без пощады, крича: „вы все против царя, мы вас перебьем“. Били кулаками, палками и какими-то особыми резинами. Удар камнем по голове лишил меня сознания. Через несколько минут я вновь пришла в себя от страшной боли: меня били ногами. Поднявшись на колени, я именем христа умоляла пощадить моего сына, но в ответ получила несколько ударов по голове палкой, которой мне рассекли голову до кости в нескольких местах, и, несмотря на то, что я обливалась кровью, меня продолжали бить. Наконец, приказание какого-то мужчины—„женщину с ребенком пропустить“—избавило меня и сына от дальнейшего избиения. Меня дотащили до перевязочного пункта Нобеля, где мне и была сделана первая перевязка. Через час вбежал к нам крестник мой, который каким-то чудом спасся от смерти. Получив от извозчика рваный картуз и представившись пьяным, он сошел за своего и, несмотря на опасность, вновь пробрался через толпу, чтобы отыскать нас. Из перевязочного пункта мы были переведены в заразные бараки проф. Чистовича, где провели ночь, и где нам доктором г. Юрьевичем, сестрой милосердия г. Хвостовой, фельдшером г. Яковлевым и еще одним фельдшером из медицинской академии был оказан такой уход и внимание, какие можно получить от самых близких людей.

Удивительно и возмутительно то, что для мирной толпы, поющей марсельезу, войска „не жалеют“ патронов, зато в нескольких шагах от себя позволяют черной сотне безнаказанно убивать и калечить мирных жителей...

Я вся изранена: голова разбита, повреждены бок и почки, от ноги отбит кусок кости, глаза, нос и вообще все лицо в кровоподтеках. Сын и крестник мой также сильно пострадали... Обо всем

происшедшем составлен протокол... Я не могу простить и оправдать этого беспричинного зверского избиения людей, особенно ребенка!.. И пусть мне ответят, где власть, где правительство, которое в столице позволяет избивать граждан разнузданной массе черносотенцев и хулиганов".

БЕЗ ЦЕНЗУРЫ.

(Письмо в редакцию.)

Ты нам всем наметил путь,
Дал всем свободу слова.

К. Бальмонт. „Русскому рабочему".
„Новая Жизнь", № 1, 1905 г.

Во всех газетах, вышедших после октябрьской забастовки, напечатано, что они выходят без цензуры, „согласно решению союза для защиты свободы печати". Ваша уважаемая газета вышла также с таким аншлагом.

Так ли это, действительно ли уж „союз для защиты свободы печати" обладает такой силой, что решился на такое дерзновенное нарушение „устава о цензуре и печати"? Нет ли кого-либо сзади, кто дергает за веревочки заседающих в этом союзе либеральных марионеток?

Ваш орган, желающий быть органом социал-демократии, представителем интересов русского пролетариата, должен бы знать, да и знает, конечно, кто именно за веревочки эти дергал.

Ведь редакция, конечно, знакома с „Известиями Совета Рабочих Депутатов". Знакома она также и с напечатанным в этих „Известиях" постановлением Совета Рабочих Депутатов, что „только те газеты могут выходить в свет, редакторы которых игнорируют цензурный комитет, не посылают своих номеров в цензуру".

Вот кто значит дергал веревочки!

Ведь об этом постановлении напечатано только в „Русском Рабочем".

Мы понимаем скрывание этой главной причины от большой публики нашими либеральными органами, но отказываемся найти какое-либо об'яснение этого факта для „Новой Жизни". Разве редакционный недосмотр?

Мы надеемся, что редакция в ближайшем номере исправит свой недосмотр. Иначе как же понять „дал всем свободу слова"?

Привыкнувши к бюрократической волоките с.-петербургских редакций, заявляю, что, если во вторник 1-го ноября не появится этого моего письма, то я буду принужден обратиться в другие органы печати, а в „Совет Рабочих Депутатов" само собой.

С почтением
Н. Адорин.

От редакции. Ни тон, ни содержание этого письма не позволяют нам заподозрить в авторе письма товарища—социал-демократа. Но так как он указывает на действительный пробел в первых 4-х номерах газеты, то мы считаем необходимым дать место этому письму. Чтобы итти еще дальше в выяснении реальных корней свободы слова в нашей стране, мы должны указать, что сила и влияние „Совета Рабочих Депутатов" подготовлены долгими годами работы в Петербурге соц.-демократической партии и непосредственно созданы в значительной мере работою в организации этого Совета наших партийных товарищей. Если мы случайно упустили сделать указание на данный конкретный факт проявления силы революционного пролетариата, то мы, надеемся, в достаточной мере подчеркивали то общее положение, что в с е й свободой, какой в данный момент русское общество на деле располагает, оно обязано революционному пролетариату.

Специально для читателей-товарищей мы прибавим еще следующее. Организованная в течение нескольких дней, газета наша несомненно страдает пока еще не малыми пробелами; мы могли бы избегнуть их, отложивши на время выпуск в свет газеты; это было бы, может быть, выгодно для ее непосредственного „успеха", но для общего дела мы считали более полезным начать издание как можно скорее. Мы надеемся на помощь читателей-товарищей в устранении всех этих пробелов, мы убеждены, что они будут рассматривать наше дело как с в о е!

Хроника.

— В № 4 „Новой Жизни" сообщалось о смерти товарища Павла Августовича Грожана и о том, что труп его похоронен неопознанным. В настоящее время редакция получила известие, что погребение трупа товарища Грожана еще не состоялось. Известие о том, что покойный не был опознан, вызвано тем, что труп товарища страшно изуродован.

— 31-го на рассвете скончался в Петропавловской больнице от о г н е с т р е л ь н о й р а н ы, полученной 18 октября на Сампсониевском проспекте, рабочий Николай Зоркин.

— О п я т ь п о л к о в н и к М и н. В субботу, 23 октября, в 11 часов утра, лейб-гвардии семеновский полк в полном составе был собран на дворе своих казарм. Командир полка, полковник Мин, поблагодарив офицеров и солдат за их верную службу престолу и отечеству в эти тяжелые дни, сказал, что он уверен, что и в будущем, как всегда, семеновцы будут верны присяге и долгу.

— 30 октября состоялись похороны М. Ю. Гольдштейна, зверски убитого в Архангельске во время демонстрации. Гроб с телом покойного прибыл в Петербург в 6 час. 40 м. утра. В двенадцатом часу дня гроб был перевезен на траурной колеснице с Николаевского вокзала на Волково кладбище, где М. Ю. похоронен рядом с Н. К. Михайловским. Над свежей могилой литератор Д. П. Сильчевский и столяр-рабочий Я. М. Ахун произнесли речи, посвященные памяти покойного. М. Ю. Гольдштейн был охарактеризован как борец за свободу, посвятивший служению ей всю свою жизнь. На гроб покойного возложены венки: от Московского района социалистов-революционеров—„Павшему бойцу за свободу", от Петербургского Комитета Партии Социалистов-Революционеров—„Дорогому учителю", от архангельской колонии ссыльных — „Погибшему на развалинах самодержавия", от редакции журнала „Мир Божий"—„Борцу за свободу", от архангельских учительниц — „Неутомимому борцу за свободу", от архангельских рабочих и мн. др. Во время опускания гроба с телом покойного в могилу хор из публики пел „Марсельезу". Присутствовавшая на похоронах полиция держалась все время в отдалении...

— 31 октября в Петербург прибыла польская депутация в следующем составе: Выгановский, Хельковский, Держбицкий, Гавроньский, ксендз Гралевский, бар. Кронберг, Козловский, кн. Здислав Любомирский, Лемницкий, евангел. патер Махлейд, Марческий, граф М. Замойский, гр. Ад. Красинский, Нжорынский, бар. Гейдель, Иос. Островский, Фел. Бобровский, М. Берзон, крестьяне: Супреин и Ночницкий и варшавский рабочий Громацкий. Все это — представители всевозможных партий, стоящих на точке зрения проведения реформ эволюционным, а не революционным путем; представители польских социал-демократов и социал-революционеров в этой депутации отсутствуют. Цель депутации заявить свои требования; ни просить ни ходатайствовать депутация ни о чем не намерена. Депутация намерена заявить, что: 1) распространенные слухи о вооруженном восстании для отделения Польши вымышлены, 2) что поляки отнюдь не намереваются отделиться, а желают только автономии, при чем автономии, главным образом, культурно-национальной и в области самоуправления, а отнюдь не желают

установления особой границы, марок, денежных знаков и т. п., и 3) депутация категорически против введения военного положения.

— В Петербург командирован из Варшавы директор генерал-губернаторской канцелярии Ячевский. По слухам, приезд последнего тесно связан с об'явлением Царства Польского на военном положении.

— Центральный комитет петербургского Союза союзов в экстренном собрании постановил обратиться ко всем союзам с призывом выразить протест против явного нарушения положений манифеста 17-го октября в Царстве Польском и против введения в Польше военного положения, как исключительную меру, направленную против польского политического освободительного движения, которое Союз союзов считает частью общего освободительного движения.

— Витте и Струве. Гр. Витте продолжает вести „политические беседы" с „освобожденцами" и представителями конституционно-демократической партии. На-днях г. Витте посетил, по его приглашению, редактор „Освобождения" П. Б. Струве. Г. Струве имел с председателем совета министров продолжительную беседу, содержание которой он держит в секрете.

— Вооружение против черной сотни. На многих механических и металлических заводах для защиты населения от нападения хулиганов и черной сотни администрацией заводов выдается рабочим сталь и железо для самостоятельной ковки холодного оружия. Таким образом почти все рабочие города Петербурга вооружены против черной сотни.

— Тревожную ночь с 30 на 31 октября провели жители окрестностей Петербурга. На Забалканском проспекте у Горячего поля была необычайная тишина. Кое-где виднелись кучки хулиганов. Изредка показывался взвод казаков, нарушая мертвую тишину стуком лошадиных подков о мостовую. Городовых также почти не было видно. У технологического института расхаживали часовые лейб-гв. семеновского полка. Институт инженеров путей сообщения ни полицией ни часовыми не охранялся. У ворот института вывешен аншлаг, сообщающий, что, по постановлению совета министров, институт путей сообщения, наравне с прочими высшими учебными заведениями, остается закрытым впредь до особого распоряжения.

— Для охраны от черносотенцев на городскую скотобойню был вытребован 30 октября отряд казаков. Те, по обыкновению, напились и разговорились с гимназистами, случайно находившимися во дворе скотобойни. Так как у гимназистов были другие взгляды на политику, чем у казаков, то последние набросились на гимназистов и стали их хлестать нагайками; гимназисты разбежались и спрятались по квартирам, но казаки начали бить окна и готовились силою ворваться, требуя выдачи „политиков"; с трудом удалось спасти гимназистов через другие двери. Сильно пострадал один гимназист, случайно пришедший на двор.

— В районе Вознесенского и Забалканского проспектов ночь с 29 на 30 октября прошла спокойно.

В 10 часов вечера на Вознесенском проспекте появились группы хулиганов, оглашавшие улицу дикими возгласами. Не успели они проявить каких-либо активных действий, как их окружил патруль конно-гренадеров, гарцовавший всю ночь по улице, и быстро рассеял черносотенцев.

Четверо из скандалистов, наиболее сопротивлявшиеся, были отправлены под конвоем дворников в управление 4-го участка Спасской части.

Меры „подавления", принятые полицией, очевидно, неуклонно решившейся, под влиянием заявлений различных организаций и газетных статей, предупредить всякие попытки к погрому, оказали свое воздействие на черносотенцев, и они не выполнили намеченной программы избиения.

— В районе Сенной, например, где ожидали наиболее сильного проявления буйства темной массы, ночь прошла спокойнее, чем в мирное время. На улицах были расставлены усиленные наряды городовых, дежурили пристава, околоточные, строго охранявшие порядок.

— 31 октября началась эмиграция евреев из Финляндии и гостиниц, где они в ночь с 30 на 31 спасались от предполагавшейся Варфоломеевской ночи, которая, к счастью, не осуществилась.

— В столице уже дня 4 как появился знаменитый вождь черносотенцев Паволакий Крушеван.

Деятельно поработав при организации еврейских погромов в Киеве, Одессе и многих других городах и местечках юга, сей великий муж направил свои стопы в Москву. Но там он не пришелся по вкусу полиции, и ему предложено удалиться из Москвы.

Теперь сей муж проживает на Невском пр., в Северной гостинице, № 71, и не преминет, конечно, применить свой агитационный и организаторский талант между петербургскими черносотенцами.

— Союз адвокатов решил произвести подробное обследование на местах причин и виновников погромов против интеллигенции и евреев.

Организация обследования возложена на особую комиссию в составе присяжных поверенных: Л. А. Базунова, М. М. Винавера, М. Л. Гольдштейна, А. С. Зарудного и князя Д. Г. Сидамонова-Эристова.

Обследование предложено произвести не только чрез местных, но и чрез специально посылаемых из Петербурга и Москвы адвокатов.

Вместе с тем, комиссия просит всех очевидцев погромов не отказать прислать свои показания, адресуя их в совет присяжных поверенных для М. М. Винавера.

— Из многих десятков городов, потерпевших от погромов, доходит крик о помощи оставшимся без крова, одежды и хлеба десяткам тысяч евреев. Надвигается суровая зима. Необходима неотложная помощь.

Образовавшийся кружок дам для сбора пожертвований платьем, бельем и прочими вещами обращается ко всем желающим притти на помощь бедствующим с просьбой посылать жертвуемые вещи по следующим адресам: А. С. Терк — Басков п., 12, О. М. Фридляндская — Троицкая, 36, А. А. Соловейчик — Адмир. наб., 6, А. Я. Соловейчик — В. О., Соловьев пер., 23, А. А. Розен — Площ. Мариинск. театра, 2, О. Б. Гольденберг — 4-я Рождественская, 10, Н. Я. Каменко—Каменноостровский, 1, С. Ж. Гольдштейн — Знаменская, 25.

— В службе сборов С.-Петербургско-Варшавской жел. дор. образована комиссия из делегатов от служащих. Обязанности комиссии, главным образом, будут состоять в том, чтобы следить за правильным распределением прибавок, наградных и вечерних занятий, а также разбирать и недоразумения, возникающие между начальством и служащими. Начальник этой службы поздравил делегатов и пожелал, чтобы комиссия рассматривала исключительно нужды своего учреждения, согласно приказа князя Хилкова от 15 октября.

— 29-го октября депутация профессуры Московской духовной академии в составе: ордин. проф. С. С. Голубева, экстр. проф. И. В. Попова, проф. Садова и доцента И. Я. Громогласова, совместно с представителями профессорской корпорации Петербургской духовной академии, представили обер-прокурору синода, Оболенскому, заметку о необходимости введения в указанных академиях автономии. Записка принята Оболенским с обещанием, что ей будет дано соответствующее направление. В тот же день вечером депутация в указанном составе имела в гостинице „Москва" особое совещание. Члены депутации решают, что они положением дела вынуждены будут в понедельник или во вторник вторично говорить с Оболенским по возбужденному корпорациями обеих академий вопросу о введении в высших учебных заведениях автономного образа правления.

— В виду того, что большинство из низших железнодорожных служащих и рабочих Николаевской железной дороги мало знакомы с теми требованиями политического и экономического характера, которые были пред'явлены для удовлетворения, решено устроить на этих днях в нескольких местах дороги ряд собеседований, на которых и ознакомить низший персонал служащих как с пред'явленными требованиями, так и с достигнутыми общей железнодорожной забастовкой результатами. Для этой цели уже составлен подробный отчет, написанный понятным для них языком. Кроме того решено бойкотировать всех сослуживцев, шедших против забастовки, не взирая на их служебный ранг.

— Подвиги новгородской черной сотни.—Очевидец, приехавший на-днях в Петербург, рассказывает о деятельности черной сотни в Новгороде. Между прочим, черная сотня, по словам полиции, решила громить учительскую семинарию, расположенную от города в трех верстах. Полицией было сообщено по телефону, что толпа в несколько тысяч человек идет громить семинарию. Перепуганные семинаристы бросились в чащу леса, захватив с собой свои вещи. Они образовали круг и развели костры. Преподавательский персонал с семьями рассыпался также по соседним деревням. Несколько

дней сидели семинаристы в лесу на „военном положении". Как оказалось, на самом деле ничего подобного не было. Слухи о погроме учительской семинарии распускались самой полицией.

— 31 октября петербургский губернатор сообщил губернской комиссии по производству выборов в пресловутую Государственную Думу, что избрание выборщиков, по распоряжению министерства внутренних дел, откладывается на неопределенное время, так как предположено изменить нормы избирательного права. Для составления избирательных списков городской думой организовано было целое делопроизводство, затрачены немалые средства, собранные с населения. Не лучше ли всем этим спискам и разным комиссиям вовсе опочить? До Учредительного Собрания недалеко.

— На Николаевской жел. дор. среди служащих образуется союз с любопытной программой:

Признавая с одной стороны классовые противоречия между пролетариатом и капиталистами, программа, однако, гласит: „мы, рабочие, нужны капиталу, и капитал, в свою очередь, нуждается в нас". По вопросу о политической борьбе программа гласит: „союз признает политическую борьбу лишь постольку, поскольку политика непосредственно коснется экономических интересов пролетариата".

Повидимому, он становится на ту же стезю, на которой стоит пресловутое „общество механических рабочих".

— В публичной библиотеке вывешено об'явление, что с 21-го октября перестали поступать некоторые периодические издания. Об'ясняется это тем, что при функционировании цензурного комитета он заботился о снабжении библиотеки газетами и журналами, теперь же библиотека рискует остаться совершенно без периодической литературы, даже и провинциальной.

— Собрание чиновников экспедиции заготовления государственных бумаг. 28-го октября в театральном зале экспедиции состоялось собрание под председательством М. К. Струкова.

В начале собрания явилась депутация из пом. управл. экспедицией Михайловского, главного инженера Скворцова, старшего бухгалтера Гельфрейта и завед. пенсионной кассой Еленского. Депутаты заявили, что были у министра финансов Шипова, который им сообщил о своем согласии упразднить пенсионную кассу в самом недалеком будущем. Затем собрание обсуждало вопрос о допущении на собрание депутатов от рабочих. Решено было депутатов пригласить; последние не замедлили явиться. Затем чиновники, во главе с г. Брамзиным, начали восхвалять достоинства своего начальника г. Голицына. Депутаты от рабочих протестовали, и г.г. чиновникам прошлось пережить несколько неприятных минут. Затем г. Клейн (чиновник) убеждал рабочих довериться чиновникам экспедиции, которые им желают добра. Рабочие ответили, что не доверяют им. В это время в зал собрания ворвалась толпа рабочих. Испуганные чиновники начали разбегаться, вследствие чего председатель закрыл собрание.

К этому необходимо добавить, что представителей прессы в собрание не допускали, и когда одному из последних все-таки удалось проникнуть туда, за ним был устроен форменный сыск.

— Союз нотариальных конторщиков г. С.-Петербурга. На-днях состоялось первое собрание организационного комитета „союза нотариальных конторщиков", на котором присутствовали представители 21 нотариальной конторы.

На собрании постановлено было урегулировать норму рабочих часов во всех нотариальных конторах, ограничив рабочий день 7-часовой работой; существующие в некоторых конторах вечерние занятия решено совершенно упразднить.

О таковом постановлении собрание уполномочило сообщить всем нотариусам столицы.

По получении ответа от нотариусов состоится второе собрание членов союза, который предполагает выработать устав кассы взаимопомощи и изыскать средства для образования такой кассы.

К РЕФОРМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА.

Проект реформы государственного совета уже окончательно выработан и будет рассмотрен в кабинете министров немедленно после его сформирования.

Земельный ценз, дающий право быть избранным в члены государственного совета, определен 2.500 десятинами. Тут же высказывается желательность, помимо установления земельного, еще образовательного ценза, размер которого проектом, однако, не устанавливается; этот вопрос, повидимому, придется выяснить непосредственно кабинету.

По вопросу о выборах проект предлагает две схемы:

По одной—выборы производятся губернскими земскими собраниями, и тогда число земельных представителей по выбору в государственном совете определится цифрой 34.

По другой схеме выборы предполагается производить в губернских собраниях выборщиков в Государственную Думу, и тогда число членов будет значительно увеличено.

Помимо членов государственного совета, выбранных по той из схем, которая будет принята, предположено еще 26 членов по выбору: 10 от православного духовенства, 10 от иноверного и инославного духовенства и 6 от биржевых комитетов.

Члены православного духовенства будут назначаться синодом, от других исповеданий — соответствующими высшими духовными инстанциями.

Для лиц последних категорий, т. е. духовных и биржевых представителей, ценз не установлен.

Одновременно с этим проект усматривает необходимость изменения некоторых основных законоположений о государственном совете.

Так, например, существует положение, гласящее, что если по одному вопросу несколько членов из'явили желание высказаться, то преимущество отдается старшим по сроку нахождения в совете.

Сохранение этого положения в реформированном совете представляется неуместным.

К ПОНИЖЕНИЮ ВЫКУПНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ НА 1906 г.

Государственный совет в последнем заседании своем обсуждал вопрос о понижении выкупных платежей для крестьян.

Это понижение мотивируется, во-первых, рядом неурожаев, а в особенности, предстоящим в 1906 г. особенно острым кризисом в указанном отношении, а во-вторых, минувшей войной, приведшей крестьян к крайне тяжелому положению.

Министр финансов (бывший) предлагал понизить общую сумму выкупных платежей только для десяти губерний на общую сумму 10 миллионов рублей.

Государственный совет, рассмотрев вопрос, поставил его шире и постановил понизить выкупные платежи на 20 миллионов по следующей разверстке: по Воронежской губернии понижено 2.423.000 р., по Казанской—1.742.000 р., по Курской—1.975.000 р., по Нижегородской—793.000 р., по Оренбургской—285.000 р., по Орловской—1.157.000 р., по Пензенской—1.101.000 р., по Полтавской—528.000 р., по Рязанской—1.184.000 р., по Самарской—1.376.000 р. по Саратовской—1.350.000 р., по Симбирской—718.000 р., по Тамбовской—2.098.000 р., по Тульской—911.000 р., по Уфимской—205.000 р., по Харьковской—1.525.000 р., по Черниговской—442.000 р., по Области Войска Донского—181.000 р.

Затем обсуждался вопрос об облегчении участи семейств, члены которых погибли на войне.

Постановлено: семьи, обслуживаемые до войны одним работником, вовсе освободить от всяких казенных платежей, если этот работник погиб или потерял работоспособность. Это освобождение распространить вплоть до того времени, когда в данной семье подрастет работник. Наблюдение за этим будет предоставлено военной власти.

В тех же семьях, где работников несколько, платежи понизить сообразно с количеством погибших или потерявших работоспособность членов семьи.

Это понизит приход приблизительно на 6 миллионов в год.

— Департамент экономии постановил в виду уменьшения приходной статьи бюджета, за понижением выкупных платежей на 26 миллионов, возместить эту сумму путем соответствующего повышения таможенных тарифов, что и будет внесено в бюджет на 1906 год.

СРЕДИ КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ.

— 31 октября, под председательством П. Ф. Якубовича (Мельшина), состоялось собрание книгоиздателей, посвященное вопросу об учреждении союза книгоиздателей, для осуществления свободы печати по отношению к непериодическим изданиям.

На собрании присутствовали представители 52 книгоиздательств. Прежде всего дебатировался вопрос, желает ли собрание образовать союз книгоиздателей. Смысл речей всех ораторов, высказавшихся по этому вопросу, сводился к тому, что свободу печати, по отношению к непериодическим изданиям, необходимо немедленно же провести в жизнь. Брошюрные издании так же, как и газетные, не могут в настоящее время нести на себе правительственный гнет и произвол. В особенности правительственный гнет испытывает провинциальная печать. Большинство ораторов находили, что книгоиздатели должны непременно об'единиться в союз с круговой порукой и бороться за осуществление свободы печати, не посылая отныне ни одной строки в цензурные ведомства.

Во время прений в собрание явилась депутация от союза рабочих печатного дела. Заметив, что собрание как-то нерешительно намеревается проводить в жизнь общие интересы, депутат рабочий сказал: „Я пришел не убеждать вас, а сказать вам, что как бы вы ни реагировали на данный вопрос, какое бы постановление вы ни вынесли сегодня, мы, рабочие, уже постановили игнорировать цензуру. Мы вынесем это на своих плечах. В случае вашего нежелания присоединиться к нашей резолюции, мы применим к вам активный и пассивный бойкот и, поверьте, сумеем с вами так же справиться, как и с правительством". Оратора приветствовали громкими аплодисментами.

После этого собранию было предложено на указанных началах сорганизоваться в союз. Вопрос был поставлен на баллотировку и почти единогласно решен в утвердительном смысле. Только один из присутствующих, книгоиздатель прив.-доц. Новороссийск. университета г. Тимофеев, между прочим, бойкотированный в Одессе за выпуск постыдной диссертации „История телесных наказаний в России", подал голос против об'единения.

Предложение председателя, не посылая в цензуру, уведомлять правительство о выходе книг, встретило всеобщий протест. По этому поводу депутат-рабочий сказал: „Это, мне кажется, равносильно тому, что мы, завоевав себе гражданскую свободу гулять по улице, будем заходить в участок и заявлять полиции: «мы пошли гулять»". Наконец, собрание постановило, чтобы с пятницы ни один печатный листок не выходил с цензурной пометкой. В заключение собрание приняло следующую резолюцию:

„1) Образовать союз книгоиздателей для борьбы за свободу печати.

2) Члены союза обязываются: а) прекратить всякие сношения с цензурным ведомством, как по предварительной, так и разрешительной цензуре, по отношению ко всякого рода изданиям, без исключения; б) бойкотировать те типографии, которые откажутся исполнять означенное постановление союза; в) прекратить отпуск всех своих изданий тем книгопродавцам, которые с пятницы откажутся иметь у себя на складе хотя бы одно издание, вышедшее без предварительной или разрешительной цензуры, а также и тем, которые после срока, определенного общим собранием союза книгоиздателей, будут принимать к себе для продажи петербургские издания, прошедшие через какую-либо цензуру; г) прекратить всякие сношения по помещению публикаций и посылке изданий для отзывов с теми периодическими изданиями, которые дадут у себя место для публикаций или отзывов о процензурованных изданиях, вопроки предварительному сообщению о том бюро союза; д) подчиняться всем постановлениям союза, безотносительно к тому, участвовал ли тот или иной член в данном постановлении или нет.

3) Для поддержки работников печатного дела, которые могут пострадать при осуществлении свободы печати для непериодических изданий, учреждается особый фонд из единовременных и экстренных членских взносов, основания и размеры которых определяются общим собранием или уполномоченным им бюро.

4) Войти в сношение со всеми союзами и обществами, причастными к печатному делу, для совместной борьбы за осуществление свободы печати.

5) Войти в Центральный Комитет Союза союзов с предложением бойкотировать всеми входящими в него профессиональными союзами те типографии и книжные магазины, которые откажут в своем содействии осуществлению задач союза.

6) Оповещать путем повременной печати общество о тех лицах и фирмах, которые тем или иным образом будут препятствовать осуществлению свободы печати, с предложением бойкотировать их.

7) Избрать бюро союза книгоиздателей, определить пределы его полномочий и возложить на него исполнение постановлений общего собрания союза и ведение всех его текущих дел".

В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.

— Институт гражданских инженеров закрыт. Все входы охраняются полицией. Отпуски выдаются на 28 дней и до 1-го февраля. Во дворе Ново-афонского подворья (напротив здания института) стоит войсковой наряд.

— Технологический институт еще занят войсками. Отпуски выдаются на 28 дней.

— Институт путей сообщения еще закрыт. Отпуски выдаются до 1-го февраля, но без ручательства в том, что ранее этого срока институт не будет открыт. Все входы тщательно охраняются „блюстителями порядка". Общежитие открыто; допускаются в него только студенты института.

— Академия художеств все еще оцеплена кругом войсками. У главного входа, на дверях которого красуется старинная надпись: „свободным художествам", попрежнему безмолвно стоят два часовых и штыками преграждают доступ внутрь свободным художникам.

— Слушательницам высших женских курсов отпускные билеты выдаются до 1-го декабря. Директор курсов, проф. Фаусек, предлагает курсисткам выждать неделю, предполагая, что в течение этого времени окончательно выяснится вопрос об открытии курсов. На пятницу, 4 октября, в 11 ч. дня, курсистками назначена сходка, на которой должны быть рассмотрены следующие вопросы:

1) Рассмотрение изменившихся условий общественной жизни.
2) Условия открытия курсов.
3) Требование полной амнистии.

— В университет, попрежнему, никак нельзя пробраться тем, кто не имеет входного билета. Войска охраняют все входы и выходы.

— В горном институте никаких перемен. Попрежнему здание охраняется солдатами.

— Архангельское землячество просит сообщить, что взамен венка на могилу убитого в г. Архангельске М. Ю. Гольдштейна, собранные деньги решило отдать в распоряжение петербургского пролетариата. Деньги переданы уже в соответствующую организацию.

— К открытию женских высших курсов. Совет общества изыскания средств для технического образования женщин, стоящий во главе вновь открывающихся петербургских женских политехнических курсов, обсуждает в настоящее время проект правил для курсов. В зависимости от общих политических причин, новое учебное заведение откроет свои курсы, по предположению, к январю месяцу. В заседании совета на днях выяснилось, что всех желающих поступить в слушательницы записалось около 400. Поступление на курсы будет предоставлено преимущественно владелицам золотых и серебряных медалей. Таковых насчитывается 135. Остальные слушательницы будут приниматься по конкурсу аттестатов. Всего будет зачислено слушательницами около 180 человек.

— В военно-медицинской академии. Староста выпускного курса об'являет, что во вторник, 1 ноября, в час дня, в музее Пирогова, состоится второе собрание студентов выпускного курса военно-медицинской академии для обсуждения вопросов, касающихся государственных экзаменов.

В СОЮЗЕ ИНЖЕНЕРОВ.

30 октября, в Соляном Городке, состоялось многолюдное собрание союза инженеров и техников, посвященное, главным образом, обсуждению вопроса о положении дел в Царстве Польском. Представитель польского федеративного всероссийского союза инженеров г. Минкевич ознакомил собрание с последними событиями в Польше.

По словам г. Минкевича, поляки решили во что бы то ни стало добиться автономии. Представитель союза адвокатов

сообщил о приеме гр. Витте депутации от польских адвокатов, которым председатель совета министров заявил, что правительство ни в каком случае не будет действовать „из-под палки“, и что никакие „ухищрения“ поляков не заставят его дать Польше автономию. Из дальнейших сообщений выяснилось, что в Петербург прибыла еще депутация от лиц интеллигентных профессий в составе 22 человек, которая уполномочена заявить г. Витте, что в случае отказа правительства отменить в Царстве Польском все репрессивные меры, поляки прибегнут к самым решительным действиям.

Ряд ораторов — русских и поляков — представил очерк развития революционного движения в Царстве Польском и указал на необходимость поддержки этого движения русскими революционными партиями. По выслушании всех ораторов собранием была единогласно принята следующая резолюция: „Прибывшая из Царства Польского депутация польского федеративного всероссийского союза инженеров доложила общему собранию о положении, созданном в Царстве Польском, где об'явлена всеобщая политическая забастовка, еще продолжающаяся во имя требований автономии для Польского края. Признавая, что в общем освободительном движении наши польские сограждане были проникнуты теми же принципами демократической свободы, как и весь русский народ и другие национальности, входящие в состав Империи, но что в то же время правительство, видимо, стремится опереться на реакционную часть населения, с целью извратить смысл единого и великого освободительного движения, собрание союза инженеров, единогласно выразив сочувствие польскому народу, находящемуся в исключительных тисках падающего режима, протестует против попытки подавить движение средствами военной диктатуры и постановляет: 1) поручить бюро союза инженеров немедленно войти в соглашение с другими союзами, организациями и партиями для принятия всех мер к соединению с польским народом; 2) совместно с означенными организациями созвать ряд митингов против военной диктатуры и 3) призвать все русское общество к организации митингов по всей России“.

В конце заседания одним из присутствующих было сообщено, что в Кронштадте уже приговорены к смертной казни 150 матросов. Собрание постановило выразить по этому поводу свой протест.

Депутат от рабочих Ижорских заводов рассказал, что, по распоряжению начальника завода г-на Гросса, казаки разогнали на-днях мирный митинг рабочих этого завода. Собрание постановило бойкотировать всеми мерами г. Гросса и оказать помощь уволенным им служащим завода.

По вопросу об оказании помощи пострадавшим от неурожая собрание постановило присоединиться к московскому сельскохозяйственному обществу, уже организовавшему, как известно, помощь голодающим.

Политическое движение на Западе и в России.

(Доклад А. А. Исаева.)

30 октября в Тенишевском училище было назначено собрание, на котором профессор А. А. Исаев должен был прочесть доклад о политическом движении на Западе и в России.

Явившейся к 2 ч. дня в большом количестве публике два околоточных заявили, что лекция не разрешена, и что проф. А. А. Исаев беседует по этому поводу по телефону с градоначальником. Беседа продолжалась довольно долго, и только около трех часов мерзнувшей на улице публике было заявлено, что лекция разрешена.

В начале своего доклада А. А. Исаев охарактеризовал современное политическое движение России и провел параллель между ним и положением Франции в дореволюционное время. Как во Франции, так теперь в России во всех областях царит страшный произвол; положение крестьянства, мелких горожан и рабочих ужасно. Есть, однако, существенная разница между положением вещей во Франции в XVIII столетии и в современной России; разница эта состоит в большой сознательности русского пролетариата. Указав далее на сильное распространение в русском обществе идей социализма, докладчик указывает на научную обоснованность социалистических идей и глубокую справедливость его основных положений. В заключение своего доклада А. А. Исаев выразил пожелание, чтобы все русские социалистические партии соединились и действовали сообща.

Один из оппонентов докладчика (социал-демократ) заметил, что соединение двух русских социалистических партий — социалистов-революционеров и социал-демократии—невозможно, в виду их разногласий по принципиальным вопросам; единственно, что, по мнению оппонента, возможно, это временное соглашение между этими партиями по некоторым тактическим вопросам.

НОВАЯ „ПАРТИЯ“.

Выступление русского пролетариата в защиту своих классовых интересов не на шутку испугало г.г. фабрикантов и заводчиков. Напуганные в особенности решением петербургского пролетариата завоевать себе революционным путем 8-часовой рабочий день, они решили „об'единиться“ для отстаивания своих интересов.

31-го в Тенишевском училище состоялось учредительное собрание вновь организующейся „прогрессивно-экономической партии“. На собрание, созванное петербургским обществом для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности, были приглашены представители крупных торговых и промышленных фирм, банковых и кредитных учреждений, страховых обществ, пароходных, железнодорожных предприятий и проч. Представители печати на заседание не были допущены: г.г. фабриканты и заводчики столь скромны, что не решаются предать гласности свои откровенно-циничные речи.

В собрании был заслушан проект „воззвания“ к избирателям в Государственную Думу и рассмотрен проект „политической программы“ партии.

Программа задается целью охранить русскую промышленность от „посягательств“ на нее. Так, п. 5 отд. VII („Рабочий вопрос“) милостиво предоставляет „рабочим и работодателям права свободного примирительного соглашения в спорных случаях“, но требует, чтобы „примирительные учреждения“ организовались не иначе, как „по почину и с общего согласия заинтересованных сторон“ и не „должны иметь принудительного характера“. П. 2 отд. VII допускает „законодательное ограничение рабочего времени для женщин и малолетних“ (но не для мужчин), но тщательно умалчивает о том, до каких пределов он должен быть ограничен и т. д.

Чувствуя, должно быть, что в настоящее время без ограничения рабочего дня не обойдешься, г.г. фабриканты и заводчики согласны, чтобы государство регулировало условия труда, но не иначе, как после „международного соглашения“...

В ОБЩЕСТВЕ ОХРАНЕНИЯ НАРОДНОГО ЗДРАВИЯ.

— На 29 октября в обществе охранения народного здравия было назначено заседание отделения по оздоровлению населенных мест, общественных и частных зданий и промышленных заведений. Должно быть ожидавшиеся в этот вечер беспорядки помешали членам названного общества собраться в достаточном количестве — присутствовало на заседании человек шесть; не явился даже секретарь общества.

Тем не менее собравшиеся „рассмотрели“ вопросы, намеченные в повестке. Из этих вопросов заслуживает внимания сообщение о новом международном обществе, посвящающем свою деятельность „санитарии городов“. В состав нового общества входят: инженеры - архитекторы и врачи-гигиенисты. Цель общества — изучение санитарии городов и крупнейших промышленных центров. Общество будет иметь свой орган, и редактору его постановлено назначить определенное жалованье; по мнению учредителей общества, известное вознаграждение лица, ведущего отчет, будет способствовать большей продуктивности его деятельности.

На собрании обсуждалась также программа деятельности общества в 1905 — 1906 году. Предполагается разработать вопросы: о проекте канализации Петербурга, о расширении сети водоснабжения столицы, о типах жилищ для пролетариата, об оздоровлении промышленных заведений и об улучшении быта служащих на путях сообщения в санитарно-техническом отношении.

Из партийной жизни.

Московский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, обсудив 22 октября на конференции из представителей организованного пролетариата Москвы ряд насущных вопросов, постановил:

1) Так как всеобщая политическая забастовка еще раз показала, что, несмотря на все ее огромное значение и достигнутые ею результаты, одной ее недостаточно для окончательной ликвидации старого строя и осуществления намеченных пролетариатом целей, — временно ее прекратить.

2) Немедленно и энергично готовиться к следующей всеобщей забастовке, которая должна превратиться в решительную битву пролетариата за свои минимальные политические и экономические требования.

3) Усилить и расширить организацию пролетариата, ибо всеобщая забастовка еще больше сплотила его, дала нам новые кадры сознавших свои классовые интересы рабочих и с несокрушимой очевидностью доказала всему рабочему классу, что его сила в стройной организованности, дружной поддержке и классовом самосознании.

4) Приглашая прекратить всебщую политическую забастовку, настойчиво рекомендовать продолжение забастовок там, где были пред'явлены различные требования хозяевам и где условия благоприятствуют борьбе; просить рабочих помогать хотя бы материально бастующим товарищам.

5) Всеми силами отстаивать взятую пролетариатом с бою свободу слова и собраний и требовать от администрации заводов и фабрик помещений для устройства рабочих митингов, лекций и т. д.

6) Товарищей, предательски убитых 20 октября казаками и черной сотней, организованной и вооруженной полицией, хоронить, во избежание новых жертв, без демонстративных шествий, приготовить им могилы рядом с могилой товарища Баумана; послать на похороны депутатов от районов и Комитета с венками; устроить, как только это окажется возможным, грандиозное шествие на дорогие могилы павших товарищей и поставить им *от имени московского пролетариата общий памятник.*

7) Принять соответствующие меры против бесчинств казаков и организаторов, подстрекателей и руководителей черносотенных шаек, а также против попустителей их бесчеловечных действий.

Московский Комитет и Московская Группа Российской Социал-Демократической Рабочей Партии издали следующее воззвание к товарищам:

„Товарищи! Великая российская революция близится к победе. Наступающие решительные события требуют особенной сплоченности и единства пролетарской борьбы. От степени сознательности, степени организованности пролетариата и от единообразия его выступлений зависит, главным образом, исход революции. Полная победа революции может быть тогда и только тогда, если во главе ее будет итти пролетариат, который сумеет повести за собою до конца крестьянство и мелкую городскую буржуазию в борьбе за демократическую республику. В интересах сплоченности и организованности рабочего класса, а значит, в интересах наиболее полного успеха революции, Московский Комитет и Московская Группа Российской Социал-Демократической Рабочей Партии решили, несмотря на наличность тактических и организационных разногласий, образовать Федеративный Об'единенный Совет для совместного руководства политическими выступлениями московского пролетариата в предстоящих событиях. В задачи Федеративного Совета будет входить об'единение и планомерное регулирование устной и литературной агитации и всех публичных выступлений пролетариата, равно как и сношения со всеми остальными организациями. Московский Комитет и Московская Группа Российской Социал-Демократической Рабочей Партии".

На собрании Невского Районного Комитета П. К. Р. С.-Д. Р. П. 29 октября обсуждалась резолюция Федеративного Комитета об отношении к Совету Рабочих Депутатов. Резолюция обсуждалась по пунктам, при чем были вынесены следующие постановления:

1) Собрание считает необходимым агитировать как в самом Совете Рабочих Депутатов, так и в широких рабочих массах за принятие Советом программы и тактики Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (принято большинством всех голосов против одного товарища, оставшегося при особом мнении, см. ниже).

2) Собрание считает, что, в случае принятия Рабочим Советом социал-демократической программы, он должен обратиться в организацию, преследующую технические цели.

3) В случае, если Рабочий Совет откажется принять социал-демократическую программу и заявит о своем желании продолжать свою деятельность на прежних основаниях неоформленной политической организации,—собрание считает необходимым для социал-демократических делегатов оставаться в Совете, чтобы путем дальнейшей агитации заставить его признать социал-демократическую программу (за резолюцию — 9, против — 4, воздержалось — 2).

4) В случае, если Рабочий Совет провозгласит себя рабочим парламентом, собрание считает недопустимым участие в нем социал-демократов (принято всеми голосами против одного).

Особое мнение одного товарища по поводу первой из приведенных резолюций: „Совет Рабочих Депутатов не может быть признан социал-демократическою организациею, так как массовые выборы, на основе которых он составился, не могут быть гарантией его сознательности и социал-демократичности. В виду этого, если Совет, как таковой, желает принять на себя политическое руководство пролетарским движением, то социал-демократы должны выйти из состава Совета и считаться с Советом, как демократическою организациею.

„Если Совет не примет никакой политической платформы, то социал-демократы, об'единившись в Совете, должны проводить через него социал-демократические директивы и поставить своей задачей обратить его в федерацию профессиональных союзов, принимая во внимание, что профессиональная организация покрывает организационные рамки Совета Депутатов".

Кроме того на том же собрании обсуждался вопрос о постановке пропаганды и агитации. Эта сторона партийной деятельности должна, по мнению собрания, выражаться: 1) в организации митингов на злободневные темы; главная цель митингов— укрепление социал-демократического руководительства пролетарской борьбой; 2) в организации публичных лекций и курсов по всем вопросам программы-максимум и -минимум; цель: пропаганда социал-демократических идей в широких массах пролетариата; 3) в организации кружковых занятий. Кружки признано необходимым сохранить в целях выработки сознательных партийных работников. От публичных лекций кружковые занятия отличаются не только числом слушателей, но и, главное, постоянством состава. Кружки составляются, главным образом, из уже вступивших в партию товарищей, желающих подробнее разобраться в вопросах партийной программы и тактики. *Минимальный состав кружка определен в 15 человек.* Впрочем, собрание подчеркивает, что до образования таких больших кружков Районный Комитет обязан удовлетворять требования присылки пропагандиста даже и в кружки, меньшие по численности; 4) в организации кружков для подготовки агитаторов и пропагандистов из среды самих рабочих. Для обсуждения этой части партийной работы собрание признает необходимым: 1) выделить из общегородской коллегии митинговых ораторов особую коллегию для Невского района; 2) образовать при Невском районе коллегию лекторов; 3) восстановить и усилить заброшенную за последнее время коллегию кружковых пропагандистов и агитаторов.

---

26 октября состоялось собрание районных депутатов городского района. Присутствовало свыше 20 чел.; была принята следующая программа дня:

1) выборы районного штаба,
2) организация боевой дружины,
3) о помощи из средств Стачечного Комитета,
4) организация выборов.

Выбран районный штаб из 3 чел., которому и поручено организовать всю работу в районе.

Организация дружин после долгих прений была поручена районному штабу, а также поручено передать этот вопрос для обсуждения на общее депутатское собрание.

Признано необходимым оказать помощь в следующих пунктах: 1) на завод Зигеля — 1 чел., 2) на завод Сан-Галли—без указания количества нуждающихся, 3) на фабрику Свирского—в размере 50 р., 4) на фабрику Юделевич — 1 чел., 5) фабрика Воронина нуждается, кроме денежной поддержки, также и в юридической помощи.

Обсудив положение дел в партии и ознакомившись с ходом переговоров по вопросу о партийном об'единении между Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. и О.К. отколовшейся ее части, Иваново-Вознесенский Комитет находит, что, во-1-х, организационные разногласия не настолько велики, чтобы служить препятствием партийному об'единению, что, во-2-х, тактические разногласия по своему существу не могут мешать существованию единой партии и что, в-3-х, только один вопрос о Государственной Думе, решенный некоторыми меньшевистскими организациями в смысле принятия участия в выборах в нее, делает невозможным в ближайшем будущем об'единение с этими организациями; он заявляет, что об'единение в высшей степени желательно, особенно принимая во внимание настоящий момент, когда идет борьба, с одной стороны, за то — быть или не быть революции, и, с другой стороны, за практическое руководство ею, но при этом заявляет, что об'единение возможно лишь на основе постановлений III с'езда или же осуществимо путем созыва внеочередного об'единительного с'езда. До окончательного же об'единения Иваново-Вознесенский Комитет рекомендует Ц.К. и всем параллельным организациям устраивать ряд конференций между всевозможными группами для временных соглашений по поводу того или иного выступления социал-демократии и пролетариата, а также для взаимного выяснения разногласий.

Принято восемью (8) голосами против четырех (4) при одном отсутствовавшем. Четыре товарища принимают эту резолюцию, кроме слов: „или же осуществимо путем созыва внеочередного об'единительного с'езда". Они находят, что об'единение должно состояться т о л ь к о на основе постановлений III с'езда (3 рабочих и 1 интеллигент).

Эта же резолюция была предложена конференции районных комитетов и после долгого обсуждения была принята 26-ю голосами против 4-х при 7 воздержавшихся.

Из жизни рабочих.

В Совете Рабочих Депутатов.

В заседании Совета Депутатов 29 октября принимал участие 281 делегат: от Невского, Московского, Нарвского районов, Васильевского острова, Петербургской, Выборгской стороны, порта, Галерного и Гребного острова, центра, пяти электрических станций, водокачки, Порохового завода, Ижорских (Колпинских) заводов и профессиональных союзов: приказчиков, конторщиков, часовщиков, портных, фармацевтов и два представителя от союза мастеровых и техников.

При обсуждении порядка дня один депутат от имени организационного бюро приказчиков с.-д. просит внести на обсуждение настоящего собрания вопрос о политической физиономии Совета.

— Приказчики с.-д.,—заявляет он,—не находят для себя возможным подчиняться политическому руководству учреждения, не примыкающего к с.-д. партии.

— Исполнительная комиссия Совета,—отвечает председатель,—вопрос это обсуждала, но ни к какому определенному решению пока не пришла. Необходимо на чем-нибудь ей столковаться. Затем она вынесет свои резолюции, одну или несколько, на районные собрания делегатов, а потом и на Совет.

Предложение приказчиков вызывает дебаты. Некоторые депутаты против внесения вопроса о партии на обсуждение Совета из опасения вызвать раскол. Один оратор заявляет, что он послан сюда решать „рабочие дела", а не „заниматься партийностью". Другая часть депутатов, напротив, доказывает настоятельную необходимость разрешения этого вопроса. „Как можно вести политическую борьбу, — говорили они, — не имея политической программы, не примыкая ни к какой политической партии". Тем не менее, значительным большинством голосов Совет отклонил предложение приказчиков. Та же неудача постигла следующее предложение части депутатов — назначить комиссии срок для выработки определенного решения по данному вопросу.

Один из ораторов, говоривших в пользу назначения срока, развивал мысль, что необходимо прежде решить, важно ли и нужно ли Совету иметь политическую физиономию, и если да, то следует выяснить этот вопрос как можно скорее. Оратору с трудом удалось закончить свою речь, так как некоторые депутаты, а также председатель довольно громко высказывали признаки нетерпения, находя, что вопрос трактуется не по существу.

За назначение срока высказалось всего лишь 64 депутата.

Председатель сообщил несколько фактов увольнения рабочих за политическую забастовку. На Охтенском заводе взрывчатых веществ было уволено около 100 рабочих. Посланные комиссией делегаты добились приема всех, кроме 4 товарищей депутатов. Совет постановил: устроить на заводе митинг и выяснить рабочим необходимость добиваться возвращения всех товарищей. В случае стачки оказать поддержку.

На В.-Островском гвоздильном заводе уволено 10 рабочих, очевидно, в связи с ходатайством рабочих этого завода перед администрацией освободить их от рабочих-агитаторов. В виду явной несознательности рабочих гвоздильного завода, Совет постановил оказать уволенным материальную поддержку и постараться распространить свое влияние на этот завод.

Далее сделан был ряд докладов о приготовлениях к защите против погромщиков. В общем картина получилась довольно внушительная. Везде на фабриках и заводах готовятся к бою. Выделывается оружие, собираются деньги на приобретение револьверов, организуются дружины, назначаются патрули. Некоторые докладчики демонстрируют холодное оружие, заготовленное в их мастерской. Каждое сообщение сопровождается шумными аплодисментами. Чувствуется сильное воодушевление и желание бороться до конца. Затем, по поводу так называемой „Ушаковской независимой рабочей партии" один оратор сказал горячую речь. Охарактеризовав предприятие г. Ушакова и „Русск. Раб.", издаваемый за счет правительственной субсидии, как зубатовскую попытку затемнить классовое самосознание пролетариата и отвлечь его от естественного руководителя рабочего класса — социал-демократической партии, оратор закончил свою речь энергичным восклицанием по адресу г.г. Ушаковых „руки прочь", вызвавшим громкие аплодисменты со стороны депутатов.

После небольшого перерыва депутаты сообщили, что сделано на их заводах относительно фактического введения 8-часового рабочего дня. Рабочие Обуховского, Семянниковского и почти всех остальных заводов Невского района с 27 октября установили у себя 8 часов работы. В Московском районе рабочие готовы ввести 8-часовой рабочий день, хотя это должно понизить их заработок, так как они работают поштучно. В настоящее время рабочий день сокращен на полчаса.

Александровский механический завод с 28 октября работает 8 часов, несмотря на понижение заработной платы. По настоянию администрации, вопрос о сокращении рабочего времени был решен закрытой баллотировкой, при чем 1.668 голосов высказалось за, а 14—против. На „Невской бумагопрядильне" (?) работают 8 часов. На зав. „Сименс и Гальске" — 8-часовой рабочий день вводится с 4-го ноября, на заводе „Атлас" уже введен, на заводе „Айваза" — также, на центральной электрической станции — то же самое. На многих других заводах решено вводить 8-часовой рабочий день с понедельника или вторника текущей недели. В резолюции Совета, как уже сообщалось, предполагается установить на всех заводах и фабриках гор. Петербурга 8-часовой рабочий день с 31 октября. По этому вопросу принята следующая резолюция:

„Совет Рабочих Депутатов приветствует тех товарищей, которые революционным путем ввели у себя на заводах восьмичасовой рабочий день.

Совет Рабочих Депутатов считает, что повсеместное введение 8-часового рабочего дня требует соответственного повышения расценок, дабы заработная плата осталась по меньшей мере на прежнем уровне. Совет Рабочих Депутатов единогласно постановил всем отставшим заводам и фабрикам с 3-го октября примкнуть к борьбе за 8-часовой рабочий день, вводя его на всех заводах и фабриках революционным путем. Взаимная поддержка рабочих всех районов будет залогом общего постановления Совета Депутатов".

Типография Стасюлевича.

Общее собрание рабочих типографии М. М. Стасюлевича (Вас. остр., 5 л., д. 28) 31 октября постановило ввести восьмичасовой рабочий день. Настоящее постановление скреплено подписью всех рабочих типографии Стасюлевича.

Картонажная фабрика Отто Кирхнера.

31 октября рабочие Кирхнера собрались во дворе для обсуждения своих нужд. Кирхнер пытался сорвать собрание через своих клевретов, пугая рабочих: „казаки едут". Когда это не подействовало, Кирхнер вызвал полицию. Околоточный надзиратель в сопровождении штата городовых потребовал от рабочих „честь-честью разойтись, а то...". Рабочие разошлись, а пока председателю собрания Кирхнер предложил расчет.

Собрание рабочих Адмиралтейства.

Рабочие депутаты петербургского порта обратились 29 октября к временно заменяющему командира порта г.-м. Наумову с просьбою разрешить им общее собрание рабочих для обсуждения требований их к начальству, выработанных депутатской комиссией.

Г.-м. Наумов ответил на заявление рабочих, что просимое разрешение они могут получить исключительно от прибывшего уже на место своего служения командира порта Кузьмина.

Но Кузьмина в данное время нет в Петербурге. И следовательно, свидание с ним невозможно. Изрекши это, г. Наумов просил рабочих отказаться на сей раз от своего плана, потерпеть до возвращения Кузьмина.

Депутаты в вежливой форме припомнили г. Наумову русскую пословицу: „Семеро одного не ждут". А тем более 7.000 человек.

После долгих переговоров, ген. Наумов удовлетворил просьбу рабочих, и общее собрание состоялось. Выслушав представленную депутатами формулу, выражающую экономические и политические требования рабочих, собрание единогласно утвердило постановление депутатов. Одним из пунктов последнего является, между прочим, требование немедленной полной амнистии всем пострадавшим в борьбе за счастье и свободу народа.

Решения рабочих будут доведены до сведения морского министерства.

Балтийский завод.

Рабочие Балтийского механического судостроительного завода 31 октября впервые явочным порядком провели у себя восьмичасовой рабочий день; в четыре часа дня они покинули работу.

Необходимо добавить, что обеденное время рабочие сократили на целый час, с полутора часов для обеда назначили лишь полчаса — от 12 до 12½ дня.

— Совет рабочих Франко-Русского завода после совещания 29 октября по вопросу о текущих событиях принял следующую резолюцию: „В виду того, что нам грозит опасность от черной сотни и хулиганов, решили организовать самозащиту; за неимением же средств постановили обратиться к дирекции с требованием выдачи 1.500 рублей со штрафного капитала", представили это свое решение общему вниманию рабочих завода. Все единогласно постановили: „В виду того, что полиция и шпионы в несознательных массах народа распространяют слухи, что те рабочие, которые устраивают митинги и собрания, готовятся грабить церкви и убивать тех, которые к ним не примыкают; в виду того, что полиция организует черные сотни и снабжает их оружием, — рабочие Франко-Русского завода, по примеру товарищей других фабрик и заводов, решили, помимо указанного Советом источника средств, сделать меж собой денежный сбор для приобретения оружия".

Последняя забастовка на городской центральной станции внесла некоторую долю улучшения в экономический быт служебного персонала. Городское общественное управление, которому эта забастовка причинила не мало хлопот и забот, „приняв во внимание тяжелые условия труда" телефонных барышен, увеличило ежемесячные оклады их жалованья на 10 рублей.

Избранное на-днях на митинге бюро союза служащих по городскому общественному управлению обратилось ко всем своим 10.000 товарищей со следующим воззванием:

„В единении сила!

„В виду назревших вопросов, как правовых, так и экономических и вследствие отсутствия об'единяющих всех служащих по с.-петербургскому городскому управлению организаций, временное организационное бюро, состоящее из представителей разных городских учреждений, настоящим обращением приглашает товарищей, сочувствующих делу основания и развития союза служащих по с.-петербургскому общественному управлению, отозваться на этот призыв.

„Идея союза: организация самопомощи и самозащиты на основаниях товарищества и взаимной поддержки, т. е. принцип „один за всех и все за одного".

„По получении обратно настоящего извещения с подписями товарищей, из'явивших свое желание присоединиться к этому полезному начинанию, будет испрошено от г. городского головы разрешение на созыв особого собрания служащих в зале с.-петербургской городской думы.

„Программа общего собрания будет своевременно оповещена вместе с извещением о времени собрания".

Победа литографских рабочих. 3 октября началась стачка литографских рабочих около 2.000 человек. Примкнув к общей трехдневной забастовке, об'явленной союзом рабочих печатного дела из-за солидарности с москвичами, литографские рабочие пред'явили к хозяевам целый ряд экономических требований: введение 9-часового рабочего дня (накануне праздников 8 часов), повышение заработной платы на 20% для получающих 30 р. в месяц и на 10% для высшего заработка, комиссия из рабочих для разрешения возникших недоразумений приема и увольнения рабочих, отмена обысков, улучшение санитарных условий в предприятиях, получка заработка в часы работы, двухнедельные отпуски ежегодно, сохранение за всеми стачечниками их мест и т. д. Требования пред'являлись вначале частичные, но по мере развития стачки, из-за нежелания хозяев итти на уступки, требования принимали общий характер.

Всем движением руководил Стачечный Комитет, решивший в конце стачки организовать профессиональный союз литографов.

26 октября состоялось учредительное собрание литографов, на котором принят выработанный устав. В уставе пока осталось невыясненным отношение союза литографов к союзу рабочих печатного дела. В настоящее время главные требования литографских рабочих (9-часовой рабочий день, повышение заработка и т. п.) удовлетворены.

Стачечный Комитет во время почти 4-недельной забастовки разрешил в некоторых литографиях, где хозяева соглашались на уступки, приступить к работам с тем, чтобы часть заработка шла в стачечный фонд. Кроме того, Стачечный Комитет проводил и проводит, чтобы „нарушители стачки" были немедленно увольняемы с занятых ими во время стачки мест. Пока уволено 4 таких нарушителя стачки.

Завод Франко-Русского общества.

Состоявшийся 30-го октября, с 9 часов утра, митинг рабочих Франко-Русского завода сопровождался следующим инцидентом. Желая присутствовать, как представитель „Новой Жизни", на митинге, я около 10 ч. утра был у ворот завода. Сторож, охранявший вход во двор, заявил, что, по распоряжению заводской администрации, он не может пропустить на митинг меня, как постороннее лицо. Мои доводы в пользу нелепости подобного рода распоряжения на сторожа не подействовали. Директора завода я не нашел. Когда я во второй раз зашел в контору с целью добиться пропуска, то находившийся там во внутренних аппартаментах один из инженеров завода меня не принял, а через швейцара передал, что никто, помимо рабочих этого завода, не может присутствовать на митинге, и за разрешением следует обратиться к представителю полицейской власти. Но, находя для себя позорным обращаться в данных случаях к содействию полиции, я рассказал о насильственных действиях администрации случайно вышедшему с митинга рабочему. Тот, возвратившись, передал о случившемся собранию, и все присутствовавшие единогласно постановили немедленно пригласить меня, как представителя социал-демократического органа, к ним на митинг.

Высланная депутация человек в 30, окружив меня со всех сторон, торжественно проводила в помещение собрания. Проходя по двору завода, один из депутации полусерьезно заметил стоявшему околоточному: „Что же это вы вздумали препятствовать!“, на что тот растерянно поднес руку к фуражке и, сбиваясь, сказал: „Это... это не я, а контора“. Его заявление было встречено смехом. Собрание встретило представителя рабочей газеты шумными рукоплесканиями, а говоривший в то время выдающийся среди рабочих оратор сказал несколько прочувствованных по адресу органа слов. В связи с инцидентом стоит в положительном смысле решенный вопрос о желательности присутствия на митингах в заводе не только семейств рабочих, но и вообще всех желающих. Из поставленных на очередь программных вопросов дня, по единогласному решению, отменен на будущее время паспортный (адресный и больничный) налог, который вычитался с рабочих конторой из их заработной платы. Затем рассматривался имевший место 29 октября случай на заводе. Мальчик лет 9-ти, сын рабочего, раздавал в заводе листки с каким-то воззванием Союза союзов. Сторож с, очевидно, сильно развитым у него охранным инстинктом задержал мальчика и передал его полиции. Он был арестован, а пачка воззваний у него отобрана. Директор завода уволил сторожа. Но на собрании решено было предложить сторожу извиниться и дать обещание не служить полиции в качестве добровольца; в противном случае — решение директора утвердить. Вслед за этим был поднят вопрос о том, какую физиономию желало бы собрание рабочих Франко-Русского завода придать Совету Рабочих Депутатов. Представитель социал-демократической партии в блестящей пространной и популярной речи раз'яснил слушателям основные положения учения, доказал с историческими ссылками их истинность, выставил и разбил общеизвестные тезисы противников научной доктрины, обскурантов, приписывающих ей заведомо ложный и гнусный характер, и выяснил положение социал-демократического учения в его эволюционном развитии настоящего, как переходный момент от капиталистического способа производства к социализму. Его речь часто прерывалась громкими, долгими аплодисментами. Представитель социал-революционной партии указал собранию, что в решении такого важного вопроса, как поставленный на очередь, необходима особенная осторожность, и определенное решение по вопросу следует поставить после рассмотрения программы социалистов-революционеров. В своей речи оратор особенно настойчиво указывал на обостренность аграрного вопроса в России. Но его речь часто прерывалась нетерпеливыми возгласами. Определенного решения по вопросу собрание не вынесло, в виду его длительности, и продолжение митинга перенесено на 31 октября.

Металлический завод.

В воскресенье, 30-го октября, на общем собрании рабочих металлического завода решено присоединиться с 1 ноября к другим заводам, пожелавшим ввести 8-часовой рабочий день. Представитель арсенала высказался в свою очередь в том же смысле.

В виду разногласий на заводе Розенкранца, рабочие этого завода просили собрание помочь им быть солидарными с товарищами, уже введшими 8-часовой день.

Во время перерыва в толпе кто-то громко заговорил. Раздались голоса: „Пожалуйте на эстраду!“

Оратор вошел на примитивную эстраду, поднялся на помост, устроенный на ней, и заговорил.

Речь его звучала громко, страстно и убежденно. Он доказывал, что быстрота и энергия революционного движения в России всколыхнули весь буржуазный мир Европы, результатом чего на русской границе появилась 200-тысячная германская армия, а под Петергофом ее флотилия.

Машиностроительный завод Семенова.

В субботу, 29 октября, после окончания работы на машиностроительном заводе Семенова состоялся митинг рабочих. Обсуждался вопрос о Совете Депутатов Рабочих; в течение последнего времени постоянно поднимается вопрос: что из себя представляет Совет Депутатов Рабочих? Профессиональная ли это организация или политическая? В последнем случае—становится ли Совет Раб. Депутатов в ряды какой-нибудь из существующих партий или образует новую „независимую“ рабочую партию?

После обсуждения этого вопроса собрание единогласно постановило, что Сов. Раб. Деп. должен быть профессиональной организацией и брать на себя лишь такие задачи, как организация профессиональных союзов и заводских боевых касс, организация отпора черной сотне, руководство стачкой, если она опять начнется, проведение в жизнь 8-часового рабочего дня и т. п. Роли политического руководителя С. Д. Р. не может взять на себя, так как эту роль он мог бы исполнить лишь в том случае, если бы в нем существовало единомыслие по политическим вопросам, а такого единомыслия нет и быть не может. Политическим руководителем рабочего класса может быть только партия, — Российская С.-Д. Р. П. Если, однако, при голосовании вопроса о том, профессиональная ли С. Д. Р. организация или политическая, вопрос будет решен в пользу признания Совета политической организацией, то опять таки по единогласному решению собрания, депутаты завода Семенова должны настаивать на том, чтобы С. Д. Р. признал себя организацией социал-демократической—партийною, так как Р. С.-Д. Р. П. есть единственная партия, правильно защищающая истинные интересы пролетариата.

Далее обсуждался вопрос об образовании профессиональной не политической заводской кассы борьбы; вопрос в принципе был решен в положительном смысле; был прочитан примерный устав кассы, собрание постановило в течение ближайших дней детально с ним познакомиться и в ближайшем будущем основать кассу; было предложено некоторую часть денег, имеющих поступать в кассу, отчислять на политическую борьбу и передавать ее в распоряжение той политической партии (или тех политических партий), к которой (которым) по своим взглядам примыкают члены кассы, в данном случае в распоряжение Р. С.-Д. Р. П. Собрание отнеслось к этому предложению сочувственно. На-днях состоится учредительное собрание членов кассы, которое окончательно решит все вопросы, касающиеся кассы.

Третьим был поставлен вопрос об отпоре черносотенцам в случае попытки устроить погром ночью или на следующий день. Тут же были организованы вооруженные отряды и установлено, на каких улицах и в какое время эти отряды должны дежурить. Чувствовался под'ем духа, чувствовалась готовность бороться за право и правду.

Завод Ф. К. Сан-Галли.

Несколько дней тому назад на чугуно-литейный и механический завод Ф. К. Сан-Галли было принято обратно около 350—400 чел. рабочих, уволенных полтора месяца назад. Рабочие эти уже приступили к работам. Всего же на заводе было более 800 рабочих; таким образом, оказались не принятыми 400 чел. Не принятые же рабочие каждое утро толпились группами у ворот завода, с целью поступить обратно на завод. Между работавшими и не принятыми возникла вражда, в виду того, что первые не сдержали данного обещания и пошли работать на старых условиях. 31 октября, когда рабочие после обеда возвращались на завод, около 2-х часов дня, их встретила на Предтеченской ул. толпа не принятых рабочих. Произошло столкновение. Одной из сторон было произведено в толпу несколько выстрелов, повидимому, в воздух, ибо никто не был ранен. Произошел переполох. Работавшие на заводе бросились на двор завода. Здесь они, вооружившись ломами, молотками и кусками железа, отправились к ожидавшей у колонии другой толпе рабочих и вступили с ними в драку. Во время этой жаркой схватки четыре человека было ранено. Их отправили в городскую Обуховскую больницу. Как говорят, раненые рабочие принадлежали к партии не принятых на завод. После столкновения обе партии разбежались. Одни пошли на завод работать, другие же разошлись по домам.

По словам нескольких рабочих, не принятых на завод, один из администраторов завода сказал как-то рабочим котельной мастерской: „Вы возьмите молотки, они у вас большие, да и вы здоровые, сильные, и придавите их, этих бунтовщиков“. Эти слова относились к рабочим литейной, модельной и механической мастерских, как стоящим во главе движения. Рабочие этих трех мастерских являлись главными инициаторами по выработке требований, пред'явленных заводу.

Вагонная мастерская Николаевской ж. д.

На 30 октября в 6 час. веч. был назначен митинг в вагонной мастерской Николаевской ж. д., о чем и напечатано об'явление в газетах („Русск. Газ.“, № 378). Но когда публика подходила к калитке, ведущей в мастерскую (уг. Чубарова пер. и Екатеринославской ул.), то встречала у входа двух жандармов, кото-

рые предупредительно возвещали, что „никакого митинга сегодня не будет". (В глубине двора виднелось еще трое рослых „блюстителей порядка"). А когда суровым стражам указывали напечатанное в газетах об'явление, они презрительно цедили сквозь зубы: „Ну, мало ли чего в газетах пишут!"

Г. министром путей сообщения разослана нижеследующая телеграмма:

„Начальникам и управляющим дорог, исключая Самаро-Златоустовской, Сибирской, Забайкальской, Китайской, Восточной, Уссурийской, Закавказских, Владикавказской и под'ездных путей.

„Государь император 28 сего октября высочайше соизволил на отмену на дорогах Европейской сети, за исключением Самаро-Златоустовской, Владикавказской и Закавказских, применения положения о железнодорожных служащих в военное время во всех частях, касающихся особого порядка ответственности за проступки и преступления, порядка увольнения от должностей и в отпуски, но с сохранением всех прав, предоставленных означенным положением командированным служащим и их семействам" (СПА).

Иностранный отдел.

„National Zeitung" передает слух, что между Петербургом и Берлином состоялось соглашение, по которому в „нужную минуту" пять германских корпусов будут отправлены через русскую границу в пределы Царства Польского.

Нам телеграфируют из Лондона: „Сегодня здешние газеты публикуют нелепую ложь о призывах к избиению евреев, якобы появляющихся в газете «Новая Жизнь» от имени Максима Горького".

Нам неизвестно, каковы источники этой действительно нелепой лжи, — безграмотность корреспондента или сознательная клевета наших врагов. В России, конечно, такого рода известие не произведет никакого впечатления — наша точка зрения слишком очевидна, но и английские газеты могли бы знать, что у нас, социал-демократов, нет более ненавистных врагов, чем наемники и добровольцы самодержавного режима, которые в борьбе с революционным движением не остановились перед варварскими злодеяниями недавних погромов и избиений.

Польша и Литва.

Военное положение в Царстве Польском.

Рескриптом, данным 28 октября на имя правительствующего сената, вся Польша об'явлена на военном положении. Правительство, не довольствуясь, повидимому, теми преследованиями и многочисленными жертвами последних дней, теми ужасами ежедневных арестов и постоянного расстреливания мирных жителей городов и деревень, которым подвергает их местная администрация, громогласно заявляет, что оно „военной силой подавит всеобщую политическую забастовку страны", что „ни одно из благ, вытекающих из высочайшего манифеста 17 октября, не сделается достоянием края", что оно попрежнему заставит молчать поляков, великодушно разрешая им питать в глубине души розовую надежду на то, что правительство, быть может, бросит несколько мелких реформ. „Правительство не даст автономии, не даст никаких реформ, связанных с автономией, которых вы добиваетесь; оно из-под палки не даст ничего, можете рассчитывать лишь на институции земского характера — это я вам могу пообещать, а больше ничего", сказал гр. Витте в субботу, 29 октября, польской депутации адвокатов, прибывших специально в Петербург. Гр. Витте очень недружелюбно обошелся с депутацией, он не дал ей возможности говорить о тех ужасах и насилиях, совершающихся теперь в сплошь наэлектризованной стране, предоставив им лишь пять минут времени. Неудивительно! Военное положение было подписано уже в пятницу, 28 октября решено подавить забастовку пулями и штыками.

Вернуть полякам местную автономию не значит расчленить Россию, кромсать ее на части. Опыт других стран (Америка, Швейцария) красноречиво доказал, что автономия сильнее спаивает отдельные части государства. Союз свободных народов — польского и русского, а этого и добивается польский рабочий класс, обеспечит лишь правильное культурное развитие их.

Двадцать дней уже продолжается в Польше всеобщая политическая забастовка — приостановилась торговля, промышленность, движение, словом, все; двадцать дней почти весь народ, во главе с рабочим классом, мирно на всех многочисленных митингах, процессиях и собраниях единогласно требует полной местной автономии Польши и всеобщего избирательного права, того естественного права на культурное и национальное самоопределение — права самим заботиться о местных нуждах и стремлениях. Право это имел народ, пользовался им в 1815 году, но потом оно дерзко и жестоко было отнято, и тысячи жертв, защищая это право, нашли верную смерть на виселице, в тюрьмах и рудниках Сибири.

Двадцать дней рабочий класс упорно требует удовлетворения своих минимальных политических требований. Он страдает и голодает от недостатка провизии и топлива; в Сосновицком округе наблюдается уже голод, в Варшаве и Лодзи чувствуется недостаток топлива. В то время, когда рабочий класс напрягает свои силы, правительство дает полномочия варшавскому генерал-губернатору Скалону, этому варшавскому Трепову, подавить движение, и он модифицирует приказ „патронов не жалеть" словами: „Не достаточно сдерживать толпу, а надо самыми энергичными мерами искоренить, убить этот опасный зародыш". Это творится в „свободной" России, на самой ее культурной окраине.

Опять польется невинная кровь польских рабочих, опять насилие и произвол, поборов все человеческие и гражданские права, выступят на сцену, и, быть может, правительство, ценой ужасов и страданий, достигнет цели — временного спокойствия; но это спокойствие, эта внешняя тишина явится предвестником сильной бури.

В Варшаве с целью дискредитирования рабочих полиция прилагает все усилия, чтобы вызвать еврейский погром; при том она сама, в лице переодетых и замаскированных городовых, организует банды хулиганов. 24 октября рабочими было поймано несколько таких суб'ектов; рабочие, не стесняясь, убивают всех провокаторов; 27 октября было убито и ранено около десяти человек.

В Шавлях, Ковенской губернии, попечителем Виленского учебного округа уволено 400 учеников и учениц за участие их в митингах и собраниях последнего времени. Родители уволенных ходатайствовали перед министром народного просвещения; последний обещал принять их обратно, хотя с некоторыми исключениями.

В Поневеже, Ковенской губернии, за последнее время происходят частые манифестации политического характера; в этих манифестациях принимают участие главным образом ремесленные рабочие, а также и крестьяне соседних деревень.

В Варшаве произошло совещание Польской Партии Социалистической (P.P.S.), Польской Социал-Демократической и Еврейской Социал-Демократической Партии в Польше, Литве и России (Bund), на котором единогласно выставлено требование полной местной автономии Польши и всеобщего избирательного права; решено также продолжать всеобщую политическую забастовку.

Обращение союза польской радикальной молодежи к русскому народу в ответ на действия правительства от 28 октября 1905 г.:

„Об'явить на военном положении все 10 губерний Привислинского края" — вот первое проявление деятельности правительства „свободной" России, вот та искренность, с которой правительство графа Витте и комп. отвечает на требования и стремления многих миллионов „русских подданных".

Вихрь революции стихает, и русское правительство начинает сводить счеты с „крамольными идеями", с „дерзновенными по-

пытками, нарушающими цельность и единство Империи", пуская в ход испытанное средство divide et impera.

После столь блистательно удавшихся „еврейских" погромов, пронесшихся по России, теперь приготовляется „кровавая баня" и для Царства Польского. Польский народ весь без различия партий, классов и сословий, как это признает и „манифест к полякам" гр. Витте, весь высказался за требование полной автономии с особым сеймом.

Передовая часть русского народа, та часть, которая своей кровью, долгой борьбой с самодержавием одержала победу, она признала права польского народа на автономную свободу. Не обращая внимания даже на это, правительство, которое появилось на свет божий из крови народной, полякам напоминает лишь кровавые уроки прошлого. Но это — уроки и для русского народа, который уже раз в 63 году был обманут Катковскими рептилиями, и сам свою свободу утопил в польской крови.

Так пусть же история не повторится, и русский народ по достоинству пусть заклеймит презрением жалкие попытки к насилию над польским народом разлагающегося самодержавия и искренно присоединится к девизу — за вашу и нашу свободу.

Союз польской радикальной молодежи.

Областной отдел.

Киев.

(Корр. „Новой Жизни".)

Приехали Гейден с секретарем для производства ревизии по поводу последнего погрома. Им удалось докопаться до черносотенного организационного комитета. Во главе его стоят П—о, К—с и С—о.

Удалось захватить многочисленные документы, из которых видно, что сначала должен быть еврейский погром, а потом избиение всех поднадзорных. Для этого взяты будто бы списки из охранного отделения.

Ревель.

(Корр. „Новой Жизни".)

Волна всеобщей политической забастовки захватила и ревельский пролетариат. 9—10 октября все крупные фабрики и заводы, насчитывающие вместе до 15 — 20 тысяч рабочих, приостановили работу. Забастовка сопровождалась митингами, демонстрациями и отдельными столкновениями с войсками. 12 октября было разобрано все оружие в местных оружейных складах. Одновременно с этим начались и грабежи, разгромили и разграбили некоторые мануфактурные лавки, булочные, кондитерские и др. Был подожжен немецкий театр, сгоревший весь до основания, были выбиты стекла в „Балтийском банке" и некоторых других конторах и магазинах. Власти при этом совершенно бездействовали. Губернатор Лопухин, на все требования местной буржуазии о помощи, отвечал, что он бессилен против беспорядков, так как войска у него мало, а вследствие остановки железнодорожного движения, подкрепления ждать неоткуда. Тогда городская дума решила передать охрану города в руки рабочих. Последние приняли предложение думы на условиях освобождения политических заключенных и удаления с улиц солдатских патрулей, которые, впрочем, только и делали, что обыскивали прохожих, отбирали револьверы, а попутно и деньги и ценные вещи.

И дума и губернатор тотчас согласились на указанные условия; но губернатор, по обыкновению, выполнил их только наполовину. 15 октября все политические арестованные были освобождены и представлены гласным думы, г. Д., собранию рабочих в местном клубе „Эстония", но патрули не были убраны, и хотя ночь с 15 на 16 в общем прошла спокойно под охраной рабочих, однако, стража последних местами подвергалась избиению со стороны солдат.

Утром 16 октября состоялся митинг, на котором присутствовало от 8 до 10 тысяч рабочих. Руководила местная с.-д. организация. Перед закрытием собрания было об'явлено, что, принимая на себя охрану порядка в городе от хулиганов, рабочие тем самым нравственно обязываются не подавать ни малейшего повода к столкновениям с войсками; всякий, кто осмелится стрелять на улице, заранее об'является провокатором. Это заявление было встречено единодушными аплодисментами. Но это не помешало отряду драгун без всякого повода напасть на группу рабочих, возвращавшихся с митинга. В это время на рынке собралась толпа в $1^1/_2$ тысячи человек, преимущественно рабочих, остановившихся послушать своих делегатов, которые должны были передать собранию результаты своих переговоров с думой. Появились и ораторы. Вдруг произошло нечто, повергшее в ужас и оцепенение всех собравшихся на этом месте. Усиленный патруль солдат человек в 100 — 120, под командой офицера, охранявший здание окружного суда, без всякого повода направился беглым маршем на толпу, выстроился полукругом на расстоянии 30 шагов от собравшихся и без всякого предупреждения открыл убийственный огонь пачками прямо в толпу. Раздались один за другими 5 залпов, и 300 человек легли на месте, остальные в паническом ужасе бросились бежать.

Число убитых свыше 100, раненых — вдвое больше. В первые минуты опасно было подавать помощь раненым, так как солдаты и после этих залпов продолжали нападать на толпу и стрелять в отдельных лиц, затем штыками и прикладами они приканчивали раненых, грабили убитых и не давали никому приблизиться к месту побоища. Так, один дворник, успевший положить раненого на извозчика, был после этого тут же убит; с одной убитой (Гольдман) были сняты кольца и т. д. Поэтому можно с положительностью сказать, что многие раненые истекли кровью раньше, чем им успели подать первую помощь. Через час — 1½ площадь рынка представляла собою поле, усеянное трупами, плававшими в лужах крови. Никто до сих пор не понимает, чем было вызвано это неслыханное преступление. Губернатор валит на пьяного офицера, пьяный офицер на губернатора, а все вместе на несчастный телефон, которым будто бы воспользовался какой-то злой шутник, чтобы потешиться. Тем не менее, на другой день губернатор издал лживое и клеветническое об'явление, в котором событие 16 октября было искажено до неузнаваемости, и в котором оправдывалось поведение войск, а мирный обыватель призывался к порядку под угрозой повторения подобных катастроф. И это было накануне свободы собраний. Гробовым молчанием встретил город манифест о „свободах".

20 октября состоялись похороны 50 убитых. Весь город облекся в траур. Вся будничная жизнь замерла, все высыпали на улицу, направлялись к месту катастрофы.

50 гробов, утопавших в венках с различными надписями („жертвам произвола", „борцам за свободу" и т. д.), были собраны на этом месте из разных больниц, и отсюда кортеж в 30.000 человек направился в полном порядке, охраняемом рабочими, к кладбищу, специально отведенному для погибших 16 октября за 7 верст от города. По всем улицам развевались черные флаги, фонарные столбы были обвиты перемежающейся белой и черной материей.

На кладбище социал-демократическими ораторами были произнесены соответствующие речи. Вечером того же дня на первом „свободном" народном митинге социал-демократические ораторы, при полном сочувствии аудитории, подвергли резкой критике двусмысленное поведение городской думы. Обсуждался вопрос о поведении думы, смешивавшей в своем „постановлении" по поводу убийств 16 октября рабочих с громилами, решившей передать дело 16 октября прокурорскому надзору и крайне слабо реагировавшей вообще на преступное поведение администрации. 21 октября, в 1 ч. дня, несмотря на будничное время, клуб „Эстония" был битком набит народом.

Все резолюции социал-демократов были приняты при шумных рукоплесканиях. Вот эти резолюции: а) местного характера: 1) отставка думы и назначение новых выборов в городские гласные на началах всеобщего, равного, прямого избирательного права с тайной подачей голосов; 2) предание виновников убийств 16 октября народному суду, выбранному на тех же основаниях; 3) удаление войска из города; 4) распущение существующей полиции и замена ее новой, организованной новой городской думой и ей подчиненной; 5) широкая помощь рабочему классу в его политической и экономической борьбе; б) общего характера: 1) созыв Государственной Думы на упомянутых выше началах и превращение Государственной Думы в Учредительное Собрание для водворения в России демократической республики; 2) распущение войска и замена его народной милицией; 3) 8-часовой рабочий день. Была также принята резолюция, внесенная одним либералом, — об уравнении евреев в правах с населением других национальностей. Резолюция о предании дела 16 октября сенаторской ревизии, предложенная другим либералом, была отвергнута. Митинг продолжался и после резолюций, при чем снова говорили исключительно ораторы социал-демократы, каждый раз вознаграждаемые шумным одобрением публики.

С 22 до 25 происходили непрерывные митинги на заводах „Двигатель", „Вольта", „Ревельск. металлич.", продолжавших всеобщую забастовку. Непосредственные сведения из Петербурга запоздали на несколько дней, вследствие перерыва железнодорожного сообщения, и истинное положение дела стало в точности известно „Ревельскому комитету" только 25 октября вечером. 24-го же утром, по постановлению „Комитета", сделанному накануне, были закрыты все учебные заведения (женская гимназия, 2 мужских гимназии, реальное училище и все городские училища), типографии, газеты и некоторые более мелкие фабричные предприятия (лесопильные заводы Ротермана, Макарова и некоторых др.). Лишь после того, как на другой день, 26 октября, „Комитет" на общей сходке рабочих некоторых крупных заводов об'явил о своем решении прекратить забастовку, — работы повсюду возобновились, и жизнь вошла в свою колею.

Митинги 22—25 октября были, между прочим, посвящены и вопросу о погромах. Дело в том, что под влиянием погромов, происходивших в эти дни по всей России, и также юдофобской агитации местного органа немецкой аристократии „Revalische Zeitung", призывавшей громы и молнии на головы евреев социал-демократов, по городу стали носиться слухи о предстоящем погроме евреев и в Ревеле; еврейское население города, насчитывающее всего несколько сот семейств, не без основания дрожало за свою жизнь; многие выехали из города.

В такую минуту наши либералы не нашли ничего лучшего, как предложить социал-демократам понизить тон своих речей и обратиться с соответствующим воззванием к рабочим. Но от организации самообороны они великодушно отказались, а на одном митинге, созванном ими 27 октября исключительно для понимающих по-эстонски, они даже отказались поднять вопрос о погромах, так как это, дескать, „нетактично" и может как раз разжечь национальные страсти вместо того, чтобы просветить самосознание народа. Мы им, разумеется, ответили, что не намерены в своей тактике пользоваться советами людей, прячущих свои головы во время грозы и вновь высовывающих их в ясную погоду, выставляли на их же митинге ораторов, раз'яснявших собранию истинное значение хулиганства и погромов в настоящее время, говорили на эту тему на заводских митингах и везде встречали дружное одобрение и несмолкаемые рукоплескания. На одном собрании — на „Ревельск. металл. зав." — после речей наших ораторов раздался даже дружный крик: „elagu iudit" (да здравствуют евреи). Не ограничиваясь этим, „Комитет" приступил к практическим мерам защиты еврейского населения. Но, повидимому, черная сотня сама почувствовала беспочвенность своей затеи в Ревеле и решила бить отбой до сражения с организованным ревельским пролетариатом. До сих пор, по крайней мере, страхи оказались напрасными, и погрома в Ревеле не было.

Р. К.

Вятка. Рабочими Вятских железнодорожных мастерских недавно принята следующая резолюция:

„Мы, сознательные рабочие Вятских железнодорожных мастерских, на предложение начальника Пермской железной дороги продолжить отчисление вместо Красного Креста, — в виду окончания войны — на устройство школы и пансиона, отвечаем следующее:

„В этом предложении мы видим наглость правительства, которое, вместо того, чтобы дать полный отчет в расходовании тех трудовых грошей, которые жертвовали мы отнюдь не добровольно во время войны, старается возложить на нас новую повинность в виде устройства пансиона для детей железнодорожных служащих и школ, для детей рабочих на том, дескать, основании, что мы привыкли сокращать свои потребности.

„Мы, рабочие, отнюдь не враги народного просвещения, но мы также и не сторонники существующей школьной системы, убивающей всякие проблески разумной мысли, пробуждающейся в головах детей.

„В этих школах, вместо разумного воспитания, господствует поповское мракобесие, соединенное с бюрократически-полицейским попечением правительства.

„В возмутительном предложении г. холопа самодержавной власти мы видим призыв правительства итти с ним под руку в борьбе против наших сознательных братьев - рабочих, которые готовятся свергнуть господство произвола и насилия и водворить на его место самодержавие народа.

„Жертвуя на такие школы, мы этим способствовали бы тому, чтобы наши дети привыкли с малых лет ко всякому гнету, как политическому, так и экономическому, чтобы, выросши, они

сделались покорными слугами правительства и капиталистов, утешаясь лишь несбыточной мечтой о будущем блаженстве в царстве небесном.

„Вот почему мы отвергаем предложение начальника дороги: мы не хотим сделаться помощниками правительства, которое, позорно кончивши войну, собирается всеми своими темными силами обрушиться на пролетариат, задавить в последнем его проснувшийся „мятежный“ дух, а нас приглашает помочь ему воспитать наших детей в духе тупого покорства предержащим властям.

„Мы, солидарные с нашими передовыми товарищами-рабочими, решительно протестуем против подобных затей“.

Кременчуг.

(Корр. „Новой Жизни“.)

18 октября с утра распространился по городу слух, что получен манифест о даровании народу всех свобод и что Государственной Думе дано законодательное право. Жители города высыпали на улицу.

Часов с двенадцати войска с музыкой направились к Соборной площади. Туда же двинулся и народ. Явилась и полиция с полицеймейстером во главе.

По прошествии часа офицер, сидя на лошади, громко прочел манифест, встреченный публикой и войсками долго не смолкавшими криками „ура“. Пошли взаимные поздравления. Публика целовалась с войсками, генерал Калитин пожимал всем руки; полицеймейстер Иванов громко сказал: „Я был ваш враг, теперь я ваш друг“. Говорят, что полицеймейстер прибавил при этом: „Теперь можете собираться, я вам мешать не буду“. Публика и ему пожимала руки и долго качала с криками „ура“.

Обратились к генералу Калитину с просьбой освободить политических заключенных. Генерал долго не соглашался, потом обратился к толпе с предложением спеть гимн. Пропели „Боже, царя храни!“ при аккомпанименте военного оркестра, и генерал, обратившись к полицеймейстеру, сказал: „освободите!“ Опять крики „ура“, и толпа направилась к тюремному замку. За ней последовала сотня казаков Волжского полка. Там толпа простояла в ожидании довольно долго, мирно беседуя с казаками и угощая их папиросами. Наконец, казак под‘ехал к начальнику сотни и что-то ему шепнул. Начальник сотни обратился сейчас же к толпе с криком: „Прошу разойтись, а то шерсть полетит! Полусотня направо, полусотня налево, марш!“ Моментально казаки, разделившись на две части, бросились на толпу, *избивая нагайками и топча лошадьми.* Толпа в ужасе бросилась в боковые улицы, где долго казаки преследовали их и избивали. Так закончился акт первый. Часа в четыре был митинг в большой синагоге. Народу собралось немного. Было произнесено несколько речей, после которых благополучно разошлись.

В городе появились казачьи раз‘езды. Часов в шесть вечера по Екатерининской улице прошла с пением небольшая толпа со знаменем Кременчугской Организации Бунда. Около здания думы казачий раз‘езд пытался рассеять бундовцев, но один из казаков был сшиблен с лошади, которая убежала. Казаки уехали. Разошлась также и толпа.

В восемь часов вечера начался митинг в Народной аудитории, куда собралось более тысячи человек, среди которых было много и детей. Полиция отсутствовала, не было и войска.

Когда я проходил по улице около 10 часов вечера, меня остановил стоявший на углу извозчик со следующими словами: „Хорошо, что вы не в аудитории. Около думы раньше сбили с лошади казака, и теперь казаки собираются отомстить“. Я не придал этому никакого значения. Говорят, что около этого же времени мимо аудитории проезжал полицеймейстер, который, заметив стоявшую тут кучку людей, сказал: „Отчего вы не в аудитории? Теперь можно“.

Около 11-ти часов, когда читалась уже резолюция (к слову, очень умеренная), и часть публики начала расходиться, в аудиторию вошли полицеймейстер, жандармский ротмистр Якобсен и несколько полицейских. Толпа, возбужденная провокацией у тюремного замка, закричала: „Вон полицию!“ В этот момент в зал ворвалась полусотня казаков. Убегавших из аудитории избивали нагайками и шашками на улице казаки, окружившие аудиторию со всех сторон. Наконец, полицеймейстер и жандармский ротмистр уехали, и пристава заявили оставшейся публике, что они могут выходить, так как больше бить не будут. Публика разошлась, за исключением врачей, которые остались перевязывать раненых. В аудитории остались один убитый и около десяти получивших тяжелые огнестрельные раны. Раненые шашками и легко раненые пулями поспешили уйти, и число их неизвестно. Так закончился 2-й акт, и начались приготовления к акту 3-му.

19-го утром стало известно, что полиция и казаки усердно распускают слухи, что в аудитории, во время митинга, евреями был публично изрезан портрет государя, и что в этот день ждут еврейского погрома. На самом деле портрет был еще до начала митинга вынесен в безопасное место, где и оставался все время.

Наступила зловещая тишина. Еврейская депутация с раввином во главе отправилась к начальнику местного гарнизона, *казачьему генералу Калитину, просить защиты на случай* возникновения беспорядков. Генерал заявил, что он не может поручиться за казаков, так как они сильно озлоблены вчерашним „нападением“ евреев на казака, прибавив, что, если евреи и сегодня появятся толпой на улице, то он их загоняет в Днепр, будь их хоть тысяча человек. Пошли к полицеймейстеру. Тот подтвердил только, что действительно народ сильно раздражен против евреев. Пошли к городскому голове, который обещал созвать экстренное заседание думы для обсуждения настоящего положения. Часов в 12 прибавился слух, что из винной лавки Мищенко раздают хулиганам даром водку. На улице появилось много пьяных. В 3 часа на Екатерининской улице, по направлению к собору, прошлась патриотическая демонстрация. Портрет государя нес сын полицеймейстера. За ним человек 20 темных личностей и столько же мальчишек и подростков. Шествие заключали полицеймейстер Иванов, его помощник Пышнов, пристав Трусевич и другие чины полиции. Встречавшихся по дороге евреев тут же избивали, чего не мог не видеть полицеймейстер. От Соборной площади процессия, уже значительно увеличенная, последовала обратно к думе, возле которой был пропет народный гимн, а затем полицеймейстер зашел в думу, где в это время происходило совещание гласных, а толпа с портретом начала громить ближайшие еврейские лавки в присутствии полиции и находившихся около думы войск. Часов в 6 небольшая толпа, разгромив в присутствии полиции и войска оружейный магазин Клейфа, возобновила погром лавок, продолжавшийся всю ночь до рассвета. 20-го числа, когда все сразу затихло, утром к городу стали подходить крестьяне из ближайших волостей, рассказывавшие, что ночью приезжали в деревни казаки и звали итти в Кременчуг, где разрешено три дня грабить евреев, а пришедшая с базара прислуга заявила, что по случаю праздника погром отложен до окончания богослужения, что действительно и подтвердилось. По окончании службы толпа с военной музыкой и портретом государя прошлась с полицией во главе по улицам и вновь приступила к погромам. В этот день, кроме магазинов, было разгромлено также много еврейских квартир.

Часть толпы направилась, между прочим, в посад Крюков, находящийся по другую сторону Днепра. Говорят, что офицер, охранявший с ротою мост, не хотел пропустить толпу в Крюков; тогда явился помощник полицеймейстера Пышнов и потребовал от офицера, чтобы толпу пропустили. Пышнов пошел вместе с толпою и, пока громили Крюковский базар, спокойно закусывал в находящейся тут же лавке Гончарова. В Крюкове разграблены все лавки и все еврейские квартиры, из которых уцелели только две.

И здесь полиция совершенно бездействовала, а войска даже помогали громилам. Так, ворота у дома Залкинда оказались слишком крепкими, и толпа не могла с ними справиться; тогда под‘ехал казак, встал на лошадь, перелез через забор во двор и открыл ворота. Когда замки на лавках не поддавались, солдаты снимали штыки с ружей и передавали громилам, как орудие взлома. Хотя распоряжение об об‘явлении Кременчуга на военном положении получено было в 7 час. вечера 20-го, тем не менее погром в Крюкове и за насыпью продолжался всю ночь и прекратился только 21-го с рассветом, когда были расклеены об‘явления, что город об‘явлен на военном положении. Моментально прекратился погром без всяких репрессий со стороны войск или полиции. Ясно, что при желании погром мог быть прекращен в любое время, не прибегая к оружию, и курьезное впечатление производит то, что с 21-го числа поставлены около думы 4 пушки.

Временным военным губернатором назначен генерал Калитин, грозивший загнать евреев в Днепр. Меры к розыску раз-

грабленного имущества почти не принимаются. Очень много из награбленного было отвезено в казармы, особенно в казачьи, но никто не решается сказать об этом грозному генерал-губернатору. Зато очень деятельно принялись за преследование крамолы. Арестованы председатель митинга и многие из присутствовавших на митинге. Говорят, что г. Шарый и один студент будут преданы военному суду. Генерал Калитин раз'езжает по городу, окруженный казаками, у которых дула от ружей направлены на прохожих. Приходящих по делу к генералу тоже окружают казаки и направляют на них дула во все время аудиенции.

Принялась за искоренение крамолы и кременчугская уездная земская управа, которая в совещании от 24-го октября постановила предложить участковым врачам Н. С. Гуревич и Н. М. Шохиной подать в отставку, в виду того, что они, „как принадлежащие, по мнению населения, к иудейскому вероисповеданию, не могут при настоящих условиях продолжать свою дальнейшую полезную деятельность".

Урал.

(Корр. „Новой Жизни".)

Отношение уральских горнозаводских рабочих к Государственной Думе. Всюду идет усиленная критическая работа. Злободневная тема — вопрос о Государственной Думе. Пролетариат, ясно понимая все значение этого фиктивного учреждения, твердо становится на почву решительной активной борьбы. Организованные рабочие горнозаводского района на Урале, на последнем своем собрании, по вопросу о Государственной Думе, пришли к такому практическому выводу:

„Дело социал-демократии — всеми силами бороться против собрания Государственной Думы и употреблять всю энергию на подготовку вооруженного восстания, которое, приведя к образованию Временного Правительства, вызовет к жизни Учредительное Собрание на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права, с тайной подачей голосов".

Поневеж.

(Корр. „Новой Жизни".)

Забастовало местное реальное училище; причина — отказ директора Лебедева исполнить требование воспитанников об обратном приеме в училище одного из товарищей, ученика III класса Волка, выпущенного по амнистии из местной тюрьмы. Г. Лебедев — ревностный последователь достославной политики бывшего инспектора училища, г. Юденича, получившего весною пощечину за доблестные похождения черносотенного характера.

Редактор-издатель *Н. М. Минский.*
Издательница *М. Ф. Андреева.*

ГОД ПЕРВЫЙ. С.-ПЕТЕРБУРГ.
№ 6
СРЕДА, 2 НОЯБРЯ
(15 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

Комиссия по амнистии, избранная Союзом союзов и Обществом помощи политическим ссыльным и заключенным, считает долгом своим обратить внимание русского общества на безвыходно-тяжелое положение наших политических эмигрантов. Разбросанные по разным городам Западной Европы и Америки, многие без знания языков, они были лишены возможности выдерживать конкуренцию местных обывателей, почему в подавляющем большинстве случаев и раньше испытывали крайнюю нужду. Теперь положение их ухудшилось: распались многие организации, где они имели кое-какой заработок, закрылись некоторые учреждения. Поспешили вернуться на родину, пользуясь указом об амнистии, те из товарищей, которые имели на это средства. Легко понять отчаяние оставшихся на чужбине с сознанием, что отсутствие каких-либо средств обрекает их на долгое пребывание вне родины, и только оно воспрепятствует вернуться к близким, к родным, к своему народу. Их сотни. Помощь нужна значительная и безотлагательная. Деньги принимаются в комиссии по адресу: Спб., Сергиевская ул., д. 13. Помещение совета присяжных поверенных.

Вследствие непредвиденного тиража и в виду отсутствия запасов соответствующего качества бумаги в Петербурге, газету приходится временно печатать на менее плотной бумаге, в чем контора „Новой Жизни“ извиняется перед подписчиками.

С.-Петербург.

2-го ноября.

Россия и Польша.

Делу освобождения России грозит новая опасность. Вся Польша об'явлена на военном положении, и эту свирепую меру правительство оправдывает тем, что поляки якобы стремятся к отделению от России.

Это, прежде всего, фактически неверно. С самого начала русско-японской войны в Польше усилилось революционное движение, как и во всей, впрочем, России. Вопрос об организации народного восстания для восстановления самостоятельной Польской республики был тогда поднят и решен отрицательно всеми польскими партиями, не исключая и националистской Польской Социалистической Партии (Polska Partja Socialistyczna), в программе которой есть требование независимости Польши. С тех пор отношение к этому вопросу не изменилось.

Ни одна польская партия не ставит теперь своей ближайшей задачей отделение Польши от России. Поляки добиваются только автономии, т. е. права иметь свой сейм, издающий местные законы и ведающий местные дела, свой суд, свои школы и, конечно, право иметь свой язык. При этом, разумеется, поляки не отказываются ни от участия во всероссийском парламенте ни от подчинения всероссийской конституции.

Политическая забастовка, которую польский пролетариат выдерживает уже три недели, и те народные демонстрации, на которые указывает правительственное сообщение о введении военного положения в Польше, служат средством добиться именно автономии. Движение носит, по существу, мирный характер. И если бывают столкновения демонстрантов с полицией и войсками, и проливается кровь, то нападающей стороной являются именно полиция и войска, а не революционеры. Признаков вооруженного восстания с целью отделиться от России до сих пор в Польше не было.

Ясно, что от автономии, которой требует польский народ, до государственной независимости Польши—„дистанция огромного размера“. И правительство понимает это, конечно, не хуже нас. В чем же, в таком случае, дело? Зачем понадобилось обрушить гнет и ужасы военного положения на целый культурный край?

В самом правительственном сообщении есть намек, указывающий, где надо искать ответ на поставленный выше вопрос. Вспоминаются шестидесятые годы. Польское восстание 1863 г. послужило могильным камнем для освободительного движения тогда еще юношески-неопытного в политике русского народа. Поднялась волна „патриотизма“, вынесла на поверхность политической жизни Каткова с его „Московскими Ведомостями“ и захлестнула немногочисленных еще тогда борцов за свободу. Началась реакция, упорная и кровопролитная борьба с которой продолжалась до наших дней.

Уже не хочет ли правительство повторить „урок истории“? Не даром наша нейтральная пресса и наши „патриоты“ всех оттенков, начиная с „гражданина“ Мещерского и кончая членами „партии правового порядка“,

так ополчились против постановления земского с'езда об автономии Польши и так завопили о целости и неделимости России, хотя делить ее никто не покушался. Как знать, не ответит ли польский народ на введение военного положения вооруженным восстанием? И тогда черносотенный „патриотизм", усиленный „патриотизмом" бессознательной и легковерной части народа, уверовавшей в „польскую измену", может подавить молодую русскую свободу. За Катковыми же наших дней остановки не будет!

Вот возможные результаты введения военного положения в Польше. Вот в чем опасность этой правительственной „меры" не только для Польши, но и для всей России, для свободы всего русского народа.

Но, сознавая новую опасность для дела русской свободы, не будем ее преувеличивать. Правительство, делая новый ход, не предусмотрело сущего пустяка. Оно упустило из виду, что Россия и Польша шестидесятых годов и нашего времени коренным образом различаются между собой. Образовались новые общественные классы, поставлены новые общественные задачи. И, что всего важнее, народилась новая великая сила, ведущая человечество к свободе и братству,—пролетариат.

Польский и русский рабочие классы—родные братья одной великой международной семьи пролетариата. У них одно сознание, одни цели, общие ближайшие задачи и одни способы борьбы с общим врагом.

Социал-демократия, руководящая борьбой пролетариата, по своим принципам стоит за централизм и против федерализма. Образование немногих крупных государств на место многих мелких, разобщенных между собой политическими и таможенными рогатками, способствовало той миссии капитализма по об'единению (концентрации) и обобществлению производства, которая подготовляет победу социализма; способствовало также образованию могучих и обширных армий организованного пролетариата вместо отдельных мелких отрядов, могущих вести только партизанскую борьбу с капитализмом и деспотизмом. Поэтому было бы реакционной политикой стремиться к восстановлению старых дробных и отчасти уже стершихся национальных границ.

Но социал-демократия в то же время всеми силами протестует против всякого национального гнета, против всякого подавления ярмом централизованного государства стремлений к национальному самоопределению. Поэтому в свою программу - minimum Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия внесла требование „права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства" (п. 9-й), помимо требований „областного самоуправления для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения" (п. 3-й), „права населения получать образование на родном языке...; права каждого гражданина об'ясняться на родном языке на собраниях; введения родного языка наравне с государственным во всех местных, общественных и государственных учреждениях" (п. 8-й).

На введение военного положения в Польше русский пролетариат должен ответить ускоренной и энергичной мобилизацией своих сил под знаменем социал-демократии для защиты завоеванной уже свободы и для дальнейших ее завоеваний, а также для поддержки польских братьев. Свобода — в опасности, товарищи!

Три сатрапии.

„На обязанность правительства возлагаем мы выполнение нашей воли: даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов".

Так говорил манифест.

„Командируемые по высочайшему повелению в Саратовскую, Черниговскую и Тамбовскую губернии генерал-ад'ютанты имеют право устранять от занятий всех служащих, подвергать личному задержанию всех лиц, признаваемых ими опасными для общественного порядка, закрывать промышленные заведения, приостанавливать издание газет, журналов, об'явлений, брошюр и т. п., издавать обязательные постановления".

Так говорит инструкция управляющего министерством внутренних дел.

Непреклонная воля—преклонилась в две недели. Наряду с об'явлением Польши на военном положении, три губернии превращаются в сатрапии. Реакция надвигается. Ни одна из дарованных свобод не вошла в жизнь.

О причинах перемены курса можно догадаться, приглядевшись к самому манифесту. Он начинается словами: „Смуты и волнения великой и тяжкой скорбью преисполняют сердце наше..." Смуты и волнения—т. е. всеобщая забастовка и революционное движение—привели к манифесту, завоевали политические права. Теперь забастовка кончилась, смуты и волнения перестали тревожить сердца, теперь можно воспользоваться временным затишьем рабочего движения и начать успокаивать не обещаниями гражданской свободы, а старыми испытанными средствами—азиатски бесцеремонными и бесконтрольными административными мерами.

Командировка генерал-ад'ютантов вызвана, разумеется, ожиданием „беспорядков" в трех губерниях, в частности—крестьянским движением. Казалось бы, нет более простого средства разрешить сложные аграрные недоразумения, как предоставить голодающему населению на основании незыблемых основ гражданской свободы на свободных собраниях, путем организации свободных выборных крестьянских комитетов, выяснить свои ближайшие нужды и меры к их удовлетворению. Но нет, хотя крестьяне и принадлежат к числу „мирных людей, стремящихся к спокойному выполнению своего долга", для которых и предназначены „свободы", возвещенные манифестом,—им давать свободу не на бумаге, а в действительности—опасно. Они прежде всего, разумеется, займутся решением земельного вопроса, а решение это может, преисполнив скорбью сердца привилегированных землевладельцев, облегчить в то же время их карман. Поэтому правительство, уклоняясь от выполнения непреклонной воли манифеста, предпочло испытать сначала старые средства, пользуясь кажущейся тишиной.

Очень возможно, что „инструкция"—только один из первых шагов в сторону реакции, что за ней последуют новые меры обуздания. На это намекало уже правительственное сообщение, об этом достаточно ясно говорил граф Витте польским делегатам.

Для социал-демократии и передового пролетариата нет неожиданности в том, что правительство стремится

занять прежние позиции. „Борьба продолжается“—таков был лозунг социал-демократии в ответ на манифест. После победоносной стачки пролетариат необходимо должен оправиться, должен восстановить свои силы, должен использовать плоды своего успеха. И он их использует. Правительство стремится вернуться к старым средствам борьбы, но оружие его притупилось и местами заржавело, прежней силы у него уже нет. Между тем пролетариат успел укрепиться. Стачка усилила и расширила организации; манифестации десятков тысяч рабочих подняли боевое настроение, увеличили солидарность; организованные администрацией черные сотни уже не в силах будут захватить пролетариат врасплох; необходимость вооружения сознана всеми, и организация боевых дружин быстрыми шагами идет вперед.

При новом своем выступлении пролетариат окажется гораздо сильнее прежнего и, как бы далеко назад ни ушло правительство, и сколько бы новых сатрапов оно ни разослало по России, рабочий класс завоюет гражданскую свободу и обеспечит ее незыблемой гарантией — народным вооружением.

К. П—ов.

Они становятся решительнее!

„Надо пригласить земско-городской с'езд в Петербург“.
„Русь“, 26 окт. 1905 г.

Гг. земцы всегда славились своей „реальной политикой“. Небезызвестно также, что реальная политика есть не что иное, как вполне реальное стремление весьма реально присвоить себе плоды чужой реальной борьбы и победы.

Весьма нерешительно становящиеся или, вернее, весьма решительно нестановящиеся на точку зрения борьбы, они становятся весьма решительными тогда, когда приходится учитывать ее плоды. И партия действительных борцов, партия революционного пролетариата может только приветствовать ту решительную откровенность, с которой гг. помещики и купцы заявляют о своем стремлении немедленно использовать в интересах буржуазии только что пережитый нами этап революции.

Партия пролетариата, как партия революционной борьбы, всегда указывала на то, что всякая политическая победа закрепляется только и исключительно захватом политической власти и реорганизацией политического аппарата тем классом, который подготовлен к этой роли данным развитием общественных отношений.

Этот необходимый элемент политических взглядов социал-демократии в применении к переживаемой Россией революции был конкретизирован и закреплен в той резолюции 3-го с'езда, *которая указывала, что действительная* и решительная ликвидация старого режима может реализоваться только в виду учреждения нового Временного Правительства. В те времена, когда писалась эта резолюция, это казалось некоторым догматизмом самого скверного, утопически-якобинского оттенка. Но времена меняются... Революция учит, учит даже тех, кто ни в какой связи с ней не стоит. Своими суровыми ударами, своим грандиозным размахом она уже научила гг. земцев и думцев этому методу учитывания борьбы общественных сил.

Революция всегда разочарованиями учит тех, кто ею не очарован. Постоянные разочарования, которые приносила русская революция гг. либералам, сказались, наконец, здоровым скептицизмом, в котором пролетариат увидит и отметит благодетельный результат и подтверждение правильности своей тактики постоянной непримиримости.

Очарованная „весной“ и кн. Святополком, либеральная буржуазия разочаровалась 9 января; вновь очарованная 18 февраля и 6 августа г. Булыгиным, она вновь принуждена была разочароваться в октябрьские дни и, доведенная до отчаяния бесплодностью попыток того и другого, сдавленная между Государственной Думой и всенародным протестом против нее, мечущаяся между трехцветным и красным флагом в паническом ужасе растерявшегося лавочника, она схватилась за идею поставить третьего после Мирского и Булыгина — г. Витте под свой фактический контроль. Временное Правительство, осуществленное союзом „премьера“ и членов земско-городских деятелей,—вот тот исход из революции, за который, как за якорь спасения, схватилась затрепетавшая собственность. Заметьте—не замена правительства Витте, ибо такая замена возможна только при деятельном сотрудничестве революционных масс... Нет! До этого еще не дошли либеральные монархисты. Не замена, нет, но контроль, но союз, но разделение власти, но Временное Правительство умеренно-либерального земца плюс умеренно-реакционный Витте, и скорей, как можно скорей, ибо он боится и красной и черной улицы, ибо прежде всего „надо защищать собственность и порядок от нарушений с чьей бы стороны они ни исходили“, ибо биржевые бюллетени показывают понижение. Земско-городской с'езд — и Временное Правительство! Какой безумный страх за собственность сказался в этом лозунге для земских сфер, какой грандиозный напор пролетарских масс понадобился, чтобы выбить русский либерализм из стези „доверия“ и ходатайств и бросить его на путь контролирующего недоверия.

Он верил Мирскому, ибо не слышал революцию, он шел в Думу к Булыгину, ибо старался ее не слышать, он не верит даже „конституции“, „даже г. Витте“, когда услышал раскаты революционного грома. Тактика пролетариата верна: толкание либерала влево осуществимо только в виде углубления пролетарского движения, только в виде кристализации пролетарской партии.

Доверчивое ходатайство сменено попыткой помощью Временного Правительства реализовать недоверчивый контроль антиреволюционной буржуазии над бюрократическим аппаратом. Это введение в политический обиход идеи Временного Правительства, как единственного средства закрепления побед революции, представляет несомненный громадный шаг вперед в процессе освободительного движения, и Российская С.-Д. Рабочая Партия, с которой неразрывно связана эта идея, может только приветствовать этот процесс конкретизации представления о ходе русской революции, конкретизации, выполненной под ее непосредственным давлением.

Но конкретное представление о ходе русской революции не дает еще ответа на вопрос о конкретном ее

исходе. Появление идеи (хотя и изуродованной применительно к ее носителям) Временного Правительства в политическом кругозоре непролетарских и ненародных партий только обостряет вопрос о его действительном характере. Здесь мы только мельком можем остановиться на характере и задачах Временного Правительства Витте, Струве. Выдвинутое, как попытка реально использовать созданную пролетарской борьбой и кровью дезорганизацию самодержавной монархии, чисто буржуазное Временное Правительство есть вместе с тем попытка обеспечения „порядка“ в рамках узко-классовой конституции. Взятое же со всеми своими аттрибутами — городской милицией и пр., оно явно представляет буржуазную форму контр-революции, которая при своем осуществлении сменит явно-опасную для буржуазии полицейски-погромную ее форму.

В самом деле — каковы задачи этого правительства, как они намечены „Русью“: 1) подавление анархии, 2) осуществление Государственной Думы. Дело ясно: буржуазия находит, что борьба народа с существующим режимом дошла до предела, переход за который грозит осуществить действительное народовластие, и потому стремится фиксировать ее на данной точке. Подавление революционного движения средствами более европейскими, чем разгул черных сотен, хотя и не исключающими расстрела рабочих, и введение куцой конституции — порядок и собственность — иной и не может быть программа того Временного Правительства, которое получает жизнь не от „улицы“, а от согласия торгующегося г. Витте. Молчание „улицы“ при образовании такого Временного Правительства значило бы, что российский пролетариат сыграл еще раз в мировой истории роль илота буржуазного строительства, роль пушечного мяса, роль политического Иванушки-Дурачка, достающего каштаны из огня для враждебной ему силы.

Но поздно! Революционный социал-демократический пролетариат пойдет во главе „улицы“, чтобы свергнуть Временное Правительство либеральных помещиков и фабрикантов. Он будет поддерживать только такое Временное Правительство, которое, созданное на площадях и улицах городов и деревень, поведет его к полному народовластию и созовет не Государственную Думу, а Всероссийское Учредительное Собрание, и под контролем „улицы“, а не охраняемое от улицы „национальной гвардией“ буржуазии.

Гарантировать отвоеванное путем отнятия власти у правительства Витте — это задумано недурно и во всяком случае умнее, чем попытки просветить Витте насчет истинного конституционализма, но задумано без хозяина. Решительность русского либерализма созревает всегда слишком поздно и потому всегда отдает гнилостным запахом. Дальнейшее развитие освободительного движения сделает т а к о е Временное Правительство, этот опыт буржуазно-либерального торможения революции, таким же н е с в о е в р е м е н н ы м, каким оно сделало опыт бюрократически-полицейский, блаженной памяти Булыгинскую Думу. Дело будет сделано, но... mit ein bischen andern Worten.

Юр. Каменев.

Маска сброшена.

Правительство Витте наконец-то заговорило. Заговорило оно не туманными фразами о народной пользе, о будущих свободах, о благе родины, а определенными, не поддающимися никаким кривотолкованиям, действиями. Давно пора. В чем же заключаются эти действия, каково первое „открытое выступление“ первого „конституционного“ министерства?

Оно старо, как стары вообще все приемы нашей бюрократии! „Для восстановления порядка весь Привислинский край временно об‘является на военном положении“ — скромно говорит правительственное сообщение. Еще не высохли чернила, которыми подписывались акты о гражданской свободе, о конституционных гарантиях, как десятимиллионное население отдается во власть военных властей, не раз показавших свои доблести на площадях и улицах всех городов России.

„Конституционное“ министерство Витте оказалось решительнее, чем „самодержавное“ министерство Трепова. Трепов об‘являл на военном положении только отдельные города и губернии, а „либерал“ Витте, призванный к проведению в жизнь царских свобод, без всякого стеснения целых десять губерний за-раз ставит вне даже русских законов, в полное хозяйничание доблестных генералов.

Для революционного пролетариата все это не новость!

Пролетариат всегда хорошо знал цену правительственным обещаниям! Он никогда не сомневался в качестве „даруемых“ реформ! Не раз уже „либеральные“ реформы аккомпанировались ружейными залпами, свистом нагаек, воплями избиваемых и истязуемых граждан. Не первый раз правительство дает доказательство своей „искренности“ и „доброжелательности“! Пусть примут во внимание это новое доказательство „доверия“ к обществу со стороны царских чиновников доверчивые либералы, так часто топчущие с ходатайствами пороги министров.

Революционный пролетариат никогда не сомневался, что „даруемые“ свободы есть новая попытка отвести освободительную борьбу народа от единственного верного — р е в о л ю ц и о н н о г о п у т и — к осуществлению полного народовластия!

Революционный пролетариат всегда предупреждал легковерных граждан от увлечения крохотными завоеваниями, которые никогда не могут быть прочными до полной победы народа, до полного перехода власти к народу!

России обещали право участия граждан в издании законов, обещали прочный правопорядок, а на деле 10 губерний об‘явлены вне закона, отданы в полное распоряжение военного диктатора.

Еще вчера России обещали свободу союзов и собраний, а сегодня граждане десяти губерний лишены не только права собираться, но и права передвижения по улицам городов без разрешения военных властей.

России торжественно обещали неприкосновенность личности — на деле это воплотилось в свободное разгуливание казацкой плети по спинам граждан, в полное господство военных судов, вешающих граждан в 24 часа, в провокаторские убийства переодетыми чинами полиции нежелательных правительству лиц и т. д. и т. д.

Таковы обещанные реформы! Таково первое выступление нового „конституционного“ министерства!

Маска сброшена!

Для нас ее и не было. Мы всегда указывали, что только полное народовластие может установить действительный правовой порядок, действительную свободу. Только вооруженный, победоносный народ может поддержать эту свободу от всяких реакционных поползновений!

Революционный пролетариат, идущий под знаменем социал-демократии, всегда это говорил и всегда звал в свои ряды всех истинных друзей свободы, всех не боящихся народовластия, для решительной борьбы с уже разлагающимся режимом.

Кто еще сомневался в выборе между Витте и революционным народом, теперь уже сомневаться не может! Действительную свободу установить может только народ, во главе с наиболее революционным классом — пролетариатом.

Сомкнитесь же, друзья свободы, под его знаменем!

Б. Радин.

Об организации.

К вопросу о Совете Рабочих Депутатов.

В партийных организациях в течение последней недели горячо дебатируется вопрос о Совете Рабочих Депутатов. Пока продолжалась всеобщая стачка, Совет играл роль стачечного комитета и положение его было вполне ясным. Но теперь, по окончании стачки, возникает ряд вопросов: должен ли С. Р. Д. продолжать существовать или он должен об'явить себя распущенным? Если он не считает последнее целесообразным, то какова должна быть его дальнейшая роль: должен ли он быть организацией профессиональной или политической, и если политической, то должен ли он определить свое отношение к политической организации рабочего класса, к Р. С.-Д. Р. П., должен ли он стать под знамя нашей партии? Мне кажется, что вопрос о том, продолжать ли С. Р. Д. существовать или об'явить себя распущенным, может быть решен лишь после выяснения вопроса о тех задачах, которые может ставить себе Совет Депутатов, лишь после выяснения вопроса, политическая ли или профессиональная организация С. Р. Д.

Желательно ли с точки зрения интересов рабочего класса, с точки зрения Р. С.-Д. Р. П., чтобы С. Р. Д. был политической организацией? Если С. Р. Д. признает себя политической организацией, то пред ним станет вопрос: социал-демократическая ли он организация и должен ли он стать под знамя Р. С.-Д. Р. П. или нет? Если вопрос будет решен отрицательно, то социал-демократы, которых в Совете довольно много,—пожалуй, даже с примыкающим к социал-демократии—большинство,—должны будут выйти из Совета, так как С. Р. Д. становится тогда новой—не социал-демократической рабочей партией, а у социал-демократии уже есть своя партия, которую они считают и не могут не считать единственной истинной выразительницей интересов рабочего класса. Но если социал-демократы выйдут из С. Р. Д., то он перестанет существовать как Совет Депутатов всех рабочих Петербурга, так как значительная часть пролетариата, и притом наиболее сознательная часть, не будет в нем участвовать.

Но если при обсуждении вопроса о том, представляет ли С. Р. Д. социал-демократическую организацию или нет, вопрос этот будет решен в положительном смысле, Сов. Раб. Деп. должен об'явить себя распущенным, так как дальнейшее существование его станет излишним: социал-демократическая организация рабочего класса уже существует—это Р. С.-Д. Р. П.

Некоторые товарищи полагают, что желательно было бы, чтобы С. Р. Д. продолжал временно существовать как социал-демократическая организация, до реорганизации нашей партии, которая открыла бы широкий доступ рабочим массам в свои учреждения. До сих пор, благодаря условиям конспиративной работы, партийные организации были по необходимости очень узки, теперь большинство товарищей рассчитывают, что есть возможность значительного расширения рамок партии, и, пока эта задача не будет выполнена, С. Р. Д. будет заменять, по мысли некоторых товарищей, широкую партийную организацию. Словом, С. Р. Д. должен существовать, по мнению этих товарищей, параллельно с существованием организации Петербургского Комитета и Петербургской Группы Партии. При таком сосуществовании С. Р. Д., как организация выборная, связанная с широкими массами рабочих, необходимо отодвинет на задний план существовавшую до сих пор организацию Петербургского Комитета. Желательно ли это? Мне кажется, что на этот вопрос С. Р. Д. может дать лишь один ответ: безусловно нежелательна организация, не проникшаяся социал-демократическим сознанием. Если существующая уже социал-демократическая организация будет отодвинута назад социал-демократическим „Советом Рабочих Деп.“, то это приведет лишь к понижению темпа социал-демократической борьбы и „принижению сознательности пред стихийностью“.

Итак, С. Р. Д. как политическая—не социал-демократическая—организация существовать не должен, и социал-демократы должны выйти из него, так как его существование может вредно отразиться на развитии социал-демократического движения.

Совет Рабочих Деп. может существовать как профессиональная политическая организация или не должен существовать вовсе. Как профессиональная организация Совет может иметь большое значение, сплачивая в одну организацию всех рабочих пролетариата, ведя агитацию за организацию на заводах профессиональных боевых касс и во время стачки являясь стачечным комитетом. Как профессиональная неполитическая организация С. Р. Д. может сыграть крупную роль в смысле сплочения петербургского пролетариата.

С этой точки зрения голосование в С. Р. Д. по данному вопросу должно вестись таким образом.

1) Желательно ли сохранение С. Р. Д. в рамках профессиональности и развитие его в петербургский профессиональный центр? С точки зрения, изложенной в этой заметке, следует ответить: да. Если собрание постановляет, однако, что С. Р. Д.—организация политическая, то встает второй вопрос:

2) Должен ли С. Р. Д. быть организацией социал-демократической? Ответ: да. И, наконец, последний вопрос:

3) Если С. Р. Д.—социал-демократическая организация, желательно ли немедленное распущение его или допустимо самостоятельное его существование до реорганизации нашей партии? Ответ: желательно скорейшее его распущение.

На эту точку зрения стала коллегия агитаторов и пропагандистов Петербургского района (Петербургской стороны).

Н. Менделеев.

От редакции. Редакция не вполне согласна с постановкой и разрешением вопроса о С. Р. Д. товарищами из Петербургского района. Тем не менее, она дает место этой статье, повторяя свое приглашение товарищам высказываться по поставленному организационному вопросу.

Русская печать.

*** Все множатся и множатся признаки, что силы, напирающие на правительство, начинают размещаться по-новому, отклоняя курс вправо.

При приеме депутации от всех слоев польского общества граф С. Ю. Витте, между прочим, как передают „Нашей Жизни“, сказал: „Напрасно вы думаете, что правительство бессильно, боится мятежа и думает уступить; для Польши предположено военное положение, что же касается России, то здесь ясно сказалась полная неподготовленность к провозглашенным реформам. Общество, русское общество, совсем не желает никаких свобод; мы ясно теперь видим, что это желание кучки революционеров. Теперь наступила в России весна, правда, более широкая, чем при кн. Святополк-Мирском, но помните, что ее может сменить реакция, и тогда уже нельзя ни за что поручиться“. Принимая депутацию варшавских юристов, граф Витте сказал им: „Вот, вы просите немедленной отмены исключительных законов, а фабриканты ваши требуют настойчиво введения военного положения“. „Назовите нам фамилию хоть одного из этих фабрикантов“,—сказал один из депутатов. „Этого сделать я не желаю“,—был ответ графа С. Ю. Витте. На этом прием депутации был закончен.

Неподготовленность России к реформам сказалась в зверских погромах, устроенных полицией для того, чтобы не дать привиться свободам. Цель черных сотен достигнута. Граф Витте, еще вчера говоривший про главный тормоз реформ — невоспитанность и развращенность администрации,—внезапно изменил свои взгляды и во всем винит русское общество. Реакция, конечно, возможна. Об этом говорит уже то, что фабриканты, по словам Витте, „требуют военного положения“.

Буржуазия по-старому близорука и по-старому готова к предательствам. Но уже так ли велика ее сила, и надолго ли измена ее задержит исторический ход?

*** Что-то происходит за сценой, за кулисами придворных влияний. Реакция, на время притихшая, все больше возвышает голос. Декорация гражданской свободы отодвигается все дальше и дальше. Меры относительно Польши дают картину того, что ждет и нас, быть может, уже в ближайшие дни.

Все это так непонятно, так неожиданно после опубликования конституции,—говорят „Новости“,—что невольно закрадывается сомнение, не сделано ли это последнее распоряжение под предательским внушением какой-нибудь враждебной новому правительству партии, скрывающейся пока за кулисами. И кто знает, не замешаны ли во всем этом печальном деле те таинственные семь немецких миноносцев, которые белою цепью протянулись от Петергофа до Мемеля и чрез верхушки мачт своих беспроволочно связали Петербург с Берлином?

Газета, впрочем, продолжает надеяться.

Еще можно возвратиться на путь законности и полного примирения с „мятежным польским народом“. Для этого нужно дать Царству Польскому такую же автономию, какая дана Финляндии. К такому же решению почти единогласно пришел последний Московский с'езд земских и городских деятелей. Следовательно, такое решение не расходится и с пожеланиями умеренно-настроенных русских людей, к которым граф Витте так настойчиво обращается за поддержкой и лидерам которых он неоднократно предлагал министерские портфели.

Впечатления.

VI.

Стремление правительства и присных его успокоить общество вполне понятно, но успокаивает только истина, какова бы она ни была. Правительство в своем безвыходном положении хочет привлечь общество на помощь себе?

Пусть оно говорит мужественным языком человека, искренно желающего блага своей стране, и не старается прятать гнусную правду событий, вызванных и организованных его агентами.

Необходимо честно сознаться в том, что именно анархистская деятельность губернаторов, полиции, духовенства и провокаторской прессы, живущей на содержании правительства, именно эта деятельность—единственная и главная причина тех поражающих явлений, которые происходили в эти дни на всем пространстве России.

Опираться в свое оправдание на „своеволие темных масс“—по меньшей мере не остроумно. Ведь само же правительство усердно заботилось о том, чтоб массы народа не озаряла мысль.

Издавая акт 17-го октября, оно не подумало о необходимости одновременно по всей стране истолковать этот акт простыми ясными словами, доступными пониманию масс, оно не внушало своим агентам в провинции определенного отношения к этому акту, и даже в столице, на его глазах, полиция уверенно заклеивала царский манифест приказами Трепова. Оно не сочло нужным предупредить провокаторов прессы о степени серьезности своих намерений, и эти раболепные, гнусные, извращенные холопы дружно завыли и залаяли о падении власти царя, о победе „жидов, студентов, интеллигенции“.

Травля прогрессивных элементов страны в таких органах, как „День“, „Московск. Ведом.“ и другие рептилии,—это факт.

Распространение прокламаций, призывающих к истреблению интеллигенции,—это факт, и администрации не могли не быть известны источники, откуда изливалась эта злая, ядовитая грязь. Нельзя же допустить, чтоб охранное отделение, всегда хорошо осведомленное своими шпионами о том, кто, где и что печатает, не знало, кем печатаются прокламации союза русских людей и прочих анархистских групп. Оно, конечно, знало это—и оно не мешало этому. Призывы к убийствам с амвонов церквей это факт.

Участие губернаторов в погромах и убийствах—факты, подтвержденные смещением наиболее яростных патриотов из их среды...

Если правительство этого не сделает, то нужно будет признать, как ни страшно даже выговорить это слово, что оно *идет к реакции*, и что вчерашнее правительственное сообщение — первый и решительный шаг к ней.

Граф Витте говорил с либералами, когда реакция была обессилена. Теперь же и „умеренные" проекты не послужат темой для разговоров. Для более склонных к реакции правительство между собою и либералами возводит такой барьер.

*** Двойная бухгалтерия откровенности. У правительства две меры для истины: одна—для заграничных банкиров, другая — для домашнего обихода. Заграница заявили открыто, что погромы не обошлись без администрации, а для России это участие стоит еще под знаком вопроса. „Сын Отеч." сопоставляет две истины:

Еще удивительнее отрицание правительством „прямоты и искренности" в последнем его сообщении того, о чем кричит вся Россия, и в чем само правительство сознавалось несколькими днями раньше перед иностранцами, — это участие властей в погромах последних дней. „Нельзя отрицать, что во многих местах такому проявлению (т. е. погромам) покровительствовали агенты местной власти. Нынешнее правительство далеко от того, чтоб игнорировать или скрывать эти факты"... перед общественным мнением Запада, но России „правительство категорически об'являет, что со стороны центральных учреждений все распоряжения клонились лишь к одной цели — поддержанию спокойствия и порядка", что в тех случаях, когда представлены будут достоверные сведения об организации или поощрении полицейскими чинами насилий над личностью или имуществом, „допуская, что они подтвердятся",—назначены будут „тщательные расследования" и будут приняты всевозможные меры к устранению повторения погромов.

Таким образом, то, что пред Европой правительство не решалось отрицать, что оно признавало за факты, которые не могло ни игнорировать, ни скрыть больше, — то перед Россией еще требует проверки и доказательств.

И когда народное негодование требует немедленного удаления маленьких и больших сатрапов, испачкавших свои руки в народной крови, правительство „прямоты и искренности" отвечает военным положением!

ТЕЛЕГРАММЫ.

РОССИЯ.

Владивосток (от собств. корр.).—26 октября во Владивостоке состоялся первый народный митинг в цирке. Присутствовало более 3.000 человек. Порядок замечательный. Полиция отсутствовала. Офицеры, врачи и рабочие в талантливых речах раз'яснили значение завоеванной свободы, прославляли борцов. Принята резолюция об образовании комитета защиты прав гражданина. Устроена грандиозная овация полковнику Постникову, требовавшему в соборе отслужить панихиду борцам за свободу. Митинг требовал громовыми кликами удаления городского головы, пославшего от имени населения рабским языком написанную телеграмму. Митинг почтил вечной памятью погибших борцов и славой живых. Бурная овация была устроена бывшим шлиссельбургским заключенным. 27-го городской голова подал в отставку. Союз врачей Уссурийского края избрал из своей среды комитет защиты прав гражданина и общественной безопасности, выразил негодование крепостному врачебному инспектору генералу Езерскому за разжигание национальной вражды между врачами.

Борис Оржих.

Мест. Байрамчи Бессарабской губернии, Аккерманского уезда (случайная).—31 октября здесь произошел еврейский погром, все еврейские дома сгорели, пострадавших—масса, помощь нужна немедленная.

Ромны, 31 октября (СПА). — Роменское городское управление, одобрив проект охраны порядка в городе с участием обывателей, приглашает домовладельцев и торговцев заявить о желании участвовать в охране. Полицейские и военные власти из'явили готовность оказывать содействие с своей стороны чинам охраны.

Открыто бюро юридической помощи населению, пострадавшему от разгромов.

Москва, 1 ноября (СПА). — Сегодня по Ильинскому шоссе забастовал ряд фабрик и заводов. В этот район командированы войска.

Ломжа, 31 октября (СПА). — Сегодня в городе и в уездах расклеены об'явления губернатора о введении военного положения.

Все эти факты не надо забывать, сочиняя „правительственные сообщения", и не нужно говорить о „внезапности беспорядков", которые открыто подготовлялись.

Довольно лжи и обмана!

И нужно говорить не о людях, „утомленных отсутствием порядка и безопасности"—кто эти люди, что их образ действий окончательно уничтожает престиж власти в глазах „общества"? А в области явлений, „патриотизму" противоположных, правительству делать нечего — здесь уже верно оценили его значение и силу, здесь не нуждаются в узде, здесь не зверье, а люди, они руководятся не шпионами и полицией, а сознанием своего достоинства.

Что может сказать правительство о поведении стотысячной толпы пролетариата на похоронах Н. Э. Баумана? Что оно может сказать о шествии тысяч сормовских рабочих по улицам Н.-Новгорода?

Пролетариат имеет право гордиться той внутренней стройностью, которая царит в его рядах, и правительство должно с уважением отнестись к этому факту.

„Уважение к жизни и личным правам"—это социальное качество не воспитывалось в русском народе и обществе, ибо было „противно видам правительства", и оно само в себе не имеет этого качества. Пролетариат воспитал в себе это уважение, несмотря на весь гнет правительства. „Уважения" к собственности, созданной кровью и потом народа и захваченной мещанами, пролетариат, разумеется, не может иметь. Собственность—идол буржуазии, но сознательный пролетариат не нарушает прав частной собственности, и кто говорит противное, тот клевещет.

Грабят и убивают „черные сотни"—они же „патриоты", вдохновляет и помогает им в этом полиция—факт, точно установленный даже генерелом Томичем.

Довольно лжи и лицемерия! Этим никого не успокоишь.

Не их силой, не их трудом живет страна, это—крысы на корабле государства. Им никогда и ничего не нужно, кроме порядка, который охранял бы их собственность, и той безопасности, которая позволяет им жить чужим трудом. Что они могут дать стране теперь, когда нужны честные и умные работники-борцы? Эти люди кончили свой цикл жизни, они пресытились, выродились и духовно мертвы. И если их обеспокоили мирные демонстрации

Временным генерал-губернатором Ломжинской губ. назначен генерал-лейтенант Грибский.

Чита, 31 октября (СПА). — Попытка устроить погромы евреев не удалась; граждане организовали оборону.

Варшава, 31 октября.—Между Воломином и Варшавой, Петербургской линии, патруль обнаружил подкоп с динамитным ящиком и проводами для взрыва пути. Злоумышленники скрылись.

На станции Прага-Привислинская взорвалась адская машина вблизи семафора. В виду этого, все линии Привислинских дорог обставлены войсковой охраной.

Тифлис, 31 октября (СПА). — Наместник командирует помощника своего, генерала Маламу и Вейденбаума в Озургетский уезд, чтобы совместно с выборными Грузии постараться уговорить гурийцев отказаться от сопротивления властям и подчиниться законам. Командируются эти лица вследствие ходатайства грузин, предложивших испробовать этот последний способ ранее употребления насильственных мер войсками, которые уже посланы.

Красноярск, 31 октября (СПА). — За последние дни были попытки устроить антиеврейские беспорядки. Некоторые еврейские семейства выехали. Многие видели на базарах подстрекателей, неизвестных в городе. Агитация, однако, успеха не имела. Все спокойно.

Кельцы, 31 октября (СПА). — Опубликовано обязательное постановление временного генерал-губернатора Келецкой губернии. На основании этого постановления, во всех фабриках, торговых и промышленных заведениях должны вестись подробные именные списки рабочих и служащих, воспрещаются изготовление, ношение и разбрасывание петард, хлопушек и шумих, воспрещается именовать себя не принадлежащим именем. В случае нападения на правительственные и общественные учреждения, вводится имущественная круговая ответственность. Происшедший вред и убыток возлагаются на население данного района. За невыполнение своих обязанностей дворники привлекаются к ответственности вместе с домовладельцами. Виновные в нарушении правил подвергаются заключению в тюрьме до 3 месяцев или штрафу до 3.000 р.

Аткарск, 1 ноября (СПА). — Об'явлен 29 октября исправником в положении усиленной охраны вокзал и линии отчуждения. Воспрещаются сходки и собрания. Губернатор об'являет, что командировка генерал-ад'ютанта Сахарова призывает крестьян к успокоению.

Моршанск, 1 ноября (СПА). — Циркулировавшие в городе слухи о готовящихся погромах еврейских магазинов и квартир не оправдались. Последние три дня прошли спокойно. Все еврейские магазины были открыты.

Кельцы, 1 ноября (СПА). — Редакция „Келецкой Газеты" об'явила, что впредь до вступления в силу новых правил о цензуре провинциальных изданий выпуск газеты приостанавливается.

Баку, 1 ноября (СПА). — По сведениям полиции, во время армянского погрома 23 октября убито: армян 51, русских 8, грузин 1, татар и евреев 2, ранено: армян 38, русских 14, евреев 1, мусульман 4, других 2. Сожжено 28 домов, из них 24 армянских, 1 русский, 1 татарский; сожжены также 2 городских будки, ограблено 36 человек: армян 19, русских 4, грузин 5, евреев 3. Эти сведения опровергают сообщения о нападении армян на русских и о национальной вражде между ними.

Москва.

2 ноября.

— В театре Олимпия на завтра был назначен социал-демократический митинг. Администрация сегодня известила городского голову, что митинг этот запрещается, и что будут приняты все меры к недопущению его.

— Во вчерашнем заседании Стачечный Комитет признал необходимость своей организации на новых началах. Комитет исключает из своего состава группы непролетарского характера.

— Вчера происходило бурное заседание почтово-телеграфных чиновников.

— На многих фабриках бастуют. Забастовала фабрика Глинцера вследствие увольнения фабрикантом двух депутатов-рабочих, представительство которых он раньше признавал.

— Городская управа ассигновала на будущий год на полицию и жандармерию на 14.000 р. больше, чем в нынешнем году, т.-е. всего 2 миллиона. Расход на полицию превышает расход на народное образование на 623.000 р.

— В Москве сегодня получена телеграмма начальника главного управления почт и телеграфов, в которой он предупреждает об увольнении чиновников его ведомства, об'единившихся в союз. Эта угроза не произвела на почтово-телеграф-

---

с красными флагами—еще более страшны должны быть для них трехцветные манифестации хулиганов.

Сообщая свои мнения обществу, правительство поступило бы и честно и корректно, если б отметило тот факт, что рабочие, гуляющие по улицам с красными флагами, стекол не бьют, винных лавок не грабят, а ведут себя с тем чувством собственного достоинства, на какое способны люди зрелые и политически и социально.

И рядом с этим необходимо указать, что патриотические манифестации, носящие потреты государя, доходя до винной лавки, портреты бросают и принимаются за разгромы казенной и частной собственности, сопровождая эти разгромы убийствами.

Именно вот это тяготение патриотизма к зверству и кабаку и следует взять темой „правительственных сообщений". Именно в эту сторону власть должна направить свой авторитет, если она верит в его силу.

Нужно указать „черным сотням", что, если правительство действует искренно, если оно понимает великий смысл событий, если оно уже достаточно видело крови и пресытилось, оно должно энергично, как может, вводить в сознание широких масс народа, что интеллигенция, так долго и бескорыстно боровшаяся за его свободу,— носительница правды и разума, а не „крамолы", „измены" и прочих доблестей, свойственных администрации наших дней.

Если говорить о „крамоле", нужно говорить прежде всего о 34 губернаторах, назначенных в отставку, нужно не забывать о шпионах охраны и прочих „русских людях".

Опубликовывая акт 17 октября, правительство не только не нашло нужным честно указать темным массам народа роль своего врага—напротив, видя, как провокаторы травили интеллигентов, как избивали рабочих и молодежь, оно загадочно и подозрительно молчало, видимо, ничего не имея против этой травли, против организованного истребления лучших людей страны. Молчало!

Теперь, испуганное анархией, вызванной его бессилием и его агентами, оно кротко доказывает обществу свою лойяльность и зовет его на помощь себе.

Честные люди не верят ему, честные люди не помогут встать на ноги одряхлевшему произволу!

А. П.

ных чиновников никакого впечатления, так как союз почтово-телеграфных чиновников охватил теперь всю Россию, и нечлены союза считаются единицами.

— Из Твери сообщают, что аресты участников знаменитого „боя“ продолжаются. Но, вместе с тем, тверичане не понимают, почему оставлены без надлежащего внимания главари бесчинств, которые открыто заявляют о предстоящих еще „походах“. Губернатор Слепцов еще у власти, как будто бы еще нет достаточных данных к увольнению его от занимаемой должности.

— В виду известного циркуляра начальника главного управления почт и телеграфов г. Севастьянова, воспрещающего чинам почтово-телеграфного ведомства участие в почтово-телеграфном союзе, комитет названного союза постановил требовать увольнения от должности управляющего министерством внутренних дел г. Дурново и начальника главного управления почт и телеграфов г. Севастьянова, как явных нарушителей высочайшего манифеста от 17 октября. Постановление союзного комитета будет сообщено всем без исключения почтово-телеграфным учреждениям империи. Инцидент угрожает весьма серьезными осложнениями.

— 30-го октября за Пресненской заставой на новом Гуляне толпа фабричных рабочих, в количестве 1000 человек, направилась к Камер-Коллежскому валу, где разгромила колониальную лавку Богомолова, сапожную лавку, в д. Щетина — квасную лавку, в доме Щетинина — колониальную лавку. Прибывшие казаки и полицейский наряд были встречены камнями и револьверными выстрелами. Тем не менее, толпа была рассеяна. В лавке Богомолова задержаны 4 грабителя.

Иные речи.

Разговор о свободах и правах надоел премьеру, и граф Витте заговорил, наконец, „по-настоящему“; и понятно, что в настоящих разговорах „графа“ нет даже тех обещаний, которыми он тщетно пытался утолить гражданский голод страны. Первые дни для оправдания прокламации о свободах граф много и длинно говорил об очень хороших вещах и только просил подождать, повторяя на все лады заглавие известного водевиля: „Не то еще будет“.

Под сладкие напевы г. Витте на улицах столиц и прочих городов продолжалась победа храбрых войск над мирными гражданами; под эти же напевы по всей стране ураганом пронесся весь ужас погромов. Вся страна залилась кровью граждан, получивших „все свободы“ и „неприкосновенность личности“, Витте все говорил, а в стране происходили такие вещи, ужас которых не поддается ни описанию ни пониманию.

Стоном стонала страна, а Витте говорил, говорил... и как из рога изобилия сыпал обещания, что все будет хорошо.

Он удивлялся и даже возмущался, что ему не верили. Он навязывал министерские портфели представителям всевозможных партий; но даже партии центра и правых — даже и те благоразумно уклонялись от такой чести. Граф продолжал говорить и искать министров.

Наконец, ему надоело говорить про свободы, которые успели покрыться толстым слоем правительственных сообщений и треповских приказов. Граф забыл про свободы и заговорил языком сообщений, приказов и воззваний „патриотов“. В разговоре с депутатами от варшавских юристов премьер, как сообщают газеты, между прочим сказал:

„Вот, вы просите немедленной отмены исключительных законов, а фабриканты ваши требуют настойчиво введения военного положения“. „Назовите нам фамилию хоть одного из этих фабрикантов“, — сказал один из депутатов.

„Этого сделать я не желаю“,—был ответ графа С. Ю. Витте.

Ссылка на фабрикантов носит вполне определенный и весьма недвусмысленный характер.

Но еще характернее ответ его польским депутатам:

„Напрасно вы думаете, что правительство бессильно, боится мятежа и думает уступить; для Польши предположено военное положение, что же касается России, то здесь ясно сказалась полная неподготовленность к провозглашенным реформам. Общество, русское общество, совсем не желает никаких свобод: мы ясно теперь видим, что это желание кучки революционеров. Теперь наступила в России весна, правда, более широкая, чем при кн. Святополк-Мирском, но помните, что ее может сменить реакция, и тогда уж нельзя ни за что поручиться“.

Эти слова подсказывают все то, что не договорено графом в его бесконечных беседах; они обнаруживают и взгляды и его политику. Разыграв первую часть своей политической программы - обещания, Витте перешел к следующему абзацу под заглавием: я на все готов, но общество не хочет.

Какое, именно, „общество этого не желает“, распространяться, конечно, нечего, тем более, что язык, которым заговорил граф, достаточно ясный и определенный: „Мы ясно теперь видим, что это желание кучки революционеров“.

Итак, у графа конец свободам: „русское общество“ их не хочет.

Естественно, что после такого заявления граф впадает в дурной тон и угрожает реакцией.

Система знакомая, но думается нам, что с ней теперь не мешало бы быть поосторожнее.

Л. Львов.

Резолюция, принятая Советом Рабочих Депутатов.

Царское правительство продолжает шагать по трупам, оно предает полевому суду смелых кронштадтских солдат армии и флота, восставших на защиту своих прав и народной свободы. Оно закинуло на шею угнетенной Польше петлю военного положения. Рабочий Совет призывает революционный пролетариат Петербурга посредством общей политической забастовки, уже доказавшей свою грозную силу и свою братскую солидарность с революционным солдатом и матросом Кронштадта и революционным пролетариатом Польши. Завтра в 12 ч. дня рабочие Петербурга прекращают работу с революционными лозунгами:

Долой полевые суды!

Долой смертную казнь!

Долой военное положение в Польше и всей России!

В Совете Рабочих Депутатов.

Заседание открылось речами польской делегации. „Польский пролетариат,—говорили они,—имеет те же задачи, что и русский, он борется вместе с ним за демократическую свободу и за социализм. И вот правительство стремится поселить рознь между двумя народами и для этого прибегает, как всегда, к самым низким средствам. Оно пронизывает ложью свои сообщения, говоря в них, что польский народ стремится к отторжению от России. Это неправда, польский пролетариат требует лишь автономии. Он хочет, чтобы местные дела решались не из далекого чуждого Петербурга, а выборными от польского народа. Русские рабочие должны поддержать польских в их стремлениях, должны протестовать против военного положения в Польше, так как рабочий класс не может мириться ни с каким национальным гнетом".

Речи товарищей-поляков были покрыты громом рукоплесканий.

Член исполнительной комиссии Совета, товарищ с.-д. в ответной речи указал, что рабочие всех стран, в лице с.-д. партий, всегда стоят за национальное самоопределение и должны бороться против националистических стремлений правительства. „Если в Кронштадте готова пролиться кровь,—сказал он в заключение,—если в Польше и многих русских городах военное положение, то мы должны знать, что только народное народовластие, только самодержавие народа сметет все эти остатки полицейского режима".

Шумными аплодисментами Совет выразил свое полное сочувствие словам оратора.

Следующий вопрос, вызвавший громадное воодушевление, был вопрос о кронштадтских событиях. Слово предоставляется матросу, которому были устроены овации. Смущенный матрос, повидимому, так растерялся, что из всей его речи можно было понять только одно: „Матросы были не против рабочих, а против правительства".

Следующие ораторы давали фактические сообщения о кронштадтских событиях. По словам одного оратора, сознательные матросы не призывали товарищей к восстанию, находя его в настоящее время несвоевременным, но принуждены были при начале движения стать во главе его. В самой истории бунта характерно, главным образом, поведение офицерства. Когда матросы жаловались на дурное питание и обращение, то приезжали командиры, говорили речи о терпении и послушании и затем приказывали кричать ура. Тем и кончались заботы начальства о своих подчиненных. Когда же взбунтовавшиеся матросы 4-го экипажа потребовали оружие, то командир бросил им ключи и удрал из Кронштадта.

Другие ораторы подчеркивали провокаторский характер погрома, а также тот ужасный факт, что в результате должны пострадать именно сознательные товарищи, которые в погроме не участвовали, но всегда выделялись во всех протестах.

Далее оратор-делегат в горячей речи, вызвавшей громадный энтузиазм, призывает к протесту против военного суда. „Если мы отнимем товарищей матросов у самодержавия и спасем их от смерти, то мы тем самым приготовим смерть самому самодержавию. Своей защитой мы приобретем себе друзей среди войска".

Делаются сообщения делегатов о настроении рабочих, выразившемся на митингах по поводу кронштадтского события. Повсюду единодушное возмущение назначением военно-полевого суда, проявившееся в резких, негодующих резолюциях.

Заводы Семянниковский, Леонтьева, Лесснер, Александровский механический завод, Трубочный завод, Балтийский, Франко-Русский, Адмиралтейство, завод Пульмана, все эти заводы выражают свое крайнее негодование и готовы присоединиться к протесту в той форме, как его выражает Совет.

Некоторые лишь заводы, как напр. Путиловский и Выборгский механический, находят лишь, что забастовка—негодное средство протеста и предпочитают демонстрации.

Каждая резолюция встречается с громким сочувствием.

Вопрос ставится о форме протеста.

Председатель произносит горячую речь в пользу протеста путем всеобщей забастовки. После небольшого перерыва выясняются следующие результаты происходивших во время перерыва районных совещаний:

Невский район. Завтра утром собирать митинги и проводить забастовку.

Московский район. Забастовка осуществится.

Нарвский район. Тоже.

В.-Островский. Завтра с 12 могут забастовать Балтийский, Трубочный, Сименс и Гальске и ряд других.

Петербургская сторона. Согласно постановлению Совета забастует.

Выборгский. Забастовать готов.

Городской район. Центральная электрическ. станция забастует.

Относительно некоторых заводов высказываются нерешительно. Говорят, что мешают проведению 8-часового рабочего дня. „Еще не кончили с самодержавием, а тут начали с капиталистами".

Конно-железные дороги. В забастовке уверенности нет. „Там чорт знает, какая серая публика,—говорит делегат,—а между тем сознательный там один я". Замечание это вызывает у публики веселое настроение.

Железные дороги. Балтийская, Варшавская и Виндаво-Рыбинская могут забастовать, Николаевская сомнительно.

От Союза союзов. Значительная часть союзов примкнет к забастовке.

Со стороны профессиональных организаций замечается гораздо меньше воодушевления...

В заключение собранием была принята резолюция, приведенная выше.

Хроника.

— 31 октября между 5-ю и 6-ю часами вечера в карете скорой помощи были доставлены в Обуховскую больницу рабочие, раненые в этот день у завода Сан-Галли. Двум из них, Николаю Иванову и Феликсу Стасевичу, немедленно была сделана операция трепанации черепа. Однако операция не спасла. Первый умер около 9 ч. вечера, а второй—около 12 час. ночи. Филипп Елисеев и Иван Богданов получили по несколько ран. У первого—четыре глубоких и одна малая рана на голове и спине. У второго—несколько ран, нанесенных ножом в спину. У обоих все тело в ссадинах и синяках. Их жизнь вне опасности: раны не смертельны; самочувствие довольно хорошее. По заявлению потерпевших, оставшихся в живых, в Обуховскую больницу был направлен и пятый раненый, но он умер по дороге, и труп его увезен в покойницкую.

— Отголоски первых дней свободы. 19 октября около 2-х часов ночи по Невскому проспекту проходила группа, состоявшая из 5 человек; между ними 3 студента. Решительно без всякого повода с их стороны на них налетели казаки. 4 успели спастись в ворота одного из домов между Пушкинской и Николаевской улицами. Один из этой группы Я. не успел убежать; на него посыпались удары нагайками; вскоре избитый Я. упал. Тогда один из казаков соскочил с лошади и, сорвав с избитого золотые очки, спокойно пустился дальше. Прийдя в себя, Я. отправился на временную квартиру казаков при 1 уч. Ал.-Невской части. Здесь он обратился к старшему дежурному с целью получить очки. Очков он не получил, но зато был избит и обруган несколькими казаками. Только 31-го октября Я. оправился от полученных побоев. Свидетелями его избиения были: дворник одного из домов по Гончарной ул. и сиб. ремесленник Л. Фамилии и адреса свидетелей и Я. известны редакции.

— Защитники по так называемому „романовскому" процессу получили вчера следующую телеграмму:

„Участники якутского протеста, освобожденные восстанием рабочего народа, шлют сердечный привет своим защитникам. Романовцы".

Как известно, 55 политических ссыльных за этот протест были приговорены в г. Якутске к 12 г. каторжн. работ каждый. При вторичном разборе этого дела в Якутске суд. палата постановила по своей собственной инициативе ходатайствовать о замене каторги двумя годами креп. без лишен. прав.

Это ходатайство не должно было коснуться 19 из подсудимых, отказавшихся от подачи апелляцион. отзывов, и некоторые из подсудимых уже были в каторжных работах. Все подсудимые привлек. к ответ. по 263 и 268 ст.ст. улож. о наказан., т. е. за вооруж. восст., сопровождавшееся убийствами. Протест их состоял в пред'явлении требования властям и мин. внутренних дел Плеве об отмене совершенно противозаконных циркуляров

администрации, запрещающих всякую отлучку из места поселения, запрещающих вопреки точному смыслу положения о гласн. надзоре возвращение за казенный счет отбывших срок ссылки.

— Во время волнений на Обуховском заводе в 1901 году был арестован Ал. Ив. Гаврилов (мастеровой) за распространение прокламаций. По приговору спб. окружного суда Гаврилов приговорен к 6 годам каторги и отправлен на Сахалин. До сих пор о нем нет никаких известий.

— Генерал Трепов нашел себе единомышленника в лице помощника начальника главного управления почт и телеграфов М. П. Севастьянова. Последний издал циркуляр, разосланный по всем российским почтово-телеграфным учреждениям, в котором сообщает, что высочайший манифест от 17-го октября, даровавший населению России права гражданства и, вместе с тем, свободу слова, собраний, союзов и пр., не относится к лицам, служащим на государственной службе. В виду этого воспрещается почтово-телеграфным чиновникам об'единяться в организации, союзы и общества без разрешения начальства. Как известно, петербургскими почтово-телеграфными чиновниками образован был недавно всероссийский союз. Поэтому г. Севастьянов предлагает всем почтово-телеграфным чиновникам, записавшимся в члены союза, немедленно отказаться от участия в нем, в противном случае такие лица должны подать в отставку.

— В редакцию „Новой Жизни“ обратились со следующим заявлением:

„Покорнейше просят сообщить сведения о судьбе Александра Степановича Александрова, раб. в 1898 году на Обухов. зав., в 1900 г. выслан в Вятскую губ., в 1901—1902 г.г. жил в Екатеринбурге, дальнейшая судьба неизвестна. Сведения адресовать: Эстляндская, д. 2, кв. 16, А. С. Политаевой“.

— Лиц, знающих адрес Марии Егоровны Волошенко, освобожденной из дома предварительного заключения, просят сообщить его в редакцию „Новой Жизни“.

— На-днях в газетах появилось известие, что почти все подсудимые (Анна Надеждина, г. Барыков и др.) по делу боевой организации о покушении на генерала Трепова освобождены. Военный прокурор действительно высказался за то, что все они подлежат немедленному освобождению по амнистии, о чем за № 133 и отправил 31 сего октября сообщение в спб. губернское жандармское управление. Однако, и до сих пор жандармское управление задерживает освобождение этих лиц, так как г. Вуич (прокурор судебной палаты) не желает этого освобождения.

— Главное управление по делам печати циркуляром от 19-го октября, разосланным типографиям 23 октября, сообщает, что „впредь до издания нового закона цензурный устав остается в полной силе, в виду чего рекомендую г.г. владельцам заведений печати, впредь до отмены ныне действующего устава о цензуре, в точности руководствоваться ныне существующими законоположениями о печати“. Главное управление „ошибается“. Устав этот, как показала практика последних дней, бессилен. Что касается его „ходатайства“ о соблюдении еще не отмененных законов, то, как мы слышали, в этом решено главному управлению отказать.

— Витте начинает отказываться говорить. В Петербург 30-го прибыли делегаты Союза союзов Донской области, 31 октября они явились к Витте с целью ознакомить его с событиями в Ростове-на-Дону по поводу происшедшего там еврейского погрома 18, 19 и 20 октября и избиения черносотенцами интеллигенции, при чем делегация должна была высказать свой взгляд на эти события и указать меры к прекращению подобных событий на будущее время, а именно: снятие усиленной охраны, удаление казаков, удаление градоначальника и всей полиции и привлечения их к суду за попустительство и т. п. Выслушана была депутация секретарем, который по докладе об этом Витте об'явил делегации, что она принята Витте быть не может. Делегация принуждена вернуться обратно в Ростов-на-Дону, не выполнив возложенного на нее поручения.

— Подписка телеграфных чиновников. Волна всероссийской забастовки, охватившая все слои общества, затронула также и почтово-телеграфных чиновников Петербурга. После окончания забастовки начальник телеграфа г. Дьяков пригласил к себе забастовщиков и брал с них подписку в том, „что телеграфисты впредь обязуются не бастовать, а также не будут подстрекать других к забастовке“.

— Свобода печати. 31 октября председателем цензурного комитета г. Котениным были вызваны для об'яснения фактор типографии товарищества И. Н. Кушнерев и К°. г. Апарин и управляющий типографии „Народная Польза“ г. Гольдберг, выпустившие без разрешения цензуры журналы: „Всемирный Вестник“, „Наборщик“, „Печатный Мир“, „Север“ и „Фельдшер“. Представители названных типографий об'яснили, что, игнорируя цензуру, они подчинялись известному постановлению „союза защиты свободы печати“, напечатанному во всех газетах. Не признавая данное толкование правильным, г. Котенин возразил, что закон о печати не отменен. Новый же в скором времени будет опубликован. Пока же рекомендуется придерживаться существующих законов о печати.

— Рассмотрев в заседании 31 октября заявление редактора газеты „Новая Жизнь“ г. Н. Минского, бюро союза защиты свободы печати постановило: передать это заявление на обсуждение экстренного собрания делегатов союза, назначив это собрание на субботу 5 ноября.

— Мытарства бывшего начальника почтового отделения. Бывший начальник почтового отделения Виктор Львович Полежаев уволен со службы в почтово-телеграфном ведомстве по распоряжению полиции в мае 1904 г. по следующим мотивам: 1) за знакомство с политическим ссыльным студентом В. Л. Алексеевым и 2) за неисполнение распоряжения олонецкого губернатора об отсылке для просмотра жандармского управления корреспонденции, получаемой на имя г. Алексеева.

Жертва царившего полицейского произвола—В. Л. с женой и 3 малолетними детьми очутился выброшенным за борт как политически неблагонадежный, и все двери учреждений, где он мог бы найти работу, закрылись перед ним. 16 месяцев он, таким образом, мытарствует, живя с семьей впроголодь, закладывая и распродавая свое имущество.

Положение этого „преступника“ безвыходное.

— Во Владивостоке. Правление страхового общества „Саламандра“ получило 1 ноября телеграмму от своего владивостокского корреспондента, что во Владивостоке вспыхнул бунт солдат и весь город находится в огне.

— Еврейское население м. Ильина, Витебской губ., обратилось к гр. Витте с телеграфным запросом, могут ли евреи надеяться, что после манифеста 17 октября они получат возможность проживать повсеместно в России. Гр. Витте ответил, что еврейский вопрос будет рассматриваться Государственной Думой, и что воля монарха в осуществлении провозглашенных в манифесте 17 октября положений непреклонна.

— В Колпине администрация уволила 15 инженеров, принимавших участие в известной манифестации рабочих, окончившейся кровавым избиением. Союз инженеров решил бойкотировать всех, желающих заместить эти „вакантные“ должности. Рабочие колпинских заводов, в числе 200 человек, внесли петицию на имя директора завода, в которой они требуют немедленно вернуть всех уволенных.

— Рабочие экспедиции заготовления государственных бумаг обвиняют помощника управляющего экспедиции г. Михайловского в том, что он 4 октября т. г. вызвал войска на двор экспедиции и приказал колоть толпу безоружных рабочих, мирно собравшихся побеседовать о своих нуждах. Со своей стороны г. Михайловский сваливает всю вину на командира первой роты лейб-гвардии Измайловского полка шт.-кап. К. Н. Арнольди, которому было лишь приказано „очистить двор“ экспедиции. К. Н. Арнольди понял это распоряжение г. Михайловского несколько „своеобразно“ и приказал измайловцам колоть штыками рабочих. В результате 27 раненых и два задавленных рабочих; среди раненых находятся и дети.

— В экспедиции заготовления государственных бумаг. 1 ноября в помещении театра экспедиции состоялась сходка рабочих. Во время сходки собранию было доложено, что г. Михайловский просит депутатов-рабочих к себе для каких-то переговоров. Оказалось, что г.г. чиновники экспедиции стараются всеми мерами тормозить ликвидацию пенсионной кассы; сегодня они заявили, что касса „4 апреля“ состоит исключительно из денег чиновников, а потому должна быть и разделена между ними. На это депутаты ответили, что циркулирует слух, что в этой кассе основной фонд когда-то

состоял из миллиона рублей, пожертвованных Александром II. На это им ответили, что в кассе всего 20.000 рублей, и представили какие-то оправдательные документы, в которых рабочим депутатам придется разобраться. Забастовка пока еще продолжается.

— В спб. дух. академии. 1 ноября утром в духовной академии состоялась сходка студентов всех четырех курсов. На сходке было доложено о беседе депутации четырех студентов академии, которые вчера были приняты обер-прокурором синода князем Оболенским. Кн. Оболенский обещал посодействовать всем требованиям студентов академии, но заявил, что отмена старого академического устава возможна лишь после законодательного утверждения.

— В № 3 „Новой Жизни“ мы сообщали о брожении среди тружеников печатного дела, работающих в государственной типографии, вновь вызванном главным начальником ее Чухниным, бывшим начальником выборгской тюрьмы, предполагавшим было ввести с 1 ноября десятичасовой рабочий день, взамен девятичасового, ныне установившегося. В настоящее время нам стало известным, что высшее начальство, поставленное в известность о последовавшем протесте со стороны работающей братии, не согласилось утвердить проект господина Чухнина, и рабочий день в государственной типографии останется попрежнему девятичасовой.

— Служащие управления Балтийской железной дороги, на основании представленных С. Ю. Витте служащим всех железных дорог льгот, назначили на 30 октября в помещении службы сборов общее собрание для обсуждения вопроса о союзной организации. Однако, начальник службы сборов Г. П. Польмари нашел необходимым уведомить местного пристава о предстоящем собрании. Служащие, возмущенные таким нарушением предоставленного им права, отказались от назначенного в казенном помещении собрания и подали коллективный протест.

— Несколько представителей студенческой латышской молодежи постановили издавать в Петербурге еженедельную (на первое время) газету на латышском языке. Потребность в издании латышской газеты ощущается особенно сильно в настоящий момент—пробуждения народного самосознания. Газета предназначается для католической части населения Литвы, не имевшей до настоящего времени ни одного периодического органа. Газета будет издаваться под редакцией Франца Кемниша.

— Литературно-музыкальный вечер в пользу семейств рабочих, пострадавших от забастовок, состоится сегодня 2 ноября в зале Тенишевского училища (Моховая, 35). Программа вечера обещает быть интересной и оригинальной. Билеты можно получать в кассе училища. Начало в 8 час. вечера.

— В воскресенье, 30-го октября, на заводе Речкина происходил рабочий митинг. Собрались рабочие Московского района—приблизительно до $3^1/_2$ — 4 тысяч человек.

Порядок дня был принят следующий:

I) Отчет делегата о заседании Совета Раб. Депут. 29-го октября.

II) Предполагаемый погром „черной сотни“.

III) Введение 8-часового рабочего дня революционным путем.

IV) Об Учредительном Собрании.

Приняты резолюции:

1) „Мы, собравшиеся рабочие Московского района, с негодованием клеймим политику русского правительства, организующего „черные сотни“, натравливающего одну национальность на другую с целью затормозить наше революционное движение и вырвать у нас те плоды, которых мы добились столь трудной борьбой. Мы решаем активно, с оружием в руках, выступить против этого детища русского самодержавия“.

2) „Мы, собравшиеся рабочие Московского района, сознавая всю важность и необходимость немедленного введения 8-часового рабочего дня и зная, что ни одно улучшение положения рабочего класса не доставалось нам даром, но только ценою тяжелой и упорной борьбы; что в этой борьбе рабочий класс может рассчитывать только на свои собственные силы, решаем немедленно ввести 8-часовой рабочий день захватным путем“.

Митинг продолжался от $10^1/_2$ до 2-х часов.

Агитатор „группы“ Р.С.-Д.Р.П.

Открытое письмо к товарищам.

Товарищи! Прошу вас уделить хотя минутку времени для прочтения этой записки:

Товарищи!

Вы все меня обвиняете в получении мною расчета, за что я и желаю у вас у всех просить товарищеского извинения. Да! Я виноват, за что и согласен нести должное наказание. Во мне говорит не чувство собственного удовлетворения, не страх за будущий день, не боязнь за свою шкуру, нет и нет, но во мне говорит чувство собственного сознания в моей виновности.

Повторяю: да, виновен. Судите меня. Но прежде, чем судить, прошу вас обратить внимание на те причины, которые побудили меня сделать такой необдуманный шаг.

В понедельник, когда все шли в завод, разве думал кто-нибудь, что всех вернут обратно? Нет, также не думал и я. Когда мы пошли обратно, у меня в голове, как гвоздь, сидела одна мысль, зачем нас вернули, почему мы стали не нужны. И вот с такими мыслями я дошел до места, где мы все разошлись, и из разговора, который там был, понял, что никому не надо брать расчета.

Прихожу домой, что делать, не знаю: денег осталось несколько коп., сел писать в провинцию письмо, чтобы мне оттуда выслали денег. Ожидаю вечера в надежде, что вечером узнаю от товарищей, как действовать дальше. К сожалению, как ни старался, не узнал ничего.

На другой день слышу, что некоторые берут расчет; меня взяло сомнение, как так: не брать никому и вдруг—берут. Я не знал, что предпринять. Я бы остался верен принципам, если бы не стесненное положение в деньгах; в силу необходимости не брать расчета, и я бы обошелся без него (не думайте, что этим я с себя стараюсь снять клеймо позора), только с усилиями.

Не зная что делать—пошел к заводу, в надежде там узнать: брать расчет или нет.

Ко мне некто подошел из товарищей и сказал: „В городе решили так, чтобы никто не брал расчета“; сказал это и отошел, а я же подумал только: „и все“, и остался стоять, ничего не понимая; знал только то, что одни берут, а другие нет. Упоминаю, если бы не такая нужда в деньгах, т. е. если бы я не хотел есть, то я бы не взял расчета. И вот я взял расчет. Да! Теперь судите меня! Но знайте, что я всегда солидарен со своими товарищами. Ваши убеждения — мои убеждения, ваши взгляды — мои взгляды. Да, я хорошо сознаю, что я сделал гадко, подло, против всех товарищей. Вот это сознание и убивает меня.

Товарищи! Лучше выбросьте меня из своей среды, как ненужный элемент, чем иметь недоверие и отворачиваться. Совесть моя всегда была чиста — до этого гадкого поступка; всем я смело смотрел в глаза, теперь этого я сделать не могу. Да, товарищи, если это в вашей силе, то я прошу, извините меня, чтобы я мог загладить свой поступок, с грязной же совестью я не могу явиться туда, где проповедуется новая жизнь всему народу.

Товарищ *Егор Юзов*.

В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ.

— На сходке учеников академии художеств, состоявшейся 31-го октября в частном помещении, была вынесена следующая резолюция:

„Собравшись 31-го октября 1905 года, сходка учеников высшего художественного училища, выражая свое негодование по поводу насильственного закрытия академии и игнорирования высшей администрацией постановления совета профессоров, настаивает на немедленном открытии В.Х.У., опираясь на постановление сходки 19-го сентября с. г.

„Далее сходка находит необходимым сделать запрос в совет профессоров: что предпринял и что намерен предпринять совет для открытия В. Х. У. и для удаления войск из академии художеств, а также для ограждения интересов учащихся.

„Сходка верит, что совет не останется пассивным зрителем совершенного над ним и нами насилия и, отбросив пережитки

старого режима, предпримет решительные меры в борьбе с административным произволом.

„Считаясь отныне только с выборным советом профессоров и игнорируя всякую назначенную свыше администрацию, сходка передает совету ключи от здания академии".

Сходка уполномочила бюро сходок в качестве делегатов для передачи совету вышеприведенной резолюции и ключей от здания академии. Затем была вынесена еще резолюция следующего содержания:

„Мы, учащиеся в академии художеств, присоединяемся к заявлению Союза союзов в требовании полной амнистии лицам, пострадавшим за политические и религиозные убеждения, и в протесте против произвола над польской народностью".

— Помещение курсов Лесгафта попрежнему охраняется нарядом полиции во главе с околоточным.

— В консерватории попрежнему выставлено об'явление: „Впредь до особого распоряжения консерватория закрыта".

— На естественно-научных высших женских курсах нормальные занятия возобновились с 31 октября.

— Сходка студентов-медиков. 1 ноября в помещении Пироговского музея состоялось продолжение сходки студентов выпускного курса военно-медицинской академии. После продолжительных прений собрание пришло, наконец, к заключению, что государственные экзамены возможно держать только при условии открытия академии; на этом основании собрание постановило ходатайствовать перед конференцией военно-медицинской академии о скорейшем открытии ее. С этой целью старосте выпускного курса поручено было войти в конференцию для об'явления резолюции, выработанной собранием по этому вопросу, и, получив ответ от конференции, созвать сходку для обсуждения дальнейшего образа действий.

— Протест студентов-медиков. Студенты выпускного курса военно-медицинской академии на сходке 1-го ноября вынесли следующий протест против виновников последних кровавых дней в Кронштадте и самого факта предстоящей кровавой бани:

„Мы, студенты выпускного курса военно-медицинской академии, собравшись на сходку 1-го ноября и обсудив происшедшие в Кронштадте события, установили, что истинным виновником их является самодержавный строй, отходящий ныне в область преданий, а в частности взяточничество и казнокрадство администрации кронштадтского порта.

„Во имя гуманности и во имя науки мы решили энергично протестовать против новой гекатомбы, которую готовит правительство в виде массового расстреливания матросов.

„Мы обращаемся в частности ко всем представителям медицинской науки употребить всевозможные способы для предотвращения предстоящих убийств".

— 31 октября состоялась общая сходка слушательниц Рождественских (лекарских помощниц) курсов. Решено возобновить научные занятия при условии открытия помещения для митингов. 1 ноября заседал совет профессоров совместно с курсовыми старостами. Результаты совещания еще пока неизвестны.

Из партийной жизни.

От учредительного собрания об'единенных пропагандистской и агитаторской коллегий Невского района.

Изменение внешних условий нашего партийного существования обусловило неизбежность реорганизации как всей партии, так и отдельных отраслей партийной деятельности. Исходя из этого положения, учредительное собрание об'единенных пропагандистской и агитаторской коллегий Невского района, обсудив вопрос о возможных новых, широких и открытых, сравнительно с существующими, формах своей деятельности, признало необходимым:

во-первых, не порывая окончательно с кружковою формою пропаганды, перенести центр тяжести пропагандистской деятельности из кружков в аудитории, в которых перед рабочею массою в лекционной форме излагалось бы как теоретическое обоснование программы и тактики, так и историческое, через ознакомление рабочих с историей западно-европейского и российского пролетарского движения;

во-вторых, упразднить кружковую форму агитации, фактически уже вытесненную формою агитации митинговою;

и, в-третьих, для организационного закрепления новых форм деятельности учредить следующие три районные коллегии: во-1-х, коллегию митинговых ораторов, во-2-х, коллегию лекторов и, в-3-х, коллегию кружковых пропагандистов.

Профессиональные союзы.

I. ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

От Союза союзов.

По поводу кронштадтских событий.

Согласно газетным известиям, сегодня совершается военно-полевой суд над кронштадтскими матросами и солдатами. Сотни людей обвиняются в восстании, и суд угрожает им смертной казнью.

Следствие по столь многосложному делу закончено в какие-нибудь 3 дня.

Самый суд будет располагать сутками-двумя для решения вопроса о стольких жизнях.

Наконец, в силу недавних постановлений, гражданская защита совершенно устранена от возможности выступить в ограждение интересов обвиняемых солдат и матросов.

В отношении матросов, составляющих большинство обвиняемых, это будет первый случай суда при подобных условиях.

В виду этого мы заявляем:

Во-первых, что обвинение этих людей в указанном порядке идет в разрез с общественным мнением страны, давно и категорически высказавшимся против смертной казни и военно-полевых судов в мирное время.

Во-вторых, что вся обстановка суда совершенно исключает правомерное и беспристрастное отношение к подсудимым.

Мы видим в участниках кронштадтского бунта прежде всего людей, восставших против невыносимого гнета наших военных уставов и обычаев — во имя своего человеческого достоинства и самых элементарных человеческих потребностей.

Это достоинство ежечасно оскорблялось, эти потребности совершенно игнорировались, как признано, между прочим, и официальными сообщениями от 31 сего октября (в отношении военно-сухопутных частей).

Восстание в Кронштадте не имело характера насильничества против частных лиц. Если и были отдельные случаи грабежа и насилия, то, как показывает масса свидетелей, они производились, за редкими исключениями, не матросами.

В виду выше сказанного, мы считаем, что движение кронштадтских матросов и солдат есть лишь одно из проявлений всенародного освободительного движения против царящего до сего времени гнета отжившего режима, и в жестоких репрессиях против обвиняемых мы увидели лишь новое доказательство тому, что обещание ликвидировать самодержавно-полицейский режим на деле совершенно не выполняется.

II. РАБОЧИХ.

30 октября в помещении Технического общества (Соляной Городок) состоялось общее собрание союза рабочих печатного дела.

В порядке дня обсуждались вопросы, связанные с ликвидацией всеобщей политической забастовки:

1. О распространении постановления Совета Депутатов по вопросу о свободе печати на журналы, брошюры, книги и вообще все издания.

2. Об установлении 8-часового рабочего дня в типо-литографском производстве.

3. Об уволенных товарищах и безработных.

4. О выборе делегатов на всероссийский с'езд профессиональных рабочих организаций.

Собрание изменило намеченный порядок дня и приступило к выбору кандидатов в делегаты на с'езд. Пока производилась подача избирательных листков и их подсчет, один из товарищей, участвовавший в московской конференции по организации с'езда, сообщил о программе с'езда и его составе. Важнейшими вопросами, намеченными в программе московского с'езда, были следующие:

1) Отношение профессиональных организаций к переживаемому моменту;

2) Отношение профессиональных организаций к политическим партиям;

3) Желательный тип профессиональных организаций;

4) Рабочее законодательство в связи с финансовой и экономической политикой;

5) Отношение профессиональных организаций к народному представительству и др.

Участниками с'езда могут быть: делегаты профессиональных союзов от 1 до 4 человек из расчета один представитель на тысячу членов; специально выбранные от отдельных фабрик и заводов, еще не примкнувших к союзам; представители от рабочих потребительных обществ и других чисто рабочих взаимно-сберегательных организаций; представители социал-демократической партии, Бунда и социалисты-революционеры. Не могут участвовать в с'езде представители „Зубатовских организаций".

По словам участника конференции, деятельное участие в подготовительной работе с'езда принимают социал-демократы.

Закрытой баллотировкой в делегаты на с'езде были избраны: Хрусталев и Дементьев.

Первая половина заседания была посвящена по преимуществу общим вопросам и взаимоотношению между профессиональным движением и политическим. Сущность большинства речей была резюмирована одним из многих социал-демократов словами:

— Об'единяйтесь в профессиональные союзы для экономической борьбы, но не забывайте ни на один миг, что профессиональные союзы не могут быт вашими политическими руководителями. Экономическая борьба не приведет к победе. Сказавши: да здравствует всеобщая политическая забастовка, вы, тем самым, показали свою политическую зрелость и вы обязаны теперь организоваться политически под знаменем социал-демократии.

Другой оратор социал-демократ указал, что один только класс — пролетариат является врагом всякого насилия и борется за царство будущего — социализм. Товарищ Дементьев выяснил связь между экономической и политической борьбой.

По поводу программы московского с'езда собрание поручило бюро представить в ближайшее время ряд докладов, чтобы высказаться по затронутым вопросам.

При обсуждении вопроса о свободе печати от имени союза издателей—в союз входят пока 30 издательств, в том числе 2 социал-демократических—представители издателей сообщили, что они постановили не считаться с цензурой, постановили бойкотировать те типографии, которые откажутся печатать без цензуры издания и приступили к сбору денег в стачечный фонд для борьбы за свободу печати.

Представитель издателей окончил свою речь словами: „Только вы, товарищи-рабочие, сможете вынести свободу печати на своих плечах, и мы обращаемся к вам".

Собранию была одним из товарищей предложена следующая резолюция: „Общее собрание союза рабочих печатного дела, основываясь на резолюции Совета Рабочих Депутатов о введении самими рабочими свободы печати, постановляет: все книжные и журнальные издания выходят без цензуры, игнорируя главное управление по делам печати, и без представления выпускаемых книг, брошюр и журналов в цензурные комитеты. Ко всем издателям и владельцам типографий, которые не подчинятся настоящему постановлению, применяется самый активный бойкот, а товарищи рабочие прекращают в таких типографиях работу. Приведение в исполнение настоящего постановления поручается бюро союза по сношении с союзами журналистов, издателей и владельцев типографий, высказавшихся за печатание без цензуры.

О дне введения настоящего постановления будет опубликовано в газетах и будут разосланы особые извещения.

Союз совместно с Советом Рабочих Депутатов примет все меры к оказанию материальной помощи тем товарищам, которые в борьбе за свободу печати прекратят работу".

Резолюция принята всеми (более 3000 человек) против одного.

I-ое собрание союза рабочих портных, портних и скорняков,

состоявшееся 30 сентября 1905 года.

Порядок дня, предложенный бюро:

1) Вступительная речь. 2) Доклад бюро. 3) Чтение устава. 4) Запись в члены союза.

Хозяевам было предложено покинуть собрание, так как это касается только рабочих, и им на нем не место. Предложение встречено аплодисментами.

Председатель об'ясняет цель собрания. Рабочие собрались, чтобы обсудить вопрос об улучшении своего положения. Для этого им необходимо сорганизоваться.

Один из чл. бюро. Приветствую товарищей с этим днем, в который возникает этот союз. Теперь труднее будет хозяевам эксплоатировать рабочих. — Оратор обрисовывает тяжелое положение рабочих; рабочие должны сами заботиться о себе, заботиться, чтобы им лучше жилось. Оратор обращает внимание собрания также на бедственное положение учеников, которых хозяева не обучают, а держат, как прислугу, так что из них выходят недоучки. Рабочие создают армию для борьбы с эксплоататорами-хозяевами, и для этой армии нужны люди.

Оратор № 1 говорит о нормировке заработной платы; по его мнению, это первая цель союза. Он говорит о необходимости уничтожить мелкие мастерские, так как их хозяева страшно угнетают рабочих и сбивают цену.

Оратор № 2 (вступительная речь). Рабочие-портные собрались сюда, чтобы об'единиться по примеру всех остальных рабочих.

Общество делится на различные классы, эти классы делятся в свою очередь на более мелкие группы. Но эти интересы отдельных групп не должны разбивать общество на мелкие части. Против рабочих стоят не мелкие группы, а весь класс капиталистов-эксплоататоров. Для борьбы с капиталом рабочие организуются двояко: политически — в политическую партию, так как в этом отношении интересы их всех совпадают. Для борьбы за эти требования рабочим необходимо об'единиться в одну партию, и такой партией является Р. С.-Д. Р. П.

Но рабочие должны организоваться и экономически — в профессиональные союзы.

Оратор № 12 указывает, что самодержавие падает, и что теперь идет война в самом сердце России между правительством и народом. Рабочие добились уже низвержения самодержавия, но добились этого только дружным натиском организованных сил. У фабричных рабочих эта организованность, сплоченность особенно заметна, между тем как у ремесленников не заметно такой солидарности. Что же дадут ремесленники фабричным рабочим за то, что те добились свободы для России?

Оратор призывает ремесленников к организации и приглашает их принять участие в политической жизни, права на что добился им фабричный пролетариат. Тогда ремесленники должны итти рука об руку с фабричными рабочими, так как и у тех и у других положение одинаково: они должны пойти вместе под красное знамя Р. С.-Д. Р. П.

Оратор № 13. Правительство уже отказалось от своих прежних принципов, оно гнется, как железный прут, и идет на уступки. Но оно знает, что рабочий класс хочет своим революционным натиском уничтожить всю гниль старого общественного строя, оно выдвигает против рабочих черную сотню. Предстоит решительный бой.

Рабочие не должны его стращиться, а должны с оружием в руках итти против современного общественного строя.

Оратор № 14 хотел поставить экономические вопросы, но находит, что на этом собрании их решить нельзя, поэтому он просит назначить другое собрание для этих вопросов.

Председатель говорит о деятельности бюро.

Когда еще трудно было собираться, собралось человек 70 и выбрало бюро для выработки устава. Но при первом же собрании бюро явилась полиция и арестовала часть бюро, что вызвало некоторый перерыв в работе.

Адрес бюро: 1 Рождественская ул., 12, кв. 40. По будням от 8 — 10 час. веч. По воскр. и праздн. от 3 — 8 час. дня.

Оратор № 16. Правительство все время братается с тем, кого оно считает способным подавить революцию. Оно призывало сначала корпус жандармов, теперь черную сотню. Но ни то ни другое не могут победить пролетариат. Наступает решительный бой. — Оратор предлагает вооружиться и восстать против врага народа.

Председатель указывает, что портные уже приняли участие в политической забастовке и имеют депутатов в Рабочем Совете. Конечно, портные не могут так действовать, как фабричные рабочие, потому что они еще плохо организованы, но они сделали все, что могли.

В 10 час. собрание было закрыто.

Из жизни рабочих.

Путиловский завод.

Как путиловские рабочие на опыте познали „блага дарованной свободы".

С утра 18 октября среди путиловцев началось брожение. Не то праздничное, не то торжествующее настроение господствовало. На дворе завода видны были группы рабочих, то останавливающиеся около мастерских, то приближающиеся к часовенке. В самой большой группе над головами собравшихся развевалось красное знамя с надписью серебряными буквами: „Да здравствует революция", и слышно было пение марсельезы. Одни собирались отслужить благодарственный молебен по случаю манифеста, другие панихиду по павшим в борьбе за свободу товарищам. Никто и ничто спокойствию, целости и безопасности завода не угрожал, и тревожных признаков не было. В группах руководителей не было; начала действий тоже; рабочие то сходились, то расходились, на лицах многих видно было лишь одно любопытство. Слышны были слова: „Мы хотим попробовать, что это за свобода".

Группа с красным знаменем подошла к железо-прокатной мастерской с целью выяснить значение демонстрации. Но рабочие ж.-д. маст. встретили их враждебно, думая, что механические цехи желают устроить забастовку. Произошло столкновение, кончившееся „снятием" железо-прокатной. В схватке демонстрантов, пришедших не вооруженными, было несколько человек избито ломами, отчего некоторые позже умерли. Рабочие—металлургические, вращая ломами над головой с вызывающим видом, знаками звали к себе демонстрантов. Демонстранты отправили депутата для переговоров по просьбе мартеновцев. Но те, окружив депутата, начали жестоко избивать его. В эту минуту на дворе появились казаки и приготовились к стрельбе по демонстрантам, но были остановлены директором, не желавшим избиения на территории завода (но, повидимому, как доказали дальнейшие события, он ничего не имел против бойни за воротами). Среди демонстрантов оратор-рабочий сказал товарищам: „Товарищи, не трогайте мартеновцев: они несознательные и не знают, что творят, нам нужно не нападать на них, а раз'яснить, внести к ним свет и правду, наш девиз— „пролетарии всех стран, соединяйтесь", не будем же отталкивать от себя несознательных". После этих слов и еще нескольких речей рабочие начали расходиться, и группа из 250 — 300 ч. с красным знаменем пошла к выходу, намереваясь разойтись по домам.

В это время обер-сыщик завода и глава полиции, смотритель Чачи, послал за солдатами, стоявшими около главной конторы, и те под предводительством 2-х офицеров почти бегом пошли в обход конторы к выходным калиткам и выстроились вдоль пути рабочих в 2 ряда.

За солдатами явились казаки. Рабочие, предчувствуя ужасное, смущенно остановились, не решаясь выходить за ворота. Казаки схватили винтовки и собирались, пользуясь остановкой, начать стрельбу через головы солдат без команды, но были остановлены городовым, открывшим для них предупредительно ворота на улицу. В это время солдаты вытеснили ошеломленную толпу на улицу, и началась дикая расправа: стрельба, удары прикладами, разбивавшие черепа, штыковая работа. Все калитки за вытолкнутыми были немедленно заперты, чтобы не дать несчастным жертвам спастись в заводе, а немногие, прорвавшиеся обратно, попали под удары городовых. Очевидец говорит, что происходило нечто прямо невероятное, но строго организованное г. Чачи, Казимиром, Герасимовыми и К°. На глазах очевидцев, солдат догнал идущего по другой стороне рабочего и ткнул его сзади, в поясницу, штыком. Несчастный упал, с нечеловеческим стоном поднялся, закрывая рану рукой, побежал, перегибаясь неестественно назад. „Доблестный же воин", хладнокровно вытирая левым рукавом шинели кровь на штыке и торжествуя „победу", вернулся в ряды. Солдаты вошли во двор завода раньше казаков, продолжавших бойню, выстроились, и офицер, махая шашкой, торжествующе воскликнул: „Я научу эту сволочь собираться".

Вернувшиеся казаки спешились и показывая окровавленные приклады с прилипшими к ним волосами жертв, хвастались своими „геройскими подвигами".

Мертвые тайком зарыты полицией, раненые спрятаны. — На Шипке все спокойно!

В воскресенье, 31-го октября, на Путиловском заводе состоялся многочисленный общий митинг, на котором обсуждался вопрос о немедленном введении восьмичасового рабочего дня. Большинство ораторов высказалось за проведение в жизнь восьмичасового рабочего дня путем фактического применения его, т. е. „отработав 8 часов, уходи домой". На митинге был поднят злободневный вопрос об увольнении 800 рабочих директором Путиловских заводов г. Белоножкиным за известный их поступок над мастерами корабельной и лесообделочной мастерских г.г. Обухова и Минькевича. В понедельник, 1-го ноября, администрацией завода об'явлен расчет этим рабочим. Рабочие очень волнуются этим событием, а уволенные страдают от невозможности приискать себе работу, так как на других заводах их не принимают. В виду этих соображений, решено на митинге потребовать немедленно принять всех рабочих обратно, в противном случае будет об'явлена забастовка.

— 31-го октября депутация от 250 петербургских кондукторов представила начальнику Николаевской железной дороги обширную петицию, в которой они, между прочим, пред'являют следующие требования:

1) Установление рабочего дня в 8 час., при чем учет времени должен вестись по сумме часов за несколько суток.

2) Непрерывная работа не должна продолжаться более 12 часов, работа свыше этого времени должна считаться сверхурочной и оплачиваться согласно особого на то положения.

3) Инвалидность и увечье обеспечиваются за счет дороги.

4) Выдача ежегодных наград штатным и нештатным служащим должна быть обратно пропорциональна получаемому жалованью.

5) Контроль жандармской службы должен быть упразднен.

6) Служащие не могут быть уволены без уважительной причины и без согласия товарищей.

7) Кондуктора должны разделяться только на главных кондукторов и кондукторов. Различие между товарными и пассажирскими кондукторами должно быть уничтожено.

8) Прием кондукторов должен производиться обществом кондукторов.

9) Наряд на поезда должен производиться выборными от общества кондукторов нарядчиками.

10) Оклад жалованья устанавливается в следующем размере: для главных кондукторов—100 р., кондукторов—60 руб.

11) Поверстные и суточные должны быть уничтожены.

— Вслед за демонстрацией рабочих Франко-Русского завода 28 октября администрация командировала в район Коломенского участка отряд казаков, которые и по настоящее время находятся при полицейском участке.

Казенные пороховые заводы.

Управление заводами находится в руках чиновников военного министерства. Те средства, которыми „попечительное" начальство пытается привязать рабочих к заводам, представляют глубокий интерес, но особенно интересно одно средство—это награждение рабочих „за усердие" медалями. Деморализующее значение этой награды—ясно, но администрация завода сумела не только невинность рабочих соблюсти, но и капитал приобрести.

Для того, чтобы получить первую медаль, т. е. малую „серебряную", от рабочих требуется выполнение двух условий:

1) усердие в работе и раболепное повиновение;

2) уплата из заработка 7 р. 50 коп., максимальная же стоимость медали—75 к.

Для получения большой золотой медали требуется:

1) более или менее продолжительный срок службы и более или менее интенсивное проявление рабских инстинктов, при чем продолжительность срока службы находится в зависимости от степени интенсивности в проявлении рабских инстинктов;

2) уплата из заработка 96 рублей, тогда как максимальная стоимость медали колеблется от 45—48 рублей.

В последние годы, когда рабочие не хотели платить за медали из заработка, количество выданных медалей, благодаря этому, уменьшалось, администрация с особенной силой вознаграждала рабочих медалями „за усердие", но деньги все-таки вычитала из особых фондов рабочих. Конечно, подобная „политика" теперь совершенно ясна для рабочих и никого из них не способна ввести в заблуждение.

Бельгийское общество.

Постановление Совета Рабочих Депутатов от 29 октября о введении революционным путем восьмичасового рабочего дня рабочими бельгийского общества „Электрическое освещение гор. С.-Петербурга" (Фонтанка, 104) осуществлено 31 октября.

Завод Лесснера.

31 октября на заводе Лесснера рабочие, окончивши в 4½ ч. свою работу и установивши, таким образом, 8-часовой рабочий день, устроили митинг. Открылся он сообщениями двух местных делегатов Рабочего Совета о тех решениях, которые Совет принял на последнем своем собрании 29 октября. Затем оратор социал-демократ в своей речи, посвященной восьмичасовому рабочему дню, яркими штрихами обрисовав всю ценность и значение этого института для дальнейшей борьбы за демократические пролетарские требования и социализм, призывал рабочих энергично отстаивать это свое завоевание, не вступая в переговоры и не обращаясь с просьбами и даже требованиями к современному полицейскому правительству. Будущие народные представители свободной России могут дать и дадут этому революционному захвату свою законодательную санкцию. Затем два следующих оратора—оба социал-демократы—указывали на то, что самым беспощадным и последовательным врагом царизма является социал-демократическая рабочая партия, что все классы, борьбой которых исчерпывается содержание происходящих вокруг нас явлений общественной и политической жизни, в самом процессе этой борьбы группируются в политические партии; говорили далее о том, что пролетариат тоже должен сплотиться в единую партию, что отсутствие определенной классовой партии и программы и идейная диктатура буржуазии порождали и могут породить те неприятные и печальные явления, которыми полна история пролетариата, особенно в революционные годы; что единственной партией и программой, отвечающей интересам рабочего класса, является социал-демократическая партия и программа, и что вследствие этого необходимо для всякой организации, желающей руководить политической борьбой пролетариата, принять социал-демократическую программу и тактику. Предложенная по окончании этих речей известная резолюция Федеративного Комитета была единогласно принята.

После принятия резолюции был поднят вопрос о кронштадтских событиях и после речи оратора социал-демократа, изложившего фактическую сторону дела и об'яснившего глубокий смысл этого подавленного, небывалого еще в России восстания, всеми присутствующими единогласно и всесторонне была принята следующая резолюция:

„Ознакомившись с геройским восстанием кронштадтских войск армии и флота, мы, рабочие завода Лесснера, энергично протестуем против комедии скорого военного суда над ними и грозящей им смертной казни и заявляем, что готовы, по первому же призыву наших социал-демократических комитетов, активно поддержать свой протест."

— К истории на заводе Сан-Галли. Подробности столкновения рабочих на заводе Сан-Галли дают весьма характерную картину царящих там нравов.

По сообщению рабочих, оказывается, что владелец завода сорганизовал там черную сотню, в которой состоят: механик—Габюн, управ.—Тальвич, модельный мастер—Мейер, котельный мастер—Ник. Дружинин, обручный мастер—Ситников, писарь—Гаевский, слесарь—Воронцов, котельный мастер—Еремеев, рабочие: Вас. Ананьев, токарь—Палиневский, ток.—Карлсон и мальчик—Мишка. Самое столкновение, по рассказам очевидцев, оказывается таковым: после 1½ мес. забастовки на заводе была принята только часть рабочих, при чем приняты они без всяких предварительных об'яснений. Ежедневно на заводе происходила выкличка рабочих, „одобренных к принятию". В день столкновения у завода собралось до 400 не принятых, с целью узнать—кто из них одобрен. В это время кто-то стал упрекать Ананьева в предательстве. Ананьев сначала оправдывался, а затем бросился во внутрь здания и вскоре выскочил оттуда с ватагой рабочих, вооруженных кто чем попало: „Забастовщики" побежали, при чем часть их бросилась в колонию Сан-Галли, а часть в Предтеченскую ул. Не успевшие убежать подверглись избиению: 9 человек получили серьезные поранения и отправлены в Обуховскую больницу. После этого полиция в сопровождении рабочих, вооруженных ломами и др. оружием, разыскивала в колонии Сан-Галли „крамольных рабочих", при чем называли фамилии искомых лиц.

Завод т-ва „Свет".

Согласно постановлению Совета Рабочих Депутатов, рабочие завода „Свет" (производство керосино-калильных фонарей) с 31 октября ввели у себя 8-часовой рабочий день. На состоявшемся накануне собрании рабочие, в количестве 90 человек, решили начинать работы не с 7 утра, как обыкновенно, а с 8, что и было в точности исполнено. До сих пор „Свет" работал 9 часов в сутки.

Завод Штиглица.

31 октября состоялся небольшой митинг, человек в 150, значительную часть которых составляли женщины. На митинге выступали ораторы социал-демократы, выяснявшие задачи социал-демократической партии и призывавшие рабочих сплотиться под ее знаменем. Говорилось также о необходимости введения 8-часового рабочего дня. Выслушав с большим вниманием и сочувствием речи, собрание в заключение единогласно приняло резолюцию приблизительно следующего характера. „Признавая, что социал-демократическая партия—единственная представительница интересов пролетариата, приглашаем примкнуть к ней Совет Рабочих Депутатов".

Песковский район.

31 октября состоялся митинг рабочих Песковского района. Были рабочие от Штиглица, Бехли, „Свет" и др.—в общем человек 200. Организаторы митинга предполагали устроить выборы депутатов в Рабочий Совет, но, в виду того, что было представлено несколько предприятий, и в то же время ни одно из них не было представлено в достаточном количестве, решено было ограничиться политическим митингом.

Первый оратор охарактеризовал современное рабочее движение как социал-демократическое, об'яснил, на чем зиждется капиталистический строй, развернул перед слушателями картину всего того зла и тех бедствий, который несет капитализм с его неизменными спутниками—милитаризмом и клерикализмом, перешел далее к изображению будущего социалистического строя и, выяснив необходимые предпосылки успешной борьбы за достижение его, призывал рабочих к дальнейшей борьбе.

Второй оратор выяснял зависимость борьбы экономической и политической и показывал необходимость для рабочих организоваться в самостоятельную политическую партию, какой является Р.С.-Д.Р.П. Коснувшись далее роли Совета Раб. Деп., как руководителя стачки в острый момент и как возможного политического руководителя в будущем, оратор выяснил необходимость для Совета иметь определенную политическую физиономию. После этого обсуждался вопрос о немедленном введении революционным путем 8-часового рабочего дня на фабриках Штиглица и Бехли. Выяснилось, что данные для осуществления этого вполне имеются; решено устроить в ближайшие дни митинги на самих фабриках, — чтобы вся масса рабочих принимала в них участие, — и на этих митингах окончательно решить вопрос.

В перерыве и в конце собрания пели „Марсельезу", „Варшавянку" и пр.

Восьмичасовой рабочий день в мастерских Варшавской железной дороги.

Под влиянием постановления Совета Рабочих Депутатов о введении 8-часового рабочего дня во всех промышленных предприятиях города Петербурга, рабочие мастерских Варшавской железной дороги в воскресенье, 31 октября, фактически ввели у себя 8-часовой рабочий день. Они явились на работу в 7 с половиной часов утра, а в 4 пополудни, прекратив работу, все разошлись по домам.

Начальник тяги, инженер Рухлов, узнав о таком постановлении рабочих, отправился к начальнику дороги, инж. Турцевичу, с предложением рассчитать всех его товарищей (инж. Рухлов на общем собрании называл рабочих товарищами), но встретил со стороны последнего отказ. Рабочие прошлись с флагом с надписью: „8-час. рабочий день“, пропели революционные песни и этим ознаменовали свою солидарность с Советом Рабочих Депутатов.

Семянниковский завод.

Вопрос о восьмичасовом рабочем дне на заводе считается решенным. Рабочие, игнорируя заводские свистки, не ходят на обед вовсе, а в 3½ ч. аккуратно бросают работу до следующего дня... Свободные часы, которые, таким образом, выигрываются, решено употребить на митинги, совместное чтение газет и разработку вопросов экономической и политической жизни.

Завод Семянникова — передовой застрельщик Невского района. Рабочие других промышленных заведений чутко прислушиваются к тому, что скажут на Семянниковском заводе, как там решится тот или другой вопрос...

Митинги рабочие считают своим достоянием, добытым кровью, недоеданием и рядом отчаянных схваток... За митинги держатся крепко, дружно защищают их и надеются, что без борьбы, упорной борьбы не уступят этого плода победы.

Черносотенных элементов очень мало. Они гнездятся по заводским углам, посылая в бессильной злобе проклятия собраниям жаждущих свободы людей...

На предыдущем митинге было постановлено упорядочить устройство собраний, придерживаться выработанного порядка дня, не мешать обсуждению вопросов посторонними спорами и всецело подчиняться председателю. Митинг 28-го октября прошел при строгом соблюдении этих правил.

Были предложены на обсуждение вопросы: 1) современное положение и социал-демократия; 2) стачечная борьба и с.-д.; 3) классы; 4) меры борьбы и партии.

Первый оратор указал довольно подробно на классовую группировку, борьбу социал-демократии и роль Учредительного Собрания.

Второй говорил о современном моменте, что явилось в результате последней схватки пролетариата с абсолютизмом, какую роль сыграла здесь с.-д. и о дальнейших шагах этой партии.

„С древних времен и до наших дней класс эксплоататоров сидит на шее трудящегося люда и, тратя на роскошь потные рубли, добытые мозолистыми руками, доводит до степени рабства людей, подсадивших их на высшую ступень... Но так же стары и возмущения эксплоатируемых, которые понимают, наконец, в чем корень зла и восстают — сильные и озлобленные... Первое условие победы—сознательная сплоченность.

„В единении сила!» Пять пальцев, соединившись вместе, образуют крепкий кулак, способный дать сильный отпор. Тысячи капель, соединившись, образуют бурный ручей, преодолевающий всякие преграды... Предыдущие протесты были подавляемы потому, что у нас не было этой об'единенности... Теперь другая картина: тысячи сознательных пролетариев об'единяются, образуя революционный водопад, и нет сил, которые могли бы стать на пути этой могуче-исполинской силы“... (Верно! Браво! Верно!)... Дальше оратор коротко указывает на роль пролетариата, крестьянства и интеллигенции в современной освободительной борьбе. Раз'ясняет классовые интересы пролетариата, верно выражаемые только социал-демократией, и переходит к настоящему моменту.

„Прижатое в угол самодержавие, как волк в басне Крылова, пустилось в переговоры и бросило протестующим массам конституцию... Либералы удовольствовались этим свитым из гнилой конопли намордником, но пролетариат знает цену всем этим «дарованиям».

„Только то ценно, что добыто путем борьбы! — Только это не может быть отнято... «Или ты или я», говорит уверенный в победе пролетариат и гордо отклоняет просьбы о перемирии. «Волчью вашу я давно натуру знаю! А потому обычай мой — с волками иначе не делать мировой, как снявши шкуру с них долой!»“... (Верно! Браво!). Коснувшись критически конституции и указав на очевидные противоречия слова и дела, заклеймив позором организаторов черных банд и громил, оратор говорит: „Теперь нет больше общественных групп, на которые могло бы опереться изжившее правительство. Своими лживыми обещаниями оно везде посеяло недоверие, и вот организовались банды из безмундирных общественных подонков, в которых ищет себе спасения...

„Это — последняя ставка!.. Как утопающий хватается за соломинку, так, облитый кровью, задыхающийся старый режим— схватился за черные банды...“

Затем оратор коснулся необходимости готовиться к окончательной борьбе, к штурму первой крепости на пути борьбы пролетариата, необходимости организоваться в ряды социал-демократии и закончил свою речь так: „Но ведь известно вам, товарищи, что, раздавив первого врага, мы только расчистим путь для дальнейшей борьбы... После первой победы мы не свернем своего знамени, а будем бороться за социализм, за светлое царство будущего...“. Митинг происходил на дворе. Участвовали почти все рабочие завода. Величественную картину представляло из себя море голов, жадно слушающих слова ораторов. На грудах железа, на согнутых медных листах, на вагончиках — везде были люди, и поразительная тишина прерывалась лишь громом рукоплесканий, которым приветствовались слова ораторов. Говорили только социал-демократы. Третий и четвертый ораторы указали на остроту момента, на значение лозунга „пролетарии всех стран, соединяйтесь!“. В конце блестящую речь сказал товарищ Абрам. Он говорил о том, что долго социал-демократия задыхалась в подполье, долго рабочие видели в ней какую-то интеллигентскую партию, и теперь только настал момент, когда несколько изменились обстоятельства. „Прочь подполье!—говорим мы. Рабочая партия должна быть именно рабочей. Русский пролетариат будет организовываться так же открыто, как пролетариат Германии... Уже теперь к нам присматриваются страны Западной Европы. В Австрии говорят: «будем, как русские!..» Теперь свое неудовольствие русский пролетариат будет выражать таким же грозным «пфуй», как это выражает пролетариат Германии... Мы начинаем открытую борьбу: наша газета продается открыто; мы собираемся явно, а не при закрытых окнах“.

Далее оратор указал на формы организации и дал ряд практических советов.

В заключение большинством всех против троих была вынесена следующая резолюция: „На митинге 28 октября мы, рабочие завода Семянникова, обсудив положение России, пришли к следующему: безобразия последнего времени, как издевательства над мирными жителями войск и организованной при содействии их и полиции „черной сотни“, — несомненный продукт самодержавного правления, не имеющего сил упорядочить положение дел в России. Протестуя против пребывания в Петербурге войск и бесчинств их по отношению к гражданам, мы заявляем, что будем вести организованную борьбу с корнем всех этих зол — самодержавием. Только демократическая республика обеспечит нам нормальные условия борьбы за социализм — за демократическую республику мы и будем бороться, организуясь под знамена единственной выразительницы интересов пролетариата — Российской Социал-Демократической Рабочей Партии“. Кроме того, вынесли еще следующее заявление: „Мы возмущены бесчинствами так называемой «черной сотни» и заявляем, что при всякой попытке этих банд к насилию над кем бы то ни было, немедленно явимся на место происшествия вооруженными и не позволим устраивать погромы и избиения, хотя бы на это были какие угодно санкции. Просим общество немедленно сообщать нам по телефону о всяких попытках к насилию“.

Рабочие разошлись в самом лучшем настроении, веселые, гордые сознанием своей силы.

Иностранная печать.

Уверенность, что манифест должен положить конец русской революции, высказавшаяся всей английской прессой, начинает исчезать и сменяется тревогой за ближайшее будущее. Подсчитывая достигнутые результаты, „Manchester Guardian“ говорит:

„Прошло только десять дней с тех пор, как в России об'явлена свобода, которая, как казалось в первый момент, окончательно поставит Россию в ряды свободных европейских стран. Конечно, теперь еще рано судить об успехе этой колоссальной реформы, но события, успевшие разыграться, так велики и до того неожиданны, что мы, повидимому, уже окончательно потеряли наши первоначальные наивные надежды. Финляндия, правда, уже завоевала себе свободу, путем неожиданной, огромной по размерам результата революции. Финляндия представляет теперь небольшой, мирный, свободный оазис среди невообразимого хаоса, царящего в России. Положение России в данный момент гораздо более сложное. Прежде всего: что за это время сделал граф Витте для осуществления новых реформ? Он составил кабинет, члены котораго враждебны радикальной тенденции, господствующей в стране. Дана неполная амнистия, которая, правда, освободила многих политических деятелей, но, с другой стороны, оставила в Сибири и в тюрьмах много заключенных, борьба за освобождение которых лежит на обязанности всех стремящихся к свободе. Неуклюжая избирательная система пересмотрена, но пока новый избирательный закон вводит столько осложнений и неравенств, что он не может быть признан усовершенствованием. Для крестьян сохраняются двухстепенные или трехстепенные выборы. Богатые классы, сгруппированные вместе, пользуются несоответственным влиянием. Городские рабочие, вынесшие революцию на своих плечах, посылают в Думу двадцать пять членов из шестисот, т. е. одну четверть того числа, которое при пропорциональных выборах они должны были бы послать, для чего население разделяется на классы и отдается предпочтение богатому классу. Совершенно ясно, это—старый способ, применявшийся патрициями по отношению к плебеям — „разделяй и властвуй“. Такая система может привести только к раздорам, как было в Риме.

Таким образом, граф Витте сдержал свои обещания в границах собственного понимания, но он не удовлетворил ни одной партии, никого не примирил и не разрешил ни одной проблемы. Между тем, приходится считаться с реакционной партией, которая еще не истощила свои средства. Но какая гарантия выполнения реформ? По слухам, в Одессе была новая резня евреев. Консервативная пресса заявляет, что Финляндии уступки были даны только для того, чтобы выиграть время. Польша, конечно, тоже потребует автономии. Армия, повидимому, разделена на два лагеря. Наконец, рабочие, принадлежащие к передовым политическим партиям, избиваемые подстрекаемыми полицией „патриотами“, начинают вооружаться для самозащиты. Трудно себе представить, как можно произвести выборы при теперешних условиях. В настоящее время Россия недалека от анархии, так как движение назад или вперед повлечет за собою гражданскую войну. Конечно, в результате должна быть свобода, но никто не может предсказать, в какую форму выльется вся смесь страстей и стремлений, и кому доведется дожить до свободы и воспользоваться ею“.

Польша и Литва.

— Настроение в Царстве Польском после опубликования военного положения очень тревожное. Момент, переживаемый польским рабочим классом, крайне выдающегося и серьезного характера. Одно из двух: или сейчас, преодолев все усилия и трудности, добиваться желаемой свободы, или временно покориться жестокому произволу и насилию, вооружиться и сильнее сплотиться и ждать момента, и тогда, вместе с русским рабочим классом, рука об руку, с девизом „за нашу и вашу свободу“, приступить к низвержению векового гнета.

Правительство предвидит возможность первого исхода, возможность всеобщего восстания, революции в стране, особенно теперь, когда военное положение железным кольцом сдавило грудь и сердце польского рабочего, а политическая забастовка закалила его силу, придав ей новую мощь. Оно предвидит возможность кровавого исхода, но оно, как будто, не доверяет своей военной силе и обращается к Германии за поддержкой: усиленно говорят, что на границе стоят прусские полки.

Во всей стране власть перешла к войскам. Города и даже села уже оцеплены войсками. По всему пути Привислинских железных дорог стоят войска. Рабочий класс пока молчит; он не произнес еще своего решительного, мощного слова, он ждет поддержки со стороны русского пролетариата, который не должен допустить, чтобы свобода, завоеванная общими усилиями, не распространялась бы на польский пролетариат.

Он ждет — и от решения русского пролетариата будет зависеть его решение.

К.

— Варшавский генерал-губернатор Скалон издал секретное распоряжение, чтобы все телеграммы с заявлением об установлении полной автономии Польши, отправляемые в Петербург на имя гр. Витте представителями многочисленных митингов и собраний последнего времени во многих городах и даже деревнях Царства Польского, были временно задержаны в Варшаве. „Правительственный Вестник“ печатает теперь целый ряд таких телеграмм из Варшавы, Калиша, Радома, Сувалок и т. п., желая повидимому, этим доказать, что они были получены своевременно,—весьма шаткое доказательство, но зато получается курьезное впечатление: „Правительственный Вестник“ пропагандирует идею автономии Польши. Недурно!

— Депутация варшавского магистрата, с графом Тышкевичем во главе, несколько дней тому назад обратилась к варшавскому генерал-губернатору Скалону с требованием разрешить образование городской милиции, мотивируя свое требование, главным образом, возможностью возникновения в Варшаве еврейского погрома, так как полиция и войска не препятствуют, но даже содействуют этому возникновению. Генерал-губернатор Скалон категорически отказал.

— В Сосновицах в субботу, 29-го октября, опечатаны местные типографии, печатавшие „Летучие листки“ о событиях в крае, наступивших после опубликования манифеста 17 октября.

— Союз возрождения польского народа извещает русский народ, что Варшава находится в крайней опасности. Военное положение, постоянные избиения спокойного населения, беззащитного и безоружного, войсками не прекращаются, вследствие чего забастовка продолжается. Грозит голод. Топлива нет. Администрация, видимо, стремится довести народ до отчаяния, чтобы создать предлог для подавления мнимой анархии.

— Варшавский Комитет Социал-Демократической Партии Польши и Литвы, по поводу об'явления Царства Польского на военном положении, вынес протест следующего содержания:

„Правительственное сообщение, мотивируя сепаративным характером движения в Польше об'явление военного положения и лишение нас конституции, является преступным маневром националистической тактики правительства с целью отделить польскую революцию от русской.

„Констатируем факт, что власти, потопив в крови наши революционные шествия, дали полную свободу шествиям национально-польским с белым орлом и патриотическими польскими песнями.

„Что на этих шествиях Сенкевич и другие ораторы призывали бастующих приступить к работе и спокойствию.

„Правительство рассчитывало на эти манифестации, так как польский революционный пролетариат не верил правительству, ни польским националистическим манифестациям и всеобщей стачки не прервал.

„Правительство изменило польским националистам, своим союзникам контр-революции, обосновывая белый террор теми же националистическими лозунгами, при помощи которых оно раньше надеялось успокоить пролетариат.

„Констатируем еще тот факт, что националистическое польское движение имеет в виду не отделение Польши от России, а только цели контр-революционные, что революционный польский пролетариат стремится путем общей борьбы с революционным русским пролетариатом к общей свободе, а не к сепарации“.

Резолюция собрания железнодорожных служащих и рабочих Царства Польского.

На собрании, состоявшемся 27 октября в мастерских Варшавско-Венской железной дороги в присутствии около 10.000 служащих и рабочих железных дорог Царства Польского, принята была вторично и единогласно резолюция, принятая уже ранее на общем собрании 18 октября, следующего содержания:

„Царский манифест от 17 октября не дает никаких гарантий в том, что все обещания не останутся пустыми звуками; манифест может оказаться одним из лисьих маневров обагренного народной кровью правительства; он может явиться новой попыткой подавления народного освободительного движения путем союза правительства с массами, доселе привилегированными. Единственной и серьезной гарантией была бы немедленная безусловная амнистия так называемых политических преступников, отмена военного положения, усиленной охраны и организация вооруженной народной милиции.

„Дальнейшим шагом должен быть созыв законодательных собраний на основах всеобщего, прямого, тайного и равного голосования без различия пола, национальности и вероисповедания с самостоятельной автономией для Царства Польского и гарантией рабочему классу 8-часового рабочего дня и действительной законодательной защиты труда при обеспечении старости.

„Ныне всеобщая политическая забастовка должна продолжаться. Мы будем обсуждать вопрос о возврате к труду только тогда, когда двери всех политических тюрем будут открыты и будет гарантирован возврат всех сосланных и эмигрантов, и когда фактически будет снято военное положение".

Выяснение экономических нужд поручено специальной комиссии эмигрантов.

Отправлена следующая телеграмма гр. Витте:

„На общем собрании служащих и рабочих варшавского железнодорожного узла, состоявшемся 27-го октября, постановлено сообщить Вам, что нормальное течение жизни, одним из необходимых условий которого является возобновление нормального труда на железных дорогах, не может воцариться в Варшаве, пока не будет снято военное положение и усиленная охрана; пока не будут гарантированы на незыблемых основах свобода личности и все свободы, поименованные в первой части манифеста; пока не будет освобождена от цензуры и административного гнета местная печать; пока не будут освобождены и гарантированы на будущее время от произвола полиции все борющиеся за свободу, т. наз. политические преступники.

„Для иллюстрации последнего пункта мы заявляем свой протест по поводу вторичного ареста лиц, освобожденных на-днях в силу амнистии. Полное же успокоение края возможно только при условии признания и немедленного введения автономии Царства Польского на самых широких демократических основах.

„Делегаты железных дорог в Царстве Польском".

Следуют 27 подписей.

„Центральный Стачечный Комитет союза железнодорожных служащих и рабочих в Царстве Польском".

Областной отдел.

Черные дни в г. Иваново-Вознесенске.

(Корреспонденция „Новой Жизни".)

Дням погрома предшествовали и здесь светлые дни торжества пролетарской победы. Самый день об'явления манифеста 17 октября и последующие прошли довольно буднично. Местный комитет Р. С.-Д. Р. П., принаравливаясь к жизни города, решил устроить митинг в первый праздник (22 октября). Но уже 20 вечером почти неожиданно возник митинг перед городской управой. Налетели было казаки, но по требованию толпы были удалены полицеймейстером. Митинг оказался все же сорванным. Следующий день прошел более оживленно, а вечером всюду по городу были шествия с красными знаменами, факелами, песнями и речами.

22-го утром на площадь перед городской управой со всех концов города стали стекаться отдельные отряды рабочих с красными знаменами. Казаки и полиция отсутствовали. Часов в 12 при громадном стечении публики митинг открылся речью оратора из Комитета. Очертив настоящий момент в освободительном движении пролетариата, коснувшись неполноты и неясности манифеста 17 октября, оратор приглашал рабочих не складывать оружия и бороться до конца за республику. Между прочим, в своей речи оратор коснулся и деятельности черной сотни, указав на лавочников и раклистов (мастера при печатных машинах на ситц.-набивн. фабриках), как на ее представителей. Из последующих ораторов один напомнил о заключенных товарищах в местной тюрьме и участках. Публика потребовала их освобождения. Явившийся полицеймейстер прочитал собранию телеграмму губернатора об освобождении заключенных и, вместе с тем, заявил, что собрание здесь он может допустить лишь до 3 часов, а после этого предложил уйти на „Талку" (обычное место собраний рабочих за городом). Так как официальная часть митинга была закончена, то публика уступила предложению полицеймейстера и всей массой с знаменами и песнями отправилась к тюрьме встречать освобождаемых товарищей. Включив их в свои ряды, толпа отправилась дальше освобождать заключенных на Ямах (предместье города, заселенное преимущественно рабочими). По узким, грязным улицам рабочего поселка толпа растянулась и растаяла; у участка встретили толпу казаки и заявили, что заключенных здесь нет, если же толпа им не поверит и будет настаивать, то казаки прибегнут к оружию. Рабочие сдались и пошли на Талку. На последних улицах города вновь встретили казаков, с угрозами потребовавших убрать знамена. Очевидно, они явно искали первого повода для избиения. Не желая напрасного кровопролития, мирно настроенные рабочие уступили и тут — знамена были убраны до Талки. Дойдя туда, рабочие расположились лагерем; но здесь осталось уже не более 200 человек наиболее сознательных. С наступавшей темнотой на другой стороне речки Талки собралась какая-то толпа и казаки, кричавшие что-то первой толпе. Чтобы узнать, в чем дело, к ним отправились депутатами два человека. Едва они перебрались на ту сторону, как на них налетели казаки, сшибли с ног и, жестоко избив нагайками, от'ехали. Один, более молодой, поднялся и убежал, другой — А. (интелл. рабочий, почти старик) остался лежать. К нему тотчас же подскочили несколько человек из толпы, и началось зверское избиение. Били палками, топтали ногами, вывернули руки и под конец с чувством и толком размоожжили голову камнями. Затем все быстро исчезли. Первый удар черной сотни был меткий: мучительной смертью погиб человек, 20 лет стоявший в рядах борцов за свободу, деятельный работник местного с.-д. комитета, любимый и уважаемый всеми его знавшими. Все это произошло очень быстро. Ошеломленные происшедшим, не ведавшие, что творится в это время в городе, рабочие окружили убитого товарища... Оставив у тела стражу, отправились в город, решив на завтра устроить всеобщую забастовку для торжественных похорон убитого. Но... не только торжественных, а никаких похорон не удалось устроить; на следующий день этот человек, как собака, был зарыт тайком в лесу. Все произошло повидимому неожиданно, но, конечно, далеко не так было на самом деле.

Черные силы не дремали, и едва ушли с площади красные знамена, как стали собираться опять другие кучки. Притащили трехцветные флаги, взяли из управы царские портреты, откуда-то взялись попы и начался торжественный молебен. Чуявшие одобрение владимирского губернатора Леонтьева, открыто поощрявшего во Владимире черную сотню к насилиям и грабежу, выступили тут же ораторы из лавочников и темной толпы с проповедью погрома. Подобные собрания происходили еще кое-где по городу и всюду тщательно охранялись казаками. Полицейские агитировали в кучках, что Витте — еврей, что он обманул царя, что царя надо спасти от евреев. Помолившись богу, возбужденная призывами к насилию, черная сотня уже пробовала свои силы тут же на площади над отдельными лицами. Так, были жестоко избиты два рабочих, осмелившиеся выпустить критическое замечание по поводу портретов. Присутствовавшие тут же полицейские энергично... содействовали избиению палками, очевидно занятыми на сей случай. Полицеймейстер, вступившийся под конец, едва не пострадал сам. Толпа с обнаженными головами безумно носилась по площади с флагами, произносились речи, царские портреты на четыре стороны осеняли православных. С наступлением темноты город замер, лишь кое-где носились какие-то крики.

На следующий день (воскресенье) на площади собралось еще более народу. Все шло по черносотенной программе: молебен, „речи", составление плана погрома, об'явление домов и лиц, подлежащих уничтожению, разделение на отряды, наконец, вооружение погромными снарядами. Лавочники и фабри-

канты ликовали. Первые так сразу трех зайцев убили: и царя-батюшку спасали и своему карману одна польза — „жидовские лавки разобьем, ан и торговать лучше будем...", а за одно рабочим отомстим за лето. „Депутатишек-то этих главное бы поизбить — все фабрики испоганили..." — лелеяли свои думы фабриканты и через подручных вдохновляли грабителей водкой и втолковывали свои думы в скрытые головы, а в своей „Думе" открыто из'яснялись на те же темы — стесняться тут-то уж было нечего: все люди свои — черносотенники. И те, и другие, и полиция сходились в своих планах. Летом, после 2-месячной забастовки, голодавшие рабочие, использовав все средства для мирного приведения к концу переговоров с фабрикантами, заявили им, что им больше ничего не остается делать, как насильно добыть себе пропитание: но фабриканты и тут не пожелали даже вступить в переговоры с „своими" рабочими. Тогда по городу были разбиты мелочные и мучные лавки и сожжены фабрикантские дачи. Так как же теперь не отомстить своим врагам в лице их депутатов и „подстрекателей"! В проскрипционные списки были внесены под рубрику „подстрекателей" все те известные обыватели, кто имел интеллигентное обличье или обладал каким-либо другим подходящим „качеством".

И вот, напитавшись речами, залив сердце водкой, предводимые хулиганами с флагами и портретами, толпа ринулась на разбой. Полетели стекла в „жидовских" магазинах, затрещали рамы, посыпались товары, мебель, утварь, пух покрыл снегом мостовые. Обитатели домов успевали большей частью бежать, не столь проворных озверевшая сотня учила, что такое еврей в России. Безумное завыванье толпы, ужасное дело разбоя, зверское калеченье мирных людей леденили душу у случайного зрителя. Видевший картины погрома навек их не забудет.

Отдельные отряды черной сотни носились по городу и громили „жидов" и депутатов. Так, одним из первых был разгромлен дом, где жил бывший председатель собрания депутатов Н.; Н. с семьей успел спастись. Тут же присутствовали околоточный и полицейские. В самом разгаре погрома на улице показались казаки. Раздались крики зрителей остановить грабеж, но казаки, усилив галоп, пронеслись мимо дома, отдав честь громилам, стоявшим с флагом.

На следующий день погром был в полном разгаре. Фабрики стояли, закрытые на два дня владельцами. Казенки были открыты, на фабриках рабочие поились водкой, раздавались местами какие-то деньги. Кровожадной толпой черная сотня носилась по городу, нигде не встречая ни тени отпора. Дограбливались разгромленные дома; громили новые, искали „жидов" и новых об'ектов для погрома. Были разгромлены квартиры нескольких лиц с иностранными фамилиями. Руки чесались, пролитой крови, казалось, было мало. По городу открыто ходили кучки человек 3—5 с ломами, топорами, веревками на плечах, приглашая желающих направиться туда-то. После собрания на площади толпами направились по фабрикам искать депутатов. Было ужасное, кровавое утро. Депутатов вытаскивали на фабричный двор и там на глазах полиции и фаб. администрации зверски убивали. Особенно жестокое избиение было на фабрике Г., наиболее передовой в городе по порядкам и составу рабочих. Там были убиты почти все депутаты, прихвачены и некоторые из передовых рабочих. Их бросали в котлы, топили в реке, медленно, мучительно калечили и уже буквально растерзанных добивали на смерть. Рабочие мужественно встречали смерть и, уже искалеченные, все кричали в лицо мучителям тот же лозунг, уже отживший: долой самодержавие. К вечеру больница переполнилась убитыми и ранеными. Но изуверы и тут не оставили своих жертв. Черная сотня дежурила у больницы, и только наряд солдат кой-как сдерживал их. Они приступили к администрации больницы с требованием выдачи им рабочих на растерзание. А в ответ им неслись из больницы среди стонов те же крики, то же проклятие отжившему строю. Вечером была охота за депутатами на Ямах. Кто мог и успел, бежал из Иваново. На вокзале было опасно показаться, черная сотня работала и там. Но на следующий день, вопреки ожиданиям, рабочие стали на работу. Погром стих; массовых нападений не было, но охота за отдельными лицами продолжалась. К вечеру пронесся слух, что рабочие на двух литейных заводах толпой в 500 человек ушли совещаться для принятия мер против погрома. Атмосфера сразу разрядилась. А на следующий день уже передавали, что „красные" оправились и засели в Боголюбовской слободе. Вздох облегчения пронесся по городу.

Нижний-Новгород.

(Корр. „Новой Жизни".)

„Как могло бы быть".

Да, так могло бы быть, так должно бы быть и так было бы во всей России, если бы, с одной стороны, вчерашний обыватель и нынешний — с разрешения начальства — гражданин понимал, что в настоящий исторический момент у него единственная защита от произвола и насилия — испытанная армия самоотверженных борцов-пролетариев; если бы с другой—у наших „последних могикан" оставалась хоть капля, не говорю уже, сознания, ответственности перед народом и потомством: это „слишком много чести" для них, — нет, а простого, самого элементарного чувства человечности, того чувства, которое заставляет профессионального разбойника - убийцу пощадить ребенка, женщину, беспомощного старика...

Я говорю об „октябрьских днях" в г. Нижнем-Новгороде...

Едва ли еще в России они были так знаменательны. И знаменательны вдвойне: как по силе пролетарского движения, так и в смысле доказательства (так сказать „доказательства от противного"), с таким усердием оспариваемого сейчас правительством, утверждения, что только благодаря преступным стараниям исполнителей его велений, их непосредственному участию, имели место те ужасы, так нагло, бестыдно-нагло сваливаемые на голову несчастного „народа"...

Это второе обстоятельство побуждает меня поделиться своими впечатлениями, даже больше, чем первое: как ни величественно - прекрасна картина моря народного, прорвавшего, наконец, многовековую плотину гнета и бесправия и гордо катящего свои могучие волны в страну свободного простора, но история увидит еще немало более прекрасных картин; подвиги же „слуг царевых" едва ли еще повторятся на нашей многострадальной родине, по крайней мере, во всей своей теперешней гнусности (их надо торопиться запечатлеть).

Манифест 17-го октября получен был в Н.-Новгороде в ночь на 18-е число, но уже к утру этого дня о нем знал весь город.

К 12-ти часам дня стали стекаться толпы на Благовещенскую площадь, перед Кремлем, к месту строящегося памятника Александру II-му.

Толпы двигались с красными знаменами. Кошмар нашей страны—полицейский мундир—блистал своим отсутствием...

Вот на пьедестале памятника появляется оратор, социал-демократ... В сжатой сильной речи поясняет он, кто именно и какими жертвами добился тех уступок, которые обещаны манифестом; их недостаточность и отсутствие гарантии осуществления обещанного; он призывает не складывать оружия и помнить, что впереди еще долгий, тяжелый путь борьбы—борьбы за сохранение добытого сейчас, борьбы и с теми, кто главным образом пожнет плоды геройских подвигов рабочего класса...

Толпы все прибывают... С нижней части города потоком вливаются рабочие заречной части. Их приветствуют радостными криками... С противоположной стороны слышатся звуки оркестра... Звуки приближаются, крепнут и, наконец, отчетливо выливаются в торжественные раскаты „марсельезы". Это движется новая толпа под пролетарским знаменем.

Настроение подымается до восторженно-боевого. Призыв итти освободить томящихся в тюрьмах товарищей находит единодушный отклик, и вся масса собравшихся на площади, с группой знаменосцев и оркестром впереди, под звуки революционных песен, движется по главной улице к женской тюрьме. По дороге к ней присоединяются все новые и новые группы—и перед тюрьмой уже целое море—тысяч до 10.

Полиция и все, что с ней,—отсутствует.

Перед тюрьмой расчищается большая площадь для встречи заключенных. Оказывается, однако, что всех уже освободили заранее, кроме одной. Через несколько минут освобождается и последняя и встречается радостными криками толпы. Делегаты от манифестантов обходят все камеры и об'являют, что ни одной заключенной больше нет.

От женской тюрьмы манифестанты двигаются к мужской. Те же возгласы, те же песни, то же бодро-радостное настроение. По дороге узнают, что и из мужской тюрьмы все выпущены, кроме одного обвиняемого в политическом убийстве и покушениях на убийство, который, однако, сейчас тоже будет освобожден. Известие встречается победными возгласами. Идут удостовериться, что и в мужской нет больше никого... Снова

торжественная встреча, снова победные крики и речи—речи с призывами к дальнейшей борьбе, с призывами почтить память тех, кровью которых добыта та свобода, которой сейчас с таким восторгом пользуется тот, кому усиленно внушали еще вчера, что он не дорос до нее, что он ее не хочет...

Полиция отсутствует...

Так праздновал 18 октября вчерашний обыватель города: служащие, учащиеся, ремесленники, приказчики и городские рабочие.

Но вот другая картина: действующие лица здесь исключительно рабочие.

Площадь перед военной гауптвахтой в Кремле. У входа на гауптвахту два ряда солдат с двумя офицерами во главе; перед ними свободное пространство, окаймленное рядом красных знамен и цепью из рабочих. За цепью тысяч 5 сормовских *) рабочих, внутри цепи, почти вплотную перед солдатами, группа из 20 организованных рабочих, на плечах которых—оратор. Он говорит к солдатам. Речь вдохновенная, речь вызывающая бурю восторга. В ответ ей с гауптвахты машут красным платком трое заключенных за политические преступления—солдаты и офицеры. На лицах офицеров, охраняющих гауптвахту, смущение и растерянность...

Оратор говорит к манифестантам. Среди речи подходит новый отряд солдат человек в 300 и окружает все пространство, занятое знаменосцами и ораторами.

Манифестанты вмешиваются в цепь солдат, беседуют по группам, в одиночку.

Солдаты жадно ловят каждое слово.

От пресловутой дисциплины нет и следа.

Кто-то заявляет от лица городского головы, чтобы манифестанты отнюдь не боялись какого бы то ни было насилия со стороны администрации, что голова гарантирует полную неприкосновенность личности, что относительно заключенных солдат и офицера будут приняты немедленные меры к освобождению, что, наконец, казаки завтра уже будут выведены из города, и если их увидят сейчас проезжающими, то пусть знают, что это они уезжают в казармы.

Манифестанты под звуки революционных песен покидают Дворцовую площадь, выходят на Благовещенскую, где соединяются с возвращающимися от мужской тюрьмы...

Спускающаяся ночь покрывает своим покровом заключительный митинг этого дня на открытом воздухе. С 9 часов вечера митинги в городском театре и Народном доме. Но о них и о еще более грандиозных манифестациях 19-го октября—до следующего раза.

И. Ш.

С. Николаевский Городок.

Саратовского уезда.

(Корр. „Новой Жизни".)

Революционные октябрьские дни отразились и у нас в деревне. После выхода манифеста крестьяне приступили к решительным действиям. Смещены все волостные и сельские власти и произведены новые выборы, в волостном правлении уничтожены дела, касающиеся воинской повинности и уплаты податей; арестована почта, и деньги конфискованы на вооружение народа; казенная винная лавка перешла в руки крестьян, при чем выручка получила то же назначение, что и почтовые деньги. По отношению к помещикам никаких насильственных мер не было принято, за исключением одной: отобрали хлеб и разделили между крестьянами, оставив помещику такое количество, какое необходимо ему, семье и слугам до нового урожая. Помимо того, по окрестным деревням были посланы депутаты с предложением присоединиться к общему движению. Но вот прошел слух, что из города идут войска. Тотчас же были приняты меры для отражения нападения. Земледельческое училище, находящееся в нашем селе, было превращено в крепость: устроены баррикады, заготовлено оружие, расставлены караулы, откуда-то достали даже пушку и укрепили на выгодной позиции. В ту же ночь пришли две роты, но не решились даже войти в село и вернулись обратно. На другой день подошел саратовский вице-губернатор Кноль с большим отрядом войска и остановился в соседней деревне. Защитники же, убедившись в своей малочисленности, решили отказаться от сопротивления и скрылись. Узнав об этом, г. Кноль храбро въехал в Николаевский Городок, произнес громовую речь крестьянам и затем, напоив наиболее темных из них, натравил на ни в чем неповинных учеников училища, оставшихся в деревне. Многие из них при этом погибли.

В других деревнях происходило приблизительно то же. Результаты были плачевны. В эти дни не раз можно встретить в поле такую картину: по дороге, покрытой невылазной грязью, плетется группа крестьян, человек в 50. Лица у них хмурые, серьезные. Кругом цепь казаков.

В городе тюрьма переполнена крестьянами. Помещичьи усадьбы горят десятками.

*) Сормовские заводы находятся в 5 верстах от города. В них до 12 тысяч занятых рабочих и около 40 тыс. всего заводского населения.

Ярославль.

(Корр. „Новой Жизни".)

В нашем городе стачки и вообще рабочее движение — явление весьма редкое. Однако, могучая волна стачечного движения коснулась и местных рабочих. Первыми забастовали рабочие станции Урочь. На следующий день примкнули к ним рабочие и служащие станции Ярославль. Затем началась стачка земских типографских рабочих, которые „сняли с работ" и остальных типографских рабочих, за исключением типографии губернского правления, где были приняты экстраординарные меры охраны, вплоть до забаррикадирования ворот и т. п.

В следующие дни к стачке примкнули еще кой-какие мастерские, а 17 числа забастовали рабочие с фабрики Вахрамеева. Образовался Стачечный Комитет. Последний поставил своей задачей провести забастовку на Корзинкинской фабрике, на которой работает более 14 тысяч рабочих, и других фабриках и заводах. Стачечным Комитетом, главным образом, руководил местный комитет Социал-Демократической Рабочей Партии, хотя типографскими рабочими руководили больше социалисты революционеры.

Типографские рабочие выставили сначала исключительно экономические требования. Железнодорожные же рабочие и служащие к экономическим требованиям присоединили политические. В общем, программа требований железнодорожных рабочих вполне совпадала с требованиями, выставленными московским Стачечным Комитетом железнодорожных служащих.

Особенно характерна история стачки в типографии губернского земства. Председатель управы г. Крылов не пожелал даже разговаривать с депутацией от стачечников, а управа вывесила в типографии печатное об'явление, гласившее, что тех рабочих, которые не встанут на работы до 12 часов дня, она будет считать отказавшимися от работы, и они могут взять расчет. Конечно, рабочие не встали на работу.

На защиту интересов типографских рабочих выступил профессиональный союз служащих губернского земства. На собрании земских служащих был выработан ультиматум, в котором предлагалось управе немедленно обсудить требования типографских рабочих совместно с представителями комитета и союза служащих и представителями наборщиков. Управа на это согласилась, а в конце концов согласилась удовлетворить все требования наборщиков. Точно так же были удовлетворены требования и в других типографиях: „Северного Края", „Ярославского Вестника".

— 16 числа сотрудники „Северного Края" об'явили политическую забастовку, а 17 числа служащие губернского земства устроили собрание по вопросу о политической забастовке, на котором было постановлено продолжать забастовку, пока не будет созвано Учредительное Собрание на основе всеобщего и т. д. избирательного права и при наличности основных свобод. Стачечное движение готово было охватить и еще некоторые фабрики, заводы, торговые заведения, но манифест 17 октября, удовлетворивший известную часть политических требований, положил конец почти всем забастовкам. Нам остается в заключение очерка стачечного движения указать на весьма характерный факт. 14 октября губернатор Рогович расклеил по городу об'явление с угрозою, что если стачечники будут насильственно прекращать работы на фабриках и заводах, то он для устранения такого рода насилия применит военную

силу. Это распоряжение очень ярко обрисовывает его политику, если мы сопоставим бездеятельность г. Роговича во время еврейских погромов и избиений учащейся молодежи (с 18 по 22 число), когда было так много совершено насилий и грабежа и г. Рогович ни одного раза не пожелал применить военную силу для рассеяния толпы черносотенников.

Двинск.

19 октября на Соборной площади состоялся громадный митинг всех партий, из каждой говорили свои ораторы.

Во время митинга пронесся слух, что на товарной станции СПВ. железной дороги стреляют в рабочих. Это сильно встревожило присутствующую на митинге массу. Некоторые решили итти к железнодорожным рабочим на помощь. Примкнувшие к ним бросились на Рижскую улицу взламывать оружейные магазины. Этим обстоятельством не преминули воспользоваться хулиганы и стали таскать, как передают, из магазинов самовары и другие вещи. Нападение на оружейные магазины возмутило многих из горожан. 19-е октября закончилось трагически. На Московской улице в расходившихся по домам демонстрантов стрелял казачий раз'езд. В результате 4 убитых и несколько человек раненых, из коих 2 или 3 тоже скончались. Делу о стрельбе казаками, говорят, дан законный ход. („С.-З. Край").

Редактор-издатель *Н. М. Минский.*

Издательница *М. Ф. Андреева.*

ГОД ПЕРВЫЙ. С.-ПЕТЕРБУРГ.

№ 7

ВТОРНИК, 8 НОЯБРЯ
(21 ноября) 1905 г.

Новая Жизнь

От Вольного Экономического Общества.

Уже не раз в тяжелые минуты, переживаемые нашей родиной, Императорскому Вольному Экономическому Обществу приходилось выполнять возлагаемые на него временем задачи. По примеру прошлых голодовок и ныне Императорское Вольное Экономическое Общество позволяет себе обратиться ко всему русскому обществу с предложением соединить свои силы в борьбе с новым бедствием, постигшим Россию. Ни на минуту не ослабляя общественной борьбы во имя освобождения страны от угнетающих ее общих условий государственной жизни, благодаря которым каждый неурожай неизбежно сопровождается у нас голодом, необходимо обратить внимание и силы общества также и на непосредственную помощь тем, которые уже теперь принуждены голодать.

Более 23 губ. постигнуты неурожаем и уже страдают местами от тифа, а в конец подорванное экономическое положение русской деревни заставляет с ужасом подумать о том, что будет с этой деревней, лишенной хлеба, топлива, скота, павшего жертвой бескормицы. Впереди снова виднеются сотни тысяч жертв голода. Перед этой картиной ужасной действительности священный долг каждого притти с непосредственной помощью голодающим, отстаивая по мере сил своих самое святое право каждого — право на жизнь.

Императорское Вольное Экономическое Общество призывает все русское общество помочь вопиющей народной нужде, кто чем может; с своей же стороны оно берет на себя организацию помощи голодающим при тесном союзе в этом деле с другими общественными организациями.

Пожертвования могут быть направлены по адресу: Спб., Забалканский, д. 33, в Императорское Вольное Экономическое Общество.

Сведения о всех поступивших пожертвованиях и отчет о них будут своевременно публиковаться.

Вице-президент *А. Фаминцын.*

И. д. секретаря *В. Яковлев.*

Петербургское отделение союза инженеров и техников
об'являет начальнику Адмиралтейских Ижорских заводов в Колпине
ген.-майору ГРОССУ
БОЙКОТ
за увольнение 16 инженеров, примкнувших к всеобщей политической забастовке.

Бюро.

С.-Петербург.

8-го ноября.

Политическая забастовка и организация пролетариата.

Петербургский рабочий класс еще раз показал свою политическую зрелость и высокий под'ем революционной энергии. Совет Рабочих Депутатов г. Петербурга 1 ноября постановил об'явить политическую забастовку в виде протеста против суда над кронштадтцами и против военного положения в Польше. На попытку правительства кровью потушить огонь освободительного движения рабочий класс ответил угрозой вновь приостановить общественную жизнь.

Еще раз выясняется та реальная политическая сила, которая находится в руках пролетариата. И вопрос о том, как наилучшим образом, т. е. с наименьшей тратой и с наибольшим результатом, использовать ее, имеет громадное значение не только для пролетариата, но и для всего освободительного движения в России.

Россия стоит на распутьи. Старый порядок рухнул. Это — несомненно. Вернуться к нему Россия больше не может. Но что заменит старый порядок? Какой новый государственный строй будет выработан? И кто его будет вырабатывать? Вот вопросы, которые требуют немедленного разрешения и не только на бумаге, но и на деле.

Для нас они решены: должно быть немедленно созвано всеобщим равным, прямым и тайным голосованием Всенародное Учредительное Собрание, которое установит в России полное народовластие, законченный демократический строй.

Как осуществить это требование, если весь старый правительственный аппарат остается у власти и в силе? Он действует старыми приемами, частью по инерции, частью по сознательному расчету двигающих его лиц: для громадной бюрократической армии самодержавного режима учреждение демократического строя равносильно гражданской смерти. Точно так же невыгоден демократический строй для общественных классов, пользовавшихся всевозможными привилегиями при самодержавии.

Вот почему правительство призывает народ к терпению и „пока" все старые законы оставляет в силе, не указывая для этого „пока" никакого срока. Вот почему ни одна из провозглашенных в манифесте 17 октября свобод не получила на практике осуществления.

Свобода собраний... Но она была взята пролетариатом задолго до манифеста, а теперь правительство стеснило ее, закрыв университеты, где собирался народ.

Свобода печати... Но и ее взял сам пролетариат. А правительство пытается теперь наложить на нее узду, грозя поселением и каторгой за действительно свободное слово.

Неприкосновенность личности и жилища... Но странно и произносить эти слова в дни, наполненные ужасами убийств и погромов, совершенных „черной сотней" под прикрытием и при содействии полиции и войск. Странно и говорить о неприкосновенности граждан, когда половина России находится на военном положении.

В сознании необходимости и неизбежности уступок народным требованиям отдельные агенты правительства, быть может, искренно хотят провести „реформы". Но эти заплаты не к чему пришить. Старый строй прогнил насквозь. Не о починке его идет дело, а о замене новым, демократическим строем. Но и помимо того, реформы требуют новых деятелей, реформаторов. И невозможно искать их в рядах того правительства, которое всеми силами противилось реформам, для которого реформы казались равносильными самоубийству. Поэтому-то уж столько раз провозглашавшиеся правительством реформы оставались мертвой буквой.

И вот, в течение уже целого года мы присутствуем при необыкновенно поучительной исторической картине. Революционный пролетариат шаг за шагом берет революционным путем права для народа. Свобода стачек, союзов, собраний, слова — год назад это была область мечтаний, которые некогда были названы „бессмысленными". Теперь это — совершившийся факт. Год назад земцы, с'ехавшись в Петербурге, лепетали об „участии" представителей населения в государственной деятельности. Теперь долженствовавшая дать это „участие" гг. земцам и прочему „порядочному обществу" „Булыгинская Дума", не увидавши света, сдана в склад исторических редкостей, в качестве поучительного памятника хитроумной бездарности русской бюрократии. И место Государственной Думы заняло Всенародное Учредительное Собрание, как непреклонное требование революционного пролетариата.

В мере революционных завоеваний пролетариата, но в хвосте их шла, так сказать, литературная деятельность правительства. Издавались указы, рескрипты, манифесты и прочие правительственные акты относительно реформ. Собирались комиссии, сочинявшие многословные проекты всяких „улучшений". Но сил исполнить эти проекты не было. Ибо бюрократия самодержавного режима знала только два слова, да и те из лексикона щедринских помпадуров: „Не потерплю и разорю". А тут приходилось „либеральные" реформы сделать... И народ получал только те права, которые он брал сам революционным путем.

Так было до сих пор. И что касается деятельности правительства, то положение вещей не изменилось. По-прежнему правительство бессильно исполнить свои же собственные обещания реформ и попрежнему оно хочет насилием прекратить освободительное движение народа. Но революционному пролетариату приходится считаться с новыми условиями борьбы, с возможностью направленного против него союза буржуазных элементов и правительства.

Если низы, подонки буржуазии и „босяки" в виде „черных сотен" направляются против революции, как дикая сила, способная подавить ее ужасом убийств и грабежей, то верхи буржуазии готовы выступить в роли „успокаивающих" народ реформаторов, в роли, которую так неудачно пыталось до сих пор играть правительство. Либеральные буржуа еще торгуются с правительством. Но, кажется, сделка скоро будет заключена. И тогда речь пойдет о том, чтобы оставить народу как можно меньше прав, завоеванных им ценою стольких жертв.

Таков общий политический смысл совершающихся теперь событий. И рабочему классу, этому передовому бойцу российской революции, надо ясно понимать его. Чтобы до конца победоносно провести дело революции, дело освобождения России, недостаточно тех временнных и смешанных по политическому составу организаций пролетариата, которые проводят политические забастовки. Нужна всероссийская сильно организованная рабочая партия, единая по своей политической программе и тактике. Такая партия пролетариата у нас уже есть. Это — социал-демократия. В наши дни она должна только, оставив те конспиративные рамки, в которых она действовала до сих пор, открыто об'единить под своими знаменами весь российский пролетариат.

„Послабление" крестьянам.

На стремление крестьян выбиться из тисков бесправия и нищеты, стремление, превращающееся в наши дни в грозную лавину, готовую смести на своем пути все препятствия, правительсто ответило манифестом 3 ноября.

Манифест „дарует" крестьянам льготы по приобретению земель через Крестьянский Банк и уничтожает выкупные платежи с 1907 г., на 1906 же г. уменьшает их наполовину.

А сословная бесправность крестьян? А вся та туча большого и мелкого начальства, которая, как сибирский „гнус", покрывает и мучит крестьянство? А тот повелительный вопль о земле, который заполнил теперь всю Россию?

В манифесте 3 ноября на эти вопросы нет отзвука... Очевидно, не окреп еще голос народа.

На крестьянском вопросе мы остановимся подробно в следующем номере. Здесь же ограничимся замечанием, что манифест не только не разрешил его, но, можно сказать, и не затронул.

— Каждые десять дней — политическая забастовка, — ужасался профессор, — это безумно. Протестовать против смертной казни, конечно, следует, но ведь у нас существует лига борьбы со смертной казнью, и мы, вместо того, чтобы устраивать забастовку, можем поручить ей организовать митинги протеста. (Смех.)

Остальные ораторы не столько доказывали необходимость забастовки, сколько то, что об этом уж поздно рассуждать.

— Раз Совет Рабочих Депутатов об'явил общую политическую забастовку, — говорили ораторы, — нам остается только примкнуть к ней, иначе мы отстанем от освободительного движения...

В конце концов было решено предоставить обсудить вопрос о забастовке бюро отдельных союзов.

После продолжительного совещания выяснилось, что все бюро стоят за забастовку, но считают необходимым созвать для окончательного решения вопроса всех членов союза.

В комическом положении очутился союз равноправия женщин, состоящий, как известно, исключительно из буржуазных элементов.

— Мы—тоже за забастовку,—докладывала представительница союза,—но фактически не можем ее осуществить, так как мы и так ничего не делаем.

На общих собраниях союзов, состоявшихся 3-го и 4-го октября, решено было, после страстных и оживленных прений, примкнуть к забастовке.

Центральный комитет Союза союзов 6 ноября, согласно решению Совета Рабочих Депутатов, с своей стороны, постановил прекратить забастовку 7 ноября в 12 час. дня.

По вопросу о постоянных сношениях с Советом Рабочих Депутатов постановлено послать двух делегатов в С. Р. Д. с предложением предоставить им право совещательного голоса.

Предложение группы учителей средней школы социал-демократов об участии в заседаниях с правом совещательного голоса отклонено. Затем постановлено:

1) Выразить протест против увольнения за забастовку.
2) Принять в состав Союза союзов союз сотрудников печати.
3) Устроить 10 ноября митинг по поводу смертной казни.
4) Устроить митинг 12—13 ноября по поводу погромов.

Для устройства митингов избрана комиссия.

В союзе инженеров и техников.

Собрав необходимые данные по поводу увольнения 16 инженеров с Адмиралтейских Ижорских заводов в Колпине, союз инженеров и техников считает своим долгом выступить с энергичным протестом и защитой своих членов, пострадавших за общее освободительное движение.

Обстоятельства дела. К политической забастовке, охватившей всю Россию, примкнул, конечно, и Ижорский завод. Сначала прекратили работы инженеры, а затем постепенно все рабочие. О своем решении забастовать, состоявшемся на собрании 16 октября, инженеры послали коллективное заявление начальнику завода генерал-майору Гроссу *), который, отказавшись принять депутацию, передал, что завод будет работать во что бы то ни стало. В понедельник, 17 октября, двое инженеров — Солончаков и Ботяновский, состоящие в запасе армии, но не призванные в действующую армию, как люди необходимые заводу, получили официальный призыв к исполнению обязанностей, а в пятницу, 21 октября, в виду их отказа, были извещены об увольнении.

Обсудив это обстоятельство, инженеры подали г. Гроссу коллективное требование об отмене этого распоряжения или распространении его на всех, в виду их полной солидарности. В ответ на это требование все подписавшиеся, а также и Солончаков и Ботяновский, получили 26 октября следующее уведомление: „Вследствие отказа вашего от службы, прошу дела и имущество передать (такому-то), сообщив об исполнении и приложив сдаточные документы".

Петиция 2000 рабочих об оставлении на местах инженеров не имела успеха; г. Гросс заявил депутации рабочих, что представит петицию высшему морскому начальству, но сам будет настаивать на удалении непокорных.

Среди уволенных инженеров оказалось несколько лиц, составивших себе имя в технике и создавших целые отрасли отечественного производства (броневое дело). Некоторые из них потратили лучшие годы своей жизни на создание и улучшение дела на заводе, но г. Гросс, как истый бюрократ, привыкший ставить выше всего внешний порядок и благоволение начальства, а не интересы дела, не остановился перед разгромом всего вверенного ему, очевидно, по недоразумению, предприятия. В настоящее время можно сказать, что Ижорских заводов не существует как промышленного предприятия, так как там нет того запаса опыта, знаний и авторитета, который собран многими поколениями и достойными хранителями которого были уволенные инженеры. Рабочие теряют в них своих постоянных руководителей и просветителей. Как представитель ретроградной бюрократии, г. Гросс не оказался не причастным к „черному террору" и к числу своих отечественных заслуг прибавил жестокое избиение казаками мирной толпы рабочих. По словам очевидцев, расправа происходила не только на площади, но и в потребительской лавке, где ворвавшиеся казаки избивали покупателей, в числе которых были женщины и дети.

Принимая все изложенное во внимание, общее собрание инженеров и техников выражает глубочайшее негодование по адресу ген.-майора Гросса, требует немедленного удаления его, настаивает на возвращении всех уволенных инженеров и об'являет их места не подлежащими замещению. Лица, согласившиеся занять эти места, должны знать, что и они подвергнут себя всем последствиям бойкота, который союз об'являет г. Гроссу.

Союз приглашает все общество принять самое деятельное участие в бойкоте г. Гросса и поручает бюро союза войти с циркулярным предложением во все учреждения и технические общества и союзы, могущие содействовать реальности бойкота.

Приводим список уволенных инженеров: заведующий броневым отделом Иван Кондратьевич Названов. Мастер бронезакалочной мастерской инж.-технолог Александр Ингольдович Леонтович. Заведующий сталеплавильной мастерской инж.-технолог Иван Федорович Яргин. Конструктор заводов Дмитрий Дмитриевич Дубницкий, инж.-технолог. Заведующий главной чертежной инж.-технолог Афанасий Георгиевич Кишкин. Заведующий медно-прокатной мастерской инж.-технолог Борис Владимирович Жирмундский. Мастер оборочной мастерской, инж.-технолог Борис Моисеевич Ботяновский. Заведующий железоделательным и прокатным заводом инж.-технолог Николай Яковлевич Солончаков. Помощник мастера мастерской цельнотянутых труб инж.-технолог Дмитрий Владимирович Кац. Заведующий лабораторией Александр Емельянович Нефед-Нефедовский. Помощник заведующего лабораторией инж.-технолог Степанов. Заведующий электр. ст. электротехник Степан Михайлович Гладков. Мастер цинковальной мастерской Дмитрий Петрович Ларионов. Помощник кузнечного мастера Арсений Арсеньевич Нечаев. Инж.-технолог Игнатий Васильевич Дерябкин.

*) Генерал-майор Гросс окончил курс в морском техническом училище в Кронштадте инженер-механиком.

Об организации.

Социал-демократия и Совет Рабочих Депутатов.

Чтобы правильно определить ту позицию, которую по необходимости должна занять наша Партия по отношению к Рабочему Совету, нужно, прежде всего, дать себе отчет в том, что такое представляет из себя Совет Рабочих Депутатов.

Всякий раз, когда более или менее широкие народные массы приходят в движение, когда скрытое внутри их брожение находит себе выход в форме того или другого активного выступления, — всякий раз в таких случаях активно выступившая масса нуждается, а потому и выдвигает исполнительный орган своего активного высту-

пления. Пути, при посредстве которых выдвигаются массою такие исполнительные органы, очень различны. В некоторых случаях во главе массы становятся люди, наиболее активно себя зарекомендовавшие в данном выступлении. На них, без всяких выборов, даже без всякого уговора, так сказать, молчаливым согласием, и переносится вся сила исполнительной власти. Так, напр., иногда бывает во время крестьянских бунтов. В других случаях масса доверяет проведение своих постановлений тем организациям, которые пользуются в ее среде достаточным для этого авторитетом. В районе Бунда, а также в Царстве Польском политические стачки, а часто и экономические проводятся всецело социалистическими организациями Бунда, С.-Д. П. и Л., П. П. С. Наконец, иногда исполнительный орган выбирается самою массою. Так именно было у нас во время октябрьской забастовки, когда забастовавший пролетариат Петербурга выбрал Рабочий Совет, поручив ему вполне определенную функцию — проведение об'явленной пролетариатом политической забастовки. Таким образом, генезис Рабочего Совета ясен: это — выбранный пролетариатом исполнительный орган определенного пролетарского выступления. Ни больше ни меньше. И понимая его именно таким образом, социал-демократические петербургские организации как „меньшинства", так и „большинства" решительно повели агитацию за выборы в Совет, как только идея выборов возникла у массы. Конечно, с точки зрения Партии представляется наиболее желательным тот случай, когда масса настолько доверяет Партии, что при каждом своем выступлении смотрит на партийные организации, как на признанный уже исполнительный орган, управляющий всеми движениями массы. При таких условиях ни о каких выборах масса и не думает. Но, к сожалению, при всем громадном идейном влиянии, которое, несомненно, социал-демократия оказывала и оказывает на рост и формы русского рабочего движения, организационные формы партии, по условиям подпольной работы, были слишком несовершенны для того, чтобы они позволили партии не только идейно, но и организационно овладеть массой. Партия это сознавала, а потому она же сама бросила в пролетариат идею выборов, вела агитацию за Рабочий Совет и старалась провести туда своих кандидатов. Таким образом, самый Рабочий Совет возник при непосредственном участии в его образовании социал-демократической партии, и я думаю, что не ошибусь, если скажу, что значительная доля того влияния, которым Рабочий Совет, несомненно, пользуется, которое позволило ему сыграть такую видную роль в октябрьской забастовке, — создана для него именно социал-демократией.

Итак, Рабочий Совет, как исполнительный орган пролетарского выступления — политической забастовки, возник под непосредственным влиянием социал-демократической агитации. Но вот окончилась забастовка, а Рабочий Совет все-таки продолжает существовать. Мало того, он обнаруживает сильное стремление стать политическим вождем рабочего движения. Физиономия его, таким образом, резко изменяется.

Сообразно этому, должно измениться и отношение к нему Р. С.-Д. Р. П. Если социал-демократия решительно поддерживала Рабочий Совет как исполнительный орган пролетарского выступления, то теперь она должна не менее решительно бороться со всякой попыткой его стать политическим вождем рабочего класса. В самом деле, Рабочий Совет представляет из себя комплот лиц самых разнообразных политических оттенков. При таких условиях политическое руководство Рабочего Совета пролетарской борьбой определится взаимодействующей всех борющихся в нем элементов. Линия пролетарского движения, если только последнее пойдет под руководством Рабочего Совета, будет не прямой, а ломаной, с судорожными изгибами то вправо, то влево, в зависимости от того, чье влияние одержит в нем верх. Неопределенность политической физиономии Совета, его так называемая „непартийность" поведут лишь к тому, что его политика будет политикой компромиссов, каковою по необходимости должна быть деятельность всякого учреждения, носящего характер парламента с представленными в нем различными политическими течениями.

При таких условиях Рабочий Совет, сам того не подозревая, может столкнуть рабочее движение на путь оппортунизма, может невольно стать той лазейкой, которую до сих пор тщетно ищут буржуазные партии, старающиеся вести рабочих на поводу у буржуазии. Вот почему социал-демократия, для которой дороже всего чистота пролетарского движения, которая более всего борется за то, чтобы рабочее движение, вместо изгибов в сторону буржуазии, шло по прямой линии истинно пролетарской социал-демократической программы и тактики, должна решительно бороться против всяких попыток поставить рабочее движение под руководство такой неопределенной политической организации, какою является Рабочий Совет. Вот почему вопрос о политической физиономии Совета был поднят в нем именно социал-демократическими элементами, вот почему социал-демократы агитируют за то, чтобы Рабочий Совет или принял социал-демократическую программу или отказался от роли политического вождя.

Для социал-демократов, которым дороже всего чистота пролетарского движения, это вполне понятно. Но, повидимому, это совершенно непонятно Партии Социалистов-Революционеров, на отношении которой к Рабочему Совету я хочу несколько остановиться.

В письме, помещенном в № 4 „Новой Жизни", делегаты социалисты-революционеры решительно протестуют против начатой Федеративным Комитетом нашей партии агитации в пользу признания Рабочим Советом социал-демократической программы. В то же время делегаты социалисты-революционеры находят для себя возможным участвовать в Совете, как в организации, „представляющей интересы всех рабочих г. Петербурга без различия партий". Таким образом, вопроса о том, может ли подобное представительное учреждение играть, без вреда для интересов рабочего класса, роль политического руководителя, — для социалистов-революционеров, повидимому, не существует. Явление, по меньшей мере, странное и, во всяком случае, показывающее, что о чистоте рабочего движения „партия всех трудящихся" не особенно-то заботится. Вместо того, чтобы ясно и определенно поставить и разрешить этот вопрос, социалисты-революционеры, „из соображений тактики", предпочитают оставаться в Рабочем Совете и, тоже из „соображений тактики", смотреть, как Рабочий Совет принимает социал-демократические директивы и фактически все время идет под флагом социал-демократии, ибо делегатов социал-де-

мократов там подавляющее большинство. Очевидно, интересы социалистической чистоты и выдержанности пролетарской борьбы у социалистов-революционеров отступают совершенно на задний план по сравнению с интересами собственной лавочки. После этого какою странною иронией звучит заявление делегатов социалистов-революционеров, что их партия также является „представительницей интересов пролетариата".

Социалисты-революционеры возражают, что Рабочий Совет, как учреждение представительное, не может быть партийным. Совершенно верно: в тот момент, когда Рабочий Совет об'явит себя социал-демократическим, он, как таковой, перестанет существовать, ибо нелепо итти к пролетариату и говорить ему: свободно выбирай в Рабочий Совет своих представителей, но помни, что ты можешь выбирать только социал-демократов, потому, что Совет социал-демократический. Мы говорим это открыто, ибо мы также открыто заявим, что, в противоположность социалистам-революционерам, считаем вредным для рабочего класса, если его борьбой будет руководить „беспартийное" учреждение; ибо мы, в противоположность социалистам-революционерам, твердо помним и не перестаем твердить на всех пролетарских собраниях, что именно под флагом „беспартийности", под лозунгом: долой партийность! — провозится в рабочую среду гнилой товар буржуазной идеологии, который, наверное, не прошел бы под своим настоящим именем.

Некоторые товарищи задают еще вопрос: какое место займет Рабочий Совет в Партии, если он примет нашу программу? Пролетарскому учреждению всегда найдется место в пролетарской партии. Это место определится по свободному соглашению между Партией и Рабочим Советом. По моему личному мнению, наиболее подходящая функция, которую Партия могла бы предложить Совету, это организация по отдельным производствам профессиональных союзов и об'единение их в общий рабочий профессиональный союз. Впрочем, это только мое личное мнение.

Наконец, встречается еще и такое возражение: об'явив себя партийным, Рабочий Совет, как таковой, перестает существовать. Но что же делать в случае нового пролетарского выступления? Ведь опять возникнет нужда в авторитетном исполнительном органе этого выступления? На это можно ответить следующее. Путем усиления нашей социал-демократической агитации, путем выхода из подполья и открытого выступления нашей партии, путем организации профессионального движения под руководством Рабочего Совета, вступившего в наши ряды,— путем всего этого мы надеемся к моменту нового пролетарского выступления настолько расширить организационное влияние нашей партии на пролетарскую массу, что, когда эта масса бросится в бой, она, обращаясь к нашим партийным комитетам, скажет: вот наши руководители, других нам не надо! К этому должен стремиться всякий сознательный социал-демократ. Если же это нам не удастся, если мы не сумеем стать признанными всею пролетарскою массою вождями ее борьбы, если пролетариат пожелает сам избрать своих вождей, мы так же, как и перед октябрьскими событиями, пойдем к нему и скажем: выбирай их, выбирай новый Рабочий Совет, новый исполнительный орган нового пролетарского выступления. Мы так же, как и теперь, поможем пролетариату создать этот орган; так же, как и теперь, постараемся занять в нем подобающее нам место, подобающее по тому влиянию, которым мы, как-никак, пользуемся в рабочей среде. Но мы так же, как и теперь, начнем борьбу

Памяти Павла Августовича Грожана.

(Убитого в Москве 22 октября с. г.)

Одной из грустных жертв насилия и зла
Пал смелый юноша, на улице убитый...
Он на посту стоял, когда свобода шла,
Чтоб быть ее защитой!
Он вышел на борьбу, когда царили тьма
И мертвенный покой постыдного терпенья;
Его ждала, как склеп, холодная тюрьма,
Но не была она могилой для стремленья.
И в сердце молодом огонь не угасал...
В глухих стенах тюрьмы страданьем закаленный,
Все силы отдал он за светлый идеал
И горячо будил народ порабощенный!
Свершалася мечта: он увидал, как шла
Свобода юная к восставшему народу...
И на посту своем, убит из-за угла,
Пал жертвой за свободу!

А. Лукьянов.

О профессиональном движении и о задачах социал-демократии*).

Основная задача социал-демократии, определяющая направление всей ее партийной деятельности, выражается в немногих словах: организовать рабочий класс в сознательную политическую силу, проявляющую себя как повседневным политическим выступлением, так и революционным натиском в критические минуты. Сознательные социалистические цели и революционные массовые выступления — вот две основные черты, отличающие доктрину с.-д. и ее тактику. Прививать их там, где они в зародыше, развивать их там, где они уже фактически проявляются, наконец, закрепить их в прочные организационные формы — таковы ближайшие задачи российского социал-демократического движения. Мы, несомненно, стремимся и должны стремиться к тому, чтобы партия стала организованным передовым отрядом класса, чтобы за нашими знаменами шли миллионы пролетариев, чтобы наши лозунги подхватывались миллионами людей, словом, чтобы сила пролетарского сознания превратилась в физическую силу организованной массы и подтвердила свои

*) Перепечатано из № 21 „Пролетария".

с этим новым Рабочим Советом, если только он из исполнительного органа пролетарского выступления будет стараться сделаться руководящим политическим органом пролетарского движения, ибо, повторяю еще раз, только пролетарская, строго классовая партия может руководить политическим движением пролетариата, сохраняя чистоту его лозунгов, а не такая политическая мешанина, такая неопределенная и неустойчивая политическая организация, какою является и не может не являться Рабочий Совет.

П. Н. Гвоздев.

О Совете Депутатов.

(Письмо в редакцию.)

Читатели-товарищи! Перед нами поставлен сложный, требующий при всестороннем рассмотрении холодной рассудительности вопрос — об определении политической роли или платформы, которую должен занять в данное время общегородской Совет Рабочих Депутатов. В самый момент возникновения Стачечного Комитета, еще при проведении в жизнь всеобщей политической забастовки, этот вопрос совершенно не стоял перед Советом, но теперь справа и слева, отдельными личностями и целыми группами, ставятся Совету вопросы о его политической физиономии. Так, на заседании Федеративного Совета фракций меньшинства и большинства была принята единогласно резолюция в том смысле, что Совет Рабочих Депутатов, если он предполагает политически руководить, а не ограничить свою деятельность известными, совершенно определенными, конкретными функциями, должен стать под руководство Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. На неудачном же собрании членов районных комитетов обеих фракций Социал-Демократической Партии по вопросу об отношении к Совету представители фракции меньшинства прежде всего, и вполне основательно, заявили, что резолюция Федеративного Совета для них не обязательна, так как она не только не утверждена районными комитетами, но и еще не разбиралась ими. И в принципе, находя необходимым придать Совету Депутатов социал-демократическую окраску, меньшевики все-таки просили не спешить с превращением Совета в партийную организацию; и, о, горе нашему рабочему косноязычью, кто-то высказался в смысле: нельзя ли замять вопрос о характере Совета, если бы он возникнул даже и в самом Совете. На это большевики, распространяясь на тему: нет и нет, не дело социал-демократии заминать вопросы. Совет не стоит ни в каких обязательных отношениях к Социал-Демократической Партии и в то же время он фактически социал-демократичен, это ненормально, такое отношение к Партии в высшей степени странно. Совершенно не имея в виду спросить у вас, к какой бы фракции вы велели — к большинству или к меньшинству — примкнуть Совету, я ставлю здесь маленькое „но!“ Други! не вызвано ли (?) это странное отношение к Социал-Демократической Партии со стороны Рабочего Совета Депутатов той странной обстановкой, которая создала его (этот Совет), и в которой он продолжает работать теперь? Быстро развернувшиеся за последние недели события как бы медью спаяли все революционные силы в одну организацию Рабочего Совета. Но и не обеспечиваются ли дальнейшим единением и дальнейшие захваты пролетариата на его непосредственном пути к демократической республике?

логические выводы „аргументами улицы“. Это наша цель, руководящая нашей тактикой и нашей политикой.

Но ставя ее себе и практически ее осуществляя, мы должны опасаться одного важного промаха, характеризующего политику буржуазно-оппортунистических партий: именно, мы не должны во имя процесса организации отказываться от идей, социал-демократическую доктрину партии приносить в жертву складывающемуся на практической работе организму партии и, прокладывая рельсы революции, упускать из виду ее конечную станцию. Такой промах происходит весьма легко, тем более, что у большинства товарищей он превращается в революционную потребность, — ибо в минуты, подобные современным, логика парализована, а психология всемогуща.

Ход событий увлекает своей грандиозностью, ломка старого режима идет по всем пунктам, и триумфальная колесница революции с шумом и грохотом совершает свое всероссийское шествие. А мы, фаусты мелких организационных вопросов и мефистофели самих себя, расхаживаем по массовкам и конспиративным квартирам, добросовестно агитируем, скучно спорим и скучно живем. И кажется, что стихийная волна прокатится мимо нас, что мы уже на пушечный выстрел отброшены от великого революционного пути, и что для нас единственный исход — бежать за волной, догонять ее.

Но волны играют скверную штуку с тем, кто плывет по их течению: они выбрасывают его на отмель, а сами убегают вспять к „узким доктринам“ и основным идеям, подсказанным железной логикой истории. Покинутые позиции снова становятся фарватером движения, гора массового под'ема, родившая либерально-буржуазную мышь, рассыпается на куски, и во весь прежний рост вырастает прежняя аксиома: „стихийность увлекает, но творит только сознательность“. Тогда людям, увлеченным массой и ею же выброшенным, приходится совершать путешествие в Каноссу и вторично присягать тем самым принципам, от которых они отреклись.

Таков процесс партийного роста, одинаковый для всех стран и приобретающий особую остроту в моменты революционной эпохи. Идея социализма, научного по своей доктрине, — основной скелет пролетарского движения. Все остальное концентрируется около него и имеет право на существование лишь постольку, поскольку оно слова и лозунги превращает в факты и действия. Организованная масса—все, если она представляет из себя социалистические батальоны; но она—ничто, если ее об'единил только инстинктивный протест против настоящего, а не сознательное стремление к определенному будущему. Социалистический пролетариат — наша родина; конгломерат же пролетариев — лишь об'ект нашего воздействия. С первым и в первом мы живем, со вторым — рассуждаем и агитируем. Эти основные положения настолько

Мы, социал-демократы, находимся в Совете большинством, и поэтому Совет находится под нашим непосредственным влиянием. Она, эта организация Рабочего Совета, могла бы быть и совершенно соц.-демократической, если бы мы, дорогие товарищи - большевики, вместо дела не занимались чесанием наших „фракционных язв". Твердая десять лет тому назад, стена старого порядка теперь покрыта массой больших и малых трещин. Не сегодня-завтра она бесповоротно рухнет, и горе нам, уже и теперь много и много потерявшим, в острый момент дележа распорядительной власти страны оказаться снова без сильных, крепких и единых рук, единой рабочей партии. Дорогие товарищи! Большевики и меньшевики! учтем же, наконец, тон времени; в противном случае, разбегаясь на два или на три фракционных пути, мы, уже имеющие навык и закал, потеряем нашу программу. Каждый из нас согласен, что естественно существование только единой партии, двух партий быть не должно! И в особенности в настоящее время, когда революционный топор беспощадно рассекает душную атмосферу, и когда обломки самодержавия, как буран, летят по всем большим и малым городам России, нам, рабочим, необходимо сплотиться в одну партию, дабы в ее руках дружно бороться за свои классовые интересы.

Социал-демократия, являясь самой истинной выразительницей интересов пролетариата, особенно верно должна оценить всю глубину и силу событий за последнее время, которых двойственность является как бы предпосылкой из старой и давно всем нам знакомой фразы: „Врозь итти и вместе бить". События заставляют нас обособлять себя для захвата большей диктатуры, и события же заставляют нас усматривать в данном времени — минуту мобилизации всех революционных сил в одну боевую организацию. Общегородской Рабочий Совет Депутатов в этом отношении должен явиться станом, откуда уже более или менее стройными рядами должны пойти все мобилизованные силы на новые атаки с царизмом — это самая первая, самая действительная и непосредственная задача Совета.

События приказывают нам быть готовыми к решительным выступлениям, и мы, борящиеся за свое освобождение пролетарии, должны утилизировать (использовать) все боевые силы, об'единив их для этой борьбы за свободу. Мы, социал-демократы, должны стараться как можно больше провести в эту революционную организацию Совета „своих" депутатов и не для того, чтобы взять сразу да и проголосовать программу, а войти в этот боевой рабочий парламент для достижения вполне определенных и ясных политических задач, а именно: 1) организация всероссийского рабочего конгресса (с'езда): а) для выяснения положения страны, б) для учета сил и средств, которыми располагает рабочий класс, в) для выяснения той легальной платформы, которую он должен теперь занять, и проч., проч., проч. 2) Второй задачей Совета должно явиться устройство всеобщей политической забастовки за достижение конечной своей цели, демократической республики, через Учредительное Собрание. 3) И, наконец, в-третьих, организация народной милиции — вооружение пролетариата для закрепления за собой того, что можно назвать уже завоеванным. И, само собою разумеется, Совет Депутатов должен являться, кроме всего, центром профессиональных организаций рабочей массы. Он должен организовывать профессиональные союзы и руководить экономическими забастовками.

Итак, резюмируя все изложенное выше, мы должны сказать, во-первых, что Совет Депутатов, являясь вы-

---

ясны и общепризнаны, что на них не стоило бы останавливаться, если бы они не забывались так часто, если бы революционное настроение не торжествовало над логикой революции.

Профессиональное движение может легко совлечь нашу партию с социалистического на общедемократический путь; вот почему, говоря о нем, приходится повторять и подчеркивать азбучные истины. Стремление об'единиться в профессиональные союзы замечается сейчас всюду; постоянно возникают среди рабочих попытки организовать их, задаются на массовках вопросы на этот счет и т. д. Такое явление далеко не случайно и не может быть отнесено на счет недостатков нашей партийной организации, как это полагают некоторые товарищи. Как бы ни была блестяще поставлена работа, каким бы уважением ни пользовались комитетские организации, — идея профессионального единения все равно продолжает жить, проявляясь все новыми попытками устройства рабочих союзов, касс взаимопомощи и т. д. Она неискоренима, ибо вытекает из недр пролетарского сознания, подсказывается поучительным и горьким опытом жизни.

Возьмите любую стачку, начатую по инициативе социал-демократии и принявшую длительный, затяжной характер, — и вы увидите не прямую линию последовательной борьбы, а лихорадочные вспышки настроения, сменяющиеся таким же лихорадочным упадком. Хорошо еще, если местные условия, как, напр., это было в Иваново-Вознесенске, допускают массовые собрания, где ежедневно руководители отдают отчет в своих действиях, распределяют суммы и т. д. и тем заранее уничтожают зародыши недоверия и подозрений. А там, где этого нет, довольно быстро складываются легенды о подкупе, о растрате собранных сумм и в несколько дней сметают всякие следы первоначального под'ема. Экономическая неорганизованность, отсутствие пролетарского воспитания сказываются здесь во всей силе, вулкан перестает выбрасывать лаву и пламень, а только плюется пеплом и грязью.

Тяжелее всего это отзывается на сознательных рабочих, руководящих стачкой: все упреки падают на их голову, все неудачи приписываются им, — словом, из вождей и любимцев они превращаются в подсудимых. А такой урок не забывается: одни испытали его на своей шкуре, другие наблюдали его со стороны, и у всех сознательных рабочих рождается жгучая потребность обучить массу азбуке борьбы, т. е. организовать ее экономическую солидарность. Без такого условия почти невозможна успешная стачка, а ведь мы, социал-демократы, берем на себя стачечный почин, пропагандируем стачки как единственный путь к экономическим завоеваниям. „Wer A sagt, muss auch B sagen" (кто сказал А, тот должен сказать Б), говорит немецкая поговорка. Применительно к данному случаю можно ее перевести так: кто рекомендует экономическую борьбу, рекомендует и формы ее организации, т. е. профессиональные союзы.

бранным рабочим представительством, находится под непосредственным воздействием рабочей социал-демократии, ибо в процентах по приблизительному подсчету получается следующее: социал-демократов 65%, социалистов-революционеров 13%, „беспартийных“ 22%, из которых 19% тяготеют к социал-демократии.

И, во-вторых, находя необходимым в данный момент небывалой борьбы полное об'единение всех политических революционных боевых сил для новых наступлений — Рабочий Совет не лишает права участия в своих заседаниях всех выбранных депутатов без всякого различия их политического убеждения...

Рабочий К. Д.

От редакции. Печатая это письмо товарища-меньшевика, редакция исполняет свое обещание дать место также мнениям, несогласным с ее собственными взглядами. Мы находим, что товарищ К. Д. недооценивает важности для пролетариата именно в настоящий момент окончательной борьбы со старым строем, стать под вполне определенное знамя социал-демократии, а не затемнять своего классового сознания участием в „непартийных“ организациях.

К вопросу о реорганизации партии.

В воскресенье, 30-го октября, большевистский районный комитет Петербургского района (Петербургской стороны) обсуждал вопрос о перестройке партийной организации в районе. На собрании районного комитета присутствовало 15 человек: 7 интеллигентов и 8 рабочих; после двухчасового обсуждения этого вопроса собрание единогласно приняло следующие нормы: основу партийной организации образуют заводские и фабричные социал-демократические группы; членами группы считаются лица, признающие партийную программу, признающие для себя обязательным подчинение решениям организации и периодически уплачивающие известный членский взнос на нужды партии (размеры взноса определяются самой группой); для того, чтобы стать членом группы, необходимо заручиться рекомендацией двух членов ее и согласием большинства. Заводские и фабричные группы выбирают: а) из своей среды заводский или фабричный комитет, б) представителя или представителей в районный комитет; представителем группы в районном комитете может быть и не-член данной группы. Правом выбора своего представителя в районный комитет пользуются лишь те группы, число членов которых достигло десяти; каждый следующий полный десяток имеет право на выбор второго, третьего и т. д. представителя; группы, численность которых не достигает 10 человек, соединяются по несколько в одну группу для выбора своих представителей в районный комитет. Коллегия агитаторов и пропагандистов выбирает своего представителя в районный комитет на тех же основаниях, что и заводские и фабричные группы. Представители заводских и фабричных групп и коллегии агитаторов и пропагандистов образуют районный комитет. Районный комитет пользуется правом кооптации; районный комитет распределяет роли ответственного пропагандиста, ответственного агитатора, организаторов подрайонов и секретаря между своими членами.

Революция и армия.

„Войско не может и не должно быть проникнуто духом той или иной партии“... „оно руководствуется требованием воинской дисциплины, преданностью престолу и патриотическим долгом“... Хотя „возможны, конечно, отдельные случаи отступления от сего“. Так гласит одно

Из сказанного вытекает, что профессиональное движение законно, необходимо и неотвратимо; социалдемократ, выступающий его противником, борется с историей, с логикой и с самим собой.

Но, быть может, на это возразят, что особые условия русской жизни делают в данную минуту профессиональные союзы ненужными, даже вредными, что они отвлекают внимание масс от политической борьбы, что они суживают освободительное течение, отвлекая от него лучшие силы, и что, следовательно, необходимо препятствовать их возникновению. Но ведь, во-первых, никакая история в мире не может обязать социал-демократа бороться с ветряными мельницами, преграждая дорогу тому, что неотвратимо; а во-вторых, и самые доводы насчет опасности для России профессиональных союзов покоются на песке идеалистического понимания событий. Разве психологический интерес руководит людьми? Разве политическая свобода — только любопытная игрушка, которую можно променять на другую, более безопасную игрушку чисто экономического об'единения? Разве революционный процесс вызван к жизни не экономическими силами, проявления которых никто и ничто не может предотвратить?

Нет, никакие союзы в мире не затушуют и не зарубцуют самодержавной язвы. Напротив, каждый шаг их деятельности будет напоминать им о Карфагене, на ряде бесчисленных примеров будет иллюстрировать массам их политическое бесправие и тем самым толкать их к политической борьбе. Если к современной революционной России и не применим европейский аршин, то лишь в том смысле, что в ней с такой быстротой, как нигде, экономическая солидарность пролетариата превращается в его политическую солидарность. Но, считаясь с профессиональными союзами как с неизбежным явлением жизни, мы обязаны выработать к ним определенное отношение и создать для них формы, наиболее благоприятные для развития вширь нашей партии. Прежде всего, мы должны отказаться от мифа нейтральности. Мы не можем стоять в стороне, не говоря ни за, ни против, и только наблюдать их возникновение и развитие. Если мы считаем их полезными для партии, то тем самым мы обязуемся, поскольку это в наших силах, способствовать их зарождению. Не дружественный нейтралитет, а активное содействие — вот наш лозунг по отношению к профессиональному движению.

Затруднение заключается только в одном: в недостатке работников, которых не хватает даже для партийной организации. Но это затруднение не так существенно, как кажется с первого взгляда. Среди рабочих имеется довольно значительный контингент лиц, достаточно развитых в теоретическом отношении, но далеко не революционных по своей психике. Чисто партийная деятельность, с ее риском и напряженностью, писана не для них — и они или открыто стоят в стороне от нее или

положение, по которому помещики во всякий момент могут удалить хизан с занимаемой ими площади, заплатив лишь стоимость построек.

Это окончательно взорвало хизан.

Они, потеряв всякую веру в возможность законным путем улучшить свое положение, решили завоевать силой их попранные права... И в этом отношении, как и во многом другом, нельзя не быть благодарным правительству, неустанно толкавшему все более и более широкие слои населения на путь революции...

Этот последний акт бюрократического творчества явился одним из сильных толчков, направивших русло экономического движения крестьян на путь политический.

Отдельно останавливаться на вопросе об участии хизан в деле революционного движения крестьян Грузии за последний период не будем. На пути борьбы они слились со всеми прогрессивными слоями крестьянства и создали одно общее единое движение, направленное против самодержавного правительства и всех гнилых остатков его.

М. М. Шах.

Письмо в редакцию.

В № 10647 „Нового Времени" помещена корреспонденция из Лондона. Между прочим, в корреспонденции этой есть такие строки: „Здесь произвела большое изумление весть, что М. Горький — антисемит (?). Популярность его вдруг упала. Зато многие подумали, что у еврейского вопроса есть обратная сторона".

Не может ли „Новое Время" спросить своего корреспондента, откуда он почерпнул эту лживую „весть", и не об'яснит ли он смысл подчеркнутой мною фразы? В ней ясно чувствуется какой-то гнусный намек — одна из бесчисленных выходок против евреев, но честному человеку трудно понять — в чем дело? Всегда смелый в провокации, всегда беззастенчивый в травле евреев — быть может, орган А. Суворина-отца и на этот раз откровенно изложит, что именно хотел сказать его корреспондент темными словами:

„Зато многие подумали, что у еврейского вопроса есть обратная сторона".

Какая же это „обратная сторона"?

М. Горький.

Заседание Думы.

Большая часть заседания думы в среду, 2 ноября, была посвящена вопросу о передаче в ведение города полиции безопасности и об учреждении городской милиции. Заседание носило крайне страстный характер. Очень ярко определились два совершенно противоположных течения. Как ни старалось меньшинство ораторов доказать самую насущную необходимость нормальной постановки дела охраны безопасности личности и имущества обывателей, большинство старалось провалить предложение о городской милиции, находя, что „все обстоит благополучно". Во главе партии этого большинства, так сказать, лидерами ее явились председатель г. Красовский и гласные Оппенгейм и Кухнов. Г. Красовский заявил, между прочим, что все газетные сообщения о бездействии нашей полиции или же об ее действиях известного характера не имеют под собой достаточной почвы, и основываться на них по меньшей мере рискованно. На это заявление г. председателя гласный Оппель огласил следующий факт: „На-днях на одного думского врача напал неизвестный человек и избил его; когда врач обратился за содействием к городовому, последний отказал в просьбе, заявив, что он не может покинуть поста". Гласный Л. Ходский также огласил факт бездействия полиции, свидетелем которого он был сам. Гл. Набоков заявил, что сама полиция предлагает дворникам запасаться револьверами на случай ожидающихся погромов и грабежей.

Несмотря на все эти факты и очевидную необходимость реорганизации охраны безопасности граждан, вопрос этот долго еще оставался мишенью нападок партии отцов города определенного направления. Гл. Кривенко в пространной и витиеватой речи согласился с тем, что мы переживаем сейчас тревожное время, но... но заводить вооруженную стражу в то время, когда все ярче и ярче разгорается пламя революции, рискованно.

Дебаты разгораются и принимают все более острый характер. Начинают происходить столкновения между отдельными ораторами. Между прочим, гласному Ходскому председатель дважды отказывает в слове. После настойчивой просьбы г. Красовский снимает, наконец, с себя цепь и об'являет заседание закрытым. Однако, спустя несколько секунд вновь надевает ее и продолжает заседание.

В заключение решено вопрос об охране передать в особую комиссию в таком виде: 1) передача в ведение города существующей полиции безопасности и 2) учреждение городской милиции. Срок для работ комиссии назначен месячный. Вопрос разрешен открытой баллотировкой, при чем за закрытую баллотировку высказался один только гл. Кухнов.

Хроника.

— Избиение публики казаками. Партия черносотенных рабочих из Нового адмиралтейства, проходя 4 ноября, во втором часу дня, по Старо-Петергофскому проспекту, встретила своего товарища депутата г. Селезнева и начала бить, обвиняя его и всех рабочих депутатов в том, что они лишают их заработка, устраивая забастовки. За избиваемого вступилась прохожая публика, которая обратилась за помощью к стоявшему на углу Рижского и Старо-Петергофского просп. младшему помощнику пристава 3-й Нарвской части и полицейскому надзирателю Глазкову. Не успела публика рассказать подробно об избиении Селезнева, как примчался к месту происшествия наряд казаков из 8 человек. Казаки врезались в ошеломленную толпу и начали нагайками избивать ее на глазах полиции, которая невозмутимо созерцала „работу" казаков. У избиваемых казаки просили по 20 копеек, и горе тому, у кого этих 20 копеек не оказывалось. Избитыми оказались г. Прокофьев, С. Петров и др. Особенно содействовали избиению надзиратель Глазков и постовой городовой Абрамыцин (бляха № 690), которые указывали казакам, кого бить. Публика, возмущенная происшедшим, отправилась в 3-й Нарвский участок, где составила протокол.

В селе Смоленском, 6-го ноября движение парового трамвая по Невской линии было с раннего утра приостановлено кондукторами трамвая, которые забастовали. Неожиданно для всех в час дня показался из депо первый трамвай, а затем последовательно движение по всей почти линии готово было возобновиться. Один из поездов, шедших в город, неожиданно был остановлен толпой рабочих у Невского судостроительного завода. Рабочие заявили, что, в виду общей забастовки, они не позволят продолжать движение. В это время показался казачий раз'езд, который нагайками и обнаженными шашками начал водворять порядок, последствием чего моментально со стороны рабочих оказались раненые и избитые. В это время кем-то из провокаторов был произведен револьверный выстрел. Из соседнего караульного поста немедленно прибыла пехота, которая начала сразу расстреливать пачками убегающую толпу. „Храбрые" войска, руководимые „молодцами" казаками, начали брать приступом чайную Невского судостроительного завода, где происходило собрание представителей всех торговцев района

Смоленского села. Часть войска, стреляя по направлению к заводу, ворвалась во двор, и тут-то началась потеха. Из двора чайной раздавались в ответ единичные револьверные выстрелы. Другая часть войска заняла имперьялы конок и сверху брала на прицел прохожих. Войска, ворвавшись в чайную, начали оттуда извлекать собравшихся для совещания торговцев и рабочих завода. Вытаскивали публику во двор, и здесь казаки и пехота обыскивали всех, а затем избивали прикладами и рубили шашками.

Последствием этого избиения оказалось свыше 30 человек раненых, преимущественно шашками казаков. Около десяти рабочим была оказана первоначальная медицинская помощь в местном заводском лазарете. Во время избиения толпы на заводский двор чайной вышел постоянный председатель митингов рабочий Николай Клемчинский, на которого кто-то тут же указал, как на „опасного" в политическом отношении деятеля. Казаки набросились на него и начали его рубить. Несчастный был отправлен в местный госпиталь, а отсюда вечером в Обуховскую больницу, по дороге куда он скончался. Среди раненых находится один офицер. Избивали публику Омский полк и донские казаки.

— Стрельба на Васильевском острове. В воскресенье, 6 ноября, на Черной речке Васильевского острова, около Трубочного завода, произошло столкновение между рабочими этого завода и войсками. К 11 час. утра рабочие Трубочного завода в большом количестве собрались на улице перед заводом и устроили сходку. Произносились речи. Рабочие обратились к администрации завода с просьбой разрешить им митинг на дворе завода. В просьбе им было отказано, о чем депутат рабочий сообщил собравшимся. В это время наскочил эскадрон конницы и стал разгонять публику нагайками, пуская в ход также обнаженные шашки. В избиении приняли участие солдаты, охранявшие завод со времени забастовки, при чем произвели в толпу два залпа. В результате много раненых.

— Около 12 часов дня, 7 ноября, в помещение бюро союза рабочих печатного дела (Торговая, 25) ворвался пристав местного участка с помощником, околоточными, городовыми и шпионами. Оцепивши помещение бюро, полиция об'явила, что никого не выпустит из бюро, при чем вновь входившие лица обратно не пропускались. Один из желавших выйти был остановлен ударом в грудь околоточным надзирателем, вслед за этим скрывшимся неизвестно куда. Другой околоточный, Маланин, от которого находившиеся в бюро потребовали об'яснения вторжения полиции и незаконного задержания пропущенных лиц, отвечал дерзостями. Из дальнейшего выяснилось, что полиция действует по предписанию петербургского градоначальника и прокурора спб. судебной палаты с целью захватить издание петербургского Совета Рабочих Депутатов „Известия С. Р. Деп.". На предложение явившихся выдать им имеющиеся экземпляры (131 из 35 тысяч) председатель Совета Рабочих Депутатов и члены бюро С. Р. П. Д. ответили, что считают это требование незаконным и не выдадут ни одного экземпляра газеты. Вызванные полицией товарищ прокурора Быков, полицеймейстер и жандармский подполковник Конинский заявили, что они призваны произвести „выемку" названной газеты из помещения бюро. Председатель Сов. Раб. Деп., председатель союза раб. печ. дела, члены бюро союза и члены союза выразили вновь прибывшим чинам полиции негодование по поводу насильственного вторжения всей толпы полицейских и шпионов в бюро, мерзкого поведения неизвестного околоточного и дерзкого—остальных. Опираясь на завоеванную рабочими гражданскую свободу и, в частности, свободу печатного и устного слова, председатель Сов. Раб. Деп., ссылаясь на признание отвоеванной свободы манифестом 17 октября, настаивал на официальной незаконности предпринятого сыска и предполагаемой „выемки", вопреки манифесту и даже без соответствующего предписания от судебной палаты. Присутствующие представители Сов. Раб. Деп. и союза раб. печ. дела на убеждения полиции допустить „выемку" ответили, что допустят „выемку" только подавляющей вооруженной силе. По составлении протокола представители власти очистили помещение, удалившись вместе с занявшими улицу и двор конными городовыми и пехотой.

— Аптекаря-черносотенцы. 4 ноября группа фармацевтов, согласно постановлению союза фармацевтов, приступила к снятию штатов в аптеках. Когда группа подошла к аптеке г. Гордона (на Знаменской улице), она увидела у аптеки охрану из 8 человек полицейских чинов всевозможных рангов, которых предусмотрительный аптекарь пригласил заранее. Несколько делегатов вступило в переговоры с аптекарем. Гордон „возмущенный" обратился к своим приятелям полицейским с требованием „воздействовать на смутьянов".

Приятели аптекаря приступили к исполнению своих обязанностей, т. е. к избиению. Оказалось, что помимо полицейских предварительно организованы были также хулиганы, принявшие энергичное участие в избиении, при чем подбадривающим бранным кликом служил традиционный возглас „бей жидов". Организованное г. Гордоном побоище удалось вполне, к удовольствию организатора. Избитые фармацевты были разогнаны, при чем 9 из них были арестованы и отправлены в участок, где избиение продолжалось.

Узнав о возмутительном хулиганстве Гордона, известного уже давно в аптечном мире своими черносотенными тенденциями, союз фармацевтов и Совет Рабочих Депутатов постановили применить к Гордону бойкот в широкой степени.

Достойным единомышленником Гордона оказался также владелец пушкинской аптеки — Гаккель, прибегший для охраны своей аптеки к целой армии дворников и хулиганов, при просвещенном содействии которых почтенному аптекарю удалось, подобно Гордону, держать открытым свое заведение, когда все аптеки были закрыты.

— В понедельник, 7 ноября, в 2 час. дня, в Матвеевскую аптеку С. И. Майзель, на Петербургской стороне, зашел уполномоченный от С. Р. Д. передать постановление последнего.

Бывший в это время в аптеке владелец аптеки С. И. Майзель разразился нецензурной бранью по адресу делегата и крикнул стоявшему в это время в аптеке какому-то суб'екту: „Гоните его в шею, бейте этих хулиганов, подлецов". Суб'ект этот не замедлил привести в исполнение приказание аптекаря Майзеля.

— Проскрипционный список. У старшего дворника 2-ой петербургской гимназии имеются печатные листки с заглавием: „Список сотрудников газеты «Новая Жизнь»". В список занесен полный состав постоянных сотрудников нашей газеты. Дворник любезно делится с известными ему лицами этими оригинальными сведениями. Что же означает этот печатный список в руках дворника и почему сотрудники „Новой Жизни" оделены особым вниманием охранительных агентов?

— Привет шлиссельбургских узников. Во время реферата о Шлиссельбурге, читанного 3 ноября в зале Тенишевского училища известным писателем Якубовичем (Мельшиным), последним было получено следующее приветствие: „Вернувшиеся к жизни шлиссельбургские узники горячо приветствуют пробуждающуюся родину и всех своих старых друзей, товарищей и знакомых. Герман Лопатин, Сергей Иванов, Петр Антонов, Михаил Фроленко, Михаил Попов, Николай Морозов, Иосиф Лукашевич, Михаил Новорусский".

Приветствие принято было громкими, долго не смолкавшими аплодисментами.

— По поводу избиения 4 октября т. г. рабочих во дворе экспедиции заготовления государственных бумаг. Желая реабилитировать себя пред рабочими экспедиции, помощник управляющего экспедицией В. Михайловский пригласил депутацию рабочих для переговоров. Из беседы с Михайловским выяснилось, что последний не приказывал войскам колоть рабочих, и что вся его вина заключается в том, что он вызвал войска во двор экспедиции. Всю нравственную ответственность за вызов войска он всецело взял на себя. По словам Михайловского, колоть рабочих приказал смотритель здания Ф. Ф. Гессе, который затем произвольно от имени Михайловского благодарил измайловцев за „верную службу". Таких поручений Гессе г. Михайловский не давал. Рабочие экспедиции, не удовольствовавшись „нравственной ответственностью", привлекают г.г. Михайловского и Гессе к уголовной ответственности. Вместе с тем рабочие привлекают и шт.-кап. Измайловского полка К. П. Арнольди, приказавшего солдатам колоть беззащитных рабочих.

— Нами получена 4 ноября следующая телеграмма: „Мастеровые, рабочие и служащие всех служб ст. Рыбинск присоединились к забастовке. Ждем указаний Совета конце забастовки. Долой смертная казнь, полевые суды, военное положение. «Общее собрание»".

— Сыщики охранного отделения начинают понимать, что почва под их ногами шатается. Известный в Нарвском районе сыщик Варламов подал в Алафузовскую больницу прошение о приеме его в качестве смотрителя упомянутой больницы.

— 7 ноября в помещении Вольно-Экономического Общества должно было состояться собрание официантов для обсу-

ждения своих профессиональных нужд (в 10 ч. утра) и собрание учеников зубоврачебных школ (в 12 час. дня). Вышеуказанные собрания не состоялись, т. к. все прибывшие на них были разогнаны полицией.

— Официанты и служащие в петербургских кухмистерских собираются пред'явить хозяевам требования о том, чтобы жалованье в городе платилось за каждую службу отдельно по 3 рубля в длинном платье, а в коротком 5 руб., а за городом 5 р.; а также о том, чтобы хозяева не заставляли брить усов и давали бы обед в службу и в уборку.

— Служащие управления Балтийской железной дороги, вследствие неоднократного нападения на некоторых из них представителей черной сотни, подали своему начальству ходатайство о выдаче им пособия для покупки оружия.

— 13 ноября соберется митинг пекарей и кондитеров с целью предварительного об'единения для образования профессионального союза. Помещение пока еще не выбрано. Митинг начнется с 10 час. утра до 3 ч. дня для пекарей и от 3 ч. до вечера для кондитеров. Выбор времени обусловливается свободными часами, которыми рабочие этих профессий пользуются в воскресный день. Союз имеет в виду послать своих выборных в Совет Рабочих Депутатов.

— 6 ноября состоялся огромный митинг на остр. Голодае, около Трубочного завода. Войсками было произведено два холостых залпа, произведших панику и рассеявших толпу.

— Бывшие члены „собрания фабрично-заводских рабочих г. Петербурга", так называемого „Гапоновского союза", открывают вновь 11 отделов. На-днях будет созвано общее собрание, которое явится учредительным. Устав союза будет выработан на совершенно новых началах.

— В духовной академии. В виду забастовки студентов духовной академии, синод постановил назначить студентам „на размышление" срок до 1 ноября, пригрозив при этом закрыть духовную академию после этого срока. В настоящее время на дверях академии красуется следующий аншлаг: „Синодальное постановление относительно закрытия академии остается в силе, но синод дает студентам еще две недели (до 15 ноября) на размышления". Студенты даже после двухнедельного размышления решили отстаивать свои законные требования об автономии.

— Законопроект о свободе союзов. В самом непродолжительном времени в совет министров поступит только что составленный проф. С. А. Муромцевым законопроект о свободе союзов, в основу которого положен французский закон 1901 года, предоставляющий право создавать ассоциации без разрешения правительственной власти и даже без какого-либо предварительного о том заявления. В настоящее время законопроект этот обсуждается особой комиссией при центральном управлении министерства юстиции, а затем с замечаниями комиссии будет немедленно представлен в совет министров.

— 1 ноября состоялось общее собрание петербургского общества архитекторов. Долго говорили в собрании. Между прочим, был затронут вопрос: примкнуть ли к союзу инженеров? На эту тему говорили очень долго, но никак не могли решиться на такой важный политический шаг. Тем не менее, послали двух своих представителей; какова их роль в союзе, — архитектора не решили.

— Праздничный отдых. С воскресенья, 6 ноября, торговля во всех булочных, колбасных, мясных, зеленных и других мелочных по праздничным и воскресным дням впредь будет производиться от 6 час. утра до 9 час. и от 1 часу дня до 7 час. вечера. Многие петербургские граждане, не привыкшие к таким ограничениям и не успевшие запастись припасами, должны были выжидать открытия лавок. Александровский рынок был также закрыт. У входа вывешены об'явления такого содержания: „Правление общества торговцев Александровского рынка в Спб. сим об'являет, что, вследствие состоявшегося постановления торговцев этого рынка на собрании их, происходившем 3 ноября, о совершенном непроизводстве в Александровском рынке торговли в воскресенье, 6 ноября, в этот день впуск в рынок как торговцев так и других лиц допущен не будет".

К забастовкам.

На Невском (Семянниковском) судостроительном заводе.

Девятитысячная семья рабочих Семянниковского завода дружно отозвалась на резолюцию, принятую Советом Рабочих Депутатов, и в 12 часов 3-го ноября приостановила все работы на заводе. Огромные толпы рабочих начали группироваться на заводском дворе, и тут же решено было собраться в пятницу, 4-го ноября, к часу дня в одной из огромнейших мастерских завода для выражения протеста против существующего правительственного произвола. В пятницу, в указанное время аудитория оказалась переполненной десятитысячной толпой, и на импровизированной трибуне начали выступать агитаторы, старавшиеся раз'яснить толпе положение текущих событий.

Особенный восторг толпы вызвало сообщение одного из ораторов о том, что в настоящую минуту среди присутствующих на митинге находится известный неутомимый борец за свободу своей родины Вера Засулич. Толпа потребовала, чтобы Засулич взошла на трибуну и показалась народу, и, когда героиня исполнила желание митингцев, головы присутствующих начали обнажаться, и гром восторженных кликов приветствовал ее.

Тяжелое впечатление на толпу произвела краткая речь одного из кронштадтских моряков из группы арестованных „150", которому каким-то образом удалось бежать из-под ареста. Моряк просил рабочих защитить товарищей от произвола военного суда и требовать для них суда правого, скорого и обязательно гласного.

В пять часов митинг закончился, и народ с пением рабочих революционных песен и развернутыми красными знаменами двинулся к заводским воротам.

5-го ноября на том же заводе состоялся в час дня второй митинг.

6-го ноября в час дня в той же мастерской состоялся третий и последний митинг за последнюю забастовку. В третьем часу дня во время речи одного из ораторов произошел переполох; кто-то крикнул, что казаки ворвались во двор завода и расстреливают публику. Многотысячная толпа с криком бросилась к выходам рабочей мастерской. Ораторам стоило громадных усилий остановить взволнованные массы, заявляя с трибуны, что ничего не произошло. В это время казаки и пехота на улице расстреливали рабочих.

7-го ноября рабочие пришли на завод в 12 час., но к работам не приступили, устроили митинг, на котором много говорилось о светлой личности зарубленного казаками Н. Клемчинского (рабочий Невского завода).

С утра на воротах завода было прибито заявление за подписью директора, что, если рабочие с завтрашнего дня не станут на работы, завод будет закрыт, и рабочие получат расчет.

На СПБ.-Варшавской жел. дор.

В среду, 2-го ноября, в 11½ час. утра, движение на дороге прекратилось.

После прекращения движения в столярной мастерской этой дороги состоялось собрание рабочих, на котором присутствовало более 2½ тысяч человек.

На собрании ораторы в сильных и ярких выражениях охарактеризовали современное положение России и рабочего класса.

После обсуждения рабочими были выставлены следующие требования:

1) отмены смертной казни;
2) отмены военного положения во всей России;
3) удаления казаков от полицейской службы;
4) полной амнистии.

Кроме требований политических рабочие выставили и следующие экономические:

1) утверждение 8-часового рабочего дня;
2) чернорабочие не менее 1 руб. и женщины не менее 75 коп. в день;
3) увеличение содержания служащим, проектированное по смете на 1906 г., ввести с 1-го ноября сего года.

Приняв резолюцию, рабочие с пением революционных песен разошлись.

— 4 ноября часть Невского пр. от Казанского собора до Знаменской пл. была погружена с 5 часов вечера во мрак. Это продолжалось около получаса. Затем электричество опять появилось. Газовые фонари, в виду забастовки рабочих, начали постепенно, с 5 ноября, потухать. 6 ноября на многих улицах Петербурга была сплошная темнота. На некоторых улицах кое-где лишь мерцали догорающие фонари. С этого дня появилось электричество во всех частных домах.

— На фабрике роялей и пианино Дидерихс. Вследствие постановления Совета Рабочих Депутатов, рабочие фабрики роялей и пианино Дидерихс также забастовали. 7 ноября владелец фабрики начал выдавать всем рабочим расчет. Как мы слышали, владелец фабрики решил ликвидировать все свои дела и уезжает за границу.

— К забастовке типографий. Паровая типография Яблонского (Лештуков пер.) забастовала вместе со всеми фабриками и заводами, по постановлению Совета Рабочих Депутатов, с 3 ноября. Дня через два администрация типографии вывесила следующее обращение к рабочим:

„Администрация Лештуковской паровой скоропечатни сим доводит до сведения лиц, работавших в ее мастерских, что во всех отделениях типографии с 7-го ноября, с 8 час. утра, имеют быть начаты работы. Рабочие приглашаются приступить в указанное время к спокойному исполнению своих обязанностей, предваряя, что неявившиеся будут считаться не желающими продолжать работу, и на их места будут приниматься другие лица".

— На Николаевском вокзале. 3-го ноября на вокзале Николаевской железной дороги, с 12 час. дня, у главного под'езда появилось следующее об'явление:

„По независящим от управления Николаевской железной дороги причинам пассажирское движение поездов временно приостановлено с 12 час. дня 3 ноября".

Все выходы и входы охранялись жандармами и войсками.

— Забастовка механиков и рабочих телефонной сети. Волна всеобщей забастовки захватила также и рабочих городской телефонной сети. В виду этого, начальник телефонной сети вывесил следующее об'явление к механикам и рабочим: „Во исполнение предложения управляющего министерством внутренних дел и согласно постановлению городской управы, управление городской телефонной сети предлагает вам явиться к 2 час., 6 ноября, на телефонную станцию (Морская, 22), при чем предваряет, что, в случае невыполнения этого и отказа от исполнения своих обязанностей, с 7 ноября вы будете считаться уволенными от службы на телефонах".

— Областной комитет петербургского железнодорожного узла в субботу, 5 ноября, вынес следующую резолюцию:

„Забастовка примыкающих к С.-Петербургу дорог, проведенная совместно с трудящимся населением С.-Петербурга, доказала правительству, что приведение в исполнение жестоких мер, как смертная казнь и введение военного положения, всегда встретит в трудящихся классах активное сопротивление.

„Эта же забастовка показала, что силы наши растут и что в тот день, когда комитет найдет нужным дать правительству решительный бой и когда этот бой разразится, победа будет на нашей стороне. Начатую 2 ноября забастовку комитет предлагает закончить 7-го в 12 часов дня. С этого времени, товарищи, собирайте все ваши силы, и если после этого дня признано будет необходимым бастовать, то бастовать будут все дороги России сразу, и бастовать они будут до тех пор, пока решительно все политические и экономические требования правительство не исполнит".

Означенная резолюция была единогласно принята служащими и рабочими всех железных дорог на митинге 5 ноября.

— На Николаевском вокзале. 4-го ноября с утра отправка пассажирских, почтовых и товарных поездов была совершенно приостановлена; из Москвы же поезда все-таки в продолжение всего дня продолжали прибывать. Одновременно с прекращением движения по Николаевской дороге забастовали правительственный и железнодорожный телеграф. Для сопровождения поездов администрация дороги пыталась пригласить железнодорожный батальон солдат, но эта попытка не увенчалась успехом. Также не увенчалась попытка заменить чиновников-телеграфистов солдатами-телеграфистами; последние заявили, что в прошлую забастовку высшее телеграфное начальство их обмануло, обещав платить им по 50 коп. за час работы; на самом же деле солдатам было уплочено лишь по 2 руб. в сутки.

К забастовке на пригородных трамваях.

В воскресенье, 6-го ноября, кондуктора Лесного и Невского пригородного трамвая явились рано утром в парк и заявили, что к работам не приступят, пока их требования не будут удовлетворены. Кондуктора требовали назначить им минимальный оклад в 30 р., который должен постепенно увеличиваться до 35, 40 и 50 руб. соответственно продолжительности службы. Требование это было удовлетворено. Также было удовлетворено требование кондукторов о назначении им двойных ежедневных смен. Лесной трамвай бастовал целый день, Невский же пригородный начал движение в час дня, но к трем часам движение было приостановлено. 7-го ноября трамваи начали правильно функционировать.

— 6-го ноября на металлическом заводе состоялся многолюдный митинг. Ораторы выясняли значение последней политической забастовки. Пролетариат достиг намеченной цели; участники кронштадтских беспорядков не будут казнены, как это могло быть, если бы рабочие не протестовали забастовкой.

Согласно постановлению Совета Депутатов, с обеда 7-го ноября рабочим разрешается приступить к работе, чтобы по первому требованию того же Совета снова бастовать.

— Движение поездов на Царскосельской дороге было прекращено 4-го ноября утром и возобновилось 7-го ноября.

— 3-го ноября на Царскосельском вокзале на состоявшемся митинге служащих правления, управления и контроля сборов Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги большинство высказалось против присоединения к забастовке.

В Совете Рабочих Депутатов.

Заседание 2-го ноября.

Заседание открылось сообщением депутатов о ходе забастовки. По отзывам их забастовка проходит очень дружно.

Бастуют все большие заводы и фабрики то с утра, то с 12 часов, очень немногие—после 12-ти. Почти на всех заводах были устроены митинги. Некоторые электрические станции уже забастовали, и туда посланы матросы или солдаты, при чем в некоторых случаях матросы, узнав, что рабочие бастуют в виде протеста против предания военному суду их кронштадтских товарищей, отказывались заменить рабочих.

Большинство типографий забастовало. Конторы нескольких газет закрыты; союз служащих контор и экспедиций пер. изданий снимает остальные газеты и журналы. Забастовала контора „Комп. Над.", стр. общ. „Саламандра". Аптеки начнут бастовать с 3-го.

Из железных дорог забастовали Балтийская и Николаевская.

Затем в собрании были сделаны еще следующие сообщения.

2-го ноября, вечером, в одной из казарм был митинг, на котором присутствовало 250 солдат; председательствовал фельдфебель; читалась резолюция Совета Рабочих Депутатов, происходили дебаты. В это время вошел офицер. Все остались на своих местах. Офицер спросил, что они делают. Ему ответили. „Почему же вы собрались все вместе: можно читать и обсуждать небольшими группами",—заметил офицер. Никто не обратил внимания на это замечание. Офицер был очень бледен, весь трясся и поторопился уйти. После его ухода председатель спросил, продолжать ли общее собрание или разойтись, в виду того, что офицер может вызвать войско. Все ответили: „продолжать, хотя бы даже пришло войско". Собрание продолжалось еще полчаса и закрылось с тем, чтобы завтра собраться опять.

В 17 гвардейском экипаже 2-го также состоялся митинг. Принята резолюция С. Р. Д., к которой прибавлен еще ряд своих экономических требований.

Заседание 3-го ноября.

По поводу письма гр. Витте к „братцам-рабочим", собрание приняло единогласно при громе аплодисментов следующую резолюцию:

„Совет Рабочих Депутатов, выслушав телеграмму графа Витте к „братцам-рабочим", выражает прежде всего свое крайнее изу-

мление по поводу бесцеремонности временщика, позволяющего себе называть петербургских рабочих «братцами». Пролетарии ни в каком родстве с гр. Витте не состоят.

„По существу Совет заявляет:

„1) Гр. Витте призывает нас пожалеть наших жен и детей. Совет Рабочих Депутатов призывает в ответ всех рабочих подсчитать, сколько вдов и сирот прибавилось в рабочих рядах с того дня, как Витте взял в свои руки государственную власть.

„2) Граф Витте указывает на «милостивое внимание» к рабочему народу. Совет Рабочих Депутатов напоминает петербургскому пролетариату о кровавом воскресенье 9 января.

„3) Гр. Витте просит дать ему „время" и обещает сделать для рабочих «все возможное». Совет Рабочих Депутатов знает, что Витте уже нашел время для того, чтобы отдать Польшу в руки военных палачей, и Совет Рабочих Депутатов не сомневается, что Витте сделает «все возможное», чтобы задушить революционный пролетариат.

„4) Гр. Витте называет себя человеком, расположенным к нам и желающим нам добра. Совет Рабочих Депутатов заявляет, что рабочий класс не нуждается в расположении царских временщиков. Он требует народного правительства, на основе всеобщего равного, прямого и тайного избирательного права".

Заседание 5-го ноября.

Обсуждается вопрос о продолжении или прекращении забастовки. Большинство ораторов, констатируя настроение на заводах, высказывается за прекращение забастовки в понедельник. Меньшинство стоит за ее продолжение, так как выставленные требования не удовлетворены. Некоторое влияние на исход прений оказывает постановление железнодорожников приступить к работам в понедельник в 12 час. дня.

После оживленного обмена мнениями собрание подавляющим большинством голосов принимает следующую резолюцию:

„Царское правительство решило воспользоваться передышкой, наступившей в революционной борьбе после славных дней октябрьской забастовки; рассчитывая на утомление пролетариата, правительство бросило наглый вызов народу, об'явив всю Польшу на военном положении, отправив пулеметы к голодающим крестьянам и поставив кронштадтских солдат и матросов перед угрозой расстрела.

„Рабочие Петербурга сочли своим долгом дать новый урок царскому правительству и напомнить ему, что революционный пролетариат существует, бодрствует и готов отвечать ударом на удар.

„Стачка-протест, об'явленная Советом Рабочих Депутатов, началась 2 ноября в 12 часов дня и продолжается в настоящий момент с таким единодушием, которое превосходит даже январскую и октябрьскую забастовки. Этот новый революционный удар, нанесенный царскому правительству, не только показал удивительную энергию, неутомимость, сплоченность и дисциплину пролетариата, но и привлек к рабочим симпатии лучшей части армии и вместе с тем еще больше подорвал русские государственные финансы.

„Единодушная забастовка петербургского пролетариата ясно показала царскому правительству и всему населению, что пролетариат не позволит молча душить граждан, восстающих против варварского деспотизма; поэтому Совет Рабочих Депутатов, считая необходимым беречь силы рабочих для решительного сражения, постановляет: прекратить стачечную манифестацию в понедельник 7 ноября, в 12 ч. дня.

„Приглашая рабочий класс всей России поддержать в той или другой форме протест петербургского пролетариата против полевых судов, военного положения, смертной казни и зверских погромов черной сотни, Совет Рабочих Депутатов призывает сознательных рабочих удесятерить революционную работу в рядах армии и немедленно приступить к боевой организации рабочих масс, планомерно подготовляя, таким образом, последнюю всероссийскую схватку с кровавой монархией, доживающей свои последние дни".

Явившийся к концу заседания солдат сообщает, что за последнее время среди солдат идет сильное брожение и раскол: часть стоит за рабочих, часть—против. Начальство ведет агитацию против студентов и евреев. Сознательная часть солдат очень нуждается в поддержке и просит снабжать почаще литературой.

Речь солдата, очень резко критиковавшая существующий режим, произвела на собрание сильное впечатление, что выразилось в громких, долго не смолкавших аплодисментах.

— 6-го ноября состоялось собрание Совета Рабочих Депутатов, на котором между прочим обсуждался вопрос о введении революционным путем 8-часового рабочего дня.

Из докладов депутатов о положении этого дела на разных фабриках и заводах выяснилось следующее:

Многие заводы уже приступили к осуществлению 8-час. дня, другие собираются и некоторые совсем не находили это возможным по разным причинам, или потому, что, получая сдельную плату, они лишаются большей части своего заработка, или потому, что администрация грозит закрытием заводов. В некоторых заводах администрация соглашается сбавить немного рабочий день, но не доводить до 8 час.

После оживленного обмена мнений Совет вынес по этому вопросу следующую резолюцию:

„Совет Рабочих Депутатов констатирует, что энергичная борьба петербургских рабочих за немедленное введение 8-часового рабочего дня неопровержимо доказала, до какой степени это сокращение рабочего времени является жгучей потребностью рабочего класса, за которую он готов бороться до крайней степени.

„Признавая в то же время, что для осуществления этой меры безусловно необходима широкая массовая организация петербургских и вообще российских рабочих в политические и профессиональные союзы, Совет Рабочих Депутатов настойчиво рекомендует петербургским рабочим приложить все усилия к скорейшему созданию союзов и всероссийских с'ездов, которые смогут выработать практический способ для осуществления 8-часового рабочего дня. Вместе с тем Совет Рабочих Депутатов рекомендует немедленно и дружно добиваться возможного сокращения времени, стремясь к скорейшему завоеванию организованным пролетариатом 8-часового рабочего дня".

— Союз мастеров и техников постановил принимать на фабрики и заводы рабочих только по рекомендации Совета Рабочих Депутатов.

От редакции „Известий Совета Рабочих Депутатов".

„№ 6 «Известий» не мог выйти 4-го ноября. В типографию в 3½ ч. н. ворвался отряд полиции и сыщиков под охраной роты стрелков. Взломав опытными руками громил двери, царская опричнина ворвалась с оружием наготове в помещение, где спокойно продолжали работу наши товарищи. Обыскав всех и не найдя у них оружия, полиция была очень обескуражена. Товарищи наши потребовали прибытия прокурора, но ни его самого ни его товарища не нашли дома. Тогда товарищи потребовали беспрепятственного выхода и, сообщив свои фамилии, а также и то, что они, работая в типографии, исполняют предписание Совета Рабочих Депутатов, свободно удалились.

„Типография была опечатана, и ко всем входам приставлена стража, но прибывшие на другой день следственные власти ничего уже не нашли: ни оружия, ни гранок, ни даже оставленных оригиналов'.

РЕЗОЛЮЦИИ.

Резолюции протеста против об'явления Польши на военном положении и предания военному суду кронштадтских матросов.

1. Резолюция, принятая на заводе Пульмана.

„Мы, рабочие завода Пульмана, на собрании в заводе 31-го октября постановили вынести следующую резолюцию:

„Крайне возмущенные решением правительства по отношению к матросам города Кронштадта, заявившим свои справед-

ливые требования, требуем немедленной отмены смертной казни и назначения немедленного следствия, с участием представителей от населения; мы требуем немедленного освобождения матросов; в противном случае заявляем политическую забастовку".

2. Резолюция депутатов Выборгского района, принятая на собрании 31-го октября.

„Восставшие матросы — наши сотоварищи и соратники в борьбе за наше общее дело. Мы с радостью приветствуем их как своих братьев борцов. Мы протестуем против намеченных правительством массовых казней и от имени избравших нас заводов заявляем свою готовность поддержать свой протест политической забастовкой и демонстрациями. Мы постановляем устроить завтрашний день митинги протеста на всех заводах и фабриках. Мы решительным образом требуем отмены военных судов, смертной казни, постоянной армии, в которой, если она будет существовать, неизбежны дикие расправы над солдатами в целях поддержания дисциплины. Мы требуем всеобщего вооружения народа. Мы предлагаем экстренно собраться Совету Рабочих Депутатов, которому заявляем наше мнение о необходимости устройства политической забастовки и демонстраций; окончательное же решение формы протеста предлагаем на усмотрение Совета Рабочих Депутатов".

3. Резолюция, единогласно принятая рабочими Семянниковского завода на митинге 1-го ноября.

„Мы, рабочие Семянниковского завода, собравшись на митинг 1-го ноября, глубоко возмущенные отношением правительства к восставшим в Кронштадте матросам, выражаем самый решительный протест против применения военного суда и смертной казни и требуем гласного расследования кронштадтских событий.

„Мы считаем несовместимым с лживыми заявлениями правительства введение военного положения в Польше. Мы готовы активно поддержать свой протест, общие формы которого предлагаем выработать Совету Рабочих Депутатов".

4. Резолюция рабочих Ново-Адмиралтейского порта, вынесенная на собрании 1-го ноября.

„Мы, собравшиеся рабочие Ново-Адмиралтейского порта, обсудив гнусное намерение самодержавного правительства расстрелять наших славных товарищей, матросов и солдат, поднявших знамя восстания, наравне со всем русским пролетариатом, против гнета произвола царского насилия, требуем немедленного освобождения славных борцов за свободу: в противном же случае мы не отвечаем за последствия и готовы на все, чтобы не допустить казни и отомстить за товарищей, восставших за освобождение измученной правительством родины".

5. Резолюция рабочих завода Лесснера.

„Считая кронштадтское восстание событием колоссальной важности и значения, как грозный признак скорой и неминуемой смерти самодержавия, которое лишается своего последнего оплота — войска, мы, рабочие завода Лесснера, горячо приветствуем товарищей-борцов, энергично протестуем против комедии военного суда над ними и грозящей им смертной казни и заявляем, что готовы активно поддержать свой протест по первому призыву наших социал-демократических организаций. Напоминаем другим войскам, что они наши братья, и что правильно понятые ими их интересы и идеалы являются и нашими интересами и идеалами; мы зовем их вместе с нами бороться против самодержавного правительства за демократическую республику и народную милицию под красными знаменами: Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

6. Резолюция областного комитета железнодорожного узла.

„Правительство, так много обещавшее народу за последнее время, ничего не дало.

„Полевые суды снова вступили в силу. Матросам, восставшим за право и свободу, угрожает расстрел.

„Вместо отмены военного положения, правительство в 3-х губерниях ввело его, чтобы подавить движение крестьян, требующих свободы и земли.

„Исстрадавшаяся Польша, и не думавшая отделяться от России, об'явлена на военном положении.

„Положение нас, железнодорожников, несмотря на обещания, до сих пор не улучшено. Областной комитет железнодорожного узла в последней резолюции об'явил:

„«Что если правительство в ближайшем будущем не выполнит всех требований железнодорожного союза и делегатского с'езда, то комитет снова призовет вас к забастовке».

„Рабочее движение Петербурга разрастается, и потому нам, присоединившись к этому движению, надо снова заявить о своих правах.

„Мы требуем:

1) Полной амнистии.
2) Отмены смертной казни.
3) Отмены военного положения в Польше и других частях России.
4) Уничтожения военно-полевого суда в мирное время.
5) Немедленного исполнения требований и заявлений делегатского с'езда".

Аналогичные вышеприведенным резолюции были приняты на целом ряде других фабрик и заводов.

Из жизни рабочих.

— 6-го ноября рабочие Бельгийского общества электрического освещения г. Петербурга явились на завод для выслушания ответа администрации по вопросу об экономических требованиях, пред'явленных рабочими еще во время 1-ой забастовки. Администрация заявила, что требований рабочих она даже не рассматривала и что она считает необходимым уволить 7 человек депутатов. Так как рабочие этим ответом администрации не удовлетворились, то всем им об'явлен был расчет. Директора Бельгийского общества опасаются серьезных осложнений в своем предприятии, так как многие абоненты намерены порвать свои контрактные договоры, опираясь на пункте условий, гласящем, что, в случае недоставления абонентам электрической энергиии по вине администрации, контрактные договоры считаются недействительными.

— Рабочие завода Вестингауза просят нас напечатать следующее: „Мы, рабочие завода Вестингауза, протестуем против резолюции социалистов-революционеров, помещенной в № 7 «Известий Совета Рабочих Депутатов», так как мы, рабочие, никакого согласия с.-р. на вынесение какой-либо резолюции не давали. Принадлежащих к партии с.-р. у нас всего трое, тогда как все остальные признают программу Р.С.-Д.Р.П.".

Завод Франко-Русского общества.

Митинг рабочих Франко-Русского завода, перенесенный с 30-го на 31-ое октября, по вопросу о политической физиономии Совета Рабочих Депутатов не постановил определенного решения, и он, таким образом, остался пока открытым.

Единогласным решением всего собрания в количестве около 2.000 человек решено введение 8-часового рабочего дня в заводе. Со вторника, 1-го ноября, решенный вопрос осуществлен. Работы в Франко-Русском заводе теперь продолжаются с 7 до 11½ часов утра, затем следует получасовой перерыв на обед, с 12-ти возобновляются работы, и в 3½ часа дня рабочие покидают завод.

Директор реагирует на действия рабочих следующим об'явлением, вывешенном в большом количестве не только в мастерских, но и на наружных стенах завода: „Вследствие заявления гг. старост о том, что собрание мастеровых и рабочих постановило ввести на заводе восьмичасовой рабочий день, сим об'являю, что на сокращение рабочего времени общество согласиться не может". Помимо этого, среди рабочих распространено заявление директора о том, что завод будет закрыт, и все рабочие с мастерами и инженерами, заведующими мастерскими, будут уволены. В настоящее время рабочие Франко-Русского завода намерены телеграфировать в Париж о вызове членов акционерного общества с целью совместного мирного решения вопроса о 8-часовом рабочем дне.

Требования рабочих монументных мастерских.

Рабочие монументных мастерских предложили своим хозяевам следующие требования: 1) Рабочий день должен быть безотлагательно десятичасовой, обед должен продолжаться час;

если явится необходимость продолжать работу в праздник, то таковая должна продолжаться не более пяти часов; в случае же необходимости производить работы в сверхурочное время, то за них необходимо уплатить рабочему двойную плату. 2) Каждые две недели рабочему должна выдаваться заработная плата без скидки за зимнее время, при чем расчет должен производиться по субботам в рабочее время. 3) Этим параграфом подробно урегулирована рабочими „штучная работа". 4) У каждого рабочего должна быть на руках расчетная книжка с обозначением в ней поденной платы и сдельной работы. 5) Хозяин не имеет права отказывать рабочему без уважительной причины, при чем отказ рабочего представляется на усмотрение рабочих мастерской. 6) По субботам и в предпраздничные дни работы должны оканчиваться в 4 часа вечера. 7) Пострадавший на работе должен быть обеспечен 50 коп. ежедневно за все время болезни.

Собрание рабочих монументных мастерских постановило на совещании 2-го ноября не приступать к работам до удовлетворения всех указанных требований.

— 2-го ноября состоялся митинг на Балтийском судостроительном заводе. Вынесена была следующая резолюция:

„Кровожадное правительство в последние минуты своего существования хочет кровью залить улицы Кронштадта, кровью наших товарищей, матросов и солдат.

„Мы, рабочие Балтийского завода, с восторгом приветствуем восстание в армии и флоте, ибо с ним падает последняя опора самодержавия.

„Мы всеми силами души протестуем против военных судов вообще, и в Кронштадте в частности, и требуем над матросами и солдатами гласного суда присяжных.

„Мы протестуем против бессмысленного введения военного положения в Польше, в то время как Финляндия за те же требования получила всеобщее избирательное право.

„Призывая армию на сторону народа, призывая польских товарищей к неустанной борьбе с самодержавием, мы, согласно постановлению Федеративного Совета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и Совета Рабочих Депутатов, для подкрепления нашего протеста против военного суда в Кронштадте и военного положения в Польше и других местах России, единогласно об'являем политическую забастовку, которую прекратим лишь по постановлению вышеуказанных центров. Долой военные суды! Долой военное положение и усиленную охрану"!

Митинг рабочих печатного дела 6 ноября.

В 1 час дня в Соляном Городке состоялся митинг рабочих печатного дела при не совсем обычной обстановке.

Дело в том, что градоначальник, заявив, что к нему не поступало заявление об устройстве этого митинга, разрешил его только под тем условием, чтобы в собрании присутствовал полиц. пристав, угрожая в противном случае разогнать митинг вооруженной силой. Это требование было заявлено в то время, когда большинство печатников было уже в сборе и предстояло обсудить и решить много срочных и важных вопросов. Поэтому было решено на этот раз допустить присутствие полиции на собрании, между прочим и для того, чтобы она, как сказал один из ораторов, попривыкла к речам свободных российских граждан. Но, когда уже все важные очередные дела были окончены и принята приводимая ниже резолюция, было получено постановление Совета Рабочих Депутатов, что допускать полицию на митинги в принципе признается невозможным, и если явившиеся полицейские чины не удалятся, то собрание должно быть закрыто. После переговоров председателя с приставом, отказавшимся покинуть зал, собрание решило, руководствуясь указанием Сов. Раб. Деп., закрыть митинг, и рабочие печатного дела спокойно, в строгом порядке разошлись.

Порядок дня сорванного полицией митинга был следующий: 1) протокол предыдущего общего собрания; 2) последнее постановление Совета Раб. Депутатов от 5 ноября; 3) всеобщая политич. забастовка и ее ликвидация; 4) отношение к „союзу в защиту свободного печатного слова" и 5) отношение к союзам хозяев, владельцев типографий, переплетных и проч.

После пространного обсуждения намеченных пунктов была вынесена резолюция:

„Общее собрание союза рабочих печатного дела, выслушав резолюцию Совета Рабочих Депутатов и принимая во внимание, что протест против правительственного произвола и насилия над народом в разных частях России был высказан с желательной силой и победоносным единодушием, постановило, согласно решению Совета Рабочих Депутатов: прекратить в понедельник, 7 ноября, в 12 час. дня, политическую забастовку и обратиться к немедленной и дружной организации для решительной, окончательной и полной победы над захватившими государственную власть врагами народа посредством установления в России истинно-народного правительства.

„Долой всякое насилие и эксплоатацию рабочего народа!

„Да здравствует победоносный революционный пролетариат!"

Иностранный отдел.

„Передовая буржуазия".

Пока наша „коренная" буржуазия еще стоит в нерешительности перед растущей силой пролетариата, по своей революционной неопытности, не зная куда броситься: в об'ятья ли реакции или за смелыми колоннами пролетариата, „знакомые с бурями" немцы уже, повидимому, начинают проводить испытанную буржуазную политику, и „порядок во что бы ни стало" — становится их „боевым" лозунгом. Немецкие помещики в Прибалтийском крае знают теперь своего истинного врага: это — революционный пролетариат. К тому же то обстоятельство, что в Прибалтийском крае революционный пролетариат состоит преимущественно из латышей, представляет этим рыцарям порядка еще удобный случай покичиться „цивилизаторским первенством" германской расы, которой грозит якобы опасность со стороны „необузданного и полуварварского латышского плебса". В „Berliner Tageblatt", органе немецких биржевиков, курляндский помещик плачется на безысходное положение, в которое поставлено помещичье землевладение в Курляндии, благодаря „анархии", учиненной латышскими рабочими. За обычными шовинистическими фразами о превосходстве немецкого национального духа следует характеристика курляндских помещиков, как главных врагов системы Плеве; это требуется по нынешним временам. А все народное движение в Прибалтийском крае есть, по мнению корреспондента-помещика, не что иное, как взрыв дикой национальной вражды со стороны латышей против культурных немцев. Оказывается, что и власти покровительствовали латышским рабочим (покровительство путем массовых расстрелов!) и что вообще это „анархическое" движение, примкнувшее к „анархическим стремлениям русского студенчества", играет лишь на руку полиции. Вся надежда курляндских помещиков на твердую власть, но пессимистический корреспондент не вполне предается этой надежде. „Возможно, что твердой руке Витте — если он обладает таковой — удастся справиться с надвигающейся революцией и образовать либеральное министерство, которое решительными мерами против рабочих водворит порядок в стране... А вырождающийся в нравственном и физиче-